THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

05 (И.Б.) 1903
11(4)

Годъ XII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

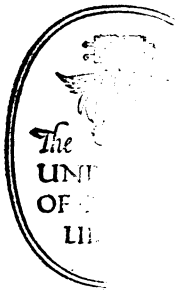
1903 г.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP50
.P57
V. 12
1903

Дозволено цензурою 27-го марта 1903 года. С.-Петербургъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

стр

1. О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ. Леонидъ Андреевъ. **М. Невѣдомскаго.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЛѢСУ. **А. Лукьянова.** 43
3. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. Разсказъ. **Вацлава Сѣрошевскаго.** . 44
4. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. III. Устройство общества въ кіевской Руси. **Н. Рожкова.** 74
5. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго. (Продолженіе). **Л. Горбуновой** 96
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. **Л. Василевскаго.** 116
7. ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ. (Повѣсть въ письмахъ). (Окончаніе). **М. Крестовской.** 117
8. БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ. Д-ра **Л. Шейниса.** 168
9. «ИСПОРТИЛАСЬ». Очеркъ. **Евгенія Чирикова.** 188
10. РАБОЧІЕ ИНСТИТУТЫ ВЪ ШВЕЦІИ. **К. Грэнхагена.** . 202
11. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе) 213
12. КОМЕТЫ ВЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ. **К. Покровскаго.** 235
13. ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. Академика **И. П. Бородина.** . . . 257
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. SCHWANSEE. **Сергѣя Маковскаго.** 272

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Беллетристическіе сборники гг. Серафимовича, Телешова, Куприна, Юшкевича.—«Трусъ», г. Куприна.—Изъ текущей беллетристики—«Не страшное» г. Короленки.—Истинно-русскія рѣчи гг. Сигмы, Меньшикова, Энгельгардта и др.—Иллюстрація «добрыхъ газетныхъ нравовъ» въ дѣлѣ Чермана, Рамма и Ѳ. Булгакова.—«Милые бранятся—только тѣшатся». **А. Б.** 1

стр.

16. О ДОБРОВОЛЬНОМЪ РАБСТВѢ. По поводу: Ек. Лѣтковой «Рабъ». 1903 г. **Ѳ. Батюшкова.** 17
17. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Вселенная-организмъ и «новые лучи».— Золото и фосфоръ въ метеоритахъ. II. Успѣхи техники: безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ; кататипія. **В. Агафонова.** 26
18. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Постановленія новгородскаго губернскаго комитета.— Земскія учрежденія въ степномъ краѣ.—Алкогольная статистика.—Бюджетъ крестьянина Саратовской губ.— Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ.—Сухумская санаторія.— За мѣсяцъ.—Некрологи. 39
19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русское Богатство»—февраль.— «Вѣстникъ Воспитанія» — январь.— «Вѣстникъ Европы» — мартъ.— «Образованіе» — мартъ). 55
20. **За границей.** Положеніе консервативной партіи въ Англіи.— Упадокъ земледѣльческой Англіи. — Протестъ противъ театральной цензуры.—Профессоръ Гарнакъ и императоръ Вильгельмъ.—Изъ области женскаго движенія. —Школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Швеціи. 64
21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Фламандская литература.—Погребенный городъ въ пескахъ пустыни и покинутый городъ въ Индіи.—Императоръ Вильгельмъ съ психологической точки зрѣнія. — Турецкій султанъ и его докладчикъ. . . 73
22. «НА ДНѢ» М. ГОРЬКАГО ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ. **Э. П.** 79
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.— Исторія русская.— Право.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигіена. — Народныя изданія.— Новыя книги, поступившія въ редакцію. 90
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ПЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе).. 89
26. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 89

О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ.

Г. Леонидъ Андреевъ.

Странное время мы переживаемъ... Что сказалъ бы русскій читатель лѣтъ 15—20 назадъ, если бы ему попалась въ руки книга въ родѣ сборника г. Андреева?—Помилуйте, никакой идеи, никакого положительнаго міросозерцанія. Мы до сихъ поръ гордились нашими беллетристами, цѣня въ нихъ именно тотъ духъ общественности и гуманности, которымъ проникнуты всѣ лучшія ихъ созданія,—тотъ духъ, которымъ наша родная литература такъ выгодно отличается отъ современной литературы Запада. А тутъ, въ этомъ Андреевѣ, что вы въ немъ найдете? Болѣзненное, злобное, предвзято-пессимистическое настроеніе; все, на подборъ, типы уродливыхъ, оторванныхъ отъ жизни, больныхъ и озлобленныхъ людей, которые трактуются не въ связи съ окружающей средой и породившими ихъ условіями, а такъ, сами по себѣ, да въ качествѣ таковыхъ, повидимому, и занимаютъ автора. Реализмъ, горькая, жестокая правда и обличенія—желательны и прекрасны. Давайте ихъ намъ, давайте побольше; но давайте ихъ такъ, какъ давалъ Достоевскій: озаряйте всѣ эти картины болѣзни и ожесточенія свѣтомъ любви и состраданія или протестующаго чувства; пусть отрицательная правда, вами изображенная, пробуждаетъ въ душѣ читателя скорбь и тоску по правдѣ положительной, пусть картины уродства и низости вызываютъ мечту о высотѣ и совершенствѣ и даже намѣчаютъ пути къ этой высотѣ и совершенству... А тутъ—ничего подобнаго... Ничего положительнаго ни въ общественномъ, ни въ моральномъ отношеніи. Скорѣе даже напротивъ: многія мысли, не только героевъ, выводимыхъ г. Андреевымъ, но и самого автора надо безусловно назвать нравственно-отрицательными. Конечно, нельзя отнять у автора значительнаго и самобытнаго художественнаго дарованія; но вѣдь тѣмъ хуже—тѣмъ опаснѣе его писанія...

Такъ высказался бы, вѣроятно, читатель 70-хъ и 80-хъ годовъ о повѣстяхъ г. Андрееева. Такъ, или почти такъ, высказались бы и критики. А если бы они могли предвосхитить прекрасную формулу Л. Н. Толстого, столь кратко и точно резюмирующую взглядъ того времени на

пскусство, они бы сказали: никчёмная литература, ничуть не служащая добру, не объединяющая, а разъединяющая людей,—вредная литература. И они были бы правы по своему: *добра* въ повѣстяхъ г. Андреева, добра въ томъ смыслѣ, какъ принято употреблять это слово,—въ смыслѣ гуманности, морали, общественности,—такого добра въ повѣстяхъ г. Андреева очень мало, оно почти отсутствуетъ въ нихъ; а если и присутствуетъ кое-гдѣ, то не къ выгодѣ этихъ повѣстей, какъ мы постараемся доказать ниже.

И что же? Этотъ почти абсолютно лишенный добра сборникъ г. Андреева раскупается черезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ печати, а затѣмъ, въ теченіе какого-нибудь года, выдерживаетъ 4 изданія. Очевидно, съ русскимъ читателемъ произошла значительная перемѣна...

Измѣнилась, впрочемъ, и критика. Вспомните судьбу А. Чехова. Онъ тоже мало содержалъ *добра* въ произведеніяхъ первой половины своей дѣятельности. И какъ долго пришлось ему завоевывать то мѣсто, которое онъ занялъ теперь, какъ долго не хотѣли признавать его! Теперь, во имя «идейности» его послѣднихъ очерковъ, критика уже смилостивилась и произнесла надъ нимъ свое «прощаю и отпускаю». Правда, читатель, и особенно молодой, довольно давно, вопреки критикѣ, привыкъ его читать и, какъ это ни странно, полюбилъ его именно въ періодъ его расцвѣта—въ періодъ, лишенный *добра*... Что касается г. Андреева, то путь ему, очевидно, былъ уже проторенъ, и критика, — та самая, которая не хотѣла раньше признавать г. Чехова,—встрѣтила его, съ первыхъ же его шаговъ, болѣе чѣмъ благосклонно *). Не этимъ однако долженъ быть объясненъ его успѣхъ у читателя... Властителей думъ, Бѣлинскихъ, у насъ въ настоящую минуту нѣтъ: время теперь другое, гораздо болѣе сложное; на всѣхъ не угодишь, всѣхъ за собой не поведешь даже въ той сравнительно однородной средѣ, гдѣ законодательствовалъ Бѣлинскій. Читатель, несомнѣнно, эмансипируется отъ критиковъ; онъ какъ будто начинаетъ убѣждаться, что имѣетъ право мыслить на свой собственный ладъ, за собственный счетъ и страхъ. И при этомъ, онъ теперь не «почитываетъ» только то, что «пописываетъ» писатель, какъ сравнительно еще недавно сѣтовалъ Щедринъ; нѣтъ, онъ читаетъ серьезно и жадно,

*) Въ послѣднее время, главнымъ образомъ на столбцахъ „Нов. Врем.“, начался ожесточенный походъ противъ г. Андреева, за „безнравственность“, изъ-за двухъ-трехъ натуралистическихъ сценъ въ его очеркахъ. Но такъ какъ началъ походъ г. Буренинъ, который давно занялъ особую позицію по отношенію къ нашей современной литературѣ, какъ бы exprofesso усматривая въ ней „все только лишь навозъ да соръ“; такъ какъ привѣтствовавшая его фельетонъ гр. С. Толстоя ограничила свой отзывъ о произведеніяхъ г. Андреева одними цитатами буренинскаго фельетона, а третій обвинитель,г. Розановъ уже разъяснилъ, что грѣхи г. Андреева проистекаютъ отъ „не уваженія къ полу“ (sic), то... все это къ дѣлу совершенно не относится.

читаетъ все, читаетъ не для препровожденія времени, а съ цѣлью использовать по своему писательскія мнѣнія. (Одно изъ фактическихъ доказательствъ тому—огромное количество серьезныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ, ежегодно поступающихъ на книжный рынокъ). Да, сложное время мы теперь переживаемъ, сложное и интересное.

Подобно Чехову и Горькому, г. Андреевъ несомнѣнно *самъ* завоевалъ, нашелъ себѣ читателя, или былъ найденъ читателемъ.

Чѣмъ завоевалъ, почему былъ найденъ?—вотъ вопросъ, на который мы хотѣли бы отвѣтить.

Но можетъ быть отвѣтъ, и самый естественный, напрашивается самъ собой... Г. Андреевъ художникъ: живой изобразительный талантъ, сочная кисть, образная, крылатая рѣчь, въ родѣ М. Горькаго,—одного этого уже достаточно, чтобы завоевать читателя, особенно въ наше время, столь скудное именно такими талантами.

Посмотримъ же, что представляетъ собою г. Андреевъ, какъ художникъ? Сначала займемся его внѣшними пріемами, его техникой, а затѣмъ и внутренней стороной его творчества. Въ первомъ отношеніи онъ является вполнѣ современнымъ художникомъ. Онъ широко пользуется тѣми техническими средствами, которыя созданы европейской беллетристикой, и, благодаря особенно Мопассану, широкой волной захлынули и къ намъ. Подобно Горькому и отчасти Чехову, онъ рѣшительный импрессіонистъ. Каждый тонъ, каждый штрихъ онъ накладываетъ не съ заботой о протокольно-вѣрномъ воспроизведеніи дѣйствительности, а *по впечатлѣнію*:—рѣзко намѣчая только наиболѣе яркую сторону того ощущенія, которымъ намѣренъ «заразить» читателя, и отбрасывая остальное. Всегда и вездѣ не детальный чертежъ, а характеръ въ линіи, впечатлѣніе въ краскѣ—вотъ импрессіонизмъ. Этотъ пріемъ нельзя регламентировать никакими общеобязательными, для всѣхъ и всюду примѣнимыми правилами. Субъективная впечатлительность художника подсказываетъ каждый разъ выборъ: въ одномъ случаѣ это будетъ моторное ощущеніе, впечатлѣніе выпуклости, впадины, величины, объема, движенія; въ другомъ—зрительное, въ третьемъ—слуховое. Можно сочинить цѣлые эстетическіе трактаты для руководства въ дѣлѣ этого выбора, но научить его дѣлать, научить писать по импрессіонистки—все равно кистью, перомъ ли—нельзя.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ импроссіонистской живописи г. Андреева. Вотъ прелестныя первыя строки очерка «Бездна»,—чудная, можетъ быть лучшая по живописи, сценка во всемъ сборникѣ.

„Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологомъ холмѣ, темнѣла небольшая роща, и сквозь вѣтви деревьевъ краснымъ раскаленнымъ углемъ пылало солнце, зажигало воздухъ и весь его превращало въ огненную золотистую пыль. Такъ близко и такъ ярко было солнце, что все кругомъ словно исчезало, а он только одно оставалось, окрашивало дорогу и равняло ее. Глазамъ идущихъ стало больно, они повернули назадъ, и сразу передъ ними все потухло, стало

*

спокойнымъ и яснымъ, маленькимъ и отчетливымъ. Гдѣ-то далеко, за версту или больше, красный закатъ выхватилъ высокій стволъ сосны, и онъ горѣлъ среди зелени, какъ свѣча въ темной комнатѣ; багровымъ налетомъ покрылась впереди дорога, на которой теперь каждый камень отбрасывалъ длинную черную тѣнь, да золотисто-краснымъ ореоломъ свѣтились волоса дѣвушки, пронизанные солнечными лучами. Одинъ тонкій вьющійся волосъ отдѣлился отъ другихъ и вился и колебался въ воздухѣ, какъ золотая паутинка.

„И то, что впереди стало темно, не прервало и не измѣнило ихъ разговора. Такой же ясный, задушевный и тихій, онъ лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви. Оба они были очень молоды: дѣвушкѣ было всего семнадцать лѣтъ. Нѣмовецкому на четыре года больше, и оба они были въ ученической формѣ: она въ скромномъ коричневомъ платьѣ гимназистки, онъ въ красивой формѣ студента-технолога. И какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое: стройныя, гибкія фигуры, словно пронизанныя воздухомъ и родныя ему, легкая упругая поступь и свѣжіе голоса, даже въ простыхъ словахъ звучавшіе задумчивой нѣжностью, такъ, какъ звенитъ ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ темныхъ полей“.

«Весь воздухъ — огненная *золотистая пыль...*», «*Близкое* яркое солнце», а потомъ—«багровый *налетъ* на дорогѣ» и длинныя тѣни; золотистый ореолъ волосъ, *пронизанныхъ* солнечнымъ лучомъ, и тонкая «золотая паутинка» отдѣлившагося волоска — все это зрительный импрессіонизмъ—настоящая живопись: два, три характерныхъ тона, и глазъ уже дорисовываетъ остальное и видитъ лучше, чѣмъ если бы ему былъ представленъ обстоятельный рапортъ. А въ концѣ цитированнаго мѣста уже смѣшанный пріемъ: передается цѣлостное впечатлѣніе отъ двухъ юныхъ существъ и зрительными, и звуковыми, и моторными ощущеніями: стройныя, гибкія фигуры, легкая упругая поступь... И особенно покоряетъ васъ зрительный символъ: «словно пронизанныя воздухомъ и *родныя* ему». Вся сила въ какихъ-нибудь двухъ словахъ, которыя надо было только выбрать. Смѣемъ увѣрить читателя, что это мопассановское *умѣніе выбирать* онъ съ трудомъ найдетъ у Тургенева и его сверстниковъ, почти не встрѣтитъ у Толстого и совсѣмъ не найдетъ у Гоголя. А вотъ звуковая картина изъ «Набата»:

„Я открылъ глаза и сразу понялъ, что это набатъ, и что горитъ ближайшее село—Слободищи. Въ комнатѣ было темно, и окно закрыто, но отъ страшнаго зова она вся, съ своей мебелью, картинами и цвѣтами, какъ будто вышла на улицу, и не чувствовалось ни стѣнъ, ни потолка.

„Не помню, какъ я одѣлся, и не знаю, почему я побѣжалъ одинъ, а не съ людьми...

„Теперь звуки были ясны и точны и летѣли съ безумной быстротой, какъ рой раскаленныхъ камней. Они не кружились въ воздухѣ, какъ голуби тихаго вечерняго звона, они не расплывались въ нихъ ласкающей волной торжественнаго благовѣста—они летѣли прямо, какъ грозные глашатаи бѣдствія, у которыхъ нѣтъ времени оглянуться назадъ, и глаза расширены отъ ужаса.

„— Бамъ! Бамъ! Бамъ!—летѣли они съ неудержимой стремительностью, и сильные обгоняли слабыхъ, и всѣ вмѣстѣ впивались въ землю и пронизывали небо“.

«*Не чувствовалось ни стѣнъ, ни потолка*», у звуковъ «нѣтъ времени оглянуться назадъ, *и глаза расширены отъ ужаса*», они «впивались въ землю и пронизывали небо»—вотъ рядъ мастерскихъ мазковъ, съ изумительной силой воспроизводящихъ состояніе ужаса, доходящаго до своихъ крайнихъ предѣловъ, которое вызываетъ въ душѣ набатъ.

Л. Толстой говоритъ въ своемъ «Что такое искусство?», что тайна художественности состоитъ въ умѣніи найти на струнѣ математически точно ту точку, при нажимѣ которой получится вѣрный тонъ. Совершенно невѣрное опредѣленіе для музыки, оно ничего не даетъ и вообще: дѣло не въ объективной точности и вѣрности звука, не въ математической точкѣ, которую надо нащупать пальцемъ; иначе величайшимъ художникомъ пришлось бы признать какой-нибудь механическій органъ съ очень точнымъ механизмомъ, это орудіе пытки для всякаго музыкальнаго уха! Вся суть и вся тайна внѣшнихъ пріемовъ художественнаго творчества коренится не въ объективной точности, а въ безусловно субъективномъ и *произвольномъ* выборѣ той точки, на которую долженъ нажать палецъ, говоря фигурально;—въ произвольномъ выборѣ той стороны явленія, которая сразу посвятитъ зрителя, читателя, слушателя въ переживаемое художникомъ настроеніе. Само собою разумѣется, что произволъ здѣсь только кажущійся. Если выборъ точки и не подлежитъ никакой регламентаціи, если онъ есть дѣло полубезсознательнаго художественнаго чутья, то все же въ каждомъ данномъ случаѣ выборъ долженъ остановиться на чемъ-нибудь одномъ и обязательно только на этомъ. Въ такомъ смыслѣ «точка» выходитъ, дѣйствительно, *математической*. И это единственная математическая точка, единственная правда и точность, возможныя и нужныя въ искусствѣ. Новое искусство хорошо это поняло, и потому распрощалось съ фотографіей и протоколомъ и стало импрессіонистскимъ.

Приведемъ еще образецъ сложнаго импрессіонизма, со смѣшаннымъ, комбинированнымъ выборомъ «математической точки», отмѣчая курсивомъ интересующія насъ выраженія.

Алексѣя Степановича, механика на мельницѣ (очеркъ «На рѣкѣ»), будитъ работникъ Никита (механикъ заснулъ послѣ мрачныхъ размышленій объ отношеніяхъ къ нему жителей слободы, парни которой недавно побили его за амурныя похожденія). На дворѣ первый весенній день.

„Полный *темными* впечатлѣніями ночи Алексѣй Степановичъ неохотно повернулся отъ стѣны и былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ, наполнявшимъ комнату. Въ окно *падалъ золотой столбъ* солнечнаго свѣта и *въ немъ* весело поблескивалъ пыхтѣвшій самоваръ; а снаружи неслись бодрые звуки голосовъ и *отчаянно звонкое* щебетаніе воробьевъ. Никита, подававшій самоваръ, открылъ форточку, и оттуда несло *ароматнымъ* *тепломъ*, *ласкавшимъ горло* и щекотавшимъ въ носу. Первый разъ за недѣлю выглянуло солнышко, и все радовалось ему“.

Повторяемъ, такъ пишетъ Горькій, отчасти Чеховъ, и пріемы эти почти вовсе были чужды нашему художеству предшествующаго періода. Особенно, если говорить о прозѣ. У стихотворцевъ, конечно у лучшихъ изъ нихъ, и прежде всего у Пушкина, можно найти этотъ пріемъ. Оно и естественно. Истинное искусство всегда отправляется отъ непосредственнаго впечатлѣнія и идетъ къ впечатлѣнію же, перефразируя извѣстную поговорку: въ немъ всегда впечатлительность впечатлительности вѣсть подаетъ. А поэзія стихотворная давно у насъ стала искусствомъ въ большей степени, чѣмъ прозаическая беллетристика, которая всегда (до самыхъ послѣднихъ дней) содержала въ себѣ изрядную примѣсь морали, педагогики, публицистики. Кромѣ того, стихотворцы прямо технически были заинтересованы въ пріисканіи методовъ, дающихъ концентрированность выраженія, экономію средствъ, и имъ естественно было выбирать «математическую точку».

Кромѣ импрессіонисткой живописи, въ пріемахъ г. Андреева есть еще два новшества: синтетическое трактованіе предмета и окружающей среды и драматическій методъ повѣствованія. Первый пріемъ заключается въ томъ, что обстановка изображается, не какъ фонъ только, на которомъ выступаютъ дѣйствующія лица, а трактуется въ связи съ этими лицами: прослѣживается постоянно воздѣйствіе ея на нихъ, какъ бы прослѣживаются тѣ рефлексы, которые она отбрасываетъ на ихъ фигуры. Новыхъ примѣровъ намъ приводить не нужно; прекрасными образцами этого пріема могутъ служить недавно приведенныя цитаты: одна изъ «Бездны», изображающая «пронизанныя воздухомъ» фигуры двухъ влюбленныхъ юнцовъ, а другая изъ очерка «На рѣкѣ»—сцена пробужденія машиниста при яркомъ свѣтѣ весенняго солнца. Этотъ пріемъ вы найдете и въ началѣ очерка «Въ подвалѣ», гдѣ въ сумерки «изъ темныхъ угловъ медленно поднимается смерть, сторожащая больного» героя очерка; въ послѣдней вещи г. Андреева «Въ туманѣ» («Журналъ для всѣхъ» 1902 г., № 12) самое заглавіе какъ бы устанавливаетъ связь между пейзажемъ и судьбою злополучнаго героя. Г. Андреевъ вообще нигдѣ не измѣняетъ этому пріему. Подобно импрессіонизму онъ занесенъ къ намъ сравнительно недавно изъ Европы, и еще Тургеневъ, напримѣръ, не зналъ его: у него вы постоянно чувствуете отсутствіе связи между фономъ и фигурами; пейзажу у него то и дѣло отводится особое мѣсто и онъ тщательно занимается имъ, какъ чѣмъ-то самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ. Пріемъ, названный нами драматическимъ методомъ повѣствованія, имѣетъ своимъ источникомъ тотъ же импрессіонизмъ, туже экономію и концентрированность средствъ, о которыхъ мы только что говорили; но здѣсь дѣло идетъ не о статикѣ изображаемаго типа или явленія, а о выясненіи ихъ генезиса, ихъ прошлаго. Тургеневъ мало-по-малу, къ концу своей дѣятельности, освобождался отъ старинаго пріема давать curriculum vitae и даже родословную своихъ ге-

роевъ (составлять «протоколъ» ихъ прошлому). Толстой всегда начинаетъ ex abrupto, драматически; но часто затѣмъ возвращается къ прошлому, къ исторіи. Мопассанъ, а за нимъ Чеховъ всегда начинаютъ драмой и продолжаютъ драмой, на самихъ фактахъ, въ разговорахъ или въ дѣйствіяхъ, вскрывая передъ нами личность героя. Даже о внѣшности, о манерахъ, и интонаціяхъ голоса они даютъ намъ представленіе, лишь исподволь, мимоходомъ вставляя тотъ или иной штрихъ среди дѣйствій и разговоровъ, такъ сказать, подъ шумокъ ихъ.

Г. Андреевъ вездѣ и неизмѣнно слѣдуетъ этому пріему. Онъ часто даже не называетъ по именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ началѣ очерка, а такъ и начинаетъ съ мѣстоименій третьяго лица.

„*Они* играли въ винтъ три раза въ недѣлю“,— такъ начинается „Большой шлемъ“.

„Уже кончался день, а *они* двое все шли“ („Бездна“).

„*Онъ* сильно пилъ, потерялъ работу“ („Въ подвалѣ“).

„Ты лжешь, я знаю ты лжешь... И здѣсь *она* лгала...“ („Ложь“).

И ужъ всегда съ самыхъ первыхъ словъ вводитъ въ самое сердце драмы, изображаемой очеркомъ.

„Я и другой прокаженный, мы осторожно подползли къ самой стѣнѣ и посмотрѣли вверхъ. Отсюда гребня стѣны не было видно; она поднималась, прямая и гладкая, и точно разрѣзала небо на двѣ половины. И наша половина неба была буро-черная, а къ горизонту темно-синяя, такъ что нельзя было понять, гдѣ кончается черная земля и начинается небо.

Это начальныя строки очерка «Стѣна»: въ нихъ содержится какъ бы проспектъ всего очерка.

«Молчаніе» начинается съ драматической мольбы попадьи: «Отецъ, пойдемъ къ Вѣрочкѣ»—пойдемъ, чтобы разрѣшить ту загадку, которую Вѣрочка уноситъ съ собою въ могилу, чтобы разрушить то молчаніе, которое составляетъ трагедію и проклятіе всего дальнѣйшаго существованія отца Игнатія.

Благодаря такому пріему, читатель сразу входитъ въ интимные интересы героя или героевъ, сразу окунается въ ту атмосферу, которой они дышатъ, и съ первыхъ строкъ уже какъ бы закупленъ: какъ бы участвуетъ въ ихъ жизни, «зараженъ» ею. Наивная средневѣковая драма не обходилась безъ прологовъ; прологи и введенія еще недавно процвѣтали въ романахъ. Теперь художники открыли, что самое лучшее введеніе—это именно сразу *ввести* въ дѣйствіе. Много лѣтъ понадобилось для такого простого открытія; но вѣдь и все простое открывалось длиннымъ путемъ отбрасыванія лишняго, усложняющаго. Загляните хотя бы въ исторію физики и вы убѣдитесь въ этомъ, какъ нельзя нагляднѣе.

Этимъ импрессіонизмомъ въ литературной живописи, да синтетическимъ и драматическимъ пріемами повѣствованія, и исчерпываются, на нашъ взглядъ художественные *плюсы* г. Андреева. Къ нимъ, впрочемъ, надо еще прибавить прекрасный, умный, точный, словно изъ

стали отточенный языкъ и тщательную обработку стиля — качества, которыми г. Андреевъ выгодно выдѣляется изъ большинства современныхъ беллетристовъ. Все это конечно большіе плюсы; мы думаемъ даже, что въ наше время иначе писать нельзя, что вкусъ публики уже установился въ этомъ отношеніи, что эти пріемы являются обязательными для всякаго беллетриста, желающаго теперь сказать что нибудь современному культурному человѣку. Въ большей или меньшей степени вы можете усмотрѣть эти пріемы у всѣхъ современныхъ беллетристовъ. Нѣкоторые, даже за сравнительно недолгое время своей дѣятельности, мѣняются именно въ этомъ направленіи. Такъ В. Вересаевъ, начавшій съ пріемовъ тургеневской эпохи постепенно пришелъ къ новой манерѣ. Въ этомъ отношеніи, его маленькіе разсказы, печатавшіеся въ «Мірѣ Божьемъ» за 1901 г. и особенно послѣдній изящный очеркъ «Паутина» («Образованіе», № 11 за 1902 г.) рѣзко отличаются отъ его первыхъ вещей. Но какъ бы ни были велики эти чисто внѣшніе плюсы г. Андреева, какъ бы ни ярокъ былъ его живописный талантъ, уступающій изъ молодыхъ беллетристовъ только одному Горькому, для насъ несомнѣнно, что не одной этой внѣшней стороной опредѣляется его успѣхъ. Не беллетристическіе пріемы его повинны въ томъ, что, по выраженію г. Савича (въ замѣткѣ о г. Андреевѣ въ «Revue»), русскіе люди одно время не иначе встрѣчали другъ друга, какъ вопросомъ: «Читали Андреева?» Не эти пріемы вызвали и рядъ рефератовъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ петербургскомъ кружкѣ имени Полонскаго или въ научно-литературномъ обществѣ въ Одессѣ: въ этихъ рефератахъ меньше всего удѣлялось мѣста именно эстетической сторонѣ его творчества.

Покончивъ съ плюсами, переходимъ къ минусамъ.

Прежде всего, даже въ указанномъ отношеніи, въ примѣненіи новыхъ художественныхъ пріемовъ, г. Андреевъ далеко не безупреченъ. Извѣстная преднамѣренность, искусственность, даже манерность постоянно замѣчаются въ его живописи. Часто чувствуется, что импрессіонизмъ его пускается въ ходъ глубоко сознательно и планомѣрно, является разсчитаннымъ, лишеннымъ непосредственности, а иногда переходитъ въ эффектничаніе. Мы привели, дѣйствительно, избранные образцы изъ его очерковъ. Въ цитированныхъ мѣстахъ нельзя усмотрѣть только что указанныхъ недостатковъ. Приведемъ теперь образчики и другого рода.

Рядомъ съ приведенной выше звуковой картиною изъ «Набата» есть такое мѣсто:

„Была ночь и я безпокойно дремалъ, когда въ мое ухо вошелъ тупой и отрывистой звукъ, какъ будто шедшій изъ подъ пола, вошелъ и застылъ въ мозгу, какъ круглый камень. За нимъ сорвался другой, такъ же короткій и тяжелый, и головѣ сдѣлалось тяжело и больно, словно густыми каплями на нее капалъ расплавленный свинецъ“.

Этотъ избытокъ конкретно-чувственныхъ поясненій для передачи психическаго ощущенія, весь этотъ арсеналъ болетворныхъ орудій представляется намъ искусственно нагроможденнымъ и черезъ мѣру эффектнымъ, а посему и не производящимъ никакого эффекта. Въ этомъ очеркѣ читатель легко найдетъ еще не одинъ подобный образчикъ импрессіонизма, пущеннаго въ ходъ a froid, по мѣткому слову Л. Толстого, и отсутствія чувства мѣры. Сюда надо отнести самый образъ съумасшедшаго, на котораго натыкается разсказчикъ на пути къ мѣсту пожара. Казалось бы, и такъ слишкомъ достаточно всякихъ ужасовъ: «камней», «расплавленнныхъ капель» и т. п. Нѣтъ, понадобился еще сумасшедшій, у котораго «лицо было блѣдно, и мокрая, не засохшая еще кровь покрывала щеку и блестѣла, отражая огонь»; онъ бѣжитъ слѣдомъ за мальчикомъ и поетъ все «громче и веселѣе», передразнивая набатъ: «Бамъ, бамъ, бамъ»!!... Это уже не яркость образовъ и красокъ, а *красочность*, не здоровый и тонкій импрессіонизмъ, а либо холодно-разсчитанное и лишенное вкуса исканіе эффектовъ, либо какое-то патологическое стремленіе терзать нервы и себѣ, и читателю. Такимъ же нагроможденіемъ ужасовъ является вся жизнь отца Игнатія (въ очеркѣ «Молчаніе») съ момента самоубійства его дочери. Вотъ что онъ, по увѣренію г. Андреева, переживалъ на кладбищѣ, послѣ долгой и тщетной мольбы къ покойной о раскрытіи тайны ея смерти:

„И о. Игнатій, еще разъ оглянувшись кругомъ, отстранилъ волосы отъ уха и прилегъ имъ къ жесткому, колючему дерну.

„— Вѣра, скажи!

„И съ ужасомъ почувствовалъ о. Игнатій, что въ ухо его вливается что-то могильно-холодное и студитъ мозгъ, и что Вѣра говоритъ, — но говоритъ она все тѣмъ же долгимъ молчаніемъ. Все тревожнѣе и страшнѣе становится оно, и когда о. Игнатій съ усиліемъ отдираетъ отъ земли голову, блѣдную, какъ у мертвеца, ему кажется, что весь *воздухъ дрожитъ и трепещетъ отъ гулкаго молчанія, словно на этомъ страшномъ морѣ поднялась дикая буря.* Молчаніе душитъ его; оно ледяными волнами перекатывается черезъ его голову и шевелитъ волосы; оно разбивается о его грудь, стонущую подъ ударами".

Подъ тирадой, которую мы отмѣтили курсивомъ, не отказался бы подписаться самъ г. Валерій Брюсовъ или кто-нибудь изъ его соратниковъ: дикая буря на страшномъ морѣ гулкаго молчанія!

Но геркулесовыхъ столповъ вычурности и чрезмѣрности г. Андреевъ достигаетъ въ символическомъ очеркѣ «Стѣна». Уже не говоря о томъ, что на авансцену, въ качествѣ представителей измученнаго, но жаждущаго идеала и счастья—человѣчества, выведены «я и еще одинъ прокаженный», у коего «голосъ былъ гнусавый и зловонный, такой же, какъ у меня», даря г. Андрееву эти дѣланные, тривіальные, искусственно-мучительные образы, нельзя не оцѣпенѣть передъ такими экцессами мучительства надъ читателемъ и такой извращенной фантазіей, какъ сцена танцевъ прокаженнаго со здоровой дѣвушкой.

«Я обнималъ ее, а она смѣялась, и зубки у нея были бѣленькіе, бѣленькіе, и щечки розовенькія, розовенькія. Это было такъ пріятно»! Танецъ заканчивается тѣмъ, что оба танцующіе начинаютъ, здорово живешь, безъ всякихъ видимыхъ основаній «грызть другъ друга и убивать».

До сихъ поръ мы брали картины, которымъ авторъ придаетъ характеръ ужаснаго, устрашающаго. A la guerre comme à la guerre, скажутъ пожалуй иные: здѣсь всѣ средства хороши. Но тѣ же недостатки мы найдемъ и въ изображеніи совсѣмъ мирныхъ картинокъ и сценъ. Въ очеркѣ «Большой шлемъ» есть подробность, опредѣляющая все его содержаніе: четверо людей въ теченіе шести лѣтъ, трижды на каждой недѣлѣ собираются вмѣстѣ для игры въ карты, и ровно ничего другъ про друга не знаютъ, даже адресовъ не знаютъ. Только внезапная смерть одного изъ игроковъ и затрудненіе, какъ извѣстить его домашнихъ, побуждаетъ хозяйку дома справиться у другого сотоварища по зеленому полю: «А вы, Яковъ Ивановичъ, все на той же квартирѣ?» Этой справкой и заканчивается очеркъ. Согласитесь, что это слишкомъ эффектно, или, попросту, совершенно фальшиво. Отношеніе Сашки и его отца къ восковому «ангелочку» (въ очеркѣ того же названія) грѣшитъ тѣмъ же недостаткомъ. Каковъ бы ни былъ предвзятый субъективизмъ зрителей, но можно ли слѣдующимъ образомъ рисовать впечатлѣніе отъ простой игрушки, елочнаго украшенія (которыя, какъ извѣстно, изготовляются не въ мастерскихъ Фидіевъ и Праксителей, а продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и мелочныхъ лавкахъ): «Все добро, сіяющее надъ міромъ, все глубокое горе и надежду тоскующей о Богѣ души впиталъ въ себя ангелочекъ, и оттого онъ горѣлъ такимъ мягкимъ божественнымъ свѣтомъ, оттого (!) трепетали безшумнымъ трепетаніемъ его прозрачныя стрекозиныя крылышки». Къ тому же разряду «мирныхъ» дефектовъ надо отнести и письмо канцеляриста Андрея Николаевича («У окна») къ его возлюбленной: чтобы показать до чего вывѣтрилась и высохла душа героя, г. Андреевъ заставляетъ его сочинить настоящій рапортъ въ балаганно-канцелярскомъ стилѣ, напоминающемъ извѣстные куплеты писаря въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»; сюда же относится, пожалуй, весь очеркъ «Ложь», почти сплошь состоящій изъ склоненія по падежамъ этого слова и спряженія глагола «лгать»...

Г. Андреевъ доходитъ до нѣкоторой вычурности и въ примѣненіи того пріема, которой мы назвали драматическимъ. Мы уже выписали выше рядъ первыхъ строчекъ его очерковъ, начинающихся съ мѣстоименій третьяго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ злоупотребляетъ этимъ, что и здѣсь обнаруживается искусственность, битье на эффектъ.

Но довольно о внѣшнихъ минусахъ г. Андреева. Есть въ его творчествѣ дефекты и внутренняго свойства, и гораздо болѣе серьезные.

Еще Бѣлинскій устанавливалъ различіе, впослѣдствіи, къ сожалѣ-

нію, у насъ забытое, между двумя типами художниковъ, двумя родами художественнаго творчества. Или художникъ отправляется отъ непосредственныхъ переживаній и путемъ полу-ирраціональнаго процесса художественной интуиціи доходитъ до возсозданія существеннаго, общаго, типичнаго. Тогда онъ изображаетъ жизнь, какъ она есть, даже вѣрнѣе, чѣмъ она есть, ибо очищаетъ ее въ своемъ воспроизведеніи отъ всего случайнаго и преходяще-частнаго. Онъ истолковываетъ намъ жизнь посредствомъ своихъ конкретныхъ образовъ, но не резюмируетъ, не подводитъ итога, а лишь подсказываетъ намъ его своими образами. Не подводитъ онъ итога, не формулируетъ его потому, что не въ силахъ этого сдѣлать ни онъ и никто изъ его современниковъ, стоящихъ на одномъ съ нимъ уровнѣ жизнепониманія и культуры. Но тотъ синтезъ, къ которому онъ лишь подводитъ сегодня своими полуирраціональными, художественными путями, завтра будетъ сформулированъ человѣчествомъ съ философской опредѣленностью и раціональностью. Такой художникъ предтеча философа. Его дѣятельность есть истинно художественное творчество, одна изъ важнѣйшихъ отраслей культуры и соціальнаго жизнестроительства, совершенно самостоятельная область, равная или даже высшая по своему значенію съ наукой, съ моральной философіей.

Или художнику кажется, что онъ владѣетъ уже готовой отвлеченной истиной или истинами, и онъ иллюстрируетъ ихъ въ своихъ образахъ, дабы сдѣлать ихъ понятными и доступными другимъ, дабы пріобщить къ нимъ этихъ другихъ. Это не художникъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а беллетристъ-иллюстраторъ. У художниковъ перваго типа процессъ идетъ отъ впечатлѣнія къ обобщенію и укладывается въ сумму индуктивной работы человѣческаго духа; при этомъ онъ логически какъ бы не доводится до конца, а доброй половиной своей остается въ области подсознательнаго. У второго типа готовое обобщеніе лишь аналитически облекается въ наглядныя, удобопонятныя формы. Въ первомъ случаѣ предчувствуется и подсказывается новый синтезъ, новая истина, художникъ является провидящимъ и формующимъ новую правду, какъ бы пророкомъ (Карлейль именно такъ и называетъ его); во второмъ онъ лишь популяризаторъ. Степень дарованія, количественная сторона его не играетъ при этомъ никакой роли: все дѣло въ качествѣ. И небольшой талантъ можетъ быть «пророкомъ», если только онъ искренній, чуткій созерцатель, ибо и онъ можетъ подводить свой художественный итогъ жизни. И каждый честный посильный итогъ внесетъ свою индивидуальную ноту въ общій хоръ, свою лепту въ работу человѣческаго самопознанія и окажется «пророчествомъ»: художественные итоги, сводимые въ данную эпоху, всегда въ силу вещей, благодаря новому воздуху, которымъ дышитъ художникъ, отличаются отъ итоговъ предшествующей эпохи (которые уже сформулировны, которыми всѣ живутъ и которыми заниматься уже

нечего) и содержатъ въ себѣ элементы будущаго. Обращаясь къ частнымъ случаямъ, мы замѣтимъ, что г. Вересаевъ, напримѣръ, съ внѣшней стороны не столь одаренный, какъ г. Андреевъ, долженъ быть зачисленъ въ категорію «пророковъ», ибо онъ прежде всего честный созерцатель, въ лучшихъ своихъ вещахъ отправляющійся отъ наблюденій и переживаній, вдумчивый искатель итоговъ; даже его «Записки врача», представляющія такую неизящную смѣсь художества съ публицистикой и антропологіей, говорятъ о томъ же его свойствѣ, какъ художника. Г. Андреевъ же, несомнѣнно, принадлежитъ къ художникамъ второго, низшаго типа, къ беллетристамъ, по терминологіи Бѣлинскаго. Указанные два типа рѣдко наблюдаются въ цѣльномъ и чистомъ видѣ; художники въ своемъ творчествѣ по большей части идутъ смѣшаннымъ путемъ, и потому лишь приближаются одни къ первому типу, другіе ко второму. Г. Андреевъ очень яркій, безпримѣсный представитель своего типа, типичный беллетристъ-иллюстраторъ. Онъ всегда работаетъ на готовую тему, которой задался впередъ; мысль его почти всегда опредѣленна и ясна: пусть это будетъ вопросъ, которому онъ еще не нашелъ рѣшенія, но это не предвкушеніе синтеза, а анализъ, именно *мысль*. Мы беремся доказать, что у него нѣтъ почти ни одного художественнаго типа, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, почти ни одного характера; нѣтъ бытового элемента, нѣтъ, словомъ, художественнаго воспроизведенія жизни.

Что такое художественной типъ или характеръ? Это, образъ, соединяющій въ себѣ сумму внѣшнихъ и психическихъ данныхъ, внутренно связанныхъ между собою, психологически опредѣляющихъ одно другое, а въ совокупности своей опредѣляющихъ одну изъ тѣхъ жизненныхъ разновидностей, на которыя распадается человѣчество, одну изъ тѣхъ категорій, на которыя человѣчество по мѣрѣ своего развитія и роста самопониманія медленно и постепенно, но все съ большимъ и большимъ совершенствомъ научается подраздѣлять себя. Это подраздѣленіе, эта классификація, служащія дѣлу тѣхъ жизненныхъ итоговъ, о которыхъ мы только что говорили и столь же жизненно необходимыя, были и остаются всецѣло достояніемъ искусства. Научныя, вполнѣ раціоналистическія данныя для такой классификаціи еще отсутствуютъ. Путемъ безсознательно накопленнаго психологическаго опыта мы по двумъ-тремъ даннымъ уже отгадываемъ остальныя, дорисовываемъ всего человѣка, ибо чувствуемъ ту внутреннюю связь, то соотношеніе въ какомъ эти данныя находятся. Художники и здѣсь, подобно тому, какъ они *выбираютъ* въ техникѣ, умѣютъ выбрать именно тѣ данныя, которыя облегчатъ намъ наше отгадываніе, наше *пониманіе* всего типа. И вотъ заполучивъ такую художественно *выбранную* часть, мы понимаемъ цѣлое, мы какъ бы умѣемъ становиться на мѣсто изображаемаго человѣка; намъ кажется, что мы можемъ мыслить и чувствовать за него, говоритъ его голосомъ,

дѣлать его жесты. Такъ относимся мы къ тѣмъ огромнымъ категоріямъ, на которыя разбили человѣчество Шекспиры, Пушкины, Гоголи; такъ понимаемъ мы Рудина, Базарова, Лизу. Великій художникъ нашъ Л. Толстой, совмѣщающій въ себѣ и творца-пророка, и беллетриста, и моралиста, среди проповѣдей своихъ успѣлъ поставить передъ нами живьёмъ не одну такую категорію, въ родѣ Каратаева, Нехлюдова, княжны Элленъ, Карениной, Каренина. Хмурые, недоговоренные, не совсѣмъ ясные образы А. Чехова все же даютъ намъ обрывки того же пониманія, намеки на тѣ же категоріи. Большими по своему захвату обобщеніями прокидываются среди неукротимой моральной пропаганды Максима Горькаго образы Шакро («Спутникъ»), отца и сына («На плотахъ»), Маякина и Ѳомы («Ѳома Гордѣевъ»). У г. Андреева мы съ трудомъ отыщемъ два-три образа, которые могли бы стать рядомъ съ только что названными не только въ качествѣ художественно-равноцѣнныхъ, но даже въ качествѣ однородныхъ по своей художественной сущности.

Въ цѣлой серіи его очерковъ мы находимъ только одинъ дѣйствительно художественный, т.-е. непосредственно воспроизводящій жизнь: это «Жили-были». И двѣ фигуры, выведенныя въ немъ, фигура купца Кошевѣрова и его антитезы, сосѣда по бѣльничной койкѣ, діакона, являются, пожалуй, единственными у г. Андреева вполнѣ живыми реалистическими образами. Всю жизнь растратившій въ одинокомъ озлобленіи, «безъ нужды, безъ пользы, безъ радости», въ молодые годы на воровство у хозяина подъ угрозой жестокихъ побоевъ, а затѣмъ «душившій своимъ капиталомъ маленькихъ людей» и, въ свою очередь, жестоко бившій тѣхъ, кто попадался ему въ воровствѣ, «богатый и одинокій» купецъ Кошевѣровъ лежитъ въ больницѣ; онъ принялъ мѣры, чтобы избавиться отъ всякихъ посѣтителей, и лежитъ со своимъ опухшимъ животомъ на койкѣ, съ угрюмымъ стоицизмомъ дожидаясь смерти. А діаконъ живая, слезливо-восторженная натура, суетится рядомъ съ нимъ, ко всякому слову приговаривая «за милую душу», объясняется въ любви всѣмъ окружающимъ и страшно не хочетъ умирать, ибо ему «солнушка жалко»: «Ахъ отецъ, отецъ! Солнушка жалко. Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ... въ Тамбовской губерніи свѣтитъ. За ми .. за милую душу!» Въ этихъ двухъ фигурахъ, несомнѣнно, много заправдашней жизненности. Съ особенной полнотою обрисованъ Кошевѣровъ. Каждый изъ насъ сталкивался съ подобными дѣятелями прилавка, отгородившими себя этимъ прилавкомъ отъ людей и заугрюмѣвшихъ въ своей оторванности до потери самой элементарной общительности, самой элементарной способности сочувствовать. Аналогичный съ кое-чѣмъ ранѣе въ этомъ родѣ писаннымъ (напомнимъ итоги купецкаго житья, которые подводитъ Луневъ въ «Троихъ» Горькаго), этотъ свѣжій, сильный и законченный образъ заставляетъ забывать своихъ предшественниковъ именно въ силу своей законченности.

Здѣсь читатель получаетъ полное *пониманіе* и до того роднится со злой и угрюмой душой, заключенной въ нѣкогда могучее, а теперь обезображенное болѣзнью тѣло «богатаго и одинокаго» купца, что возмутительная, циничная выходка Кошевѣрова въ концѣ очерка не вызываетъ въ немъ негодованія: кажется, что и самъ, на его мѣстѣ, такъ же отнесся бы къ суетливому оптимисту, придавилъ бы его подслушанной у врачей новостью, что ему жить уже недолго.

Но если образъ Кошевѣрова—полный и цѣльный образъ, если въ немъ звучатъ всѣ ноты того аккорда, который представляетъ собою всякое живое существо съ человѣческимъ обликомъ, то остальныя фигуры, нарисованныя г. Андреевымъ, напоминаютъ не аккордъ, не хоръ, а въ отдѣльности тѣхъ крестьянъ-рожечниковъ, которые всю жизнь тянутъ каждый одну ноту, лишь вмѣстѣ составляя хоръ. Это не типы, не характеры, а лишь *положенія*. И люди, которыхъ авторъ ставитъ въ эти положенія, послушно тянутъ каждый свою, одну только—ноту. Въ самомъ дѣлѣ, попытайтесь, напримѣръ, стать на мѣсто которагонибудь изъ четверыхъ игроковъ въ «Большомъ шлемѣ», ухитритесь послѣ шестилѣтняго знакомства не знать ни рода занятій, ни общественнаго положенія, ни даже мѣста жительства своихъ партнеровъ!.. Это вамъ не удастся, и именно по той причинѣ, что игроки эти не живые люди, а лишь рожечники, тянущіе каждый порученную ему авторомъ ноту, впрочемъ въ данномъ случаѣ даже всѣ вчетверомъ—одну ноту, ибо почти никакими индивидуальными признаками авторъ ихъ не надѣлилъ... Но зато невозможно не разслышать той унылой ноты, которую они всѣ вчетверомъ тянутъ, она ясна и очевидна: это мысль г. Андреева о полной разобщенности, царящей въ нашей жизни, объ одиночествѣ, возможномъ даже на людяхъ, вчетверомъ. Мы не знаемъ толкомъ, что это за люди, какая обстановка, какія жизненныя условія довели ихъ до этой разобщенности и равнодушія другъ къ другу; въ картинѣ нѣтъ ничего реалистическаго, она утрирована, вымышлена; но, какъ символъ, ярко и ясно передающій намъ мысль автора, она дѣлаетъ свое дѣло. Нужно было умереть одному изъ игроковъ, чтобы другой задумался надъ жизнью, продѣлалъ силлогизмъ «Кай—человѣкъ и проч.» и какъ бы умозаключилъ отсюда, что у него есть что-то общее съ покойнымъ партнеромъ, помимо зеленаго поля:

„Никогда,—медленно, по слогамъ, произнесъ Яковъ Ивановичъ, чтобы убѣдиться, что такое слово существуетъ и имѣетъ смыслъ (онъ соображаетъ, что Николай Дмитріевичъ умеръ и никогда не узнаетъ, что у него на рукахъ былъ вѣрный большой шлемъ). Такое слово существовало и имѣло смыслъ, но онъ былъ до того чудовищенъ и горекъ, что Яковъ Ивановичъ снова упалъ въ кресло и безпомощно заплакалъ отъ жалости къ тому, кто никогда не узнаетъ, и отъ жалости къ себѣ, ко всѣмъ, такъ какъ страшное и безсмысленно-жестокое будетъ и съ нимъ, и со всѣми. Онъ плакалъ—и игралъ (въ одиночествѣ) за Н. Д. его картами и бралъ взятки одну за другой“...

Вы видите, даже, тутъ, въ моментъ озарившаго его сознанія, онъ

остается картежникомъ прежде всего и... рожечникомъ прежде всего, и тянетъ свою ноту.

«Большой шлемъ» самая характерная для г. Андреева вещь. Относительно ея врядъ ли можетъ быть два мнѣнія: воспроизведенія жизни въ ней нѣтъ совсѣмъ. Если очеркъ и имѣетъ видимость рисунка съ натуры, если мысль автора и облечена въ лоскутья реальной правды, то вся ненатуральность его по существу и полное отсутствіе типовъ и бытового элемента не дадутъ читателю впасть въ заблужденіе.

Двѣ только что охарактеризованныя вещи можно назвать типичными крайностями, двумя полюсами: между ними располагаются всѣ остальные очерки. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ чисто беллетристическимъ полюсомъ, очеркомъ «Большой шлемъ», находятся: «Стѣна», «Молчаніе», «Ложь», «Бездна», «Мысль» («Міръ Божій», іюль 1902г.) и т. д. Ближе другихъ къ художественному «Жили-были» встанутъ послѣднія вещи г. Андреева, помѣщенныя въ декабрьскихъ №№ «Журнала для всѣхъ» и «Русскаго Богатства»: «Въ туманѣ» и «Иностранецъ», а изъ прежнихъ—«Въ темную даль» и, пожалуй, «Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ». Какъ ни очевидна *мысль* г. Андреева и въ этихъ вещахъ, но въ нихъ все же больше тѣхъ лоскутьевъ и обрывковъ реальной правды, присутствіе которыхъ мы отмѣчали даже въ «Большомъ шлемѣ. Если основывать сужденіе на написанномъ г. Андреевымъ до сихъ поръ, можно думать, что ему знакомы сколько-нибудь близко только больница и студенческая среда, да развѣ еще жизнь юнцовъ изъ богатыхъ домовъ (на это указываютъ очерки «Въ туманѣ» и «Въ темную даль»), да кое-какія черты подонковъ городской культуры, золоторотцевъ и проститутокъ. А все прочее, вся остальная жизнь, извѣстна ли она непосредственно нашему автору? Мы сомнѣваемся. Герои г. Андреева вообще мало разговариваютъ, онъ, видимо, предпочитаетъ самъ говорить за нихъ, подробно излагая ихъ мысли, филіацію переживаемыхъ ими настроеній. Не показываетъ ли это, что г. Андреевъ какъ бы и самъ не особенно заботится о замаскированіи своихъ «рожечниковъ?» Мы не будемъ далѣе аргументировать свое утвержденіе объ отсутствіи у него типовъ. Напомнимъ только, что подобно картежникамъ «Большого шлема», не пустятъ насъ встать на свое мѣсто и остальные его герои,—въ родѣ мономана отца Игнатія, все существованіе котораго сводится къ мучительной загадкѣ о «молчаніи» его погибшей дочери; или доктора Керженцева, героя очерка «Мысль»: въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли за все время существованія міра нашелся хоть одинъ человѣкъ, продѣлавшій такія вещи, какъ кража денегъ у нуждающихся товарищей-студентовъ, или развратъ съ горничной, любовницей покойнаго папаши, въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ стоитъ тѣло умершаго, а затѣмъ убійство пріятеля, и все это—въ цѣляхъ главнымъ образомъ теоретическихъ, для морально-психологическихъ экспериментовъ надъ самимъ собою! Тоже надо ска-

зать и о героѣ «Бездны», попавшемъ въ такое ужасающее, исключительное, почти не представимое положеніе и уже по одному этому не типичномъ; и о мономанѣ, спрягающемъ и склоняющемъ «ложь» и «лгать», умертвившемъ лживую женщину, которая ему измѣняла, но «не умертвившемъ лжи», и о другомъ мономанѣ канцеляристѣ изъ очерка «У окна», который «сидѣлъ въ своей комнаткѣ, и стѣны и потолокъ обнимали его и защищали отъ жизни и людей»: страхъ жизни—вотъ единственная нота, которую тянетъ этотъ рожокъ *)...

Въ итогѣ, мы должны придти къ выводу совершенно отрицательному. Даже къ двумъ отрицательнымъ выводамъ.

У г. Андреева нѣтъ типовъ, нѣтъ воспроизведенія жизни въ томъ смыслѣ, какой указанъ нами выше. Нѣтъ, стало быть, истиннаго художества—это разъ. Но помимо этого, его нельзя признать и беллетристомъ-иллюстраторомъ, въ силу ирреальности, одноцвѣтности,—я готовъ сказать, отвлеченности—формъ, въ которыя онъ облекаетъ свою мысль. Иллюстрація должна уяснять и доказывать мысль художника именно конкректностью своей, близостью къ жизни. Беллетристическій образъ не есть истинное воспроизведеніе жизни; по сравненію съ дѣйствительно художественнымъ образомъ, онъ всегда есть частность. Но онъ долженъ быть имитаціей жизни и, какъ всякая имитація, долженъ обладать, хотя бы на одной поверхности, свойствами оригинала. Таковы иллюстраціи къ теоріи наслѣдственности, которыя далъ въ серіи своихъ романовъ Золя (онъ, какъ извѣсто, не написалъ ни одного романа безъ предварительныхъ этюдовъ съ натуры, будь то хотя бы недѣля изученія Вѣчнаго города). Такъ Болеславъ Маркевичъ молилъ Шеншина описать кого-нибудь изъ знакомыхъ семинаристовъ «побезобразнѣе», ибо такой типъ былъ ему нуженъ для создаваемаго имъ романа; сюда же относятся всѣ идейные разсказы Осиповича-Новодворскаго, Каронина, Цебриковой и мн. др. Всѣ эти писатели, совершенно несравнимые по своему таланту и значенію, принадлежатъ къ типу беллетристовъ-реалистовъ. Г. Андреевъ къ нему не принадлежитъ. Его образы слишкомъ близки къ тѣмъ идеямъ, которыя должны воплощать. Это не конкретные образы, а, за немногими исключеніями,—*символы*. Выражаясь фигурально и переворачивая вверхъ ногами гегелевскую теорію эстетики, которой слѣдовалъ и Бѣлинскій, можно сказать, что *идеи-матери*, какъ ихъ назвалъ Гёте, на самомъ дѣлѣ являются идеями-*внучками* истинно-художественныхъ образовъ, и даже не рожденными еще внучками, внучками in spe. Беллетристическій образъ является, наоборотъ, внукомъ идеи; а беллетристическій символъ состоитъ съ идеей въ еще болѣе близкомъ родствѣ — это ея сынъ, и такой же безплотный и почти

*) Г. Михайловскій въ своей статьѣ объ Андреевѣ („Рус. Бог.“ 1901 г. № 11) сводитъ къ этой ноты, къ *страху жизни*, всѣ мотивы г. Андреева. Намъ это обобщеніе кажется и невѣрнымъ, и слишкомъ неопредѣленнымъ, и формальнымъ.

столь же лишенный жизненныхъ соковъ реальности, какъ его родительница. Таковы именно образы г. Андреева: онъ *беллетристъ-символистъ*. И если бы символизмъ его былъ цѣлостный и, такъ сказать, откровенный, мы бы ничего не могли возразить противъ него. Но дѣло въ томъ, что онъ представляетъ изъ себя какое-то соединеніе, какой-то сплавъ символизма съ реализмомъ и даже грубымъ натурализмомъ. И вотъ эта двойственность его концепціи и является тѣмъ внутреннимъ минусомъ, который мы очень и очень подчеркиваемъ. Должно быть, обиліе «плоти» въ его символахъ, обиліе реалистическихъ чертъ повело къ тому, что представители нашей критики, принадлежащіе къ господствующему до сихъ поръ теченію строгаго реализма, какъ-то просмотрѣли эту двуликость г. Андреева и такъ горячо безъ оговорокъ привѣтствовали его выступленіе на литературное поприще. *) Мы придерживаемся другого принципа. Для насъ важно лишь то раздѣленіе на истинное художество и беллетристику, которое мы установили выше, развивая мысль Бѣлинскаго. Беллетристика реалистическая представляется намъ совершенно равноправной съ символистической въ художественномъ отношеніи. Но ужъ если говорить символами, то надо вести весь разговоръ въ одномъ тонѣ, дѣлать все построеніе въ одной плоскости, на одномъ уровнѣ условности. Символистическіе разсказы и поэмы Эдгара По, драмы Метерлинка (прежнія; «Монна Ванна» сюда не относится) вполнѣ удовлетворяютъ этому требованію. Золоторотцы, насилующіе дѣвушку (въ очеркѣ «Бездна»), поповскія рясы, чиновничьи вицмундиры и пиджаки на герояхъ г. Андреева и всѣ подчасъ очень яркія и правдивыя краски реальнѣйшей, а то и тривіальнѣйшей, внутренней психологической и внѣшней правды, которыми онъ то и дѣло расцвѣчаетъ свои символистическіе контуры, даютъ въ результатѣ какое-то нелогичное и неэстетическое сочетаніе конкретнаго съ отвлеченнымъ, ариѳметики съ алгеброй. Въ качествѣ символовъ, въ символистическомъ произведеніи, мы бы признали вполнѣ законными и воскового «ангелочка», «впитавшаго все добро, сіяющее надъ міромъ и отъ того трепетавшаго своими стрекозиными крылышками»; признали бы неудавшееся «покушеніе на убійство лжи» и даже «бурю молчанія»; но когда всѣ эти фантастическія вещи вставлены въ рамку вполнѣ реальной обстановки, вырисованной любовно и обстоятельно, когда онѣ перемежаются страницами глубоко реалистической психологіи, намъ чувствуется какой-то диссонансъ... Символы, облеченные въ ризы реальной и даже, именно какъ у Андреева, тривіальной правды, были любимымъ пріемомъ покойнаго великаго сатирика нашего Щед-

*) За исключеніемъ одного г. Протопопова. Въ своей статьѣ („Русск. Мысль“, 1901 г., № 3) онъ приходитъ къ совершенно отрицательной оцѣнкѣ, что и естественно, ибо онъ примѣнялъ къ г. Андрееву требованія реалистической школы. Онъ даже заканчиваетъ свою статью грубоватымъ совѣтомъ „бросить живопись и заняться фотографіей съ натуры“.

рина. Напомнимъ «пропавшую совѣсть», изображенную въ видѣ тряпицы, или «Галилеевъ», стукающихся лбами объ стѣну въ «Господахъ Молчалиныхъ». Но одно дѣло сатира и публицистика, и другое дѣло — художество.

Вообще, минусовъ у г. Андреева столько и они такъ серьезны, что, повторяемъ, объяснять его успѣхъ одной художественной стороной намъ кажется невозможнымъ. Слишкомъ великъ этотъ успѣхъ, слишкомъ непропорціоналенъ художественной цѣнности этихъ писаній. Но есть же, конечно, и объясненіе этому успѣху и оправданіе его, такъ сказать. Мы, именно, къ рѣшенію этого вопроса и подошли теперь вплотную. Оговоримся: мы совсѣмъ не сторонники того взгляда, что успѣхъ художественнаго произведенія уже является свидѣтельствомъ въ пользу его достоинствъ и значительности. Успѣхъ можетъ ничего не доказывать. Самое лубочное изъ произведеній Сенкевича «Quo vadis» имѣло исключительный, громадный, міровой успѣхъ, не доставшійся на долю его же гораздо лучшимъ произведеніямъ, какъ «Безъ догмата», напримѣръ. Успѣхъ есть вопросъ психологіи массы, der viel zu vielen, какъ говорилъ Нитцше, а не художественной критики. И если мы въ своей статьѣ выдвинули на первый планъ вопросъ объ успѣхѣ г. Андреева и его причинахъ, то руководились при этомъ особымъ соображеніемъ. Намъ представляется, что этотъ успѣхъ знаменуетъ собой очень интересныя явленія нашей культурной жизни и мысли и обусловленъ нѣкоторыми особенностями писаній г. Андреева. Эти особенности являются у насъ совершенной новостью, и мы горячо привѣтствуемъ ихъ, считаемъ огромнымъ плюсомъ наравнѣ, а то и—выше его внѣшнихъ плюсовъ: импрессіонистской живописи и синтетическаго и драматическаго пріемовъ въ повѣствованіи.

Мы неоднократно указывали, что въ творчествѣ г. Андреева преобладаетъ *мысль*. Всѣ его символическіе персонажи лишь услужливые «рожки» — вѣрные глашатаи его мыслей, плоды философскаго раздумья, популяризаторы сдѣланныхъ итоговъ. Посмотримъ же, каковы эти мысли, эти итоги.

Чтобы удобнѣе разобраться въ идеяхъ г. Андреева, мы распредѣлимъ его очерки на двѣ категоріи: въ первую войдутъ тѣ, которые содержатъ въ себѣ *добро*, имѣютъ какую-нибудь моральную тенденцію; во вторую—тѣ, которые отъ такой тенденціи свободны и представляютъ лишь философское раздумье надъ жизнью или разрабатываютъ чисто психологическія темы.

Первая категорія чрезвычайно небогата. Къ ней относятся цѣликомъ разсказы «На рѣкѣ» и «Иностранецъ», и затѣмъ лишь отчасти «Валя» и «Петька на дачѣ». Моральныя тенденціи во всѣхъ этихъ вещахъ чрезвычайно элементарны, до того элементарны, что становится немного обидно за тонкаго и умнаго, прежде всего умнаго,—

автора. Очевидно, морализированіе есть сфера совершенно чуждая г. Андрееву; этимъ, вѣроятно, и объясняется количественная и качественная бѣдность этой категоріи его очерковъ. Въ очеркѣ «На рѣкѣ» машинистъ на мельницѣ, Алексѣй Степановичъ, жившій сначала, *какъ всѣ* живутъ, занимавшійся амурными похожденіями съ крестьянками сосѣдней слободы и недавно побитый за это парнями, въ одинъ день проникается любовью къ страждущему человѣчеству. Увлекаясь по дорогѣ живописью и давая по обыкновенію чудные пейзажи, г. Андреевъ разсказываетъ, какъ въ великую субботу рѣка прорвала плотину и затопила слободу. Машинистъ цѣлый день до самой ночи разъѣзжаетъ на лодкѣ, спасая семьи тѣхъ самыхъ слобожанъ, которые недавно намяли ему бока. И вотъ эта работа перерождаетъ его. Послѣ урока, полученнаго отъ парней, онъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ, а затѣмъ «шесть дней не умывался и не причесывался». Но теперь съ нимъ полный переворотъ, о которомъ авторъ повѣствуетъ въ слѣдующихъ громкихъ терминахъ: «До сихъ поръ онъ не зналъ, что любитъ людей и солнце и не понималъ, почему они теперь такъ измѣнились въ его глазахъ и почему ему хочется смѣяться и плакать, глядя въ испуганное лицо дѣвочки или подставляя зажмуренные глаза солнечному лучу, желтому и теплому». Одна эта сантиментальная аналогія чего стоитъ: такая элементарная вещь какъ сочувствіе къ утопающимъ людямъ съ ихъ ребятишками и—солнце! И не забудьте: чтобы довести своего героя до пониманія столь удивительнаго чувства, автору не только понадобилось дѣйствіе весенняго солнца и цѣлодневной работы на пользу несчастнымъ, но еще надо было причалить лодку машиниста къ уединенному дому, въ которомъ уже четыре дня спасались на чердакѣ отъ наводненія разбитый параличемъ старикъ, титулярный совѣтникъ, и молодая дѣвушка Оля, затмѣвающая своею идеальной самоотверженностью даже знаменитую Соню Мармеладову Достоевскаго. Титулярный совѣтникъ оказался содержателемъ притона съ дѣвушками, «отъ которыхъ сторонились самые небрезгливые, такъ онѣ были грязны, оборваны и дешевы». Дѣвушки всѣ разбѣжались, но Оля осталась при живомъ, издающемъ смрадъ трупѣ, несмотря на то, что онъ раньше билъ ее, а теперь ругаетъ черезъ два слова на третье. Понятно, что такой высокій примѣръ окончательно вразумляетъ нашего мизантропа; а тутъ еще, какъ нарочно, раздается со всѣхъ колоколенъ торжественный пасхальный благовѣстъ: «И Алексѣю Степановичу почудилось, что душа его такой же звукъ и было страшно, что не выдержитъ тѣло ея высокаго полета».—Положительно, надо признать существованіе какой-то спеціально литературной Немезиды: какъ только человѣкъ начинаетъ произносить неискреннія, но, по его мнѣнію, возвышенныя рѣчи, она, Немезида эта, подсовываетъ подъ перо *фразу*.

«Иностранецъ»—студентъ, заурядный юноша, болѣзненный и работящій. У него есть одна idée fixe: уѣхать изъ Россіи, которую онъ

не любитъ за некультурность, въ Европу. Онъ становится разговорчивымъ, лишь когда рѣчь заходитъ объ его будущей поѣздкѣ, на которую онъ три года копитъ деньги, откладывая отъ своихъ грошовыхъ уроковъ. Послѣ трудового дня онъ заходитъ въ компанію товарищей, дѣйствительно некультурныхъ студентовъ: они проводятъ цѣлые дни въ пьянствѣ, пѣніи, пляскѣ подъ бубенъ и удивляются, что герой разсказа считаетъ оскорбленнымъ одного изъ нихъ, когда другой, человѣкъ съ атлетическими наклонностями и мускулами, въ пьяномь видѣ разбиваетъ ему челюсть. Герой не можетъ пристать къ этой компаніи, а они прозвали его «иностранцемъ» и смѣются надъ нимъ. Герой и безтолковое житье русской студенческой богемы очерчены очень хорошо. Мы уже указывали на этотъ разсказъ, какъ на одинъ изъ немногихъ реалистически написанныхъ. Но конецъ, выдвигающій идею автора, портитъ все дѣло. Оказывается, что г. Андреевъ написалъ очеркъ во славу идеи національности. Въ числѣ товарищей былъ сербъ, Райко Вуичъ, незначительный, смѣшной человѣчекъ. Получивъ однажды письмо, извѣщавшее, что «надняхъ серба одного, Боіовича, на границѣ зарѣзали, Турци зарѣзали», Райко тоскуетъ о родинѣ и мраченъ; онъ уходитъ отъ товарищей и запирается у себя въ комнатѣ, гдѣ поетъ гортаннымъ голосомъ «пѣсню, похожую на вой или крикъ о помощи». «Иностранецъ» чувствуетъ угрызенія совѣсти. Онъ идетъ къ Райко и послѣ незначительнаго разговора перерождается подобно машинисту въ «На рѣкѣ». У него нѣтъ родины. Онъ пробуетъ пѣть, какъ Райко, и тоже пѣть о родинѣ; но пѣсня не удается:

„— Боже мой! Боже мой!—шепчетъ онъ въ ужасѣ.—Да какъ же это? Вѣдь я хорошій человѣкъ! Я хорошій человѣкъ!

„И онъ подумалъ, что скорѣе найдетъ то, что нужно, если станетъ писать. Ломая спички, дрожащими руками онъ зажегъ свѣчу, яростно сбросилъ со стола нѣмецкій учебникъ и задумался надъ листомъ чистой бумаги. И нерѣшительно, запинаясь, рука его вывела—се левъ, а не собака...то бишь—„родина, родина, прости меня...“

И съ этой минуты онъ забылъ и думать о своей поѣздкѣ.

Какъ видитъ читатель, конецъ этотъ столь же фальшивъ и назидателенъ и столь же элементаренъ, какъ и конецъ предыдущаго очерка. Немезида, очевидно, и здѣсь не помиловала г. Андреева.

Два очерка «Валя» и «Петька на дачѣ», повидимому, имѣютъ цѣлью доказать, какой вредъ или затрудненіе порождаетъ обычай нѣкоторыхъ господъ брать къ себѣ пріемышей изъ бѣдныхъ семей или хотя бы на время позволять имъ гостить у себя. Первый содержитъ много граціозныхъ подробностей дѣтской психологіи и хорошо рисуетъ добродушныхъ пріемныхъ родителей Вали; но оканчивается опять совершенно ложно и сентиментально. Валя—шестилѣтній бутузъ; мать по суду хочетъ отнять его у воспитателей, нечающихъ въ немъ

души; Валя привязанъ къ своимъ мнимымъ родителямъ и сначала ненавидитъ мать и боится ея, даже заболѣваетъ отъ страха; но когда процессъ въ первой инстанціи ею проигранъ, и пріемные родители, торжествуя свою побѣду, начинаютъ на словахъ жалѣть «бѣдную», въ немъ пробуждается интересъ къ ней и жалость; вскорѣ затѣмъ вторая инстанція присуждаетъ ребенка матери, и вотъ въ первый же вечеръ у нея, увидавъ ея горе и убожество ея обстановки, Валя обѣщаетъ любить ее и читать ей сказки. Опять моментальный переворотъ, и опять сентиментальность и фраза вмѣсто правды. «Петька на дачѣ» написанъ проще и правдивѣе; содержаніе непритязательное, да и моральная тенденція не особенно ощутительна; а судьба мальчика Петьки, который изъ плохенькой парикмахерской попалъ на «дачу» къ матери (кухаркѣ у богатыхъ господъ), даетъ возможность г. Андрееву нарисовать яркую антитезу между жизнью столичной улицы, съ шумомъ и грязью подонковъ городской цивилизаціи, и жизнью среди природы на волѣ. Возвращаясь въ парикмахерскую—въ духоту, въ грязь и въ рабство къ хозяину, Петька разумѣется, страдаетъ еще больше прежняго... Всѣ эти разсказы, впрочемъ, очень незначительны и мало интересны, и мы такъ подробно остановились на нихъ лишь съ цѣлью доказать высказанную въ началѣ статьи мысль: какъ только г. Андреевъ займется *добромъ*, это не ведетъ къ добру для его очерковъ. Если бы онъ писалъ только разсказы въ родѣ сейчасъ охарактеризованныхъ, мы увѣрены, его писанія не всплыли бы надъ пучиной банальной, будничной беллетристики, а его имя потонуло бы въ массѣ тѣхъ, кому настоящее и собирательное имя—посредственность.

Нѣчто совершенно иное представляетъ собою его «предвзято пессимистическая», лишенная добра, философствующая, символическая беллетристика. Она прежде всего *интересна*. Мыслей у г-на Андреева много, мыслей глубокихъ, роковыхъ, такъ сказать,—поднимающихъ громадные, вѣчные, для всякой эпохи современные вопросы. И надо отдать ему справедливость, онъ умѣетъ поднимать эти вопросы, умѣетъ популяризировать ихъ.

Въ сущности, и наиболѣе художественный изъ очерковъ, «Жили-были», трактуетъ одну изъ основныхъ темъ г. Андреева. Лейтмотивомъ его является одиночество, разобщенность людская, наша разрозненность, наше непониманіе другъ друга. «Богатый и одинокій» купецъ своей тяжелой, угрюмой фигурой хорошо проводитъ этотъ лейтмотивъ. Изъ разобщенности и одиночества проистекаетъ, какъ непосредственный результатъ, та безслѣдность, та безрезультатность жизни, которая является проклятіемъ всякаго малокультурнаго и неживущаго общественной жизнью народа, а у насъ достигаетъ поистинѣ трагическихъ размѣровъ. Сколько силъ, сколько дарованій гибнетъ, не выносится на свѣтъ Божій, сколько натуръ извращается въ конецъ, или погибаетъ въ одиночествѣ, непонятыя, безъ опоры и

помощи, неподхваченныя общимъ культурнымъ движеніемъ, какъ бы задыхаясь безъ воздуха и свѣта общественности! Люди рождаются, живутъ, перестаютъ жить, какъ бы мелькая только на время, не оставляя по себѣ ничего, никакого вклада въ историческую жизнь, никакого напоминанія о себѣ. Намъ вспоминаются исполненныя горечи страницы Салтыкова о «конягахъ» и «мякинныхъ людяхъ», *не подлежащихъ вѣдѣнію исторіи*... «Жилъ, говорятъ, былъ, говорятъ, діаконъ», «жилъ, говорятъ, былъ купецъ»—въ такихъ словахъ передаетъ діаконъ ту схематически ей сухую, достаточную для цѣлей медицины характеристику, которую врачи дѣлали ему и Кошевѣрову на лекціи, во время демонстраціи ихъ студентамъ. Дѣйствительно, «жили-были»—вотъ все, что можно сказать объ этихъ двухъ существованіяхъ... Г. Андреевъ не обнаруживаетъ своего отношенія къ этому явленію; вы не увидите въ его изображеніи ни особенной скорби, ни желанія обобщить фактъ, поставить его въ зависимость отъ реальной общественной почвы; не усмотрите ни морали, ни публицистики. Но впечатлѣніе выражено такъ ярко, что обобщеніе напрашивается само собой.

Мы уже говорили объ *одиночествѣ на людяхъ*, о возможности этого жизненнаго парадокса, какъ главной идеѣ, которая символизируется въ очеркѣ «Большой шлемъ».

Очерки «Смѣхъ» и «Ложь» изображаютъ нѣсколько иное одиночество и ту тайну, которую представляетъ собою чужая душа,—въ символахъ какъ бы навѣянныхъ чтеніемъ Мопассана, а пожалуй и Ницше. Оба очерка не отличаются тонкостью: контуры ихъ какъ бы слишкомъ тяжелы и прямолинейны; но мысль опять интересна. Смѣшная маска на влюбленномъ и страдающемъ юнцѣ (въ «Смѣхѣ») какъ бы говоритъ намъ о томъ, какъ мало даетъ для человѣческаго общенія наше лице: оно немногимъ лучше маски... Съ другой стороны, есть ли что-либо трагичнѣе этой «лжи» между любящими другъ друга людьми, этой невозможности навѣрное, ручаясь за каждое слово, за каждое душевное движеніе, знать того человѣка, который весь какъ бы принадлежитъ вамъ? Пусть въ очеркѣ г. Андреева взятъ слишкомъ частный, рѣзкій, грубый случай; пусть очеркъ «Ложь» является однимъ изъ самыхъ неудачныхъ его произведеній; но вѣдь то явленіе, которое здѣсь грубо и рѣзко символизируется,—до ужаса общее явленіе и, можетъ быть, ни гдѣ оно такъ болѣзненно не ощущается какъ именно въ общеніи мущины съ женщиной, въ этомъ самомъ тѣсномъ изъ людскихъ союзовъ... Герой г. Андреева скорбитъ, что онъ не убилъ *лжи;* но онъ не ложь не убилъ, а нѣчто гораздо болѣе страшное—разрозненность, разобщенность душъ человѣческихъ, этотъ всечеловѣческій фактъ, простирающій свою власть даже на подобную близость, приводящій къ этому *одиночеству вдвоемъ*.

Два очерка изображаютъ то неизбѣжное явленіе, когда потокъ растущей культуры и усложняющейся жизни какъ бы взламываетъ,

раскалываетъ на-двое зданіе семьи и разноситъ въ разныя стороны ея обломки. Объ одномъ очеркѣ мы уже упоминали—это «Молчаніе». Противъ воли родителей, отца Игнатія и его попадьи, Вѣра отправилась *туда*, въ Петербургъ, въ этотъ «страшный и непонятный городъ». Вернулась и молчитъ, снѣдаемая какой-то тоской. На усиленные разспросы родителей она отвѣчаетъ ничего не значущими фразами; а вскорѣ бросается подъ поѣздъ и умираетъ, унося съ собой свою тайну. Эта тайна, это молчаніе дочери становится мученіемъ отца Игнатія. Авторъ въ нѣсколько раздутыхъ образахъ, разработываетъ психологію человѣка, удручаемаго такой совершенно для него неразрѣшимой загадкой. Личная тайна, личная драма Вѣры, остается неизвѣстной и читателю; но не въ ней суть—основная разгадка ясна: этимъ, столь близкимъ по крови людямъ нечего сказать другъ другу, какъ нельзя и жить вмѣстѣ. По всему строю мыслей они принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ, отстоящимъ одна отъ другой, можетъ быть, на столѣтіе, но сведеннымъ русской жизнью до соприкосновенія. Истолкованіе это безспорно приложимо и къ другому очерку, озаглавленному «Въ темную даль». Эту вещь мы назвали бы самой изящной символической картинкой изъ всѣхъ, нарисованныхъ г. Андреевымъ,—вотъ почему мы и займемся ею нѣсколько подробнѣе. Двойственность реализма и символизма здѣсь почти не чувствуется: грубыхъ натуралистическихъ подробностей нѣтъ совсѣмъ, на всемъ какая-то дымка, обобщающая и смягчающая контуры, и даже самая обстановка участвуетъ въ символизаціи, и очень удачно.

„Уже четыре недѣли жилъ онъ въ домѣ и четыре недѣли царили въ домѣ страхъ и безпокойство... Никто не называлъ его по имени, а просто „онъ“ и такъ какъ всѣ каждую минуту думали о немъ, то это неопредѣленное названіе представлялось болѣе яснымъ, чѣмъ полное имя, и никогда не заставляло переспрашивать...“

«Онъ»—это властная и непокорная натура, сынъ богатаго домовладѣльца и заводчика, вернувшійся въ семью изъ долгой, безвѣстной отлучки. Послѣ какой-то исторіи, онъ былъ уволенъ изъ технологическаго института; при горячемъ объясненіи съ нимъ, вспыльчивый отецъ ударилъ его, и въ тотъ же вечеръ онъ ушелъ изъ дому и вернулся только теперь. «—Я видѣлъ у тебя кошелекъ заграничной работы. Ты былъ за границей?—спрашиваетъ отецъ.—Былъ,—коротко отвѣчаетъ Николай,—но довольно, отецъ». Этимъ кончается попытка родныхъ узнать что-нибудь о скитаніяхъ Николая. Другой разговоръ уясняетъ взаимное отношеніе представителей двухъ міросозерцаній, не соединимыхъ, не совмѣстимыхъ, отрицающихъ одно другое.

„— Ты сказалъ когда-то, что ненавидишь всю нашу жизнь,—раздѣльно выговаривая каждое слово, спрашивалъ отецъ.—Ты и теперь ненавидишь ее?

„Такъ же размѣренно и медленно звучалъ серьезный отвѣтъ Николая.

„— Да, я ненавижу ее отъ самаго дна до самаго верху. Ненавижу и не понимаю.

„— Ты нашелъ лучше?

„— Да, нашелъ. Да, нашелъ,—твердо повторилъ Николай.

„— Останься съ нами.

„— Это немыслимо, отецъ. И ты это знаешь.

„— Николай!—прозвучалъ гнѣвный окрикъ Александра Антоновича. И черезъ минуту напряженнаго молчанія тихій и немного грустный отвѣтъ Николая:

„— Ты все тотъ же, отецъ. Вспыльчивый и—добрый".

Отъ остраго, холодно отрицающаго взгляда Николая все въ домѣ съеживается и меркнетъ... Мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать цѣликомъ относящееся сюда прекрасное символистическое мѣсто.

„Теперь онъ былъ одѣтъ очень хорошо, но и въ изысканномъ платьѣ онъ не сливался съ пышнымъ великолѣпіемъ комнатъ, а стоялъ особнякомъ, какъ что-то чужое и враждебное. И если бы всѣ эти дорогія вещи могли чувствовать и говорить, онѣ сказали бы, что умираютъ отъ страха, когда онъ приближается или беретъ одну изъ нихъ въ руки и разсматриваетъ съ страннымъ любопытствомъ. Онъ никогда ничего не ронялъ и ставилъ вещь на мѣсто, какъ разъ такъ, какъ она стояла, но какъ будто прикосновеніе его руки отнимало у изящной статуэтки всю ея цѣнность, и послѣ его ухода она стояла пустой и ни на что ненужной. Ея душа, созданная искусствомъ, таяла въ его рукахъ, и оставался только ненужный кусокъ бронзы или глины".

Несчастная, недовольная своей жизнью, хрупкая и впечатлительная сестренка Николая, не забыла и любитъ его еще съ дѣтскихъ лѣтъ; но не встрѣчаетъ въ немъ ничего, кромѣ холодной безучастности: она рисуетъ акварелью, участвуетъ въ нѣсколькихъ обществахъ помощи бѣднымъ, ведетъ дневникъ—этого довольно, чтобы сдѣлать ее совершенно неинтересной въ глазахъ «отрицателя». Въ день Рождества вся семья, одинъ за другимъ, упрашиваетъ Николая окончательно помириться съ отцомъ и остаться. Старая больная бабушка, сестренка, самъ отецъ со слезами молятъ его объ этомъ. Онъ на минуту сдается. «Да! Да!» твердитъ онъ имъ въ отвѣтъ, уже чувствуя, какъ въ душѣ его вырастаетъ грозное и неугомонное, краткое и тупое «нѣтъ!». Вечеромъ того же дня онъ съ чернаго крыльца уходитъ въ «темную даль»...

Повторяемъ, мы считаемъ этотъ очеркъ лучшимъ произведеніемъ г. Андреева и по идеѣ, и по изяществу. Въ немъ много тонкихъ психологическихъ деталей и намековъ, рисующихъ борьбу суроваго отрицателя съ самимъ собою: воспоминанія о годахъ дѣтства, проведенныхъ въ этомъ домѣ, невольно просыпающіяся въ его душѣ, воскресшая нѣжность къ старухѣ-бабушкѣ, невольная дрожь при мысли о томъ, что ждетъ его въ «темной дали», и что уже отчасти извѣдано имъ... Въ итогѣ, подобно Вѣрѣ изъ «Молчанія», еще образъ одиночки, оторваннаго отъ своей среды, вѣчный россійскій образъ—лишняго для *своей* среды человѣка. Мы подчеркиваемъ для *своей* среды, а отнюдь не для жизни: для жизни эти люди далеко не лишніе...

Характерная черта. Почти всѣ герои г. Андреева во-первыхъ, одиночки, а во-вторыхъ, необыкновенно хорошо и много мыслятъ. Самое лучшее для нихъ опредѣленіе это—*мыслящіе одиночки* *). Въ силу той двойственности, о которой мы немного выше говорили, г. Андреевъ постоянно озабоченъ реализмомъ; вотъ почему ему приходится прибѣгать къ слѣдующему пріему. По примѣру всѣхъ реалистовъ, онъ беретъ своихъ героевъ изъ самой сѣрой, будничной среды и описываетъ ихъ, какъ заурядныхъ ея представителей. Но заурядные люди обыкновенно мыслятъ неинтересно, у зауряднаго человѣка и философія заурядная; и вотъ, дабы вложить въ ихъ души и умы свои интересныя мысли, онъ ставитъ своихъ сѣренькихъ одиночекъ въ какія нибудь экстренныя, по большей части трагическія положенія. Смертей натуральныхъ, и самоубійствъ, и убійствъ въ его очеркахъ очень много и въ каждомъ случаѣ имъ предшествуютъ мысли о жизни и смерти, подробная мотивировка: въ подобные моменты правдоподобнѣе допустить, что и заурядная душа поднимается на извѣстную философскую высоту, и сѣрый одиночка превратится на время въ одиночку мыслящаго и даже интересно мыслящаго. Экстреннымъ событіемъ, впрочемъ, не всегда является смерть. Въ очеркѣ «У окна» сѣрый, «боящійся жизни» одиночка-канцеляристъ (слишкомъ близко напоминающій и Прохарчина, и Душечкина изъ повѣстей Достоевскаго) начинаетъ особенно хорошо мыслить и выражать свою философію въ моментъ, когда влюбляется въ дѣвушку, отъ которой, впрочемъ, отказывается изъ того же страха жизни. Въ очеркѣ «Въ подвалѣ» такимъ моментомъ для больного, умирающаго въ углу человѣка служитъ появленіе среди населенія подвала новой «маленькой жизни». Смерть уже сторожила его, и каждое утро его тяготило «безпощадно свѣтлое сознаніе, что пришелъ новый день и что скоро ему нужно вставать, чтобы бороться за жизнь безъ надежды на побѣду». Но вотъ несчастная дѣвушка, убѣжавшая изъ дому въ родильный пріютъ и родившая тамъ, является въ подвалъ со своимъ младенцемъ. Все населеніе подвала начинаетъ няньчиться съ нимъ, купать его. Ночью герой очерка заплакалъ облегчающими душу слезами, а потомъ улыбнулся даже: «онъ видѣлъ ребенка, который родился, и ему казалось, что это родился онъ самъ для новой жизни и жить будетъ долго, и жизнь его будетъ прекрасна. Онъ любилъ и жалѣлъ эту новую жизнь и это было такъ радостно, что онъ засмѣялся...» Авторъ не избѣгъ нѣкоторыхъ сантиментальныхъ эффектовъ: увлеченіе этой публики младенцемъ кажется нѣсколько преувеличеннымъ; кромѣ того,

*) Г. Кранихфельдъ („Образованіе“, 1902 г., № 11) очень мѣтко указалъ, что одиночество есть couleur locale всѣхъ очерковъ г. Андреева. Онъ же отмѣчаетъ несомнѣнное вліяніе нѣкоторыхъ идей Ницше на нашего автора, о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже. Вообще статья г. Кранихфельда является лучшей характеристикой г. Андреева изъ всѣхъ, какія намъ привелось просмотрѣть.

очеркъ грѣшитъ подражательностью: страстный вопль проститутки Дуняши, у которой какъ бы проснулся материнскій инстинктъ, при видѣ ребенка, ея требованіе прикоснуться къ нему, хоть двумя пальцами,— напоминаетъ кое-какія картинки въ этомъ родѣ у Мопассана. Но идея опять очень интересная и глубокая. Это идея о какой-то таинственной, скрытой въ глубинѣ нашего «я», біологической или зоологической солидарности между людьми. Ощущеніе ея спасаетъ отъ окончательнаго отчаянія умирающаго одиночку.

Въ очеркѣ «Ангелочекъ», объ эстетическихъ недочетахъ котораго мы уже говорили, схематически нарисованы «волчонокъ» Сашка. исключенный гимназистъ, съизмалѣтства озлобленный противъ всего и всѣхъ, и отецъ его, бывшій статистикъ и домашній учитель, женатый на грубой бабѣ, запившій съ горя и больной: «онъ лежитъ за перегородкой молчаливый, съежившійся отъ постояннаго озноба и думаетъ о несправедливости и ужасѣ человѣческой жизни». И вотъ эти два одиночки, одинъ — еще протестующій съ мальчишеской дерзостью (приглашенный на елку къ благодѣтелямъ, онъ не упускаетъ случая выстрѣлить пробкой изъ игрушечнаго ружья въ носъ хорошенькому хозяйскому мальчику «въ бархатныхъ штанишкахъ и съ большимъ откладнымъ воротничкомъ»), а другой — уже «съежившійся», оба одиночки на минуту забываются при видѣ воскового ангельчика, принесеннаго Сашкой съ елки: ангельчикъ символизируетъ то, «чего не хватало въ картинѣ ихъ жизни и безъ чего кругомъ было такъ пусто, словно окружающіе люди не живые». Ихъ мрачное существованіе на минуту озарено мечтой объ идеалѣ, можетъ быть и недостижимомъ, для нихъ-то ужъ навѣрное... Восковой «идеалъ», повѣшенный у горячей печки въ грязной и темной каморкѣ, таетъ и исчезаетъ; но они все-таки жили имъ цѣлый вечеръ. Идея слишкомъ ясна: она напоминаетъ Ростановскую «Принцессу Грезу» — это роль идеала, мечты, даже не осуществимой, мечты, какъ стимула жизни.

Мы уже указывали, что у самого г. Андреева нѣтъ или почти нѣтъ экскурсій въ область морали и публицистики. Если его идеи и наводятъ насъ на размышленія именно такого характера, то самъ авторъ какъ бы не заботится объ этомъ. Онъ нигдѣ не проповѣдуетъ. Онъ просто размышляетъ объ отношеніяхъ, созданныхъ жизнью, резюмируетъ и иллюстрируетъ ихъ... Можетъ быть, потому его очерки и представляютъ цѣнность именно въ публицистическомъ и моральномъ смыслѣ? Мы полагаемъ, что да, но объ этомъ немного ниже. Сейчасъ мы переходимъ къ явно символистическому очерку «Стѣна». Удовлетворяя художественному требованію, выставленному выше, являясь открыто символистическимъ, этотъ очеркъ, тѣмъ не менѣе представляетъ одну изъ самыхъ неудачныхъ вещей г. Андреева. Мысль затемнена черезчуръ искусственными и туманнымч образами, въ многосложности которыхъ мы положительно отказываемся разобраться.

Идею «Стѣны», повидимому, составляетъ та же мечта, недостижимость которой для злополучныхъ одиночекъ изображена въ растаявшемъ «ангелочкѣ». Но здѣсь она уже обобщена на все человѣчество, а тонъ очерка до того мучительно-пессимистическій, и символы до того кроваво-смрадны, что вмѣсто ужаса и боли за человѣчество при чтеніи получается впечатлѣніе какого-то художничанья, позы, риторики. — Высокая стѣна поднимается къ самому небу, какъ бы разрѣзая его на двѣ половины. По сю сторону, надъ метущимся въ страданіяхъ человѣчествомъ—ночь, небо буро-черное, мрачное; по ту сторону—неизвѣстность, въ которой человѣчеству чудится голубая лазурь желаннаго счастья. Человѣчеству кажется, что только стѣна отдѣляетъ его отъ этого счастья и судорожными усиліями оно старается разрушить преграду. Но ни вопли гнѣвныхъ упрековъ, ни проклятія, ни стоны, ни приступы цѣлой массы безоружныхъ нагихъ людей, грудью набрасывающихся на чудовище, не ведутъ ни къ чему:

„И глубоко вздохнула черная ночь, и, словно море, подхваченное ураганомъ и всей своей тяжкой ревущей громадой брошенное на скалы, всколыхнулся весь видимый міръ и тысячью напряженныхъ и яростныхъ грудей ударилъ о стѣну. Высоко, до самыхъ тяжело ворочавшихся тучъ брызнула кровавая пѣна и окрасила ихъ, и стали онѣ огненныя и страшныя, и красный свѣтъ бросили внизъ, туда, гдѣ гремѣло, рокотало и выло что-то мелкое, но чудовищно многочисленное, черное и свирѣпое. Съ замирающимъ стономъ, полнымъ несказанной боли, отхлынуло оно—и непоколебимо стояла стѣна и молчала...

„Но, умирая каждую секунду, мы были безсмертны, какъ боги. И снова взревѣлъ мощный потокъ человѣческихъ тѣлъ и всей своей силой ударилъ о стѣну. И снова отхлынулъ, и такъ много, много разъ, пока не наступила усталость, и мертвый сонъ и тишина. А я, прокаженный, былъ у самой стѣны и видѣлъ, что начинаетъ шататься она, гордая царица, и ужасъ паденія судорогой пробѣгаетъ по ея камнямъ.

„— Она падаетъ!—закричалъ я.—Братья, она падаетъ!

„— Ты ошибаешься, прокаженный,—отвѣтили мнѣ братья“.

Все изображенное здѣсь понятно Образъ ясенъ, силенъ, грандіозенъ даже. Но что обозначаетъ, напримѣръ, образъ «четверыхъ кружащихся въ безконечномъ танцѣ»? Почему герой очерка, являющійся какъ бы героемъ и этой толпы, оказывается прокаженнымъ, «съ гнусавымъ голосомъ и смраднымъ дыханіемъ?» Ужъ не сказывается ли въ выборѣ такого героя отрицательное отношеніе къ тѣмъ представителямъ культурныхъ классовъ, которые берутъ на себя роль подобныхъ героевъ, пессимистическій взглядъ на культурные классы вообще? Вотъ, право, пессимизмъ, не знающій мѣры и края... Но тогда, что же означаетъ смѣхъ этого героя и его товарища надъ «голоднымъ?» Что за экивокъ надо видѣть въ фигурахъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ старается продолбить стѣну головой и скоро оказывается повѣшеннымъ на крюкѣ, вбитомъ въ эту самую стѣну, а другой подбодряетъ его къ работѣ, а послѣ гибели его поетъ веселыя пѣсенки?

И почему это герою-прокаженному *смѣшно*, что «тотъ умеръ за голоднаго, а голодному даже куска отъ ноги не досталось», ибо «другіе, сильные опередили его и пожрали трупъ?» Если подъ всѣмъ этимъ скрыта опредѣленная житейская или историческая подкладка, то образы надо признать изъ рукъ вонъ грубыми и неправдивыми; если же подобной подкладки нѣтъ, то все это является какимъ-то ненужнымъ балластомъ, уснащеніемъ, и затемняетъ основные контуры очерка. А контуры эти, какъ это видно хотя бы изъ одной сдѣланной нами цитаты, полны значительности и силы. Въ итогѣ надо признать, что даже это неудачное произведеніе г. Андреева тѣмъ не менѣе богато содержаніемъ. Отмѣтимъ еще, что и здѣсь ясно слышится лейтмотивъ автора. Заключительныя строки очерка опять говорятъ объ *одиночествѣ:* взывающій къ борьбѣ прокаженный оглядывается «съ веселой надеждой» и видитъ однѣ спины—«равнодушныя, жирныя, усталыя»...

Намъ осталось охарактеризовать три очерка г. Андреева съ ницшеанскими темами и послѣднее его произведеніе «Въ туманѣ». Надъ послѣднимъ мы останавливаться не будемъ. Во-первыхъ, содержаніе его уже знакомо читателямъ «Міра Божія» по статьѣ г. А. Б. въ февральской книжкѣ журнала; во-вторыхъ, это, можетъ быть, единственная вещь г. Андреева, не наводящая на обобщенія. Въ ней въ яркихъ, до боли яркихъ, чертахъ отмѣчается ужасный фактъ нашей культурной жизни—фактъ, о которомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Очеркъ г. Андреева констатируетъ его, безъ умолчаній, безъ малѣйшей утайки. Очеркъ—вообще одинъ изъ лучшихъ и именно въ смыслѣ реалистистическаго воспроизведенія дѣйствительности. Жестокая правда обнажена до конца, ни тѣни сентиментальности, идеализированія, какихъ-нибудь смягченій. Въ этомъ смыслѣ онъ гораздо выше аналогичныхъ по темѣ вещей Гаршина и Чехова («Надежда Николаевна» и «Припадокъ»). Не знаемъ, нуженъ ли былъ тотъ кровавый конецъ, который далъ очерку г. Андреевъ... Во всякомъ случаѣ, можно было не съ такими подробностями рисовать отвратительную сцену убійства. Но отсутствіе мѣры и жестокость по отношенію къ себѣ и къ читателю, какъ мы уже отмѣчали, постоянное свойство автора. Г. Буренинъ опрокинулся на этотъ конецъ и обвинялъ автора въ жаждѣ скандала и порнографіи. Это, разумѣется, совершенно несправедливо. Г. Андреевъ, правда, никогда не останавливается передъ тѣмъ, что у насъ не принято описывать въ подробностяхъ, не прибѣгаетъ къ флёру или къ многоточіямъ; можно также признать въ немъ какое-то болѣзненное стремленіе эффектничать мучительными сценами. Но порнографіи у него нѣтъ. У него вездѣ серьезная мысль, а это—вещь не совмѣстимая съ порнографіей, со «смакованіемъ грязи и причмокиваніемъ» an und für sich, о которыхъ распространяется въ своемъ фельетонѣ авторъ «Мертвой ноги» и другихъ столь же неблагоухающихъ именно въ порнографическомъ смыслѣ вещей. Не остановимся

мы долго и надъ «Бездной»,этимъ не ницшеанскимъ, а вѣрнѣе—антиницшеанскимъ очеркомъ г. Андреева. Мы предпочитаемъ называть такъ всѣ его очерки на ницшеанскія темы потому, что, несомнѣнно свидѣтельствуя о вліяніи на автора нѣкоторыхъ идей знаменитаго философа-художника, они еще несомнѣннѣе обнаруживаютъ или отрицательное отношеніе къ этимъ идеямъ, или такое вульгарное ихъ пониманіе, которое граничитъ съ искаженіемъ. Прекрасный въ первой своей половинѣ и по живописи, и по психологіи двухъ юныхъ влюбленныхъ, очеркъ «Бездна» до ужаса натуралистиченъ въ концѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ не уступаетъ только что охарактеризованной вещи Андреева, въ которой живопись также безподобна (въ очеркѣ «Въ туманѣ» есть, напримѣръ, описаніе лѣса въ осенній вечеръ, гдѣ герой, спрятавшись за деревьями, пропускаетъ мимо себя молодую компанію: это истинный шедевръ живописи). Но если конецъ «Бездны» натуралистиченъ, это не значитъ, что онъ натураленъ. Намъ видится прямая клевета на человѣческую природу въ томъ эпизодѣ, который вскрываетъ мысль автора. Намъ думается, что самый заурядный по своимъ нравственнымъ качествамъ юноша, послѣ того, что пережилъ Нѣмовецкій — изнасилованія его возлюбленной тремя босяками,—только и могъ бы думать, что о помощи ей, если она еще жива, только и ощущалъ бы, что ужасъ и отчаяніе, когда, послѣ долгихъ поисковъ, наткнулся на растерзанную, обнаженную, еле живую дѣвушку. Поступокъ Нѣмовецкаго, продолжающаго дѣло золоторотцевъ, не только омерзителенъ, но и психологически немыслимъ. Авторъ какъ будто самъ это чувствовалъ: не даромъ понадобилось предварительно оглушить героя кулаками золоторотцевъ... Но зачѣмъ же вообще все это понадобилось г. Андрееву? Дѣло въ томъ, что очеркъ является иллюстраціей къ «ницшеанской» мысли о слабости интеллекта передъ темными, скрытыми отъ сознанія, силами нашего организма. Присоединяясь къ мысли Ницше, авторъ, повидимому, дѣлаетъ изъ нея глубоко пессимистическіе выводы. Крушеніе всего идеалистическаго и чистаго, что было въ Нѣмовецкомъ, подъ напоромъ этихъ темныхъ силъ — вотъ идея очерка. И авторъ съ какимъ-то злорадствомъ, напоминающимъ кошмарныя страницы Достоевскаго, не скупится на краски, изображая сначала всю привлекательность юноши, чтобы затѣмъ все это свергнуть въ «бездну». Этотъ пессимизмъ, однако, ничего общаго со взглядами Нитцше не имѣетъ. Онъ гораздо ближе къ его антиподамъ—къ христіанству, къ аскетизму, съ ихъ излюбленнымъ противоположеніемъ добраго духа злому тѣлу. Ницше дальше кого бы то ни было отъ такого противоположенія. Онъ считалъ, что всѣ проявленія наши, какъ идеалистическія, такъ и самыя низменныя, диктуются намъ «*самимъ*», «великимъ разумомъ», т.-е. всѣмъ нашимъ существомъ въ его цѣломъ. Онъ говорилъ, что если уже признавать душу, то онъ согласенъ признавать не одну, а милліарды

душъ, помѣщающихся въ милліардахъ молекулъ нашего тѣла. Но такая психологія совсѣмъ не обязываетъ къ пессимизму. Огонь даетъ и смерть, и всѣ блага жизни. Такъ точно и инстинкты наши могутъ быть и зломъ (и тогда ужъ это ничѣмъ не поправимое зло), и величайшимъ благомъ. Если воспитаніе личное, педагогическое и общественное, пріобрѣтаемое въ практикѣ общественности, будетъ опираться на инстинкты, не бороться съ ними будетъ, а воспитывать ихъ, утилизируя ихъ, какъ техника утилизируетъ силы природы, то никакому пессимизму мѣста не останется. Мораль опирающаяся на инстинктъ, положительная мораль Ницше развертываетъ передъ человѣкомъ прекрасное будущее. Воспитаніе же, основанное на борьбѣ съ инстинктами, дѣйствительно можетъ привести всякаго мыслящаго человѣка лишь къ самымъ пессимистическимъ выводамъ. Въ этомъ смыслѣ, имѣя въ виду лишь современное, господствующее въ «культурныхъ» слояхъ обществѣ обученіе идеализму и прочимъ хорошимъ вещамъ, г. Андреевъ, пожалуй, правъ. Но пессимизмъ его, повидимому, цѣлитъ дальше.

Какъ бы дополненіемъ къ «Безднѣ» является очеркъ «Мысль». Если «Бездна» показываетъ, что дѣлаетъ съ человѣкомъ инстинктъ, освобожденный отъ регулирующей дѣятельности интеллекта, то «Мысль» излагаетъ печальную судьбу интеллекта, не опирающагося на инстинкты, не питающагося ими, а существующаго за свой собственный страхъ и счетъ. Психологія опять ницшеанская: «малый разумъ», оставшійся безъ помочей «великаго разума», на которыхъ онъ привыкъ ходить мало того, поставившій себѣ задачу — эмансипироваться отъ этихъ помочей, терпитъ страшное крушеніе, какъ бы самъ поѣдаетъ себя, надѣлавъ предварительно массу гадостей. Докторъ Керженцевъ именно представляетъ собою типъ человѣка безъ инстинктовъ совершенно лишеннаго здоровыхъ непосредственныхъ чувствъ. Сильный, воспитанный въ позитивной школѣ біологическихъ и медицинскихъ наукъ интеллектъ поглотилъ все существо его и претендуетъ на сверхчеловѣческое величіе и имморализмъ. Записки доктора, написанныя имъ въ психіатрической больницѣ въ видѣ документа для экспертовъ, переполнены тирадами изъ Ницше, которыя Керженцевъ, впрочемъ, дѣлаетъ отъ своего имени: одинъ талантъ это—«то, что оправдываетъ въ человѣчествѣ существованіе тысячъ негодяевъ и пошляковъ». «Точно Богъ—не видя, я видѣлъ, не слушая—я слушалъ, не думая—я сознавалъ». «Для меня нѣтъ судьи, нѣтъ закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно» и т. д. Но если самъ Керженцевъ и мнитъ себя имморалистомъ ницшеанскаго типа, то не слѣдуетъ вѣрить ему на слово: на самомъ дѣлѣ онъ полная противоположность тому, о чемъ мечталъ Ницше. Сверхчеловѣкъ прежде всего тѣмъ и привлекателенъ, что представляетъ собою психику, въ которой дѣятельность интеллекта органически вытекаетъ изъ инстинктовъ: ин-

стинкты у него сильные, разнообразные, изощренные; таковъ же и интеллектъ. Докторъ Керженцевъ весь ушелъ въ голову, онъ истый «головастикъ», какъ онъ самъ опредѣляетъ судящихъ его экспертовъ. Справедливо говоритъ онъ о себѣ: «Какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ, и одинокъ въ мірѣ, - я навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму». Съ другой стороны, Ницше интересенъ и привлекателенъ именно сочетаніемъ глубокаго позитивизма съ высочайшимъ *идеализмомъ*; это самая характерная, почти исчерпывающая его физіономію черта. Докторъ Керженцевъ вульгарнѣйшимъ манеромъ выхватилъ изъ всего Нитцше лишь отрицаніе догмъ и нормъ морали, лишь ученіе о томъ, что «ничего обязательнаго нѣтъ, все дозволено». Но эта формально вполнѣ правильная постановка вопроса о морали ничуть не исключаетъ самыхъ высокихъ моральныхъ вкусовъ и идеаловъ, доказательствомъ чему служитъ самъ Ницше, направлявшій именно по адресу подобныхъ Керженцеву имморалистовъ слѣдующія слова Заратустры:

«Ты себя свободнымъ называешь? Я мысль, тобой владѣющую, хочу знать, а не о томъ, сбросилъ ли ты ярмо.

«Изъ тѣхъ ли ты, что имѣютъ право сбросить ярмо? Такихъ вѣдь не мало, которые, освободившись отъ своего рабства,—освободились тѣмъ самымъ и отъ единственнаго, что только было въ нихъ цѣннаго» *).

Сухой эгоистъ онъ беззавѣтно влюбленъ въ себя и особенно въ свою «твердую, свѣтлую, точно выкованную изъ стали и безусловно ему послушную» мысль. Онъ очень начитанъ, и съ какимъ-то благоговѣніемъ относится къ своей библіотекѣ. Ничтожный по натурѣ человѣкъ, онъ съ мелкимъ тщеславіемъ культивируетъ свой интеллектъ и исполненъ глубокаго презрѣнія къ людямъ; въ притворствѣ передъ ними онъ находитъ неизсякаемый источникъ наслажденія. Постоянно доказывая себѣ, что его мысль свободна и «что ничего обязательнаго нѣтъ: все дозволено», онъ продѣлалъ тѣ гнусности, о которыхъ мы уже говорили выше и, наконецъ, доработался до мысли убить пріятеля, женатаго на любимой имъ женщинѣ. *Любимой*, впрочемъ, не подходящее слово, когда рѣчь идетъ о подобныхъ типахъ: вся бѣда не въ томъ, что она не отвѣчаетъ его чувству, а въ томъ, что она засмѣялась когда-то въ отвѣтъ на его объясненіе въ любви. Вотъ онъ и мститъ ей, и месть была первымъ стимуломъ къ преступленію, но отнюдь не главнымъ, она вскорѣ отошла на задній планъ, а осталось вотъ что:

„Но развѣ нельзя допустить, что убійствомъ Алексѣя я просто хотѣлъ попытать свои силы? Вѣдь вы свободно допускаете существованіе людей, которые взлѣзаютъ, рискуя жизнью, на неприступныя горы, и т. д.“.

И вотъ экспериментъ продѣланъ, пріятель убитъ; но результаты —

*) „Also sprach Zarathustra“, S. 192.

совершенно неожиданные. Оказалось, что даже въ разсудочно-эгоистической натурѣ Керженцева были скрыты таинственные инстинкты любви къ человѣку, отвращенія къ крови и смерти. Онъ узналъ объ ихъ существованіи только послѣ совершенія убійства; и голосъ этихъ инстинктовъ такъ силенъ, что «страшнѣе и каторги, и сумасшествія».

„Вы понимаете, гг. эксперты, какъ это ужасно сложилось. Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки—я любилъ свою человѣческую мысль, свою свободу...

„И мнѣ измѣнили. Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы—и мысли...

„Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее любилъ. Она не стала хуже: та же свѣтлая, острая, упругая, какъ рапира, но рукоять ея ужъ не въ моей рукѣ. И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ею другихъ.

„Наступаетъ ночь, и меня охватываетъ бѣшеный ужасъ... Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые *они*.

„Такъ жить нельзя. А міръ спокойно спитъ, и мужья пѣлуютъ своихъ женъ и ученые читаютъ лекціи, и нищій радуется брошенной копѣйкѣ. Безумный, счастливый въ своемъ безуміи міръ, ужасно будетъ твое пробужденіе!

„Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ *я*? Нигдѣ. Нигдѣ".

Приведенныя цитаты исчерпываютъ основную мысль повѣсти. Самодовлѣющая, отрѣшившаяся отъ здоровыхъ чувствъ и инстинктовъ мысль—безплодна и безсильна. Мы не знаемъ, какой выводъ дѣлаетъ отсюда г. Андреевъ. Для насъ ясно, что мысль есть только формальная способность, что содержаніе ея опредѣляется всецѣло чувствами и впечатлѣніями, что стало быть расчитывать на *свободу* мысли въ смыслѣ свободы отъ чувствъ и инстинктовъ нашихъ, психологически нелѣпо, ибо это значитъ разсчитывать на фикцію, на нѣчто лишенное содержанія. Въ повѣсти трагедія, переживаемая Керженцевымъ при постепенномъ крушеніи его и злюбленной мечты о «свободной» мысли, переплетается съ психо-патологическими подробностями. Керженцевъ заподозрѣнъ въ психической ненормальности; онъ и самъ не знаетъ навѣрное, здоровъ ли онъ психически. Граница между нормальнымъ и ненормальнымъ состояніемъ почти неуловима — этой темѣ удѣлено не мало мѣста. Но намъ сдается, что эта психо-патологія играетъ здѣсь роль тѣхъ кулаковъ, которыми г. Андреевъ оглушалъ своего героя въ «Безднѣ»: она, повидимому, введена лишь для того, чтобы сдѣлать правдоподобнѣе невѣроятные сами по себѣ эксперименты героя. Отмѣтимъ еще, что авторъ указываетъ въ Керженцевѣ одну наивную черту. Онъ какъ-то робѣетъ и пасуетъ передъ исполненной простого мило-

сердія и религіозности сидѣлкой Машей и еще при одномъ воспоминаніи: еще до преступленія, въ ясный, солнечный день онъ увидалъ однажды старуху няню, къ которой прижалась дѣвочка, напуганная собачонкой, и вотъ улыбка няни и вся сцена еще тогда показались ему «разгадкою чего-то, а задуманное имъ убійство показалось холодной ложью изъ какого-то другого, совсѣмъ особаго міра».

„И то, что обѣ онѣ, и дѣвочка, и собачонка, были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило— все это было такъ просто и такъ полно кроткой и *глубокой мудростью*, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія. Такое было чувство. И я сказалъ себѣ: „Надо объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать"—*но такъ и не подумалъ*".

Это размышленіе Керженцева отлично поясняетъ мысль автора, но оно какъ-то наивно откровенно, и элементарно. Бѣдный докторъ Керженцевъ, какъ рапирой владѣвшій своей великолѣпной мыслью, не удосужился вникнуть въ смыслъ столь простого впечатлѣнія! Намъ невольно вспоминаются содержащіе *добро* очерки г. Андреева... Странное дѣло: какъ только онъ займется добромъ, онъ тотчасъ становится элементарнымъ. Въ результатѣ надо сказать, что и эта совсѣмъ не художественная диссертація на психологическую тему очень богата содержаніемъ. Помимо основной мысли, много интереснаго разбросано мимоходомъ въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Такова характеристика либеральнаго адвоката, отца героя, у котораго «было много знаній, много мыслей и еще больше словъ; и слова, и мысли, и знанія часто комбинировались очень удачно и красиво, но онъ самъ ничего въ этомъ не понималъ». Герой «часто сомнѣвался даже существуетъ ли онъ». «Онъ постоянно говорилъ, что если бы онъ не сдѣлался знаменитымъ адвокатомъ, то былъ бы знаменитымъ писателемъ или художникомъ». «Къ сожалѣнію, это правда», прибавляетъ Керженцевъ-сынъ... Только намеками очерченная фигура жены убитаго хорошо объясняетъ, по контрасту, всю несостоятельность героя: она безотчетно привязана къ своему мужу и безотчетно же чувствуетъ недовѣріе къ Керженцеву. «А развѣ вамъ можно вѣрить?»— этимъ вопросомъ, вѣщимъ вопросомъ (ибо, въ концѣ концовъ, Керженцевъ самъ убѣждался въ правдѣ ея словъ) она какъ бы даетъ нравственную оцѣнку героя. Керженцевъ сумѣлъ прослыть правдивымъ и искреннимъ среди умныхъ людей, но было два разряда «низшихъ существъ», которыхъ провести онъ не могъ: женщины и собаки...

«Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», повидимому, доказываетъ непригодность ученія Ницше для сѣрыхъ, заурядныхъ, *среднихъ* людей. Но въ то же время это единственный очеркъ г. Андреева сколько-нибудь причастный идеалистическимъ элементамъ міросозерцанія Ницше. Сергѣй Петровичъ погибъ, будучи не въ силахъ вмѣстить слово о сверхчеловѣкѣ. Но подъ вліяніемъ этого слова, онъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ такой интенсивной, сознательной человѣческой жизнью, такъ глу-

боко заглянулъ въ неправду жизни, попирающей подобныхъ ему людей, годныхъ лишь для статистики да для благополучія сильныхъ, преуспѣвающихъ, что существованіе его пріобрѣло значительность и моральную цѣнность, какихъ никогда бы не имѣло при другихъ условіяхъ. И еще вопросъ: не надо ли предпочесть такую гибель благополучному существованію «акцизнаго чиновника» (такую карьеру готовилъ себѣ Сергѣй Петровичъ)—«плоской, мелкой и тусклой, какъ болотный ручей» жизни? Сергѣй Петровичъ напоминаетъ щедринскаго «Барана непомнящаго», котораго погубило сновидѣніе о счастливой и справедливой жизни. Но баранъ не только не помнилъ, но и не понималъ,—онъ только не хотѣлъ страдать и мечталъ о счастьѣ; а мысль Сергѣя Петровича поднялась на такую высоту, когда его *я* рѣшило порвать оковы тусклой жизни и осуществить идею Заратустры: «Если жизнь не удастся тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть». Видѣніе сверхчеловѣка озарило его именно въ такую пору, когда онъ уже готовъ былъ примириться съ жизнью. Онъ кое-какъ, по нѣсколькимъ главамъ Заратустры познакомился съ его ученіемъ. Но толчокъ былъ данъ, и мысль заработала. Страницы, гдѣ несчастный *средній* человѣкъ начинаетъ сознавать свое положеніе въ жизни—прямо блестящи. Рѣшивъ сначала: «А что имѣютъ другіе, на то имѣю право и я», Сергѣй Петровичъ сталъ мысленно примѣрять къ себѣ всевозможные способы всплыть въ разрядъ сильныхъ и благополучныхъ, и въ каждомъ случаѣ неизмѣнно приходилъ къ одному выводу: «а я бы не могъ». Передъ нимъ была одна перспектива:

„Онъ уже представлялъ себя, какимъ онъ будетъ — честнымъ, исполнительнымъ, трудолюбивымъ. Онъ видѣлъ, какъ съ медлительною и строгою постепенностью движется онъ по лѣстницѣ повышеній и, достигнувъ средней ступеньки, останавливается, разбитый годами, нуждою и болѣзнями. Онъ понималъ, что заслуги его передъ жестокостями жизни будутъ оцѣнены, и онъ будетъ праздновать свой тридцатилѣтній юбилей, какъ недавно праздновалъ его отецъ. На юбилеѣ будутъ говориться рѣчи, и онъ будетъ слушать ихъ и плакать отъ умиленія, какъ плакалъ его отецъ, и цѣловаться съ такими же, какъ и онъ, старенькими, сѣденькими, изгрызенными жизнью бывшими и будущими юбилярами. Потомъ онъ умретъ съ мыслью, что оставляетъ послѣ себя десятокъ такихъ же дѣтей, какимъ онъ былъ самъ, и въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ будетъ напечатано коротенькое жизнеописаніе, въ концѣ котораго будетъ сказано, что умеръ полезный и честный работникъ“.

Сергѣя Петровича эта перспектива не соблазнила, онъ предпочелъ умереть сейчасъ. Страницы, посвященная его самоубійству, полны глубокой художественной правды: это однѣ изъ лучшихъ страницъ во всемъ, что написано г. Андреевымъ. Даже героическое рѣшеніе свое Сергѣй Петровичъ исполняетъ, какъ средній человѣкъ. Въ самую послѣднюю минуту стклянка со стрихниномъ пугаетъ его, онъ уже готовъ сдаться, физическая стихійная жажда жизни опять дѣлаетъ его рабомъ жизни; но не надолго. Проснувшись на другой день, онъ

сразу съ удвоенной ясностью вспомнилъ все, что привело его къ его рѣшенію. Со стыдомъ и ужасомъ вспоминаетъ онъ, что послалъ наканунѣ письмо къ товарищу съ сообщеніемъ о смерти. Онъ не вынесетъ самопрезрѣнія, не можетъ жить, и этотъ жгучій стыдъ служитъ послѣднимъ толчкомъ. Онъ выпиваетъ ядъ. *Я* средняго человѣка побѣдило...

„И Сергѣю Петровичу казалось, что онъ чувствуетъ въ себѣ мощный ростъ этого я, чувствуетъ, какъ поднимается оно въ высь, и громовые раскаты его голоса заглушаютъ жалкій *писк тѣла,* сильнаго только ночью. Пусть сгибаются тѣ, кто хочетъ, а онъ ломаетъ свою желѣзную клѣтку. И *жалкій,* тупой и несчастный человѣкъ, въ эту минуту онъ поднимается выше геніевъ, королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ—смѣлое, свободное и безсмертное человѣческое *я*! Его не могутъ побѣдить темныя силы природы, оно господствуетъ надъ жизнью и смертью—смѣлое, свободное и безсмертное *я!*“

Мы забыли упомянуть, что Сергѣй Петровичъ студентъ-естественникъ; что онъ одинокъ среди своихъ товарищей, которые считаютъ его заурядnымъ и безличнымъ существомъ и не обращаютъ на него никакого вниманія. Сблизился съ нимъ одинъ только Новиковъ, самолюбивая и талантливая натура; но и тотъ сдѣлалъ изъ него какую-то пѣшку въ своихъ рукахъ. Новиковъ, впрочемъ, увѣрялъ, что заурядный по внѣшности Сергѣй Петровичъ способенъ къ глубокимъ чувствамъ и не такъ неинтересенъ, какъ кажется; но могло быть, что онъ только рисовался дружбой съ такимъ ничтожествомъ... И въ одинокой душѣ Сергѣя Петровича разыгралась трагедія средняго человѣка, подавленнаго красотой того «непостижимаго, но человѣческаго существа, которое осуществило всѣ заложенныя въ него возможности и полноправно владѣетъ силою, счастьемъ и свободою». Товарищи, какъ водится, объяснили все его ненормальной психикой... Въ данномъ случаѣ пессимизмъ г. Андреева, повидимому, у мѣста: если образъ, нарисованный Ницше, дѣйствительно привлекателенъ и можетъ служить идеаломъ, то среднему человѣку онъ ничего не даетъ, кромѣ героизма самоуничтоженія. Но такъ ли это? Идеалъ ли Ницше тутъ виноватъ, или тѣ формы современной нашей жизни, которыя не только эксплуатируютъ средняго человѣка, не только не подхватываютъ и не развиваютъ тѣ крупицы талантовъ, которыя, быть можетъ заложены, въ немъ, но еще окончательно обезличиваютъ его, карная и притупляя всякій ростокъ дарованія, всякій признакъ индивидуальности? Разумѣется, найдутся такія пѣшки, изъ которыхъ никакими средствами не добудешь ничего на потребу жизни. Но это скорѣе исключенія, чѣмъ правило. Самъ Сергѣй Петровичъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: при всемъ отсутствіи яркости и талантливости, онъ надѣленъ способностью глубоко и честно мыслить и чувствовать, можетъ быть, гораздо въ большей мѣрѣ надѣленъ, чѣмъ формально-талантливый, яркій и смѣлый Новиковъ. И вотъ иныя формы жизни вмѣсто того, чтобы

измолоть его, какъ жернова зерно, подхватили бы и вынесли бы на свѣтъ Божій и на общую пользу этотъ талантъ безталаннаго человѣка. И во всякомъ живомъ человѣкѣ нашелся бы такой талантъ, такая индивидуальная черта, которая могла бы пойти на потребу жизни общей; и использованіе ея давало бы смыслъ его жизни, ибо и онъ вносилъ бы свою лепту въ дѣло созиданія высшаго типа...

Когда мы приступали къ разбору мыслей, вложенныхъ г. Андреевымъ въ его очерки, мы не ожидали, что придется посвятить этому цѣлыхъ 16 страницъ... Но читатель самъ видитъ, до чего велико обиліе, разнообразіе и серьезность этихъ мыслей. При этомъ необходимо отмѣтить, что мы останавливались лишь на самыхъ основныхъ темахъ, опуская массу содержательныхъ деталей и эпизодовъ. И все это авторъ съумѣлъ умѣстить въ какомъ-нибудь полутора десяткѣ небольшого размѣра очерковъ. Ясно, что обиліе мысли является основнымъ плюсомъ творчества г. Андреева. Его писанія интересны, его писанія умны. Если г. Буренинъ и преувеличиваетъ злостно успѣхъ и популярность г. Андреева, утверждая, будто они уже превысили успѣхъ и популярность М. Горькаго, то фактъ большого успѣха тѣмъ не менѣе налицо. И это не успѣхъ «скандала», какъ старается увѣрить насъ критикъ-нововременецъ, а естественный, дѣлающій честь нашему читателю, успѣхъ серьезной мысли. Мы видѣли, что темы, разрабатываемыя г. Андреевымъ, очень современныя темы. Таковъ вопросъ о личности, подавляемой и съѣдаемой своимъ одиночествомъ, своимъ сиротствомъ среди той разрозненности, которая до сихъ поръ замѣняетъ у насъ живой обмѣнъ общественныхъ элементовъ, общественную солидарность и искусственно поддерживается наперекоръ все громче раздающемуся голосу жизни. Таковы «ницшеанскія» темы, которыя въ послѣдніе годы пріобрѣли въ Россіи громадную популярность. Г. Андреевъ не единственной беллетристъ, разрабатывающій послѣднія. Въ «Мірѣ Божіемъ» не такъ давно печаталась повѣсть Вересаева, трактовавшая вопросъ о власти «великаго разума» надъ міросозерцаніемъ человѣка: мы разумѣемъ повѣсть «На поворотѣ», которая далеко не оцѣнена нашей критикой, занявшейся исключительно первой ея половиной, характеристикой современной идейной молодежи, и совершенно просмотрѣвшей основную тему—тяжелую душевную драму, которую переживаетъ герой повѣсти Токаревъ, стоящій на томъ страшномъ *поворотѣ*, когда хладѣющіе инстинкты, дряхлѣющее безсознательное *я* уже отказываютъ въ своей поддержкѣ вѣрѣ и идеализму молодой поры... Небывалый у насъ до сихъ поръ писательскій успѣхъ М. Горькаго, помимо другихъ его правъ на этотъ успѣхъ, обусловленъ несомнѣнно тѣми элементами его міросозерцанія, которые такъ сближаютъ его съ Ницше—до совпаденія даже иныхъ образовъ и формулъ. Кстати: писательскій обликъ Максима Горькаго

какъ нельзя лучше оттѣняетъ положеніе г. Андреева по отношенію къ нитцшеанству. Горькій близокъ къ Нитцше не только по психологическимъ своимъ взглядамъ на человѣка, но и по безудержному, неукротимому и жизнерадостному своему идеализму. Г. Андреевъ, раздѣляя психологическія воззрѣнія нѣмецкаго философа, совершенно чуждъ его идеализма и свѣтлаго взгляда на жизнь. Въ этомъ смыслѣ онъ анти-Ницше, анти-Горькій.

Но помимо указаннаго интеллектуальнаго интереса и помимо тѣхъ художественныхъ техническихъ плюсовъ, о которыхъ мы довольно обстоятельно говорили выше, успѣхъ г. Андреева, думается намъ, объясняется еще однимъ его свойствомъ. Мы уже отмѣчали, что онъ совершенно чуждъ всякихъ экскурсій въ область публицистики и почти чуждъ экскурсій въ мораль. Но онъ не только чуждъ подобныхъ экскурсій, не только не перемежаетъ своего повѣствованія сужденіями общественно-моральнаго характера, а какъ бы намѣренно чуждается подобныхъ сужденій даже въ своихъ замыслахъ, въ концепціи своихъ произведеній. Очерки его всегда представляютъ изъ себя мысль, облеченную въ беллетристическій символъ. Но эта мысль не публицистическая, не моральная, а философская. Быть можетъ, преднамѣренности у него въ этомъ и нѣтъ; быть можетъ, это выходитъ само собою, въ силу того свойства, за которое мы окрестили его анти-Ницше, — въ силу отсутствія идеалистическихъ элементовъ въ его духовной физіономіи... Пусть такъ. Но мы врядъ ли ошибаемся полагая, что успѣхъ его въ изрядной степени обусловленъ именно этой особенностью его творчества. Она—совершенная новость въ нашей художественной литературѣ, эта особенность...

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши художники по духу давно моралисты и публицисты. Идея моральная или гражданская какъ будто росла въ однихъ пеленкахъ съ русскимъ художественнымъ словомъ. Даже Пушкинъ, классическая, всеобъемлющая, пантеистическая душа, воздвигалъ себѣ памятникъ не за художественныя пророчества свои, не за идеальную красоту и глубокую жизненную правду своихъ твореній, а за то, что «въ нашъ жестокій вѣкъ возславилъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ». Писаревъ, самая свободная голова изъ всѣхъ русскихъ публицистовъ, сказалъ какъ-то въ разговорѣ съ Шелгуновымъ, что русскій человѣкъ и мыслить имѣетъ право лишь постольку, поскольку голодный станетъ отъ этого сытымъ. *Мыслить*—а ужъ про художественное творчество и говорить нечего! Съ самыхъ 40-хъ годовъ держится у насъ царство морали и публицистики *). У насъ были по-

*) Мы знаемъ только одно крупное исключеніе—Тургенева. Онъ стоитъ одиноко, какъ вечерняя звѣзда на вечернемъ небѣ, сознательно исповѣдуя свой художественный принципъ — *концентрированнаго воспроизведенія жизни*. Правда, что, подобно вечерней звѣздѣ, онъ и жилъ на западѣ...

борники «чистаго искусства», Майковы, Тютчевы. Но они всѣ принадлежали къ лагерю обскурантовъ, и ихъ искусство оставалось чистымъ лишь до того момента, когда касалось жизни: чуть коснувшись ея, оно мигомъ превращалось въ тоже искусство гражданское, идейное и «нечистое» въ настоящемъ значеніи этого слова.

Жюль Леметръ говоритъ въ своей статьѣ «Literatures du Nord», что русская и скандинавская художественная литература всегда поражала его одной особенностью: при чтеніи ему всегда слышался рядомъ съ голосомъ художника еще голосъ *проповѣдующаго священника*. Замѣчаніе очень мѣткое и заслуживающее серіознаго вниманія. Европейское ухо вѣрно уловило отличительную ноту нашего художественнаго творчества. Не начинаетъ ли эта нота утомлять ухо современнаго читателя?

Авторъ «Что такое искусство?» и его единомышленники должны съ чувствомъ нѣкоторой зависти вспоминать о жрецѣ, который у древнихъ являлся одновременно и творцомъ художественныхъ произведеній—гимновъ и вокальнымъ ихъ исполнителемъ, да еще сопровождалъ свое пѣніе пляской. Такое синтетическое художество, разумѣется, имѣетъ свою привлекательность. Но вѣдь надо же признать, что всѣ роды дѣятельности, которые совмѣщалъ въ себѣ этотъ древній художникъ, были достаточно элементарнаго свойства, въ соотвѣтствіи со столь же примитивными потребностями среды. Усложнившаяся до неузнаваемости жизнь давно отрицаетъ это совмѣстительство. Спеціальности пѣвца и танцора давно уже отдѣлились отъ спеціальности поэта. Но элементъ «жречества», моральнаго учительства до сихъ поръ не дифференцируется отъ художественнаго творчества. Въ Европѣ эта дифференціація до извѣстной степени уже совершившійся фактъ. Не даромъ мы такъ кичимся передъ Западомъ «идейностью» нашей литературы.

Намъ представляется, что пора для этой дифференціаціи настала и у насъ. Моральную проповѣдь надо предоставить философамъ-моралистамъ; гражданскія идеи—достояніе публицистовъ; у художественной литературы, какъ и у художества вообще, найдутся *свои задачи*.

Мы уже говорили объ этихъ задачахъ, когда развивали мысль Бѣлинскаго о двухъ типахъ художественнаго творчества. Намъ представляется, что единственное истинное назначеніе искусства есть то воспроизведеніе типическаго въ жизни, тотъ интуитивный итогъ ея, который пророчески подготовляетъ итоги моральныя и философскія. Художникъ долженъ созерцать жизнь и воспроизводить свое пониманіе ея, а не проповѣдывать. Онъ не долженъ себѣ ставить ни моральныхъ, ни гражданскихъ цѣлей. Его нравственность—это художественная правдивость и непосредотвенность, отсутствіе предвзятости, не затемняемое умысломъ созерцаніе. Приведемъ прекрасное мѣсто на эту тему изъ одной статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ, относящейся къ 1835 г.:

«И вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть... Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ, вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однако-жъ, не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ:

«Не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте—и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!»

Какъ извѣстно, Бѣлинскій и самъ позднѣе нѣсколько отступилъ отъ этой точки зрѣнія. Нетерпѣливая, требовательная жизнь брала свое и принуждала къ публицистикѣ. Послѣдующая критика цѣликомъ ушла въ борьбу съ поддерживаемой реакціонерами теоріей «чистаго искусства» и видѣла въ идеѣ, въ гражданской проповѣди главное назначеніе искусства. Задача искусства, какъ мы ее понимаемъ, гораздо шире и значительнѣе, а кромѣ того это специфическая задача искусства, для него одного исполнимая, представляющая его права и преимущества передъ всѣми остальными родами человѣческой дѣятельности. Но права и преимущества обязываютъ. Оно обязано зачинать въ своемъ таинственномъ лонѣ тѣ элементы будущихъ представленій и понятій, безъ которыхъ не было бы новаго пониманія жизни, новыхъ итоговъ, новой жизни, стало быть. Область искусства, это міръ еще не рожденныхъ, еще не попавшихъ въ философскія категоріи интуитивныхъ образовъ. Зачинать ихъ, подготовлять ихъ рожденіе—вотъ философская и соціальная роль художественнаго творчества. Мы сказали бы, что лишенное соціальной «цѣли» искусство именно съ соціальной точки зрѣнія выше и значительнѣе гражданской проповѣди въ художественномъ облаченіи. Истинно моральнымъ, истинно соціальнымъ будетъ искусство асоціальное, аморальное — «безцѣльное», какъ выражался Бѣлинскій.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одной замѣткѣ мы выставили принципъ такого искусства и предложили его назвать не «гражданскимъ» и не «чистымъ», а *свободнымъ* искусствомъ. Мы вели рѣчь именно объ искусствѣ непосредственнаго созерцанія и художественныхъ итоговъ. Г. Михайловскій напалъ на насъ, доказывая, что мы либо непослѣдовательны, либо, предлагая новое слово, новую кличку, въ сущности, придерживаемся старой идеи чистаго искусства. Дѣло это давнишнее, но вопросъ настолько серьезенъ, что стоитъ вспомнить

объ этой полемикѣ. Лагерь идейнаго искусства, очевидно, не можетъ допустить ничего третьяго между указанными двумя художественными принципами. Для насъ ясно, что оба лагеря—и «идейный», и «чистый»—стоятъ на одинаково неправильной точкѣ зрѣнія, неправильность которой обусловлена непониманіемъ философскаго значенія искусства, спеціальныхъ его задачъ. Итакъ, мы выдвигаемъ принципъ *свободнаго* искусства, какъ единственно серьезнаго, единственно творческаго, пророческаго даже. Художникъ можетъ и долженъ высказываться *обо всемъ, чѣмъ живетъ его духъ*, но требовать отъ него можно только одного: истинно художественнаго, непосредственно-свободнаго отношенія къ изображаемому предмету и красоты формы. Предвосхищая возможное обличеніе въ явно выраженной симпатіи къ идеализму М. Горькаго, мы подчеркиваемъ наши слова: *обо всемъ, чѣмъ живетъ его духъ*. А для окончательной ясности прибавимъ, что къ художнику можно примѣнить ту формулу, которой Контъ опредѣлялъ хорошаго соціолога:« соціологъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ и затѣмъ писать соціологію». Мы скажемъ: «художникъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ и затѣмъ аморально творить». Тогда въ сферу его созерцанія и воспроизведенія войдетъ все, чѣмъ живетъ человѣчество, все многообразіе проявленій его психики.

Произведенія свободнаго, аморальнаго и аполитическаго искусства, разумѣется, представляютъ собою гораздо болѣе серьезный и благодарный матеріалъ именно для публицистической критики. Публицистическая критика иллюстрацій къ публицистическимъ идеямъ—вѣдь въ ней очевиденъ какой-то логическій кругъ, тотъ самый, что и въ теоріи экспериментальнаго романа Золя. Доказывать справедливость біологической теоріи, создавая иллюстраціи къ этой теоріи, не то же ли самое, что дѣлать публицистическіе выводы изъ иллюстрацій къ тѣмъ же публицистическимъ мыслямъ? Наша критика постоянно игнорировала художественную оцѣнку разбираемыхъ произведеній. Она спѣшила къ своимъ выводамъ. Но какая же цѣна можетъ быть у вывода, если онъ построенъ на основаніи романа, повѣсти, не представляющихъ истиннаго воспроизведенія жизни? Это будетъ выводъ безъ основанія, зданіе, построенное на песцѣ или даже висящее въ воздухѣ. Классическимъ образцомъ такой критики можетъ служить статья Добролюбова о слабыхъ, ничтожныхъ по художественному содержанію повѣстяхъ Марка-Вовчка... Въ то «публицистическое» время нельзя было иначе мыслить и писать. Вся общественная мысль и жизнь сосредоточивались въ литературѣ. Внѣ литературы русскіе люди не жили, можно сказать. Литература служила суррогатомъ гражданской жизни, литературные факты были единственными общественными фактами. Въ послѣдовавшіе затѣмъ боевые годы литература должна была идти въ шагъ съ передовой интеллигенціей. Интеллигенція мыслила только публицистически и литература стала публицистической. Въ наи-

болѣе талантливыхъ своихъ представителяхъ она являлась вѣрнымъ выраженіемъ той идеологіи, которой существовали лучшія силы общества. Но лучшія силы создавали и осуществляли въ жизни эту идеологію, а общество еще не жило.

Въ наше время, когда представители старой идеологіи констатируютъ какую-то духовную *смуту* и общественный индифферентизмъ, только изрѣдка въ совершенно новыхъ фактахъ нашей общественности усматривая возвращеніе къ ихъ излюбленной «публицистикѣ», въ наше время — вещи значительно измѣнились. — Для насъ очевидно, что общественность пробуждается, что «гражданская» мысль работаетъ такъ интенсивно, какъ, можетъ быть, никогда у насъ не работала... И въ этой жадности, съ которой современный читатель поглощаетъ огромное количество книгъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; и въ этомъ интересѣ къ художеству самому по себѣ, къ философіи самой по себѣ, вообще къ высшимъ запросамъ духа самимъ по себѣ — мы видимъ не признаки индифферентизма общественнаго, а пробужденіе новаго сознанія, новаго ощущенія... Русскіе люди чувствуютъ, что уже не въ одной только литературѣ бьется пульсъ общественной жизни, что общественная жизнь тронулась впередъ, что мы можемъ теперь позволить себѣ нѣкоторую роскошь — отдохнуть отъ художественной публицистики, что мы уже имѣемъ право на все то достояніе, которымъ питается цѣльно и всесторонне развивающаяся человѣческая личность. Долой публицистику въ художествѣ, zum Teufel die Moral!—какъ говорилъ Ницше—это значитъ, что публицистика и мораль уже осуществляются въ жизни, а художество можетъ заняться своими спеціальными задачами, служа съ гораздо большимъ совершенствомъ тѣмъ же великимъ цѣлямъ. Г. Гриневичъ въ «Русскомъ Богатствѣ» недавно съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтилъ, что некрасовская муза «мести и печали» теперь, послѣ долгаго затишья, опять громче, внятнѣе запѣла и находитъ себѣ все большее число слушателей въ рядахъ новой, нарождающейся читательской массы... Некрасовъ не только вѣрный сынъ своего времени, поэтъ-публицистъ, но и истинный большой поэтъ. Его лиризмъ гражданской совѣсти – истинное художественное вдохновеніе, специфическій его даръ, выдѣляющій его совершенно изъ всѣхъ нашихъ пѣвцовъ, а можетъ быть и всѣхъ европейскихъ, съ аналогично настроенной лирой. Въ спеціальной области этой лирики онъ большой художникъ и въ этомъ его право на вѣчное вниманіе и любовь. Поэтому и мы можемъ только привѣтствовать возрожденіе интереса къ нему, если только фактъ, что этотъ интересъ когда-нибудь ослабѣвалъ. Мы усомнимся, пожалуй, лишь въ томъ, что содержаніе его лирики, что его идеи и мораль именно тѣ, которыя особенно нужны новому нашему читателю... Но мы полагаемъ, что не только истинное художество Некрасова, а и морально-публицистическая *беллетристика*, мораль, политика, и педагогика въ формѣ художественной популяриза-

ціи еще нужны, и еще долго будутъ нужны, и будутъ находить своего читателя. Вѣдь и дѣтская литература также нужна и имѣетъ своего читателя. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что она высшій родъ художественной литературы.

Именно новое сознаніе или ощущеніе нарождающейся общественности и извѣстная усталость отъ «идейнаго» искусства, съ его напередъ извѣстными поученіями и мыслями, объясняетъ, на нашъ взглядъ, успѣхъ г. Андреева въ наиболѣе интеллигентной средѣ нашего общества. Именно здѣсь слѣдуетъ искать разгадку пристрастія читателя къ лишенному добра творчеству г. Андреева. Г. Андреевъ не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы выставили, какъ основу истиннаго художества. Онъ беллетристъ-символистъ, а не художникъ-пророкъ. Но онъ мыслящій беллетристъ, и мысль его свѣжа, глубока и свободна отъ морали и публицистики. Его облеченныя въ символическія ризы идеи, въ силу послѣдняго обстоятельства, въ силу этого столь новаго у насъ свойства, особенно заинтересовываютъ и привлекаютъ; а благодаря прекрасной импрессіонистски-реалистической живописи, могутъ, при бѣгломъ чтеніи, сойти за аморальное по цѣли, но моральное по существу—истинное художество: одинъ общій признакъ съ этимъ художествомъ у нихъ есть—свободное, не предвзятое отношеніе къ жизни, *свободная* мысль.

Г. Протопоповъ, какъ мы упоминали, закончилъ свою критику совѣтомъ г. Андрееву бросить живопись и заняться фотографіей съ натуры. Мы съ своей стороны выскажемъ иное пожеланіе. Судя по чудесной живописи и обрывкамъ реалистическаго творчества, которыя мы находимъ въ его очеркахъ, мы полагаемъ, что онъ могъ бы стать истиннымъ художникомъ въ томъ смыслѣ, какой мы установили за этимъ терминомъ. Пожелаемъ ему, прежде всего, освободиться отъ болѣзненнаго пристрастія къ мучительнымъ, тривіальнымъ сценамъ и нагроможденію ужасающихъ эффектовъ—это разъ. А затѣмъ прибавимъ еще одно, болѣе серьезное, пожеланіе. Можетъ быть, источникомъ его символизма является недостатокъ наблюденій, жизненнаго матеріала для творчества... Пожелаемъ ему въ такомъ случаѣ выйти изъ одиночества, изъ «тюрьмы собственной головы» и воспроизводить то, что онъ тогда увидитъ, но не фотографически, а художественно, и тогда онъ «силою своей мысли и своего таланта будетъ,—по выраженію героя очерка «Мысль»,—творить новую жизнь».

М. Невѣдомскій

ВЪ ЛѢСУ.

Вокругъ меня сумрачный лѣсъ,
И вѣетъ тоской тишина...
Отъ нѣжныхъ, вечернихъ небесъ
Мнѣ только полоска видна.

* * *

Не встрѣтивъ улыбки весны,
Зачахъ одинокій цвѣтокъ,—
И желтыя иглы сосны
Лежатъ, какъ могильный песокъ.

* * *

Пусть сосны и льютъ ароматъ,
Мнѣ душно въ ихъ тѣсномъ кругу!—
А тамъ еще свѣтитъ закатъ—
На пышно цвѣтущемъ лугу!

* * *

И жаждетъ увидѣть мой взоръ
Сквозь жесткую зелень вѣтвей—
Широкій свободный, просторъ
Въ сіяньи вечернихъ лучей!

А. Лукьяновъ.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Разсказъ.

— Анна! . Слышишь, Анна!.. Пришли... Вотъ онѣ!.. Ѣдемъ... Вѣрно ѣдемъ! Теперь уже... несомнѣнно ѣдемъ!.. — вскричалъ блѣдный отъ волненія мужчина, врываясь съ бумагами въ рукахъ въ юрту Молодая женщина съ испугомъ вскочила съ лавки, на которой она сидѣла съ работой въ рукахъ, и схватила въ объятья играющаго у ногъ ея ребенка?..

— Кто пришелъ? Что такое?

— Да... бумаги! Разрѣшеніе... Вотъ оно!

Онъ совалъ ей въ руки желтоватый печатный бланкъ, но она, казалось, не замѣчала его, пока, наконецъ, сознаніе не сверкнуло въ ея широко раскрытыхъ, испуганныхъ глазахъ, и тогда она свободной рукой медленно закрыла вспухшее вдругъ отъ слезъ. лицо.

Удивленный ребенокъ повернулся къ матери всѣмъ корпусомъ и сталъ пальчиками съ настойчивой серьезностью буравить ея судорожно сжатые пальцы а мужъ обнялъ плачущую и сдавленнымъ голосомъ нѣжно успокаивалъ ее.

— Милая... голубка... Перестань... Вѣдь, прошло, все прошло... конецъ...

— Когда же, когда?—спросилъ Анна вытирая слезы.

— Сегодня, сейчасъ... Лёва пишетъ, что пароходъ уходитъ завтра вечеромъ. Чтобы поспѣть, мы должны двинуться немедленно... Я уже распорядился, чтобы Бётюгётъ выпрягъ лошадей изъ плуга и наладилъ телѣгу. Мѣшкать нельзя ни минуты! Брось все и примись за укладку.

— Ахъ, Степа, Степа!.. Какъ это все у тебя всегда выходитъ неожиданно?!

— Развѣ я виноватъ? Въ этомъ случаѣ я ужъ никакъ не виноватъ,—оправдывался мужчина.

Жена тонко улыбнулась и поставила ребенка на землю, приговаривая:

— Я знаю, Саша хорошій! Саша будетъ паинька и не будетъ мѣшать мамѣ...

Саша въ отвѣтъ засунулъ голову въ складки ея платья и ухватился крѣпко ручонками за нихъ. Онъ еще не плакалъ, но торжественно приготовлялся къ этому.

— Только оставь, Саша, свои затѣи!.. Это не поможетъ, а выйдетъ очень некрасиво... Отецъ занятъ, мамѣ необходимо укладываться, а Саша, такой большой мальчикъ, вдругъ хнычетъ, точно маленькій... Саша, лучше послушай, что я тебѣ скажу... Мы сядемъ на телѣгу и уѣдемъ далеко... далеко... на югъ, гдѣ цвѣтутъ розы, гдѣ поютъ птички и гдѣ будетъ много-много маленькихъ дѣтей...

Она ловко освободила свою юбку изъ рукъ милаго деспота и и повернулась къ мужу...

— Ей-Богу, Степа, въ головѣ у меня такой кавардакъ, что не знаю, за что и приняться?! Ты бы лучше самъ распорядился.

Тотъ не отвѣчалъ; онъ, какъ стоялъ въ шляпѣ на головѣ, сѣлъ къ столу и быстро-быстро писалъ письмо.

— Эй! Бѣтюгётъ!..

Въ открытыхъ дверяхъ на фонѣ голубыхъ небесъ и далекихъ, позлащенныхъ солнцемъ лѣсовъ появилось на зовъ смуглое лицо молодого якута.

— Письмо понесешь сейчасъ русскому «тоёну» на Бѣлое озеро!— сказалъ Степанъ по якутски.—Только торопись!.. Что, лошадямъ далъ ячменю?

— Далъ. Всё сдѣлалъ, какъ вы приказали.

— Такъ двигай! Ты справливаешь, съ чего начнемъ, — обратился онъ къ женѣ,— очень просто: начнемъ вотъ съ чего: я принесу изъ амбара ящики, а ты, между тѣмъ, выбирай необходимыя вещи и платье и складывай въ кучу... Послѣ посмотримъ, какъ ихъ распредѣлить. Только не бери черезчуръ много, а то денегъ намъ не хватитъ на билетъ и багажъ...

— Черезчуръ много! — возмутилась Анна. — Когда же это было ихъ у насъ черезчуръ много?.. Да и куда дѣнемъ остатки?

— Подаримъ..: сосѣдямъ,—отвѣтилъ спокойно, помолчавъ минуту, Степанъ.

Анна пыталась что-то возразить, но онъ уже всталъ и, не слушая, вышелъ на дворъ, гдѣ вскорѣ заскрипѣли двери раскрываемаго амбара и застучали ящики. Молодая женщина развела съ улыбкой руками и, напѣвая, принялась собирать посуду, платье и домашнія мелочи.

Степанъ обстоятельно укладывалъ все. Такъ проработали они нѣсколько часовъ среди пыли и непріятнаго запаха залежавшихся книгъ и тканей. Саша, восхищенный обиліемъ разбросанныхъ

на полу предметовъ, велъ себя, сверхъ ожиданія, тихо, зато ежеминутно тащилъ что-нибудь въ уголъ или клалъ себѣ въ ротъ.

Вечерѣло. Въ открытыя двери пахнуло холодомъ. Золотой блескъ солнечнаго сіянія померкнулъ на дальнихъ лѣсахъ и смѣнился мѣднымъ блескомъ заката. Зарево зари сквозь окна проникло въ избу и окрасило багрянцемъ ея сумерки.

Анна затопила каминъ и поставила ужинъ. Не безъ странной грусти касалась она грубыхъ горшковъ и измятыхъ кастрюль, такъ долго раздѣлявшихъ ихъ долю.

Степанъ увязывалъ ящики веревками.

— Эй, Бётюгётъ, ты уже вернулся? Иди сюда! — крикнулъ онъ, замѣтивъ сквозь двери сизую тѣнь на сѣрой глинѣ двора.

— Это я!—отвѣтилъ высокій, плотный мужчина, сгибаясь при входѣ. Онъ медленно снялъ съ плѣшивой головы облѣзлую мѣховую шапку и такъ же медленно повѣсилъ её на вѣшалкѣ вмѣстѣ съ перчатками и двустволкой.

— Какой вы молодецъ, что пришли. Вы умѣете поторопиться, когда желаете!.. А мы уже отчаялись, что не успѣемъ съ вами проститься... Вѣдь мы черезъ полъ-часа, самое большее черезъ часъ—ѣдемъ!—разсказывалъ Степанъ.

— Знаю: вы писали, но что такъ вдругъ? Зачѣмъ такая стремительность? Впрочемъ, это въ твоемъ вкусѣ, Степанъ!

— Не въ томъ дѣло. Пойми, иначе намъ нельзя. Пароходъ уходитъ завтра вечеромъ и намъ необходимо сдѣлать въ двадцать четыре часа сто слишкомъ верстъ... Если мы опоздаемъ, придется ждать зимняго пути, такъ какъ не могу же я подвергать жену и ребенка риску верховой ѣзды... А это грозитъ намъ на нѣкоторыхъ приленскихъ переѣздахъ... Къ тому же у насъ хватитъ денегъ на пароходъ, но ни въ какомъ случаѣ не хватило бы ихъ на проѣздъ на почтовыхъ!

— Если бы вы помедлили, вамъ, можетъ быть, удалось бы продать домъ да кой-что изъ хозяйства... Да, можетъ быть, кто-нибудь купилъ бы право посѣва на вспаханныхъ вами земляхъ... Да и вообще, многое могло бы случиться, что позволило бы вамъ устроиться пообстоятельнѣе, а то... вѣдь пріѣдете туда, полагаю, безъ гроша!

Степанъ усмѣхнулся.

— Конечно, хорошо бы... но все это ни къ чему не приведетъ. Земли съ момента объявленія бумаги отбираются въ улусъ. Нѣтъ даже надежды запродать право на посѣвы, хотя они и вспаханы мною. Разъ якуты узнали, что я уѣзжаю, никто не купитъ. Они уже теперь считаютъ все мое хозяйство своей собственностью. Они прямо сказали мнѣ: «ты жилъ среди насъ, пользовался нашей землею и нашей защитой, ты долженъ насъ уважить!» Третьяго

дня я приказалъ Бётюгёту разобрать на топливо кусокъ моего же забора—не стоило мнѣ въ виду возможнаго отъѣзда заготовлять дровъ. Что-жъ ты думаешь: князь прислалъ якута съ выговоромъ, зачѣмъ порчу «общественную городьбу»... Смѣшно... а все таки они до нѣкоторой степени правы. Собственность можно оправдать только владѣніемъ и дѣйствительной потребностью въ данномъ предметѣ... Нѣтъ, я ничего не продамъ. Усадьбу я такъ брошу на произволъ судьбы,—пусть съ ней возится общество, а хозяйственныя орудія и другое барахло подарю Бётюгёту. Онъ нѣсколько лѣтъ работалъ вмѣстѣ со мною и я съ удовольствіемъ оставлю ему кой-что. Мнѣ пріятно подумать, что такимъ образомъ я помогу парню стать на ноги, превратиться изъ пролетарія въ независимаго хозяина... Здѣсь для этого нужно такъ немного...

— Гм... Что слышу? Поддерживаемъ третье сословіе на счетъ четвертаго!..—шутилъ гость, наблюдая съ интересомъ за маневрами Саши, стремящагося помѣшать кнутикомъ въ горшкѣ съ кипящимъ супомъ.

Анна взяла сына на руки.

— Нѣтъ!—возражалъ серьезно Степанъ.—Не надо быть доктринеромъ!.. Я просто хотѣлъ бы оставить именно здѣсь, гдѣ я прожилъ столько лѣтъ, хорошій слѣдъ... какое-нибудь вещественное доказательство моего сочувствія этимъ людямъ... Доставить кому-нибудь изъ нихъ мнѣ лично извѣстному возможность чаще смѣяться и благодушествовать... А что я выбралъ моего работника, это, кажется, понятно... Я не сентиментальничаю, нѣтъ!.. Мнѣ просто надоѣли абстракціи... Человѣчество, конечно, вещь почтенная... Мы въ эту пропасть успѣемъ еще много спустить!.. Но ты не повѣришь, Карлъ, какъ страстно я въ этотъ послѣдній годъ жаждалъ реальныхъ дѣйствій, хорошихъ реальныхъ ощущеній... А тутъ все эта борьба изъ за насущнаго хлѣба и сознаніе единственной заслуги въ томъ только, что существуешь. Я этого конечно не связываю съ моимъ ничтожнымъ подаркомъ Бётюгёту, а только говорю такъ, къ слову...—быстро-быстро разсказывалъ Степанъ.

Карлъ грустно молчалъ.

— Да, мнѣ кажется, я тебя понимаю,—проговорилъ онъ неуклюже,—и сказалъ я мою фразу не затѣмъ, чтобы тебя задѣть въ сердцѣ, но мнѣ просто хотѣлось, по старой памяти, подзадорить тебя, вызвать на споръ, но тебѣ некогда. Я это вижу... Мнѣ жутко подумать, что вотъ черезъ часъ, два васъ здѣсь... не будетъ... Не будетъ никого... Не будемъ больше спорить и ругаться... Столько лѣтъ... привыкъ!

Голосъ гостя чуть охрипъ и порвался. Степанъ пересталъ затягивать узлы у ящика и быстро взглянулъ на товарища.

— Прости, Карлъ... Мы, я не сомнѣваюсь, встрѣтимся на югѣ!—проговорилъ онъ сердечно.

— Не знаю. Жутко думать о будущемъ. Тоска и мертвящая безсодержательность жизни подчасъ кажутся мнѣ невыносимымъ бременемъ. Раньше, когда онѣ донимали меня, я приходилъ къ вамъ, чтобы вы раздѣлили ее со мной. Человѣкъ вообще достаточно подлая скотина и любитъ утѣшать себя тѣмъ, что и другіе страдаютъ... Ты, Карскій, такой жизнерадостный, крѣпкій, тебѣ это ни почемъ.

Анна съ ребенкомъ подсѣла къ гостю.

— Другъ мой, побейте вы насъ, умоляю!.. Мы такъ счастливы, что мнѣ просто и стыдно, и страшно...

— Мы будемъ вамъ писать...—проговорилъ Степанъ, присаживаясь съ другой стороны возлѣ товарища, но тутъ же онъ спохватился и съ испугомъ взглянулъ на часы.

— Пора, пора! Анна, давай ужинать, а затѣмъ одѣвай ребенка! Эй, Бѣтюгѣтъ, запрягай!

Часъ спустя нагруженная чемоданами телѣга быстро катилась по широкой, глинистой дорогѣ, затвердѣвшей, какъ кирпичъ, отъ лѣтняго зноя. Колеса плавно вертѣлись на свѣже смазанныхъ желѣзныхъ осяхъ, сдерживаемыя Бѣтюгѣтомъ лошади бѣжали бодро и ровно. Рыжая пыль взлетала туманомъ изъ-подъ колесъ и копытъ и долго носилась въ тихомъ вечернемъ воздухѣ. На телѣгѣ сидѣлъ Карскій съ семьей и Карлъ съ двустволкой на спинѣ.

Всѣ молчали.

Молчала и тайга по бокамъ, подернутая розовымъ ночнымъ сумракомъ, благоухающая отъ крѣпкаго аромата смолы, перегрѣтой дневною жарою. Молчали лѣсные луга, молчали озера, спящія среди высокихъ травъ подъ легкой пеленой мглы. Молчали попутныя юрты; дымъ не струился изъ ихъ косыхъ трубъ и не было свѣта въ оконцахъ. Спали стада, расположившись пестрыми кучками на влажныхъ отъ росы пастбищахъ. Спалъ вѣтеръ, притаившись среди цвѣтовъ, злаковъ и вѣтвей. Примолкла волна, не шелестили листья, не шумѣли нивы...

Все точно сговорилось усилить въ отъѣзжающихъ ощущеніе безпредѣльнаго отчужденія. Ничто здѣсь не рыдало по нихъ, не звало ихъ къ себѣ, не жалѣло ихъ, исключая того товарища, который страдалъ только потому, что оставался здѣсь.

А вверху проплывала беззвучно и равнодушно бѣлая, полярная, беззвѣздная, лѣтняя ночь.

— Зачѣмъ я ѣду?—проговорилъ, наконецъ, Карлъ.—Остановись, Бѣтюгѣтъ! Прощайте!..

Они крѣпко пожали другъ другу руки, затѣмъ телѣга покатила дальше, а охотникъ повернулъ въ лѣсъ и исчезъ въ чащѣ.

Когда спустя минуту Анна оглянулась, никого уже не было на дорогѣ.

— Несомнѣнно, Степа, я скверная эгоистка, но я ничего не могу подѣлать! Мнѣ ни крошки не грустно и я никого жалѣть теперь не способна!..—говорила молодая женщина, склоняя голову на плечо мужа.—Въ душѣ моей клокочетъ радость и поетъ побѣдныя пѣсни!.. Если-бъ мнѣ не было стыдно и я не боялась разбудить Сашу, я громко кричала бы, ревѣла бы во всю глотку... Наконецъ, опять... жизнь... люди... совмѣстный смѣхъ и совмѣстныя слезы!.. Какія-то зори загораются впереди... въ концѣ минувшей длинной, многолѣтней ночи!.. И грустно, и весело, и какъ-то... жутко, но сладко, обаятельно сладко... Сердце бьется согласно съ движеніемъ колесъ, точно толкаетъ ихъ, а кони кажутся мнѣ нашими крыльями...

— Пусти ихъ немного, Бѣтюгётъ! Ты ихъ черезъ-чуръ осаживаешь... Пусть побѣгутъ!..—приказалъ Карскій.

— Сытыя онѣ—задохнутся!

— Ничего! Пусти, пусти!.. Остановимся подъ горой, передохнутъ!

Дорога равномѣрно спускалась съ бугра. Нечего было опасаться промоинъ и корней, такъ какъ рубежъ лѣса далеко ушелъ въ обѣ стороны, открывая величественный видъ на луга, спускающіеся къ рѣкѣ постепенно блѣднѣющими ступенями, на синія горы, замыкающія горизонтъ.

Якутъ отпустилъ возжи, чуть привсталъ, нагнулся и гикнулъ. Лошади дрогнули, подобрались, распустили съ фырканьемъ хвосты и гривы, подхватили и понесли, какъ вѣтеръ. Колеса зашумѣли, какъ вспугнутые ястреба, телѣга запрыгала отчаянно и покатилась...

Этотъ бѣшеный бѣгъ подѣйствовалъ на путниковъ, какъ крѣпкое вино. У нихъ засверкали глаза, черты обострились, румянецъ вспыхнулъ на щекахъ. Они плотно прижались другъ къ другу, чуть наклонившись впередъ, и прижали бережно къ груди спящее дитя. Такъ они долго неслись стремглавъ, точно большой двуглавый грифъ.

И они летѣли бы такъ все время.

Но подъ горой ямщикъ остановилъ лошадей, спрыгнулъ съ облучка, вытеръ вспотѣвшихъ животныхъ сухой травой, позволилъ имъ перевести духъ, далъ перекусить по горсточкѣ сѣна и двинулъ тихо въ гору. Самъ онъ пошелъ пѣшкомъ. Карскій тоже соскочилъ съ сидѣнія и пошелъ съ другой стороны телѣги.

По крутому подъему они взобрались на дикое, лѣсистое плоскогоріе. Дорога врѣзалась въ самыя нѣдра дремучей, нежилой тайги. Мѣстами только разнообразили ее пространныя болота, поросшія

кочкарникомъ, осоками и ситнякомъ. Черныя озера сверкали мрачно въ тѣни деревьевъ и кустовъ. Но даже рыба не плескалась въ нихъ и птица не прилетала къ ихъ берегамъ. Кругомъ царила сонная тишина. Ни звука. Только ободья колесъ мѣрно постукивали по сѣткѣ жилистыхъ корней, выползшихъ на дорогу, или наигрывали унылый маршъ на круглякахъ гатей, проложенныхъ сквозь топи. Путешественники совершали тогда на сидѣніяхъ нѣкое подобіе негритянской увеселительной пляски, а лошади скучно брели, старательно выбирая среди неровностей удобныя мѣста для копытъ.

Въ полдень, на полъ-пути путешественники остановились на отдыхъ въ якутской юртѣ, единственномъ пристанищѣ на всемъ этомъ протяженіи.

Карскій все тревожился и рвался впередъ, но необходимо было покормить лошадей и самимъ кстати поѣсть.

— Отсюда путь хорошій, поѣдемъ скоро!—утѣшалъ его Бѣтюгётъ.

Карскій прекрасно зналъ дорогу, зналъ, что «хорошій путь» представлялъ только новую комбинацію затвердѣлой глины, затхлыхъ болотъ и летучаго песку.

Когда, наконецъ, путники достигли крутого спуска, ведущаго въ долину той-же рѣки, надъ которой они жили, солнце склонялось къ закату. Сквозь вѣтви и вершины деревьевъ, стремительно уходящія внизъ, виднѣлась синяя даль, поля, луга, усадьбы и деревни съ узкой, блѣдной лентой дороги, вьющейся среди нихъ.

Карскій жадно глядѣлъ туда, далеко, гдѣ надъ серебристой нитью воды вспыхивали въ лучахъ заката слабыя искорки городскихъ золоченыхъ церковныхъ главъ. Онъ искалъ дыма на пароходной пристани, но осталось еще слишкомъ тридцать верстъ и подробности утопали въ дымкѣ тумана и разстоянія.

Путешественники спустились по откосу съ быстротой привычныхъ къ головоломной ѣздѣ сибиряковъ. Лошади опять взбѣсились и взыграли.

— Дай имъ волю. Дорога хорошая! — приказывалъ Степанъ.

— Далеко еще!—неохотно отвѣчалъ Бѣтюгётъ, щадя подаренную лошадь. Но такъ какъ подарокъ былъ условный и въ условіи хитро была вставлена необходимость попасть къ пароходу, то бѣдный парень самъ съ тревогой посматривалъ на солнце и случалось всё чаще понукалъ лошадей.

Тѣ бѣжали полной рысью. Карскій любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ. Во время продолжительнаго проживанія въ этомъ краѣ онъ изучилъ здѣшнихъ лошадей и подобралъ себѣ пару, прослывшую во всемъ околодкѣ. Теперь животныя какъ будто стремились расплатиться съ нимъ за его доброту, любовь къ себѣ

и попеченіе: они мчались по ровной дорогѣ съ грохотомъ набѣгающей грозы, и грохотъ ихъ копытъ внятно повторяло горное эхо. Путники быстро миновали шумящія колосьями хлѣба, огороженныя безконечными заборами, миновали открытыя пастбища, откуда уже возвращались домой стада, миновали неряшливыя якутскія юрты съ голыми ребятишками у порога и стаями надоѣдливыхъ, мохнатыхъ псовъ; молніей проносились они сквозь богатыя, хорошо застроенныя селенія скопцовъ, вызывая удивленіе на сонныхъ, обрюзглыхъ, бабеобразныхъ лицахъ.

Нѣкоторые изъ сектантовъ узнавали Карскаго, кланялись ему и что-то кричали въ догонку, чего онъ не могъ разобрать за громомъ колесъ. Разъ только онъ приказалъ придержать лошадей, чтобы спросить возвращающагося изъ города лавочника, не ушелъ-ли еще пароходъ?

— Не ушелъ, но бытто собирается!

— Гони, гони, Бѣтюгётъ! Во весь духъ... пусть падутъ... я денегъ дамъ тебѣ...—вскричалъ Карскій.

— Зачѣмъ имъ падать?.. Если падутъ, тогда совсѣмъ станемъ!..—хладнокровно замѣтилъ якутъ.

Карскій перебрался на козлы и отнялъ у него возжи.

Лошади почувствовали хозяина, пріободрились и нѣкоторое время неслись попрежнему, но мало-по-малу силы ихъ истощались. Старшій Сивко—вѣрный товарищъ первыхъ самыхъ трудныхъ для Карскаго дней—сильно ослабъ.

Карскій съ болью сердечной первый разъ за все время сожительства стегнулъ его кнутомъ. Благородное животное дрожало и отчаянно дергало постромки, но уже не поспѣвало за младшимъ своимъ товарищемъ. Тотъ—Вороной, съ рыбьими глазами, некрасивый и злой, но чрезвычайно выносливый, продолжалъ бѣжать все такъ же ровно, какъ въ началѣ пути, и только кусалъ злобно при всякомъ удобномъ случаѣ своего сотрудника. Обѣ лошади таяли и худѣли на глазахъ.

— Тотъ, Вороной, сирягась, упадетъ, а не ослабить бѣга!—восхищался Бѣтюгётъ.

Каждыя пять верстъ путники останавливались, давали лошадямъ передохнуть и подкармливали ихъ сухимъ ячменемъ. И все-таки, несмотря на всѣ усилія, они пріѣхали въ городъ только къ полуночи.

— Есть ли еще пароходъ? — спросили перваго попавшагося прохожаго.

— Есть!—отвѣтилъ тотъ.

Карскій свободно вздохнулъ, вытеръ вспотѣвшее и почернѣвшее отъ пыли лицо и отдалъ вожжи повеселѣвшему Бѣтюгёту.

— Поворачивай къ пристани.

*

Вскорѣ путники миновали бѣлый, каменный, окруженный стѣной монастырь и выѣхали на рѣку. Мощная серебристо-сѣрая лента воды, розовая отъ розовой ночной зори, тихо плыла въ потемнѣвшихъ берегахъ. Смутно отражались въ ней городскія строенія, кучи бревенъ на берегу, бѣлыя облака и блѣдное небо. У пристани, наскоро сбитой изъ досокъ, ближе къ городу стояли ряды судовъ, на толстыхъ причалахъ, крѣпко натянутыхъ и постоянно дрожащихъ отъ напора теченія. Парохода нигдѣ не было видно. Карскій не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ спрыгнулъ съ телѣги и побѣжалъ вдоль берега, туда, гдѣ рѣка поворачивала за бѣлую монастырскую стѣну... Предъ нимъ раскрылась водяная гладь еще болѣе ясная, безпредѣльная и пустынная... И только на краю горизонта, низко надъ водой рѣяло тонкое облако тающаго тумана или дыма...

— Степа! А я какъ разъ ищу тебя? Что же это вы опоздали? Ушелъ часъ тому назадъ...—кричалъ ему идущій навстрѣчу изъ города мужчина.

Карскій обернулся къ нему, узналъ Лёву, но не въ силахъ былъ что-либо отвѣтить. Онъ долго стоялъ, какъ одурѣлый. Вдали, на лугу Бётюгётъ тихо водилъ подъ уздцы истощенныхъ лошадей съ телѣгой, на которой сидѣла блѣдная отъ волненія Анна съ ребенкомъ.

II.

Матрена Хринсанфьевна, толстая хозяйка такъ называемой «общей квартиры», встрѣтила пріѣхавшихъ потоками медовыхъ рѣчей. Она всегда встрѣчала такимъ образомъ всѣхъ своихъ гостей, въ разсчетѣ, что вызванная ея «жалкими» словами жалость къ себѣ и всему міру, заставитъ ихъ отнестись снисходительнѣе къ грязи, къ неряшеству, къ дурной пищѣ, къ не совсѣмъ точнымъ счетамъ и другимъ изъянамъ пристанища ввѣреннаго ея попеченію.

Карскаго пробовала Матрена Хринсанфьевна убѣдить, что онъ не только ничего не потерялъ, опоздавъ на пароходъ, но даже выигралъ:

— Потому я, вѣрьте мнѣ, знаю, какъ бываетъ на пароходѣ. День и ночь гомонъ, гудки, гуляніе—ни выспаться, ни поѣсть... А главное, дорого! А то бываетъ и крушеніе... Повѣрьте мнѣ, старой, бывалой женщинѣ, нѣтъ лучше, какъ съ обратными судовщиками: тихо, вольготно, неопасно... Захотитё, они васъ на берегъ высадятъ, вы себѣ по бережку пойдете, ягоды да кедровыя шишки пособираете... А не захотитё, такъ можете въ лодкѣ сидѣть и тяхонько, плавно впередъ двигаться... Утонуть невозможно, по той причинѣ, что норовятъ они къ самому берегу, чай по землѣ

иной разъ скользятъ. Только скажите, баринъ, слово, а мой Андрей вамъ боцмановъ отыщетъ... У него, правда, времени мало, но это ужъ мое дѣло: я его попрошу уважить моимъ гостямъ... Чего чего только я не согласна сдѣлать, были бы только мои господа довольны, вспоминали бы меня, старуху, хорошо... Вотъ была, молъ, у насъ Матрена, толстая, добрая, услужливая... Охъ, охъ...

Къ концу разговора обыкновенно въ открытыхъ дверяхъ являлся рыжій Андрей съ выжидающей улыбкой на синихъ губахъ.

— Мало осталось боцмановъ въ городѣ. Уѣхали. Найти можно, понятно—найти можно!.. За деньги, вѣдь, и черти пляшутъ!..— поучалъ онъ Карскаго.

Карскій мрачный бродилъ по городу, собирая свѣдѣнія о всевозможныхъ путяхъ сообщенія, но толку пока было мало. Каждый совѣтовалъ ему другое, а всѣ проекты ничего не стоили и, главное, требовали много денегъ.

Лёва совѣтовалъ ѣхать на почтовыхъ.

— Правда, это самый дорогой способъ, но и самый скорый.

— Но пойми же, у меня не хватитъ денегъ даже на прогоны. А кушать должны же мы во время трехнедѣльныхъ странствованій!.. Конечно, я желаю уѣхать поскорѣе, но разсудка я еще не лишился...

Лёва расхаживалъ по комнатѣ съ обиженнымъ видомъ и насвистывалъ.

— Деньги—пустяки. Всегда можно занять!—сказалъ онъ рѣшительно и взялъ фуражку. Онъ убѣгалъ отъ друга самымъ постыднымъ образомъ, такъ какъ кредитъ его давно уже исчерпался. Но въ одиночествѣ своей холостой квартиры, лежа на кровати, онъ усердно предавался поискамъ новыхъ финансовыхъ комбинацій.

Между тѣмъ, Анна ежедневно передъ сномъ умоляла мужа:

— Ѣдемъ... ѣдемъ куда-нибудь и какъ-нибудь! Здѣшняя грязь, вонь и пыль ужасаютъ меня! Саша чахнетъ. Вдобавокъ оказывается, что въ городѣ свирѣпствуютъ эпидеміи... По временамъ меня охватываетъ отчаяніе... Все противъ насъ!.. Нѣтъ, мы никогда, никогда не увидимъ родины... Это кажется мнѣ далекимъ... почти недостижимымъ!.. Мы тратимъ попусту время, а что оно несетъ намъ въ ближайшемъ будущемъ—неизвѣстно. Стукнетъ ли, или зазвенитъ въ корридорѣ ночью, зашумятъ ли на улицѣ, мнѣ сейчасъ кажется, что это идутъ отнять у насъ наши бумаги... Развѣ это не случалось? Ѣдемъ, милый! Ѣдемъ кой какъ, только бы поскорѣе, только бы двинуться съ мѣста...

Въ глубинѣ души Степанъ раздѣлялъ ея тревоги и не разъ вдругъ блѣднѣлъ, замѣтивъ издали незнакомое лицо, направляющееся къ «общей квартирѣ». Онъ незамѣтно ощупывалъ по

нѣсколько разъ въ день мѣшочекъ на груди, гдѣ у него были спрятаны деньги и паспортъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, не находя ничего лучшаго, онъ остановился на предложеніи Матрены, далъ рубль Андрею «за труды» и въ тотъ же день въ сопровожденіи послѣдняго отправился на пристань.

Пристань грузовыхъ судовъ находилась у городской набережной, застроенной оптовыми складами, длинными, унылыми зданіями съ широкими, крѣпко окованными входами и маленькими рѣшетчатыми окошками. Самый заливъ представлялъ небольшую, мелкую, тихую старую рѣчную «курью», куда въ обычное время обыватели сваливали соръ въ разсчетѣ, что половодье унесетъ его. Половодье всегда только отчасти оправдывало ихъ надежды и въ виду этого «курья» все мелѣла и распространяла невыносимое зловоніе. Съ началомъ навигаціи «курью» заполняли суда.

Теперь она уже густо вымощена была всевозможными палубными, полу-палубными и непалубными потомками Ноева Ковчега. Огромныя верховыя «паузки», прибывшіе съ высокой весенней водой, построенные по стариннымъ казацкимъ образцамъ изъ толстыхъ бѣлесыхъ сосновыхъ брусьевъ, большущіе, тяжелые, неуклюжіе—они походили на трупы мамонтовъ, выброшенные разливомъ на тинистый берегъ и засосанные тамъ безнадежно Волна уже не управляла ими, а только лизала ихъ кормы и бока, сквозь широко раскрытыя окна, двери и ходы видны были опустѣлыя внутренности. Тутъ же рядомъ съ «паузками» стояли болѣе легкіе и ловкіе: каюки, баржи, шитики, двойные и ординарные дощанники—пустые и полные ящиковъ, бочекъ, мѣшковъ, связокъ желѣза, вороховъ кожи, канатныхъ свертковъ, тюковъ пеньки, жестяной и мѣдной посуды...

Кой-гдѣ цѣпь сѣрыхъ, трудовыхъ плавучихъ сооруженій нарушала претенціозная, купеческая, «гулевая» барка, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ, съ красными или голубыми по краямъ разводами, съ якоремъ на носу, съ галлереей у кормы и мачтой по серединѣ. Ихъ относительная чистота и ржавость ключинъ ясно свидѣтельствовали о ихъ безполезности.

Вездѣ сновали люди въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубахахъ, въ широчайшихъ плисовыхъ шароварахъ, въ шведскихъ курткахъ на малиновой подкладкѣ, въ картузахъ, шляпахъ и мѣховыхъ гладкихъ или треухихъ шапкахъ, лихо заломленныхъ на затылокъ или надвинутыхъ на бекрень. Все это были по большей части фигуры крупныя, плотныя, размашистыя, иногда босыя, но всегда вооруженныя подвязаннымъ съ боку ножомъ. Все это были по большей части лица суровыя, съ чертами грубыми, обрюзгшими, съ взглядомъ неопредѣленныхъ мутныхъ, жесткихъ глазъ. Изрѣдка

мелькали среди нихъ оливковыя рожицы якутовъ съ зоркими щелевидными глазками или являлось румяное, дебелое, какъ сдобная булка, лицо городского купчика, одѣтаго въ культурное «пальто» и «котелокъ».

Толпа двигалась, галдѣла и по преимуществу ругалась. Въ то же время набережная дрожала подъ колесами нагруженныхъ товаромъ телѣгъ. Стучали перекатываемыя съ мѣста на мѣсто ящики, бочки и фляги. Внутри судовъ гудѣло, точно тамъ бились взаперти рои крупныхъ шмелей. Разломываемые на брусья «паузки» охали подъ ударами топоровъ, какъ большущіе барабаны. Крупныя связки полосового желѣза и десяти-листового лязгали то и дѣло пронзительно на всю рѣку. А всю эту внушительную, неровную пѣсню труда пронизывалъ не столь громкій, но несмолкаемый стонъ работающихъ людей, то подымающихъ, то сбрасывающихъ съ себя непосильную тяжесть.

Вездѣ пахло рѣчнымъ иломъ, смолой, древесными стружками и человѣческимъ потомъ.

Позади пристани, дальше простирался свѣтлый лоскутъ голубого неба и изсиня-серебристой рѣки. Отъ «курьи» отдѣляла послѣднюю лишь узенькая, низкая коса желтаго песку. Мощная, пустынная Лена, равнодушная къ людской сутолокѣ, неслась мимо съ сдержаннымъ говоромъ, какъ бы напѣвая вслухъ про себя мечтанія, скрытыя въ свѣтозарной, холодной дали океана. По зеркальной груди рѣки, чуть тронутой мѣстами нѣжной рябью и нитями блестящихъ струй, отъ дальнихъ туманныхъ береговъ перебирались наискось къ городу махонькія, мѣстныя одновеслыя лодочки, похожія на стрекозъ, тяжело перегребали неуклюжіе «карбасы», ворочая широкими, ластовидными лопатами; плыли щеголеватые «каюки», подъ бѣлыми парусами, вздутыми незамѣтнымъ на сушѣ вѣтеркомъ.

Вслѣдъ за Андреемъ, Карскій пробрался сквозь толпу и вошелъ въ городъ судовъ, соединенныхъ узенькими, воздушными мостиками. Имъ пришлось пройти длинную цѣпь палубъ, пока, наконецъ, они достигли на половину уже облупленнаго съ обшивки «паузка», съ торчащими вверхъ ребрами дугъ, точно остовъ свѣже ободраннаго на салотопнѣ кита. Внутри «паузка» двигались лѣниво рабочіе съ топорами, долотами и клешнями. Кучка ихъ сидѣла у костра, горящаго по серединѣ на глиняномъ «шесткѣ». Это были тѣ же размашистыя фигуры въ цвѣтныхъ рубахахъ, въ широчайшихъ шароварахъ, съ ножами у боковъ. Они даже не оглянулись на посѣтителей и продолжали, разговаривая, грѣть колѣни и руки у огня. Когда Андрей подошелъ къ нимъ и спросилъ, гдѣ Демьянъ Ивановичъ, кто-то нехотя отвѣтилъ, что «Демьяна нѣтъ, остался только Козьма».

Похоже было на шутку, и спрашивающіе ушли «нодальше отъ грѣха» къ одинокому, смирнаго вида мужичку, который, перегнувшись черезъ бортъ, черпалъ старательно грязную, густую, какъ супъ, воду въ небольшой котелокъ.

— Не знаете, гдѣ тутъ Черныхъ, по прозванію Демьянъ?

Мужикъ повернулъ къ нимъ грустное, длинное, темное лицо отшельника, съ длинной двускладной бородой.

— Не знаю. Вамъ что?

— Да вотъ, оказывается, пришелъ тотъ господинъ, что хочетъ съ нимъ ѣхать!

Мужикъ не выказалъ большого интереса, не взглянулъ даже на Степана, погруженный всецѣло въ вылавливаніе изъ котелка стружекъ и кусковъ бумажныхъ фабричныхъ этикетокъ.

— Слышалъ я. Однако, не знаю, выйдетъ ли что-нибудь!..—пробурчалъ онъ, наконецъ.

— Какъ такъ? Почему?

— *Они*, сказываютъ, ѣдутъ съ барыней. А купцы, что раньше у насъ мѣсто взяли, не согласны. Говорятъ, имъ не подходяще, скучно будетъ.

— Кто же вы такой?

— Я товарищъ Демьяна.

— Значитъ, вы Кузьма?

— Нѣтъ, я Проскуринъ, Василій Иванычъ.

— А гдѣ же Кузьма?

— Да вотъ я какъ будто Козьма. Такъ насъ прозываютъ: Козьма и Демьянъ, отъ того, должно быть, что все собща ѣздимъ. Давно ѣздимъ. Да я ничего. Я на все согласенъ. Только бы не было хуже!..

— А купцы кто такіе? Нельзя ли ихъ уговорить, повидаться съ ними.

— Это, однако, можно. Пусть рѣшитъ Демьянъ. Не сдѣлать бы хуже... отъ грѣха!—задумчиво проговорилъ Кузьма, подымая на Степана свой монашескій ликъ. Онъ всталъ, вздохнулъ и понесъ котелокъ къ костру. Андрей и Степанъ остались на мѣстѣ.

— Что-жъ вы разсказывали, что отыскали мѣсто? Оказывается, нѣтъ мѣста.

— Подождите. Лодочники всегда фордыбачатъ. Что онъ знаетъ?. Можетъ быть, онъ вретъ... Мы вѣдь и не слышали, что существуетъ ли какой такой Козьма. Подождемъ Демьяна. Съ нимъ я разговаривалъ.

Но оказалось, что Кузьма не вралъ. Толстый, красный Демьянъ, вскорѣ явившійся, подтвердилъ сообщеніе о купцахъ и позвалъ старика для совѣщанія. Тотъ немедленно послушался и въ мрачномъ молчаніи простоялъ все время около разговаривающихъ.

— Если купцы согласуются,—обратился вычурнымъ слогомъ Демьянъ къ Степану, — то даже это будетъ лучшимъ для васъ исходомъ. Купцы общественные люди: Василій Митричъ Брылкинъ, Иванъ Иванычъ Губкинъ и Алеша Климентичъ Терешкинъ. Если они скажутъ: да, дѣло—выходитъ въ шляпѣ. Для васъ даже превосходно, что вы пропустили пароходъ. Пароходчики, навѣрное, къ тому времени многократно на меляхъ заштопорятся. А мы потихоньку-по-легоньку все будемъ выдвигаться... Случалось, и пароходъ обганивали. Помнишь, Козьма, въ прошломъ году у Пьянаго Быка распустили мы паруса и... мое почтеніе!..

— Только бы купцы!..—вздохнулъ Козьма, кивая головой.

— Пойдемъ, однако, къ нимъ, что ли?—совѣтовалъ Демьянъ.

— А сколько вы съ меня возьмете за все это удовольствіе?—спросилъ Карскій.

— Вы сначала поговорите съ купцами. Что впередъ толковать? Правда, Козьма?

Они втроемъ отправились въ городъ на постоялый дворъ къ купцамъ. Застали они ихъ чаюющихъ при открытомъ окнѣ, потныхъ и красныхъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Самый старшій—Брылкинъ—былъ крупный солидный старикъ, средній—Губкинъ былъ и тѣломъ средній, а младшій—Терешкинъ представлялъ нѣчто въ родѣ набитаго саломъ пузыря.

Послѣ долгихъ переговоровъ, упрашиваній и торговъ, купцы согласились, выговоривъ себѣ право пить водку и пѣть громко, когда имъ заблагоразсудится.

— Это одна пустиковина! Спать на лодкѣ можно хоть полныя сутки. Это не пароходъ, что все ерзаетъ и гудитъ...

— Мы движемся тихохонько... ходъ у насъ лебяжій!..—утѣшалъ Карскаго Демьянъ.

— Сколько же вы требуете за мѣсто на кормѣ?

— Тридцать рублей!

— Что-о? Въ три раза больше, чѣмъ на пароходѣ?!

— Пароходъ особая статья. Онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Бѣгъ у него шальной и онъ все садится на мель, а мы движемся чинно, благородно, опасливо, безъ остановки. Мы по старинѣ. Какъ отцы наши хаживали. Какое съ пароходомъ сравненіе. Развѣ пароходъ высадитъ васъ на берегъ, гдѣ вамъ угодно? Развѣ онъ остановится для васъ? Я вамъ скажу: пароходъ удобенъ для... капитана: капитанъ сидитъ въ будкѣ и распоряжается. Впрочемъ, не хотите—не надо. У меня охотниковъ прорва... Я не печалюсь... А вы ждите парохода!.. Или поѣзжайте по почтѣ; одни прогоны больше ста рублей... А я вѣдь вамъ и пищу свою даю!.. Впрочемъ, я знаю, вы изъ господъ, и я бы взялъ васъ хоть задаромъ... да вотъ Козьма... твердый онъ...

молчитъ, но не соглашается...—закончилъ онъ свои доказательства.

Послѣ жестокаго торга съ уходомъ, возвращеніемъ и божбой, лодочникъ понизилъ цѣну до двадцати рублей. Карскій согласился. Другія лодки уходили много позже; жизнь въ городѣ быстро уменьшала его средства, и ждать не было никакого разсчета.

— Очень прекрасно! Останетесь довольны. Одно сумнительно и жалко, что вы не договорились съ купцами насчетъ... одѣянія. Люди они рыхлые, сырые, любуются въ прохладѣ... Могутъ выйти недоумѣнія...

— Не думаю, чтобы они раздѣвались... Это само собою подразумѣвалось, что будутъ вести себя прилично.

Демьянъ потянулъ носомъ воздухъ и надулъ щеки.

— Это не полагается, но... вблизи воды разныя мысли приходятъ въ голову...

День прошелъ у Карскаго въ покупкѣ и упаковкѣ всевозможныхъ консервовъ, чаю, сахару, сухарей...

Вечеромъ явился сіяющій Лёва.

— Знаешь, я нашелъ капиталиста, который соглашается учесть всѣ мои векселя, съ тѣмъ, что я выдамъ ему одинъ общій съ небольшой надбавкой. Онъ готовъ добавить немного чаю и ситцу... Дѣло теперь только въ надежномъ поручителѣ...

— Благодарю тебя. Я уже заключилъ условіе съ боцманами. Завтра я уѣзжаю. Милый другъ, повѣрь, твой чай и ситцы немного принесутъ тебѣ барыша... Сомнѣваюсь, чтобы ты продалъ ихъ за наличные, даже если и удастся тебѣ розыскать надежнаго поручителя...

Лёва огорчился не на шутку, но такъ какъ онъ не выносилъ унынія, то скоро оправился и принялъ живое участіе въ укладкѣ вещей.

III.

Встало теплое лѣтнее утро, золотистое и голубое.

Даже убогій, обтрепанный городъ похорошѣлъ въ его лучахъ. Темные торговые ряды у пристани, надъ ними золоченыя главы церквей, бѣлый монастырь за лужкомъ на зеленомъ мысу, сіяющіе и просвѣтленные — перебросивъ свои отраженія, какъ бы перегнувшись черезъ мостъ судовъ и песчаную косу, глядѣли задорно въ самую глубь мчавшейся мимо Лены.

Ярмарка въ «курьи» еще не проснулась.

Большинство судовъ спало заперто наглухо. Немногочисленныя фигуры людей рисовались отчетливо въ утреннемъ, отстоявъ-

шемся воздухѣ. Люди потягивались, расправляли отекшіе во время сна члены, другіе умывались, стирали бѣлье или мирно курили трубки, пили чай, сидя у крошечныхъ огней, сизые дымки которыхъ тонкими струями подымались къ небу.

Въ сторонѣ, у выхода изъ «курьи», отбившись отъ недавнихъ своихъ товарокъ, стояла готовая въ путь лодка. По серединѣ ея подымался большой полукруглый кузовъ, обтянутый брезентомъ; вся она была старательно осмолена, подобрана, подвязана и невысокая мачта стояла ближе къ носу, прободая парусину полога. Два причала—съ кормы и съ носа—придерживали лодку у берега, а быстрое теченіе все толкало ее и уходило прочь съ глухимъ говоромъ, точно звало судно съ собою. Отъ этихъ ласкъ лодка дрожала и покачивалась, пробуя повернуться по теченію. Путешественники давно уже сидѣли на мѣстахъ. Среднюю часть кузова—палатки заняли купцы. Они опустили надъ входомъ занавѣсь и громко разговаривали внутри, позванивая бутылками. Въ кормовой части помѣстился Карскій съ женой. Анна сидѣла подъ навѣсомъ со спящимъ Сашей на колѣняхъ и вопросительно глядѣла на мужа. Тотъ стоялъ сердитый на кормовой палубѣ и глазъ не сводилъ съ носовой части лодки, гдѣ приподнятый край брезента обнаруживалъ полнѣйшую пустоту. На днѣ валялось только нѣсколько кульевъ муки, стояла кадушка съ солониной, но никакихъ «дорожныхъ» вещей, необходимыхъ самому невзыскательному человѣку, тамъ не оказывалось. Между тѣмъ, это было помѣщеніе для рабочихъ. Людей—ни души. Только маленькій, тщедушный поваръ Спиридонъ вертѣлся на самомъ носу лодки и переставлялъ безтолково посуду у низенькаго очажнаго шестка, сложеннаго на скорую руку изъ кирпича. По временамъ поваръ выпрямлялся, обдергивая на себѣ сбивающіяся постоянно то вверхъ, то внизъ лохмотья и поглядывалъ робко въ сторону, гдѣ на берегу лежала старая, обернутая вверхъ дномъ баржа, превращенная волею начальства въ сухопутное строеніе. Въ ней были пробиты окна и двери, да на крышу проведена изнутри желѣзная труба. Изъ баржи, то вспыхивая, то затихая, несся неумолчно многоголосый шумъ. Два водяныхъ стражника, съ желтыми бляхами и шашками въ черныхъ ножнахъ, гуляли выжидательно вблизи.

— Чего еще ждать? Гдѣ хозяинъ? Гдѣ рабочіе?—спросилъ Карскій громко повара.

— Не зна-ю! Должно быть... тамъ!—отвѣтилъ тотъ, кивая въ сторону берега.

Карскій сталъ прислушиваться къ долетающимъ оттуда звукамъ, даже одинъ изъ купцовъ высунулъ изъ за холста жирное лицо и спросилъ:

— А что?

Въ это время какъ разъ двери баржи раскрылись, изъ нихъ выскочилъ Демьянъ, кивнулъ значительно на одного изъ стражниковъ, шепнулъ ему что-то, и оба юркнули немедленно обратно въ баржу.

Карскій сошелъ на берегъ и отправился за ними; Спиридонъ побѣжалъ слѣдомъ за нимъ.

— Вотъ, видите, господинъ, я такъ думаю, что кому слѣдуетъ, то ему слѣдуетъ!—доказывалъ онъ, тяжело дыша.—Я давно находился бы вмѣстѣ со всѣми, но мое дѣло сторона, мое положеніе—поварское, огневое... Бродить по водѣ мнѣ не придется, значитъ и бродни мнѣ не нужны, ни онучи... Такъ если я тамъ явлюсь, меня спросятъ вдругъ: «Спиридонъ, ты здѣсь зачѣмъ? Ты бунтовщикъ?! Ты безъ нужды сюда пришелъ, только по любви къ безпорядкамъ!.. Подавай свой паспортъ...» И дѣлу точка! Къ тому же ужасно мятеженъ я и большой драчунъ... У меня безъ разговору: сейчасъ въ зубы! И должонъ я остерегаться всякаго волненія...

По пути попался имъ Лёва, бѣжавшій быстро изъ города.

— Вотъ и прекрасно! Вы еще не уѣхали... Я запоздалъ. Вчера вечеромъ пріѣхалъ изъ улуса Макаръ и мы всю ночь проспорили съ нимъ. Макаръ тоже хотѣлъ придти попрощаться, но такъ крѣпко уснулъ, что я никакъ не могъ разбудить его. Знаешь, Карскій, завидую тебѣ, ты возвращаешься въ Европу въ такой удивительный моментъ... Куда это ты такъ торопишься?

— Скандалъ! Вопросъ еще, уѣду ли я?.. Кажется они устроили стачку...—отвѣтилъ сухо Карскій.

— Стачку?.. Здѣсь стач-ку!.. Что ты говоришь... Вотъ оказія? Гдѣ же это?..—воскликнулъ восхищенный Лёва.

Карскій указалъ на баржу.

Когда друзья вошли туда, галдѣніе затихло. Стражникъ чуть подтянулся, Демьянъ опустилъ руку, протянутую съ угрозою къ врагамъ. Сарай полонъ былъ рабочихъ; ихъ было много больше, чѣмъ ихъ нанялъ Демьянъ; очевидно, посторонніе собрались поглядѣть на заранѣе подготовленное зрѣлище. Нѣкоторые сидѣли, большинство стояло, живописно размѣстившись группами вдоль стѣнъ. Впереди толпились бичевщики Демьяна.

— Подойдите, господа, подойдите.. Милости просимъ!.. Посмотрите, какъ обижаютъ беззащитныхъ, бѣдныхъ людей, а затѣмъ все это въ газетахъ... пропечатайте!—обратился къ вошедшимъ крѣпкій приземистый бродяга съ краснымъ лицомъ, большимъ синимъ носомъ, бурыми глазами и рыжей вихрастой щетиной волосъ надъ низкимъ лбомъ. Онъ стоялъ впереди другихъ и, видимо игралъ первую роль.

— Вотъ этотъ кровопивецъ обѣщалъ намъ двѣ пары бродней натуральной повинности, а какъ пришло что къ чему, нате вамъ, молъ, пару обутокъ и половину тряпокъ... Нѣтъ, шалишь... Есть и на васъ законъ!

— Да врешь, все врешь!—кипятился Демьянъ.—Дамъ все, не отказываюсь... дамъ въ половинѣ пути, въ Олёкмѣ, а теперь не дамъ—пропьете! Первый ты снесешь ихъ въ кабакъ! Знаю я тебя, варнака, ты ихъ всѣхъ смутилъ... Напрасно я не послушался Черевикова: не бери, сказывалъ, Индюка, онъ тебя такъ же ухлопаетъ, какъ меня въ прошломъ году...

— И ухлопаю, уложу... коль скоро заслужишь!.. Проучу... Я варнакъ бездомный, а проучу тебя!.. Думаешь, законовъ мы не знаемъ... Бывали тоже и другіе прочіе изъ варнаковъ въ университетахъ... Ты намъ подавай, что наше, а что съ этимъ мы сдѣлаемъ, такъ ужъ это не твое дѣло!.. Да, можетъ быть, я голяшки-то на прощаніе моей дѣвкѣ захочу подарить, чтобы она себѣ перчатки сшила... или собаку свою хочу обуть, чтобы уберечь ее отъ насморка.. Ты почемъ знаешь, чего вольная душа желаетъ... Ты брюханъ и сердце-то у тебя въ портмонетѣ... Ну и оставайся съ обутками... Мы не пойдемъ... Мать собственную въ лямку впряги, а то еще... Гурана пристегни!.. Ловко поѣдешь!..

— Ты что мною-то себѣ ротъ полощешь, шушера!..—обрушился на оратора солидный, прилично одѣтый мужикъ—сибирякъ.

— А что? Развѣ не чѣмъ?..—спросилъ Индюкъ, окидывая насмѣшливымъ взглядомъ мускулистую фигуру Гурана.

Присутствующіе разсмѣялись.

— Идемъ, братцы! Эй, Обухъ, снимайся съ якоря!

Бродяга обернулся къ столу, за которымъ сидѣлъ рослый бѣлобрысый рабочій съ правильными чертами лица, съ голубыми глазами и серебряной серьгой въ мочкѣ. Рабочій не разслышалъ зова и продолжалъ сидѣть, упершись ладонью лѣвой руки въ щеку.

— Нѣтъ, братцы! Не слушайте его. Онъ васъ въ заблужденіе вводитъ, ему вѣдь все равно, лишь бы поближе къ кабаку... Я обѣщаю вамъ всё отдать на первой ночевкѣ, на первомъ островѣ... Поняли! Здѣсь я ничего больше дать не могу... Безъ того вы уже пропили половину денегъ... Скоро пропили бы все... Тогда гдѣ я стану искать съ васъ? Да вамъ бы не было и интересу идти ко мнѣ!.. Вникните въ мое положеніе... И у рубля вѣдь двѣ стороны: одна отъ пріемщика, другая отъ подателя,—доказывалъ примирительно Демьянъ.

— Ахъ ты, Демьянова уха! Да онъ съ вами братцы на островѣ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ!.. Куда вы дѣнетесь?..

Рабочіе колебались.

— Можетъ и согласиться! Пусть дастъ теперь по гривеннику

на брата или по шкалику опохмелиться!..—шепнулъ высокій, худой рабочій, прозываемый Большимъ Жиганомъ.

— Такъ и быть! Пусть дастъ по пятіалтынному!..—поддержалъ предложеніе товарищъ Жигана ростомъ поменьше.

— Шпанка!.. Жиганьё!.. Вы хуже Іуды!.. Вы бы и Христа продешевили!..—отплевывался Индюкъ.—Вѣрьте ему, соловью разбойнику!.. Онъ васъ, собака, выведетъ въ пустыню и будете вы плясать тамъ, какъ онъ засвиститъ!.. Извѣстное дѣло!.. Знаемъ мы васъ, желтобрюхихъ челдоновъ *): до окончанія работы вы бы всякому готовы ноги лизать, дочку родную подарите, а послѣ работы въ омутъ столкнете... изъ-за старыхъ онучъ!..

— Не слушайте вы его, добрые люди!.. Пёсъ онъ!.. Пустозвонъ!.. Вѣдь тамъ на рѣкѣ весь каюкъ въ вашемъ будетъ вѣдѣніи! Что порѣшите, то и будетъ... Вѣдь себя, то, главнымъ образомъ везете, а мы только какъ будто придача... Вѣдь васъ-то вдвое больше, чѣмъ насъ...* Что сказалъ, до крошки исполню... Небось, знаете меня... Не первый годъ ходимъ...—доказывалъ Демьянъ.

— Такъ-то такъ... А бывали и другіе примѣры... Ты намъ лучше выдай!..—гудѣли рабочіе.

— Для достовѣрности я могу съ вами на первый островъ проѣхать!..—вставилъ политично стражникъ.

Но предложеніе его встрѣчено было враждебнымъ молчаніемъ. Даже Демьянъ не поддержалъ союзника. Взамѣнъ лодочникъ воззвалъ къ Карскому и Лёвѣ:

— Урезоньте ихъ, господа!

— Ну нѣтъ!.. Зачѣмъ же?. Они въ правѣ ставить свои условія и отказывать вамъ въ кредитѣ... Насколько я понимаю, вы требуете, чтобы они работали впередъ... какъ это водится въ Европѣ, но здѣсь другой обычай—обстоятельно отвѣтилъ Лёва. Карскій дернулъ его за рукавъ, но уже было поздно. Бурлаки зашумѣли и задвигались.

— Какъ? впередъ?.. Я имъ дамъ по рублю на рыло... Не пущу—отдавайте задатокъ... Филлипъ Ѳерапонтычъ не пускайте ихъ—кричалъ Демьянъ стражнику загораживая выходъ!..

— Развѣ мы нарушили уговоръ?.. Ты его не исполнилъ.—Двигай, ребята!..

— Вѣрно сказалъ господинъ: употребимъ свой кредитъ... Поворачивай на право!..—командовалъ Индюкъ.

Рабочіе дружно направились къ выходу.

— Ну, идите, идите!.. Чортъ съ вами!—вдругъ какъ-то ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ Демьянъ.

---

*) Прозвище, даваемое бродягами сибирскимъ крестьянамъ.

Но на дворѣ рабочихъ встрѣтили купцы, и дѣло приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ.

— Пустяки!.. Не все ли равно съ кѣмъ пойдете? Вѣдь идтить вы должны!..—властно проговорилъ старшій, Брылкинъ.

— Жертвую ведро на артель!.. Вотъ деньги. Староста вашъ тутъ сбѣгаетъ къ цѣловальнику, а вы тѣмъ временемъ поворачивайте къ лодкѣ.

Рабочіе помялись, выторговали еще добавочныхъ нѣсколько бутылокъ, которыя обязался поставить сейчасъ же Демьянъ и которыя рѣшили распить въ моментъ отъѣзда.

Только Индюкъ протестовалъ и, жестоко ругаясь, направился въ городской кабакъ.

Лева не безъ сожалѣнія встрѣтилъ этотъ конецъ.

— Конечно, дурно. Но вѣдь иначе я бы никогда не уѣхалъ!— утѣшалъ друга смущенный Карскій.

IV.

Лодка на веслахъ обогнула песчаную стрѣлку, затѣмъ лямочники выскочили на берегъ. Козьма бросилъ имъ съ носа конецъ длинной веревки. Это собственно не была бичева, такъ какъ, торопясь уйти изъ города, хозяева забыли послѣднюю продернуть черезъ конецъ мачты. Бурлаки, немного пьяные и возбужденные, расположились въ рядъ у воды. Гуранъ крѣпко приналегъ на руль. Кузьма въ маленькой «душегубкѣ» зашнырялъ то съ той, то съ другой стороны лодки. Купцы усѣлись на носу съ бутылками и рюмками въ рукахъ, на самомъ рулѣ помѣстился верхомъ Спиридонъ съ намѣткой въ рукѣ.

— Трогай!.. Во имя Отца и Сына и Святого Духа!.. Эй!

Бурлаки наклонились впередъ и зашагали; веревка натянулась, лодка дрогнула, заколыхалась и поплыла, откладывая носомъ по обоимъ бокамъ два уса серебристыхъ бурлящихъ волнъ.

Карскіе вышли изъ своей клѣти на кормовую палубу и глядѣли на уходящій за густыя заросли тальника городъ. Кудрявая чаща, точно большой ползущій вдоль берега змѣй, глотала исподволь дома съ горѣвшими въ лучахъ солнца окнами, церкви съ грушевидными главами, судна, украшенныя флагами и маленькія фигуры людей на пристани... Городской стукъ и говоръ замиралъ, сливался съ рокотомъ рѣки и всплескомъ волнъ, хлещущихъ сердито вслѣдъ за проходомъ лодки въ пологіе пески.

Лева, явившійся, наконецъ, Макаръ, стояли на кучѣ сложенныхъ бревенъ и махали шапками. Анна съ ребенкомъ на рукѣ отвѣчала имъ платочкомъ, мокрымъ отъ слезъ.

— Бѣдняжки!..—шептала она.

Ой, Якутской городъ знатный,
Только дѣвки въ немъ превратны...

затянули на носу купцы.

Ой, дубинушка, ухнемъ, да,
Ой, зеленая, сама пойдетъ,
Подернемъ, подернемъ...
Да у-ухнемъ!

отвѣтили лямочники.

Мужики въ немъ вѣчно пьяны,
Неумыты, не чесаны...

продолжалъ купецъ.

Ой, дубинушка, ухнемъ, да!
. . . . . .

отвѣчалъ хоръ.

Наконецъ, исчезъ за зеленой ширмой кустовъ и бѣлый монастырь на крайнемъ мысу. Нѣкоторое время поверхъ вѣтокъ и тонкихъ листьевъ тальника виднѣлись еще колокольни собора да крыша губернаторскаго дома, но вскорѣ и они исчезли, и мощная, серебристая рѣка окаймленная желтыми песками и блѣдной зеленью лозы, завладѣла судномъ исключительно.

— Эй, берегись!.. Ссоривай!.. Ссо-ри-вай! Наметывай справа!.. гремѣлъ то и дѣло Гуранъ.

На зовъ послѣдній лямочникъ подбѣгалъ къ кустамъ, за которые цѣплялась бичева, и сталкивалъ ее съ вѣтвей или, ухватившись за нее руками, отводилъ въ сторону отъ торчащихъ изъ воды занозъ, отъ кокоръ плавнику, освобождалъ встряхиваніемъ отъ мелкаго водяного сору, отъ водорослей и палокъ, вылавливаемыхъ веревкой изъ воды.

Лодка шла все поодаль отъ земли.

— Пять! Три!.. Два съ половиной... Два... Пять!.. восклицалъ однообразно Спиридонъ, погружая наметку въ рѣку. Кузьма на душегубкѣ «ретманилъ» — плылъ впереди и указывалъ дорогу. Демьянъ остался въ городѣ покончить разсчеты.

Бурлаки, согнувшись дугой, съ лямкой на плечѣ, тяжело брели по заметамъ сыпучаго песку, напѣвая и покрикивая все время. Скоро, однако, лодка повернула въ узкую протоку и углубилась въ необозримыя тальниковыя «плави».

Тогда пѣсня умолкла. Исчезли удобныя свободныя отъ кустовъ отмели, пришлось ломиться прямо сквозь чащу, гдѣ связанные веревкой люди путались и вязнули въ гибкихъ вѣтвистыхъ тенетахъ. Лодка медленно подвигалась извилистыми, какъ ручьи, каналами среди острововъ въ неопредѣленныхъ берегахъ. Вездѣ тальникъ, и тальникъ—густой и прямой какъ тростникъ, но высокій и крѣпкій какъ бамбукъ. Мѣстами онъ подымался прямо

изъ воды; мѣстами теченіе пробивалось сквозь него съ рокотомъ шивера, и подобно вѣтру колыхало зелеными кистями кустарника. Тогда всѣ садились въ лодку и двигались впередъ на веслахъ или подтягиваясь руками за крѣпкіе, упругіе стебли.

Болѣе всѣхъ работалъ все время Кузьма. Онъ постоянно перевозилъ съ берега на берегъ людей и веревку, провѣдывалъ протоки, «ссоривалъ» бичеву въ мѣстахъ недоступныхъ для брода. Его «душегубка» кружилась непрерывно кругомъ судна, точно маленькій утенокъ вокругъ попавшей въ бѣду старки.

— Козьма... а Козьма!.. Пора бы и остановиться!..—кричали ему и купцы, и лямочники, но старикъ угрюмо молчалъ.

Солнце закатилось за ивнякъ: туманныя холодныя сумерки наполнили просвѣты каналовъ, почернѣла въ нихъ вода и кусты по бокамъ.

— Будетъ! Не пойдемъ дальше!—рѣшили рабочіе.

— Еще черточку!.. Что тутъ? Тутъ ничего нѣтъ!.. Одна тина!.. Не разгуляешься... Спать даже негдѣ... Волоките хоть къ тому острову... Тамъ Демьянъ приказалъ ждать... Тутъ онъ и не найдетъ насъ... А безъ него что же будетъ? Спиртъ-то вѣдь у него!..—проговорилъ, наконецъ, Кузьма.

Лямочники неохотно плелись въ указанномъ направленіи.

Избранный Кузьмой островокъ представлялъ плѣшивый песчаной сугробъ, окруженный узкой каймой тальниковъ. Онъ находился на самомъ краю «плавей» и по ту сторону его глухо шумѣлъ материкъ рѣки. Открытый плёсъ ея упирался на томъ берегу въ крутой и лѣсистый обрывъ. Оттуда несло холодомъ и ядреной сыростью многоводной струи.

Карскій вышелъ на берегъ и съ вершины бугра оглядѣлъ окрестности. Прежде всего поразила его близость города. Ему показалось, что они ничуть не ушли отъ него, что они все на томъ же мѣстѣ на рѣкѣ, напротивъ него. Купола церковныхъ колоколенъ все още свѣтились въ лучахъ заката.

Вечерній дымъ густо струился изъ городскихъ трубъ и, смѣшиваясь съ рѣчнымъ туманомъ, набрасывалъ на ближайшую долину, на дальнія горы и дальній небосклонъ лиловыя, нѣжныя тѣни. Выше на небѣ слоями легли алыя и сизыя полосы зари, а еще выше въ бирюзовомъ просторѣ мерцали блѣдныя звѣзды.

Между городомъ и островомъ щетинились ровные, какъ шерсть, и, какъ шерсть, спутанные тальники.

Карскій пристально вглядывался въ хорошо знакомые ему дальніе «увалы», отыскивая среди нихъ нѣкоторыя мѣста, чтобы обозрѣть ихъ еще разъ—послѣдній. Среди крутыхъ горныхъ скатовъ онъ искалъ прежде всего того дальняго подъёма, по которому взбиралась вверхъ *его* дорога. Онъ вспоминалъ свои дорожныя при-

ключенія, товарища, убитаго подъ горою неизвѣстнымъ злодѣемъ, нападеніе грабителей на его собственный обозъ съ мукою, вспомнилъ свою усадьбу, свои труды въ полѣ, пахоту, косьбу, жниво... и ему жаль стало, что всего этого уже нѣтъ и не будетъ... Но тутъ же онъ вспомнилъ страшную тоску, одолѣвавшую его по зимамъ, когда холодъ и мракъ запирали его въ заключеніе, вспомнилъ послѣдствія этой тоски, болѣзнь Анны, отъ которой исцѣлила ее только блеснувшая неожиданно надежда на возвращеніе... Дальше вспомнилъ Карскій добрыя, милыя лица товарищей, одиноко вкрапленныхъ въ чуждую имъ жизнь и тайгу...

Онъ вздохнулъ и взглянулъ на мирно покачивающуюся у острова лодку.

Анна съ закутаннымъ въ платокъ Сашей шла оттуда къ нему. Карскій взялъ у жены ребенка, обнялъ ее за талью и прижалъ къ себѣ... Женщина склонила голову на его плечо и направила взоръ въ ту же сторону, куда глядѣлъ недавно онъ самъ.

— Милый! Были и тамъ у насъ дни счастья!

— Вернулась бы ты?..

— Ни за что!

— А вѣдь неизвѣстно, что насъ ждетъ. Пріѣдемъ, по всей вѣроятности, безъ гроша. О занятіяхъ трудно будетъ и подумать, я отвыкъ отъ умственнаго труда, а къ землѣ пристроиться тамъ и мечтать нечего...

Грудь женщины заколыхалась.

— Тамъ—смерть!—шепнула она.—Тамъ мы исподоволь тлѣли!.. Я чувствовала, какъ изо дня въ день во мнѣ что-то навѣки угасаетъ, какъ жить остается всё меньше, и страшно, невѣроятно боялась, что вдругъ всё потухнетъ, что тьма безпросвѣтная окутаетъ меня, и я никогда уже, никогда не взгляну на родину сознательнымъ взглядомъ... Нѣтъ ничего мучительнѣе этого ужаса... Я не боюсь смерти, но я страстно желаю увидѣть тебя и сына въ родной средѣ и разъ, еще разъ... взглянуть самой на родину... затѣмъ я уйду въ вѣчность уже безъ сожалѣнія...

— Зачѣмъ уходить!? Вотъ глупости!.. Вѣдь ты теперь здорова!? Я говорилъ о трудностяхъ такъ себѣ!.. Всё это устранимо, разъ мы будемъ здоровы... Все въ сущности пустяки... Всё устроится прекрасно...—доказывалъ горячо Карскій, стыдясь недавней своей слабости.

Онъ опять обнялъ жену и привлекъ къ себѣ. Анна качала головой.

— Ты не притворяйся: я знаю, вначалѣ будетъ намъ трудно, очень трудно, но вѣдь возвратъ невозможенъ... Мнѣ чудится ужасное тамъ... за нами чудовище, леденящее и засосывающее.. туманный кощей съ бѣлыми глазами... Всё мнѣ кажется, что онъ

протягиваетъ къ намъ свои хищныя лапы и... я бы... всё бѣжала... безъ оглядки... бѣжала бы, не ѣла, не пила, уходила бы. Но намъ не везетъ. Тихо мы пойдемъ, вотъ увидишь... тихо пойдемъ. Девятьсотъ слишкомъ верстъ—это ужасъ!.. Столько дней, столько дней страха!? Взгляни, милый, не потерялъ ли ты паспорта!.. Я ужъ никакъ не успокоюсь раньше конца... Не вѣрю я, чтобы эти люди дотащили насъ... Какой-то сбродъ...

— Здѣсь всѣ они такіе, а вѣдь плаваютъ суда! Смотри, какъ красиво... Зажгли костеръ и усѣлись кругомъ... Слѣдовало бы и намъ вскипятить чайникъ!—замѣтилъ спокойно Карскій.

— Знаешь, поставь самъ... Я пойду въ лодку уложить Сашу... Я ихъ боюсь!

Когда Карскій подошелъ съ чайникомъ къ огню, Спиридонъ взялъ предупредительно посуду у него изъ рукъ и повѣсилъ на палкѣ около котловъ. Бурлаки подвинулись и предоставили Карскому мѣсто въ своемъ кругу. Всѣ они, видимо, интересовались имъ, только одинъ Обухъ, бѣлобрысый красавецъ съ серьгой въ ухѣ, не обратилъ, повидимому, на него вниманія и не отвелъ взгляда, неподвижно уставленнаго въ пламя.

Карскій еще до отъѣзда замѣтилъ красавца и теперь невольно опять залюбовался имъ.

«О чемъ думаетъ этотъ здоровякъ?..» размышлялъ онъ, скользя взглядомъ по крѣпкому угловатому черепу парня.

Какъ разъ Обухъ въ это время очнулся, поднялъ голову, зѣвнулъ и потянулся.

— Что же?.. Чего ждемъ ребята? А?..

— Демьяна все нѣтъ!

— Гм!..

— Ужо онъ ѣдетъ!..—успокоилъ ихъ Кузьма.—Слышете?

Въ «плавяхъ» далеко мѣрно плескались весла. Маленькія стаи утокъ, вспугнутыхъ плывущими, по временамъ взлетали надъ почернѣвшими тальниками и, свистя крыльями, кружились въ сумеречномъ воздухѣ.

Бурлаки повеселѣли. «Жиганы» ушли за хворостомъ и вскорѣ притащили двѣ большущія охабки сухого тальнику. «Обухъ» съ «Майданьщикомъ», мрачнымъ и скуластымъ сибирякомъ, отправились къ водѣ и приволокли оттуда толстую колоду плавнику.

— Ай-да молодцы!.. — хвалили ихъ купцы, возсѣдающіе важно у костра.

— Силища у васъ!—замѣтилъ Терешкинъ, тщетно пробуя поднять колоду.

Обухъ взглянулъ на него и сдержанно улыбнулся.

— Хватитъ на всю ночь!..—обстоятельно вставилъ Гуранъ.

— Тепло будетъ!

*

— Дерево и есть дерево!.. Не то что валежникъ!..

Всѣ солидно разговаривали, не подавая виду, что вниманіе ихъ направлено въ другую сторону, гдѣ все явственнѣе плескались весла. Только купцы, у которыхъ была «своя водка», повидимому, интересовались содержаніемъ разговора.

— Да, валежникъ необстоятеленъ: вспыхнетъ и тутъ весь!— сказалъ Терешкинъ.

— О-г-е-й!—окликнули ихъ съ воды.

— Здѣсь!..—отвѣтили дружно лямочники.

Дно причалившей лодки зашуршало о песокъ. Часть лямочниковъ бросилась навстрѣчу пріѣзжимъ. У костра остались купцы, Обухъ, Майданщикъ, молодой татаринъ Ахметка и поваръ Спиридонъ, занятый стряпней, а съ нимъ такой же, какъ онъ невзрачный, старикъ бродяга, прозываемый почему-то Нѣмцемъ. Оба они ухаживали бережно за котлами, помѣшивали въ нихъ и подкладывали огонь.

Вскорѣ въ кругу свѣта появился Демьянъ въ сопровожденіи Большого Жигана. Послѣдній несъ нѣжно на рукахъ, точно ребенка, флягу со спиртомъ, вкусно облизывался и мяукалъ по-кошачьи.

— Ужинъ готовъ?

— Есть, есть!.. Садитесь и сказывайте, что слышно въ городѣ,

— Давайте спервоначалу, какъ подобаетъ, пить чай!..

Кузьма роздалъ рабочимъ по горсти сухарей и куску сахару Нѣмецъ розлилъ чай въ поставленные передъ каждымъ кубки и чашки. Демьянъ подсѣлъ къ купцамъ, которые приказали принести себѣ съ судна «свою ѣду»—бѣлые калачи, масло, копченую рыбу и ветчину

— А что же... тотъ?—спросилъ Брылкинъ, мотая головой въ сторону лодки.

— Предпочитаю одиночество... вдвоемъ съ женой!.. — пискнулъ Терешкинъ

Всѣ разсмѣялись и принялись острить по этому поводу. Терешкинъ смѣшно закатывалъ глаза, вздыхалъ и ржалъ, какъ лошадь.

Въ это время Спиридонъ, исчезая въ облакахъ дыма и пара, вылавливалъ изъ котла куски мяса и складывалъ ихъ на жестяной котельной крышкѣ. Майданщикъ ловко переливалъ спиртъ изъ бочоночка въ бутылки и разбавлялъ его водой. Демьянъ подалъ первую бутыль старшему купцу...

— Счастливый путь, ребята! Поздравляю васъ съ началомъ! Чтобы везло намъ, чтобы вѣтеръ все дулъ въ корму, чтобы мы благополучно миновали всѣ мели, шиверa, быки и сколы... Чтобы избѣгли мы злоключеній и злыхъ людей... Хаимъ!.. Къ тебѣ пью, хозяинъ!..—проговорилъ торжественно купецъ, перекрестился, выпилъ и крякнулъ.

— Сюлимъ! За ваше здоровье, честные гости, и ваше, ребята-лямочники!—отвѣтилъ Демьянъ, принимая полную рюмку.

Когда рюмка обошла полный кругъ, купецъ придержалъ бутылку и обратился къ Демьяну.

— А все-таки не годится. Онъ пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, а мы должны уважить старинный обычай и попросить его... Иди, Демьянъ... скажи, молъ, такъ и такъ: усиленно просятъ не портить полноты...

Карскій тихо разговаривалъ съ женой, облокотившись на край судового навѣса. Саша спалъ въ ихъ помѣщеніи, завѣшенномъ платкомъ. Прозрачная полярная ночь повисла надъ затуманенной гладью рѣки. Молочныя воды сливались съ блѣднымъ небосклономъ, и только темные острова плавей да темные вдали берега нарушали опаловое однообразіе воздуха и земли.

— Я знаю, нѣтъ «такой обители», гдѣ бы мы обрѣли миръ. По возвращеніи начнется то же самое. Въ пустынѣ мы жаждемъ людей, стремимся къ нимъ и проклинаемъ спокойствіе; среди людей ждетъ насъ вѣчная борьба и тревоги и тщетное стремленіе къ успокоенію!—говорила Анна.

Степанъ молчалъ, искалъ словъ утѣшенія и не находилъ ихъ. Онъ самъ чувствовалъ затаенный страхъ передъ лицомъ той кипучей, многосложной жизни, отъ которой онъ отвыкъ и которая вновь открыла передъ нимъ свои таинственныя пучины.

— Авось... какъ нибудь!..—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Почтенные господа пассажиры!.. — раздался вблизи нихъ хриплый голосъ.

Анна вздрогнула и схватила мужа за руку.

— Не согласитесь ли вы удостоить насъ вашимъ пожеланіемъ и не выпьете ли вы съ нами за успѣхъ начинанія...—проговорилъ Демьянъ, появляясь изъ за судна.

— Иди, Степа! Я лягу спать, я сильно устала!... — рѣшила Анна.

Немного спустя Карскій сидѣлъ въ кругу бурлаковъ и съ любопытствомъ присматривался къ живописнымъ, хотя и обтрепаннымъ ихъ фигурамъ. Онъ не пилъ и чувствовалъ себя здѣсь не у мѣста.

— Не хотите!? Какъ угодно!.. Намъ больше останется!—сказалъ съ обидой купецъ, принимая обратно налитую рюмку.

Карскій зашевелилъ губами, но не нашелъ отвѣта; пробовалъ улыбнуться, но улыбка его вышла неестественной и осталась безъ отзвука.

Бурлаки глядѣли на него выжидательно и недружелюбно.

— Желаю вамъ успѣха!—выговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и подалъ руку Демьяну.

Карскій, по природѣ нелюдимый и конфузливый, былъ крайне смущенъ и своимъ отказомъ, и своей ненаходчивостью и чрезвычайно обрадовался, когда неожиданные голоса съ рѣки привлекли въ ту сторону вниманіе присутствующихъ.

— Кто-то плыветъ!

— Пусть плыветъ. Эй, ребята, принимайтесь... Ждать станете, утра дождетесь... Хотите мяса, господинъ пасс-са-жиръ?

Карскій кивнулъ головой и ему подали кусокъ мяса на деревянномъ рожнѣ. Онъ, по примѣру другихъ, вынулъ изъ чехла свой ножъ и, поддерживая роженъ въ рукѣ, сталъ обрѣзать кругомъ мясо. Другіе уже работали прилежно ножами и зубами, обгрызая съ шумомъ кости и чмокая громко губами. Рюмка гуляла изъ рукъ въ руки, лица краснѣли, глаза разгорались.

— А жаль, нѣтъ Индюка! Веселый онъ парень!—сказалъ съ сожалѣніемъ Брылкинъ.

— Типунъ вамъ на языкъ, Василій Митричъ... Упаси Богъ... Боюсь, въ недобрый сказали вы часъ... А я то на радостяхъ свѣчку Миколаю Угоднику, водяному заступнику, рѣшилъ поставить, что онъ меня отъ него, смутьяна и супостата, избавилъ!..—заговорилъ жалобно Демьянъ.

— Опасный человѣкъ!..—согласился Козьма.

Бурлаки ухмылялись и помалкивали.

— О, да, опасный человѣкъ!—поддакнули только оба жигана. Впрочемъ, они тутъ же оглянулись нерѣшительно на рѣку, откуда все явственнѣе доносились удары веселъ.

— О-г-е-й!—окрикнули ихъ снова.

— Сюда!.. Кто такіе!

— А вы чьи?

— Козьмы и Демьяна!

— Они самые!.. Причаливай!..

Всѣ ждали съ вытянутыми шеями, не спуская глазъ съ кустовъ, гдѣ копошилась причаливающая лодка. Мгновеніе спустя шальники раздвинулись и оттуда вышелъ... Индюкъ въ сопровожденіи перевозчика якута.

— Откуда? Что такое?

— Стосковался я по васъ!.. Сердце разболѣлось!..—говорилъ серьезно Индюкъ съ рукой на груди.—Сейчасъ послѣ вашего отъѣзда я загрустилъ, да такъ загрустилъ, что тутъ же сѣлъ письмо писать, добра желать милымъ дружкамъ... да вспомнилъ, что почта за вами не ходитъ и для полной достовѣрности самъ письмо то привезъ... Вотъ оно! Пріймите въ придачу въ вашъ кругъ и товарища, поелику раскаялся онъ!..

Бродяга вытащилъ изъ за пазухи грязный конвертъ и пода-

валъ его ближайшимъ товарищамъ, но всѣ отстранялись со смѣхомъ, подозрѣвая въ этомъ новую неприличную шутку.

— Сознайся, старый пьяница, что пронюхалъ ты выпивку! Вѣрно говорю!?—шутилъ ласково Брылкинъ.

— Зачѣмъ нюхать? Я зналъ навѣрно: ваше степенство всегда угадаетъ. Я воочію видѣлъ, какъ этотъ Іюда-предатель выносилъ изъ кабака флягу... Показалась мнѣ она достаточной для передвиженія... И даже тотъ, малый, соблазнился ею и привезъ меня въ надеждѣ воспользоваться кой чѣмъ по случаю...

— А только ты, Индюкъ, не забывайся здѣсь... Опять меня Іудой назвалъ... Слышали!?—обрушился на оратора Демьянъ.— Тутъ не городъ, тутъ тебя живо сократятъ!

Индюкъ посмотрѣлъ на судовщика ехидно сощуренными глазами, послѣ чего быстро выпилъ поданную косушку водки и вытеръ рукою усы.

— Охъ, Демьянъ, Демьянъ! Глупъ ты, право! Судьбѣ угодно предложить тебѣ отборнаго. стараго лямочника, а ты пренебрегаешь... Развѣ, братцы, васъ больше, чѣмъ слѣдуетъ? Развѣ лодка кажется вамъ слишкомъ легкою? Зналъ я, Демьянушка, что ты прогонишь меня, и не за этимъ пришелъ я, чтобы служить тебѣ, а пришелъ за тѣмъ, чтобы отдать тебѣ твой задатокъ... Не могъ бы прожить съ твоимъ рублемъ на совѣсти, а жизни я лишаться не желаю. Но въ наказаніе я отдамъ тебѣ его только завтра.. Слышите!

За исключеніемъ Демьяна, всѣ покатывались со смѣху.

— Ловкій!.. Вотъ, песъ его съѣшь, что выдумалъ!

— Хорошо, хорошо! Разсчетъ завтра!.. А сегодня давайте, ребята, пѣть! Ну, Индюкъ, начинай!..—рѣшили купцы.

— Подождите, ваше степенство, горло раньше маненько продеру... Полную грудь набралъ рѣчного туману!..

Купецъ поднесъ ему уже не рюмку, а чайную чашку водки.

Индюкъ выпилъ, шапку на ухо надвинулъ, руками уперся въ колѣни и, нагнувшись впередъ, запѣлъ высокимъ, рѣзкимъ теноромъ:

Ой, по морю, морю синему

. . . . . .

Ой, по морю, морю синему

отвѣтилъ хоръ низко и гулко.

Плыла лебедь, лебедь бѣлая

. . . . . .

Плыла лебедь, лебедь бѣлая...

гудѣлъ хоръ...

Карскій ушелъ въ сторону и легъ на тепломъ пескѣ навзничъ. Высоко въ молочно-голубомъ небѣ дрожали чуть замѣтныя звѣзды,

кругомъ глухо шумѣли быстрины, вѣтерокъ шелестилъ въ тальникахъ, предвѣщая наступающее утро. Бѣлая мгла плыла надъ рѣкою, стараясь поспѣть за теченіемъ, ласкающимъ ея волочащіяся по водѣ космы...

Среди этого величья на маленькомъ островкѣ у крошечнаго огня выли дикую пѣсню и прыгали подъ ея звуки лохматыя, оборванныя фигуры, а дымъ и полыхающее пламя то чернило ихъ копотью, то красило кровью.

Охъ вы, дѣвушки-вострушки,
Издали вы просто душки...
. . . . . .
Ой Дербентъ, Дербентъ, Калуга!
Дербентъ, Ладога моя!
Ой лю-ли, лю-ли-ля!
Дербентъ родина моя!

Впереди хора сидѣлъ Индюкъ и управлялъ имъ при помощи ножа, схваченнаго за конецъ лезвія. Пока онъ пѣлъ съ рукой приподнятой вверхъ, остальные пѣвцы сосредоточенно молчали, но лишь только куплетъ кончался и рука падала внизъ, все оживало—лица перекашивались, рты раскрывались, головы покачивались, руки размашисто двигались, хлопали и пощелкивали, а ноги глухо притопывали... Звуки, точно сорвавшись съ цѣпи — бурные, торжествующіе, смѣшиваясь и опережая другъ друга, неслись неудержимо въ высь и въ ширь...

Каждый иначе пѣлъ и помогалъ себѣ инымъ движеніемъ, но всѣхъ соединяло тождественное для всѣхъ волненіе, всѣхъ опьяняло временное сліяніе ихъ чувствъ въ нѣчто единое и мощное...

Карскій слушалъ съ удовольствіемъ; вскорѣ, впрочемъ, сознаніе, что пора спать, заставило его уйти къ лодкѣ. У воды онъ замѣтилъ двѣ тѣни, мечущіяся съ глухими восклицаніями.

— Пшолъ!.. Говорю тебѣ... Отчаливай... отъ грѣха!—шептала одна фигура.

— Я нанятой... я безъ него... не могу... Ты пошто толкаешься?!—шумѣла другая.

Карскій безъ труда узналъ Кузьму и якута перевозчика. Когда онъ подошелъ поближе, спорщики перестали драться.

— Въ чемъ дѣло?

— Дрянь!.. Тварь!.. Налакался и ѣхать не хочетъ!..

— Я человѣка привезъ!. —настаивалъ якутъ.

— Уходи, уходи!.. Не искушай людей!..—ворчалъ Кузьма, подталкивая якута къ его лодкѣ.

— Тоёнъ!.. тоёнъ!..—обратился якутъ къ Карскому; тотъ не уходилъ, но сочувствія своего ему не выражалъ, такъ какъ якутъ

дѣйствительно былъ пьянъ и задоренъ. Тогда туземецъ вдругъ сдался, полѣзъ въ лодку и, взявшись за весло, потребовалъ табаку.

— На, бери и... убирайся! Чтобы духу твоего тутъ не было!— провожалъ его Козьма.

— Завтра пріѣду!—говорилъ лодочникъ, уплывая.

— Ужо, ужо!.. Ладно!.. Мы тутъ тебя встрѣтимъ!.. Какъ же?.. Далеко ли до грѣха!.. Да тутъ такая бы пошла кутерьма, когда-бъ назавтра эти собаки проѣздъ въ городъ почуяли, что не приведи Богъ... Одинъ, два бы убѣжало, а всѣ бы взбунтовались... Знаю я!.. Слыхивалъ... Не хотимъ, молъ, идти.... вези насъ обратно... условіе нарушено... мало насъ... не смогимъ... и прочье... прочье... Мало ли наговорить способенъ варнакъ, когда опохмелиться хочетъ...

— Какъ же Индюкъ-то?

— Пойдетъ и Индюкъ! Куда дѣнется—кругомъ вода. Конечно, лучше бы безъ его... Но что-жъ подѣлаешь: не топить же его... Чему быть—того не миновать... Будемъ остерегаться... А вы почто не спите?

— Вотъ иду.

— Идите вправду, а то завтра шибко рано двинемъ... День трудный... Перебивать придется на ту сторону... Отдыхайте съ Богомъ... Покойной ночи!

Карскій еще разъ оглянулся назадъ, гдѣ на плѣши бугра у костра двигались тѣни и неровно билась грубая пѣсня, тщетно порываясь къ небу. Кузьма исчезъ. Степанъ скользнулъ осторожно къ себѣ подъ навѣсъ.

— Ты не спишь еще, Анна?—спросилъ онъ, заслышавъ вздохи жены.

— Этотъ вой мертвыхъ въ состояніи поднять!.. Ужасные люди и... какія... неприличныя слова!? Столько дней вмѣстѣ!.. И какъ я назавтра выйду къ этимъ... мужчинамъ? Какъ взгляну имъ въ лицо послѣ всего, что сегодня слышала?.. Вѣдь они знаютъ, что я слышала!..—жаловалась Карская.

Карскій молчалъ.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Устройство общества въ кіевской Руси.

Основной вопросъ соціальной исторіи, т.-е. исторіи общественнаго строя, заключается въ томъ, какъ дѣлится общество. Вообще говоря, можно представить себѣ только двоякое дѣленіе общества—на классы и на сословія. *Классомъ* называется такая общественная группа, участники которой соединены между собою однимъ занятіемъ, занимаютъ одинаковое положеніе въ процессѣ производства и обмѣна хозяйственныхъ благъ. *Сословіе*—это общественная группа, связью между членами которой служитъ общность правъ или обязанностей. Классовое дѣленіе общества покоится такимъ образомъ на экономической основѣ, сословное же его дѣленіе—на основѣ юридической. Замѣтимъ еще, что нужно различать сословія свободныя и сословія крѣпостныя: если въ основаніи сословнаго дѣленія лежитъ принципъ *права*, то мы имѣемъ *свободныя сословія*, еслиже преобладаетъ начало *обязанности*, то получаются *сословія крѣпостныя*.

Итакъ прежде всего существовало ли въ кіевской Руси дѣленіе на классы? Другими словами: различались ли тогда отдѣльныя группы общества по занятіямъ, существовало ли хотя бы первоначальное раздѣленіе труда? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ значительной степени уже ясенъ для насъ благодаря предварительному изученію экономическихъ условій: мы видѣли, что до VIII, отчасти даже до IX вѣка, въ сущности всѣ восточные славяне занимались однимъ и тѣмъ же: добывающей промышленностью и скотоводствомъ, отчасти также земледѣліемъ и еще меньше того обрабатывающей промышленностью; болѣе или менѣе замѣтнымъ раздѣленіе труда становится лишь въ VIII сто-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

лѣтіи и усиливается въ IX, когда, какъ мы убѣдились, появилась внѣшняя торговля, сдѣлавшаяся исключительнымъ достояніемъ высшихъ слоевъ населенія и проведшая такимъ образомъ между этими послѣдними и народной массой довольно ясную экономическую грань. Очевидно, эти высшіе слои общества, занятые второстепенной въ то время отраслью промышленности, были не особенно многочисленны и вліятельны. Таковы выводы, непосредственно вытекающіе изъ данныхъ, намъ уже извѣстныхъ. Они вполнѣ подтверждаются наблюденіями за смысломъ разнаго рода соціальныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ нашихъ источникахъ. Главный изъ этихъ терминовъ — это терминъ «смердъ». Что такое смердъ въ кіевскій періодъ русской исторіи? Два основныхъ нашихъ источника даютъ намъ на это достаточно опредѣленныя и ясныя указанія. По занятіямъ своимъ смердъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Русская Правда, — пчеловодъ и скотоводъ: говорится о конѣ его и о борти. Начальная лѣтопись въ извѣстномъ разсказѣ о съѣздѣ князей у Долобскаго озера пополняетъ эту характеристику указаніемъ, что къ числу обычныхъ занятій смердовъ принадлежало въ XII вѣкѣ и земледѣліе. Другіе термины — «гость» или «купецъ», «купчина», встрѣчающіеся въ нашихъ источникахъ, отмѣчаютъ другой, позднѣе появившійся классъ древнѣйшаго русскаго общества, занятый торговлей, по преимуществу внѣшней: это видно и изъ самаго смысла указанныхъ терминовъ и изъ текста Русской Правды и Начальной лѣтописи, особенно изъ помѣщенныхъ въ послѣдней договоровъ съ греками. Тѣ же договоры и сочиненіе Константина Багрянороднаго свидѣтельствуютъ, что и бояре или княжескіе дружинники также торговали, экономически не отличались отъ купцовъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ XI вѣка въ рукахъ боярства не стали накопляться земли: появленіемъ боярскаго землевладѣнія проведена была хозяйственная грань между боярами и гостями. Наконецъ, мы знаемъ, что значило слово «огнищанинъ»: смыслъ этого термина былъ чисто экономическій: огнищанинъ—рабовладѣлецъ.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ кіевской Руси началось уже образованіе экономическихъ классовъ, сдѣланы были первые рѣшительные шаги въ направленіи раздѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ. Спрашивается: существовало ли сословное дѣленіе, и если существовало, то въ какой степени было развито? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ изученію правъ и обязанностей различныхъ общественныхъ группъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ поводъ пополнить наши свѣдѣнія о соціальной терминологіи источниковъ русской исторіи кіевскаго періода. Каковы были прежде всего *права смердовъ*? Изучая правовое положеніе народа, мы должны всегда строго различать личныя и корпоративныя права, т. е. права свойственныя не отдѣльному физическому лицу, а лицу юридическому, корпораціи. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ необходимо изслѣдовать особо права

гражданскія и политическія. Личныя гражданскія права смердовъ были очень обширны. Прежде всего юридическій обычай того времени гарантировалъ имъ личную свободу, признавалъ смерда лицомъ свободнымъ и граждански правоспособнымъ. Такой выводъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ цѣлаго ряда наблюденій надъ источниками. Прежде всего уже въ Начальной лѣтописи «смердъ» и «свободный человѣкъ»—синонимы: такъ по извѣстному разсказу о появленіи волхвовъ въ Бѣлозерской волости, занесенному въ лѣтопись подъ 1071 г., княжескій посадникъ Янъ спросилъ волхвовъ, чьи они смерды, т.-е. подданные какого князя? Здѣсь, очевидно, разумѣются подданные—свободные люди; затѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1096 году князья Святополкъ Изяславичъ кіевскій и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ переяславскій отправили посольство къ Олегу Святославичу черниговскому со словами: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ»; Олегъ на это отвѣтилъ: «нѣсть мене лѣпо судити епископомъ, ли игуменомъ, ли смердомъ». Очевидно, смердами здѣсь названы бояре и люди градскіе, т.-е. свободное населеніе. Еще болѣе убѣдительны данныя, почерпаемыя изъ Русской Правды. Смердъ, по Русской Правдѣ, признавался преступникомъ и потому наказывался штрафомъ въ пользу князя или такъ называемой *продажей*: «то ти ууроци смердомъ, оже платять князю продажею», читаемъ въ пространной редакціи Правды. А между тѣмъ въ томъ же источникѣ есть прямое указаніе, что холоповъ «князь продажею не казнить, *зане суть не свободни*»; слѣдовательно, продажѣ подлежали только свободные люди, а такъ какъ смерды ей подлежали, то, значитъ, они свободны. Въ другой статьѣ говорится о «мукѣ» (т.-е. объ истязаніи) огнищанина и смерда: за истязаніе перваго назначается продажа въ 12 гривенъ, а за истязаніе второго—въ 3 гривны: здѣсь огнищанину рабовладѣльцу противополагается простой свободный—смердъ. Затѣмъ Русская Правда признаетъ за смердами имущественныя права: упоминается о принадлежащихъ смерду конѣ и борти и о наслѣдствѣ послѣ смерда. Всѣ эти данныя съ несомнѣнностью указываютъ, что «смердъ» и «свободный человѣкъ»—синонимы. Но нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что смердъ—не просто свободный, а крестьянинъ-арендаторъ княжеской земли, отбывавшій на князя барщину и получавшій отъ него пнвентарь. Это объясненіе опирается на слѣдующія соображенія: 1) за убійство смерда и холопа назначено въ Русской Правдѣ 5 гривенъ: не можетъ быть, чтобы свободный человѣкъ сравненъ былъ съ рабомъ; 2) смерда нельзя было подвергать мукѣ безъ княжа слова, значитъ—онъ зависѣлъ отъ князя не какъ отъ государя, а какъ отъ хозяина; 3) противопоставляются конь княжъ и конь смерда, а также борть княжеская и борть смерда: очевидно, эти кони и борти могли

быть смѣшаны, т.-е. находились въ предѣлахъ одного хозяйства; 4) наконецъ, смердъ могъ передавать свое имущество по наслѣдству лишь сыновьямъ; если же у него были однѣ только дочери, то онѣ не получали наслѣдства: все оно переходило къ князю; причина этого заключается въ томъ, что «дочь, какъ женщина, не могла исполнять всѣ тѣ обязанности, которыя лежали на ея отцѣ, а слѣдовательно, и не могла имѣть правъ на отцовское имущество, которое было пріобрѣтено на землѣ, изъ земли и для земли, полученной ея отцомъ отъ князя». Ни одно изъ этихъ соображеній, при ближайшемъ разсмотрѣніи, не выдерживаетъ, однако, критики. Въ самомъ дѣлѣ: статья «а въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ» говоритъ не о вирѣ и продажѣ, т.-е. не о штрафѣ въ пользу князя, а о частномъ вознагражденіи за убійство смерда и чужого холопа: это видно уже изъ того, что штрафъ за убійство чужого холопа равнялся, по «Русской Правдѣ», 12-ти гривнамъ; за убійство же смерда платилась вира въ 40 гривенъ, какъ и за убійство всякаго свободнаго; а въ томъ, что за смерда частное вознагражденіе, поступавшее его семьѣ, равнялось частному вознагражденію, получавшемуся господиномъ холопа за убійство послѣдняго, нѣтъ ничего удивительнаго: въ XVI-мъ вѣкѣ честь высшихъ боярскихъ холоповъ цѣнилась впятеро выше чести свободныхъ крестьянъ. Такъ падаетъ первое соображеніе. Переходя ко второму, посмотримъ прежде всего, что разумѣется въ Русской Правдѣ подъ словомъ «мýка». «Мýкой» въ одной изъ статей« Правды» называется испытаніе желѣзомъ, одинъ изъ видовъ суда Божія или ордалій, употреблявшійся въ судебномъ процессѣ того времени. Это испытаніе не могло производиться безъ княжа слова. Очевидно, что князь тутъ дѣйствовалъ не какъ хозяинъ, а какъ государь, какъ судья. Но если даже понимать подъ мýкой не только испытаніе желѣзомъ, а вообще всякое истязаніе, то и въ такомъ случаѣ статья о мýкѣ смерда не можетъ быть объяснена въ смыслѣ особой хозяйственной зависимости его отъ князя: она органически связана со слѣдующей статьей— о мýкѣ огнищанина, а никто не рѣшится толковать эту послѣднюю въ томъ смыслѣ, что огнищанинъ былъ лицомъ, зависимымъ отъ князя подобно холопу. Неосновательнымъ является—далѣе—и третье соображеніе: статьи о конѣ и о борти вовсе не свидѣтельствуютъ ни о какомъ смѣшеніи имуществъ князя и смерда; изъ нихъ ясно только одно: собственность князя цѣнится выше собственности смерда; слѣдовательно, статьи эти скорѣе указываютъ на раздѣльность той и другой собственности, нежели на ихъ смѣшеніе. Замѣтимъ, что высшая оцѣнка княжескаго имущества—не единственная гражданская привилегія князя: Русская Правда признаетъ еще за княземъ право первому получать сполна долгъ съ несостоятельнаго должника при конкурсѣ. Что касается, наконецъ, факта отсутствія наслѣдственныхъ правъ у замужнихъ дочерей смерда—незамужнія получали часть, при переходѣ всего осталь-

ного князю, если не было сыновей,—то самый этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но его объясненіе въ томъ смыслѣ, что земля, на которой работалъ смердъ, принадлежала князю,—надо признать ошибочнымъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, замужнія дочери не наслѣдовали въ классѣ смердовъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ совершенно ясенъ, если мы обратимъ вниманіе на характеръ завѣщанія въ эпоху, нами изучаемую. Завѣщаніе, по «Русской Правдѣ», вовсе не римское testamentum, гдѣ господствуетъ исключительно личная воля, а «рядъ», т. е. договоръ, взаимное соглашеніе всѣхъ членовъ семьи подъ руководствомъ отца, выраженіе коллективной воли всего семейнаго союза. Соотвѣтственно этому, обычной формой завѣщанія была словесная, устная: «*безъ языка* ли оумреть», говорится въ источникѣ о смерти матери безъ завѣщанія. Роль завѣщателя—отца семейства ограничивалась лишь распредѣленіемъ семейнаго имущества между готовыми, законными наслѣдниками, и то по совѣту съ членами семьи. Итакъ, субъектомъ имущественныхъ правъ являлся среди смердовъ цѣлый семейный союзъ, а не отдѣльное лицо; поэтому и право наслѣдованія принадлежало лишь тѣмъ членамъ семьи, которые не порывали съ ней связи, которые были «въ дому», по выраженію «Русской Правды». При такихъ условіяхъ замужнія дочери смерда, порвавшія старую семейную связь и вступившія въ новую семью, естественно, теряли право наслѣдованія.

Итакъ ясно, что смердомъ въ кіевской Руси назывался всякій свободный въ противоположность, съ одной стороны, несвободнымъ и полусвободнымъ, съ другой—княжеской дружинѣ и духовенству. Слѣдовательно, чтобы полнѣе и яснѣе изобразить юридическое положеніе смердовъ, мы имѣемъ полное право воспользоваться всѣми статьями «Русской Правды», трактующими о правахъ свободныхъ людей.

Уже изъ только что изложенныхъ соображеній видно, что къ числу личныхъ гражданскихъ правъ смердовъ принадлежитъ право личной свободы. Это подтверждается также рядомъ статей «Русской Правды», трактующихъ о наказаніяхъ за разныя преступленія. За *убійство* смерда въ XI-мъ вѣкѣ, какъ и раньше, полагалась кровная месть; если же никто изъ родственниковъ не мстилъ, то убійца платилъ виру или штрафъ князю въ 40 гривенъ. Сыновья Ярослава во второй половинѣ XI-го вѣка отмѣнили кровную месть и установили денежный выкупъ: виру въ 40 гривенъ князю и головничество, т.-е. частное вознагражденіе семьи убитаго, опредѣленное, какъ мы видѣли, для смердовъ въ 5 гривенъ. Этими постановленіями ограждалась, слѣдовательно *жизнь* свободныхъ людей. Ограждалось затѣмъ также и ихъ *здоровье*: за тяжкое увѣчье—отсѣченіе руки или такую рану въ нее, которая лишала потерпѣвшаго возможности владѣть этимъ органомъ человѣческаго тѣла, краткая, древнѣйшая правда, составленная въ XI вѣкѣ, назначала 40 гривенъ виры; но если вмѣстѣ съ тѣмъ была отсѣчена

нога или повреждена настолько, что потерпѣвшій сталъ хромать, то за такое увѣчье мстятъ дѣти потерпѣвшаго; по пространной Правдѣ XII вѣка, за лишеніе руки, ноги, глаза и носа назначено полувирье—20 гривенъ и 10 гривенъ потерпѣвшему за увѣчье. За всѣ остальныя преступленія противъ здоровья свободныхъ людей—за побои до синяковъ и крови, отсѣченіе пальца и ударъ мечомъ, не причинившій смерти,—платилась продажа князю въ 3 гривны и частное вознагражденіе (урокъ) потерпѣвшему въ 1 гривну. Впрочемъ, краткая Правда за побои до синяковъ и крови допускала месть. Наконецъ, при дракѣ зачинщикъ ея долженъ былъ платить 60 кунъ продажи, причемъ однако, если бы зачинщикомъ оказалось лицо, получившее синяки или окровавленнное въ дракѣ, то оно свободно отъ платежа продажи. Юридическій обычай того времени ограждалъ—далѣе—*честь* свободныхъ людей: 12 гривенъ продажи назначалось за ударъ необнаженнымъ мечомъ или рукояткой, палкой, жердью, рукой, чашей, рогомъ, кулакомъ, за вышибленный зубъ и вырванный клокъ бороды или усъ; трехгривенной продажей оплачивались истязанія смерда и толчки. Затѣмъ *свобода* смерда ограждалась постановленіемъ, по которому за продажу въ рабство безъ законныхъ тому основаній, помимо, конечно, возвращенія правъ свободнаго человѣка потерпѣвшему, была назначена продажа въ 12 гривенъ. Наконецъ, за каждымъ свободнымъ человѣкомъ признавалось *право быть свидѣтелемъ на судѣ*: «ты тяжи всѣ судять послухи свободными», говоритъ «Русская Правда».

Мы уже отмѣтили раньше и второе гражданское право смердовъ—право собственности на движимое и недвижимое имущество, причемъ характеризовали и природу этого права: въ сущности, оно принадлежало не лицу, а семейному союзу, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло ужъ не съ личнымъ, а корпоративнымъ гражданскимъ правомъ, принадлежащимъ извѣстной группѣ лицъ изъ корпораціи. Мы знаемъ также, что къ числу такихъ корпоративныхъ гражданскихъ правъ принадлежало тогда и право верви на занятую ею территорію. Въ подтвержденіе того, что имущественныя права ограждались обычнымъ правомъ того времени, можно указать еще на разныя наказанія за нарушеніе правъ собственности: за поджогъ и конокрадство назначались потокъ и разграбленіе, т.-е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества; продажею въ 12 гривенъ наказывались уводъ холопа или рабы, кража бобра, злоумышленное истребленіе чужого скота, уничтоженіе знака собственности на борти, уничтоженіе бортной или пашенной межи или перегораживаніе тыномъ дворной межи, срубка «знаменнаго» (т.-е. со знакомъ собственности) или межнаго дуба; 3 гривны или 3 гривны и 30 кунъ продажи назначалось за кражу хлѣба съ гумна или изъ ямы, скота изъ хлѣва, пса, ястреба и сокола изъ перевѣса, за похищеніе пчелъ и меда, посѣченіе перевѣсной веревки, посѣченіе борти, злонамѣренный неплатежъ долга и поль-

зованіе чужимъ конемъ безъ спроса хозяина. Свобода считалась, наконецъ, необходимымъ условіемъ заключеніи всякаго рода договоровъ, что̀ также подтверждаетъ права собственности смердовъ. Заканчивая обзоръ личныхъ и корпоративныхъ *гражданскихъ* правъ смердовъ, мы должны теперь задать себѣ вопросъ, поскольку отразились въ нихъ начала, свойственныя родовому быту, съ одной стороны, и семейному—съ другой? Матеріалъ, намъ уже извѣстный, вполнѣ достаточенъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, служащаго предметомъ разногласія между разными изслѣдователями. Мы видѣли остатки родового быта только въ верви и наблюдали, какъ они поблѣднѣли и отступили на второй планъ среди смердовъ передъ семейнымъ началомъ. Родъ, очевидно, разложился уже, по крайней мѣрѣ въ области хозяйства и въ сферѣ гражданскаго права, на отдѣльныя семьи. Чрезвычайно характерно также, что личность, какъ субъектъ гражданскаго права, не выдѣлилась, по крайней мѣрѣ, въ области имущественныхъ отношеній, изъ семьи.

Переходя къ изученію *политическихъ* правъ смердовъ, я не буду останавливаться на *личномъ* политическомъ правѣ каждаго свободнаго человѣка—главы семейства—въ кіевской Руси—участвовать въ вѣчѣ: рѣчь о немъ пойдетъ тогда, когда мы будемъ изслѣдовать политическій строй древнѣйшей Россіи. Отмѣтивъ здѣсь, такимъ образомъ, только фактъ существованія этого права, я остановлюсь подробнѣе лишь на вопросѣ о томъ, имѣло ли свободное населеніе кіевской Руси *корпоративныя* политическія права? При этомъ пока рѣчь пойдетъ только о сельскомъ свободномъ населеніи—о горожанахъ мы будемъ еще имѣть возможность поговорить. Вопросъ, если его такъ поставить, сводится, въ сущности, къ разсмотрѣнію политическихъ правъ верви. Представляла ли собою вервь, въ основѣ происхожденія которой лежала, какъ мы знаемъ, кровная связь, самоуправляющуюся единицу, имѣла ли она какія-нибудь политическія права? Другими словами: сохранились ли остатки родового или, точнѣе, задружнаго быта въ политическихъ правахъ смердовъ, или они и здѣсь исчезли, какъ и въ хозяйствѣ, и въ сферѣ гражданскаго права? Намъ отчасти уже извѣстно судебное значеніе верви: мы знаемъ, что вервь платила такъ называемую дикую виру тогда, во-первыхъ, когда въ ея предѣлахъ было найдено тѣло убитаго человѣка, когда притомъ убійца былъ неизвѣстенъ, а вервь отказывалась принять участіе въ поискахъ преступника по слѣдамъ преступленія; во-вторыхъ, тогда, когда убійца принадлежалъ къ верви, и преступленіе было совершено въ ссорѣ или на пиру, а не умышленно; наконецъ, намъ извѣстно, что вервь должна была участвовать въ слѣдствіи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, когда преступникъ былъ неизвѣстенъ, а въ предѣлахъ вервной территоріи остались слѣды преступленія; если вервь въ этомъ случаѣ уклонялась отъ участія въ слѣдствіи, то была обязана уплатить пеню князю

(продажу) и частное вознагражденіе потерпѣвшему. Все это несомнѣнные остатки древняго задружнаго быта, но, внимательно разсматривая эти постановленія, не трудно придти къ выводу, что судебное значеніе верви тутъ ограничивается почти исключительно обязанностью участвовать въ слѣдствіи, обязанностью, отъ которой вервь могла и откупиться. Правда, надо замѣтить, что судебное значеніе верви проявлялось иногда и на самомъ судѣ: члены верви выступали иногда въ видѣ «послуховъ»: послухи это не очевидцы преступленія, не свидѣтели въ собственномъ смыслѣ слова — такіе свидѣтели назывались тогда «видоками»,—послухи въ извѣстныхъ случаяхъ приводились обвиняемымъ на судъ, какъ свидѣтели о его добромъ поведеніи, являлись его защитниками, близко подходившими къ coniuratores, «соприсяжникамъ» варварскихъ Правдъ начальнаго средневѣковья. И это нельзя разсматривать иначе, какъ остатокъ древняго задружнаго быта. Но мы тщетно стали бы искать въ нашихъ источникахъ какихъ-либо слѣдовъ собственно-вервной юстиціи, суда верви для разбора тяжбъ между членами вервнаго союза. Само собою разумѣется, что на практикѣ—особенно по болѣе мелкимъ дѣламъ—въ то время должны были часто прибѣгать къ третейскому, частному суду, потому что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, позднѣе третейской судъ примѣнялся очень часто, но выборъ судей дѣлался, повидимому, для каждаго отдѣльнаго случая особо, и существованіе сколько-нибудь организованной вервной юстиціи предполагать нельзя. Такимъ образомъ можно признать, что корпоративныя политическія права смердовъ не были значительны.

Чтобы закончить рѣчь о юридическомъ положеніи смердавъ, остается сказать о ихъ обязанностяхъ. Одной изъ такихъ обязанностей была, несомнѣнно, военная служба свободныхъ людей. Въ IX-мъ, X-мъ вѣкахъ и позднѣе упоминаются «вои», отличающіеся отъ княжеской дружины и составлявшіе, повидимому, ополченіе свободныхъ людей. Въ разсказѣ о съѣздѣ князей у Долобскаго озера прямо говорится о томъ, что смердовъ для похода на половцевъ приходилось отрывать отъ ихъ обычной работы. Вторая обязанность смердовъ—это давать дань князю. Впрочемъ, эта обязанность, какъ и первая, военная служба, возникла не съ появленіемъ князей, а раньше: дань платили варягамъ на сѣверѣ и хозарамъ на югѣ, а защищаться, воевать приходилось и до князей. Какъ видно изъ грамоты князя Ростислава смоленскому епископу 1150 г., князь при сборѣ дани и объѣздѣ для этого своей земли получалъ особые дары на собственное содержаніе, такъ называемое «полюдье даровное». На обязанности смердовъ лежалъ еще кормъ различныхъ должностныхъ лицъ во время исполненія ими обязанностей—посадниковъ, вирниковъ, городниковъ, мостниковъ и т. д. Когда эти кормы получали опредѣленный, отвержденный разъ навсегда размѣръ, теряли характеръ произвольнаго дара, они назывались оброками или уроками. Далѣе платились торговыя пошлины (гостинная дань—съ

личности купца, торговая, за права торговли), мытъ, т.-е. пошлина за провозъ товаровъ, и рядъ различныхъ судебныхъ пошлинъ. Всѣ эти данныя почерпаются главнымъ образомъ изъ «Русской Правды» и Ростиславовой грамоты. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточныхъ объективныхъ данныхъ для того, чтобы судить о степени тяжести этихъ обязанностей, но, по свидѣтельству предисловія къ одной изъ позднѣйшихъ лѣтописей, такъ называемому «Софійскому Временнику», составленному въ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ XIII-го столѣтія, древніе князья не отличались «несытствомъ», не брали много дани, виръ и продажъ. Это даетъ намъ право думать, что обязанности смердовъ въ кіевской Руси, вообще говоря, особенной тяжестью не отличались.

Все, что было сейчасъ сказано о смердахъ, относится только къ свободнымъ мужчинамъ. Для полноты картины мы должны обратить вниманіе также на юридическое положеніе свободной женщины. Надо замѣтить, что не всѣ изслѣдователи одинаково понимаютъ это положеніе, и разногласіе происходитъ главнымъ образомъ оттого, какъ толкуется очень важная для даннаго вопроса статья пространной «Русской Правды» «о женѣ». Вотъ текстъ этой статьи: «Аже кто оубіеть жену, то тѣмь же судомь судити, якоже и мужа; аже будеть виноватъ (въ другихъ спискахъ: «виновата»), то полвиры, 20 гривенъ». О комъ здѣсь говорится? По мнѣнію однихъ, полувирье платится за убійство женщины вообще, а не жены въ смыслѣ супруги. Если бы это было такъ, пришлось бы признать, что женщины пользовались ограниченной правоспособностью, что ихъ жизнь ограждалась вдвое слабѣе, чѣмъ жизнь мужчинъ. Но каково основаніе этого взгляда? Оно состоитъ вотъ въ чемъ: указываютъ, что за статьей «о женѣ» слѣдуетъ статья: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть», гдѣ говорится о платежѣ урока господину убитаго холопа, т.-е. о платѣ за убійство чужого, а не своего холопа; значитъ, и предыдущая статья говоритъ объ убійствѣ посторонней женщины, а не своей жены. Это основаніе чрезвычайно шатко: система въ «Русской Правдѣ» есть, но чисто внѣшняя, и невозможно предположить вниманіе составителя сборника къ такимъ тонкостямъ. Кромѣ того, въ какомъ же смыслѣ нужно въ такомъ случаѣ понимать выраженіе «тѣмъ же судомь судити?» Очевидно, если въ разбираемой статьѣ рѣчь идетъ о женщинѣ, а не о супругѣ, то слово «судъ» можно понимать лишь въ смыслѣ судебнаго присутствія или судебнаго учрежденія. Но такое пониманіе невозможно: во-первыхъ, «Русская Правда», какъ увидимъ въ свое время, есть сборникъ судебныхъ рѣшеній или приговоровъ; содержаніемъ приговора не могъ быть вопросъ о подсудности, потому что при возникновеніи такого вопроса и приговоръ не могъ состояться; во-вторыхъ, и это главное, слово «судъ» въ «Русской Правдѣ» имѣетъ значеніе только «приговора», «судебнаго рѣшенія»: сказано «судъ Ярослава Владиміровича», т.-е. его приговоры, судебныя рѣшенія. Значитъ, выраженіе «тѣмъ

же судомъ судити» слѣдуетъ перевести: «подвергать тому же наказанію, какъ и за убійство мужчины». А если такъ, то первая половина статьи находится въ непримиримомъ противорѣчіи со второй. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что по другимъ славянскимъ законодательствамъ и по позднѣйшему русскому праву, убійство женщины и мужчины наказывается одинаково. Итакъ, въ разбираемой статьѣ говорится о женѣ-супругѣ и ее слѣдуетъ перевести слѣдующимъ образомъ, принявъ за правильное чтеніе «виновата»: «Если кто-нибудь убьетъ свою жену, то подвергать тому же наказанію, какъ и за убійство мужчины; если она виновата (т.-е. нарушила супружескую вѣрность), то полвиры, 20 гривенъ». Ясно такимъ образомъ, что жизнь свободной женщины защищалась юридическимъ обычаемъ не меньше, чѣмъ жизнь мужчины. То же самое относится, конечно, и къ другимъ преступленіямъ противъ личности. Весьма важное значеніе имѣетъ для пониманія юридическаго положенія женщины вопросъ о бракѣ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи въ кіевской Руси наблюдалось много такихъ явленій. которыя представляютъ собою остатокъ старины, когда положеніе женщины отличалось многими темными чертами. Почитаніе рода съ рожаницами, т.-е. родоначальника съ его женами, указываетъ на многоженство не только въ княжеской средѣ, но и среди массы населенія. Безъ сомнѣнія, кромѣ законныхъ, такъ называемыхъ «водимыхъ» женъ, были у смердовъ и наложницы, особенно изъ рабынь: «Русская Правда» предусматриваетъ случай, если окажутся у свободнаго человѣка дѣти отъ рабы: она лишаетъ ихъ наслѣдства послѣ отца, но даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Наконецъ, самый обычай брачнаго «умыканья» съ платой вѣна за невѣсту—несомнѣнный остатокъ стараго похищенія и покупки женщинъ, а отсутствіе всякаго «стыдѣнья» передъ родственницами у большинства восточныхъ славянъ, по свидѣтельству лѣтописца, указываетъ на преобладаніе кровосмѣсительныхъ браковъ. И съ принятіемъ христіанства дѣло въ массѣ населенія не измѣнилось: по словамъ посланія митрополита Іоанна монаху Іакову. смерды вступали въ бракъ безъ церковнаго обряда, не вѣнчались, а брали себѣ женъ «съ плясаніемъ, гудѣніемъ и плесканіемъ» и имѣли по двѣ и по три жены. Въ былинахъ Владимірова цикла многоженство оставило свои слѣды: напр., у Ильи Муромца, по былинамъ, были дѣти отъ разныхъ женщинъ: Авдотьи Горынчанки, Омельфы Тимоѳеевны, бабы Латыгорки.

Таковы темныя стороны въ положеніи женщины, ставившія ее, какъ личность, въ низшее сравнительно положеніе, чѣмъ мужчину. Но имущественныя права женщины тщательно ограждались обычнымъ правомъ кіевскаго періода и это относится какъ къ дѣвушкѣ, такъ и къ замужней женщинѣ и вдовѣ. «Если кто, умирая, раздѣлитъ свое имущество между дѣтьми, то этого и держаться; если же умретъ безъ завѣщанія, то всѣмъ дѣтямъ, а часть дать на поминъ души его самого».

*

Кого здѣсь слѣдуетъ разумѣть подъ дѣтьми, сыновей и дочерей вмѣстѣ, или только однихъ сыновей? Несомнѣнно, только однихъ сыновей, потому что нѣсколько ниже въ той же «Русской Правдѣ» читаемъ: «Если будетъ сестра въ семьѣ, то ей не получать наслѣдства, но братья, сообразно съ своимъ достаткомъ, снабдятъ ее приданымъ при замужествѣ». Итакъ, хотя незамужняя дѣвушка при братьяхъ не получала равной съ ними доли въ наслѣдствѣ, очевидно, потому, что у нея не было своей семьи: имѣніе тогда, какъ мы знаемъ, было семейной собственностью,—однако, ей обезпечивалось достаточное по средствамъ братьевъ приданое при замужествѣ. Мы имѣли уже возможность раньше изслѣдовать вопросъ о наслѣдованіи дочерей въ классѣ смердовъ при отсутствіи сыновей и видѣли, что незамужнія дочери не наслѣдуютъ въ такомъ случаѣ всего имущества, бо́льшая часть котораго переходитъ къ князю, но получаютъ все-таки часть наслѣдства. Къ этому надо прибавить, что замужнія дочери не наслѣдовали послѣ отца ничего, были ли у нихъ братья или нѣтъ, все равно. Но ошибочно было бы выводить отсюда, что ихъ имущественное положеніе было совершенно не обезпечено; изъ приведенныхъ уже сейчасъ статей «Русской Правды» видно, что при замужествѣ дѣвушки всегда получали приданое изъ состава семейнаго имущества. Приданое было, однако, только одной изъ составныхъ частей имущества замужней женщины, кромѣ него «Русская Правда» знаетъ еще другую составную часть этого имущества: то, что ей мужъ передалъ, вѣроятно, вѣно, плативееся прежде женихомъ за невѣсту въ семью послѣдней. Этимъ имуществомъ замужняя женщина не могла распоряжаться при жизни мужа: оно входило въ составъ семейной собственности, и мужъ-вдовецъ, послѣ смерти жены, пользовался имъ на общихъ основаніяхъ; но если онъ женился во второй разъ, то имущество первой жены шло только *ея* дѣтямъ, а не дѣтямъ отъ второй жены. Въ этомъ постановленіи нѣтъ ничего удивительнаго или трудно объяснимаго: мы знаемъ, и это не разъ уже отмѣчалось нами, что имущество было семейной собственностью, а съ вступленіемъ вдовца во второй бракъ основывалась новая семья, которая, естественно, лишь постольку пріобрѣтала права на имущество прежней семьи, поскольку это послѣднее имущество принадлежало непосредственно отцу, составлявшему связующее звено между обѣими семьями. Особаго вниманія заслуживаетъ имущественное положеніе вдовы. Здѣсь надо различать два случая: во-первыхъ, когда дѣти были совершеннолѣтними, и во-вторыхъ, когда они совершеннолѣтія еще не достигли. Въ первомъ случаѣ вдова получала часть наслѣдства и то, что ей далъ мужъ при жизни. Во второмъ вдова дѣлалась домоправительницей и распоряжалась всѣмъ имѣніемъ дѣтей, если не выходила замужъ во второй разъ, и даже по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія могла остаться въ домѣ, пользуясь своей долей наслѣдства, но не управляя уже семейнымъ имѣніемъ. Эта роль домоправительницы свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о довольно хорошемъ поло-

женіи женщины въ кіевской Руси, объ отсутствіи полнаго приниженія и безправія. Наконецъ, характерно, что вдова могла совершенно свободно распоряжаться своей долей имѣнія: «часть матери не принадлежитъ всѣмъ дѣтямъ,—говоритъ «Русская Правда»,—но взять ее тому, кому дастъ мать; если она дастъ всѣмъ, то всѣ раздѣлятъ; если умретъ безъ завѣщанія, то взять тому, у кого она была въ домѣ, и кто ее кормилъ». И это постановленіе находится въ органической связи съ общимъ положеніемъ имущественнаго права того времени, гласящимъ, что имѣніе принадлежитъ семьѣ: вдова, переставъ быть домоправительницей, не имѣла уже семьи послѣ раздѣла сыновей и потому могла свободно распоряжаться своей частью; въ случаѣ смерти ея безъ завѣщанія, ея часть, естественно, поступаетъ въ ту семью, членомъ которой она фактически была, въ которой жила послѣднее время. Все это категорически подтверждается еще одной статьей «Русской Правды», указывающей вмѣстѣ съ тѣмъ, что долю матери-вдовы могла получить и дочь, даже и при наличности сыновей; вотъ эта статья: «мать отдастъ свое имѣніе тому сыну, который къ ней добръ, будь онъ отъ перваго мужа или отъ второго: если всѣ сыновья будутъ дурно съ ней обращаться, она можетъ дать имѣніе даже дочери, которая ее кормитъ».

Чтобы опредѣлить истинное значеніе полученныхъ нами выводовъ о юридическомъ положеніи смердовъ въ кіевской Руси, мы должны разрѣшить теперь вопросъ о томъ, насколько широкъ былъ кругъ лицъ, къ которымъ могло быть примѣнено названіе смердъ, или иными словами, какіе соціальные термины нашихъ источниковъ по своему значенію могутъ быть подведены подъ общее родовое понятіе «смердъ»? Уже изъ предыдущаго ясно, что «свободные люди»—терминъ, не разъ встрѣчающійся въ «Русской Правдѣ», тоже что̀ смерды. Но есть и прямое свидѣтельство Русской Правды», въ этомъ смыслѣ, тамъ, гдѣ говорится, что послухомъ можетъ быть лишь свободный. Совершенно соотвѣтствуютъ по своему значенію слову «смердъ» также выраженія «люди» и «людинъ»: «это видно изъ того, что пространная правда назначаетъ за убійство людина виру въ 40 гривенъ, какая платилась и за убійство смерда. Впрочемъ очень можетъ быть, что людьми въ болѣе тѣсномъ смыслѣ назывались свободные горожане въ противоположность смердамъ, сельчанамъ: по крайней мѣрѣ выраженію «старцы *градскіе*» въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной лѣтописи соотвѣтствуетъ выраженіе «старцы *людскіе*». Наконецъ, купецъ, русинъ, славянинъ и изгой были также обыкновенными смердами, убійство которыхъ наказывалось такъ же, какъ и лишеніе жизни всякаго свободнаго человѣка. Различіе въ смыслѣ этихъ терминовъ, несомнѣнно существующія, не означаютъ, что лица, къ которымъ эти термины могутъ быть примѣнены, составляли какія-либо особыя *сословныя* группы. Купецъ или «купчина», «гость», терминъ чисто экономическій, классовой, обозначающій извѣстныя занятія; русинъ и славянинъ чисто этнографическіе термины

русинами—объ этомъ мы еще будетъ имѣть случай поговорить—назывались норманны; кто были славяне, ясно изъ самаго слова. Точное и полное опредѣленіе изгоевъ находится въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила, относящемся къ 1135 году; вотъ что здѣсь сказано: «изгои трои; поповъ сынъ грамотѣ неумѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаеть; асе и четвертое изгойство о себѣ приложимъ: еще князь осиротѣетъ». Изгои были, значитъ, люди, отбившіеся отъ прежняго своего состоянія, вышедшіе изъ него и не примкнувшіе ни къ какой другой общественной группѣ или союзу; слово «изгой» производится отъ древняго глагола «гоить», т.-е. «жить», и значитъ «изжившій человѣкъ». Единственнымъ юридическимъ преимуществомъ изгоевъ можно было бы признать подсудность ихъ и преступленій противъ нихъ церковному суду; но это невозможно, потому что, во-первыхъ, Русская правда устанавливаетъ виру за убійство изгоя, а Правда составилась изъ рѣшеній свѣтскаго суда; во-вторыхъ, грамота смоленскаго князя Ростислава епископу въ 1150 г., устанавливающая пространство церковнаго суда, не отдаетъ изгоевъ въ руки церковной юстиціи. Свидѣтельство церковнаго устава 1135 года о подсудности изгоевъ церковному суду является исключеніемъ.

Но, можетъ быть, сословіемъ, т.-е. группой, обладающей спеціальными правами, слѣдуетъ признать княжескую дружину? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо замѣтить, что дружина не была единымъ, недѣлимымъ цѣлымъ, что въ ней различались два слоя: во-первыхъ, княжіе мужи или бояре и, во-вторыхъ, отроки или дѣтскіе. Различіе между тѣмъ и другимъ слоемъ касалось прежде всего занятій. Наиболѣе кратко и ясно занятія бояръ формулируются образнымъ языкомъ «Слова о полку Игоревѣ», которое, называя бояръ иногда «былями», говоритъ о «боярахъ думающихъ и мужахъ храборствующихъ»: «думать», т.-е. давать совѣтъ князю, и «храборствовать», т.-е. воевать, вотъ главныя занятія бояръ или княжихъ мужей, которые въ награду за услуги получали долю въ княжескихъ доходахъ и вели торговлю черезъ княжскихъ «словъ» или пословъ. Позднѣе, когда у насъ пойдетъ рѣчь о боярской думѣ, мы увидимъ, что дачу боярами совѣта князю никакъ нельзя понимать въ смыслѣ постояннаго сословнаго права. Съ другой стороны мы знаемъ, что на войну отправлялись не только княжіе мужи, но и простые смерды. Отроки или дѣтскіе, повидимому, не участвовали въ думѣ, не были княжескими совѣтниками; занятія ихъ, какъ видно изъ источниковъ, сводились къ исполненію всякаго рода служебныхъ порученій: отроки или «гриди» были тѣлохранителями князя и его дворцовыми слугами; дѣтскіе или отроки присутствовали на судѣ и вѣдали полицейски-исполнительную дѣятельность по порученію главнаго судьи: дѣлили наслѣдство по судебному рѣшенію, ловили и связывали бѣглыхъ холоповъ и т. д.

Итакъ ясно, что какихъ-либо особыхъ *политическихъ* правъ личныхъ и корпоративныхъ мы тщетно стали бы искать, разсматривая

юридическое положеніе княжеской дружины въ кіевской Руси. Но можетъ быть у дружинниковъ того времени существовали какія-нибудь спеціальныя *гражданскія* права? Что касается отроковъ, то у нихъ такихъ спеціальныхъ гражданскихъ правъ не было почти совершенно: ихъ жизнь, здоровье, честь, имущество ограждались тѣми же штрафами и вообще уголовными карами, какъ и соотвѣтствующія личныя права смердовъ; общія, извѣстныя уже намъ нормы гражданскаго права—права наслѣдованія и договоровъ—примѣнялись безъ всякихъ ограниченій, но и безъ какихъ-либо преимуществъ ко всѣмъ членамъ младшей княжеской дружины. Единственнымъ зародышемъ нѣкоторой привилегіи можно признать только повышенный уровень головничества при убійствѣ отрока: тогда какъ при убійствѣ смерда головничество равнялось всего 5 гривнамъ, при убійствѣ отрока оно достигало 40 гривенъ. Но это трудно признать сословной привилегіей, потому что за высшихъ княжескихъ холоповъ частное вознагражденіе доходило до 80 гривенъ, что, однако, не создаетъ имъ особаго сословнаго положенія: высота частнаго вознагражденія, какимъ было головничество, опредѣлялась, очевидно, не сословнымъ положеніемъ лица, а степенью близости его къ князю. Оставляя поэтому въ сторонѣ преимущество бояръ относительно головничества—за нихъ оно платилось въ размѣрѣ 80 гривенъ—мы обратимъ вниманіе на другія особенности ихъ гражданско-правового положенія. Прежде всего вира за убійство боярина или княжого мужа въ XII-мъ вѣкѣ простиралась до 80 гривенъ, тогда какъ лишеніе жизни смерда оплачивалось вирой только въ 40 гривенъ. Это несомнѣнный зародышъ аристократической привилегіи, юридически отдѣляющій бояръ отъ массы свободныхъ. Но нельзя забывать, что такая привилегія дѣло сравнительно поздняго времени, потому что Правда XI-го вѣка не знаетъ 80 гривенной виры, а при Ярославлѣ за убійство всегда полагалась месть, такъ что господствовало полное равенство. Вторымъ зародышемъ аристократической привилегіи надо признать болѣе сильное огражденіе чести боярина, чѣмъ чести смерда: при истязаніи смерда платилась продажа только въ 3 гривны, а при истязаніи огнищанина въ 12 гривенъ. И такъ было еще въ XI-мъ вѣкѣ. Наконецъ, въ области наслѣдственнаго права, по крайней мѣрѣ, въ XII-мъ вѣкѣ можно наблюдать третью гражданскую привилегію у бояръ и даже быть можетъ всей княжеской дружины (т.-е. и у отроковъ): «Если относительно бояръ и дружины, то князю наслѣдство не идетъ,—говоритъ пространная «Русская Правда», но если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ». Мы видѣли, что при отсутствіи сыновей у смерда его имущество переходило къ князю, и только незамужнія дочери получали часть. Но мы видѣли также и причину этого: имѣніе было не личной собственностью смерда, по обычному праву того времени, а собственностью всей семьи; такъ какъ со смертью отца, при отсутствіи сыновей, семья прекращала свое существованіе, то имѣніе и считалось выморочнымъ, почему его и получалъ князь,

какъ органъ власти. Это даетъ намъ теперь ключъ къ пониманію того новаго явленія, съ которымъ мы только что познакомились: очевидно, дочери боярина, даже при отсутствіи сыновей, наслѣдовали именно по той причинѣ, что въ боярскомъ классѣ личность въ отношеніи своихъ имущественныхъ правъ успѣла уже выдѣлиться изъ семейнаго союза, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени и притомъ въ XII-мъ вѣкѣ.

Итакъ невозможно отрицать существованіе зародышей сословнаго строя въ древнѣйшей Россіи. Но, во-первыхъ, эти зародыши были весьма немногочисленны, во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ образовались поздно, въ-третьихъ, наконецъ,—и это въ данномъ случаѣ особенно важно—не было никакихъ юридическихъ преградъ къ переходу изъ одного состоянія въ другое. Всякій смердъ могъ, если хотѣлъ и былъ въ состояніи, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, бояриномъ. Припомнимъ характерный въ этомъ отношеніи разсказъ «Начальной лѣтописи» о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владиміръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и «воевъ», т.-е. народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ, передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь, выслушавъ этотъ разсказъ, обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошвецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и *сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владиміра*. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было заурядnымъ въ то время явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удаль и сила; юридическихъ преградъ не существовало. А если такъ, то нельзя не признать, что въ кіевской Руси едва лишь мелькали слабые зародыши будущаго сословнаго строя, въ сущности же общественный строй тогда почти всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе классы — и то въ сущности не развитые и слабо сплоченные,—но не было политическихъ сословій.

Все до сихъ поръ сказанное о соціальномъ строѣ древнѣйшей Россіи касается только свободнаго большинства населенія. Но существовало еще несвободное и полусвободное меньшинство, — *холопы* и *закупы*. Мы должны теперь заняться изученіемъ ихъ юридическаго положенія.

Не всѣ изслѣдователи одинаково понимаютъ *юридическій источ-*

никъ закупничества. Нѣкоторые считаютъ такимъ источникомъ договоръ *найма*, что́ доказывается слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, закупъ въ «Русской Правдѣ» прямо называется наймитомъ, т.-е. наемнымъ рабочимъ; во-вторыхъ, «купить» въ старину значило «нанять», а вмѣсто «купить» говорилось «купить въ дернь, въ вѣкъ, въ прокъ»; въ-третьихъ, закупъ получалъ плату или купу. Самое серьезное изъ этихъ доказательствъ первое: закупъ, дѣйствительно, называется въ «Русской Правдѣ» наймитомъ, но, во-первыхъ, существуетъ мнѣніе, что терминъ «наймитъ» заимствованъ, представляетъ собою переводъ греческаго μισθωτος, а во-вторыхъ, если бы даже онъ былъ и оригиналенъ,—изъ одного факта его примѣненія къ закупу нельзя было бы заключать еще о юридической природѣ закупничества, и самый большій выводъ, на который насъ уполномочиваетъ этотъ фактъ, заключался бы лишь въ томъ, что въ кіевскій періодъ русской исторіи наемъ сливался иногда съ другими гражданскими сдѣлками, плохо отъ нихъ различался. Второе доказательство совершенно не выдерживаетъ критики: въ той же «Русской Правдѣ» слово «купить» употребляется всегда въ обычномъ смыслѣ, въ томъ же, какъ и теперь, а вовсе не въ значеніи «нанять»; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить такія выраженія, какъ «паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу», «аже начнеть не знати, оу кого купилъ», «познаеть ли надолзѣ, оу кого то купилъ», «а то есть не скотъ, нѣлзѣ рчи: не вѣдаю оу кого есмь купилъ», «но такоже вывести ему послухи либо мытника, передъ кимь же купивше» и т. д. Наконецъ въ-третьихъ, купа—вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупомъ, что подтверждается и словомъ «прикупъ», означающимъ, между прочимъ, то, что человѣкъ «срѣзить», т.-е. прибыль отъ роста, отъ дачи въ долгъ.

Уже это объясненіе слова «купа» даетъ намъ право присоединиться къ объясненію источника закупничества изъ договора займа, обезпеченнаго самозалогомъ: свободный человѣкъ заключалъ заемъ и обязывался его отработать; занявъ деньги и взявъ на себя такое обязательство, онъ становился закупомъ. Весьма убѣдительныя наблюденія подтверждаютъ такую теорію. Прежде всего «купа» въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Русской Правды» замѣняется словомъ «куны»; такъ закупъ имѣлъ право «искать кунъ»; при незаконной продажѣ закупа господиномъ его въ холопство, «наймиту свобода во всѣхъ кунахъ». Подъ «кунами» здѣсь нельзя разумѣть плату, жалованье потому что послѣднее называлось въ «Русской Правдѣ» «милостью»; слово «куны» употребляется въ «Русской Правдѣ» только въ трехъ значеніяхъ: въ смыслѣ денегъ вообще, въ значеніи опредѣленной денежной единицы (сначала $^1/_{25}$, потомъ $^1/_{50}$ части гривны), наконецъ въ смыслѣ долга или суммы, отданной въ долгъ: напр., «аще кто взищеть кунъ на друзѣ», «аще кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземець, а не вѣдая запустить зань товаръ,—а опять начнетъ не дати части кунъ» и т. д. Итакъ закупъ могъ идти и искать займа на

сторонѣ; его заемъ погашался фактомъ посягательства господина на его свободу: оба постановленія возможны лишь при томъ условіи, если источникъ закупничества—заемъ. Что «закупъ» значило «заложившійся человѣкъ», т.-е. обезпечившій свой заемъ самозалогомъ, это видно еще изъ купчихъ грамотъ позднѣйшаго времени (XVI в.), убѣждающихъ насъ, что «закупъ» тогда еще значило «залогъ»: «воленъ Дмитрей и его дѣти село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити, и въ закупъ дати».

Такимъ образомъ, источникомъ закупничества былъ договоръ займа, обезпеченнаго самозалогомъ должника. Этимъ вполнѣ объясняется *юридическое положеніе закупа* и отношеніе его къ господину. Господину принадлежали слѣдующія права по отношенію къ закупу: во-первыхъ, право бить закупа за дѣло, т.-е. если онъ провинится: «аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть», говоритъ «Русская Правда»; во-вторыхъ, право обратить закупа въ обельнаго (т.-е. полнаго) холопа за его бѣгство отъ господина или за кражу, совершенную имъ у третьяго лица; въ послѣднемъ случаѣ господинъ могъ, не оставляя закупа у себя, продать его въ рабство для уплаты за кражу: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель»; «аже господинъ выведетъ что, то господинъ въ немъ; но аже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатить господинъ его зань или что будеть ино взялъ, а ему холопъ обелныи, а паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ»; въ-третьихъ, наконецъ, господинъ имѣлъ право привлекать закупа къ судебной отвѣтственности за причиняемые имъ убытки: за потерю военнаго коня закупъ, правда, не платилъ, но онъ долженъ былъ оплатить утрату принадлежащихъ господину плуга и бороны, если только они не потерялись тогда, когда господинъ услалъ его по своему дѣлу; точно также закупъ не платитъ въ случаѣ кражи кѣмъ-либо скота изъ хлѣва, но если онъ потеряетъ скотъ въ полѣ, не вгонитъ его во дворъ и не запретъ тамъ, гдѣ велитъ господинъ, или потеряетъ скотъ вслѣдствіе того, что занятъ былъ своимъ дѣломъ, а не работой на господина, то долженъ платить. Таковы были права господина по отношенію къ закупу: они были велики, но не безпредѣльны и поставлены подъ защиту общаго права. Но на господинѣ въ его отношеніяхъ къ закупу лежали, кромѣ того, еще и обязанности, нарушеніе которыхъ влекло за собою уголовную кару и даже прекращеніе закупническихъ отношеній. Первая изъ этихъ обязанностей формулируется «Русской Правдой» въ слѣдующей статьѣ: «аже господинъ переобидить закупа, а ouвередить купу его іли отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ». Что такое купа,—намъ извѣстно: это сумма, даваемая закупу въ долгъ для отработки. Смыслъ слова «отарица» открывается изъ грамоты суздальскаго архіепископа Діонисія псковскому Снѣтогорскому монастырю, гдѣ «отарица» означаетъ то же,

что грѳческое πεκούλιον, т.-е. земельный участокъ, уступаемый господиномъ въ пользованіе несвободному человѣку. Слѣдовательно, приведенныя слова «Русской Правды» надо перевести такъ: «если господинъ обидитъ закупа, а именно: уменьшитъ даваемую ему въ долгъ денежную сумму или земельный участокъ, уступаемый ему въ пользованіе, то онъ обязанъ возвратить все это, а за обиду заплатить 60 кунъ продажи». Стало быть, первая обязанность господина по отношенію къ закупу состояла въ томъ, чтобы заплатить закупу сполна условленную сумму, даваемую ему въ долгъ для отработки, равно какъ и снабдить его опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ. Затѣмъ господинъ обязанъ былъ не лишать закупа личной свободы и ничѣмъ ея не стѣснять: онъ не могъ ни передавать третьему лицу свои права на закупа, ни продавать закупа въ холопы безъ законныхъ основаній: «паки-ли прииметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи, продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажи». Далѣе господинъ былъ обязанъ уважать личность закупа, не оскорблять его чести: онъ не могъ его бить безъ достаточныхъ основаній: «биеть-ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то, якоже въ свободномъ платежъ, такоже и въ закупѣ». Наконецъ, на господинѣ лежала обязанность отвѣчать передъ судомъ за нарушеніе правъ закупа: если закупъ, говоритъ «Русская Правда», «къ судьямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робять его, но дати емоу правдоу». Сказанное сейчасъ объ обязанностяхъ господина въ отношеніи къ закупу показываетъ, что личныя и имущественныя права закупа ограждались юридическимъ обычаемъ того времени, что закупъ не былъ несвободнымъ человѣкомъ и можетъ быть признанъ только лицомъ съ ограниченной правоспособностью, полусвободнымъ. Ограниченная правоспособность закуповъ ясно выступаетъ на видъ также въ постановленіи «Русской Правды», по которому закупъ могъ быть свидѣтелемъ лишь «по нуждѣ», т.-е. за отсутствіемъ лицъ вполнѣ свободныхъ, которыя могли-бы выступить въ качествѣ свидѣтелей.

«Холопьство обельное трое: аже кто хотя купить до полугривны. апослухи поставить, а ногату дасть передъ самѣмъ холопомь. А второе холопьство: поіметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоять. А се третье холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомь-ли, то тако ся будеть рядилъ, на томъ-же стоять». Въ этихъ словахъ «Русской Правды» отмѣчены три важнѣйшихъ источника полнаго или обельнаго (отъ «облый» — круглый) холопства: продажа въ рабство, женитьба на рабѣ безъ договора и поступленіе въ тіуны, т.-е. приказчики, также безъ договора. Но эти указанія юридическихъ источниковъ холопства въ кіевской Ручи далеко не полны. Сама же «Русская Правда», а также «Начальная лѣтопись», указываютъ еще и на другіе источники несвободнаго состоянія, въ то время существовавшіе. Къ

числу ихъ принадлежитъ, несомнѣнно, рожденіе отъ несвободныхъ родителей, отъ брака обельнаго холопа съ рабой: «Русская Правда» говоритъ о принадлежности отдѣльнымъ лицамъ «отъ челяди плода». Таковъ четвертый юридическій источникъ холопства. Пятымъ надо признать незаконное бѣгство закупа отъ господина безъ расплаты съ нимъ и кражу, закупомъ совершенную: мы уже видѣли, что въ этихъ случаяхъ закупъ обращался въ полнаго холопа. Наконецъ, существовалъ еще шестой источникъ холопства, — плѣнъ: въ лѣтописяхъ нерѣдки извѣстія о томъ, какъ князья во время своихъ междуусобій уходили послѣ побѣды, «ополонившись челядью».

Обращаясь къ изученію юридической сущности древнѣйшаго русскаго холопства, мы должны нѣсколько ограничить существующій у нѣкоторыхъ изслѣдователей взглядъ, что холопы не признавались лицами и не имѣли ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ. На самомъ дѣлѣ холопъ не былъ вполнѣ безправенъ; онъ былъ только лицомъ съ чрезвычайно ограниченными правами, несравненно болѣе еще ограниченными, чѣмъ закупъ. Правда, холопъ былъ совершенно лишенъ личной свободы, но юридическій обычай того времени все-таки признавалъ его личность: такъ, по «Русской Правдѣ», если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, то отвѣчаетъ не только господинъ, который, если не хочетъ его выдать, платитъ 12 гривенъ потерпѣвшему, но и холопъ, котораго потерпѣвшій, при встрѣчѣ съ нимъ, могъ убить, по закону Ярослава, а по закону его сыновей—связать, бить, раздѣвши, или взять гривну кунъ «за соромъ« (т.-е. за безчестіе); уже здѣсь признается личность холопа, потому что *законъ* назначаетъ *опредѣленную* кару ему за преступленіе; то же признаніе личности холопа видно и въ постановленіи о его значеніи, какъ свидѣтеля на судѣ: во-первыхъ, за отсутствіемъ свободныхъ свидѣтелей, можно было сослаться на «боярскаго тіуна на дворскаго», т.-е. на холопа высшаго ранга; во-вторыхъ, свидѣтельство обыкновеннаго, рядового холопа, какъ очевидца преступленія, не имѣя полной силы, не считаясь вполнѣ достовѣрнымъ, могло, однако, навести на подозрѣніе, и отвѣтчикъ могъ быть на этомъ основаніи подвергнутъ испытанію желѣзомъ. Но если личность холопа признавалась, хотя и въ очень слабой степени, то имущественныхъ правъ у него совершенно уже не было: все имущество, пріобрѣтенное холопомъ, принадлежало господину; холопъ самостоятельно не могъ заключать долговыя обязательства: если ему давали въ долгъ, зная, что онъ холопъ, то кредиторъ лишался денегъ; дѣйствительнымъ считался только долгъ, сдѣланный холопомъ отъ имени господина, если послѣдній поручилъ холопу веденіе своихъ торговыхъ дѣлъ; кража, совершенная холопомъ, не признавалась уголовнымъ преступленіемъ: за нее не платилась продажа князю; за нее отвѣчалъ господинъ, уплачивая частное вознагражденіе потерпѣвшему.

Въ «Русской Правдѣ» есть нѣкоторыя указанія на разныя занятія холоповъ: кромѣ обыкновенныхъ рабочихъ, холопы могли быть повѣ-

ренными своихъ господъ по торговымъ дѣламъ, завѣдывали хозяйствомъ, служа въ тіунахъ, занимались ремеслами, холопы бывали дядьками-воспитателями, а рабы кормилицами.

Остается замѣтить, что и холоповъ, и закуповъ трудно назвать политическими сословіями. Закупы—въ сущности экономическій классъ, притомъ классъ, такъ сказать, текучій, постоянно мѣнявшійся въ своемъ составѣ. Особенности ихъ юридическаго положенія вытекаютъ всецѣло изъ хозяйственной нужды, нашедшей себѣ правовое выраженіе въ договорѣ займа, обезпеченнаго самозалогомъ должника. Холопы, строго говоря, не имѣли мѣста въ соціальной лѣстницѣ, такъ какъ за ними едва начинали признавать личность; съ юридической точки зрѣнія они разсматривались, какъ вещи, принадлежавшія своимъ господамъ на правѣ полной собственности, какъ живой хозяйственный инвентарь господскаго имѣнія; въ сущности, изучая положеніе холоповъ, мы почти не выходимъ изъ сферы частнаго права.

Невозможно дать точный отвѣтъ на вопросъ, велико ли было количество холоповъ и закуповъ въ кіевской Руси. Несомнѣнно только слѣдующее: во-первыхъ, закупы явленіе довольно позднее: въ развитомъ состояніи ихъ можно наблюдать только въ XII-мъ вѣкѣ; во-вторыхъ, до X-го и даже до XI-го вѣка холоповъ было немного, и положеніе ихъ было не тяжело: всѣ писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю; въ-третьихъ, наконецъ, съ XI-го вѣка и особенно въ XII-мъ столѣтіи число холоповъ на Руси стало быстро расти.

Произведенное нами изслѣдованіе соціальныхъ отношеній въ древнѣйшей Россіи приводитъ къ такимъ главнымъ заключеніямъ: 1) Общество того времени почти совершенно лишено было сословныхъ началъ, и нѣкоторое значеніе имѣло лишь дѣленіе его на классы, возникшее съ IX-го вѣка и къ XII-му вѣку сдѣлавшее нѣсколько шаговъ впередъ. 2) Основнымъ классомъ, наиболѣе многочисленнымъ и вліятельнымъ, притомъ юридически-полноправнымъ, были смерды. 3) Общая тенденція соціальнаго развитія въ изучаемый періодъ сводится къ постепенному и медленному возрастанію численности и значенія купповъ и особенно бояръ. 4) Этому соотвѣтствовали образованіе класса закуповъ и развитіе холопства къ концу періода.

Согласно принятому нами плану мы должны теперь связать эти общія явленія соціальнаго процесса съ прежде изслѣдованными явленіями природы страны и распредѣленія населенія, съ одной стороны, и съ явленіями хозяйственной жизни—съ другой. Въ какой мѣрѣ на соціальномъ процессѣ отразились процессы естественный, колонизаціонный и экономическій, и какъ на эти процессы повліяли соціальныя явленія,—вотъ капитальный, коренной вопросъ. Я думаю, что при самомъ напряженномъ вниманіи, при самомъ страстномъ желаніи найти

хоть какой-либо слѣдъ непосредственнаго вліянія внѣшней природы и колонизаціи на строй общества кіевской Руси, такая попытка можетъ кончиться только неудачей: просто нельзя найти ни одного элемента въ природѣ, который своими особенностями предустановилъ бы хотя бы одну изъ отмѣченныхъ нами основныхъ чертъ общественнаго строя того времени. Зато не подлежитъ сомнѣнію нѣкоторое непосредственное, хотя и второстепенное, вліяніе соціальныхъ явленій на процессъ колонизаціи въ XII-мъ вѣкѣ: мы уже видѣли, что этотъ послѣдній процессъ совершался подъ главнымъ вліяніемъ хозяйственныхъ явленій—преобладанія добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія и экстенсивной системы хозяйства; теперь къ основному вліянію можно присоединить другое, второстепенное, развитіе несвободныхъ и полусвободныхъ соціальныхъ отношеній, тяжелыхъ для тѣхъ, которые въ нихъ попадали, и, естественно, вызывавшихъ реакцію въ видѣ ухода на новыя мѣста. Что это было такъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ та же «Русская Правда»: она строго наказываетъ попытку закупа уйти безъ расплаты, обращая его въ такомъ случаѣ въ холопы; точно опредѣляетъ наказаніе за укрывательство бѣглаго холопа, снабженіе его хлѣбомъ, указаніе ему пути, назначаетъ награду за «переемъ» бѣглаго холопа и т. д.

«Русская Правда»—сборникъ, главнымъ образомъ, судебныхъ рѣшеній; она, слѣдовательно, точно отражаетъ дѣйствительность: не было бы въ дѣйствительности частыхъ случаевъ побѣга закуповъ и холоповъ, не вошли бы въ «Правду» и указанныя сейчасъ постановленія.

Разсматривая взаимныя отношенія между соціальными и экономическими явленіями, мы приходимъ къ совершенно иному выводу. Мы уже видѣли, что экономическія явленія удовлетворительно объясняются изъ одного основного элемента—плотности населенія. Классовый общественный строй, господство смердовъ, ростъ купечества, боярства, холопства и закупничества не могутъ оказывать вліяніе на плотность населенія и происходящее отсюда преобладаніе добывающей промышленности: слѣдовъ такого вліянія нѣтъ въ нашихъ источникахъ, и трудно даже представить себѣ, какъ оно могло бы проявиться. Зато мы безъ труда можемъ указать, опираясь на положительныя данныя, какъ повліяли хозяйственныя явленія на процессъ соціальнаго развитія кіевской Руси. Уже одинъ тотъ фактъ, что общество этого періода долгое время было однороднымъ и лишь впослѣдствіи подверглось расчлененію, но притомъ не сословному, а классовому, указываетъ на великое вліяніе экономическихъ явленій. Самое сложное изъ этихъ экономическихъ явленій—это, какъ мы видѣли, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Ему принадлежитъ наиболѣе универсальное воздѣйствіе на соціальный строй: оно положило основу классовому принципу, проведя рѣзкую разграничительную черту между обладателями полезныхъ, реальныхъ хозяйственныхъ благъ—массой смердовъ—и обладателями денежныхъ капиталовъ—купцами и боярами; достаточная обезпечен-

ность смердовъ реальными хозяйственными благами создала ихъ преимущественное, свободное положеніе въ обществѣ, обезпечила за ними политическую и гражданскую правоспособность; третье и четвертое соціальныя явленія даннаго періода—ростъ купечества и боярства и развитіе холопства и закупничества также отчасти опредѣляются распредѣленіемъ хозяйственныхъ благъ: бояре и купцы возвышались и умножались вслѣдствіе накопленія въ ихъ рукахъ денежныхъ капиталовъ, а холопы и закупы множились, какъ видно уже изъ произведеннаго нами изученія юридическихъ источниковъ этихъ состояній, подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, которыхъ почти не имѣла масса смердовъ. Но, будучи универсальнымъ, охватывая всѣ основныя явленія соціальной жизни, вліяніе распредѣленія хозяйственныхъ благъ далеко не было исключительнымъ: и другія, простѣйшія, менѣе сложныя явленія экономической жизни оказывали свое непосредственное вліяніе на отдѣльныя стороны устройства общества. Такъ, перемѣны въ формахъ хозяйства и формахъ землевладѣнія—зарожденіе владѣльческаго хозяйства и частнаго землевладѣнія—вызвали къ жизни потребность въ несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ. Старая семейная форма хозяйства наложила свою властную руку на имущественныя право смердовъ, сдѣлавъ ихъ имѣніе собственностью не лица, а семьи. Наконецъ, господствующая отрасль хозяйства—добывающая промышленность—подчеркнула преобладаніе смердовъ, потому что отъ добывающей промышленности зависѣла и внѣшняя торговля, дававшая боярамъ и купцамъ средства, необходимыя для ихъ соціальныхъ успѣховъ. Такъ какъ мы знаемъ, что основнымъ экономическимъ элементомъ является именно господствующая отрасль производства, безъ непосредственнаго вліянія которой не обходится ни одно явленіе хозяйственной жизни, то, очевидно, и въ соціальныхъ отношеніяхъ этой экономической силѣ принадлежитъ преобладающее положеніе. Опираясь на этотъ выводъ, можно построить такую окончательную схему соціальныхъ явленій въ ихъ связи съ экономическими въ первый періодъ исторической жизни русскаго народа. Основнымъ, наиболѣе древнимъ и устойчивымъ соціальнымъ явленіемъ было тогда *господство класса смердовъ, слагающееся подъ совокупнымъ вліяніемъ преобладанія добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія, домашней формы производства и равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ между отдѣльными семьями.* Позднѣйшія, менѣе характерныя соціальныя явленія — *развитіе классовъ бояръ и купцовъ и ростъ числа холоповъ и закуповъ вызваны къ жизни примѣсью внѣшней торговли, зарожденіемъ личнаго землевладѣнія и владѣльческихъ формъ хозяйства и, наконецъ, сосредоточеніемъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ торговавшаго меньшинства.*

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(Продолженіе) *).

26.

Арнольдъ побывалъ у портного Барромео и по прошествіи двухъ дней уже имѣлъ четыре модныхъ костюма; все необходимое изъ бѣлья было пріобрѣтено еще до того. Нерѣшительно и кропотливо облекся Арнольдъ въ новое платье, сконфуженно подошелъ къ зеркалу и сталъ разсматривать свое отраженіе, точно передъ нимъ былъ незнакомый ему человѣкъ.

— Ага,—мысленно говорилъ онъ,—такъ вотъ ты каковъ, братецъ! Немного странно выглядишь, точно кумъ на свадьбѣ.

При этомъ онъ сдѣлалъ гримасу и долго не рѣшался выйти изъ своей комнаты, хотя еще съ утра рѣшился побывать въ публичной библіотекѣ.

Когда, наконецъ, онъ поборолъ въ себѣ это чувство и съ необычайной медленностью спускался по лѣстницѣ, то увидалъ въ корридорѣ Анну Барромео, разговаривающей съ какой-то дамой. Поспѣшно сдѣлавъ ему знакъ приблизиться, она въ то же время сказала своей гостьѣ:

— А вотъ и мой племянникъ. Анзорге.—Въ этотъ день она не казалась такой свѣжей и ослѣпительной, какъ обыкновенно, да и въ лицѣ у нея замѣчалась какая-то подавленность, точно оно было подернуто безпокойствомъ. Арнольдъ остановился на второй ступенькѣ; Анна Барромео окинувъ его насмѣшливо-одобрительнымъ взглядомъ, назвала ему свою маленькую гостью:—мадамъ Натали Остербургъ.

Молодой человѣкъ по привычкѣ сейчасъ же протянулъ той руку и былъ пораженъ крохотностью ручонки, что ему пришлось пожать. Маленькая дамочка вскрикнула отъ боли, потомъ засмѣялась и сказала, чтобы онъ выпустилъ ея руку; Анна улыбалась.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

— Такъ вотъ вы какой?—сказала Натали Остербургъ, повернувъ къ нему свое дѣтское личико, подъ черной вуалью, горящее любопытствомъ.—Петра разсказывала мнѣ про него, а по моему такъ онъ далеко не дуренъ. Не такъ ли?

И точно крайне заинтересованная подтвержденіемъ своего мнѣнія, она посмотрѣла на хозяйку; та въ отвѣтъ шутливо, но сдержанно пожала плечами. Арнольдъ, несмотря на то, что его всѣ эти вопросы, пребываніе въ корридорѣ, ожиданіе чего-то и улыбки смущали и казались безсмысленными, все же почувствовалъ что-то въ родѣ влеченія къ новой знакомой, а потому безъ дальнихъ околичностей на ея приглашеніе посѣтить ее въ назначенный день и часъ отвѣтилъ утвердительно.

Она еще о чемъ-то толковала Аннѣ Борромео, причемъ слова ея журчали словно плескъ фонтана; смѣялась, съ дѣтской серьезностью спрашивала о самыхъ незначительныхъ вещахъ; говорила, что глубоко несчастна, потому что по всѣмъ вѣроятіямъ пойдетъ дождь; сообщила, что страшно спѣшитъ домой; затѣмъ, тотчасъ же позабывъ объ этомъ, спросила Арнольда, умѣетъ ли онъ ѣздить верхомъ.

— Я себѣ представляла васъ въ видѣ какого-то дикаго охотника, подумайте, какъ смѣшно,—сказала она и со смѣхомъ нагнулась впередъ верхнею частью корпуса, потомъ поспѣшно распрощалась и хозяйка, повидимому, была очень довольна ея уходомъ.

Арнольдъ замѣтилъ это по скрытой игрѣ ея глазъ, и ему стало досадно на любезную улыбку, на свѣшиваніе черезъ перила и помахиванье рукой, которыми тетка провожала свою гостью.

Натали Остербургъ, несмотря на свои тридцать два года, все еще была хорошенькой женщиной. Фигурка у нея была чисто кукольная, и всѣ движенія напоминали удивленнаго любопытнаго ребенка. Восторженность и любопыство — вотъ два чувства, которыя всецѣло владѣли ею.

Она могла одинаково восторгаться какимъ-нибудь особеннымъ пауком и необыкновенно возвышенной философіей. Несмотря на это, благодаря симпатичности и сердечности, а также и гибкости ума, она не утомляла людей. Къ тому же у нея было и чутье она, и сама знала это; но къ несчастью, то, что выказывала, было всегда фальшиво и обманчиво. Характеръ у нея былъ веселый и часто это обнаруживалось, когда никакъ уже нельзя было ожидать; такимъ образомъ она неразъ срывала какой-нибудь разумный разговоръ и сбивала съ толку не одного серьезнаго человѣка.

Наталй гордилась своими маленькими ножками и ручками; была тщеславна, болтлива, лакомка, преисполнена жажды наслажденій, но зато имѣла то преимущество передъ своими порицателями, что сама же признавалась во всемъ и трунила надъ собою. Говорила ли она, шла ли, смѣялась ли, или сидѣла, ея глаза такъ свѣтились радостью, отъ

того что можно было такъ говорить, ходить, сидѣть и смѣяться. При приступахъ восхищенія или удивленія, она не находила достаточно сильныхъ словъ или слишкомъ восторженнаго выраженія лица; въ продолженіи какой-нибудь минуты она была способна безумно интересоваться сплетней или дрожать отъ нетерпѣнія, потому что позабыла сонъ, имя или заглавіе прочтенной книги. У нея было двое дѣтей, дѣвочки 10 и 8 лѣтъ и она любила съ шутливымъ удивленіемъ разсказывать объ этомъ, точно имѣть дѣтей большая рѣдкость и точно ея дѣти самыя необыкновенныя на свѣтѣ.

Вернувшись домой, Наталі спросила служанку, гдѣ баринъ. Въ гостиной,—послѣдовалъ отвѣтъ. Подошла—Петра и прошептала сестрѣ нѣсколько словъ на ухо.

Наталі поблѣднѣла, закрыла глаза и закинула голову на спину. Петра глядѣла на нее съ состраданіемъ, а потомъ повернулась къ дѣтямъ, прибѣжавшимъ вслѣдъ за ней и здоровавшимся съ матерью въ нѣжныхъ и смѣшныхъ выраженіяхъ. Въ гостиной не оказалось Левина Остербурга; зато изъ спальной, рядомъ, несся какой-то необыкновенный шумъ. Наталі съ театральною медлительностью распахнула туда двери и увидала своего мужа, обнаженнаго чуть ли не до пояса. Онъ какъ разъ умывался и сильно растиралъ свою кожу, точно она была вымазана дегтемъ; при этомъ онъ фыркалъ, плескался, стоналъ и шипѣлъ, какъ машина, сѣвшая на мель. Наталі смотрѣла на него съ безграничнымъ удивленіемъ и полунапускнымъ презрѣніемъ. Левинъ, продолжая дѣлать видъ, что находится въ комнатѣ одинъ, производилъ какія-то странныя движенія и, придавая своему лицу выраженіе досады и озабоченности, кряхтя, растиралъ фланелевымъ полотенцемъ волосатую грудь и спину.

— Такъ вотъ въ какомъ положеніи мы вновь очутились, и вотъ каковы твои вѣрныя предпріятія!—прошептала Натали.

Левинъ вдѣвалъ въ это время запонки въ одну изъ своихъ новыхъ фрачныхъ сорочекъ, но затѣмъ не надѣлъ ее, а такъ какъ былъ полуголый, легъ на оттоманку. Слегка приподнявъ ногу, онъ сталъ разсматривать лаковую ботинку, потомъ глубоко вздохнулъ; сразу, точно его подбросила пружина, поднявшись съ мѣста и мрачный, переконфуженный, произнесъ:

— Да, да! Богатство вотъ единственно чего стоитъ добиваться!

— Идіотъ!—пробормотала Натали. Левинъ впалъ въ раздумье, похожее на столбнякъ, причемъ озабоченно ощупывалъ свое ожирѣвшее брюшко. Лишь почувствовавъ холодъ, онъ подумалъ, что нужно одѣваться.

— Я разоренъ,—глухо произнесъ онъ.

— Къ этому тебѣ не привыкать стать—отвѣтилъ Натали, прикусивъ губу и постукивая кончикомъ ботинка по ковру.

Левинъ состроилъ безумные глаза, протянулъ кулаки къ потолку и закричалъ:

— Клянусь всѣмъ свѣтомъ, что черезъ три недѣли у меня будетъ полмилліона, или... и онъ пророчески показалъ куда-то въ пространство.

Но когда Натали спокойно и какъ бы ожидая чего то посмотрѣла на него, онъ смолкъ точно собака, которую побили. Натали встала и быстрыми шагами направилась въ комнату дѣтей.

— Дорогая Петра,—крикнула она,—я ѣду къ мама!

— Ну что?—спросила ее Петра съ присущимъ ей спокойствіемъ и пожала сестрѣ руку, маленькую, узенькую, дѣтскую ручонку.

Натали неувѣренно посмотрѣла на нее и разсѣянно отвѣтила:

— Да, да! Но ты знаешь, я вѣдь велѣла портнихѣ пріѣхать къ мама, чтобы Левинъ не увидалъ новаго платья. Ѣдемъ скорѣе, а то я опоздаю къ примѣркѣ.

И она мимоходомъ, наскоро поцѣловала дѣтей. Петра отошла къ сторонѣ, на ея лицо легла саркастически покорная улыбка.

Какъ только Левинъ замѣтилъ, что одинъ, такъ тотчасъ же всталъ, съ досадой покачалъ головой и почмокалъ губами. Потомъ отправился въ кухню и спросилъ кухарку, что ей заказано. Стоя у плиты, онъ меланхолически уставиться на сковороду. Кухарка по пальцамъ перечла ему, что будетъ готовить, и Левинъ, повидимому огорченный, побрелъ вонъ изъ кухни. Его занимала въ настоящую минуту лишь одна единственная мысль открыть такой новый источникъ денежныхъ доходовъ, чтобы можно было загребать золото лопатами, во чтобы то ни стало, какимъ бы то ни было способомъ, и ему сдавалось, что для него золото обязательно должно валяться гдѣ-нибудь на улицѣ и ему надо только пойти туда и поднять его.

Левинъ Остербургъ былъ человѣкомъ, проведшимъ жизнь въ вихрѣ удовольствій и дожившимъ такимъ образомъ до сѣдинъ. Взглядъ у него былъ какой то безпокойный, охватывавшій все съ одинаковымъ удовольствіемъ; лицо не выражало ни бѣшенства, ни смущенія, ни шутовства, ни предпріимчивости и даже ничего, что бы могло занять промежуточное между этими качествами мѣсто. Въ разговорѣ онъ казался напыщеннымъ и несдержаннымъ; любилъ бранить вещи, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и которыя даже совершенно не интересовали его. Лицо его въ этихъ случаяхъ становилось багрово-синимъ, глаза выступали изъ орбитъ, онъ кричалъ, перескакивалъ съ предмета на предметъ, потомъ сразу обрывалъ рѣчь и робко заявлялъ, что у него начинается чахотка.

Если при этомъ онъ замѣчалъ у кого-либо тѣнь улыбки, то вновь впадалъ въ неописуемый гнѣвъ и снова изливался потоками словъ для того, чтобы отстоять свои болѣсти, число которыхъ, точно мухи по осени, все увеличивалось. Каждую свою глупость, сказанную или совер-

*

шенную, онъ забывалъ съ необыкновенной быстротой и былъ увѣренъ, что и посторонніе забыли о ней столь же быстро Предложенія онъ никогда не договаривалъ до конца и лишь слегка скользилъ по предметамъ, къ которымъ нельзя было не отнестись серьезно.

Когда Натали и Петра пріѣхали къ матери, старушка объявила имъ, что въ Левинѣ, по ея мнѣнію, произошла какая-то перемѣна.

— Онъ величайшій дуракъ на свѣтѣ, мама!— отвѣтила Натали съ наивнымъ негодованіемъ.

— Но вѣдь ты вышла за него замужъ, дитя мое,—возразила мать, направляясь къ своему стулу. Въ сущности она не шла, а подвигалась впередъ. Верхнюю часть туловища она перегибала назадъ, вслѣдствіе чего она казалась лишь еле-ле прикрѣпленной къ ногамъ, а всѣ движенія получали что-то автоматическое. При каждомъ шагѣ она кивала головой, точно голубь. На ея безцвѣтномъ лицѣ, напоминающимъ песчанникъ, размытый и изъѣденный водою, никогда не появлялось иного выраженія, какъ выраженія напыщенности и добродушія.

Въ общемъ у нея былъ видъ развѣнчанной королевы, посѣдѣвшей раньше, чѣмъ успѣли сбыться ея притязанія на престолъ. Падкая на самую грубую лесть, она въ одно и то же время была зла и добродушна, выносliва и хрупка, ворчлива и любвеобильна.

Эта женщина испортила чистоту своей расы, она внесла въ нее скверную примѣсь и лишила такимъ путемъ правильности и прозрачности кристалловъ.

— Какъ ты думаешь, мама, свѣтло-зеленый цвѣтъ не сдѣлаетъ меня слишкомъ блѣдной? — спросила Натали, съ нетерпѣніемъ ожидавшая платья.

Петра высоко подняла брови.

— Не подумать ли тебѣ о своемъ мужѣ, Натали? пробормотала она. — Въ мое время браки были не такіе,—сказала госпожа Кёнигъ скрипучимъ голосомъ,—тогда только и слышно было, что о согласіи, мирѣ и взаимныхъ уступкахъ. Я часто говорю Петрѣ—не правда ли Петра?

— Потчиссеръ пріобрѣлъ римскую статую изъ Спалото, — обратилась Наталія къ сестрѣ,—статую Антонія. Говорятъ чудная вещь, лучшихъ временъ, увѣряетъ Анна Барромео.

Такимъ образомъ каждая изъ трехъ женщинъ толковали о своемъ и несмотря на это, онѣ повидимому, понимали другъ друга. Онѣ двигались, словно круги на водѣ, образовавшіеся вокругъ одного и того же центра, но никогда не могущіе коснуться другъ друга.

27.

Въ воскресенье, пріемный день Остербурговъ, уже съ пяти часовъ ихъ комнаты наполнились посѣтителями. Левинъ, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, держалъ себя кротко и сдержанно: какъ будто съ души у

него сдунули всю пыль. Онъ стоялъ около группы улыбающихся молодыхъ людей и разсказывалъ о томъ, какъ лошадь, на которую никто въ цѣлой Европѣ не ставилъ кромѣ его, Левина Остербургъ, пришла первой. Когда кто-то усумнился въ этомъ, онъ указалъ еще только на двухъ людей, которые также играли на нее.

Но когда другой господинъ замѣтилъ, что эта побѣда еще задолго до того, какъ была одержана, стала публичной тайной, то Левинъ облекся въ чувство собственнаго достоинства и холоднаго презрѣнія, вслѣдствіе чего какъ бы сдѣлался на нѣсколько сантиметровъ выше, сѣдые же, торчащіе, словно щетина, волосы, казалось, превратились въ знаки восклицанія отъ испытываемаго негодованія. Но въ слѣдующую же минуту онъ опять сдѣлался любезенъ, поздоровался съ входящимъ Эммерихомъ Хиртлемъ, высокимъ, торжественнымъ до сходства съ пророкомъ человѣкомъ по имени докторъ Борней, и Арнимомъ Потчиссеромъ, тѣмъ самымъ Потчиссеромъ, котораго всѣ боялись. Потчиссеръ былъ биржевикомъ, издателемъ газеты, другомъ народа, другомъ правительства и прежде всего неизмѣримо богатъ.

Онъ всталъ у буфета съ разставленными закусками и питіями, и мужчины тотчасъ же окружили его, точно тычинки пестикъ.

Вошелъ Арнольдъ Анзорге; на его быстромъ лицѣ лежало выраженіе холодной рѣшительности и въ тоже время крайняго удивленія; этотъ часъ назначила ему сама Натали, а вмѣсто нея онъ увидалъ теперь громадную толпу незнакомыхъ людей. Дверь осталась за нимъ открытой и разукрашеная, какъ нѣкое сказочное животное, старуха, за которой слѣдовали двѣ молодыя дѣвушки отодвинула Арнольда къ сторонѣ и съ шумомъ вошла въ залъ. Натали замѣтила Арнольда и, сконфузившись, пошла къ нему навстрѣчу; она не ожидала увидѣть его у себя уже въ этотъ день и раскаивалась въ своемъ приглашеніи, потому что по разсказу Хиртля опасалась встрѣтить въ немъ чуть ли не чудище. Смущенная, вслѣдствіе обуревавшаго ее любопытства, она подала ему руку, попросила слѣдовать за собою и подвела его къ Петрѣ, сидѣвшей въ уголку вдвоемъ съ Хиртлемъ.

— Простите,—сказала она,—я привела къ вамъ рѣдкаго гостя.

Арнольдъ молча усѣлся. До его ушей со всѣхъ сторонъ долетало какое-то шипѣнье, смѣхъ, жужжанье, бормотанье... Воздухъ былъ разгоряченъ.

— Развѣ здѣсь сборище?—спросилъ онъ, вопросительно взглянувъ на Петру.

Молодая дѣвушка покраснѣла, засмѣялась, удивилась и не знала что отвѣтить. Хиртль, возсѣдавшій точно сама воплощенная важность, мгновенно утратилъ видъ равнодушія и его лицо, большею частью казавшееся жалкимъ и безцвѣтнымъ, преобразилось. Онъ любезно произнесъ:

— Не смущайтесь, всѣ эти господа собрались здѣсь только потому, что видя, какъ скучаютъ другіе, забываютъ собственную скуку.

Петра, тронутая вѣжливымъ вниманіемъ, съ которымъ Арнольдъ прислушивался къ словамъ Хиртля, улыбнулась, причемъ ея глаза неожиданно приняли при свѣтѣ лампъ чудный темно-синій оттѣнокъ.

Къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ съ желтымъ цвѣтомъ лица и черными наглыми, безпокойными глазами.

— Дружище Хиртль почему-то имѣетъ сегодня очень многозначительный видъ,—сказалъ онъ съ явнымъ пренебреженіемъ.

— Каждый мой волосокъ имѣетъ значеніе,—отвѣтилъ Хиртль, пытаясь подтрунить надъ самимъ собою.

— Въ такомъ случаѣ, вы, повидимому, съ годами теряете очень много значенія,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Хиртль засмѣялся, не то добродушно, не то съ досадой, причемъ пренебрежительная гримаса перекосила его лицо. Оба въ высшей степени презирали другъ друга. Петра въ это время играла своей цѣпочкой отъ часовъ.

«Что они говорятъ? — подумалъ ошеломленный Арнольдъ. Онъ посмотрѣлъ на Петру, окинулъ взглядомъ комнату, потомъ перевелъ взоръ на окно и снова подумалъ:—что они говорятъ?»

Подошла Натали. Она раскраснѣлась и оживилась отъ разговоровъ, слушанья, улыбокъ. Съ легкимъ оттѣнкомъ близости положила она руку на плечо Арнольда, но тотъ съ удивленіемъ поднялъ голову, вслѣдствіе чего рука соскользнула съ плеча.

— Пойдемте,—сказала Натали.

Онъ пошелъ за ней, думая, что она собирается дать ему какія-нибудь объясненія, но она подвела его къ Левину и сказала:

— Вотъ онъ!

Левинъ щелкнулъ языкомъ, тотчасъ же взялъ Арнольда подъ руку, сунулъ въ ротъ бутербродъ съ икрой и, жуя, сказалъ:

— Правда ли, что вы до сихъ поръ жили въ пещерѣ? Весь свѣтъ говоритъ объ этомъ.

Арнольдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не зналъ, что ему съ нимъ дѣлать, затѣмъ нагнулся, чтобы поднять блестѣвшую на коврѣ иголку, причемъ его охватилъ словно вѣтеръ, несущій съ собою лихорадку. Медленно направился онъ къ дверямъ, вышелъ въ переднюю, отыскалъ свое пальто и на лѣстницѣ глубоко вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ.

Внизу въ сѣняхъ онъ обогналъ Эммериха Хиртля, который ушелъ еще до него и теперь съ трудомъ направлялся какой-то развинченной, дѣланно-эластичной походкой къ улицѣ, гдѣ ждалъ его экипажъ. Фигура этого человѣка бросалась въ глаза; казалось, что къ искусственнымъ ногамъ было приставлено деревянное туловище и все это превосходно выполнено, но каждая часть сама по себѣ лишена жизни и какъ-то неопредѣленна. Эта расплывчатость, вздутость, блѣдность и искусственность замѣчались и въ лицѣ Хиртля. Даже и голова каза-

лась искусственно ввинченной въ плечи, а слишкомъ короткая шея исчезали въ воротникѣ шубы. Во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ взглядѣ выражалась давящая скука и безнадежный покой.

— Не прикажете ли подвести васъ куда-нибудь, господинъ Анзорге?—вѣжливо и съ благоволеніемъ спросилъ онъ Арнольда и подошелъ къ лошадямъ, похлопавъ ихъ по спинѣ, причемъ на лицѣ у него отразилось чисто мальчишеское тщеславіе.

Арнольдъ широко раскрытыми глазами слѣдилъ за движеніями Хиртля; вдругъ онъ почувствовалъ любопытство разсмотрѣть этого человѣка изнутри или же, по крайней мѣрѣ, увидѣть его безъ платья, хоть спящимъ, но, во всякомъ случаѣ тогда, когда онъ думалъ, что находится одинъ.

— Какимъ образомъ вы попали въ Остербургъ?—спросилъ Хиртль.

Открывъ дверцу кареты, онъ ловко поставилъ ногу на подножку и закурилъ папиросу; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желалъ проявить достоинство и снисходительность, послѣдняя неизбѣжно появлялась у него во рту.

— Это довольно любопытная семейка,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на молчаніе Арнольда,—то, что вы видѣли у нихъ, рѣшительно все—сплошной маскарадъ. Эти люди кругомъ въ долгахъ; на мебели и картинахъ висятъ закладныя печати. Стулья, на которыхъ они сидятъ, принадлежатъ не имъ. Каждая чашка чая, что мы пили у нихъ, лишній камешекъ въ одолѣвающихъ ихъ кучѣ заботъ. Видите ли, я очень хорошо знаю эту семью. Въ сущности, ихъ общество не годится для васъ, разъ вы пріѣхали издалека и такимъ еще нетронутымъ. Вотъ Петра, признаюсь, прекрасный человѣкъ, совсѣмъ особенная дѣвушка. Натали старается позолотить лохмотья, а Левинъ надуваетъ жену. Развѣ не безуміе созывать такое множество гостей, только для того, чтобы замаскировать дѣйствительное положеніе вещей?

Все это Хиртль выкладывалъ съ величайшимъ самодовольствомъ причемъ наслаждался своимъ превосходствомъ. Полный самыхъ хорошихъ чувствъ, онъ протянулъ Арнольду руку, крѣпко пожалъ ее, сѣлъ въ экипажъ и красивымъ движеніемъ подалъ кучеру знакъ трогать. Что до Арнольда, то теперь всѣ его думы были обращены на домъ, который онъ только что оставилъ. Его не только занялъ, но прямотаки захватилъ разсказъ Хиртля и онъ ощутилъ бурное желаніе снова подняться наверхъ и все подробно разсмотрѣть. Странно! Ему хотѣлось самому видѣть, что тамъ прилипло къ стѣнамъ, какія маски надѣты на всѣхъ лицахъ; у него явилось чувство, будто его обманули въ очень важномъ дѣлѣ и онъ нетерпѣливо хотѣлъ собственными глазами убѣдиться въ истинѣ. Торопливо взбѣжавъ по ступенямъ и сбросивъ свое пальто на цѣлую груду другой одежды, онъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, выражавшимъ исканіе чего-то, вновь вошелъ въ пріемныя комнаты. Между другихъ головъ и плечь, точно въ расще-

лину ограды увидѣлъ онъ лицо Наталіи. Кожа на ея щекахъ была чрезвычайно разгорячена. Замѣтивъ Арнольда, она улыбнулась ему, какъ близкому другу. То, что онъ уходилъ и вернулся, она и не замѣтила.

Арнольду хотѣлось какъ-нибудь добраться до нея, но вдругъ онъ услыхалъ за собою ея голосъ: — Представьте себѣ, что мнѣ сейчасъ сообщили, говорила она съ ликующимъ смѣхомъ, преисполненнымъ удивленія, какой-то дамѣ:—Ханка женился...

Арнольдъ повернулся. На ея лицѣ онъ не могъ прочесть ничего кромѣ радости, любезности и удовольствія.

28.

Онъ хотѣлъ понять, о чемъ всѣ эти толкавшіеся здѣсь люди говорятъ: вѣдь каждое лицо было лихорадочно оживлено, глаза блистали участіемъ, руки двигались, выражая благоволеніе, губы усердно шевелились, чтобы болтать, смѣяться, звать; многіе мужчины казались крѣпкими и видными; другіе такими истощенными, точно изъ нихъ выжали весь жиръ и всю кровь. Женщины производили впечатлѣніе, будто у нихъ на языкѣ вмѣсто словъ необыкновенныя сладости. Казалось здѣсь каждый естественный порывъ убивается въ самомъ зародышѣ. Арнольду бросилась въ глаза голова съ громадной бѣлой бородой и совершенно круглыми очками; лицо выражало жестокость и въ то же время какъ-то зловѣще смѣялось. Онъ пошелъ дальше, но кто-то взялъ его за руку—оказалось это баронъ Друзіусъ выражаетъ свою радость по поводу встрѣчи съ нимъ. Онъ подвелъ Арнольда къ молодой дѣвушкѣ со шрамомъ на щекѣ.—Сестра моя,—сказалъ старикъ.

Дѣвушка мелькомъ поклонилась ему, мелькомъ, точно въ лихорадкѣ, улыбнулась и снова повернулась къ доктору Берней, съ которымъ разговаривала; а тотъ стоялъ около въ величественно небрежной позѣ и походилъ на человѣка, преисполненнаго сознаніемъ своего неограниченнаго могущества и подавляющаго умственнаго превосходства, но изъ ложной скромности желающаго скрыть и то, и другое.

— О, докторъ Берней—великая сила! — прошепталъ Друзіусъ Арнольду. — Онъ собирается основать государство свободныхъ людей, гдѣ бы не существовало ни налоговъ, ни городовъ, словомъ, благословенную страну. Съ этой цѣлью онъ уже собралъ компанію на акціяхъ для покупки земли въ Америкѣ.

Затѣмъ Друзіусъ увидалъ другого знакомаго, а къ Арнольду подошла Петра. Выдающаяся верхняя губа придавала ея умному лицу выраженіе вдумчивости и умѣнія владѣть собой. Потомъ подошли опять новые незнакомые и снова началось непонятное произнесеніе именъ, поклоны, пожиманіе рукъ. «Кто они?»—думалъ Арнольдъ.—Что все это значитъ?

Нѣкоторые изъ нихъ были съ нимъ любезны, точно съ человѣкомъ, на котораго возлагаются большія надежды, и Арнольдъ ломалъ голову почему они съ нимъ любезны, когда вовсе его не знаютъ; почему они сначала держатъ себя очень холодно, а потомъ, вдругъ, обмѣнявшись поклонами и пожатіемъ рукъ принимаютъ, довѣрчивый, преувеличенно-любезный тонъ. Всѣ эти люди вытягивали губы, выворачивали шеи, казались взволнованными какими-то тайнами и нерѣдко въ ихъ глазахъ вспыхивали боязливые или враждебные огоньки, но рѣчи продолжали звучать ласково и пусто. Арнольдъ чувствовалъ безпокойство, потому что ему все время приходилось раздумывать о вещахъ, которыя ускользали отъ него въ пространствѣ. Вдругъ подбѣжала къ нему Наталѝ съ такою поспѣшностью точно за нею гнались.

— Вѣдь вы изъ Подолина, господинъ Анзорге? Не знали ли вы тамъ доктора Ханка? Анна Борромео сказала мнѣ, что вы пріѣхали изъ Подолина, слѣдовательно знакомы съ Ханка? А съ его женой, Беатой, вы тоже знакомы? Да? Такъ разскажите мнѣ про нее, пожалуйста разскажите!

Все это Наталѝ выпалила сразу, не давая себѣ времени даже перевести дыханіе. Она обливалась потомъ отъ любопытства и кусала губы отъ досады, что ей раньше не пришло въ голову спросить объ этомъ Арнольда! Арнольда отталкивала ея навязчивость; задумчиво помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ потомъ тряхнулъ головой, этотъ жестъ странно выдѣлилъ его среди другихъ—и сказалъ:

— Докторъ Ханка могъ бы найти лучшую женщину. Беата испорченное существо.

Наталѝ поблѣднѣла, испуганно оглянулась, приложила палецъ къ губамъ и смущенно пробормотала:

— Что вы дѣлаете, странный вы человѣкъ! Вѣдь подобныя вещи не говорятъ открыто. Берегитесь, чтобы Ханка когда-нибудь не узналъ объ этомъ. Вѣдь онъ воспиталъ Беату для себя.

Недовѣрчиво и холодно разглядывалъ Арнольдъ Наталѝ. Онъ хотѣлъ говорить, но ни одно изъ тѣхъ словъ, которыя ему подвертывались на языкъ, не казалось ему подходящимъ и достаточно опредѣленнымъ.

Наталѝ механически взяла его подъ руку и повела въ сосѣдній маленькій будуаръ. Тамъ у окна сидѣли два пожилыхъ господина и о чемъ-то разговаривали, но тотчасъ же при ихъ входѣ поднялись и вышли. Вдругъ Арнольдъ, повернувшись къ Наталѝ произнесъ:

— Послушайте, вы живете среди лжи! Какъ вы можете выносить это? У васъ нѣтъ денегъ, а вы бросаете ихъ, какъ же это возможно! Мнѣ разсказалъ одинъ человѣкъ... Я сначала было не повѣрилъ, да по всѣмъ признакамъ видно, что такъ, я чувствую это.

Натали съ ногъ до головы задрожала.

Съ ужасомъ, вопросительно посмотрѣла она на Арнольда, но не

была въ состояніи выдержать его взглядъ. Дѣтскіе глазки наполнились слезами, и вытащивъ платокъ, она закрыла имъ лицо.

— Теперь я пойду,—съ облегченіемъ произнесъ Арнольдъ и протянувъ Натали руку. У него явилось чувство, что онъ легкомысленно тратитъ время, а оно бѣжитъ у него точно песокъ изъ дыряваго мѣшка.

Ему не было жаль Натали, но теперь она снова стала ему симпатична.

— Что же, начнете теперь жить по другому? — сердечно спросилъ онъ.

— Прощайте, странный вы человѣкъ,—отвѣтила Натали, поднимая лицо и улыбаясь ему сквозь слезы.—До свиданья, приходите скорѣе и тогда, когда я буду одна.

На обратномъ пути Арнольдомъ овладѣло сильнѣйшее сомнѣніе: были ли тѣ выраженія, что онъ употреблялъ въ разговорѣ съ Натали, подходящими, нужно ли было употреблять именно ихъ, а не какія-нибудь другія; ни однимъ болѣе, ни однимъ менѣе? Странно, но ему чудилось, что онъ совершилъ безцѣльный поступокъ, и внутренній голосъ, что такъ властно толкалъ его на это, нѣкоторымъ образомъ ввелъ его въ заблужденіе.

Но, можетъ быть дѣло не въ томъ, можетъ быть, онъ разсчитывалъ повліять на Наталію сильнѣе нежели пришлось. Она спрятала лицо въ платокъ и улыбнулась сквозь слезы. И не нашла иного отвѣта, какъ «странный человѣкъ». Что страннаго въ его поступкѣ? Повидимому, слова его, Арнольда, заключали въ себѣ что-то для нея, пожалуй, даже привлекательное и изъ-за новизны она не вникла даже въ ихъ значеніе. Ему стало стыдно за Натали, а что касается его самого, то онъ чувствовалъ почти что разочарованіе и рѣшилъ еще разъ сходить къ ней и уже наединѣ переговорить и выяснить, что она изъ себя представляетъ по существу и чего она ищетъ въ немъ.

Ужиналъ онъ въ этотъ день у Барромео.

— Какъ ты провелъ время, Арнольдъ?—спросила его Анна.

Подумавъ нѣсколько секундъ, онъ сказалъ:

— Я не хотѣлъ бы *проводить* время, а удерживать его.

Хозяйка засмѣялась.

— Слышишь, Фридрихъ!—воскликнула она.

Борромео погладилъ бороду.

— Онъ совершенно правъ, сказалъ онъ. — Слѣдовало бы всегда хватать подобныя выраженія на лету до тѣхъ поръ пока они не сдѣлаются излишними за ненадобностью.

Арнольдъ прислушивался къ скучному разговору дяди и тетки и поперемѣнно поглядывалъ то на того, то на другого.

Они разговаривали точно черезъ стѣну — слова проникали не въ ухо, а падали на тарелку, расплывались въ воздухѣ. При этомъ они

никогда не взглядывали другъ на друга безъ того чтобы, въ глазахъ у нихъ не появилось что-то въ родѣ неудовольствія, трусости или выработаннаго большими усиліями терпѣнія. Еще наканунѣ Арнольдъ не замѣтилъ бы всего этого, ничего не заподозрилъ бы и оставался спокойнымъ и довольнымъ, тогда какъ сегодня смутная догадка заставляла его быть на сторожѣ. Было мгновеніе, когда онъ вздумалъ раскрыть и освѣтить загадочность и неясность, царившую между этими двумя людьми честнымъ и прямымъ вопросомъ. И то что онъ не смогъ этого сдѣлать, что понялъ, что и не долженъ этого дѣлать, дали ему толчокъ къ дальнѣйшимъ размышленіямъ.

Гдѣ бы онъ ни стоялъ, гдѣ бы ни сидѣлъ, куда бы ни влекло его сердце—вездѣ точно изъ земли передъ нимъ выростала необходимость стать инымъ, поднималась какая-то роковая сила, протягивающая руки за тѣмъ, чѣмъ ему казалось онъ уже свободно владѣетъ.

29.

Свадьба Ханка была отпразднована совершенно тихо. На первое время онъ съ молодой женой остался въ городѣ и лишь осенью собирался въ Парижъ. Беата не противорѣчила. Она думала, что когда настанетъ осень, будетъ виднѣе. Какъ всѣ мѣщаночки, выросшія въ преувеличенныхъ мечтахъ о свадебномъ путешествіи и довольствующіяся тѣмъ, что переѣзжая съ мѣста на мѣсто, выставляютъ на показъ свое, признанное обществомъ, счастье, такъ и она грезила о поѣздкѣ въ Италію. Насколько было въ силахъ, она старалась быть довольной въ прекрасныхъ помѣщеніяхъ, отдѣланныхъ Ханка въ виллѣ около Дёблина.

Но бывали минуты, когда она тайно признавалась себѣ, что, въ сущности, уже испытала жизнь въ уединенномъ домикѣ и устала отъ одиночества; что ей, наконецъ, хочется видѣть людей, улицы, балы и театры. Но она дѣлала видъ, что счастье Ханка для нея выше всего, притворялась, будто читаетъ книги, которыя онъ ей рекомендовалъ, любуется бюстами, гравюрами и разными objets d'art, которыми, благодаря своему вкусу и художественному пониманію, онъ окружилъ ее; казалась ошеломленной своимъ молодымъ счастьемъ, упоенной страстью; притворялась будто забыла весь свѣтъ и что рай, въ которомъ она живетъ, породилъ въ ней чувство молчаливаго благоговѣнія. Развѣ не бываетъ рукъ, которыя, ощипывая цвѣтокъ, какъ бы приносятъ въ то же время жертву Богу. Ханка чувствовалъ себя хорошо.

Втихомолку онъ даже сравнивалъ себя съ пуделемъ, лежащимъ на солнцѣ и хватающимъ на лету мухъ, такъ какъ принадлежалъ къ числу людей, что находятъ себя комичными въ счастьѣ. Онъ занимался историческими и политико-экономическими изслѣдованіями; съ отраженіемъ вспоминалъ о прежней жизни, надѣялся на такое же свѣтлое будущее, какъ свѣтелъ залитый солнечными лучами горизонтъ надъ

моремъ. Черты лица Беаты сдѣлались здоровѣе и энергичнѣе. Подбородокъ закруглился, а вокругъ дугообразно изогнутыхъ губъ появилась самоувѣренная улыбка. Большею частью она находилась въ какомъ-то безпрерывномъ волненіи и движеніи, такъ что наблюдательному глазу это могло бы показаться даже болѣзненнымъ.

Иногда вдругъ казалось, что она какъ бы стыдится даже своихъ ногъ, рукъ, шеи и тогда у нея и на лицѣ появлялась такая же чувственно-стыдливая улыбка. Иногда она произносила такія вещи, въ которыхъ казалось таится какая-то упрямая и злобная мысль. Ханка продолжалъ казаться ей громаднымъ и серьезнымъ животнымъ, забавнымъ по своей важности. Она считала себя выше его, такъ какъ его образованность мало цѣнила, а свойство ума ей были непонятны. Изъ всѣхъ знакомыхъ, которые наполняли, по мнѣнію Ханка, вражескій станъ, онъ дѣлалъ исключеніе для одной только Натали. Къ ней у него осталось расположеніе дѣдушки и иногда даже появлялось желаніе послушать ея сбивчивую болтовню. Онъ обѣщалъ Беатѣ познакомить ее съ ней, но сначала хотѣлъ побывать тамъ одинъ, чтобы одному выслушать всѣ навязчивые вопросы и добродушно отвѣтить на нихъ. Въ этомъ заключалась частица трусости. Онъ засталъ Натали и Петру дома. Натали, уже здороваясь съ нимъ, прямо таки выходила изъ себя отъ любопытства и притворнаго негодованія. Казалось, тысячи вопросовъ, одинъ другого важнѣе, жгутъ ей небо. Ханка развалился въ креслѣ, посмѣиваясь, заложилъ ногу на ногу и состроилъ терпѣливо-комичное лицо. Натали не могла дольше выдержать.

— Докторъ!—воскликнула она.—Развѣ такъ женятся? И развѣ можно такъ являться ко мнѣ? Гдѣ Беата?

— Сначала мнѣ нужно произвести развѣдки, дорогая моя,—съ юморомъ отвѣтилъ Ханка.—Впрочемъ я очень радъ видѣть васъ.

Петра разсмѣялась; она часто смѣялась, когда повидимому не было ни малѣйшей причины для этого. Большею частью это случалось, когда молча составленное ею мнѣніе о какомъ-нибудь человѣкѣ вдругъ подтверждалось, и по существу этотъ смѣхъ былъ какъ бы легкимъ хвастовствомъ ея знанія людей.

Вошла горничная и доложила о какомъ-то господинѣ Анзорге. Натали удивленно и сконфуженно кивнула головой и сейчасъ же послѣ этого вошелъ Арнольдъ. Ханка былъ страшно удивленъ. Онъ поочередно смотрѣлъ то на одного, то на другого изъ присутствующихъ, что привело Натали въ восхищеніе. Она показалась себѣ очень важной и сама начала находить въ посѣщеніи Арнольда что-то таинственное. Пока она здоровалась съ нимъ, Петра давала удивленному Ханка необходимыя разъясненія. Арнольдъ сѣлъ; онъ былъ молчаливъ и скупо отвѣчалъ на вопросы. Онъ надѣялся повидать Натали съ глазу на глазъ и теперь ему сдавалась, что вообще ее никогда нельзя застать одну. Натали чутьемъ угадывала это или что-то въ родѣ этого,

а потому смутилась. Она побаивалась мнѣнія о себѣ, что мало-по-малу втихомолку слагалось у Арнольда.

— А вы быстро освоились здѣсь,—сказалъ Ханка,—я не ожидалъ встрѣтить васъ въ самомъ центрѣ общества.

Несмотря на то, что ему было извѣстно какимъ образомъ это произошло, все-таки присутствіе Арнольда казалось ему необъяснимымъ и настолько же страннымъ, какъ если бы ему пришлось увидѣть пальму среди покрытаго льдомъ поля. Онъ привыкъ говорить съ Натали не иначе какъ сухо шутливымъ тономъ, вѣдь у каждаго человѣка имѣется для каждаго изъ своихъ друзей особое лицо.

Натали по своему объясняла себѣ это обращеніе и одобряла его.

Оба они умѣли за словами, которыми какъ бы играя, старались ввести другъ друга въ заблужденіе, угадывать настоящее обоюдное настроеніе, вслѣдствіе чего они не скучали вдвоемъ и не утомлялись. Сегодня же эта игра не улыбалась Ханкѣ. Безсознательно онъ стряхнулъ съ себя настроеніе настоящей минуты и впалъ въ прежнее, точно благодаря этому могъ стать ближе къ Арнольду. Такимъ образомъ случилось, что всѣ трое, не отдавая себѣ даже отчета въ этомъ, прислушивались къ молчанію Арнольда. Даже звукъ его голоса, когда онъ давалъ короткіе отвѣты, и то уже какъ бы мѣшалъ чему то. Но такъ какъ Натали была ненаходчива и инертна, то не смѣла окончательно подчиниться новому вліянію. Съ наивнымъ отчаяньемъ вглядывалась она въ лицо Арнольда, находила его носъ страннымъ, ротъ некрасивымъ, волосы слишкомъ гладкими и кончила тѣмъ, что робко, по дѣтски разсмѣялась, находя своихъ гостей слишкомъ спокойными и каждаго занятымъ своими мыслями. Петра многозначительно вздохнула. Она еще не утеряла способности иногда трясти рѣшетку своей клѣтки. Ханка поднялся и Арнольдъ рѣшилъ уйти вмѣстѣ съ нимъ. Натали попросила его посидѣть еще, но онъ, улыбаясь, покачалъ головой. Теперь онъ зналъ, что безполезно давать Натали то, съ чѣмъ онъ шелъ къ ней. Она подойдетъ къ зеркалу и если сказанное ей къ лицу, такъ украсится имъ, нѣтъ—такъ отброситъ его въ сторону; поэтому онъ распрощался съ ней. Только оставшись наединѣ съ Ханка у него явилось чувство, что передъ нимъ тотъ же человѣкъ, котораго онъ зналъ въ Подолинѣ, раньше же Ханка ему казался какимъ-то чуждымъ и новымъ.

— Что вы, въ сущности, дѣлали?—спросилъ его тотъ на улицѣ.

Арнольдъ не зналъ, что отвѣтить.

Не умомъ, но инстинктивно всѣмъ своимъ существомъ онъ презиралъ и избѣгалъ все опошленное, ходовое. Развѣ возможно было въ короткомъ или даже длинномъ отвѣтѣ объяснить то, чего онъ хотѣлъ? И развѣ его желанія съ каждымъ днемъ не охватывали все болѣе широкіе горизонты, такъ какъ расширяется поле зрѣнія человѣка, восходящаго на гору. Но Арнольдъ всегда старался составить себѣ

самое ясное и опредѣленное понятіе о малѣйшихъ своихъ стремленіяхъ и тотчасъ же провѣрять значеніе всего, что жизнерадостно шевелилось въ его душѣ. Быть человѣчнымъ—вотъ что онъ считалъ для себя человѣчнымъ; послѣ этого, думалъ, важнѣе всего достигнуть сознательности и находилъ, что познать самому въ тысячу разъ полезнѣе, нежели быть понятымъ.

Что-то влекло его къ Ханка, потому что онъ чувствовалъ въ немъ выдающійся умъ, но у него не было въ распоряженіи никакихъ вспомогательныхъ средствъ, чтобы перекинуть мостъ между собою и имъ. Поэтому они разстались неувѣренные другъ въ другѣ и чуждыми. Правда, у Ханка осталось чувство, что онъ, томимый жаждой, прошелъ мимо колодца, не утоливъ ее. Вернулся онъ домой задумчивый. Беата лежала, развалившись въ chaise longue и неподвижно уставясь въ пространство.

— Беата, ты спишь? — отечески спросилъ ее Ханка.

Она съ усиліемъ закатила глаза и отвѣтила, нетерпѣливо подергивая подъ платьемъ ногами:

— Мнѣ скучно, скучно мнѣ!

Ханка былъ пораженъ и молчалъ. Беата встала, зѣвая, подняла руки и, точно для объятія, нехотя протянула ихъ передъ собой. На спокойное предложеніе Ханка прокатиться, она волнуясь стала переодѣваться и вскорѣ уже съ праздничнымъ лицомъ сидѣла въ экипажѣ рядомъ съ мужемъ. На ея просьбу сообщить ей о Наталіи, онъ принялся разсказывать.

Въ то время какъ онъ обстоятельно и вдумчиво излагалъ свои мысли, Беата глазами пожирала прохожихъ на улицѣ и не замѣтила даже, когда Ханка вдругъ оборвалъ рѣчь и добродушно насмѣшливо усмѣхнулся. «Она молода, полна жизни и жаждетъ ея», подумалъ онъ про себя, почувствовавъ къ ней приливъ нѣжности; затѣмъ положилъ ногу на ногу и пустилъ въ свѣжій весенній воздухъ дымъ сигары, словно сельскій священникъ, преисполненный примиряющихъ чувствъ. Беата прижалась къ нему, какъ будто ей хотѣлось выказать ему свою благодарность, а между тѣмъ, она съ безграничной хитростью придумывала, какимъ бы способомъ вынудить у него разныя обѣщанія. Но то, чего ей хотѣлось, она не съумѣла бы назвать, такъ какъ у нея было больше желаній, нежели мыслей. На что бы ни направлялось ея воображеніе, но, въ концѣ, концовъ оно всегда сводилось къ какимъ-нибудь желаніямъ; даже во снѣ по ея лицу пробѣгали тѣни ихъ, такъ что оно походило на облачное небо въ бурную лунную ночь. Чтобы найти себѣ занятіе, она придумывала, какъ бы придраться къ прислугѣ, писала письма людямъ, созданнымъ ея собственной фантазіей, разсказывала романтическіе сны, часто по дѣтски сочиненные ею, бывала жестока съ нищими, клеветала на людей, съ которыми обмѣнялась всего нѣсколькими словами. Какъ-то обнаружилось, что она въ бе-

сѣдкѣ повѣсила за ноги кошку. Ханка сталъ упрекать ее за это. Когда послѣ онъ взялъ книгу и началъ читать, она порывисто обняла его и укусила за ухо. Ханка, широко раскрывъ глаза и поймавъ ея сверкнувшій нетерпѣніемъ, почти даже ненавистью взглядъ, безмолвно уставился на нее. Она сдѣлалась мрачной, схватила книгу журнала и стала ее безцѣльно перелистывать. Она и не помышляла о томъ, что нужно выяснить себѣ характеръ человѣка, съ которымъ живешь. Все въ немъ казалось ей столь близкимъ, что умъ ея, такъ сказать, ничего не могъ видѣть въ немъ, а лишь ощупывать.

Ей хотѣлось, чтобы около нея разыгрывались страсти, а она съ спокойнымъ невиннымъ видомъ наблюдала бы ихъ, хотѣлось бы ударами кнута заставить плясать вокругъ себя даже мертвые камни.

Ханка, само собою, чувствовалъ себя господиномъ. Жить иначе было для него немыслимо. Быть счастливымъ по его мнѣнію, значило быть независимымъ и быть въ состояніи давать самостоятельную оцѣнку не только собственному чувству, но и чувству другихъ. А такъ какъ онъ настойчиво стремился къ душевной ясности и внутренней увѣренности, то въ дѣлахъ чисто внѣшнихъ часто выказывалъ излишнюю довѣрчивость. Струнка, которую скорѣе всего открываютъ и на которой чаще всего играютъ люди, не заслуживающіе довѣрія.

Ночью Ханка не могъ спать. Онъ отвернулъ кнопку электрической лампочки и попробовалъ читать, но каждое слово въ отдѣльности выступало изъ рамокъ предложенія, а то, что хотя и воспринималось сознаніемъ, оказывалось чѣмъ-то туманнымъ и безсмысленнымъ. Тогда онъ облокотился на руку и сталъ разсматривать лицо Беаты. И вдругъ оно показалось ему до такой степени чуждымъ, что онъ даже слегка испугался. Судорожно сжатыя вѣки заставляли еле замѣтно дрожать темныя полосы рѣсницъ. Выпуклый лобъ былъ влаженъ, бѣлые виски содрагались подъ напоромъ крови. Губы шевелились, произнося неслышныя слова, придававшія, можетъ быть, лицу его скрытное и грубое выраженіе. Чтобы избавить ее отъ мучительнаго сна, Ханка слегка дотронулся до ея плеча. Проснувшись и посмотрѣвъ на него влажными, сонными глазами, она сейчасъ же обхватила его шею руками и и такъ крѣпко прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ, что онъ даже одеревенѣлъ и не рѣшался шевельнуться.

— Ахъ, Александръ, — шептала молодая женщина измѣнившимся голосомъ,—ты долженъ мнѣ сдѣлать одинъ подарокъ. Купишь, да?

Ей хотѣлось имѣть цѣпочку съ жемчугомъ, которую она видѣла у ювелира.

— Я никогда и ничего больше не стану у тебя просить, если ты купишь мнѣ эту цѣпочку,—сказала она.

Ханка обѣщалъ. Но потомъ задумался и замолчалъ. Въ немъ шевельнулось недовольство. Страсти могли вызвать въ немъ настроеніе податливости, но когда онѣ просачивались до его сознанія, то ихъ

ждалъ холодный анализъ и безпощадная оцѣнка. И все-таки во всѣхъ своихъ помыслахъ онъ считалъ Беату величайшей драгоцѣнностью своей жизни. Что онъ самъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ безсознательной силы, уже очень рано связалъ свою судьбу съ ея—казалось ему особенно утѣшительнымъ указаніемъ судьбы.

30.

Къ Пасхѣ Барромео былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена Франца-Іосифа. Онъ отнесся къ этому знаку отличія вполнѣ хладнокровно и даже, какъ человѣкъ, не любящій быть предметомъ общественнаго вниманія, чувствовалъ себя сконфуженнымъ. Онъ даже не показывался въ то время, когда его жена принимала безчисленныхъ визитеровъ. Въ немъ охладѣла любовь къ обществу. Какъ-то послѣ обѣда Арнольдъ вошелъ въ гостиную Анны Барромео и засталъ тамъ Потчиссера и Хиртля. Онъ спросилъ хозяйку, что ей отъ него угодно, такъ какъ она за нимъ посылала. Она отвѣтила, что желаетъ его познакомить съ господиномъ Потчиссеромъ. Арнольдъ не зналъ, какъ ему отнестись къ этой женщинѣ. Ея показная (всегда ровная) веселость не позволяла заглянуть ей въ душу. Она двигалась, улыбалась, говорила и молчала, какъ человѣкъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зеркалами. Госпожу Барромео вызвали изъ комнаты. Ее спрашивалъ какой-то биржевой агентъ, имѣющій до нея безотлагательное дѣло. Потчиссеръ разсказывалъ о большомъ обѣдѣ, который намѣревался дать, и обратился къ Арнольду со словами:

— Я надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя?

Въ немъ меньше всего было самоувѣренности золотого туза, а скорѣе чувствовалось что-то вибрирующее,—свойство, присущее счастливымъ игрокамъ. Онъ игралъ брелоками своихъ часовъ съ тою же невыдержанною серьезностью, съ какою обдѣлывалъ и свои разнообразныя дѣла.

Анна Барромео вернулась и съ обманчивою живостью произнесла:

— Я сейчасъ узнала нѣчто очень интересное, друзья мои, завтра въ парламентѣ будетъ сдѣлана интерпеляція по дѣлу Алассера.

— Поздно. Сенсація, вызванная имъ, уже давно улеглась,—мечтательно произнесъ Хиртль.

— Даже обѣщаютъ маленькій скандалъ,—замѣтилъ Потчиссеръ съ своей обычной разсѣянно-веселой улыбкой.

— Ну, Арнольдъ, вѣдь это нѣчто для тебя. Въ Подолинѣ, ты навѣрно, кое-что слышалъ объ этомъ?—Анна Барромео втянула губу между зубовъ. Было ясно, что ее волновало не это, для нея совершенно безразличное, обстоятельство, а нѣчто другое, что она хотѣла скрыть.

Арнольдъ обхватилъ колѣно своими большими руками, съ которыхъ еще не успѣлъ сойти деревенскій загаръ. Онъ совершенно спо-

койно рѣшилъ, что пойдетъ въ парламентъ, гдѣ будутъ говорить объ Алассерѣ. Хиртль откланялся.

Такъ какъ Арнольдъ также поднялся съ мѣста и стоялъ вблизи дверей, то онъ ему какъ-то необыкновенно сердечно пожалъ руку и сказалъ:

— Пришли бы вы какъ-нибудь на часочекъ ко мнѣ. Я такъ скучаю.

Эти немногія слова звучали въ высшей степени искренне. Арнольдъ посмотрѣлъ ему въ глаза, дружески улыбнулся и обѣщалъ зайти.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ слѣдующаго утра. Когда онъ явился въ парламентъ и занялъ на галлереѣ одно изъ предназначенныхъ для слушателей мѣстъ, внизу было еще совершенно пусто. Но мало по малу ряды наполнялись, да и вокругъ него мѣста занимались слушателями. Если въ первую минуту получалось впечатлѣніе торжественности, въ значительной степени вызванное красотой помѣщенія и знаменитымъ соразмѣрнымъ освѣщеніемъ, то потомъ когда уже ясно можно было разглядѣть большинство сидящихъ въ залѣ фигуръ членовъ парламента, а наверху зрителей—впечатлѣніе совершенно исчезало, потому что всѣ лица были искажены, точно какими-то инструментами пытки придали имъ выраженіе издѣвательства, жадности, страсти, отсутствіе даже намека на что-либо духовное, злобнаго выжиданія, невѣжества, скуки, недоброжелательства и фанатической ненависти. Но пока Арнольдъ довольствовался сознаніемъ, что здѣсь собрались законодатели страны и частица самого этого народа, желающаго узнать своихъ отцовъ и судей; слѣдовательно, лучше послушать, что они скажутъ, нежели разсматривать, и подождать, прежде, чѣмъ осуждать. Сначала нужно видѣть и поучиться, думалъ онъ, прислушиваясь къ началу преній; вдругъ его поразилъ внизу страшный шумъ точно во время собранія въ крестьянскомъ кабакѣ.

Дѣло въ томъ, что какъ только было произнесено имя Алассера, такъ тотчасъ же поднялся оглушительный крикъ, посыпался градъ ругательствъ и издѣвательствъ, многіе поднялись съ мѣстъ, жестикулировали и ревѣли. Даже сосѣди Арнольда начали хохотать и свистать, взбирались на скамейки и всячески оскорбляли жидовъ и имъ подобныхъ. Разумѣется, вожаки противной партіи тоже не уступали и съ своей стороны пробовали силу своихъ легкихъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ добился слова; но онъ заговорилъ совсѣмъ не о томъ, чего требовало дѣло и данный случай. Никто не понималъ, какимъ образомъ доберется онъ до сути—да никто и не обращалъ вниманія на то, что онъ говорилъ. Посреди его бранной беззастѣнчивой рѣчи вдругъ опять раздался громкій хохотъ, многіе снова начали кричать, свистать, шикать и это продолжалось по меньшей мѣрѣ съ четверть часа, такъ что нельзя было разобрать ни единаго слова. Лицо Арнольда залила краска стыда. Онъ громко сказалъ что-то толстяку, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, со лба котораго скатывались крупныя

капли пота, но оказалось, что толстякъ спитъ. Арнольду стало противно. Онъ покинулъ галлерею, пробѣжалъ по лѣстницѣ и корридорамъ и очутился въ чудномъ украшенномъ колоннами залѣ, гдѣ неожиданно къ нему подошелъ изысканно одѣтый молодой человѣкъ, протянулъ ему руку и съ выраженіемъ величайшаго удивленія воскликнулъ:

— Арнольдъ Анзорге!

Арнольдъ посмотрѣль и узналъ въ немъ Максима Шпехта. Но всѣ его чувства такъ были заняты только что видѣннымъ и слышаннымъ, что онъ разсѣянно и безучастно взглянуть на знакомое, но уже нѣсколько забытое лицо бывшаго учителя.

Шпехтъ смѣялся и, повидимому, былъ очень доволенъ своими сатирическими замѣчаніями по поводу парламентскаго засѣданія. Онъ казался какъ бы начиненнымъ разными новостями и извѣстіями, а также любопытствомъ, довольствомъ, жизнерадостностью и знаніемъ людей. Арнольдъ, по его просьбѣ, сообщилъ ему свой адресъ и потомъ они разстались. Уже на улицѣ Арнольдъ больше не думалъ объ этой встрѣчѣ. Пульсъ его лихорадочно бился. Многое, въ чемъ еще наканунѣ онъ былъ такъ увѣренъ и къ чему такъ стремился, теперь возбуждало въ немъ лишь тягостное недовѣріе.

Около часа сидѣлъ онъ за книгами, когда за нимъ прислала Анна Барромео. Горничная провела его въ маленькую комнатку. Убранство ея, какое-то изнѣженное, и тѣснота отъ множества вещей произвели на него непріятное впечатлѣніе. Анна лежала на оттоманкѣ; на ней было бѣлое, широкое, покрывавшее ей ноги и свѣшивавшееся сбоку, точно исполинскій лепестокъ, одѣяніе.

Голова ея была запрокинута назадъ и глаза закрыты. При входѣ Арнольда она медленно подняла вѣки и сдѣлала ему знакъ рукой подойти ближе. Тотчасъ послѣ этого она повернула голову, и лучистые глаза ея блеснули сѣро-голубымъ свѣтомъ.

— Ты видишь меня въ величайшемъ затрудненіи и страхѣ, Арнольдъ,—начала она спокойнымъ голосомъ.—Я обращаюсь къ тебѣ, потому что ты можешь помочь мнѣ;—она оперлась на локоть, приподнялась и выжидательно посмотрѣла на него.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Арнольдъ.—я охотно помогу.

— Этого не достаточно,—отвѣтила она враждебно и, притянувъ къ себѣ шлейфъ платья сѣла и скрестила на груди руки.—Мнѣ не только нуженъ человѣкъ, который помогъ бы, но и человѣкъ, который потомъ съумѣлъ бы молчать объ этомъ. Ну, что до этого, такъ ты съумѣешь помолчать, ты скрытенъ, ты мужчина. Но и этого еще мало; надо, чтобы даже долгъ не могъ принудить тебя нарушить это молчаніе. Почему ты не садишься, Арнольдъ?

Арнольдъ опустился въ одно изъ низенькихъ, мягкихъ креселъ.

— Сначала я долженъ знать, въ чемъ дѣло,—холодно замѣтилъ

онъ, и губы его продолжали шевелиться и послѣ того, какъ онъ кончилъ говорить. Ему не нравились выраженія, употребляемыя Анной Барромео.

— Мнѣ еще сегодня необходимо имѣть 20 тысячъ гульденовъ,— сказала она и неподвижно уставилась ему прямо въ глаза. Онъ замѣтилъ, какъ на ея лицѣ проступила забота, и невольно его собственное становилось мягче и добрѣе.

«Деньги!»—съ удивленіемъ подумалъ онъ.—«Ну эту-то помощь я могу оказать».

Анна Барромео продолжала:

— Я задолжала на биржѣ, всю эту недѣлю играла несчастливо. Долгъ этотъ мучаетъ меня; впрочемъ, тебѣ не понять этого, Арнольдъ! А все-таки...—Она встала и все еще со скрещенными на груди руками принялась ходить взадъ и впередъ по тѣсной комнаткѣ.

— Я охотно дамъ тебѣ деньги,—спокойно сказалъ Арнольдъ.—Ты сегодня же получишь ихъ.

Анна Барромео продолжала ходить взадъ и впередъ, точно не разслышала. Потомъ остановилась около него и положила ему руку на правое плечо. Его точно толкнуло что-то. Обернувшись къ ней онъ увидалъ близко-близко надъ собою ея бѣлый подбородокъ и ярко красныя губы, но все это казалось ему лишь страннымъ и онъ внутренно желалъ, чтобы она поскорѣе отошла отъ него.

— Барромео не долженъ знать объ этомъ,—произнесла она съ тѣмъ же враждебнымъ выраженіемъ, какъ и раньше. Теперь она отошла къ окну, точно не желая мѣшать ему, такъ какъ видѣла, что наступила рѣшительная минута.—Раньше чѣмъ отвѣтить мнѣ, Арнольдъ, подумай хорошенько,—сказала она на этотъ разъ довольно ласково. Арнольдъ поднялся. Подойдя къ столу, онъ вырвалъ листокъ изъ своей чековой книжки, которую носилъ въ карманѣ, взялъ перо, подписался на немъ и подалъ его Аннѣ. Она поблагодарила и онъ ушелъ. Придя къ себѣ, онъ растворилъ окно, сѣлъ верхомъ на стулъ и задумчиво сталъ смотрѣть на небо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

...И годы идутъ—не потоки шумливые,
А капли нѣмыя дождя,
И гаснутъ, и таютъ мечты горделивыя,
За ними навѣкъ уходя.

И силы уходятъ—въ тоскѣ ожиданія,
Не въ бодромъ и славномъ бою,
И радости мелки, и блѣдны страданія,
И больно за юность свою.

И все же—да здравствуетъ жизнь и движеніе,
И счастья далекій приходъ,
И тайна, и вѣчно-живое стремленіе
Куда-то впередъ и впередъ!

Да здравствуютъ слезы и радость нежданная,
И солнечный лучъ сквозь туманъ,
И вѣчно живая надежда туманная,
И этой надежды обманъ.

Да здравствуетъ жажда безсмертно-живущая
Кипѣть, волноваться и жить!
Тебѣ моя пѣсня! Тебя, всемогущая,
Хочу я любить!

Л. Василевскій.

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Повѣсть въ письмахъ).

(*Окончаніе* *).

Чрезъ нѣсколько дней мы переѣхали на дачу.

Моя молодежь—Лиза, сестра Ильи, и нашъ студентикъ—переѣхали вмѣстѣ со мной и съ ними мнѣ было точно легче.

Они оба такіе молодые, такъ нетронуты еще жизнью и жизнь эта кажется имъ еще такой радостной, такой прекрасной... такой же, какой казалась когда-то и мнѣ самой.

Лизѣ еще только 17 лѣтъ, но на видъ ей можно дать всѣ 20, такая она рослая, крупная, съ пышной грудью, яркимъ румянцемъ и длинною, густою, руссою косой—настоящая русская красавица. И глаза у нея такіе славные, свѣтлые, большіе, веселые и никакой мысли въ нихъ еще не чувствуется. Просто глядятъ они на міръ Божій и радуются. Радуются всему, что видятъ, все имъ еще ново и интересно. Когда ей что нибудь кажется особенно забавно, она начинаетъ смѣяться такимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ, что, глядя на нее, поневолѣ дѣлается веселѣе на душѣ и жизнь начинаетъ казаться отраднѣе.

Я очень люблю мою Лизу; она, сама того не подозрѣвая, точно спрыснула меня живой водой, о которой поется въ старыхъ сказкахъ.

Студентикъ тоже попался премилый и тоже такой еще юный, что почти не научился еще ходить, какъ ходятъ взрослые люди, а все еще предпочитаетъ бѣгать въ прискочку, какъ бѣгаютъ 12-лѣтніе мальчики. Онъ не можетъ видѣть равнодушно ни одной канавы, чрезъ которыя его ноги, какъ то уже сами собой, непремѣнно перепрыгиваютъ. Но тѣмъ не менѣе онъ уже изъ «почитывающихъ и размышляющихъ», какъ онъ самъ о себѣ выражается и съ такимъ же азартомъ кричитъ и споритъ о Боклѣ и Миллѣ, съ какимъ по вечерамъ играетъ съ Лизой и дѣтьми въ пятнашки.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1903 г.

Конечно, вся эта компанія быстро сдружилась; они съ Лизой еще такъ молоды, что дѣти не только не мѣшаютъ имъ, но скорѣй даже дополняютъ ихъ самихъ.

Разумѣется и то, что студентикъ немедленно же влюбился въ Лизу, а она слегка въ него; но Лиза простая институтка, и въ своей наивности еще не дошла до прелести пониманія Бокля и Дарвина и рѣшенія міровыхъ вопросовъ, а потому нашъ студентикъ «считаетъ своей нравственной обязанностью» не столько ухаживать за ней, сколько развивать ее, но и ухаживаніе, и развиваніе идутъ плохо, потому что въ душѣ каждому изъ нихъ нравится еще гораздо больше бѣгать взапуски чрезъ канавы и задавать невообразимые концерты, передразнивая всѣхъ деревенскихъ кошекъ и собакъ, чѣмъ «мыслить и любить».

Съ этой маленькой компаніей, которая уже однимъ своимъ присутствіемъ вноситъ столько шуму и оживленія въ мою тихую, однообразную жизнь, стало легче на душѣ и у меня.

Я старалась ни о чемъ не думать, про все забыть, ничего не вспоминать, а просто глядѣть только на мою молодежь и хоть сколько-нибудь заражаться ея жизнерадостностью.

Въ томъ шумѣ, который они создавали вокругъ меня своимъ бѣганьемъ, крикомъ, споромъ, смѣхомъ и звонкими пѣснями, до которыхъ оба они, обладая очень недурными голосами, были страстными охотниками, это удавалось довольно легко, и все то первое время я жила какой-то чисто внѣшнею жизнью, такъ сказать «поверхностью души», не заглядывая и не прислушиваясь къ глубинѣ ея—куда заглядывать было и больно, и жутко.

Усадьба намъ попалась тоже чудесная. Немножко ветхая и запущенная, но зато надъ самой Волгой и съ огромнымъ старымъ садомъ, спускающимся по крутому обрыву прямо къ рѣкѣ.

Этотъ домъ, старинной постройки съ зелеными ставнями и бѣлыми колоннами, уже полусгнившими и покосившимися теперь, этотъ заросшій садъ напоминали мнѣ мою милую Ольховку, а когда пріѣхалъ къ намъ еще и Сережа, прогостившій у насъ мимоѣздомъ въ Сибирь больше мѣсяца, — иллюзія Ольховки стала еще полнѣе.

Часто бывало садились мы съ нимъ по вечерамъ на крылечкѣ или уходили къ обрыву надъ рѣкой и просиживали тамъ цѣлыми часами, смотря на затихавшую Волгу съ ея задумчивыми въ вечерній часъ берегами, съ которыхъ вѣяло такою тишиной, такимъ просторомъ, терявшимся гдѣ-то далеко, далеко за сливавшимся съ нимъ горизонтомъ; и охваченной, бывало, этимъ мирнымъ покоемъ, мнѣ невольно начинало казаться, что я не въ чужомъ городѣ, къ которому все не могла привыкнуть, а опять въ своихъ родныхъ милыхъ мѣстахъ... Такъ же задумчиво сгущались въ саду

сумерки, такъ же пышно цвѣли яблони, такъ же пѣли въ кустахъ сирени соловьи, такъ же сидѣлъ опять подлѣ меня мой Сережа и только въ душѣ моей была какая-то странная пустота и свобода... точна она никому не принадлежала, точно никого никогда не любила и только смутно ждала теперь чего-то...

И вотъ разъ, когда мы съ нимъ такъ сидѣли, надъ этимъ обрывомъ, вдали на дорожкѣ, ведшей къ намъ, показался N.

Онъ шелъ прямо къ намъ и первый его увидалъ Сережа.

— Смотри, Катюша,—сказалъ онъ мнѣ,—кто-то идетъ сюда, кто это?

Я обернулась, узнала N и опять, какъ тогда и на пароходѣ, вспыхнула вдругъ совсѣмъ безпричинно и неожиданно для себя самой.

— Это,—сказала я, чувствуя сама что-то смущенное въ своемъ голосѣ,—это N, товарищъ мужа по университету.

Мнѣ показалось, что Сережа какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на меня при этомъ, и, вообразивъ это, я покраснѣла еще больше, досадуя на себя и на этого, въ сущности, чужого мнѣ человѣка, о существованіи котораго я совсѣмъ забывала, не видя его, но присутствіе котораго каждый разъ заставляло меня какъ-то странно волноваться и смущаться.

Но размышлять объ этомъ было уже поздно. N былъ уже совсѣмъ недалеко отъ насъ. Мы поднялись и пошли къ нему на встрѣчу.

— Мнѣ сказали,—заговорилъ N, подойдя къ намъ,—что вы въ саду у обрыва; я пошелъ наугадъ и вотъ нашелъ васъ.

— Да,—сказала я, для того только, чтобы что нибудь сказать и скрыть свое глупое смущеніе,—это наше любимое мѣсто.

И я познакомила ихъ съ Сережей. Они молча, безъ большой готовности протянули другъ другу руки и довольно пытливо осмотрѣли при этомъ одинъ другого.

Потомъ мы повернули всѣ вмѣстѣ къ дому, и я придумывала, чѣмъ бы мнѣ, разъ что онъ уже пріѣхалъ, занять этого, почти незнакомаго и, къ тому же, судя по его репутаціи, такого труднаго еще человѣка, и рѣшительно не знала, что намъ съ нимъ дѣлать и о чемъ говорить.

Но онъ шелъ рядомъ съ нами такъ просто и говорилъ такъ спокойно, точно привыкъ бывать у насъ каждый день, и мало-помалу успокоилась и я сама.

Въ домѣ насъ встрѣтила молодежъ и старшія дѣти, сначала тоже слегка примолкнувшія при чужомъ.

Борисъ, видимо уже успѣлъ разсказать Лизѣ о своемъ молодомъ профессорѣ, и она исподтишка, но съ большимъ любопытствомъ разсматривала его.

Сначала всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, и разговоръ не клеился, какъ это бываетъ почти всегда, когда въ маленькую, тѣсно сплотившуюся между собой компанію, неожиданно является новое, постороннее лицо. Къ тому же N вообще слылъ за человѣка мало привѣтливаго и неразговорчиваго. Говорили, что онъ одушевляется только на каѳедрѣ, на которой весь преображается, и читаетъ, особенно, когда бываетъ въ ударѣ, такъ сильно и интересно, что вся аудиторія заслушивается его, и студенты, въ обыкновенное время скорѣй побаившіеся, чѣмъ любившіе его, благодаря его холодному, сдержанному виду, такъ охотно ходятъ на его лекціи, что онѣ всегда бываютъ переполнены.

Зато въ обществѣ, сколько мнѣ ни приходилось встрѣчать его, онъ всегда говорилъ мало, больше односложно и въ рѣчи его чувствовалась та неопредѣленность и неохота, съ которой говорятъ вообще люди, не любящіе не только высказываться, но даже просто говорить.

На этотъ разъ, онъ, однако, разговаривалъ, если не много, то все-таки довольно охотно, и дѣти были первыя, которыя перестали дичиться его и забыли объ его присутствіи; за ними разговорились Борисъ, нашъ студентикъ, и Лиза, а черезъ часъ мы всѣ уже бесѣдовали такъ весело и непринужденно, точно, дѣйствительно, были старые знакомые, и я уже удивлялась, почему онъ мнѣ раньше казался такимъ суровымъ и труднымъ, что несмотря на всю ту симпатію, которую чувствовала къ нему въ душѣ, я почти испугалась, когда онъ пріѣхалъ.

Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ если не изъ тѣхъ, которые умѣютъ занимать, то изъ тѣхъ, которыхъ не надо занимать; къ тому же у насъ всѣхъ оказался съ нимъ одинъ общій, невольно сближающій всегда стимулъ: музыка.

Онъ былъ страстный музыкантъ и все свободное свое время посвящалъ музыкѣ.

Это разомъ сблизило его съ Лизой, у которой былъ прекрасный, свѣжій, хотя и мало еще обработанный голосъ, и она страстно любила пѣть.

Подъ конецъ, когда онъ самъ предложилъ ей аккомпанировать, она уже такъ расхрабрилась, что охотно обѣщалась ему пѣть въ слѣдующій разъ, а онъ обѣщалъ привезти ей изъ города новыя ноты.

Вечеръ прошелъ совсѣмъ незамѣтно и когда онъ собрался уѣзжать, мы всѣ удивились, какъ быстро прошло время, и пожалѣли, что онъ уже ѣдетъ. Я даже предложила ему остаться ночевать, но онъ пріѣхалъ верхомъ и не могъ остаться.

— Лучше я скорѣй сберусь къ вамъ вторично, если позволите,—сказалъ онъ намъ на прощанье.

Конечно, я поспѣшила сказать ему, что мы всѣ будемъ этому очень рады, и онъ уѣхалъ.

Но и послѣ него мы разошлись еще не скоро.

Онъ точно взбудоражилъ насъ всѣхъ и выбилъ изъ обычной колеи. Почему-то онъ всѣхъ заинтересовалъ и по его отъѣздѣ всѣ стали разспрашивать о немъ Бориса, который, впрочемъ, и самъ почти ничего не зналъ и такъ плохо удовлетворялъ наше расходившееся любопытство, что Лиза даже разсердилась и объявила, что не стоитъ его слушать, потому что онъ самъ толкомъ ничего не знаетъ и только фантазируетъ.

Тогда Борисъ разсмѣялся и сказалъ:

— Да вотъ подите-ка, разберите его сами, коли вы такая любопытная, а у насъ еще никто его не раскусилъ.

— Почему же?—спросила я.

— Да Богъ его знаетъ почему,—сказалъ Борисъ, пожимая плечами,—загадка онъ какая-то ходячая. Ужъ больно изъ своей скорлупки выходить не любитъ.

— Эти загадки,— сказалъ вдругъ молчавшій все больше Сережа какимъ-то непріязненнымъ тономъ,—часто бываютъ похожи на пустой орѣхъ: грызешь, грызешь, никакъ кажется не разгрызть, а разгрызъ, наконецъ, и оказывается, что внутри одна пустота, ничего нѣтъ!

Лиза обидѣлась за N и разсердилась на Сережу за такой отзывъ о немъ. Меня эти слова тоже немного покоробили и я съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Мнѣ еще съ первой же минуты почудилось въ Сережѣ какое-то предубѣжденіе противъ N, и онъ одинъ былъ весь этотъ вечеръ неразговорчивъ и даже точно не въ духѣ.

Меня это удивило и огорчило; обыкновенно Сережа отличался необыкновенной мягкостью и деликатностью ко всѣмъ людямъ и склоненъ былъ приписывать имъ скорѣе лучшія качества, чѣмъ худшія, и вдругъ теперь такъ, безъ всякой причины относится видимо враждебно и несправедливо къ человѣку, котораго даже не зналъ.

— Не знаю,—сказала я ему тоже немного сухо,—чѣмъ N заслужилъ такое странное сравненіе!

И мы разошлись, слегка какъ будто недовольные другъ другомъ.

Но я долго еще не могла заснуть. Ночь была душная и беззвѣздная; въ воздухѣ чувствовалась гроза, которую я всегда предчувствую заранѣе, на небѣ изрѣдка вспыхивали отдаленныя молніи, а гдѣ-то вдали грохоталъ глухо громъ. Я лежала съ открытыми глазами, машинально прислушиваясь къ нему, и опять жизнь рядами картинъ стала проходить предо мною, какъ въ тотъ

вечеръ, когда я вернулась домой одна, проводивъ мужа. Но теперь онѣ, эти картины былого, уже не волновали и не трогали меня почему-то, какъ тогда. Онѣ точно уже отошли отъ меня еще дальше и я смотрѣла на нихъ, когда память воскресала ихъ предо мною, спокойно, почти какъ посторонній зритель.

Точно все это было не со мною, а съ кѣмъ-то другимъ, про кого я только все знала.

— Да, говорила я себѣ, вотъ это все было, все это я уже знаю и оно уже пережито и ушло, а что же будетъ теперь и потомъ дальше еще?

И сознаніе того невѣдомаго, что поджидало меня гдѣ-то впереди, охватывало какимъ-то жуткимъ, тревожнымъ ожиданіемъ, хотѣлось отгадать, хотѣлось заглянуть въ эту неизвѣстность, и точно страшно было, и я говорила себѣ: «не надо, не надо», и не хотѣла прислушиваться къ тому инстинкту, который точно что-то подсказывалъ мнѣ!

На другой день, едва мы всѣ собрались, разговоръ опять перешелъ сейчасъ же на N. Снова поднялись споры, догадки и разсужденія о немъ, которые заводили Борисъ и Лиза, а я слушала ихъ съ какимъ-то страннымъ удовольствіомъ и... и нарочно старалась наводить ихъ на эту тему.

Такъ прошла недѣля, и въ эту недѣлю я уже не забыла о существованіи N, какъ забывала раньше.

Мысль моя сама собой, помимо моей воли возвращалась къ нему. Я ловила на томъ себя и мнѣ было и досадно, и пріятно думать о немъ и въ то же время какъ-то точно слегка совѣстно предъ самой собою, а главное предъ Сережей, съ которымъ я не говорила объ N ни одного слова; но онъ вѣрно самъ угадывалъ всѣ мои мысли и смущалъ меня своими пытливыми и грустными взглядами, которые я все чаще и чаще чувствовала на себѣ.

Чрезъ недѣлю N пріѣхалъ и хотя я была почти увѣрена, что онъ пріѣдетъ опять, если ужъ пріѣзжалъ разъ, но когда онъ вошелъ, я вспыхнула еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и сердце забилось такъ сильно и радостно при видѣ его, что я даже не смогла скрыть своего удовольствія.

Всѣ встрѣтили его радостными восклицаніями, а Лиза покраснѣла еще сильнѣе меня; но не странно ли, какъ только намъ женщинамъ начинаетъ кто-нибудь серьезно нравиться, мы сейчасъ же превращаемся въ какихъ-то дѣвочекъ и начинаемъ вспыхивать и смущаться и въ 34 года такъ же легко, какъ и въ 17 лѣтъ.

Я старалась притворяться спокойной и равнодушной, но чувствовала сама, какъ нервное оживленіе, охватившее меня при входѣ его, невольно прорывается въ каждомъ движеніи, и въ звукахъ голоса и въ горячемъ румянцѣ, которымъ вдругъ разго

рѣлось мое лицо, и въ той предательской радостной улыбкѣ, которую я никакъ не могла согнать съ своего лица, а глаза мои вѣрно такъ блестѣли, что сидѣвшій рядомъ со мною Воликъ вдругъ выдалъ меня еще больше.

— Ахъ, мама,—сказалъ онъ съ тою наивною откровенностью, которою дѣти такъ часто ставятъ насъ въ ужасное положеніе,—какіе у тебя сегодня глаза блестящіе, точно хрустальные!

Всѣ засмѣялись и поневолѣ обратили вниманіе на мои несчастные предательскіе глаза, которыми я до сихъ поръ не научилась владѣть какъ слѣдуетъ, начали и поддразнивать меня, и шутить на мой счетъ, чѣмъ еще больше приводили меня въ смущеніе.

Но и самъ N тоже казался не такимъ, какъ всегда; судя по прежнимъ нашимъ встрѣчамъ я даже не думала, что онъ можетъ быть такимъ милымъ и оживленнымъ; онъ такъ весело шутилъ съ Борисомъ и Лизой, такъ искренно смѣялся съ ними и съ дѣтьми, что даже обычное выраженіе его лица совсѣмъ измѣнилось, и я рѣшительно не узнавала его.

Со мною онъ почти не говорилъ, но какъ-то такъ выходило, что всѣ его рѣчи, такъ или иначе, касались непремѣнно меня, точно я была единственной темой, и когда онъ на минуту останавливалъ на мнѣ глаза свои, они свѣтились такой нѣжностью и лаской, что мнѣ вдругъ дѣлалось такъ радостно и весело на душѣ, какъ это бывало только въ ранней молодости!

Въ тотъ день онъ пріѣхалъ рано и до обѣда мы всѣ пошли гулять.

Но вотъ тоже странная черта, которую я подмѣтила въ себѣ въ то время: ты вѣдь знаешь, какъ я люблю моихъ дѣтей; но каждый разъ при N мнѣ было непріятно видѣть ихъ подлѣ себя и я инстинктивно искала предлога удалить ихъ, конечно, кромѣ Волика, который уже почти всегда тамъ, гдѣ я.

И вотъ мы вышли тогда всей нашей маленькой компаніей въ садъ пройтись немного передъ обѣдомъ.

Былъ яркій солнечный день, но утромъ предъ тѣмъ прошелъ проливной дождь и на дорожкахъ сада мѣстами, еще оставались дождевыя лужи, въ которыхъ весело играло солнце и отражалось голубое небо. Это былъ Духовъ день, мы съ Лизой обѣ были въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, и въ этихъ свѣтлыхъ платьяхъ, въ этихъ блестѣвшихъ подъ солнцемъ яркихъ лужахъ, и даже въ самыхъ непросохшихъ еще послѣ дождя, дорожкахъ сада, на пескѣ которыхъ отчетливо вдавливались наши слѣды, было что-то молодое, радостное и точно обновленное.

Лиза съ Борисомъ дурачились и, наклоняя вѣтки деревьевъ, со смѣхомъ обдавали другъ друга дождевыми каплями, и мнѣ смотря на все это тоже хотѣлось дурачиться и шалить вмѣстѣ съ ними;

хотѣлось пѣть, смѣяться, говорить стихи и я сама себѣ казалась молодой дѣвушкой, въ свѣтломъ платьѣ, лѣтнимъ днемъ, и когда мой Воликъ подбѣгалъ ко мнѣ и кричалъ «мама, мама», мнѣ было странно, что онъ зоветъ меня матерью и что я, дѣйствительно, его мать; мнѣ казалось, что жизнь только еще начинается...

N шелъ рядомъ со мной; порой мы отставали немного отъ другихъ и что-то говорили другъ другу; но я почти не помню теперь, о чемъ мы говорили тогда; важны были не слова, которыми мы ничего не могли сказать, важенъ былъ только самый звукъ голоса, такой нѣжный и точно вливавшійся въ сердце; важны были только тѣ взгляды, которые мы порой невольно останавливали другъ на другѣ, невольно задерживая ихъ на мигъ, точно жалѣя отвести... О, эти первые взгляды едва зарождающейся любви! любви, которой почти еще не вѣришь, которой почти не сознаешь въ себѣ еще ясно... Что можетъ быть для насъ женщинъ прекраснѣе ихъ и не въ нихъ ли вся поэзія нашей женской жизни!..

Я помню, какъ сорвала вѣтку бѣлой сирени, тоже еще влажную отъ дождя, и, играя ею, нечаянно уронила ее на землю.

N поднялъ ее и когда я машинально протянула за ней руку, онъ слегка отклонился отъ меня, и не отдавъ мнѣ ее, продолжалъ самъ играть ею точно такъ же, какъ играла ею я, и даже такъ же прикусывалъ губами ея бѣлые цвѣты, какъ только-что передъ тѣмъ дѣлала я.

Инстинктъ, все тотъ же инстинктъ, который подсказывалъ мнѣ почему онъ пріѣзжаетъ, почему такъ хмуръ Сережа, подсказалъ мнѣ и то, почему онъ не отдалъ мою вѣтку; но мнѣ хотѣлось яснѣе сознать это, сильнѣе почувствовать въ душѣ его то, что вдругъ такимъ ликующимъ свѣтомъ залило мою, и я опять протянула руку за этой вѣткой, которая точно сближала насъ, и сказала:

— Отдайте мнѣ мою вѣтку.

Но онъ, улыбаясь, покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Нѣтъ...

Тогда все спавшее во мнѣ женское кокетство вдругъ словно проснулось, и я лукаво спросила его:

— Почему нѣтъ?—хотя уже отлично знала сама, «почему».

— Отгадайте,—сказалъ онъ тихо.

Мы остановились на минуту посреди дорожки и, стоя другъ противъ друга, смотрѣли одинъ на другого сіявшими помимо нашей воли глазами.

— Отгадайте...—повторилъ онъ настойчиво.

Но я уже давно отгадала. Отгадала по его глазамъ, съ такою радостною нѣжностью смотрѣвшими на меня; по его голосу, совсѣмъ особенному со мной, чѣмъ со всѣми другими; отгадала въ томъ собственномъ влеченіи, которымъ такъ неудержимо влекло

меня къ нему... отгадала... но все это было еще такъ ново и странно, такъ непривычно или, вѣрнѣе, такъ забыто уже, что мнѣ было и жутко, и сладко, и радостно, и какъ-то неловко, и я, въ свою очередь, отрицательно покачала головой и отвела отъ него глаза, боясь, что онъ прочтетъ въ нихъ то, что я прочла уже въ его.

— Вы не хотите отгадать?..—спросилъ онъ тихо.

Но въ эту минуту меня окликнула Лиза, ушедшая впередъ съ другими, и, вмѣсто отвѣта ему, я откликнулась ей, но такъ радостно и звонко, точно мнѣ, дѣйствительно, было всего еще 17 лѣтъ и я впервые услыхала слова любви!..

И вотъ какъ краситъ и молодитъ насъ, женщинъ, любовь! Я чувствовала, что иду ей навстрѣчу, и вся молодѣла душой отъ одного ожиданія этой любви.

Я видѣла, что онъ любуется мной, что онъ смотритъ на меня полувлюбленными глазами, и хорошѣла подъ этими взглядами, смутно сознавая это сама, а Лиза вдругъ почувствовала ко мнѣ какое-то институтское обожаніе и, цѣлуя меня каждую минуту, удивленно разсматривала меня своими большими глазами, наивно спрашивала: «отчего я стала такая прелестная и совсѣмъ, совсѣмъ особенная!»

Даже сама я, когда подошла потомъ къ зеркалу и увидѣла въ немъ свою отразившуюся фигуру, казавшуюся тонкой и стройной въ этомъ свѣтломъ, дѣвическомъ платьѣ, свое лицо, горѣвше яркимъ румянцемъ, свои глаза, блестѣвшіе опять, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, я не узнала самое себя, и мнѣ казалось, что какое-то чудо сбросило съ моихъ плечъ эти послѣднія десять лѣтъ. Десять лѣтъ разочарованій, горя, болѣзней, и вновь превратило въ молодую, довѣрчивую дѣвушку, съ свободной и радостной душой.

Его глаза слѣдили за мной, куда бы я ни шла, куда бы ни смотрѣла, и мы невольно улыбались другъ другу, встрѣчаясь взглядами, и не могли не встрѣчаться ими, потому что какая-то власть, болѣе сильная чѣмъ мы, влекла насъ къ тому, и въ однихъ уже этихъ встрѣчающихся поминутно взглядахъ была такая прекрасная, обновленная жизнь, такое захватывающее счастье, отъ котораго невольно кружилась голова и почти утрачивалась власть надъ собой...

И вотъ, даже теперь, когда все это уже разсѣялось, какъ дымъ, и ушло безслѣдно, когда мы вновь такъ близки съ мужемъ, и я уже давно и вполнѣ успокоилась и опять цѣлыми недѣлями не вспоминаю о существованіи N, я все таки ни въ чемъ не раскаиваюсь, и одно воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, такихъ прекрасныхъ и необычныхъ, на которыхъ точно сосредоточилась вся поэзія моихъ послѣднихъ лѣтъ, вызываетъ въ душѣ моей какое-то сладкое и совсѣмъ особенное волненіе.

Пусть я на мигъ измѣнила своей привязанности къ мужу, пусть увлеклась я, какъ дѣвочка въ мои 34 года, пусть я даже уронила себя тѣмъ въ глазахъ другихъ, но я все-таки не чувствую никакихъ угрызеній совѣсти и только благодарна судьбѣ, давшей мнѣ вновь пережить всѣ эти чудныя, волнующія ощущенія молодости, въ которыхъ, быть можетъ, таится лучшее или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильно ощущаемое счастье человѣческой жизни и его молодости,—увы, уже клонящейся къ закату, на который она точно бросила свои послѣдніе, яркіе лучи... и какъ сѣръ, какъ тусклъ и печаленъ былъ бы этотъ закатъ безъ тѣхъ лучей...

И, должно быть, въ тѣхъ дняхъ, промелькнувшихъ, «какъ мигъ волшебной сказки», было, дѣйствительно, что-то особенное, потому что они вліяли даже и на другихъ, которыхъ мы точно заражали своимъ настроеніемъ, по крайней мѣрѣ, Борисъ, раньше больше дурачившійся, чѣмъ серьезно ухаживавшій за Лизой, вдругъ тоже страстно влюбился въ нее, а сама Лиза стала пѣть такъ, какъ не пѣла еще никогда.

N аккомпанировалъ ей и въ его игрѣ была такая страсть и сила, такое глубокое пониманіе музыки, такая чарующая нѣжность и захватывающее страданіе, что онъ невольно увлекалъ своей игрой даже такую нетронутую еще жизнью душу,—какъ Лиза, и аккомпанируя ей, онъ точно велъ ее за собой, какъ зрячій ведетъ слѣпого, а она, вдохновляясь его силой, послушно шла за нимъ и преображалась вся сама.

Много разъ послѣ того она пѣла тѣ же вещи, которыя онъ самъ выбиралъ тогда для нея, пѣла все тѣмъ же своимъ свѣжимъ серебристымъ, молодымъ голосомъ, но... но это былъ уже совсѣмъ не то!

И часто, спокойно слушая ее потомъ и вспоминая, какъ пѣла она тогда,—я невольно спрашивала самое себя, что же это такое значитъ! Была ли просто моя собственная душа такъ воспріимчива въ тотъ вечеръ ко всякому впечатлѣнію и чувству, что, улавливая одинъ намекъ на нихъ, она уже съ утроенною силой отражала ихъ въ себѣ, или, дѣйствительно, въ самомъ N была какая-то особенная власть, которой онъ невольно дѣйствовалъ на другихъ, точно какимъ-то внушеніемъ, и даже простую, не искусившуюся Лизу, еще не знавшую ни любви, ни горя, ни страданія, съумѣлъ заставить на мигъ понять все это и даже передать съ такою силой, съ такимъ глубокимъ выраженіемъ въ звукахъ ея чистаго, какъ кристалъ, но обыкновенно совершенно холоднаго и не захватывающаго голоса.

Помню, какъ я тогда глядѣла на нее, слушала ее и, не узнавая, поражалась.

Она была блѣдна почти такъ же какъ самъ N, и когда онъ, точно

желая заставить ее лучше понять его мысль, взглядывалъ на нее,—она блѣднѣла еще сильнѣе и ея глаза, эти свѣтлые, безпечные глаза полуребенка, вдругъ вспыхивали и темнѣли; она вдругъ какъ бы созрѣвала на нашихъ глазахъ и такъ вѣрно угадывала его мысль, такъ сильно передавала ее, что казалось, это поетъ не она, наша беззаботная и равнодушная еще ко всему Лиза, а женщина, уже все испытавшая, уже изстрадавшаяся въ мукѣ и страсти любви, уже пережившая свои лучшіе чувства и мечты...

Когда она уставала, онъ игралъ одинъ, и его игра была еще прекраснѣе и сильнѣе ея пѣнія.

Мы слушали его, какъ завороженные, съ блѣдными, взволнованными лицами, и никто изъ насъ не рѣшался говорить, точно жаль было нарушить словами грубыхъ голосовъ очарованіе этихъ звуковъ, уносившихъ въ какой-то волшебный міръ.

Я сидѣла, какъ зачарованная, на своей качалкѣ, въ углу, невдалекѣ отъ рояля, и мнѣ казалось, что я не въ силахъ ни говорить, ни двигаться, ни думать даже... Я могла только слушать безъ конца эти чудные звуки, полные то страстной любви, то глубокой тоски, и они звали съ собой, эти звуки, они обѣщали какое-то невѣдомое, дивное счастье, и манили волшебный міръ любви, со всѣмъ ея страданіемъ, счастьемъ и мукой,—въ тотъ міръ, изъ котораго я ушла уже такъ давно, въ которомъ была такъ недолго и въ который никогда уже не думала больше вернуться...

И вотъ какая-то власть, чарующая и страшная, власть болѣе сильная чѣмъ я сама, снова влекла меня туда, завораживая и опьяняя страстными, томительными желаніями, дразня неясными и неопредѣленными, какъ эти звуки безъ словъ, мечтами, и когда онъ, отрываясь на мигъ отъ рояля, взглядывалъ на меня своими горящими глазами и я чувствовала на себѣ этотъ безмолвно все говорившій мнѣ взглядъ — я точно теряла сознаніе и послѣднюю власть надъ собой и въ какомъ-то сладкомъ полузабытьи сознавала только одно, что если бы онъ, подойдя сейчасъ ко мнѣ, сказалъ бы «пойдемъ за мной», я пошла бы покорно, безъ словъ, безъ сопротивленія, безъ мысли, съ однимъ только жуткимъ и сладкимъ наслажденіемъ—покориться ему, и пошла бы за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ меня, хоть на край свѣта, и ни мужъ, ни даже, кажется, самыя дѣти не остановили бы меня тогда...

Поздно разошлись мы въ тотъ вечеръ, былъ уже третій часъ, когда мы опомнились; никто изъ насъ не замѣтилъ какъ пролетѣло полъ ночи, и жаль было расходиться и обрывать этотъ вечеръ и эти звуки.

Сережа опомнился первый.

— N долженъ завтра уѣзжать рано утромъ, пора расходиться, Катя,—сказалъ онъ подходя ко мнѣ.

Но я все еще была, какъ во снѣ, и не сразу поняла, про что онъ говоритъ мнѣ. Я видѣла только, что и его лицо блѣдно, и взволнованно, а глаза точно заплаканы, и вспомнила, что онъ весь вечеръ просидѣлъ одинъ, въ отдаленномъ темномъ углу.

И эти словно заплаканные глаза поразили меня и укоромъ ударили въ сердцѣ.

— Сережа, милый, о чемъ ты... о чемъ ты плакалъ?—хотѣла я сказать ему, но не рѣшилась, угадавъ сама...

Онъ нахмурился и отвернулся, замѣтивъ, что я гляжу на него.

— Пора расходиться, поздно уже,—повторилъ онъ и еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы знали другъ друга, въ его словахъ, обращенныхъ ко мнѣ, прозвучало что то рѣзкое и суровое. Онъ сейчасъ же отошелъ отъ меня къ Лизѣ и Борису, вѣроятно для того, чтобы и имъ сказать то же самое.

А мнѣ... мнѣ вдругъ стало стыдно. Стыдно его, стыдно собственнаго настроенія. Очарованіе разомъ слетѣло. Я поспѣшно стала прощаться, и когда очередь дошла до N и моя рука очутилась въ его небольшой, горячей рукѣ, я, не отвѣчая на его пожатіе, въ которомъ чувствовала особенную нѣжность, нарочно не подняла на него глазъ, чтобы не встрѣтиться съ его глазами, этими странными глазами, подъ вліяніемъ которыхъ я точно утрачивала надъ собой всякую власть. Но и не поднимая ихъ, я все-таки почувствовала въ его лицѣ удивленіе, тревогу и точно грусть, и рука его, сначала какъ бы желавшая дольше задержать мою руку въ своей, холодно разжалась и безъ словъ и тоже почти безъ пожатія, выпустила ее...

Я прошла къ себѣ въ комнату и машинально остановилась посреди нея.

— Зачѣмъ, зачѣмъ я это сдѣлала! Зачѣмъ обидѣла его вдругъ, за что! что онъ сдѣлалъ, что давало бы мнѣ право на то!— говорила я себѣ уже съ раскаяніемъ и съ такой мучительной жалостью за N, что готова была броситься назадъ и чуть не просить у него прощенія.

Но ко мнѣ вошла Лиза.

Она все еще была блѣдна и вздрагивала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ахъ, тетя,—сказала она шопотомъ—что же это такое? Какъ онъ играетъ!

И она взяла мою руку своими холодными, какъ ледъ, пальчиками и до боли стиснула ее.

Я поцѣловала ее и перекрестила на ночь.

— Иди, дѣточка, ложись, — сказала я ей,—тебѣ тоже надо отдохнуть, видишь, какъ ты устала.

— Нѣтъ, ничего, сказала Лиза, какъ во снѣ—я рада, что устала...

И она вышла отъ меня, слегка шатаясь.

На востокѣ узкой, розовой полоской уже брезжилъ разсвѣтъ, и снизу отъ рѣки, въ раскрытое окно тянуло предутреннимъ холодкомъ; но мѣсяцъ еще стоялъ высоко на небѣ, и въ темныхъ аллеяхъ сада была еще ночь.

Я вспомнила, что не заходила, какъ всегда, на ночь къ дѣтямъ, и грустное, точно молча укоряющее меня лицо Сережи опять встало предъ мной; опять почувствовала я себя виноватой и тихонько, съ какимъ-то неловкимъ чувствомъ прошла въ дѣтскую.

Они спали, мои крошки, эти маленькія существа, въ которыхъ еще такъ недавно сосредоточивалось для меня все счастье, весь смыслъ жизни и которыхъ сегодня... я чуть не забыла даже перекрестить!

Я подошла къ кроваткѣ каждаго изъ нихъ, оправила ихъ одѣяльца и подушки, перекрестила, какъ всегда... но въ первый еще разъ за всю мою жизнь я дѣлала это разсѣянно, и губы только машинально читали обычную молитву... Въ душѣ же не было ея... Въ душѣ стояло блѣдное, страстное лицо N, съ его горячимъ, точно преслѣдовавшимъ меня взглядомъ, и молитва замирала на губахъ, и я сама себѣ казалась недостойной ея ..

Съ тоской и точно съ ощущеніемъ какой-то кары надъ собой вернулась я къ себѣ.

— Боже мой, что же это! что? спрашивала я самое себя? Неужели любовь? Любовь опять, въ мои годы, вмѣстѣ съ 18-лѣтней Лизой! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть! говорила я себѣ; но въ душѣ чувствовала, что можетъ, можетъ; что это уже есть, есть, и сознаніе ее, вмѣсто того, чтобы возмущать меня, какъ я ждала и хотѣла того сама, только охватывало меня какой-то ликующей радостью.

— Любовь, любовь опять, какъ тогда!—говорила я почти съ восторгомъ и закрывала глаза, чтобы лучше видѣть предъ собой лицо N, это странное, но уже милое мнѣ лицо, такое суровое и печальное и такое нѣжное въ то же время, и одно воспоминаніе о немъ наполняло меня уже какимъ-то сладкимъ трепетомъ.

— Боже мой, но что со мной! А мужъ! подсказывала я себѣ; но сейчасъ же кто-то другой, точно поселившійся во мнѣ и уже властно распоряжавшійся мной отвѣчалъ, оправдывая меня въ собственныхъ глазахъ: Что же мужъ, онъ теперь у своей Юліи Павловны...

И одна эта фраза успокаивала меня, словно сводя съ нимъ всѣ счеты и давая свободу и мнѣ самой.

— Но тебѣ 35-й годъ, у тебя трое дѣтей, и *онъ* женатъ; зачѣмъ тебѣ эта любовь, теперь, когда не осталось почти уже и самой молодости!

Но опять кто-то другой во мнѣ поспѣшно успокаивалъ меня. «Такъ что же, что 35-й годъ, что же что дѣти!»

И какъ ни безсмысленъ былъ этотъ аргументъ, ничего, въ сущности, не доказавшій и не оправдывавшій, но въ немъ таилась какая-то сила успокоенія, и онъ точно все самъ собой разрушалъ и упрощалъ...

Я говорила себѣ «такъ что же?» и тотчасъ же успокоивалась, и все начинало казаться мнѣ простымъ и возможнымъ.

Я какъ бы добровольно не хотѣла выходить изъ своего очарованія, а всѣ смутно поднимавшіеся еще во мнѣ укоры совѣсти отгоняла отъ себя, какъ докучныя, непріятныя мысли, только мѣшавшія мнѣ думать объ N.

— Но вѣдь это позоръ или несчастье, это постыдно или ужасно!..—говорила я себѣ

Но сколько я ни повторяла себѣ «позоръ, постыдно», какъ ни пугала себя несчастьемъ и ужасомъ этой любви, желаніе ея и очарованія ея не уменьшались отъ того; я желала ее съ какой-то болѣзненной страстью, съ какимъ-то бредомъ полусознанія, желала вопреки всему, и одна мысль, что *онъ* можетъ любить меня,— *меня*, какъ я есть, съ моими послѣдними молодыми годами, съ моими тремя дѣтьми, казалась мнѣ такой прекрасной, охватывала меня такимъ сладкимъ, совсѣмъ еще новымъ восторгомъ, что всѣ несчастья и даже самый позоръ блѣднѣли предъ ней, и я говорила себѣ почти безсознательно: «а все равно, все равно, пусть несчастіе, пусть позоръ, только пусть любитъ!»

И этотъ отвѣтъ, такой грубый и неожиданный для меня самой, поражалъ и возмущалъ меня и я почти не вѣрила себѣ, не вѣрила, что такъ думать могу я, и все-таки же это была я и такъ думала я!

Но вдругъ я вспомнила, что рано утромъ онъ уѣзжаетъ и неизвѣстно, пріѣдетъ ли еще, потому что ему пора было уже уѣзжать за границу, гдѣ ждали его жена и дочь. Тогда мысль, что онъ уѣдетъ и все кончится само собой, кончится, едва начавшись, и я даже не увижу его опять долгіе мѣсяцы, сжала меня такой тоской и болью, что я застонала, какъ отъ дѣйствительной боли, и быстро вскочила съ постели, на которой не сомкнула глазъ всю ночь.

— Нѣтъ,—сказала я себѣ,—нѣтъ, я должна его видѣть, хоть одинъ еще разъ, хоть только проститься съ нимъ!

Былъ уже 6-й часъ, а онъ уѣзжалъ въ 7! Я поспѣшно поднялась и стала одѣваться. Но какъ ни боялась я опоздать и пропустить его отъѣздъ, а инстинктъ все-таки заставилъ меня одѣваться дольше, чѣмъ всегда. Все послѣднее время, такое грустное и тяжелое для меня, гдѣ горе и разочарованіе смѣнялись только

болѣзнями моими и дѣтей, я почти перестала заботиться о себѣ и своей внѣшности. Я подходила къ зеркалу одинъ разъ въ день, по утрамъ, когда одѣвалась, и то почти машинально, больше для того, чтобы не криво пробрать проборъ и правильно застегнуть лифъ, и мнѣ было все равно, какъ я выгляжу. Я замѣчала, что кожа моя желтѣетъ, а въ волосахъ, такихъ густыхъ и мягкихъ прежде, засеребрились уже кое-гдѣ бѣлыя нити; но жизнь давала столько другого горя и заботъ, что это не казалась важнымъ, и я почти не думала о томъ, что стала старѣть а когда думала, то даже не огорчалась тѣмъ!

Мнѣ казалось, что личная жизнь уже такъ давно кончилась и что смыслъ и радость ея оставались теперь только въ дѣтяхъ, а они любили меня съ сѣдѣющими волосами такъ же, какъ и молодую, и красивую, и, быть можетъ, еще больше, потому что я сама жила уже больше для нихъ, чѣмъ для себя. Но теперь я опять страстно желала вернуть и молодость, и красоту; и хотя настоящей красоты, быть можетъ, не было никогда, но я знала, что прежде было что-то другое, что замѣняло ее и привлекало ко мнѣ, и вотъ я снова тревожно вглядывалась въ себя, ища это «что-то», что влекло ко мнѣ прежде, и боясь, что оно уже исчезло въ годахъ, болѣзняхъ, дѣтяхъ и пережитомъ горѣ.

Но, должно быть, человѣкъ такъ привыкаетъ къ своему лицу, что почти не замѣчаетъ того, какъ оно мѣняется, или жизнь, дѣйствительно, старитъ душевно скорѣй и больше, чѣмъ тѣлесно... А можетъ, лицо мое, точно опять расцвѣтшее и помолодѣвшее, красили та радость, тотъ свѣтъ, что снова вспыхнули въ душѣ моей!

Я надѣла свой бѣлый капотъ, надъ которымъ когда-то трудились еще бабушкины крѣпостныя, и который, я знала, больше всего идетъ ко мнѣ, и сошла внизъ. Въ залѣ никого не было. Всѣ еще спали, но N уже всталъ и ушелъ пройтись по саду, пока гребцы готовили лодку.

Утро было чудное; все точно обмытое и освѣженное за ночь дождемъ, и солнце милліонами блестящихъ капель играло на каждомъ листѣ и яркими пятнами трепетало сквозь листву деревьевъ на песчаныхъ дорожкахъ сада.

Я взяла зонтикъ и пошла наугадъ по большой аллеѣ.

Я шла, колеблясь и говоря себѣ, что это неловко, что этого не слѣдуетъ дѣлать, но какая-то сила толкала меня впередъ, и я продолжала идти, хоть и говорила себѣ все это.

На поворотѣ я увидала N.

Оно шелъ, задумчиво склонивъ голову, и не замѣтилъ меня сразу, но когда я окликнула его, и вздрогнувъ, онъ поднялъ голову

и увидѣлъ меня, лицо его, за минуту еще пасмурное и холодное, вдругъ оживилось и разомъ повеселѣло.

— Вы?--сказалъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.—И такъ рано!

Онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ ее, задержавъ на мигъ у губъ своихъ.

Это былъ еще первый поцѣлуй руки и въ немъ было что-то такое нѣжное и еще болѣе сближавшее насъ, что сердце у меня радостно забилось, и я опять вся вспыхнула, какъ и вчера, когда онъ взялъ мою вѣтку.

— Зачѣмъ вы такъ рано встали?—спросилъ онъ съ ласковымъ укоромъ, не сразу выпуская мою руку изъ своей.

— Отгадайте...—сказала я полушутя и тѣмъ же тономъ, какимъ онъ самъ сказалъ мнѣ это вчера, когда я спросила его, зачѣмъ ему моя сирень.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, но ничего не отвѣтилъ, и мы оба машинально повернули назадъ и пошли рядомъ.

— А если... если я отгадаю?—сказалъ онъ чрезъ минуту тихо и точно нерѣшительно.

Но я уже испугалась намека, который сдѣлала, испугалась собственнаго кокетства и того, что онъ, дѣйствительно, догадался обо всемъ и сразу измѣнила тонъ.

— Это не трудно,—сказала я нарочно холодно и даже слегка насмѣшливо,—это мой долгъ хозяйки.

N быстро искоса взглянулъ на меня, по лицу его скользнула тѣнь разочарованія, и оно опять приняло свое обычное холодное и сдержанное выраженіе, по которому ничего нельзя было ни прочесть, ни догадаться.

— Ахъ да, я забылъ о рускомъ гостепріимствѣ,—сказалъ онъ тоже полунасмѣшливо,—но я такъ долго жилъ за границей, что совсѣмъ отвыкъ отъ него.

Мы оба замолчали и продолжали идти уже молча, и мнѣ стало страшно жаль, зачѣмъ какимъ-то рѣзкимъ и ненужнымъ диссонансомъ, я опять добровольно нарушила то прекрасное настроеніе какого то очарованія, которое только что было въ насъ обоихъ... Мнѣ стало жаль его и страшно, что я сама испортила его, и оно уже больше не вернется.

— Тѣмъ болѣе... тѣмъ болѣе, что вы вѣдь уѣзжаете совсѣмъ и мы... мы больше не увидимъ васъ...—сказала я опять уже совсѣмъ иначе и инстиктивно дѣлая шагъ къ прежнему.

— Да, сказалъ онъ словно грустно,—мнѣ надо ѣхать.

— Развѣ это такъ необходимо?—спросила я нерѣшительно.

— Да,—сказалъ онъ тихо,—если не для меня, то... то для тѣхъ, которые ждутъ меня тамъ.

Я вспомнила, «кто» ждетъ его тамъ, и сердце больно заныло во мнѣ.

— И вы... вы не могли бы остаться... еще на нѣсколько времени?..—спросила я, невольно заикаясь, и сейчасъ же мнѣ самой стало стыдно этого вопроса, и блѣдное, прекрасное и печальное лицо его жены промелькнуло въ моей памяти и точно съ укоромъ взглянуло на меня издалека.

Мы остановились среди аллеи, по которой шли, и я машинально чертила своимъ зонтикомъ какіе-то узоры на пескѣ.

Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и молча стоялъ предъ мной, а я почти боялась глядѣть на него, но когда я, наконецъ, подняла на него глаза, онъ тоже уныло смотрѣлъ въ землю, и лицо его показалось мнѣ сумрачнѣе и печальнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Нѣтъ—сказалъ онъ наконецъ какъ-то особенно твердо и рѣшительно,—нѣтъ, я долженъ ѣхать... и... и мнѣ лучше ѣхать скорѣй...

Я не спросила его, «почему». Я сама уже знала, «почему ему лучше ѣхать скорѣй», и тѣмъ ужаснѣе казалась мнѣ мысль, что онъ уѣдетъ, и я больше не увижу его...

— А если... если я очень попрошу васъ о томъ...

«Зачѣмъ, зачѣмъ я это говорю, Боже мой, что со мной, что я дѣлаю?» почти съ ужасомъ пронеслось у меня въ головѣ, но было уже поздно, слова уже слетѣли съ моихъ губъ, и я уже чувствовала на своемъ пылающемъ лицѣ его пристальный взглядъ.

— А вы... развѣ желали бы этого? — спросилъ онъ, точно не вѣря моимъ словамъ и упорно смотря на меня.

Я смутно сознавала, что наступаетъ какая-то рѣшительная и жуткая минута, и что, можетъ быть, все будетъ зависѣть отъ того, что я отвѣчу ему, но прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь отвѣтить, мы увидѣли Сережу, который, видимо, искалъ насъ и шелъ прямо къ намъ.

И я почти обрадовалась ему; обрадовалась, что минута отдалена, и мнѣ ничего не надо отвѣчать, и въ то же время, при видѣ его, меня опять охватили смущеніе и стыдъ оттого, что онъ, какъ школьницу, поймалъ меня на мѣстѣ преступленія, какъ и вчера вечеромъ, когда подошелъ ко мнѣ говоря, что пора расходиться.

— Лодка уже готова и гребцы ждутъ васъ,—сказалъ Сережа N, здороваясь съ нимъ и со мной.

— Да, — сказалъ N тоже съ легкимъ смущеніемъ, вынимая часы,—уже 8-й часъ, пора ѣхать.

И мы уже всѣ вмѣстѣ, перебрасываясь отрывочными короткими фразами, которыя каждый изъ насъ говорилъ, кажется, только для того, чтобы не молчать, пошли обратно къ дому.

Молодежь наша все еще не выходила, и захвативъ вещи N, мы направились къ рѣкѣ одни, но Сережа все время шелъ рядомъ съ нами, и мы ничего не могли сказать другъ другу.

Когда мы спустились уже внизъ по обрыву, Сережа подошелъ къ гребцамъ и сталъ о чемъ-то толковать съ ними; мы съ N остались нѣсколько въ сторонѣ, и онъ вдругъ тихо, такъ тихо, что одна я могла это слышать, сказалъ мнѣ:

— Вы такъ ничего и не отвѣтили мнѣ на мой вопросъ.

— И вы мнѣ тоже ничего не отвѣтили, — сказала я такъ же тихо.

— Но вы ни о чемъ и не спрашивали меня?

— Нѣтъ,—сказала я,—я спрашивала, пріѣдете ли вы еще разъ... если я очень попрошу васъ о томъ...

— Что ты говоришь, Катюша? — спросилъ Сережа, подходя опять къ намъ.

Это было уже точно нарочно, и я отвѣтила ему почти съ вызовомъ:

— Я прошу N пріѣхать къ намъ еще разъ и привезти съ собой віолончель.

— Да,—сказалъ сказалъ Сережа разсѣянно и холодно, — это будетъ очень пріятно.

— Не знаю,—замѣтилъ N, отвѣчая какъ будто Сергѣю,—не знаю, это будетъ очень трудно...

И онъ уже хотѣлъ садиться въ лодку и началъ прощаться съ нами, но съ обрыва вдругъ долетѣли звонкіе, веселые голоса, и въ ту же минуту на верху его показалась наша молодежь, Лиза, Борисъ и мой Воликъ.

— Подождите, подождите насъ! — кричали они и быстро со смѣхомъ и крикомъ сбѣжали къ намъ внизъ на перегонки другъ съ другомъ и точно все разомъ наполнили собой.

Даже солнца стало словно еще больше.

Оно горѣло на Лизиномъ голубомъ платьѣ, на ея розовыхъ, разгорѣвшихся отъ бѣга, щекахъ, на красной рубашкѣ моего Волика, на свѣтлыхъ, точно золотомъ перепутанныхъ, волосахъ Бориса, на желтомъ песчаномъ обрывѣ, съ котораго сыпался подъ ихъ ногами чистый свѣтлый песокъ, и мы съ N невольно умолкли, а я вдругъ показалась себѣ такой старой, такой отжившей уже по сравненію съ ними и впервые еще съ какой-то страшной и неумолимой ясностью почувствовала вдругъ, что міръ, съ его любовью, пѣснями, радостями и счастьемъ, принадлежитъ уже не намъ, а имъ, что настоящіе его хозяева уже не мы усталые, отжившіе и уходящіе уже куда-то въ тяжелую, сѣрую мглу, почти уже только посторонніе зрители его, а они, молодые, сильные, еще не жившіе и пришедшіе теперь смѣнить насъ..

А если это такъ, то какой смыслъ въ этой новой любви! Къ чему она теперь, когда уже подходитъ нашъ чередъ уступать дорогу другимъ, и что дастъ она намъ? Намъ съ нашими надорванными силами, съ нашимъ невольно все отравляющимъ, во все извѣрившимся разочарованіемъ и нашей полуразрушенной вѣрой и въ нее, и въ людей, и въ самую жизнь!

Къ чему эти миражи добровольнаго самообмана, которымъ, очевидно, суждено оставаться только одними дразнящими миражами еще работающаго воображенія и никогда не перейти въ дѣйствительность, уже хотя бы потому, что ихъ нѣтъ и не можетъ быть въ этой дѣйствительности, въ которой дѣйствуемъ уже не мы, а другіе, пришедшіе на смѣну намъ!

Они что-то разсказывали, перебивая другъ друга своими звонкими, смѣлыми голосами, точно наполнявшими собой весь воздухъ, о чемъ-то весело смѣялись; и глаза Лизы, еще болѣе свѣтлые и голубые отъ отражавшагося въ нихъ неба, радостно блестѣли, а лицо все ярко вспыхивало, каждый разъ что N обращался къ ней или она сама говорила съ нимъ.

И это оживленіе, такъ преображавшее ее, эта наивная, молодая влюбленность, невольно прорывавшаяся въ каждомъ взглядѣ ея, въ самой улыбкѣ, не сбѣгавшей съ лица и точно освѣщавшей ее всю, такъ цѣльно и гармонично сливались со всѣмъ ея молодымъ, здоровымъ, радостнымъ существомъ, такъ необычайно красили ее, что меня вдругъ поразила мысль, отъ которой сердце сжалось и заныло острой болью.

— Боже мой,—сказала я себѣ,—но съ чего же я все это взяла? Съ чего приписала себѣ? Можетъ быть, это вовсе не я, а Лиза!

И недоброе, почти враждебное чувство къ этой Лизѣ, такой милой и симпатичной мнѣ раньше, охватило меня такъ сильно, что я даже отодвинулась отъ нея, а къ самому N почувствовала вдругъ такую горечь обиды, точно онъ только что смертельно оскорбилъ меня.

Я отошла отъ нихъ въ сторону и встала нарочно такъ, чтобы N, уже сидѣвшій въ лодкѣ, не могъ бы больше проститься со мной.

— Пріѣзжайте же скорѣй опять,— говорила ему Лиза,—и привезите съ собой віолончель...—и сама того не подозрѣвая, она повторяла ему почти мои же слова, и даже голосъ ея при этомъ походилъ на мой собственный: такой же умоляющій и такой же влюбленный.

N улыбался ей и тоже повторялъ почти то же самое, что отвѣчалъ предъ тѣмъ и мнѣ самой:

— Не знаю, наврядъ ли... это будетъ очень трудно...

И мнѣ вдругъ все стало противно, и болѣе всего противна я сама.

N подалъ въ послѣдній разъ всѣмъ руку, и взглядомъ искалъ меня.

Но я издали сухо поклонилась ему, и лицо мое, холодное и враждебное, вѣроятно, поразило его, потому что я видѣла, какъ въ глазахъ его мелькнуло опять недоумѣніе и тревога, и взглядъ невольно остановился на мнѣ.

Но гребцы дружно взмахнули веслами, и лодка, тихо качнувшись, плавно пошла по рѣкѣ.

Всѣ кланялись N, что-то кричали ему вслѣдъ, а мой Воликъ и Лиза махали ему даже платками, и онъ тоже кланялся имъ, но взглядъ его, грустный и точно спрашивающій о чемъ-то, смотрѣлъ только на меня.

Тогда я нарочно перешла совсѣмъ на другую сторону, и глаза его, эти глаза, за каждый нѣжный взглядъ которыхъ я уже готова была чуть не возненавидѣть бѣдную Лизу, тоже повернулись за мной.

Это уже не казалось мнѣ, это уже не могло быть ни ошибкой, ни самообманомъ; онъ глядѣлъ, глядѣлъ на меня одну, глядѣлъ печально и упорно, точно прощаясь, точно прося послѣдняго привѣта.

И лицо мое невольно освѣтилось опять улыбкой ему, и эта улыбка сейчасъ же, какъ въ зеркалѣ, отразилась и въ его лицѣ.

— Пріѣзжайте же!—невольно вырвалось у меня. Онъ, молча, все съ той же радостной и нѣжной улыбкой, кивнулъ въ отвѣтъ мнѣ головой, и я опять забыла все и видѣла предъ собой только это заворожившее меня лицо, и оно улыбалось мнѣ, и эти темные, горячіе глаза, отъ взгляда которыхъ я утрачивала власть надъ собой, не отрываясь глядѣли на меня, пока лодка не скрылась вдали, и міръ любви, съ его счастьемъ, радостями и пѣснями, точно вновь открылъ для меня свои волшебныя двери и впустилъ меня къ себѣ...

На долго-ли, когда чередъ ужъ близокъ! На мигъ, быть можетъ! Но что изъ того, когда и мигъ прекрасенъ!

Я обняла Лизу, нѣжно прижала ее къ себѣ и со счастьемъ въ душѣ, со счастьемъ въ лицѣ, которое я чувствовала прорывается помимо моей воли, стала вмѣстѣ съ ней подниматься на гору.

Съ этой минуты общество Лизы и Бориса стало для меня самымъ привлекательнымъ, тогда какъ присутствіе Сергѣя только тяготило. Я чувствовала въ немъ скрытый укоръ и осужденіе, которыхъ не желала, и инстинктивно избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ, избѣгая не только былыхъ задушевныхъ съ нимъ разговоровъ, но даже встрѣчаться съ нимъ глазами.

Это огорчало меня самое, и я не понимала, какъ могло случиться, что Сережа, такой милый и близкій мнѣ всегда, съ которымъ мы такъ полно и глубоко понимали другъ друга: Сережа, какъ бы дополнявшій прежде меня самое, сталъ для меня вдругъ точно чужимъ и непріятнымъ человѣкомъ, отъ котораго я инстинктивно стремилась быть дальше.

Зато моя молодежь, съ ея жизнерадостностью и влюбленностью, стала мнѣ особенно близка и понятна. Съ ними я и себя чувствовала моложе и радостнѣе, и моя любовь, такая поздняя и стыдившая меня самое въ присутствіи Сережи, при Лизѣ и Борисѣ казалась мнѣ естественной и прекрасной.

Они оба были такъ молоды, такъ полны сами этой любовью и мыслями о ней, такъ желали ее для себя и искали въ другихъ, что невольно заражали своимъ настроеніемъ другихъ и дѣлали ее желанной и простой для всѣхъ соприкасавшихся съ ними.

А для меня ихъ общество было еще тѣмъ привлекательнѣе, что N вообще сталъ любимой темой ихъ разговоровъ.

Лиза стремилась говорить о немъ потому, что была, быть можетъ, не сознавая ясно того сама, влюблена въ него своею, первою юною любовью, а Борисъ потому, что при имени N разговоръ сейчасъ же уже какъ-то самъ собой переходилъ на любовь, которой подъ вліяніемъ музыки и настроенія послѣднихъ дней онъ самъ весь былъ охваченъ къ Лизѣ. N точно сталъ для насъ какимъ-то синонимомъ любви и въ то-же время все какимъ-то непонятнымъ образомъ стало такъ или иначе касаться и напоминать его.

Знаешь, это въ родѣ того, какъ бываетъ съ ушибленнымъ мѣстомъ, съ которымъ какъ-то такъ уже выходитъ всегда, что ежеминутно затрогиваешь и разбережаешь его.

Такъ было теперь для меня и съ N. Мысль моя, словно порабощенная и завороженная имъ, ежеминутно искала повода вернуться къ нему.

Пѣла ли Лиза—я вспоминала, какъ она пѣла при немъ; входилъ ли Сережа—я вспоминала, что онъ угадываетъ все, что творится въ душѣ моей и... и начинала думать объ N; плыла ли лодка по рѣкѣ, стояла ли я надъ обрывомъ, надъ которымъ стояла съ нимъ, выходила ли въ садъ, глядѣла ли на сирень, или просто при мнѣ заговаривали о музыкѣ, объ университетѣ и профессорахъ, о заграницѣ, гдѣ теперь ждала его жена, упоминали ли самое имя Казани, гдѣ онъ жилъ—все тотчасъ же напоминало мнѣ его, а напомнивъ сосредоточивало, на немъ всѣ мысли.

Порой я сама почти съ ужасомъ спрашивала себя,—до чего же это дойдетъ, и старалась какъ-нибудь образумить себя напоминаніемъ о дѣтяхъ, о мужѣ, о своемъ долгѣ; но умъ мой

получилъ вдругъ совсѣмъ новую и несвойственную ему гибкость и на все находилъ возраженіе и оправданіе.

Я сама не понимала, куда дѣвались всѣ тѣ правила, которыя я считала такъ глубоко вкоренившимися въ моей душѣ, тѣ убѣжденія, по которымъ я жила до сихъ поръ, по которымъ думала прожить всю жизнь, по которымъ мѣрила и судила грѣхи другихъ! Правила, въ непреложность и истину которыхъ я такъ вѣровала, пока дѣйствительность не вздумала посмѣяться надъ мной теперь, и въ которыхъ такъ искренно воображала спасеніе всякой женщины, пожелающей только напомнить ихъ себѣ.

И вотъ я могла напоминать ихъ себѣ хоть двадцать разъ въ день, и они все-таки ни въ чемъ не убѣждали меня и ничто уже не измѣняли, точно разомъ утративъ весь свой смыслъ и значеніе, и вмѣсто спасенія и истины я чувствовала въ нихъ теперь только фальшь и лицемѣріе, и чувство, которое съ такой силой и властью развилось вдругъ въ душѣ моей, было гораздо краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе ихъ.

Я говорила себѣ, прикрываясь какъ щитомъ отъ самой себя. «дѣти!» — этотъ стимулъ такой могучій моего существованія до сихъ поръ, предъ которымъ блѣднѣло все остальное, которому все приносилось въ жертву. И вотъ я говорила себѣ теперь: «дѣти», и совсѣмъ новыя и непривычныя для меня самой мысли являлись откуда-то въ головѣ моей и все упрощали.

Что же, что дѣти! развѣ имъ будетъ хуже оттого, что я полюблю! Они еще такъ малы, что ничего но поймутъ, да и развѣ потомъ у нихъ не будетъ своей собственной жизни, въ которой они, вѣроятно, не пожертвуютъ для меня не только большой любовью, но даже маленькимъ увлеченіемъ!

У нихъ будетъ современемъ своя жизнь, какъ у меня теперь своя, и разъ что они не будутъ ничѣмъ страдать, то почему же ради нихъ я должна отказываться отъ того, что, быть можетъ, составитъ все счастье и радость моихъ послѣднихъ молодыхъ лѣтъ!

«Мужъ»! Но онъ менѣе чѣмъ кто-либо можетъ осуждать меня! Не онъ ли первый и натолкнулъ меня на эту любовь? Боже мой, да развѣ что-нибудь подобное могло бы случиться при нашихъ прежнихъ отношеніяхъ! Развѣ могла бы зародиться эта новая любовь, если бы душа моя по прежнему была полна къ нему той глубокой преданностью и нѣжностью, которыя онъ такъ мало цѣнилъ и такъ мало желалъ сберечь для себя. Что могъ бы онъ сказать мнѣ, узнавъ, что я полюбила другого, онъ, два года любившій уже самъ другую? Онъ, не стѣснявшійся даже унижать и оскорблять меня ради нея! Онъ, пренебрежительно называвшій мои слезы и мольбы къ нему и самое горе мое «бабьей ревностью и комедіями!»

Можетъ быть, сама судьба пожелала теперь отмстить ему за меня, заставивъ самого пережить то, что такъ мучительно, съ такими униженіями заставлялъ переживать меня онъ впродолженіи всѣхъ этихъ двухъ лѣтъ. Не онъ ли самъ постепенно разрушилъ мою вѣру въ него, такую страстную и глубокую прежде, не самъ ли онъ точно съ намѣреніемъ старался отталкивать меня отъ себя своимъ обращеніемъ, которымъ задѣвалъ и оскорблялъ меня чуть не на каждомъ шагу? Не онъ ли пошатнулъ и всѣ тѣ, быть можетъ, наивные, но свѣтлые и чистые идеалы въ душѣ моей, въ которые я такъ вѣрила, по которымъ такъ желала жить, и не ему теперь судить и обвинять меня! Ему, у котораго къ тому же была цѣлая жизнь до меня, въ которой были уже и женщины, и любовь, и увлеченія, и ошибки, и измѣны, и, кто знаетъ, сколько уже разъ все это уже было, и сколько разъ все это еще будетъ!

А вся моя любовь сосредоточивалась только на немъ одномъ, и внѣ его у меня не было ни воспоминаній, ни увлеченій. Отчего же они могутъ любить и ошибаться, и увлекаться по многу разъ въ своей жизни, а мы, не любя никого до нихъ и полюбивъ ихъ, хотя бы и ошибившись въ нихъ и разочаровавшись въ лучшихъ своихъ чувствахъ и мечтахъ, не смѣемъ даже мысленно отойти отъ нихъ; не смѣемъ, не вызывая всеобщаго осужденія, даже думать о вторичной любви, и самое слово «любовь» не въ примѣненіи къ нимъ, кажется и имъ, и даже чуть ли уже не намъ самимъ какой-то низостью и преступленіемъ? Для нея даже придумали спеціальное слово, позорящее и пугающее женщину уже однимъ произнесеніемъ его надъ нею, «паденіе». Но развѣ мы не такія же люди, какъ и они! Развѣ въ насъ не та же кровь, не тѣ же нервы, не таже страстность? И почему они, любя въ своей жизни по десяти разъ, не только не падаютъ, но чуть ли даже не возвышаются въ глазахъ общества, съ завистью называющихъ ихъ тогда «Донъ-Жуанами», а мы, осмѣлясь полюбить вторично, неминуемо «падаемъ» въ глазахъ не только этого пристрастнаго и несправедливаго общества, но даже и чуть ли не въ своихъ собственныхъ!

Видитъ Богъ, что я не хотѣла ни обманывать его, ни измѣнять ему, и очень можетъ быть, что во имя тѣхъ же предразсудковъ, которые, помимо моей воли, помимо даже моего признанія ихъ, вкоренились въ меня, пошла бы скорѣй на добровольную смерть, чѣмъ на то, что они называютъ нашимъ «паденіемъ» и, не ради него, а ради самой себя и той любви, которую не хотѣла загрязнить въ собственныхъ глазахъ, боролась бы противъ того до послѣдней сознательной мысли своей, но я хотѣла во всякомъ случаѣ, *имѣть право* на нея, и потому рѣшила все сказать ему по его возвращеніи. Сказать не отъ того, что считала себя обязанной сдѣлать это (моя любовь къ N была еще такъ чиста, такъ не опре-

дѣленна даже, что ни къ чему не обязывала меня пока), но сказать уже потому, что я считала его обязаннымъ дать и мнѣ хоть часть той нравственной свободы, которой онъ такъ широко пользовался самъ; потому что хотѣла заставить его признать и за мной то нравственное право любви, въ которомъ не отказывалъ онъ себѣ. Я думала, да и думаю, что это наше естественное право, въ которомъ они не смѣютъ отказывать намъ, когда сами не съумѣли или не захотѣли сберечь ни нашей любви къ себѣ, ни своей собственной вѣрности къ намъ.

И мнѣ стоило только вспомнить его Юлію Сергѣевну, у которой онъ былъ теперь, вспомнить все, что онъ заставилъ меня вынести и пережить изъ-за нея, вспомнить ту ужасную, безобразную сцену между нами наканунѣ его отъѣзда, которую я никогда не научусь вспоминать безъ содроганія, и всякое сознаніе своей вины предъ нимъ за эту любовь, перешедшую съ него на другого, исчезало изъ души моей вмѣстѣ съ послѣдними угрызеніями совѣсти.

Нѣтъ, нѣтъ, не ему обвинять и судить меня. Гораздо болѣе смущало меня, вызывая чувство отвѣтственности и вины, это жена N, хотя я почти не знала ее. Но каждый разъ, что я вспоминала ея грустное лицо, укоръ совѣсти невольно охватывалъ меня съ новой силой. Я живо вспоминала все, что выстрадала сама, и мнѣ было больно и стыдно думать, что я тоже самое, быть можетъ, причиняю теперь другой.

Положимъ, я знала, что никогда не позволю себѣ относиться къ ней такъ, какъ, не стѣсняясь, относилась ко мнѣ Юлія Сергѣевна. Я предпочла бы лучше совсѣмъ не видѣться съ N, чѣмъ сдѣлать ей еще больнѣе и тяжелѣе то, что уже само по себѣ такъ мучительно больно для насъ, женщинъ.

Скорѣй я не пощадила бы собственнаго мужа, который самъ столько разъ не щадилъ меня, чѣмъ хоть какъ-нибудь задѣла бы и оскорбила бы жену N.

Сама не знаю почему, но эта женщина, которую я едва знала, и при томъ жена того самаго человѣка, которымъ такъ сильно увлеклась я сама, внушала мнѣ какую-то глубокую нѣжность и симпатію, и даже сознаніе, что мы любимъ съ ней одного и того же человѣка не отталкивало меня отъ нея, а скорѣй точно еще больше сближало, и она казалась мнѣ словно милой сестрой.

Даже мысль, что онъ уѣдетъ къ ней, не отталкивала меня отъ нея, хотя сама по себѣ казалась ужасной, ужъ однимъ сознаніемъ, что я не увижу его нѣсколько мѣсяцевъ, и что въ эти долгіе мѣсяцы все само собой кончится, и онъ вернется снова такимъ же чужимъ, какимъ былъ до этой весны.

Иногда мнѣ казалось, что онъ уже уѣхалъ, и тогда я приходила чуть не въ отчаяніе; но я вспоминала его послѣдній, долгій

взглядъ, когда я крикнула ему «пріѣзжайте», и не вѣрила, не могла вѣрить, что онъ уѣдетъ, не увидавшись еще разъ, и ждала его, ждала каждый день, каждый часъ, и кто бы ни входилъ въ комнату, кто бы ни проѣзжалъ мимо по дорогѣ, которая видна была съ нашего балкона, я вздрагивала и блѣднѣла отъ одной надежды, что это, можетъ быть, онъ.

Я ходила, разговаривала, гуляла, смѣялась, все какъ во снѣ, больше машинально и только внѣшнимъ проявленіемъ воли надъ собой, а все существо мое было поглощено имъ однимъ и не было почти секунды, когда бы я не думала о немъ.

Это превращалось уже въ какую-то болѣзненную idie fixe, которая не покидала меня даже во снѣ, и я засыпала и просыпалась прямо съ мыслью о немъ, и не потому, чтобы я хотѣла этого а потому что уже *не могла* не думать о немъ, и мысли эти являлись и работали въ моемъ больномъ разгоряченномъ мозгу уже помимо моей воли.

Но день шелъ за днемъ, прошла уже почти недѣля, а онъ все не ѣхалъ и, наконецъ, я стала думать, что онъ уже, дѣйствительно, не пріѣдетъ больше, и тогда на меня напала такая тоска, что мнѣ было стыдно за нее предъ самой собой.

Но вотъ, когда я однажды стояла такъ на крыльцѣ нашего дома, притворяясь предъ другими, что вышла просто подышать воздухомъ, и жадно смотрѣла на дорогу, поджидая по обыкновенію его, на дорогѣ показался экипажъ, и черезъ минуту я почувствовала, что это онъ.

Не поняла, не увидала, не догадалась, а именно *почувствовала* это всѣмъ существомъ.

Вся кровь прилила мнѣ къ сердцу, оно забилось и затрепетало отъ радости, точно хотѣло разорваться и не сознавая, зачѣмъ и какъ я бросилась обратно въ залу, гдѣ Лиза разбирала какую-то новую пьесу, а Борисъ стоялъ подлѣ рояля и философствовалъ.

— Что? что?—воскликнули они оба вмѣстѣ, увидѣвъ меня.

— Что? что такое!—спрашивали они, не понимая, въ чемъ дѣло.

Но я только безсознательно засмѣялась имъ въ отвѣтъ, счастливымъ, радостнымъ смѣхомъ, который невольно вырвался изъ груди моей и все также стремительно и быстро, почти не чувствуя шаговъ своихъ, такъ легки вдругъ сдѣлались они, пробѣжала мимо нихъ къ себѣ наверхъ по лѣстницѣ.

Я чувствовала, что должна бѣжать отсюда, бѣжать отъ самой себя, бѣжать дальше отъ этихъ дверей, въ которыя онъ сейчасъ войдетъ, чтобы только не выдать себя окончательно... и не броситься къ нему навстрѣчу.

Но на лѣстницѣ мнѣ попался Сережа, онъ шелъ внизъ изъ

дѣтской, и я не могла ни миновать его, ни спрятаться отъ него, какъ инстинктивно подумала о томъ на мигъ.

Мой сіяющій видъ поразилъ, вѣрно, и его, какъ за минуту предъ тѣмъ уже поразилъ Бориса и Лизу, потому что такъ же, какъ и они, онъ воскликнулъ, увидѣвъ меня:

— Что, что такое?

И вдругъ (теперь я сама не понимаю, какъ это случилось, какъ *могло* это случиться), я бросилась къ Сергѣю и припала къ нему на грудь.

— Онъ пріѣхалъ... Сережа, пріѣхалъ...—проговорила я почти безсознательно, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ могла рѣшиться сказать это и кому же — Сергѣю! *Ему*, отъ котораго болѣе чѣмъ отъ кого-либо, желала скрыть свою любовь, одно присутствіе котораго уже смущало меня, *ему*, который самъ любилъ меня!

Но тогда я была какъ во снѣ, я ни о чемъ не разсуждала, ничего не соображала, и мысль, что *онъ тутъ*, что я сейчасъ увижу его, точно опьяняла меня, и я утрачивала всякую власть надъ собою. И все-таки я увидѣла, какъ при моихъ словахъ лицо Сережи разомъ стало печально, но онъ нѣжно привлекъ меня къ себѣ и заглянулъ мнѣ прямо въ глаза:

— Такъ это правда, Катюша?—сказалъ онъ тихо, безъ укора, который мнѣ все время чудился въ немъ, а только съ печалью:— ты *такъ* любишь его!

«Боже мой, что я сдѣлала, что я сдѣлала!» промелькнуло вдругъ въ головѣ моей, и я опомнилась на мигъ и поняла, что я сказала что-то ужасное, чего никому и никогда не должна бы была говорить.

— Не знаю... не знаю сама... но, Боже мой, что ты будешь думать обо мнѣ теперь, Сережа!—воскликнула я, и мнѣ стало такъ страшно отъ одной мысли лишиться его любви, его уваженія, что я чуть не зарыдала.

— Ничего, родная, не буду думать,—сказалъ онъ все такъ же тихо, и нѣжно, точно ребенка, гладя меня по головѣ:—ничего дурного во всякомъ случаѣ. . Что же тутъ дѣлать, люби, коли уже полюбила...

Боже мой, а я—я все время, какъ чужого, избѣгала его, тяготилась имъ! А онъ даже и теперь не нашелъ въ сердцѣ своемъ для меня ни укора, ни осужденія!

И мнѣ стало такъ стыдно и больно предъ нимъ, что даже восторгъ охватившій меня при одной мысли свиданія съ N, точно уменьшился и поблѣднѣлъ.

Но едва внизу послышались радостные голоса Бориса и Лизы, встрѣчавшіе его тамъ, и среди нихъ я различила его спокойный,

негромкій голосъ, все снова всколыхнулось во мнѣ, сердце снова забилось какою-то сладкою болью.

— Не выходи къ нему сейчасъ...—сказалъ мнѣ Сережа:—ты такъ взволнована, побудь минутку у себя...

И нѣжно попрежнему поцѣловавъ меня, онъ началъ спускаться внизъ, а я поднялась на послѣднія ступени; но шаги мои уже не были теперь такъ легки и стремительны какъ за минуту предъ тѣмъ, и я уже чувствовала ихъ.

Я вошла къ себѣ въ комнату и машинально остановилась среди нея.

— Что же это, что?—спрашивала я, не понимая самое себя:—счастье ли это огромное, прекрасное, могучее счастье, которое за все наградитъ, все скраситъ или что-то ужасное, какое-то страшное несчастіе, которое все погубитъ, все разрушитъ, и отъ котораго надо куда-то бѣжать, какъ-то спасаться?

Я сама не понимала это ясно, и мнѣ хотѣлось одновременно рыдать отъ восторга и рыдать отъ ужаса.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса моихъ дѣтей, но я прислушивалась къ нимъ почти съ удивленіемъ, точно не узнавая ихъ и не вѣря, что это *мои дѣти*, и самая мысль, что онѣ есть у меня, что я дѣйствительно ихъ мать, опять казалась мнѣ почему-то дикою и невѣроятною.

Но вдругъ на лѣстницѣ послышались легкіе, быстрые шаги Лизы, и чрезъ минуту она вбѣжала ко мнѣ, вся раскраснѣвшаяся и съ радостно блистающими глазами.

— Ахъ, тетя,—заговорила она, съ восторгомъ обнимая меня,—это N пріѣхалъ! И віолончель привезъ съ собою! Пойдемте скорѣй, онъ уже спрашивалъ о васъ, спрашивалъ отчего васъ не видно!

Она говорила это быстро, быстро почти въ такомъ же полусознаніи, въ какомъ была и я сама; но мнѣ уже удалось овладѣть собою, и я заговорила съ ней почти спокойно,

Лиза подбѣжала къ моему зеркалу и съ кокетливымъ инстинктомъ влюбленной женщины стала оправлять свои густые, слегка растрепавшіеся волосы.

Я тоже подошла поправиться, и мы смотрѣлись съ нею въ одно зеркало съ одинаково блистающими глазами, съ одинаково пылавшими лицами и даже смѣялись одинаковымъ счастливымъ и радостнымъ смѣхомъ влюбленныхъ женщинъ, она въ свои 17, а я въ мои 34 года!

Потомъ мы спустились съ нею внизъ, и первое лицо, которое я увидѣла, было лицо Сережи, тревожно слѣдившее за мною. Онъ видимо боялся за меня, но я уже настолько овладѣла собою, что поздоровалась съ N почти спокойно.

— Какъ это мило съ вашей стороны, что вы опять заглянули къ намъ!— сказала я ему съ оффиціальной любезностью, и только рука моя была холодна, какъ ледъ и слегка дрожала, когда я протянула ему ее.

Но я сознавала, что все мое самообладаніе лишь до тѣхъ поръ, пока я не взглянула на него и всячески избѣгала встрѣтиться съ нимъ взглядами, хотя мнѣ именно этого-то бо́льше всего и хотѣлось, тѣмъ болѣе, что я чувствовала, какъ его глаза, молча съ упрекомъ, не понимая меня и удивляясь мнѣ, слѣдятъ за мною.

Но когда мы сѣли пить чай, N неожиданно очутился подлѣ меня и пользуясь тѣмъ, что подъ общій говоръ его словъ не было слышно другимъ, вдругъ тихо проронилъ.

— Какъ непривѣтливо встрѣтило меня сегодня «Нагорное» (такъ зовутъ нашу усадьбу).

— Отчего вамъ это кажется?—спросила я, слегка краснѣя.

— Не знаю,—сказалъ онъ все такъ же тихо,—но идетъ дождь, небо хмурое, въ воздухѣ холодно и кажется, что съ прошлаго раза прошла не одна недѣля, а цѣлое лѣто.

«О, милый, милый,—подумала я,—неужели же ты ничего не понимаешь, неужели же ты не чувствуешь, что творится въ душѣ моей...»

И я сказала ему:

— Недѣля большой срокъ, иногда она можетъ показаться очень долгой...

— Это правда?—спросилъ онъ быстро; но Борисъ окликнулъ его, что-то спрашивая, и нашъ маленькій разговоръ à part, полный какой-то особенной прелести и значенія, оборвался и больше уже не возобновлялся.

На этотъ разъ даже Сережа былъ очень оживленъ и милъ съ N, чѣмъ кажется немножко удивилъ того, и разговоръ, сдѣлавшійся общимъ, почти уже не прерывался.

Послѣ чая рѣшили тотчасъ же заняться музыкой, и молодежь съ Сережей принялись устраивать все подлѣ рояля, а N вышелъ въ сосѣднюю комнату, которая почему-то называлась у насъ кабинетомъ, гдѣ онъ оставилъ свою віолончель.

И вдругъ меня охватило такое страстное желаніе хоть на мигъ остаться съ нимъ вдвоемъ, что я не могла больше удерживаться и, почти не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ я это дѣлаю, и только повинуясь опять какой-то чужой силѣ, увлекавшей меня, перешла чрезъ всю залу и остановилась на порогѣ той комнаты, въ которую вошелъ N. Онъ, вынимая изъ футляра віолончель, стоялъ на другомъ концѣ, но услыхавъ, должно быть, шорохъ моихъ шаговъ, приподнялъ голову и взглянулъ на меня.

Мигъ, одинъ мигъ, быть можетъ, нѣсколько секундъ, мы молча

глядѣли одинъ на другого, и если взглядомъ можно все сказать, сказать больше, чѣмъ словами, все понять въ немъ, если можно отдать себя однимъ взглядомъ, то мы все сказали имъ другъ другу, и столько любви, столько влеченія одного къ другому было въ этомъ нѣмомъ, страстномъ взглядѣ, что, казалось, мы должны были бы во имя его, забывъ все на свѣтѣ, броситься другъ къ другу... но мы оба не двинулись съ мѣста... Я опомнилась первая и, невольно опустивъ глаза, молча отошла отъ дверей назадъ въ зало.

И помню, что когда я повернулась и переходила отъ дверей къ своему любимому мѣсту на качалкѣ, я шла почти безъ сознанія; ноги дрожали, и голова такъ кружилась, что мнѣ казалось я не дойду и упаду въ какомъ-то странномъ полуобморокѣ среди этой кружившейся комнаты.

Но усиліемъ воли я дошла до качалки; машинально опустилась на нее, и, закрывъ глаза, просидѣла такъ молча нѣсколько минутъ, не двигаясь, въ все въ томъ же какомъ-то полусознаніи.

Когда я затѣмъ открыла глаза, N былъ уже въ залѣ и настраивалъ віолончель; но струны не слушались его замѣтно дрожавшихъ пальцевъ, и одна изъ нихъ вдругъ лопнула и жалобно зазвенѣла разрѣзавъ воздухъ стонущимъ звукомъ.

Я подозвала къ себѣ знакомъ Сережу, заботливо слѣдившаго за мною издали глазами, и попросила его принести мнѣ сверху мой теплый пуховый платокъ Я точно озябла и заледенѣла вся, и мнѣ какъ будто хотѣлось дремать.

N началъ играть, но я слушала его, какъ въ полуснѣ, и чувствовала только такую слабость и апатію, какая бывала со мной только при самой сильной усталости или послѣ болѣзни. Казалось, вся моя любовь къ этому человѣку, вся та страсть, что сжигала меня послѣдніе дни, дошла до своей кульминаціонной точки въ этомъ послѣднемъ взглядѣ и точно упала послѣ того!

По крайней мѣрѣ, я уже не чувствовала больше ни того нервнаго возбужденія, ни той волнующейся радости, которая до сихъ поръ каждый разъ охватывала меня въ его присутствіи!

Вѣрно, я была очень блѣдна, потому что Сережа, принеся мнѣ платокъ, тревожно спросилъ меня, не дурно ли мнѣ.

— Нѣтъ,—сказала я ему тихонько,—это такъ, я просто устала.

И я, дѣйствительно, устала отъ того напряженнаго, нервно приподнятаго настроенія, какого-то кошмара любви, въ которомъ жила все послѣднее время.

Когда N кончилъ играть, и всѣ стали апплодировать ему и восторгаться, я едва принудила себя проговорить какую-то банальную похвалу.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня, и на всеобщія просьбы

сыграть еще что-нибудь сказалъ, что не знаетъ, что бы ему еще выбрать.

— Что бы вы хотѣли?—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Но я ничего не хотѣла; въ моей душѣ была только усталость, и музыка, которую я всегда такъ любила, точно еще больше утомляла меня теперь.

— Не знаю,—сказала я такъ равнодушно, что мнѣ самой стало неловко,—не знаю... мнѣ все равно...

Мои слова были, видимо, непріятны N, и онъ съ легкимъ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

— Можетъ быть, на сегодня довольно?—нерѣшительно замѣтилъ онъ. Но всѣ такъ горячо запротестовали, что онъ поневолѣ сталъ продолжать.

Но, моя апатія казалось, передалась и ему; онъ игралъ вяло, неохотно, точно насилуя себя, и сыгравъ еще одну вещь, рѣшительно отставилъ отъ себя віолончель.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—сегодня что-то не идетъ, лучше бросить...

И какъ ни упрашивали его, онъ уже не сталъ больше играть и ограничился только тѣмъ, что предложилъ аккомпанировать Лизѣ.

Но и съ Лизой они исполнили всего двѣ-три вещи и тоже бросили. Музыка положительно не шла; я точно всѣхъ заразила своею вялостью, и всѣ казались усталыми, блѣдными, и даже разговоръ не клеился.

Мнѣ было непріятно, что я такъ нарушила весь этотъ вечеръ, который могъ бы выйти такимъ же прекраснымъ, какъ и прошлый, но ничего не могла подѣлать съ собой.

Я видѣла, что всѣ бросаютъ на меня удивленные взгляды, а N нѣсколько разъ мелькомъ, но пытливо взглядывалъ на меня.

Наконецъ, онъ поднялся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ Лизѣ, съ отчаяніемъ умолявшей его еще «немножко посидѣть»,—хозяйкѣ надо дать отдохнуть; музыку можно отложить до завтра. У васъ совсѣмъ усталый и больной видъ, вамъ надо лечь!—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку, и хотя я больше изъ вѣжливости слабо протестовала, но Сережа тоже присоединился къ N, и мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Какъ только я пришла къ себѣ, я сейчасъ же быстро раздѣлась, съ наслажденіемъ легла въ постель и заснула почти тотчасъ же немного тяжелымъ, но такимъ крѣпкимъ сномъ, точно не спала предъ тѣмъ нѣсколько ночей.

На утро я проснулась позже обыкновеннаго, но не освѣженная за ночь и не бодрая, какой вставала обыкновенно послѣ хорошо проведенной ночи, а все съ той же вялостью и усталостью во всѣхъ членахъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

Солнце свѣтило ярко и радостно, но мнѣ не хотѣлось вставать.

Я знала, что N всегда встаетъ рано, что теперь онъ, вѣрно уже въ саду и, быть можетъ, даже ждетъ меня тамъ, но это не преодолѣвало мою лѣнь, и я продолжала лежать равнодушно съ закрытыми глазами.

Я даже нарочно говорила себѣ:

— Онъ тутъ!

И сердце не билось отъ того сильнѣе.

Я вспоминала тотъ прекрасный взглядъ любви, которымъ мы обмѣнялись съ нимъ вчера и въ мигъ котораго пережили, быть можетъ, больше, чѣмъ за другой годъ, но и тутъ моя апатія не исчезала, и въ душѣ не зажигалось желаніе повторить его...

Да онъ и не могъ повториться!

— Но что же это значитъ?—спрашивала я съ удивленіемъ, не понимая самое себя?—Неужели же все прошло! И такъ вдругъ, безъ всякой причины, сейчасъ же вслѣдъ за моментомъ наибольшаго проявленія этой любви!

— Не можетъ быть, не можетъ быть!—говорила я себѣ чуть не съ огорченіемъ, и мнѣ было и досадно, и обидно, и стыдно предъ самой собой, еще вчера чуть не сходившей съ ума отъ страстной любви къ этому человѣку, а сегодня уже думавшей о немъ чуть не съ полнымъ равнодушіемъ. А главное... главное было жаль того прекраснаго настроенія, въ которомъ я чувствовала себя такой молодой, такой обновленной, такъ полной жизни!

Настроеніе, въ которомъ каждый мигъ былъ разнообразенъ и прекрасенъ, и вдругъ все это исчезло, такъ само по себѣ, такъ же неожиданно и внезапно, какъ и пришло; такъ же мало подчиняясь законамъ всякой логики, всякаго здраваго смысла въ своемъ исчезновеніи, какъ и въ своемъ возникновеніи; такое же причудливое, капризное и полное неожиданностей для меня самой теперь, какъ и тогда...

— Но почему же, почему же это?—спрашивала я себя почти съ негодованіемъ.—И что же это было въ такомъ случаѣ? Любовь? Но развѣ можетъ любовь пройти такъ легко и быстро, безъ всякой причины! Значитъ... значитъ... только страсть! Та роковая страсть, которую, говорятъ, переживаетъ почти каждая женщина послѣ 30-ти лѣтъ!

И мнѣ было стыдно, стыдно себя; я закрывала лицо руками и, пряча его въ подушки, чувствовала сама, какъ горячая краска стыда заливаетъ его...

Влюбиться такъ страстно, такъ безразсудно, какъ дѣвчонка и вдругъ разомъ остыть! Право, въ этомъ есть что-то оскорбительное и унижающее въ собственныхъ глазахъ.

*

И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, это просто первый симптомъ подкрадывающейся старости!

— Развѣ могло бы случиться что-нибудь подобное съ 20-ти лѣтней дѣвушкой или женщиной!

Можетъ быть въ этомъ порывѣ вспыхнулъ послѣдній запасъ молодыхъ силъ, таившійся гдѣ-то въ глубинѣ души; вспыхнулъ и... потухъ просто потому, что необходимаго для такого горѣнія матеріала хватило только на начало, а я такъ неожиданно для самой себя, нашедшая его въ себѣ, словно пораженная и обрадованная этимъ открытіемъ, поспѣшно и неразсчетливо сожгла его весь разомъ, любуясь какъ дѣвочка яркимъ пламенемъ.

И вотъ онъ «весь вышелъ», какъ говоритъ наша няня,—вышелъ прежде, чѣмъ я поняла это сама, точно какой-то бенгальскій огонь, который вспыхнулъ, озарилъ все вокругъ себя волшебнымъ, свѣтомъ, прогорѣлъ одну минуту и погасъ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ жалкой горсточки пепла, который самъ собой разлетится во всѣ стороны и безслѣдно исчезнетъ!

— Но я все еще не вѣрила себѣ и думала, что мнѣ просто это такъ кажется, а увижу его, и все снова воскреснетъ въ душѣ, и я нарочно вызывала въ памяти вчерашнюю сцену въ кабинетѣ, чтобы вновь подпасть подъ обаяніе ея, но вмѣсто того, въ этой памяти возникла вдругъ сама собой, другая тождественная сцена, поразившая меня страннымъ сходствомъ съ этой.

Мнѣ вспомнился морозный, зимній день, съ бѣлой пеленой искрившагося за окнами на солнцѣ снѣга, съ гулко разливавшимся въ воздухѣ благовѣстомъ сосѣднихъ церквей, и наша свѣтлая, большая зала-столовая въ дядиномъ московскомъ домѣ, въ которой ярко топятся по угламъ бѣлыя изразцовыя печи.

И я сама, еще такая молодая, такая довѣрчивая и къ жизни, и къ людямъ, и тоже влюбленная... но такъ свѣтло, такъ беззавѣтно, такъ чисто, какъ-то совсѣмъ *иначе*, чѣмъ это было теперь...

Я иду по этой свѣтлой комнатѣ, за какой-то книгой въ кабинетъ Дмитрія и думаю «о немъ», и на сердцѣ у меня такъ радостно; я жду, жду всѣмъ существомъ своимъ чего-то прекраснаго, и хоть онъ и не говорилъ мнѣ еще о любви своей, но я уже чувствую ее; чувствую ее въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ его, которые онъ все дольше и дольше останавливаетъ на мнѣ... И это внутреннее сознаніе ея, наполняетъ меня всю такимъ счастьемъ, такой любовью и къ нему, и къ жизни, и къ людямъ, и ко всему міру, который кажется мнѣ прекраснымъ, уже потому, что въ этомъ мірѣ есть онъ.

И вотъ я вхожу въ кабинетъ, и вижу — его! И пораженная, не ожидавшая того, я невольно, съ радостно бьющимся сердцемъ, останавливаюсь на порогѣ, какъ остановилась и вчера...

И онъ тоже, какъ и тотъ вчера, поднимаетъ голову, и мигъ мы молча смотримъ другъ на друга, и моя радость точно переходитъ на него и освѣщаетъ все лицо его, и онъ вдругъ протягиваетъ мнѣ руки, эти милыя мнѣ руки, которыхъ я такъ давно, такъ горячо ждала, и съ тихимъ воплемъ счастья и восторга я бросаюсь къ нимъ на встрѣчу, и онѣ прижимаютъ меня къ своей груди такъ крѣпко и нѣжно, точно на вѣкъ хотятъ удержать меня на ней...

О какой растроганный восторгъ былъ на лицахъ насъ обоихъ, когда мы потомъ, сквозь слезы, сквозь лучшія слезы жизни нашей, взглянули другъ на друга!

Этой минутой мы точно, дѣйствительно, отдали жизни свои другъ другу, соединивъ ихъ навсегда до послѣднихъ дней, въ общія радости, въ общее горе...

Такъ, по крайней мѣрѣ, горячо вѣровали мы оба въ это *тогда*.

Тотъ мигъ тоже былъ, быть можетъ, наивысшимъ проявленіемъ любви нашей, но не охлажденіе и усталость вызвалъ онъ собой, а только еще большую силу этой любви, еще большее проникновеніе ею и вѣру въ нее.

И эта сцена, припомнившаяся мнѣ вдругъ изъ далекаго прошлаго, шевельнула въ душѣ что-то далекое, почти уже забытое, но такое безконечно милое и близкое мнѣ, что мнѣ казалось, что это было не 11 лѣтъ тому назадъ, а годъ, мѣсяцъ, недѣлю И прошлое, то прошлое, которое, я думала, что уже совсѣмъ убито въ душѣ моей, съ которымъ все казалось мнѣ порваннымъ снова выплыло откуда-то, точно изъ какого-то тумана, скрывавшаго его отъ меня, и охватило меня такимъ теплымъ, такимъ хорошимъ чувствомъ къ себѣ, предъ которымъ поблѣднѣли всѣ пережитыя невзгоды, отодвинулось все, что разъединяло, и мнѣ показалось, что если бы мужъ былъ бы здѣсь или какимъ-нибудь чудомъ вдругъ вошелъ бы сейчасъ сюда, я бросилась бы къ нему съ такой радостью и... и почти съ прежнею любовью!

Онъ вдругъ ожилъ въ душѣ моей со всѣмъ пережитымъ вмѣстѣ счастьемъ, съ пережитымъ вмѣстѣ горемъ, и я вновь почувствовала его безконечно близкимъ себѣ и такъ слившимся съ существованіемъ меня самой, такъ неотдѣлимымъ отъ дѣтей моихъ—«нашихъ дѣтей», что я даже не понимала теперь, какъ могла я думать, что будто бы все порвано и кончено между нами навсегда.

Да развѣ «это», скрѣпленное и переплетенное между собой такими безконечными нитями, которыя безъ мучительной, а можетъ быть даже и смертельной боли, нельзя ни порвать, ни сбросить съ себя, можно разорвать и кончить, пока не кончилась самая жизнь одного изъ насъ!

Но я вспомнила также и то, какъ далеко отошли мы за послѣднее время, какими чужими стали другъ для друга, и сердце сжалось тоской.

— Боже мой, Боже мой,—сказала я себѣ почти съ ужасомъ,—но какъ же могло это случиться? Какъ могли мы такъ уйти другъ отъ друга, и неужели же это уже непоправимо?

И въ первый еще разъ мнѣ пришло въ голову, что въ этомъ страшномъ отчужденіи виновата, быть можетъ, я, такъ же, какъ и онъ.

Можетъ быть, я сама мало берегла нашу любовь, мало цѣнила наше счастье и умѣла только требовать и возмущаться, а не умѣла и не хотѣла ни понимать, ни прощать. А кто знаетъ, можетъ быть, истина любви не въ требованіи, а въ прощеніи, не въ эгоизмѣ собственнаго «я», которое все покрываетъ для насъ, а въ пониманіи и снисхожденіи къ тому другому «я», которое должно быть выше, важнѣе своего собственнаго, и въ которое мы, занятыя своимъ чувствомъ, своими страданіями, такъ рѣдко даемъ себѣ трудъ заглянуть, понять и оправдать!

Кто знаетъ, можетъ быть, если бы я съ самаго начала нашла бы для него въ сердцѣ своемъ больше мягкости и снисхожденія, мы не ушли ли бы такъ далеко по пути того страшнаго отчужденія, которое какъ неразумныя дѣти, сами не вѣдающія, что творятъ, къ чему идутъ, мы такъ усердно старались раздувать другъ въ другѣ, вмѣсто того, что бы всѣми силами бороться противъ того!

Мнѣ вспомнилось торжествующее лицо Юліи Сергѣвны, всѣ ея злыя выходки противъ меня, всѣ наши унизительныя ссоры изъ-за нея съ мужемъ, и на мигъ въ душѣ моей опять вспыхнуло негодованіе и на нея, и на мужа, но тотчасъ же изъ-за ея образа выплылъ другой образъ—образъ N, и я невольно сказала себѣ:

— А ты сама!

— Да—повторила я себѣ,—«а я сама», и проснувшееся было негодованіе опять стихло, и въ душѣ все сильнѣе разросталось желаніе «примиренія».

— Я напишу ему, говорила я себѣ, и припомнивъ тѣ нѣсколько писемъ, холодныхъ и оффиціальныхъ, которыми мы обмѣнялись съ нимъ за это время, я почувствовала, что *теперь* я напишу уже иное... какое, *что* именно напишу—я еще неясно сознавала сама, но желаніе «написать» было такъ сильно, что мнѣ хотѣлось сейчасъ же приняться за это письмо; но пришла Паша, моя горничная, и сказала, что всѣ давно уже встали и дожидаются меня внизу.

Я опомнилась; было, дѣйствительно, уже поздно, и стала поспѣшно одѣваться; но мысль сойти внизъ и увидѣть опять № была мнѣ точно непріятна.

Я чувствовала въ этомъ неизбѣжно предстоявшемъ мнѣ сви-

даніи какую-то фальшь и неловкость; но дѣлать было нечего, надо было все-таки выйти.

Когда я спустилась, всѣ встрѣтили меня громкими восклицаніями, и даже N сказалъ: «наконецъ!»

И это маленькое, невольно, видимо, вырвавшееся у него восклицаніе невольно смутило меня еще больше и заставило слегка вздрогнуть.

«Неужели въ немъ это еще держится?» подумала я почти съ удивленіемъ, потому что разъ, потухнувъ во мнѣ, это неизбѣжно, казался мнѣ, должно было отразиться и въ немъ.

Я съ любопытствомъ взглянула въ его лицо; въ немъ было слегка точно смущенное, но довольное выраженіе, и глаза его глядѣли на меня все съ той же нѣжной радостью, какъ и вчера.

Я улыбнулась ему, сама не знаю зачѣмъ; но сейчасъ же отвела взглядъ въ сторону и уже все время избѣгала встрѣчаться съ нимъ глазами; но не потому уже, что эти встрѣчавшіеся взгляды нашихъ глазъ заставляли меня терять надъ собой волю, а только потому, что, встрѣчаясь съ ними, я чувствовала какой-то стыдъ...

Лиза съ Борисомъ заявили, что они дожидались только меня, чтобы отправиться гулять, и что теперь самая пора идти.

Мы вышли всѣ въ садъ и пошли по обыкновенію къ рѣкѣ.

Сначала мы шли всѣ вмѣстѣ, но N старался держаться ближе комнѣ; мнѣ было пріятно и весело, какъ бываетъ это иногда послѣ удачной прогулки или хорошаго спектакля, впечатлѣніе отъ которыхъ еще не вполнѣ улеглось.

Я незамѣтно приглядывалась къ N, и мнѣ было пріятно сознаніе, что если ужъ мнѣ суждено было увлечься, что я увлеклась именно имъ. Въ немъ было что-то выдѣлявшее его для меня изъ толпы даже и теперь. Мнѣ нравилось его лицо съ мягкимъ выраженіемъ глазъ и суровой складкой нѣсколько чувственнаго рта; нравилась его почти юношеская фигура, всѣ движенія которой были полны изящной простоты, его манера носить волосы откинутыми къ верху со лба, который отъ этого казался еще прекраснѣе и благороднѣе, а главное нравился тотъ особенный отпечатокъ культуры, который бываетъ только у людей съ очень развитою духовною жизнью и много работающихъ умомъ; но его легкій еврейскій типъ теперь казался мнѣ уже гораздо сильнѣе и слегка точно уже портилъ его.

Я шла съ нимъ рядомъ почти весело, спокойно перебрасываясь и съ нимъ, и съ другими разными короткими фразами и замѣчаніями, но когда Сережа, желавшій, вѣроятно, доставить мнѣ тѣмъ удовольствіе, увелъ впередъ Лизу съ Борисомъ, и мы съ N очутились вдвоемъ, мое пріятное настроеніе духа разомъ

испортилось, и я почувствовала такую напряженную неловкость отъ этого ненужнаго намъ tête-a-tête, что это передалось даже и N.

Опять я не знала, о чемъ говорить съ нимъ, чѣмъ занимать его, а тѣ маленькіе разговоры наши à part, которые мы умудрялись вести съ нимъ подъ говоръ другихъ, точно утратили всякій смыслъ и прелесть, и я больше всего боялась, какъ бы онъ опять не началъ ихъ.

Но онъ не начиналъ. Онъ шелъ, почти не разговаривая, и это еще больше увеличивало мою неловкость, тѣмъ болѣе, что я видѣла, какъ порой онъ мелькомъ, но съ удивленіемъ взглядывалъ на меня, и по мѣрѣ того, какъ мы шли съ нимъ такъ вдвоемъ, его лицо, сначала такое оживленное и ласковое, дѣлалось все пасмурнѣе и холоднѣе.

Я чувствовала, что онъ опять «уходитъ въ себя», и одновременно радовалась этому и жалѣла о томъ, но нарочно выбирала все такія банальныя темы, которыя теперь, послѣ того, что было, казались еще скучнѣе и холоднѣе и еще больше отодвигали насъ другъ отъ друга.

Когда мы подошли, наконецъ, къ обрыву, у котораго уже сидѣли наши, я вздохнула почти съ облегченіемъ.

Я вспомнила, какъ на этомъ мѣстѣ мы провожали его въ послѣдній разъ... Какъ онъ, уже сидя въ лодкѣ, прощался со мной своимъ нѣжнымъ долгимъ взглядомъ,—какъ я крикнула ему «пріѣзжайте!»

И казалось, что все это было уже давно! Даже весь вчерашній вечеръ, казалось, отошелъ уже такъ далеко и столько уже отдѣляло насъ отъ него... Мы молча смотрѣли на рѣку, которая горѣла и рябилась на солнцѣ, какъ расплавленное серебро.

Она катилась предъ нами могучая, свободная, легко и широко уходя въ даль, за мѣловые утесы, которые мягкими, лиловатыми контурами вырѣзывались на безоблачномъ яркомъ небѣ.

Но эта могучая красота окружавшей насъ природы слишкомъ сильно и наглядно дисгармонировала, съ тѣмъ упадкомъ настроенія, который былъ теперь въ нашихъ душахъ, и мы предъ ней словно казались еще меньше, еще ничтожнѣе, еще безсильнѣе....

Я взглянула украдкой на N; онъ стоялъ вблизи меня, задумчиво, почти сурово глядя на разстилавшуюся предъ нами даль, и казался такимъ одинокимъ и печальнымъ.

Мнѣ стало жаль его... а главное, жаль того, что ушло изъ моей души къ нему, захотѣлось подойти къ нему, взять его руку, что-то сказать ему...

Но что сказать? Сказать было нечего, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ примолкли. Точно всѣмъ было не то грустно, не то скучно, не то просто неловко, и всѣ не знали зачѣмъ пришли сюда.

— Пойдемъ лучше въ комнаты...—сказала тихо Лиза, и всѣ машинально поднялись и лѣниво повернули назадъ.

Но и въ комнатахъ, также какъ и здѣсь, какъ и въ паркѣ, стало какъ-то нечего дѣлать, точно изъ всего окружающаго изчезла какая-то соединявшая насъ всѣхъ связь, какой-то внутренній смыслъ...

Сережа опять увелъ отъ насъ впередъ свою маленькую компанію. Онъ не понималъ еще, что это было уже совсѣмъ лишнее, и что чѣмъ больше было вокругъ насъ съ N постороннняго народа, еще вчера такъ мѣшавшаго намъ, тѣмъ намъ съ нимъ было удобнѣе.

Мы шли съ нимъ рядомъ, но я чувствовала его такимъ чужимъ, такимъ уже далекимъ отъ себя.

— И такъ вы уѣзжаете?—спросила я только для того, чтобы не молчать, но сейчасъ же подумала, что именно этого-то и не слѣдовало спрашивать.

Онъ слегка вздрогнулъ, оторвался отъ какихъ то мыслей, и поднявъ на мгновеніе голову, сейчасъ же опустилъ ее опять.

— Да,—проговорилъ онъ спокойно,—уѣзжаю.

Тогда во мнѣ вдругъ шевельнулось какое-то недоброе чувство къ нему; захотѣлось какъ-то уколоть его, и я спросила его съ маленькой ироніей:

— На этотъ разъ уже навѣрное?..

Его лицо вспыхнуло густой краской рѣдко краснѣющаго человѣка, и онъ взглянулъ на меня оскорбленнымъ взглядомъ.

— Да,—сказалъ онъ почти рѣзко,—теперь меня уже ничто не задерживаетъ.

Тогда почувствовавъ въ его словахъ умышленную обиду себѣ, покраснѣла, въ свою очередь, я, и мнѣ захотѣлось сказать ему что-нибудь злое и скорбительное.

Я подняла на него глаза и вдругъ встрѣтилась съ его... Это продолжалось какъ и вчера, одинъ лишь мигъ, но и въ этотъ короткій мигъ я успѣла замѣтить въ его глазахъ, еще вчера улыбавшихся мнѣ и искавшихъ встрѣчи съ моими, такое холоное и враждебное выраженіе, отъ котораго въ сердцѣ моемъ еще сильнѣе закипѣло острое чувство обиды.

Мы точно мстили теперь другъ другу за что-то, вѣрно за ту минутную слабость, которой оба допустили захватить себя, и этимъ взглядомъ затаенной вражды и обиды точно отплатили за тотъ взглядъ любви, что вырвался у насъ вчера. И больно мнѣ стало отъ этого недобраго взгляда, и такая тоска вдругъ заныла на сердцѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ это?—сказала я себѣ съ упрекомъ.—За что мы мстимъ другъ другу? Зачѣмъ это желаніе какъ-то задѣть и оскорбить одинъ другого? Нужели только оттого, что одинъ мигъ мы любили другъ друга? Но развѣ можно за это мстить, развѣ

можно *за это* возненавидѣть? Зачѣмъ же мы добровольно портимъ то, что, въ сущности, было только прекрасно?..

Я сознавала, что тонъ этой странной вражды, первая взяла я и раскаявалась теперь въ томъ, чувствуя, какъ испортила тѣмъ все впечатлѣніе не только въ своей, но и въ его душѣ.

Молча, съ холодными скучающими лицами шли мы другъ подлѣ друга, и когда были уже совсѣмъ близко отъ дома, я, охваченная своимъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ къ тому, что сама же испортила, остановилась на мгновеніе и спросила, не глядя на него:

— И вы... вы не могли бы остаться еще?...

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его я почуствовала такой холодъ и равнодушіе, что невольно повторила за нимъ про себя:

— Зачѣмъ!..

Да, конечно, зачѣмъ бы все это было теперь? Что-то порвалось между нами, что-то улетѣло изъ нашихъ душъ, точно та электрическая искра, которая пробѣгала въ насъ при каждомъ взглядѣ нашемъ другъ на друга, вдругъ потухла и исчезла, и не въ нашей власти было вернуть все это снова, даже если бы мы и захотѣли того!

Все равно не вышло бы уже ничего, кромѣ натяжки и фальши.

Когда мы вошли въ домъ, N почти тотчасъ же обратился къ Сережѣ съ просьбой о лошадяхъ.

Онъ говорилъ, что ему необходимо ѣхать сейчасъ же послѣ обѣда, такъ какъ въ 6 часовъ ему будто бы надо было уже быть въ городѣ.

По лицу Сережи пробѣжало удивленное выраженіе; и онъ съ недоумѣніемъ и растеряно поглядѣлъ на меня и на N; но ничего не сталъ возражать и сказалъ, что сейчасъ же всѣмъ распорядится.

Лиза тоже растерялась, поблѣднѣла и стала такая жалкая, что мнѣ даже жаль ее стало.

Она чувствовала вѣрно, что случилось что-то, вдругъ нарушившее вокругъ нея ту атмосферу любву, въ которой ей жилось такъ радостно, и только глядѣла на насъ несчастными, словно въ чемъ-то укоряющими насъ глазами, но ничего не понимала.

Обѣдъ прошелъ тихо и вяло; всѣ были не въ духѣ, но всѣ старались скрыть это и, какъ возможно, поддержать поминутно обрывавшійся разговоръ.

Время отъ времени мы перебрасывались съ N короткими фразами, но тщательно избѣгали при этомъ глядѣть другъ на друга. Въ душѣ моей наростало еще какое-то новое чувство, точно сознаніе какой-то вины предъ нимъ. Вина за то, что было, и еще больше за то, что это «что-то» прошло такъ скоро и внезапно.

Черезъ часъ послѣ обѣда N уѣхалъ, и когда онъ въ послѣдній разъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ на прощаніе мою руку, въ душѣ моей вдругъ опять проснулось къ нему что-то и къ тому, *что* онъ далъ пережить мнѣ, и охватила такая жалость, что это порвалось такъ безслѣдно, и онъ уже никогда не вернется сюда тѣмъ «моимъ», какимъ я чувствовала его все это время, такъ сильно охватила меня, слезы, неожиданно для меня самой, чуть не брызнули изъ глазъ моихъ.

Вѣрно, то же чувство было и въ его душѣ, потому что, когда онъ поднялъ голову, въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ было опять нѣжное и печальное выраженіе, точно и онъ съ чѣмъ-то мысленно прощался въ эту минуту, что-то опять любилъ.

И мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ нимъ отлетаютъ и послѣднія мечты моей послѣдней молодости, и что въ этихъ послѣднихъ дняхъ ярко вспыхнули и догорѣли послѣднія силы ея.... А подлѣ меня стояла Лиза, тоже вся блѣдная и несчастная, и свѣтлые глаза ея были полны слезъ... первыхъ слезъ первой любви...

И N уѣхалъ... а мы еще долго стояли на крыльцѣ и глядѣли ему вслѣдъ, каждый занятый своими мыслями, но всѣ такъ или иначе выбитые имъ изъ обычной повседневной колеи своей.

Странно было у меня на душѣ.... И грустно какъ-то, и жаль чего-то, и въ то же время точно какая-то тяжесть, угнетавшая меня все это время, упала наконецъ, съ моихъ плечъ...

Когда N совсѣмъ скрылся, я взяла Сережу подъ руку, и мы спустились съ нимъ въ садъ.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня и, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Чтоже все это значитъ, Катюша?

— Что это значитъ?—повторила я за нимъ,—это значитъ, что все прошло!

— Но почему же, отчего же? Я ничего не понимаю!—сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Не знаю,—сказала я,—сама не знаю, отчего, почему... знаю только, что все кончилось...

— Кончилось, едва начавшись! Странный конецъ, въ которомъ почти не было начала! сказалъ онъ, съ удивленіемъ пожимая плечами.

— Нѣтъ,—сказала я,—начало было, и оно было прекрасно!—и невольно думала, что въ любви самое прекрасное, быть можетъ, только и есть, что это начало.

Развѣ не было прекрасно начало нашей любви съ мужемъ? А между тѣмъ, къ чему пришли мы съ нимъ потомъ? Къ какому полному охлажденію, къ какому унизительному поруганію этой любви! Не тоже-ли самое ждало насъ впереди и съ N! Не тоже-ли разочарованіе только еще гораздо болѣе унизительное и мучительное.

не тоже ли страшное, но почти неизбѣжное охлажденіе, не тѣ же ли обманъ, ложь и страданіе. И кто знаетъ, не горечь ли уже пережитого остановила во мнѣ эту новую начинавшуюся любовь, невольно подорвавъ вѣру въ ея возможность, въ ея прочность, въ ея счастье.

Да и можетъ ли въ наши годы, если мы несвободны, начаться новая жизнь сердца!

Не было ли бы это только простымъ самообманомъ, миражемъ счастья, да и то или украденнаго нечестной измѣной, точно убійство изъ-за угла, или же тяжелой драмой, въ которой каждая минута этого завоеваннаго счастья отравлялась бы сознаніемъ горя другихъ и своими собственными страданіями! Дѣвочки, какъ Лиза, не знающія еще жизни, могутъ не понимать того, не думать о томъ и находить свое счастье вопреки всему и всѣмъ; но мы уже все пережившія, все понявшія—мы уже не можемъ безнаказанно наслаждаться такимъ счастьемъ и рано или поздно, но заплатимъ за него судьбѣ, у которой насильно взяли его. Я думала обо всемъ этомъ, и меня вдругъ охватила жажда признанія во всемъ, что пережила я за эти мятежные дни. Я все еще была такъ полна впечатлѣніемъ ихъ, что мнѣ хотѣлось еще разъ снова пережить ихъ... разобраться въ самой себѣ уже спокойнѣе и сознательнѣе и уяснить самой себѣ, какъ все это началось, какъ выросло въ душѣ моей, какъ захватило ее всю какимъ-то сладкимъ опьянѣніемъ и какъ вдругъ потухло, такъ неожиданно для меня самой, почти въ тотъ самый мигъ, когда эта страсть, казалось, всего сильнѣе завладѣла мною.

Мы ушли съ Сережей къ обрыву, моему излюбленному мѣсту и просидѣли тамъ вплоть до сумерекъ и все, что такъ смущенно скрывала я отъ него, о чемъ мнѣ стыдно и непріятно было даже думать при немъ, все это я теперь разсказала ему съ такой легкостью, съ такой полной откровенностью, которыя даже удивили меня самое.

Но я знала, что никто не пойметъ меня такъ, какъ умѣлъ понимать меня всегда онъ, и хотя сама любовь казалась уже совсѣмъ замерла во мнѣ, но говорить о ней и объ N все еще доставляло мнѣ какое-то странное наслажденіе.

Былъ уже почти вечеръ, когда мы съ нимъ вернулись въ домъ и вернулись, кажется, еще болѣе близкіе другъ другу, чѣмъ когда бы то ни было, потому что *то, что* я разсказала ему, еще больше сблизило насъ.

Лизу съ Борисомъ мы застали все на томъ же крыльцѣ, съ котораго проводили N.

Она сидѣла на ступенькахъ его, грустно склонившись головой на руку и задумчиво смотрѣла въ небо, гдѣ уже загорались пер-

выя, вечернія звѣзды, а Борисъ стоялъ подлѣ нея, облокотившись на выступъ крыльца и что-то громко и съ жаромъ разсказывалъ ей.

И хотя лицо ея все еще было грустно и блѣдно, но она прислушивалась къ его словамъ уже съ видимымъ интересомъ, а глаза ея еще разсѣянные и печальные уже взглядывали на него порою, съ какимъ-то удивленіемъ и любопытствомъ, точно она впервые только замѣтила его. И я невольно подумала: «какая славная пара выйдетъ изъ нихъ».

Вечеромъ, прощаясь съ дѣтьми, я долго ласкала и крестила ихъ и уже не холодно и машинально, какъ все это время, а съ вновь проснувшейся теплой вѣрой, которую такъ тщетно искала въ себѣ все это время.

Я вглядывалась въ ихъ милыя личики и цѣловала ихъ съ такою растроганною нѣжностью, точно не видѣла ихъ все это время, точно они только что вернулись ко мнѣ откуда-то издалека.

И мой Воликъ словно угадалъ, что творится въ душѣ моей. Онъ пытливо всматривался въ меня своими задумчивыми глазами и вдругъ тихонько спросилъ у меня:

— Муся, N совсѣмъ уѣхалъ?

Я вздрогнула и вспыхнула вся отъ этого простого вопроса, въ которомъ мнѣ почудилось что-то особенное.

— Совсѣмъ, дѣточка,—сказала я слегка смущенно.

— И ужъ больше не пріѣдетъ къ намъ на дачу?—продолжалъ онъ, какъ-то странно вглядываясь въ меня, и я чувствовала сама, какъ все больше смущаюсь подъ этимъ пытливымъ, дѣтскимъ взглядомъ, который точно силился проникнуть въ самую глубь души моей и угадать въ ней то, что, можетъ быть, ему лучше бы было не угадывать никогда.

— Вѣрно ужъ не пріѣдетъ,—отвѣтила я, невольно отводя свои глаза отъ его.

— А папа скоро пріѣдетъ?

— Не знаю, дѣточка...

— Ну такъ напиши ему, чтобы онъ скорѣй пріѣзжалъ бы...—сказалъ онъ мнѣ на ухо и вдругъ, точно чего-то застыдившись, обхватилъ мою шею руками и, крѣпко прижавшись ко мнѣ всѣмъ своимъ худенькимъ, теплымъ тѣльцемъ, спряталъ головку на моемъ плечѣ.

О мой милый, дорогой мальчикъ!—Если бы онъ зналъ, какъ совпали наши желанія!

— Напишешь, мусинька?..—прошепталъ онъ.

— Напишу, мой дорогой,—сказала я ему тоже тихонько.

— Когда,—спросилъ онъ,—завтра?..

Я молча кивнула ему головой, и все его личико вспыхнуло ра-

достью; онъ еще крѣпче обхватилъ меня руками, и нѣсколько минутъ мы молча осыпали одинъ другого поцѣлуями и глядѣлись въ глаза другъ друга съ такой чистою и нѣжною любовью, предъ которой моя потухшая страсть, казалась мнѣ еще грѣшнѣе... еще ничтожнѣе...

Но что думалъ онъ, мой мальчикъ, что угадывалъ своей чуткой, дѣтской душой, что пережилъ, быть можетъ, про себя за это время! Мнѣ припомнилось, что всѣ эти дни онъ точно не былъ со мной такъ простъ и непосредственъ, какъ всегда... Особенно при N. Онъ точно сторонился его, и всегда такой ласковый и привѣтливый со всѣми, съ N особенно послѣднее время былъ, какъ то нервенъ и капризенъ, и хотя обыкновенно почти не отходилъ отъ меня, но какъ только N пріѣзжалъ, Воликъ куда-то скрывался и не показывался по нѣсколько часовъ. Что если онъ, дѣйствительно, что-нибудь понялъ, что-нибудь угадалъ? Я содрогнулась отъ страха и робко взглянула въ его глаза, эту самую чуткую совѣсть моей души.

И какъ они похожи на отцовскіе! Мнѣ казалось, что это онъ, Владиміръ, мой Владиміръ прежнихъ лѣтъ, глядитъ на меня ими; глядитъ изъ того прекраснаго прошлаго, когда въ нихъ еще было столько любви ко мнѣ... когда они еще отражали въ себѣ каждую улыбку мою, и мнѣ чудился въ нихъ теперь и укоръ, и радость, и возвратъ... да, да, мой мальчикъ, помири насъ съ отцомъ, ты, вѣдь, все то лучшее, что было въ насъ самихъ; вся наша любовь, всѣ наши лучшіе мечты и идеалы, всѣ самыя чистыя и высокія стремленія, которыми такъ полны были мы тогда, все воплотилось въ тебѣ и все что не съумѣли и не смогли сдѣлать мы, сдѣлаешь, быть можетъ, за насъ ты и, дастъ Богъ, ты будешь лучше, честнѣе и добрѣе насъ!

Крѣпко заснула я въ ту ночь и на утро проснулась такая бодрая и свѣжая, точно только что выкупалась въ холодной рѣчной водѣ, и въ первый еще разъ за весь этотъ мѣсяцъ образъ N не всталъ сейчасъ же предъ мной и не смутилъ мнѣ дня съ первой же минуты его.

Я сейчасъ же прошла опять къ дѣтямъ, подняла ихъ еще сонныхъ и парныхъ съ постелей, сама помогла имъ одѣться, наслаждаясь ихъ близостью и тѣмъ, что я опять съ ними и, главное, опять *хочу быть съ ними*.

И они точно чувствовали инстинктомъ, что я снова *вернулась* къ нимъ, и съ веселымъ, радостнымъ лепетомъ ласкались ко мнѣ, и своими ласками и той любовью, которой опять полно было къ нимъ все существо мое, какъ бы невольно сближали меня съ мужемъ. Они смотрѣли на меня «его» глазами, въ звукахъ ихъ голосовъ мнѣ слышался *его* голосъ; каждый изъ нихъ напоминалъ

мнѣ чѣмъ нибудь его; въ каждомъ оживала какая нибудь страница пережитой вмѣстѣ жизни, и своими ласками, своимъ лепетомъ, они точно звали меня къ своему отцу и ко всему тому хорошему, что было въ нашемъ прошломъ съ нимъ... и лаская ихъ, я точно, дѣйствительно примирялась съ нимъ и возвращалась душой опять къ нему, еще сильнѣе сознавъ теперь, какая это страшная и нераздѣлимая связь—общія дѣти.

— Ты написала, мамуся?—спросилъ меня тихонько опять мой Воликъ.

— Нѣтъ еще,—сказала я ему тоже на ухо,—но напишу.

— Сегодня?—спросилъ онъ.

— Сегодня,—сказала я, улыбаясь, ему, и онъ бросился цѣловать меня, а другіе дѣти, видя, что мы о чемъ то съ нимъ шепчемся, заинтересовались и спрашивали меня:

— Мама, что онъ тебѣ сказалъ?—скажи намъ.

Но Воля руками закрывалъ мнѣ ротъ и говорилъ.

— Нѣтъ, мусинька, нѣтъ, не надо, пусть это только намъ съ тобой, пусть это *наше* только, не говори больше никому!

И я видѣла, какъ онъ былъ счастливъ этой общей тайной со мной, которую знали только мы съ нимъ и... и сама была счастлива вмѣстѣ съ нимъ.

— Да,—говорила я себѣ радостно,—я напишу ему, напишу сегодня же!—и я уже не вѣрила больше во власть надъ нимъ Юліи Сергѣевны, одно имя которой отталкивало его отъ меня прежде; я даже не думала о ней больше, а думала только о немъ и о возвратѣ нашихъ прежнихъ теплыхъ отношеній, если ужъ не прежней любви, къ которымъ невольно стремилось теперь все существо мое.

Утромъ за чаемъ я шепнула Сережѣ:

— Знаешь, я напишу Володѣ...

— Что ты напишешь?—спросилъ Сережа съ легкой тревогой.

— Не знаю,—сказала я,—сама еще не знаю, только непремѣнно напишу.

Но едва я ушла къ себѣ и сѣла за это письмо, какъ пришла почта, и черезъ минуту Воликъ уже бѣжалъ ко мнѣ, высоко держа надъ головой письмо съ заграничнымъ штемпелемъ:

— Мама, мама,—кричалъ онъ еще снизу,—тебѣ письмо отъ папы!

Это было точно какое-то предзнаменованье; я вскочила со стула, бросилась на встрѣчу и дрожащими пальцами быстро разорвала конвертъ.

«Дорогая моя!» стояло на первой же строчкѣ, и отъ этихъ первыхъ словъ, отъ этого такъ знакомаго мнѣ почерка, одинъ видъ кот раго будилъвъ душѣ столько воспоминаній, сердце мое ра-

достно забилось, и въ душѣ поднялось такое хорошее, такое теплое чувство къ тому, кто написалъ эти строки.

Отъ волненія я почти не разбирала словъ и плохо улавливала смыслъ ихъ, угадывая только больше инстинктомъ, что отъ письма этого вѣетъ той же теплотой и нѣжностью, какая была и въ моей собственной душѣ.

За полтора мѣсяца нашей разлуки онъ писалъ мнѣ раза три, но тѣ письма были такія холодныя и чужія, писавшіяся, видимо, только изъ чувства долга, и читая ихъ, я только еще горше и яснѣе сознавала, какъ далеки стали мы другъ другу, и это письмо было первымъ еще, отъ котораго повѣяло опять чѣмъ-то теплымъ и хорошимъ.

Въ немъ чувствовалась точно грусть и одиночество. Очевидно, оно было писано подъ впечатлѣніемъ его первыхъ разочарованій въ этой женщинѣ и подъ вліяніемъ его въ душѣ его, такъ же какъ и въ моей, началъ совершаться такой же поворотъ къ прошлому, къ семьѣ, гдѣ когда-то онъ былъ такъ счастливъ и любимъ, пока самъ не ушелъ отъ нея...

О, милое, милое прошлое, мы сами не знаемъ, какую силу имѣетъ оно надъ нами! Какъ тяжело, съ какими сомнѣніями и колебаніями разрываемъ мы съ нимъ и какъ легко возвращаемся къ нему, этому пережитому, милому и сильному надъ нами уже одной привычкой своей.

Много разъ перечитала я потомъ это письмо и много и долго думала надъ нимъ.

Да, думала я, вотъ мы чуть совсѣмъ не ушли другъ отъ друга, и я думала, что съ прошлымъ уже все кончено и порвано въ душѣ моей, и вотъ достаточно было одной картины изъ него, воскресшей въ памяти, достаточно одного теплаго письма, и оно вновь все ожило и проснулось въ душѣ опять такимъ милымъ и близкимъ опять такъ слившимся съ моимъ собственнымъ существованіемъ такъ нераздѣльнымъ отъ того, что было самымъ лучшимъ и святымъ въ немъ, дѣтьми моими, что я поражалась теперь, какъ могла думать, что будто бы оно могло кончиться, могло порваться Порваться, когда вся наша жизнь переплелась такими нераздѣльными и безконечными нитями, что казалось обѣ наши жизни точно слились въ одну. Но если это такъ, то какъ могли мы дойти до такого полнаго разлада! Дойти до той ненависти почти другъ къ другу, которая порой подъ вліяніемъ этихъ страшныхъ ссоръ и оскорбленій охватывала насъ обоихъ.

И опять мнѣ пришло въ голову, что въ этомъ кроется, быть можетъ, такая же вина съ моей стороны, какъ и съ его, хотя на видъ виновнымъ былъ только онъ одинъ, а я какъ будто была ни въ чемъ не виновата!

Быть можетъ, если бы съ самаго начала, вмѣсто осужденія и негодованія противъ него, я нашла бы въ сердцѣ своемъ для него больше пониманія и снисхожденія,—мы не разошлись бы такъ далеко, какъ теперь, и самая любовь его къ этой женщинѣ была бы, быть можетъ, гораздо меньше и не отняла бы его отъ меня до такой степени, какъ это случилось теперь.

Но тогда я, гордая своей мнимой добродѣтелью, умѣла больше возмущаться, чѣмъ понимать, и, переставъ быть его любовницей, вмѣсто того, чтобы остаться другомъ его, чуть не сдѣлалась его врагомъ!

Но было ли у меня право на эту вражду и такое полное осужденіе?

Судьба точно посмѣялась надо мной и показавъ на мнѣ же самой, какъ легко увлекаются люди, а разъ увлекшись, какъ уже не трудно придти имъ къ тому, что мы называемъ измѣной и паденіемъ!

Что изъ того, что я осталась «чистой»! Любовь моя все-таки не была чиста уже потому, что преобладающимъ ея элементомъ была *страсть*! И если совѣсть можетъ не упрекать меня, зато сознаніе не можетъ обманывать, и я знаю, что когда 12 лѣтъ тому назадъ я чистою молодою дѣвушкою полюбила моего мужа, то любовь моя къ нему была не меньше той, которая охватила меня теперь, но я лучше владѣла собой тогда, и самый характеръ той любви былъ совсѣмъ иной, болѣе высокій и благородный, потому что каждый помыселъ ея былъ тогда чистъ и ясенъ!

А теперь,—теперь не только сама я, но всякая мысль моя была точно затуманена какимъ-то опьяненіемъ, сладкимъ, но недостойнымъ, и одинъ взглядъ N зажигалъ меня большею страстью, чѣмъ тогда самые страстные поцѣлуи моего мужа.

Я помню, какимъ высокимъ и прекраснымъ идеаломъ представлялся мнѣ мой будущій мужъ! Онъ казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ героя или полубога, во всякомъ случаѣ прекраснѣйшимъ изъ людей, призваннаго въ міръ только для того, чтобы открыть ему какіе-то высшіе идеалы и выполнить въ нихъ какую-то высокую миссію. Каждому его слову я внимала чуть не съ благоговѣніемъ, вѣрила въ него такъ горячо, такъ страстно ждала отъ него какихъ-то подвиговъ, откровеній и указаній къ какому-то новому пути, на который по первому его слову съ восторгомъ готова была броситься сама, и жадно искала въ немъ той высшей правды, къ которой такъ горячо рвется сердце въ двадцать лѣтъ!

И понадобилось много лѣтъ, много обидъ, мелкихъ и крупныхъ, много горечи и разочарованій, прежде чѣмъ онъ пересталъ быть въ моихъ глазахъ богомъ и остался только тѣмъ «однимъ изъ лучшихъ людей», котораго я любила уже, не благоговѣя, уже не

снизу вверхъ, а какъ вѣрный другъ и равный товарищъ его, знавшій всѣ его слабости и недостатки и уже не ждавшій отъ него больше ни подвиговъ, ни откровеній, но все еще готовый отдать за него свою жизнь...

А чего же искала и ждала я отъ N! Онъ не представлялся мнѣ ни богомъ, ни героемъ, ни даже «лучшимъ изъ людей»; я не воображала, что онъ внесетъ какіе-то лучшіе и высшіе начала въ мою жизнь. И не потому, чтобы думала, что *въ немъ нѣтъ ихъ*, а потому, что сама была уже *не тѣмъ полна*, искала въ немъ только его самого да той влюбленной страстности, которую инстинктивно жаждало во мнѣ въ послѣдній разъ мое женское существо и подъ опьяненіемъ которой я забывала обо всемъ и не думала и не желала думать ни о чемъ, что мѣшало ей.

И вотъ, если я заслуживала за то наказанія, то оно явилось само собою въ этомъ сознаніи, за которое краснѣла теперь наединѣ съ собою.

Но развѣ могла я съ этимъ сознаніемъ на душѣ судить теперь моего мужа? Не я ли сама говорила, что ужасъ измѣны не въ физическомъ ея проявленіи, а въ душевномъ; а если это такъ, то развѣ я не измѣнила ему—я, блѣднѣвшая отъ одного взгляда этого человѣка, я, засыпавшая и просыпавшаяся все съ тою же мыслью о немъ!

О, нѣтъ, не осужденіемъ, не презрѣніемъ, какъ прежде, и не негодованіемъ была полна теперь моя душа къ нему, а только жаждою полнаго примиренія съ нимъ, полнаго возврата къ нему, полнаго прощенія другъ къ другу...

Не помню уже теперь ясно, что я тогда писала ему, но помню то растроганное нѣжное чувство, которое было во мнѣ при этомъ; помню тѣ слезы, что катились изъ глазъ моихъ, пока я писала это письмо, въ которомъ все разсказала ему... О, какъ хотѣлось мнѣ скорѣй заставить долетѣть до него это письмо; какъ долги казались мнѣ тѣ три недѣли, раньше которыхъ я не могла разсчитывать получить отъ него отвѣтъ. Но я получила его раньше. Прошло всего десять дней, какъ мнѣ привезли изъ Казани телеграмму, гдѣ французскими буквами стояло всего нѣсколько русскихъ словъ... но какихъ хорошихъ, какихъ нѣжныхъ и искреннихъ, вырвавшихся у него, видимо, прямо изъ души.

Онъ телеграфировалъ мнѣ:

«Сейчасъ получилъ письмо, дорогая моя, всѣмъ сердцемъ благодарю и обнимаю тебя за него. Пишу тебѣ сегодня же. Цѣлую крѣпко тебя и дѣтей. Твой всегда Владиміръ». О, сколько разъ перечитала я эту милую мнѣ телеграмму! Сколько любви, восторга и вѣры—вѣры въ будущее, вѣры въ прошлое, подняло оно снова въ душѣ моей. И міръ, и жизнь, и наша любовь снова стали ка-

заться мнѣ такими свѣтлыми и прекрасными и всей пережитой горечи, всѣхъ тяжелыхъ разочарованій точно и не было никогда.

Я показала депешу Сережѣ, и когда онъ прочелъ ее, въ глазахъ его также заблестѣли слезы.

— Ну, слава Богу!—сказалъ онъ, горячо обнимая меня.—Вотъ это лучше, Катюша...

— Чѣмъ что?—спросила я...

— Чѣмъ то, что было начиналось...—сказалъ онъ тихонько и, точно испугавшись, что обидѣлъ меня или дотронулся до того, до чего можетъ быть не слѣдовало дотрогиваться, еще нѣжнѣе обнялъ меня и поцѣловалъ мои руки.

— Теперь я уѣду спокойно,—продолжалъ онъ,—а къ вамъ, Богъ дастъ, вернется снова все прежнее, хорошее.

Милый мой Сережа, вотъ онъ умѣетъ любя не думать о себѣ и забывать о своемъ счастьи, о своихъ страданіяхъ, для счастья тѣхъ, кого онъ любитъ... Но онъ уже родился съ этимъ даромъ...

Чрезъ нѣсколько дней пришло и письмо, и какое письмо! Слезы, счастливыя, радостныя слезы хлынули изъ глазъ моихъ, когда я прочитала его, и мой Володя, мой милый прежній мужъ, съ которымъ мы были такъ счастливы, такъ любили другъ друга, ожилъ весь въ душѣ моей и точно звалъ меня къ себѣ издалека этихъ прошлыхъ дней всею силою нашей прежней любви.

Съ этого дня между нами началась самая горячая переписка и, быть можетъ, лучшая за всю нашу жизнь, потому что первые хорошіе годы наши мы почти не разлучались, а когда начали разлучаться, чувство было уже подорвано.

Теперь же, въ этихъ письмахъ, мы точно стремились все простить одинъ другому, все забыть и только вернуться другъ къ другу всей душой, какъ это было когда-то прежде, и казалось, что это переписываются не мужъ съ женою, женатые уже больше 10 лѣтъ и уже успѣвшіе дать другъ другу много горя и разочарованія, а нѣжно и глубоко влюбленные, еще страстно вѣрующіе въ свою любовь.

Въ началѣ августа я получила отъ него телеграмму объ его возвращеніи уже изъ Нижняго, и это вмѣсто середины сентября, какъ предполагалось раньше.

Когда я прочла ее и поняла, что наутро онъ будетъ уже здѣсь, въ Казани, и мы свидимся наконецъ, я не сомкнула глазъ всю ночь и она казалась мнѣ такой долгой, такъ измучила меня ожиданіемъ, что я едва дождалась разсвѣта и въ 6 часовъ была уже готова.

Но мучительнѣе всего былъ тотъ послѣдній часъ, который я провела на пристани въ ожиданіи парохода. Мнѣ казалось, что я никогда не дождусь его и каждую минуту напряженно и нетер-

пѣливо вглядывалась я вдаль и сердце билось и замирало отъ одной мысли, что сейчасъ, сейчасъ онъ опять будетъ здѣсь подлѣ меня; сейчасъ я снова увижу его, снова, какъ прежде давно, давно прижмусь къ груди его и выплачу на ней все горе, всю накопившуюся боль всего, что разъединило насъ.

И вотъ вдали показался, наконецъ, бѣлый корпусъ парохода. Все ближе, ближе; вотъ уже воздухъ колыхнулся отъ его густого могучаго рева; вотъ кто-то взмахнулъ на немъ бѣлымъ платкомъ и я почувствовала, что это онъ, онъ, мой Володя, мой мужъ, и рука сама собою поднялась ему радостнымъ привѣтомъ, а чрезъ минуту онъ уже торопливо сходилъ по трапу и тоже съ блѣднымъ отъ волненія, но счастливымъ лицомъ протягивалъ мнѣ руки, и я... я бросилась навстрѣчу имъ почти съ тѣмъ же восторгомъ, съ тѣмъ же глубокимъ счастьемъ, какъ и тогда въ первый разъ въ Москвѣ.

Отъ волненія мы ничего не могли сказать и только молча крѣпко прижимались другъ къ другу и слезы невольно лились у насъ у обоихъ изъ глазъ, слезы полнаго возврата, полнаго примиренія...

О, кто бы могъ думать, когда мы разставались весною и я провожала его на этой самой пристани съ такою убитою душою, съ такимъ застывшимъ горемъ на сердцѣ, кто, кто могъ думать, что мы *такъ* встрѣтимся потомъ!

И вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ онъ вернулся, а мы все еще переживаемъ нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Мы давно уже переѣхали опять въ городъ, только перемѣнили тамъ квартиру—слишкомъ уже много наболѣло воспоминаній въ старой.

Теперь мы наняли небольшой домъ-особнякъ, въ одной изъ крайнихъ улицъ, спускающейся прямо крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ, по другую сторону которой далеко разстилаются луга, заливаемые весною разливомъ.

Нашъ домикъ, весь спрятавшійся въ небольшомъ, но густо разросшемся саду, стоитъ какъ разъ послѣднимъ надъ этимъ обрывомъ, и мы съ Володей любимъ, по вечерамъ, предъ закатомъ солнца, бродить въ нашемъ маленькомъ садикѣ и порою подолгу простаиваемъ надъ обрывомъ его, смотря на разстилающуюся предъ нами задумчивую даль луговъ и на бѣлые контуры дальняго монастыря, съ котораго на зарѣ и по вечерамъ доносится къ намъ тихій благовѣстъ.

На дворѣ давно уже осень, но погода все еще стоитъ почти лѣтняя. Я люблю эту осеннюю пору, когда кажется, что лѣто еще не ушло, еще не остыло; люблю ея послѣдніе, солнечные, теплые дни и эту оранжевую и пурпурную окраску листвы, яркими пятнами вырисовывающуюся на поблѣднѣвшемъ, но

все еще синемъ небѣ; эти тонкія паутинки, висящія повсюду въ воздухѣ и мягкое шуршанье опавшихъ листьевъ подъ ногою, которые легко, точно золотистыя бабочки, летаютъ по дорожкамъ сада...

Есть во всемъ этомъ что-то задумчивоо и сладкое, что-то полное тихихъ воспоминаній и въ то же время что-то свѣжее и ободряющее, какъ эти первые морозные утренники ея...

И вотъ, когда мы съ Володей порою стоимъ такъ надъ этимъ обрывомъ или бродимъ по дорожкамъ чашего осыпающагося сада и я чувствую, какъ его теплая рука крѣпко и нѣжно прижимаетъ меня къ себѣ и онъ тихимъ и ласковымъ голосомъ разсказываетъ мнѣ что-нибудь о себѣ, о своей поѣздкѣ, о своихъ планахъ и мечтахъ на будущее, мнѣ начинаетъ казаться, что мы опять въ нашей милой Ольховкѣ, что предъ нами снова еще цѣлая непочатая, еще ничѣмъ непорченная жизнь...

Я знаю, что мы съ нимъ уже не тѣ, что много сѣдыхъ волосъ провели эти 10 лѣтъ въ темныхъ волосахъ моего мужа, и сама я уже зябко кутаюсь въ теплый платокъ, а все-таки снова чему-то вѣрится, снова ожидаешь чего-то свѣтлаго и хорошаго и невольно забываешь всѣ пережитыя невзгоды... Конечно, не разъ случалось говорить намъ и о томъ, что я разсказала тебѣ.

Когда мы въ первый разъ заговорили о томъ, Володя сказалъ мнѣ:

— Это я во всемъ виноватъ, я самъ, никто другой,—взволнованно проговорилъ онъ и крѣпко, точно прося за что-то прощенья, прижалъ меня къ груди своей.

— Нѣтъ, милый,—сказала ему я,—ты не виноватъ, это просто жизнь, а мы только не понимали того, что съ нею надо считаться!

Да и, дѣйствительно, кто знаетъ? Можетъ, все это—наши волненія, увлеченія, ошибки—все это не болѣе, какъ законъ природы, не дающей человѣку угаснуть сразу! Можетъ быть, это сама природа сохраняетъ въ немъ какія-то жизненныя силы, которыя бурлятъ и бродятъ въ немъ, ища себѣ въ чемъ-нибудь выхода, и порой невольно толкаютъ его на то, чего онъ самъ не ожидаетъ и не хочетъ для себя.

Можетъ быть, весь вопросъ только въ томъ, у кого сколько сохранилось этихъ бурлящихъ, не покойныхъ силъ молодости и кому сколько дано силы воли и характера для борьбы съ ними.

Одни могутъ бороться и побѣждать себя, направляя силы свои на что-нибудь иное, болѣе разумное и высокое, и находить удовлетвореніе въ какомъ-нибудь отвлеченномъ дѣлѣ или идеѣ которымъ отдаются такъ же пылко, какъ любви; другіе борятся искренно и страстно, но, не умѣя побѣдить себя, кончаютъ какой-нибудь тяжелой драмой, и, наконецъ, третьи, болѣе слабые характе-

ромъ и болѣе богатые этой живучей молодостью, не умѣютъ бороться и отдаются своимъ страстямъ...

Но есть ли у насъ право судить и презирать ихъ за то? И кто можетъ поручиться за себя, какъ поступилъ бы на мѣстѣ ихъ? Мы, такъ мало, въ сущности, знающіе себя и не знающіе никогда, чѣмъ и какъ кончимъ нашу жизнь, къ чему придемъ въ ней и чрезъ что проведетъ она насъ!

Не есть ли вся наша добродѣтель, которой часто мы такъ неосновательно гордимся и съ мнимой высоты которой такъ строго судимъ грѣхи и ошибки другихъ, вопросъ простого темперамента и дѣло случая, иногда покровительствующаго ей, иногда же разрушающаго ее вопреки воли насъ самихъ! Но чтобы понять все это, я должна была пережить и испытать это все на самой себѣ и имѣть мужество искренно проанализировавъ себя, откровенно во всемъ сознаться себѣ, на собственномъ опытѣ отрѣшившись отъ тѣхъ доктринъ, которыя создавались, быть можетъ, такими же слѣпорожденными и не прозрѣвшими до конца, какъ и мы, а мнѣ онѣ казались живыми законами живой жизни.

Ну вотъ теперь я все разсказала тебѣ, моя дорогая, и пора, наконецъ, кончать мою исповѣдь, которую я писала почти двѣ недѣли, въ каждую свободную минуту, и разсказывая тебѣ все это, точно снова все пережила, если не такъ сильно и страстно, какъ тогда, за то сознательнѣе и глубже...

Въ этой исповѣди я не утаила отъ тебя ни одного слова, не слукавила ни въ одной мысли—я разсказала тебѣ все, не только какъ моему лучшему другу, но какъ самой себѣ, и станешь ли ты теперь меньше любить, меньше уважать меня? Мнѣ такъ больно думать это, что хочется думать совсѣмъ иное—думать, что, любя и понявъ меня, тебѣ легче будетъ понимать и другихъ, а я... я все-таки повторю, что, несмотря ни на что, я все-таки ни въ чемъ не раскаиваюсь, ничего не хочу вычеркивать, и мнѣ было бы жаль, если бы тѣхъ пережитыхъ дней не было бы вовсе въ моей жизни.

Старость, та старость, которая, разрушивъ во мнѣ женщину, оставитъ только человѣка, уже близко, и есть въ этой мысли что-то горькое и печальное, а въ воспоминаніяхъ пережитыхъ въ послѣдній разъ молодыхъ дней что-то прекрасное.

Хотя кто знаетъ, быть можетъ, таже старость, которая сначала съ непривычки кажется такой жуткой, разрушая лучшее въ нашей тѣлесной оболочкѣ, освобождаетъ въ то же время наше лучшее духовное человѣческое я, очищая его отъ всего плотскаго, грубаго и бурливаго, такъ часто искажающаго насъ, такъ часто мѣшающаго намъ своими страстями въ дни молодости.

А можетъ быть, ты хочешь знать, что же собственно охладило Владиміра къ Юліи Сергѣвнѣ. Не знаю,—я не распрашивалъ по-

дробности, да онѣ и не важны, но изъ девяти недѣль проведенныхъ имъ заграницей, онъ 6 провелъ съ ними и эти недѣли открыли ему на нее глаза лучше, чѣмъ я могла бы сдѣлать это въ нѣсколько лѣтъ. Онъ признался, что все ея поведеніе заграницей такое странное и вызывающее, что она шокировала имъ даже такого преданнаго и ослѣпленнаго ею человѣка, какъ Владиміръ, который теперь иначе не называетъ ея какъ: «хлыстовская богородица», и говоритъ о ней немного, но съ такой горечью и раздраженіемъ, что очевидно, что разочарованіе въ ней ему тѣмъ горче и больнѣе, чѣмъ сильнѣе было ослѣпленіе ею прежде. Во всякомъ случаѣ онъ хорошо излечился отъ нея.

За то совсѣмъ иначе кончилось у нашей третьей пары, быть можетъ, самой симпатичной изъ всѣхъ, хотя бы уже потому, что она самая нормальная. Это у Бориса съ Лизой.

На-дняхъ они уѣхали оба въ Москву—Лиза къ брату, а Борисъ въ университетъ, въ который перевелся изъ Казанскаго.

Конечно, къ концу лѣта она была уже совсѣмъ побѣждена имъ и влюблена въ него не меньше, чѣмъ онъ въ нее.

N и та любовь, которою онъ нечаянно, не желая и не зная того самъ, точно пробудилъ ея дѣтски покойную и безмятежную до того душу, разъ проснувшись, уже не могла больше заглохнуть и невольно искала примѣненія и исхода себѣ. N былъ далеко; онъ совсѣмъ скрылся съ нашего горизонта, и самое имя его, такъ часто звучавшее среди насъ прежде, не произносилось больше, точно по какому-то молчаливому соглашенію. А Борисъ былъ здѣсь, всегда подлѣ и любилъ самъ... Не мудрено, если и любовь Лизы, начавшись съ N, перешла потомъ на него! Порой мнѣ даже кажется, что если бы не эта вспышка къ N, впервые разбудившая въ ней женщину,—она не полюбила бы и Бориса.

Кажется мнѣ иногда еще и то, что если бы мы съ мужемъ не прошли сквозь горнила того горя и страданія къ нашему теперешнему счастью, то, кто знаетъ, наслаждались бы имъ еще такъ? Чувствовали бы въ такой мѣрѣ всю радость возвращенія его?...

Быть можетъ, хорошо все именно такъ, какъ оно выходитъ, а произшедши иначе, оно было бы уже совсѣмъ инымъ и, кто знаетъ? не гораздо ли худшимъ для насъ?..

О жизнь, жизнь кто пойметъ твои загадки?..

Прощай же, моя дорогая, и если можешь, найди въ своемъ сердцѣ столько любви къ твоему старому другу, чтобы не слишкомъ строго судить ее...

Твоя всегда Е. П.

М. Крестовская.

Конецъ.

БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

I.

Вопросомъ о преступности очень долгое время интересовались только съ отвлеченной точки зрѣнія—въ древности философы, въ средніе и новые вѣка богословы и юристы. Что же касается собственно вопроса о *факторахъ преступности*, то правильнѣе будетъ сказать, что очень долгое время такого вопроса вовсе не существовало, ибо на преступленіе и на преступника имѣлся вполнѣ опредѣленный взглядъ, опиравшійся на извѣстныя религіозныя и правовыя убѣжденія, которыя не допускали никакихъ возраженій, никакихъ споровъ. Для теологовъ преступленіе являлось самовольнымъ уклоненіемъ отъ пути добродѣтели, и приблизительно такъ же смотрѣли на дѣло и юристы, исходя изъ того положенія, что всякое—преступное или непреступное—дѣяніе человѣка представляетъ не что иное, какъ продуктъ его свободной воли.

Законъ причинности, который, по мѣрѣ развитія научнаго мышленія, распространялся на все болѣе и болѣе широкій кругъ явленій, проникъ, въ концѣ концовъ, и въ ту, казалось, навсегда закрытую для него область *аномалій*, гдѣ все носило какъ будто исключительный, случайный характеръ, ничего общаго не имѣющій съ обычнымъ ходомъ вещей. Біологія давно уже признала, что уклоненія отъ нормы подчиняются тѣмъ же основнымъ общимъ законамъ, которые управляютъ органической жизнью въ ея нормальномъ состояніи. Внимательное изученіе сущности и причины болѣзненныхъ явленій наглядно доказало, что за патологическими процессами нѣтъ никакого права на автономію и что патологія, въ конечномъ счетѣ, есть только частный случай физіологіи. Мало того, именно изученіе чисто патологическихъ явленій не разъ проливало полный свѣтъ на ту или иную, туго поддававшуюся прямому познаванію, область нормальныхъ явленій—для примѣра достаточно будетъ указать хотя бы на то, что физіологія центральной нервной системы почти цѣликомъ создана изъ анатомо-клиническихъ наблюденій надъ больнымъ человѣкомъ или надъ животными съ искусственно вызванными пораженіями нервной системы.

Какъ бы осторожно мы ни относились къ аналогіямъ во вкусѣ

школы Спенсера, мы въ правѣ, однако, думать, что и въ соціологіи изученіе анамалій призвано сослужить свою службу. Правда, родственная связь анормальнаго съ нормальнымъ далеко еще не такъ наглядно установлена въ общественныхъ наукахъ, какъ она установлена въ біологіи. Но и здѣсь уже громко раздаются голоса соціологовъ, утверждающихъ, что даже такое, на первый взглядъ, совершенно анормальное явленіе общественнаго механизма, какъ преступленіе, «далеко не будучи паразитарнымъ элементомъ, какимъ-то инороднымъ тѣломъ, введеннымъ въ нѣдры общества, является, напротивъ, правильнымъ агентомъ общественной жизни» *), до того правильнымъ агентомъ этой жизни, что Дюркгеймъ изъ постояннаго существованія преступленій въ прошломъ заключаетъ объ ихъ постоянствѣ и въ будущемъ—выводъ, къ которому мы еще вернемся, когда у насъ будетъ рѣчь о соціальныхъ факторахъ преступности. А пока воспользуемся этимъ фаталистическимъ пророчествомъ Дюркгейма, чтобы отмѣтить мимоходомъ одну чрезвычайно любопытную особенность детерминистическаго направленія въ общественныхъ наукахъ. Явившись полнымъ противовѣсомъ теоріи свободы воли, ошибочно понятый на первыхъ порахъ детерминизмъ не оставлялъ, казалось, мѣста для человѣческой личности въ колоссальной и сложной сѣти причинъ и слѣдствій: эта сбитая со своего пьедестала и развѣнчанная личность подчинялась закону quasi-механической причинности такъ же слѣпо, какъ подчиняется ему «равнодушная природа», причемъ совершенно упускалось изъ виду, что человѣческая личность съ ея сознаніемъ, убѣжденіями и стремленіями не только опредѣляется извѣстными факторами, но и, въ свою очередь, является не менѣе дѣйствительнымъ причиннымъ агентомъ. Отсюда тотъ роковой характеръ непреложной необходимости, которымъ проникнуты крайнія детерминистическія ученія, характеръ, до извѣстной степени оправдывающій парадоксальную мысль Фирканда, что современный фатализмъ и пессимизмъ, покоясь на сознаніи ничтожности личности и безсилія духа передъ всесокрушающей матеріальной дѣйствительностью (ein gewisses Gefühl der Wertlosigkeit des Individuums und der Ohnmacht des geistigen Elements gegenüber der materiallen Wirklichkeit), представляютъ не болѣе, не менѣе, какъ переживанія доисторическаго періода, когда представленія о неумолимой «судьбѣ», о всемогущемъ «рокѣ» играли такую видную роль въ мысли человѣка **).

Отсюда и тотъ характеръ суровой жестокости, которымъ запечатлѣны ученія, стремящіяся подвести условія существованія человѣческихъ обществъ подъ принципы, установленные современнымъ есте-

*) Durkheim. „Les règles de la méthode sociologique", стр. 89. Парижъ, 1895.

**) Alfred Vierkandt. „Naturvölker und Kulturvölker", стр. 147—149. Лейпцигъ 1896.

ствознаніемъ и, главнымъ образомъ, подъ теорію естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Вотъ почему, вслѣдъ за Тардомъ, по мнѣнію котораго «распространеніе дарвиновой теоріи было прямымъ возвращеніемъ къ языческому духу», такъ что «успѣхъ дарвинизма содѣйствовалъ ужасающему возрожденію милитаризма и затормозилъ движеніе противъ смертной казни», и г. Спасовичъ указываетъ на Дарвина и на Спенсера, какъ «на стволъ дерева, изъ котораго выросли, въ видѣ вѣтокъ, капитальныя произведенія итальянской школы криминалистовъ»,—школы, говоритъ г. Спасовичъ, «суровой, соотвѣтствующей научному духу изслѣдованія, свойственному нашему вѣку... желѣзному вѣку господства грубой силы, торжествующей съ цинизмомъ». *).

Мимоходомъ будь сказано, самъ Дарвинъ весьма мало повиненъ въ примѣненіи принциповъ дарвинизма къ человѣческимъ обществамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно ли дарвинизмъ представляетъ «стволъ», изъ котораго выросли произведенія Ломброзо и его послѣдователей, или нѣтъ, фактъ тотъ, что, вопреки пословицѣ, яблоко на этотъ разъ упало далеко отъ яблони, ибо эти произведенія, по крайней мѣрѣ, самыя раннія изъ нихъ, сводящія почти весь вопросъ о преступности къ наслѣдственности или, вѣрнѣе, къ одной изъ формъ наслѣдственности, къ атавизму, проникнуты такимъ фатализмомъ, который, въ концѣ концовъ, совершенно идетъ въ разрѣзъ съ духомъ эволюціонной теоріи, такъ какъ послѣдняя, наряду съ наслѣдственностью, выдвигаетъ и другой не менѣе важный факторъ—*приспособленіе* къ условіямъ внѣшней среды,—факторъ, который, такъ сказать, отнимаетъ у наслѣдственности ея консервативный характеръ и дѣлаетъ ее, напротивъ, могучимъ орудіемъ прогресса.

Разсмотримъ, однако, ученіе итальянской школы криминалистовъ по существу, независимо отъ его весьма сомнительной, на нашъ взглядъ, родственной связи съ дарвинизмомъ. Каковы бы ни были недостатки этого ученія, а ихъ, мы увидимъ, очень много, оно заслуживаетъ вниманія, какъ первая, по времени, серьезная попытка примѣненія закона причинности къ явленіямъ преступности, попытка, которая, вызвавъ, въ силу своей оригинальности, чрезвычайный интересъ къ вопросу о преступности, заставила подвергнуть серьезной критикѣ общепринятыя положенія классической школы уголовнаго права и искать объясненія преступности не въ метафизическихъ представленіяхъ о свободѣ воли, а въ условіяхъ дѣйствительности. Правда, въ результатѣ этой критической работы мысли оказалось, что вмѣстѣ съ основными положеніями криминалистовъ-классиковъ надо сдать въ архивъ и значительную часть едва только народившагося ученія самихъ же

*) В. Д. Спасовичъ. „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права", стр. 9—10. Москва. 1898.

итальянскихъ криминалистовъ и что центръ тяжести вопроса лежитъ вовсе не въ біологическихъ факторахъ, выдвинутыхъ Ломброзо и его учениками, но въ условіяхъ общественной среды. Но, такъ или иначе, толчкомъ для этой плодотворной работы мысли послужили труды Ломброзо и потому они, повторяю, заслуживаютъ вниманія. Они заслуживаютъ вниманія, наконецъ, еще и потому, что, несмотря на цѣлый рядъ пораженій, которыя ученіе Ломброзо понесло почти на всѣхъ конгрессахъ криминальной антропологіи, начиная со второго, засѣдавшаго въ 1889 году въ Парижѣ, и вплоть до послѣдняго, собравшагося въ Амстердамѣ осенью прошлаго года—это ученіе, значительно упрощенное и искаженное, стало своего рода ходячей формулой, принимаемой на вѣру. Съ антропологической теоріей преступности повторилось то, что такъ часто происходитъ въ наше время вообще съ новыми научными теоріями по мѣрѣ роста ихъ популярности.

Когда какое-нибудь новое ученіе становится предметомъ модныхъ разговоровъ въ великосвѣтскихъ салонахъ и буржуазныхъ гостиныхъ, когда наряду со спеціальными и неспеціальными серьезными органами печати ему удѣляютъ вниманіе въ ущербъ «интереснымъ происшествіямъ», биржевой хроникѣ и метеорологическому бюллетеню уличные листки, когда имя автора этого ученія передается изъ устъ въ уста и пріобрѣтаетъ почти такую же широкую популярность, какъ имена достигшихъ апогея своей славы оперныхъ теноровъ или знаменитыхъ балеринъ, то тутъ же обнаруживается и оборотная сторона медали: по мѣрѣ того, какъ вызванное «новинкой» волненіе распространяется все шире и шире, первоначальный смыслъ ученія все болѣе и болѣе искажается и отъ него, въ концѣ концовъ, остаются только какіе-то безформенные клочки, жалкія лохмотья...

То, что произошло, напримѣръ, съ дарвинизмомъ, должно было постигнуть антропологическую теорію преступности тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя была сметана на живую нитку изъ обширнаго, но слишкомъ односторонняго и односторонне разработаннаго матеріала. По странному недоразумѣнію, эту теорію многіе (и въ особенности въ Россіи) сочли предвѣстницей эры самаго гуманнаго отношенія къ преступникамъ, и именно съ этой точки зрѣнія одни отнеслись къ ней съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, другіе крайне враждебно. Одни приходили въ умиленіе при мыслѣ о томъ, что на преступниковъ будутъ отнынѣ смотрѣть, какъ смотритъ на нихъ нашъ народъ, т.-е. какъ на «несчастненькихъ», другіе возмущались такой сентиментальностью и съ ужасомъ утверждали, что она обезпечиваетъ злодѣямъ полнѣйшую безнаказанность и, слѣдовательно, только развязываетъ имъ руки. Чтобы показать, насколько всѣ эти разсужденія были, въ сущности, далеки отъ того, что проповѣдывалъ Ломброзо, достаточно будетъ упомянуть, что въ предисловіи къ 4-му изданію «Uomo delinquente», итальянскій профессоръ, отмѣтивъ возраженія сдѣланныя противъ его

теоріи различными учеными, говоритъ затѣмъ слѣдующее: «но есть возраженіе, пущенное въ ходъ людьми, гораздо ниже стоящими въ смыслѣ знанія и добросовѣстности, и которое, несмотря на то, что оно анонимно, неопредѣленно, какъ бы неосязаемо и мало заслуживаетъ отвѣта, далеко не самое безопасное: это то, что я назову возраженіемъ-легендою. Если вѣрить легендѣ, эти труды (т.-е. труды итальянской школы) стремятся уничтожить уложеніе о наказаніяхъ, предоставить полную волю разбойникамъ и подорвать человѣческую свободу... Кто же не видитъ, однако, что если мы и умаляемъ отвѣтственность одной группы преступниковъ, то мы тѣмъ не менѣе далеко не претендуемъ облегчить ихъ участь, а требуемъ для нихъ вѣчнаго заключенія!» (Стр. XVIII и XIX французскаго изданія). Правда, со свойственной ему сбивчивостью Ломброзо нѣсколькими строками дальше увѣряетъ, что новыя предлагаемыя его школою мѣры наказанія, въ сущности, гармонируютъ съ духомъ нашего времени, евангеліемъ котораго стало изреченіе г-жи Сталь—«tout connaître est tout pardonner» («все понять—все простить»). Въ дѣйствительности, однако, антропологическая теорія преступности шла въ разрѣзъ съ такимъ «всепрощеніемъ» и вела, напротивъ, къ крайне суровымъ и неутѣшительнымъ практическимъ выводамъ, которыхъ часто и не подозрѣваютъ люди, продолжающіе принимать эту теорію за непреложную истину.

II.

Изслѣдуя преступниковъ съ точки зрѣнія ихъ физической организаціи, подвергая ихъ краніометрическимъ и всевозможнымъ инымъ измѣреніямъ, изучая ихъ тѣлосложеніе, пульсовыя кривыя, степень чувствительности къ боли, къ низкимъ и къ высокимъ температурамъ и къ различнымъ возбуждающимъ и т. п., Ломброзо пришелъ къ тому заключенію, что тѣлесная организація преступниковъ отмѣчена характерными особенностями, позволяющими выдѣлить этихъ субъектовъ въ особый видъ, именуемый *преступнымъ человѣкомъ* или *человѣкомъ-преступникомъ* (uomo delinquente).

Этотъ выводъ былъ, казалось, обставленъ импозантнымъ научнымъ аппаратомъ *точнаго* изслѣдованія. Не мѣшаетъ, однако, тутъ же замѣтить, что, когда говорятъ о точныхъ способахъ изслѣдованія, употребляемыхъ въ біологіи, то совершенно упускаютъ изъ виду, что эти способы изслѣдованія, точность которыхъ, къ тому же, зависитъ отъ большаго или меньшаго совершенства техники, могутъ дать только матеріалъ для умозаключеній, нисколько не исключая тѣхъ методологическихъ ошибокъ, которыя одинаково могутъ встрѣчаться и въ «точныхъ» наукахъ, и въ наукахъ, не имѣющихъ чести называться этимъ именемъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что такихъ методологическихъ ошибокъ не избѣгъ и Ломброзо, а пока обратимся къ дальнѣйшему

изложенію антропологической теоріи преступности и спросимъ себя, прежде всего, чѣмъ же объясняется существованіе *человѣка-преступника*, какъ особо стоящей въ человѣчествѣ низшей категоріи.

По мнѣнію Ломброзе, дѣло представляется какъ нельзя проще и объясняется наслѣдственностью. Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что наряду съ прямою наслѣдственностью наблюдается и наслѣдственность непрямая или возвратная, *атавизмъ*, когда наслѣдующимъ является не непосредственно слѣдующее поколѣніе, а поколѣніе болѣе или менѣе отдаленное и когда такимъ образомъ осуществляется возвратъ къ дѣдовскимъ или прадѣдовскимъ качествамъ. Преступный человѣкъ не что иное, какъ результатъ такого атавизма. Это—облеченный въ плоть и кровь живой анахронизмъ, запоздавшій на цѣлый рядъ столѣтій дикарь, воспроизводящій характерныя черты какого-нибудь обитателя пещеръ и, какъ таковой, онъ не можетъ не быть преступникомъ, ибо то, что мы теперь считаемъ преступленіемъ, нарушеніемъ правила, было для дикаря, напротивъ, обычнымъ образомъ дѣйствій. Иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *прирожденнымъ* преступникомъ, обреченнымъ на преступленіе въ силу «желѣзнаго закона» наслѣдственности и какъ бы отмѣченнаго «печатью проклятія» въ видѣ цѣлаго ряда органическихъ дефектовъ.

Подобно героямъ греческихъ трагедій, погибавшимъ въ безсильной борьбѣ съ неумолимымъ рокомъ, онъ весь въ рукахъ той же безжалостной ἀναγκὴ («судьбы», «рока»), переименованной въ атавизмъ. И тѣмъ не менѣе, въ противоположность героямъ Эсхила и Софокла, прирожденный преступникъ не внушаетъ намъ состраданія: тамъ мы видимъ ожесточенную, мучительную борьбу между элементами человѣческимъ и сверхъестественнымъ и сверхчеловѣческимъ, мы съ болью въ сердцѣ слѣдимъ за всѣми перипетіями этой мучительной для человѣка борьбы, потому что кровныя узы родства не перестаютъ насъ связывать съ злосчастной жертвой чуждаго нашему внутреннему міру рока; здѣсь все представляется въ діаметрально противоположномъ видѣ, здѣсь уже нѣтъ никакой такой коллизіи: мѣсто сверхъестественной и чуждой намъ судьбы занялъ законъ «естества», и чуждымъ оказывается для насъ не этотъ законъ, а самъ преступникъ, этотъ облеченный въ плоть и кровь живой анахронизмъ, не укладывающійся въ рамки нашей современной жизни и только слѣпо выполняющій предначертанныя въ Книгѣ Судебъ дѣянія, не помышляя ни о какой борьбѣ. Тутъ умѣстно не состраданіе, а *искорененіе*. Это единственно возможный выводъ и итальянская школа не только не отступаетъ передъ нимъ, но даже особенно настаиваетъ на строго искореняющемъ характерѣ, который должно было бы носить уложеніе о наказаніяхъ. По мнѣнію барона Гарофало, разъ у субъекта, совершившаго, хотя бы въ первый разъ въ жизни преступленіе, обнаружены аномаліи, позволяющія отнести его къ преступному типу, мы можемъ заранѣе быть увѣрены, что имѣемъ

дѣло съ *неисправимымъ* преступникомъ, и должны такъ или иначе изъять его навсегда изъ общежитія. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ искорененія прирожденныхъ преступникомъ была бы, конечно, смертная казнь, но разъ послѣдняя плохо мирится съ современными нравами, то итальянскіе криминалисты готовы сдѣлать уступку духу времени и ограничиться требованіемъ «вѣчнаго тюремнаго заключенія», необходимость котораго, какъ мы видѣли, утверждаетъ Ломброзо.

Посмотримъ, однако, каковы тѣ органическіе дефекты, на которые ссылается Ломброзо, и дѣйствительно ли они представляютъ настолько постоянныя и настолько рѣзкія уклоненія отъ нормы, чтобы мы вправѣ были говорить о преступномъ типѣ въ антропологическомъ смыслѣ слова.

Типъ долженъ опредѣляться извѣстными характерными признаками, по которымъ можно было бы безошибочно установить, принадлежитъ ли къ нему подлежащій нашему изслѣдованію субъектъ или нѣтъ. Ломброзо и пытался опредѣлить эти признаки сначала исключительно путемъ примѣненія антропологическаго метода, тщательно измѣряя у осужденныхъ преступниковъ и у «честныхъ» (т.-е. суду не подвергавшихся) людей вмѣстимость черепной полости, отмѣчая отношеніе ширины черепа къ его длинѣ, чрезмѣрное развитіе у преступниковъ надбровныхъ дугъ и скулъ, отсутствіе симметричности въ расположеніи правыхъ и лѣвыхъ частей черепа и лица, прогнатизмъ, сильный откосъ лба, неправильное строеніе ушной раковины и т. п. анатомическіе «изъяны». Но результаты всѣхъ этихъ измѣреній и сравнительныхъ изслѣдованій оказались настолько неудачными, что, за невозможностью выработать точную анатомическую формулу человѣка-преступника, самъ Ломброзо призналъ необходимость пополнить анатомическій критерій, положенный имъ въ основу своего ученія, новыми элементами, заимствованными изъ физіологіи, патологіи и, главнымъ образомъ изъ психики преступныхъ субъектовъ.

Начать съ того, что сейчасъ перечисленныхъ признаковъ очень много и встрѣчаются они очень часто у людей нормальныхъ; признакамъ этимъ нельзя, слѣдовательно, придавать значеніе, пока они встрѣчаются отдѣльно—нужно совпаденіе болѣе или менѣе значительнаго числа такихъ признаковъ, а между тѣмъ болѣе чѣмъ у половины изслѣдованныхъ имъ преступниковъ Ломброзо не удалось найти это совпаденіе, фактъ уже самъ собою весьма умаляющій значеніе біологическаго элемента въ вопросѣ о преступности. Но и при самомъ опредѣленіи признаковъ преступнаго типа на каждомъ шагу возникали весьма серьезныя противорѣчія и разногласія. Да и могло ли быть иначе, когда анатомическая антропологія до сихъ поръ оказывается въ совершенно безпомощномъ состояніи даже при классификаціи *расъ* и когда антропологамъ не удалось еще сговориться хотя бы насчетъ относительной важности крупныхъ подраздѣленій человѣческаго рода, въ основу которыхъ кладется то форма черепа, то носовой показатель,

то строеніе волосъ и т. д., слѣдствіемъ чего являются десятки классификаціонныхъ системъ! Въ уголовной антропологіи дѣло обстоитъ, конечно, не лучше. Идетъ ли, напримѣръ, вопросъ о вмѣстимости черепной полости, Бенедиктъ утверждаетъ, что эта вмѣстимость у преступниковъ ниже, чѣмъ у нормальныхъ людей, тогда какъ, по изслѣдованіямъ другихъ авторовъ (Бордье, Даллемань и др.), среди преступниковъ вмѣстимость черепа въ 1.500—1.700 куб. сант. (т.-е. выше средней) встрѣчается чаще, чѣмъ среди не-преступниковъ. Мало того, у одного и того же изслѣдователя получаются любопытныя противорѣчія, непредвидѣннымъ образомъ осложняющія дѣло. Оказывается, напримѣръ, что среди убійцъ господствуетъ короткоголовый типъ, тогда какъ у воровъ преобладаетъ длинноголовый. Приходится, слѣдовательно, либо допустить, что въ преступномъ типѣ нѣтъ единства, разъ два его подраздѣленія такъ рѣзко отличаются одно отъ другого, либо просто признать, что между формою черепа и преступленіемъ нѣтъ никакой внутренней связи, ибо вопросъ еще, можно ли признать за непреложную истину хотя бы утвержденіе, будто короткоголовый типъ характеризуетъ убійцъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на бѣду ископаемые человѣческіе остатки въ родѣ прободенныхъ кремневыми топорами женскихъ череповъ, найденныхъ въ Кро-Маньонѣ и въ гротѣ Сордъ, заставляютъ думать, что именно тѣ двѣ первобытныя палеолитическія расы (Канштадтская и Кро-маньонская), которыя отличались самыми воинственными и свирѣпыми нравами, принадлежали къ длинноголовому типу, между тѣмъ какъ у короткоголовыхъ пещерныхъ жителей Лессы не было никакого оружія.

Согласовать всѣ эти противорѣчивыя данныя въ единой чисто анатомической характеристикѣ преступнаго типа невозможно, и, отказавшись отъ этой задачи, перейдемъ вмѣстѣ съ Ломброзо къ другимъ, неанатомическимъ, признакамъ этого типа.

Собственно говоря, тутъ уже часто даже и рѣчи не можетъ быть о *признакахъ*, такъ какъ принимаются во вниманіе и такія черты, которыя не поддаются вполнѣ точному опредѣленію и могутъ разными изслѣдователями оцѣниваться весьма различно. Таковы, напримѣръ, выраженіе глазъ и лица, черты характера, мстительность, жестокость, лѣность и т. п. Допустимъ даже, что наблюденія, произведенныя Ломброзо въ этой области, вполнѣ вѣрны; допустимъ, напримѣръ, что у убійцы потухшій и неподвижный взглядъ, тогда какъ у вора глаза безпокойно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ. Но развѣ не очевидно, что, если тутъ и есть какая-нибудь связь, то она можетъ быть истолкована лишь въ томъ смыслѣ, что профессіональное воровство кладетъ извѣстный отпечатокъ на внѣшній обликъ человѣка, но нельзя же допустить, чтобы выраженіе глазъ свидѣтельствовало о прирожденной преступности, уже хотя бы потому, что это выраженіе весьма измѣняется съ возрастомъ и съ обстоятельствами жизни.

Едва ли заслуживаютъ быть принятыми въ разсчетъ и такіе признаки, какъ распространенный среди преступниковъ обычай татуировать кожу или существованіе особаго условнаго языка — *арго*. Хотя Ломброзо и видитъ въ томъ и въ другомъ явленіи слѣды атавизма, но понятно, что нельзя же серьезно обвинять наслѣдственность въ такихъ *обычаяхъ*. Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ, тутъ можетъ быть только рѣчь о традиціи, а никакъ не объ атавизмѣ.

Не говоря уже о томъ, что между экспрессивной, почти художественной разрисовкой лица и тѣла нѣкоторыхъ дикарей и рисунками или надписями—большей частью скабрезнаго содержанія,—покрывающими конечности или туловище тюремныхъ обитателей, весьма мало общаго, не говоря уже объ этомъ, ясно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ извѣстнаго рода модой, которая, къ тому же, одно время и даже весьма недавно была въ ходу и среди самой фешенебельной аристократіи Лондона. Спеціальныя условія тюремной и казарменной жизни достаточно объясняютъ живучесть этой моды среди заключенныхъ и среди солдатъ или матросовъ: это — чисто профессіональная черта и уже потому въ ней не можетъ быть ничего прирожденнаго.

То же самое можно сказать и о пресловутомъ арго, въ которомъ Ломброзо видитъ лингвистическій типъ низшаго порядка, приближающійся къ первобытнымъ языкамъ. Но бьющій на показъ цинизмъ, гаерство и т. п. черты этого своеобразнаго жаргона—которыя, между прочимъ будь сказано, ужъ, конечно, несвойственны ни одному изъ языковъ дикарей, характеризуютъ опять-таки не преступника, какъ біологическую единицу, а ту общественную группу, въ которой онъ вращается.

Именно въ этомъ смыслѣ Тардъ, критикуя ученіе Ломброзо, не отрицаетъ, однако, существованія преступнаго типа: «развѣ — говоритъ онъ—на всемъ протяженіи Европы или даже цѣлаго міра вы не отличите крестьянина, военнаго или священника, какъ таковыхъ, къ какой бы они расѣ и національности ни принадлежали?» *). И дѣйствительно, существованіе соціальныхъ *типовъ* съ опредѣленной физіономіей въ моральномъ и физическомъ смыслѣ, типовъ, которые вырабатываются одинаковымъ родомъ занятій и одинаковымъ общественнымъ положеніемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя въ этомъ отношеніи французскій соціологъ заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ утверждаетъ, что, помимо «одинаковыхъ мышечныхъ и нервныхъ привычекъ, порожденныхъ рутиной одного и того же занятія и капитализированныхъ, такъ сказать въ видѣ пріобрѣтенныхъ физическихъ чертъ», «нѣкоторыя прирожденныя анатомическія особенности, чисто біологическаго, а не соціальнаго происхожденія, также входятъ въ составъ примѣтъ, свойственныхъ каждой крупной профессіи, если не

*) G. Tarde. „La criminalité comparée“, 3-е изд., стр. 51. Парижъ. 1894.

каждому крупному соціальному классу» **), такъ что въ pendant къ прирожденнымъ преступникамъ Тардъ не прочь, пожалуй, допустить и существованіе «прирожденныхъ адвокатовъ», призванныхъ защищать этихъ преступниковъ.

Оставляя въ сторонѣ провиденціальныхъ «прирожденныхъ адвокатовъ», я думаю, что такое черезчуръ широкое толкованіе соціальныхъ типовъ на самомъ дѣлѣ только съуживаетъ значеніе соціальнаго фактора въ дѣлѣ образованія типа. Во всякомъ случаѣ, даже если мы будемъ имѣть въ виду исключительно профессіональный типъ, то и тогда это понятіе едва ли окажется вполнѣ примѣнимымъ ко всей совокупности преступниковъ, распадающейся въ дѣйствительности на весьма разнообразные виды, далеко не связанные между собою сходствомъ условій жизни.

Итакъ, не касаясь пока другихъ недочетовъ ученія о преобладающемъ значеніи біологическихъ факторовъ въ дѣлѣ преступности, мы видимъ, что противъ существованія «прирожденнаго преступника», какъ особой разновидности человѣческаго рода, говорятъ весьма многіе факты и главнымъ образомъ—спорность всѣхъ признаковъ этого «типа», многочисленность ихъ, вслѣдствіе которой они могутъ имѣть значеніе только при совмѣстномъ существованіи многихъ изъ нихъ у одного и того же субъекта и, наконецъ, отсутствіе такого совпаденія у 60% общаго числа преступниковъ наряду съ его существованіемъ у болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ, суду не подвергавшихся.

Неудивительно поэтому, что, еще на конгрессѣ 1889 года, противъ ученія о прирожденномъ преступникѣ рѣшительно возстали такіе авторитеты, какъ Мануврье, Топинаръ и др. Отъ участія въ брюссельскомъ конгрессѣ 1892 года итальянскіе криминалисты воздержались, но, четыре года спустя, имъ пришлось на женевскомъ конгрессѣ выслушать весьма рѣзкія возраженія, на этотъ разъ отъ нѣмецкихъ ученыхъ и, наконецъ, на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Ломброзо, проф. Ферри, стараясь выяснить, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе «прирожденный преступникъ», настаивалъ на томъ, что понятіе о прирожденномъ преступникѣ не предполагаетъ непремѣнно неизбѣжности преступленія и что послѣднее является продуктомъ равнодѣйствующей многихъ разнообразныхъ факторовъ **). Да и самъ Ломброзо не разъ отступалъ

*) *Ibidem.*

**) Настоящая статья уже была готова, когда въ „Revue Scientifique" (15-го марта 1902 г.) появился отчетъ объ амстердамскомъ конгрессѣ, составленный проф. Ферри, который пытается доказать, что ученіе Ломброзо было ошибочно понято и что Ломброзо *всегда* настаивалъ на значеніи соціальныхъ факторовъ преступности: первое изданіе „Uomo delinquente" состояло изъ двухъ частей—антропологической и соціологической, но . . . въ послѣдующихъ (вплоть до 5-го)

отъ своего первоначальнаго ученія, то перестраивая антропологическую теорію преступности въ новую «антрополого-психіатрическую», о которой у насъ будетъ рѣчь впереди, то признавая, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, что даже когда дѣло идетъ о преступленіи, которое совершилъ субъектъ, принадлежащій къ преступному типу, «причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій, могутъ быть несравненно важнѣе причинъ индивидуальныхъ, органическихъ».

Послѣ этого можно только удивляться той непослѣдовательности, съ которою итальянская школа еще удерживаетъ терминъ «прирожденный преступникъ», и тому—прямо сказать—легкомыслію, съ которымъ она его примѣняетъ. Не далѣе, какъ въ іюнѣ 1900 года, въ издаваемомъ подъ редакціей Ломброзо журналѣ «Archivio di psichiatria scienze penali ed antropologia criminale» была, напримѣръ, напечатана статья д-ра Mariani подъ заглавіемъ «I criminali russi e la teoria di C. Lombroso» («Русскіе преступники и теорія Ломброзо»). Матеріаломъ для этой статьи послужили присланныя профессору Ломброзо 27 фотографій преступниковъ, содержавшихся въ Ломжинской тюрьмѣ. Къ статьѣ приложены шесть изъ этихъ фотографій, взятыя, замѣтьте, не какъ-нибудь случайно, а съ выборомъ, какъ самыя характерныя, и заканчивается статья слѣдующими словами, направленными по адресу проф. Оршанскаго, выразившаго сомнѣніе въ существованіи преступнаго типа среди русскихъ преступниковъ: «Достаточно бросить бѣглый взглядъ на приложенную къ этому очерку таблицу и обратить вниманіе на звѣрское лицо № 7, на ассимметрическія лица №№ 5-го и 25-го, на отталкивающія физіономіи (fisionomie ripugnanti) 21, 26 и 27 номеровъ, чтобы можно было легко убѣдиться, что и между заключенными въ русскихъ тюрьмахъ, конечно, не отсутствуетъ преступный типъ со всѣми стигматами вырожденія, открытыми ломброзовской школой».

Итакъ, достаточно бросить взглядъ на «отталкивающія» физіономіи, чтобы убѣдиться... Но, позвольте, стоило ли нагромождать измѣренія надъ измѣреніями, окружать себя краніометрическими приборами, сфигмографами, эстезіометрами и т. п. орудіями *точнаго* изслѣдованія только для того, чтобы, въ концѣ концовъ, давать заключенія по субъективнымъ впечатлѣніямъ о «физіономіи»,—заключенія, которыя были бы подъ стать и послѣднему изъ представителей сыска!

Къ тому же, разсмотрѣвъ фотографіи, на которыя указываетъ итальянскій авторъ, вы убѣдитесь, что, вопреки его мнѣнію, рекомендуемый имъ упрощенный пріемъ совершенно недостаточенъ, уже хотя

изданіяхъ соціологическая часть *была выпущена*. Изъ этого мы вправѣ заключить, что, вопреки мнѣнію Ферри, ей *не всегда* приписывалось большое значеніе; самый терминъ „прирожденный преступникъ“, къ тому же, достаточно свидѣтельствуетъ, что центръ тяжести вопроса о преступности лежалъ для Ломброзо не въ соціальныхъ условіяхъ, а въ антропологическихъ.

бы потому, что между—выражаясь субъективной и мало научной терминологіей автора—*отталкивающими физіономіями* №№ 21, 26 и 27, въ сущности, весьма мало сходныхъ чертъ, которыя позволили бы отнести эти «номера» къ одному и тому же типу.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ разсмотрѣнію того болѣе поздняго варіанта ученія Ломброзо, который можетъ быть названъ антрополого-психіатрической теоріей преступности.

III.

Еще задолго до Ломброзо было признано, что преступленія могутъ иногда являться результатомъ психическихъ аномалій, какъ доказываетъ хотя бы терминъ *monomanie homicide* (мономанія человѣкоубійства), введенный въ науку французскимъ психіатромъ Эскиролемъ. Зависимость нѣкоторыхъ преступленій отъ психическихъ болѣзней вполнѣ понятна, если обратить вниманіе на то, что эти болѣзни ведутъ къ *отчужденію* субъекта отъ его *я*, откуда и какъ нельзя болѣе вѣрный французскій терминъ «aliénation mentale», т.-е. умственнное или психическое отчужденіе,—отчужденіе личности не только отъ общества, но и отъ себя самой.

Эта идея уже давно получила и законодательную санкцію, болѣе или менѣе ясно выраженную въ уголовномъ законодательствѣ различныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, 64-я статья французскаго уголовнаго кодекса гласитъ: «Il n'y a ni crime, ni délit si le prévenu était en état de démence au moment de l'action»—«нѣтъ ни преступленія, ни проступка, разъ обвиняемый находился, въ моментъ совершенія дѣйствія, въ состояніи умопомраченія». По 95-й статьѣ нашего «Уложенія о наказаніяхъ», «преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему въ то время, не могъ имѣть понятія о провозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія». Въ германскомъ законодательствѣ вопросъ нѣсколько осложняется отвлеченнымъ критеріемъ свободы воли: невмѣняемость ставится въ зависимость отъ такого психическаго состоянія, «которое исключаетъ свободу воли». Но такъ или иначе, съ тѣми или иными ограниченіями, возможная причинная связь между психозами и преступными дѣйствіями признается всѣми современными законодательствами.

Со свойственной ему наклонностью къ столь же широкимъ, сколько и поспѣшнымъ обобщеніямъ, Ломброзо перенесъ это положеніе, вѣрное только по отношенію къ извѣстной небольшой категоріи преступниковъ и преступныхъ дѣяній, на преступность вообще. Мало того, казалось бы, что между этимъ взглядомъ и ученіемъ Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ, какъ продуктѣ атавизма, не только не можетъ быть никакой связи, но что они прямо исключаютъ другъ друга. Въ самомъ

дѣлѣ, если видѣть въ преступникѣ, такъ сказать, портретъ праотцевъ, то можно еще, пожалуй, допустить, — хотя, какъ мы увидимъ, и это подлежитъ большому сомнѣнію,—что среди нашихъ праотцевъ жестокость была обычнымъ явленіемъ но нельзя же серьезно утверждать, что на зарѣ человѣческой жизни психопатія тоже была нормальнымъ явленіемъ. Тѣмъ не менѣе, Ломброзо признаетъ, какъ гласитъ и само заглавіе одной изъ его работъ по этому поводу, «тожественность эпилепсіи, нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности».

Остановимся на этомъ тезисѣ и въ особенности на тожественности эпилепсіи съ прирожденной преступностью.

Эпилепсія или падучая болѣзнь, въ своей наиболѣе извѣстной формѣ, есть неврозъ, выражающійся обыкновенно въ болѣе или менѣе частыхъ характерныхъ конвульсивныхъ припадкахъ. Но на ряду съ этой конвульсивной эпилепсіей, діагнозъ которой не представляетъ никакихъ затрудненій, существуютъ такія проявленія того же невроза, сущность которыхъ долго ускользала и отъ врачей. Эти аномальныя формы эпилепсіи могутъ обнаруживаться какъ у больныхъ, подверженныхъ конвульсивнымъ припадкамъ, такъ и при полнѣйшемъ отсутствіи послѣднихъ. Онѣ какъ бы замѣняютъ собою конвульсивные припадки и называются поэтому *эпилептическими эквивалентами.*

Эти эквиваленты могутъ быть двигательнаго, чувствительнаго или, наконецъ, психическаго характера. Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ и потому уже давно обратившимъ на себя вниманіе эпилептическимъ эквивалентомъ слѣдуетъ считать явленіе, которому французскіе клиницисты дали названіе *absence*: среди какого-нибудь дѣла, оживленнаго разговора, судебныхъ преній и т. п. на говорящаго или работающаго субъекта вдругъ находитъ какое-то затменіе, въ которомъ онъ самъ нисколько не отдаетъ себѣ отчета. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній его *я* какъ будто совершенно отсутствуетъ, затѣмъ онъ возобновляетъ прерванное имъ дѣло, нисколько не подозрѣвая того, что произошло за эти нѣсколько секундъ. Мало того, во время отсутствія этого сознательнаго и разумнаго *я* въ человѣкѣ могутъ совершаться безсознательные и полусознательные психическіе процессы, и именно въ силу бездѣйствія высшихъ задерживающихъ центровъ такіе процессы могутъ даже выразиться въ какихъ-нибудь внѣшнихъ дѣйствіяхъ, способныхъ носить болѣе или менѣе предосудительный характеръ. Это временное отчужденіе личности, эта прорѣха въ сознаніи представляетъ одну изъ простѣйшихъ формъ такъ называемой *психической эпилепсіи.* Но та же болѣзнь можетъ облекаться въ несравненно болѣе сложныя формы, въ которыхъ нерѣдко бываетъ трудно отличить эпилепсію. Такъ, напримѣръ, эта послѣдняя можетъ выразиться исключительно въ видѣ галлюцинацій, религіознаго бреда, бреда преслѣдованій и т. п. Мы имѣемъ тутъ дѣло со своего рода метаморфозой, въ силу которой данная болѣзнь выражается не въ обычно

свойственной ей симптоматологической формулѣ, а въ формулѣ другого патологическаго типа, откуда и названіе *скрытой эпилепсіи (épilepsie larvée).*

Эта скрытая эпилепсія играетъ большую роль въ ученіи Ломброзо: она, какъ я уже упоминалъ, приравнивается къ прирожденной преступности, и Ломброзо готовъ видѣть во всѣхъ преступникахъ если не сумасшедшихъ *(matti)*, то, по крайней мѣрѣ, *сумасшедшеподобныхъ (mattoidi).* Преступникъ, говоритъ итальянскій профессоръ, это — эпилептикъ, у котораго болѣзненный припадокъ длится всю жизнь.

Такое широкое обобщеніе не выдерживаетъ критики, но что придаетъ ему нѣкоторую правдоподобность—это тотъ роковой характеръ неизбѣжности, который лежитъ на преступленіяхъ, совершаемыхъ эпилептиками въ силу присущихъ имъ навязчивыхъ идей и болѣзненныхъ импульсовъ. Тутъ дѣйствительно есть нѣчто фатальное, толкающее на преступленіе. Это вся та темная психическая работа, которая совершается внѣ дѣйствительнаго контроля личности, всѣ тѣ, часто весьма сложныя, комбинаціи психическихъ актовъ, которыя, при всей своей сложности, не выходятъ однако за предѣлы *психическаго автоматизма.*

Психологія очень долгое время удѣляла свое вниманіе только сравнительно высшимъ формамъ самосознательной психической дѣятельности, но новѣйшія изслѣдованія обнаружили, что внѣ нашего сознанія или едва доходя до него, въ бездонной глубинѣ психики, идетъ постоянная автоматическая работа. Этотъ психическій автоматизмъ, играющій извѣстную роль въ повседневной жизни самыхъ нормальныхъ субъектовъ, можетъ въ патологическомъ состояніи пріобрѣтать огромное значеніе и принимать самыя разнообразныя формы: то онъ выразится въ видѣ такъ называемаго амбулаторнаго автоматизма, который заставляетъ больного переходить или переѣзжать съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ и даже изъ страны въ страну, не отдавая себѣ въ этомъ никакого отчета, пока проснувшееся вдругъ сознаніе не застанетъ несчастнаго странника поневолѣ въ совершенно незнакомомъ ему городѣ, далеко отъ родины, причемъ онъ не въ состояніи дать ни себѣ, ни другимъ отчетъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда; то этотъ автоматизмъ приметъ не менѣе необъяснимыя, но предосудительныя съ общественной точки зрѣнія формы наклонности къ воровству часто совершенно ненужныхъ и непремѣнно однѣхъ и тѣхъ же вещей *(клептоманія)*, наклонности къ поджогамъ *(пироманія)*, къ самоубійству и т. д.

Большей частью такія преступныя дѣйствія на психопатической почвѣ не трудно отличить отъ настоящихъ преступленій уже по самой ихъ безцѣльности: преступникъ совершаетъ преступленіе для достиженія какой-нибудь цѣли, тогда какъ для психопата преступное дѣяніе является не средствомъ, а самодовлѣющей цѣлью. Клептоманъ крадетъ

не для того, чтобы извлечъ какую-нибудь выгоду изъ украденнаго: онъ просто собираетъ цѣлыя коллекціи вещей, иной разъ лишенныхъ всякой цѣнности, и нисколько не помышляя о томъ, чтобы какъ-нибудь утилизировать ихъ; пироманъ поджигаетъ дома, не руководимый при этомъ никакими враждебными чувствами къ ихъ хозяевамъ и т. д., и т. д.

Вообще говоря, психопатическое «преступленіе» характеризуется, по Легранъ-де-Солю, слѣдующими признаками: «отсутствіе мотива, отсутствіе преднамѣренія, внезапность и энергія въ рѣшеніи дѣйствій; жестокость въ ихъ выполненіи; необыкновенная сила и многочисленность ударовъ; отсутствіе какого бы то ни было скрывательства при покушеніи и послѣ преступленія; обсолютная индифферентность; отсутствіе всякихъ угрызеній совѣсти; забвеніе или, по крайней мѣрѣ, только смутное и частичное воспоминаніе о совершенномъ поступкѣ; отсутствіе соучастниковъ».

Слѣдуетъ, однако, прибавить, что эта, въ общемъ, вѣрная характеристика не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ психической эпилепсіи происходитъ раздвоеніе, расколъ личности: нормальное *я* совершенно отлично отъ того *я*, которое выступаетъ на сцену во время психическаго припадка, но далеко не всегда удается опредѣлить точный моментъ этого замѣщенія, этого перехода въ такъ называемое второе состояніе (condition seconde), такъ что преступное дѣяніе, совершенное подъ вліяніемъ болѣзненнаго импульса, можетъ и не носить внезапнаго характера, можетъ быть или, вѣрнѣе, можетъ казаться подготовленнымъ, заранѣе обдуманнымъ и совершеннымъ съ извѣстной цѣлью, хотя въ этой подготовкѣ нормальное и отвѣтственное *я* не принимаетъ никакого участія и цѣль преступленія остается ему совершенно чуждой.

Съ другой стороны, подобно тому какъ обыкновенный конвульсивный припадокъ эпилепсіи не всегда возникаетъ безъ видимой причины и является иногда слѣдствіемъ какой-нибудь сильной эмоціи, такъ и—эквивалентъ этого припадка—преступный импульсъ можетъ быть вызванъ раздраженіемъ, ссорой, гнѣвомъ и т. п. моментами, что опять-таки способно придать преступному дѣйствію преднамѣренную окраску. Мало того, разъ вызвавшая преступный бредъ причина можетъ впослѣдствіи оказывать, съ механической правильностью, постоянно аналогичное дѣйствіе на того же субъекта: это своего рода рефлексъ, а между тѣмъ, при недостаточно внимательномъ отношеніи къ дѣлу именно повторный характеръ преступнаго дѣянія можетъ быть сочтенъ отягощающимъ вину обстоятельствомъ.

Далѣе, обыкновенному эпилептическому приступу очень часто предшествуетъ, въ видѣ предвѣстника, такъ называемая *аура*—своеобразное ощущеніе въ области двигательной, чувствительной или въ области органовъ чувствъ и внутреннихъ органовъ или, наконецъ, въ области психики (дрожанія, боль, шумъ въ ушахъ, галлюцинаціи зрѣнія или

слуха и т. п.): по этому ощущенію, выражающемуся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, больной уже знаетъ, что съ нимъ скоро будетъ приступъ. Точно такъ же и приступу психической эпилепсіи можетъ предшествовать аура, заставляющая больного чувствовать надвигающуюся на него автоматическую силу импульса, противъ велѣній котораго онъ, однако, не можетъ устоять, какъ не можетъ предъотвратить конвульсивный припадокъ обыкновенный эпилептикъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы и во время самого психическаго приступа имѣемъ дѣло не съ полнымъ отсутствіемъ сознанія, а только съ болѣе или менѣе значительнымъ психическимъ помраченіемъ, которому итальянскій психіатръ Оттоленги далъ вполнѣ подходящее названіе «état crépusculaire» (сумерочное состояніе). Съ другой стороны, подъ именемъ «secondo stato epilettico» (второе эпилептическое состояніе) тотъ же авторъ отличаетъ случаи, въ которыхъ сумерочное состояніе продолжается въ теченіе извѣстнаго болѣе или менѣе долгаго періода, такъ что больной, дѣйствуя сознательно, совершаетъ *цѣлый рядъ* преступныхъ поступковъ, совершенно не вяжущихся, однако, съ его прошлой жизнью.

Вотъ вкратцѣ изложенные, наиболѣе главные изъ тѣхъ моментовъ, которые нѣсколько умаляютъ сдѣланное нами раньше разграниченіе между преступленіями, собственно говоря, и преступными актами психопатовъ. Но они умаляютъ это разграниченіе только съ точки зрѣнія легкости дифференціальнаго распознованія актовъ той и другой категоріи; въ дѣйствительности же это разграниченіе остается во всей силѣ.

Конечно, скрытую эпилепсію не трудно было обратить въ своего рода Прокрустово ложе, къ которому тѣмъ легче удается пригвоздить любого преступника, что Ломброзо не затрудняется ставить діагнозъ эпилепсіи на основаніи самыхъ скудныхъ и недостаточно провѣренныхъ данныхъ. Но даже сторонники ученія Ломброзо признаютъ, что число несомнѣнныхъ эпилептиковъ между преступниками не превышаетъ 5%! Что же касается скрытой эпилепсіи, то итальянскій профессоръ усматриваетъ ее во всѣхъ субъектахъ, представляющихъ такъ называемые стигматы вырожденія, т.-е. тѣ пресловутыя анатомическія аномаліи, которыя сами по себѣ, какъ мы видѣли, уже хотя бы въ силу ихъ многочисленности имѣютъ весьма относительную цѣнность и едва ли способны пріобрѣсти большее значеніе только оттого, что къ нимъ пристегивается ничѣмъ недоказанная скрытая эпилепсія.

Съ другой стороны, если преступныя дѣянія, совершенныя въ зависимости отъ скрытой эпилепсіи, и носятъ характеръ непреложной необходимости, то это еще не значитъ, чтобы преступникъ-эпилептикъ былъ непремѣнно прирожденнымъ преступникомъ. Патологическое состояніе, выражающееся въ наклонности къ преступленію, можетъ быть и пріобрѣтеннымъ. А тотъ фактъ, что эпилептикъ стремится обыкно-

венно къ повторенію однихъ и тѣхъ же преступныхъ актовъ, нисколько не говоритъ, чтобы въ самой психо-физической организаціи преступника были заложены вполнѣ опредѣленныя преступныя влеченія, подходящія подъ ту или другую статью уголовнаго законодательства. Во первыхъ, есть психопаты, у которыхъ не замѣчается такой спеціализаціи въ преступныхъ импульсахъ и у которыхъ приступы пироманіи чередуются съ клептоманіей, съ покушеніями на убійство или самоубійство и т. п. Во-вторыхъ, въ механическомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же преступныхъ актовъ нужно видѣть не вліяніе какихъ-то врожденныхъ преступныхъ инстинктовъ, а просто-на-просто выраженіе автоматическаго процесса, пробѣгающаго торный путь, проложенный межу разъ навсегда и прочно ассоціировавшимися низшими мозговыми центрами.

Въ самомъ дѣлѣ, наряду съ преступными дѣяніями, у психопатовъ—да и не у однихъ психопатовъ—постоянно повторяются одни и тѣ же безразличные импульсы, но эти послѣдніе, само собою, не обращаютъ на себя такого вниманія, какъ преступные импульсы, исключая развѣ тѣ случаи, когда они пріобрѣтаютъ черезчуръ странный характеръ, какъ это было, напримѣръ, у того сановника, исторію котораго повѣствуетъ Легранъ-дю-Соль: черезъ 40 или 50-дневные промежутки времени съ этимъ почтеннымъ пятидесятилѣтнимъ мужчиной случались приступы, выражавшіеся въ томъ, что онъ бросался на землю въ смѣшной и постоянно одной и той же позѣ, начиналъ лаять, ругать самыми неприличными словами свою жену... Выраженные въ менѣе рѣзкой формѣ импульсы встрѣчаются очень часто въ видѣ такъ называемыхъ умственныхъ или психическихъ тиковъ (*tics mentaux*), повторяющихся съ такою же автоматическою необходимостью, съ какою повторяются у нѣкоторыхъ субъектовъ судорожныя подергиванія мышцъ лица и т. п. Тотъ же Легранъ-дю-Соль разсказываетъ о больной, которая, уходя отъ него, сказала: «у васъ, на этомъ столѣ 44 книги, а на васъ жилетъ съ 7-ью пуговицами. Простите, это невольно, но необходимо, чтобы я считала». И такіе умственные тики существуютъ у очень многихъ, повидимому, совершенно нормальныхъ людей: одни испытываютъ непреодомимую потребность считать, сколько буквъ въ каждомъ словѣ какой-нибудь вывѣски, другіе при входѣ въ желѣзнодорожный вагонъ непремѣнно начинаютъ соображать, дѣлится ли номеръ вагона на три, на шесть и т. п.

Во всемъ этомъ, какъ и въ преступныхъ импульсахъ, нѣтъ ничего врожденнаго, и скрытая эпилепсія такъ же мало говоритъ за существованіе прирожденной преступности, какъ и атавизмъ.

По теоріи Ломброзо, какъ мы видѣли, классъ прирожденныхъ преступниковъ комплектуется путемъ возвращенія къ типу дикаря, для котораго преступность (или то, что мы теперь называемъ преступностью) была, такъ сказать, постоянной атмосферой. Представленіе о такомъ

дикарѣ, несомнѣнно, слишкомъ схематично и далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не такъ давно г. Энгельгардтъ написалъ книгу «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости», въ которой онъ пытался доказать, что, вопреки общепринятому представленію о прогрессѣ, какъ о процессѣ постепеннаго смягченія нравовъ, человѣчество, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, по мѣрѣ роста умственнаго и техническаго прогресса, все болѣе и болѣе удалялось отъ первобытной мягкости нравовъ. Тезисъ, конечно, парадоксальный и которымъ Руссо, какъ извѣстно, прельстился лишь въ силу этой парадоксальности, да и то только послѣ того, какъ его надоумили на это. Но, даже не вдаваясь ни въ какія попытки реабилитировать далекое прошлое и нисколько не стараясь превратить преданіе о «золотомъ вѣкѣ» въ своего рода историческую истину, мы не должны все-таки упускать изъ виду, что, по вполнѣ достовѣрнымъ наблюденіямъ путешественниковъ, жестокость далеко не составляетъ *общей* отличительной черты первобытныхъ племенъ, а, по мнѣнію Спенсера, и высшіе аттрибуты человѣчества гораздо болѣе свойственны дикимъ народамъ, живущимъ изолированными парами въ своихъ лѣсахъ, чѣмъ членамъ «обширной, прекрасно организованной націи, имѣющей чудесно выработанныя искусства, обширныя и глубокія знанія и безчисленныя примѣненія ихъ къ благосостоянію».

Къ тому же, если обратить вниманіе на тѣ возмутительныя звѣрства, которыя европейскіе цивилизаторы позволяютъ себѣ въ далекихъ заморскихъ странахъ по отношенію къ чернымъ и желтымъ людямъ, то станетъ яснымъ, что о постепенномъ смягченіи нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи можно говорить никакъ не въ абсолютномъ, а только въ относительномъ смыслѣ. Факты заставляютъ думать, что какъ для первобытнаго дикаря, такъ и для современнаго «искателя новыхъ рынковъ», завоевателя или колонизатора сдерживающимъ стимуломъ, въ проявленіи жестокости, является одно и то же разграниченіе людей на *своихъ* и *чужихъ:* то, что вполнѣ позволительно по отношенію къ чужому, преступно по отношенію къ своему. Съ осложненіемъ общественной и международной жизни это дѣленіе на своихъ и чужихъ идетъ, такъ сказать, въ двухъ направленіяхъ—этническомъ и соціальномъ: съ одной стороны, развивается солидарность родовая, племенная, національная и т. д.; съ другой стороны, не менѣе, если не болѣе, рѣзко выступаетъ солидарность на почвѣ классовыхъ интересовъ. Получается, если хотите, двойная система концентрическихъ круговъ, причемъ одна изъ нихъ какъ бы пересѣкаетъ другую, подобно тому, какъ пересѣкаются круги долготы и широты на географической картѣ. Люди, принадлежащіе къ одной и той же національности, могутъ такимъ образомъ оказаться, однако, разъединенными въ силу враждебности ихъ соціальныхъ интересовъ, и, наоборотъ, представители различныхъ національностей могутъ быть связаны крѣпкими узами общности клас-

совыхъ интересовъ. Такъ, сильно развитое классовое самосознаніе можетъ, напримѣръ, заставить итальянскихъ рабочихъ оказать дѣятельную помощь забастовавшимъ французскимъ рабочимъ, и, наоборотъ, отсутствіе сознанія общности ихъ соціальныхъ интересовъ при сильно развитомъ чувствѣ національной обособленности можетъ заставить тѣхъ же итальянскихъ рабочихъ выступить въ данномъ случаѣ въ качествѣ конкурентовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ за низшую заработную плату, чѣмъ та, которой добиваются ихъ французскіе товарищи. Намъ придется считаться съ этими обстоятельствами впослѣдствіи, при обзорѣ соціальныхъ факторовъ преступности и въ особенности такъ называемой коллективной преступности, а пока вернемся къ вопросу о процессѣ смягченія нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи.

Процессъ этотъ, въ концѣ концовъ, не подлежитъ сомнѣнію, но сводится онъ, въ сущности, къ тому, что понятіе *свой* все болѣе и болѣе расширяется. Альтруистическія чувства или, по крайней мѣрѣ, чувства, тормозящія проявленіе грубаго и жестокаго эгоизма, сначала обнаруживаются только въ предѣлахъ семьи, затѣмъ рода, племени, націи или соціальнаго класса и т. д. Внѣ этихъ постоянно расширяющихся концентрическихъ круговъ—все чужіе, враги, варвары или какъ бы ихъ тамъ ни называли, по отношенію къ которымъ спасительный тормазъ перестаетъ функціонировать, и вся разница между первобытнымъ дикаремъ и свирѣпымъ цивилизаторомъ, «просвѣщающимъ» цвѣтныхъ людей огнемъ и мечомъ, только въ томъ, что чувство солидарности человѣка съ себѣ подобными распространяется теперь на несравненно большій кругъ людей. Но если въ наше время не третируютъ инородца, иноплеменца или иновѣрца хуже животнаго (да и всегда ли не третируютъ?), то нисколько не стѣсняются третировать такъ представителей якобы *низшихъ расъ*, по отношенію къ которымъ носитель цивилизаціи, не замѣчая всего ужаса своей непослѣдовательности, позволяетъ себѣ самыя невѣроятныя варварства.

А разъ это такъ, разъ какой-нибудь англійскій джентльменъ или французскій homme du monde, являющіеся каждый въ своемъ отечествѣ образцомъ корректности, разъ эти сыны европейской культуры въ далекихъ колоніяхъ преобразуются въ варваровъ, ни на минуту не переставая, однако, считать себя представителями цивилизаціи, то это только доказываетъ, до какой степени понятіе о преступленіи лишено, такъ сказать, біологической подкладки и построено цѣликомъ на почвѣ общественныхъ отношеній. Европеецъ считаетъ для себя обязательными юридическіе законы, пока онъ находится въ привычныхъ для него общественныхъ условіяхъ, но, очутившись лицомъ къ лицу съ какими-нибудь неграми, онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ распоряжаться ими, какъ ему вздумается, и при случаѣ убиваетъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Это не значитъ, чтобы физико-психической

организаціи европейца или вообще человѣка было присуще какое-то предопредѣленіе ко злу въ противоположность тому предопредѣленію къ добру, какое допускалъ въ человѣкѣ св. Августинъ. Психофизической организаціи человѣка, какъ таковой, не свойственно ни то, ни другое, а двойственное отношеніе европейца къ людямъ, смотря по тому, бѣлые ли они или черные, доказываетъ только, во-первыхъ, что выработанная его соціальнымъ кругомъ и усвоенная имъ мораль въ сущности весьма невысокаго качества и, во-вторыхъ, что юридическія нормы, созданныя тѣми или иными общественными формами, не представляютъ изъ себя ничего абсолютнаго.

Не касаясь этической стороны вопроса, которая не подлежитъ здѣсь нашему обсужденію, мы не можемъ не обратить вниманія на другую сторону, на относительность юридическихъ нормъ, которая послужитъ намъ какъ бы переходомъ къ разсмотрѣнію соціальныхъ факторовъ преступности. Мы увидимъ, въ самомъ дѣлѣ, что понятіе о преступности есть понятіе чисто юридическое, постоянно мѣняющееся, и потому совершенно несовмѣстимое съ біологическими понятіями наслѣдственности, атавизма, врожденности. Мы увидимъ, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ общество наказывало смертной казнью за преступленія, которыя даже не упоминаются въ современныхъ уголовныхъ законодательствахъ; мы увидимъ также, что наряду съ измѣненіями во времени понятіе о преступленіи мѣняется и въ пространствѣ, что преступленія противъ вѣры, совершенно непризнаваемыя, напримѣръ, французскимъ законодательствомъ, въ другихъ государствахъ считаются одними изъ самыхъ важныхъ, за которыя виновные лишаются всѣхъ правъ состоянія и подвергаются ссылкѣ въ каторжныя работы. Мы увидимъ, наконецъ, что существуетъ цѣлая категорія преступленій, которыя оказались для теоріи Ломброзо камнемъ преткновенія, и что итальянскій профессоръ и самъ долженъ былъ признать здѣсь за соціальными факторами гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ за строеніемъ черепа и неправильностями ушной раковины.

Переходя затѣмъ къ обзору этихъ соціальныхъ факторовъ преступности, мы разсмотримъ, дѣйствительно ли *законы подражанія*, на значеніи которыхъ настаиваетъ Тардъ, играютъ въ преступности ту преобладающую роль, которую приписываетъ имъ французскій соціологъ, и не отражаются ли на преступности, главнымъ образомъ, экономическія причины и классовая борьба, за которыми идущая зигзагами криминологія еще недавно не признавала никакого значенія... И тогда для насъ станетъ яснымъ, что преступникъ не пасынокъ природы, не продуктъ біологическаго атавизма, а плоть отъ плоти и кость отъ кости современнаго ему общества.

Д-ръ Л. Шейнисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„ИСПОРТИЛАСЬ“.

Очеркъ.

I.

Бухгалтеръ уѣзднаго казначейства, Иванъ Степановичъ Бородкинъ, отдыхалъ въ постели послѣ обѣда. Газета «Свѣтъ» лежала у него на животѣ непрочитанная, потому что Ивану Степановичу лѣзли въ голову самыя мрачныя мысли.

— М-да!..—время отъ времени произносилъ онъ и отдувался, словно хотѣлъ освободить грудь свою отъ лежащаго на ней камня.

Произошло въ жизни Ивана Степановича что-то скверное и непонятное, и чувствовалось такъ отвратительно, словно въ душѣ нарывало, и тупая упорная боль дергала за сердце, мѣшая установиться прежнему равновѣсію. Какъ все это произошло? Что именно произошло? Чѣмъ все это кончится?

— М-да!

За обѣдомъ было накрыто два прибора, но одинъ такъ и простоялъ безъ употребленія, упорно напоминая о томъ, что Марья Николавна отсутствуетъ, что онъ—одинъ и что порядокъ жизни нарушенъ. И теперь на кровати лежатъ двѣ подушки рядомъ, но одна остается безъ употребленія, и это упорно напоминаетъ все о томъ же безпорядкѣ жизни. День медленно угасалъ за окнами, и сѣренькій свѣтъ вливался со двора въ комнату, дѣлая ее печальной и скучной. Проклятый шарманщикъ наигрывалъ гдѣ-то грустный вальсъ, любимый Маничкинъ вальсъ, и Ивану Степанычу казалось, что шарманка выговариваетъ слова: «потерялъ я ее, потерялъ навсегда». Онъ прикрылъ свое лицо газетой, но глаза его продолжали смотрѣть и подъ газетой съ напряженнымъ вниманіемъ въ глубь собственной души, гдѣ все сильнѣе нарывало безпокойство. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Степановичъ женился, прошло шесть лѣтъ. Каждый день въ теченіе этихъ шести лѣтъ Иванъ Степанычъ ложился послѣ обѣда отдыхать въ эту самую кровать и всегда испытывалъ чувство полнаго успокоенія,

которое вливалось въ его душу какъ бы вмѣстѣ со съѣденнымъ обѣдомъ. Кромѣ газеты, тутъ же рядомъ лежала обыкновенно Машуха, какъ называлъ Иванъ Степанычъ въ послѣобѣденное время жену, а въ ногахъ укладывался дымчатый котъ и тихо мурлыкалъ, прикрывъ себѣ голову лапкой; Иванъ Степановичъ прочитывалъ газету и испытывалъ такое удовольствіе, словно, лежа въ кровати, онъ вмѣстѣ съ Машухой и съ котомъ, и со всей привычной обстановкой жизни, путешествовалъ по разнымъ странамъ и городамъ, присутствовалъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ изъ жизни королей и министровъ, видѣлъ нѣсколько катастрофъ, убійствъ, самоубійствъ. А пока онъ читалъ, Машуха успѣвала обыкновенно задремать и сладкимъ похрапываніемъ напоминала Ивану Степановичу, что онъ, слава Богу, дома, и что все у нихъ въ порядкѣ, чинно, благородно, однимъ словомъ— хорошо. Изъ дѣтской слышалось или монотонное, усыпительное «баю-баю-баюшки», или веселенькое «пришла коза рогатая», сопровождаемое звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Хорошо! Иванъ Степанычъ, бросивъ газету, какъ бы съ птичьяго полета обозрѣвалъ этотъ моментъ своей жизни: Машуху, кота, ребячій смѣхъ, тиканье часовъ, и чувствовалъ, что все у него есть и ничего ему больше не надо, и что все это такъ хорошо и прочно устроилось, что можно маленько и всхрапнуть... Онъ закрывалъ лицо газетой, и въ душу его снисходила благодать: тамъ становилось такъ спокойно и гладко, какъ бываетъ въ тихій, лѣтній вечеръ на маленькихъ, скрытыхъ въ молчаливомъ лѣсу, озерцахъ и болотцахъ. И съ улыбкой подъ усами Иванъ Степановичъ засыпалъ безмятежнымъ сномъ, полный благодарности къ жизни и ея радостямъ...

А теперь онъ лежалъ одинъ и не могъ заснуть, потому что чувствовалъ непріятный, безпокоящій диссонансъ въ своей жизни и видѣлъ, какъ угрожающій безпорядокъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подходитъ къ его семейному благополучію.

Тихо ступая по полу босыми ногами, въ комнату заглянула кухарка Палагея. «Экое горе-то!» прошептала она и осторожно пошла прочь. Иванъ Степанычъ слышалъ, но не шевельнулся, потому что ему не хотѣлось разговаривать съ Палагеей. Кто-то пришелъ: Палагея два раза повторила: «я ничего не знаю, барыни нѣтъ, а баринъ почиваетъ».

— Когда вернется?

— А кто ее знаетъ, всяко случается...

Кто-то пожалѣлъ и посѣтовалъ на Марью Николавну: «сама велѣла прійти, а ушла», и Иванъ Степановичъ молча добавилъ, что, дѣйствительно, никакого порядку теперь у нихъ нѣтъ. Когда дверь въ кухнѣ хлопнула, онъ всталъ съ постели, чтобы посмотрѣть въ окно, кто это приходилъ. Приходила баба, которая

стираетъ у нихъ бѣлье. Больше Иванъ Степанычъ не ложился. Онъ ходилъ въ однихъ чулкахъ по комнатамъ, останавливался у оконъ и смотрѣлъ на дворъ, вздыхалъ, произносилъ «м-да!» и думалъ. Подвернется какой-нибудь прохвостъ, въ родѣ этого актера, и перевернетъ вверхъ ногами всю твою жизнь. Рожа бритая, вся въ складкахъ, ходитъ безъ калошъ, въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ брюкахъ и въ старомъ пиджакѣ съ хлыстикомъ позади; на головѣ уродливая шляпа, измятая, какъ его рожа.... Неужели онъ, Иванъ Степанычъ, хуже этого актера, похожаго на голодную бродячую собаку? Иванъ Степанычъ подошелъ къ женину туалетному столику и сталъ смотрѣться въ зеркало; онъ смотрѣлъ долго и думалъ, что онъ гораздо красивѣе актера, потомъ покрутилъ усы, повелъ бровями и крякнулъ. На столѣ стояла раскрытая шкатулочка, и Иванъ Степанычъ остановилъ на ней свое вниманіе Бросила, даже не закрыла. Въ шкатулкѣ—подвязка, пузырекъ съ духами, клочокъ волосъ, перевязанный голубой ленточкой: это волосы умершаго ребенка, которому когда-то нянька пѣла «баю-баю-баюшки». Иванъ Степанычъ взялъ въ руки эти мягкіе, какъ пухъ, золотистые волосики и ему сдѣлалось такъ грустно, словно Вовочка только вчера умеръ. Тутъ же пуховка, цвѣтные карандаши, которыми Марья Николаевна гримируется, выступая въ любительскихъ спектакляхъ. Иванъ Степанычъ смотрѣлъ на шкатулку и она представлялась ему олицетвореніемъ того угрожающаго безпорядка, который подступалъ со всѣхъ сторонъ, незамѣтно подтачивая семейное благополучіе. Завернувъ Вовочкины волосики въ бумагу, Иванъ Степанычъ положилъ ихъ въ поминанье. Потомъ онъ поправилъ сползшую съ ломбернаго столика вязаную скатерть и, махнувъ рукою, отошелъ.

— М-да!—произнесъ онъ и покачалъ головой.

II.

Было около десяти часовъ вечера, а жена не возвращалась. Иванъ Степанычъ сидѣлъ за самоваромъ съ газетой въ рукахъ. Но ему не пилось и не читалось. На столѣ стояла безъ употребленія красивая чашка съ золотой надписью «въ день ангела», и эта чашка упорно напоминала о безпорядкѣ. Ивану Степанычу казалось, что чашка выглядитъ легкомысленно и насмѣшливо улыбается, глядя на стоящій рядомъ стаканъ. Стаканъ съ чашкой напоминали теперь Ивану Степанычу ихъ законный бракъ: стаканъ это—онъ, Иванъ Степановичъ, а чашка—Манюся. Онъ не любилъ, когда женщины пили чай изъ стакановъ, потому что стаканъ присвоенъ мужчинѣ, а женщинѣ—чашка. Шелъ дождикъ, безконечный осенній дождикъ, и Ивану Степанычу казалось, что

гдѣ-то ходятъ по обвалившимся листьямъ, загребая ихъ ногами. Онъ подходилъ къ окну, закрывалъ руками лицо, чтобы не мѣшалъ свѣтъ лампы, и вглядывался въ темноту ночи, туда, откуда должна была придти Марья Николавна. Нѣтъ, не идетъ. И опять въ голову Ивана Степаныча лѣзли мрачныя мысли, и онъ спрашивалъ себя: чѣмъ все это кончится?.. Не надо было соглашаться въ первый разъ. А теперь поздно. Эти спектакли вскружили ей голову, и когда ихъ нѣтъ, ей скучно, словно она что-то теряетъ тогда и груститъ о потерянномъ. Чего хорошаго? Непонятно. Иванъ Степанычъ такъ и зналъ. Эти любительскіе спектакли, онъ чувствовалъ, добромъ не кончатся. Въ комнатахъ было тихо, и казалось, что лампа съ зеленымъ тюльпаномъ и чашка съ надписью «въ день ангела» о чемъ-то сосредоточенно думаютъ вмѣстѣ съ Иваномъ Степанычемъ и слушаютъ, какъ на дворѣ шепчетъ дождь, и какъ вода, стекающая съ крыши, звенитъ водосточной трубою. Шорохъ дождя то стихалъ, то усиливался, и вдругъ въ этомъ шорохѣ прозвучалъ веселый женскій смѣхъ. Она смѣется... Идетъ, наконецъ! Съ кѣмъ это?...

Иванъ Степанычъ крякнулъ и принялъ такую позу, словно его нисколько не интересовало, кто тамъ подъ дождемъ смѣется, шлепая ногами по лужамъ. Въ сѣняхъ затопали, опять прозвучалъ смѣхъ и затѣмъ вздрогнулъ звонокъ. Иванъ Степанычъ съ серьезнѣйшимъ лицомъ вышелъ въ переднюю и сдернулъ крючекъ съ петли, а затѣмъ моментально удалился и опять сѣлъ къ столу и углубился въ газету.

— Зайдите на минуточку!

— Не поздно?

— Ничего, ничего! У насъ самоваръ!..

— Ноги надо въ порядокъ привести....

— Промочили?

И опять смѣхъ. Почему ей смѣшно и весело? Странно. Пора спать, а у нихъ—гости! Полнѣйшій безпорядокъ.

— Ты попиваешь чаекъ? Это хорошо. Позволь тебѣ представить....

Иванъ Степанычъ поднялъ голову и увидалъ гостя. Онъ самый, человѣкъ съ бритой рожей въ клѣтчатыхъ брюкахъ, концы которыхъ были такъ грязны, словно ихъ нарочно окунули въ лужу.

— Очень пріятно,—сухо сказалъ Иванъ Степанычъ.

— Ну и погодка, знаете...—со смѣхомъ проговорилъ гость, подсаживаясь къ самовару, положилъ ногу на ногу и обнялъ колѣнку руками. Иванъ Степанычъ смотрѣлъ на ноги въ клѣтчатыхъ брюкахъ и думалъ, что человѣкъ этотъ неряха: чего стоило взять да подвернуть брюки?

— Вы что же, долго проживете въ нашемъ городѣ?

— Пожалуй, зазимую... Отбился отъ стаи: товарищи улетѣли, а я пролежалъ въ больницѣ, тифомъ хворалъ...

— У насъ скучно, никакихъ увеселеній...—угрюмо произнесъ Иванъ Степанычъ.

— Ничего, ничего... Будемъ ставить спектакли... Теперь энженю имѣется, а это—главное....

— Какое-съ энженю?

— Ваша супруга! У ней прямо талантъ! Ей-Богу!

— Полноте пожалуйста!—вспыхнувъ отъ удовольствія, сказала Марья Николавна и весело подпрыгнула около мужа и наклонилась, чтобы посмотрѣть ему въ лицо. А лицо Ивана Степаныча было глубокомысленно и хмуро.

— Пойдешь на спектакль на меня посмотрѣть?

— Что я, не видалъ, что ли, тебя?

— Да не меня, а Ольгу Ранцеву. Ольгу я буду играть....

— Эта роль выйдетъ у васъ, Марья Николавна, вотъ какъ! замѣтилъ гость и поцѣловалъ кончики пальцевъ.

— Охота ломаться!—тихо, какъ бы размышляя вслухъ, сказалъ Иванъ Степанычъ.

Марьѣ Николаевнѣ сдѣлалось неловко и за мрачный видъ мужа, и за себя и, стараясь скрыть свою неловкость напускной веселостью, она сказала:

— Ваня не любитъ, когда я играю въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ не любитъ искусства....

— Искусство!—промычалъ Иванъ Степанычъ и сразу, какъ говорится, убилъ Марью Николавну:—Ты бы лучше пуговицы къ штанамъ мнѣ пришила!..

Господинъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ сказалъ, что штаны дѣло неважное и заболталъ ногой. Марья Николавна спряталась отъ гостя за самоваръ: она прокраснѣла и готова была заплакать отъ такой неделикатности. А Иванъ Степанычъ, не отрывая взора отъ газеты, началъ ворчать, говорить о семьѣ, о безпорядкѣ, о шкатулкѣ, которая стояла на туалетномъ столикѣ...

— Хоть бы посторонняго человѣка постыдились!—прошептала Марья Николавна и ушла въ сосѣднюю комнату.

— Женщина должна посвятить себя семьѣ, мужу, хозяйству, а онѣ хвосты треплютъ по разнымъ спектаклямъ.

Гостю было неловко. Онъ качалъ ногою и слегка ухмылялся.

— Если ты актеръ—играй, если жена—занимайся хозяйствомъ, чиновникъ—служи, купецъ—торгуй! Ясно, кажется, какъ Божій день...

— Что же тутъ дурного? что?—прозвучалъ голосъ Марьи Николавны изъ другой комнаты.

— Да и хорошаго-то мало!—отвѣтилъ Иванъ Степанычъ.

Гость началъ было говорить что-то объ искусствѣ, но Иванъ Степанычъ круто оборвалъ:

— Какое тамъ искусство! Шныряютъ по уборнымъ, въ щелочки подглядываютъ, подъ предлогомъ разныхъ представленій, съ чужими женами цѣлуются и прочее такое..

— Я думаю, Николай Михалычъ, вамъ дико такія слова слушать? Вы извините! – сказала Марья Николавна, выйдя изъ своего убѣжища. Лицо у ней было виноватое, но въ походкѣ и въ позѣ проглядывало горделивое сознаніе превосходства. Она ходила по комнатѣ съ заложенными за спину руками и смотрѣла впередъ, прикрывъ глаза длинными рѣсницами.

— Вовочкины волосы, мазилки разныя, теперь у насъ все въ кучу свалено,—вполголоса проворчалъ Иванъ Степанычъ.

Гость всталъ и началъ прощаться.

— Посидите, –сказалъ Иванъ Степанычъ, подавая ему руку.

— Далеко мнѣ шагать.

— А гдѣ изволите квартировать?

— У чертей на куличкахъ!

— Прощайте, Николай Михалычъ! Извините ужъ насъ!— сказала Марья Николавна и крѣпко пожала руку гостю.

Актеръ ушелъ. Супруги долго молчали и не смотрѣли другъ на другъ.

— Экое безобразіе! Какъ въ кабакѣ!—прошепталъ вдругъ Иванъ Степанычъ и куда-то пошелъ. Онъ вернулся съ половою щеткою въ рукахъ и сталъ затирать на полу слѣды отъ грязныхъ и мокрыхъ ногъ ушедшаго гостя.

— Калошъ нѣтъ, а тоже искусство!

Марья Николавна молчала. Поджавъ губы, она смотрѣла на подтиравшаго полъ Ивана Степаныча, а потомъ вдругъ расхохоталась на всѣ комнаты, расхохоталась обидно какъ-то для Ивана Степаныча, оскорбительно.

— Смѣшно?—спросилъ онъ, оглянувшись на жену, и понесъ щетку въ кухню.

— Спать вы намѣрены?—спросилъ онъ, когда часы пробили одиннадцать.

— Спите!

— А ужинать вы намѣрены?

— Ужинайте!

Полнѣйшій безпорядокъ въ жизни! Все пошло кувыркомъ. Иванъ Степанычъ сѣлъ за столъ и, облокотясь обѣими руками, задумался. Передъ нимъ стояла чайная посуда: чашка съ надписью: «въ день ангела» и два стакана; изъ одного стакана пилъ актеръ, а изъ другого—онъ, Иванъ Степанычъ; и его стаканъ стоитъ въ сторонѣ, а чашка и стаканъ актера—рядышкомъ...

— М-да!..—вздохнувъ, произнесъ Иванъ Степанычъ.

Долго Иванъ Степанычъ сидѣлъ за столомъ, подперевъ голову руками. Чѣмъ все это кончится? Какъ остановить этотъ угрожающій безпорядокъ? Часы пробили двѣнадцать. Онъ вздохнулъ, всталъ и, заискивающе посмотрѣвъ въ передній уголъ, гдѣ висѣлъ образъ Николая-Угодника, пошелъ въ спальню

Здѣсь, на столикѣ, горѣла свѣча. У столика стояло старое кресло и въ немъ сидѣла, откинувъ голову на спинку, Марья Николавна. Руки ея покоились на колѣняхъ и держали тетрадку, въ которой была выписана роль Ольги Ранцевой. Глаза у Марьи Николавны были закрыты. Спитъ? А можетъ быть, прикинулась, что спитъ, не желая лечь на свое мѣсто? Теперь все пошло кувыркомъ... Иванъ Степанычъ раздѣлся и легъ въ постель. Покряхтѣлъ, прошепталъ «Господи, Боже мой!» и прикрылъ лицо одѣяломъ. Но между подушкою и одѣяломъ осталась щелочка, въ которую онъ и смотрѣлъ, желая убѣдиться, спитъ или притворяется Марья Николавна. А Марья Николавна, дѣйствительно, дремала. Она забылась и ей чудилось, что оркестръ играетъ и сейчасъ поднимется занавѣсъ. Въ дырочку, которую любители продѣлали въ занавѣсѣ, видно всю публику: полна зала! Тутъ и исправникъ, и почтмейстеръ съ женою и дочерьми, и аптекарь, и казначей съ семействомъ, и секретарь полиціи, всѣ гарнизонные офицеры и даже самъ воинскій начальникъ!.. Въ залѣ говоръ, смѣхъ, улыбки, шелестъ платьевъ и бряцаніе шпоръ... Вонъ казначейша обмахивается вѣеромъ и любезничаетъ съ воинскимъ начальникомъ. Потомъ тихо-тихо... Сотня глазъ вперилась въ Марью Николавну и весь клубскій залъ словно замеръ... А потомъ взрывъ рукоплесканій, оглушительное «браво» и единодушный крикъ «Маля-вину! Маля-вину!..» Это она—Малявина, по сценѣ... Сердце трепещетъ въ груди, хочетъ выпрыгнуть отъ радости, лицо горитъ и хочется плакать и смѣяться...

— Ма-ля-вину! Браво!

Потомъ приходятъ за кулисы, благодарятъ, жмутъ руки и удивляются:

— У васъ несомнѣнный талантъ! Вамъ надо, голубушка, на сцену!..

— Марья Николавна! Милая! Я плакала, вы меня растрогали до слезъ!..

Кто-то цѣлуетъ Марью Николавну и ей такъ хорошо, что и у самой у ней теплыя слезинки вдругъ запрыгали съ рѣсницъ и покатились по щекамъ...

Иванъ Степанычъ тихо вылѣзъ изъ-подъ одѣяла, спустилъ босыя ноги на ковликъ и о чемъ-то подумалъ. Потомъ онъ подошелъ къ столику, чтобы загасить свѣчу. Сама не спитъ и людямъ

спать мѣшаетъ. Приблизивъ лицо къ свѣчкѣ, Иванъ Степанычъ бокомъ посмотрѣлъ на жену и увидалъ, что по щекамъ ея катятся слезы, а губы вздрагиваютъ отъ улыбки...

— Послушай! Машуха!.! Никакъ ты плачешь?..

Марья Николавна раскрыла глаза. Мужъ въ бѣломъ стоитъ посреди комнаты и нѣтъ никакой публики... Широко раскрывъ глаза, она долго смотрѣла впередъ и не могла стряхнуть съ себя чары дивнаго сновидѣнія...

— Ложись, Машуха! Право!.. Выкинь изъ головы дурь-то! право...

Марья Николавна закрыла лицо тетрадкой и ничего не отвѣтила.

— По ночамъ люди спятъ, а у насъ шиворотъ-на-выворотъ...— проговорилъ Иванъ Степанычъ и, ввалившись въ кровать, отвернулся къ стѣнкѣ.

III.

Однажды вечеромъ, когда Иванъ Степанычъ одиноко сидѣлъ за чайнымъ столомъ и думалъ, чѣмъ все это кончится, на дворѣ заскрипѣла телѣга, и въ темнотѣ грубый мужицкій голосъ протянулъ «т-п-ру!» Иванъ Степанычъ посмотрѣлъ въ окно и побѣжалъ встрѣчать: по темному силуэту человѣка, сидящаго въ телѣгѣ, онъ узналъ тестя, отца Николая.

— Палагея! Огня! Папаша пріѣхалъ... Подогрѣй самоваръ!

— Батюшки мои! Гдѣ спички-то?...

Началась суматоха. У крыльца фыркала уставшая лошадь, мужикъ въ кафтанѣ копошился около телѣги, вытаскивая поклажу: мѣшки, пещеръ, узлы, а отецъ Николай безпокойно кричалъ: «яица-то не разбей, яица-то!» Палагея стояла около телѣги и свѣтила, прикрывая ладонью руки пламя огарка, а Иванъ Степанычъ съ крыльца спрашивалъ:

— Грязная дорога, папаша?

— Бѣды! Не вылѣзу, вѣдь, я... Одѣяло-то вытащи! Ноги запутались...

Отецъ Николай съ трудомъ вылѣзъ изъ телѣги и, прихрамывая, пошелъ къ крыльцу.

— Ногу отсидѣлъ. Ну, здравствуй! Все ли въ добромъ здоровьи?..

— Здравствуйте, папаша... Ничего, живемъ...

— Яица-то осторожнѣй! Тамъ, въ пещерѣ, яичекъ мать прислала...

Въ сѣняхъ они крѣпко поцѣловались.

— Мокрая у меня борода-то!..

— Ничего, папаша... Пожалуйте!

Мужикъ таскалъ вещи въ кухню и Палагея кричала на него, чтобы не топталъ половика грязными лаптями.

— Безъ этого нельзя, бабынька хорошая!..

— А мы васъ завтра ждали, папаша—произнесъ Иванъ Степановичъ, чувствуя неловкость передъ тестемъ.

— А гдѣ Машенька? Здорова она?

— Ничего... Она придетъ.

— А гдѣ она?

— Тутъ.. въ одномъ мѣстѣ... придетъ.

Ивану Степанычу не хотѣлось прямо сказать, что жена въ клубѣ, на репетиціи. Какъ-то сразу-то нехорошо выйдетъ. Папаша можетъ разсердиться, потому что онъ этихъ фокусовъ не любитъ.

— Здорова ли мамаша?—спросилъ Иванъ Степанычъ.

— Здравствуетъ... Кланяется. Все внучка ждетъ... Есть ли толкъ-отъ? — спросилъ отецъ Николай и добродушно засмѣялся, похлопавъ Ивана Степаныча по плечу.—А? Какъ дѣла-то?

— Покуда не ожидается,—конфузливо отвѣтилъ Иванъ Степанычъ и пошелъ въ кухню поторопить Палагею съ самоваромъ. Отецъ Николай, оставшись одинъ, сталъ прохаживаться по комнатамъ и съ любопытствомъ заглядывалъ и туда и сюда, стараясь по внѣшнимъ признакамъ опредѣлить положеніе семейнаго союза. Посмотрѣлъ въ спальню и, выйдя оттуда, любовно похлопалъ опять по плечу зятя.

— Скоромное кушаете, папаша?

— Нѣтъ. Что ты, Господь съ тобой!

Отецъ Николай замахалъ руками.

— Чѣмъ же я васъ угощать буду?... Селедочку приготовимъ, огурчиковъ соленыхъ...

— Вотъ это хорошо! Какъ нынче удались огурчики-то?

Иванъ Степанычъ сообщилъ, что нынче они не солили, то же самое и относительно капусты: не рубили. Отецъ Николай искренно удивился и сказалъ, что за это поругать Машеньку надо, потому что это дѣло бабье, а когда баба свое дѣло забываетъ — это нехорошо. Палагея принесла самоваръ, потомъ селедку, пару соленыхъ огурцовъ, купленныхъ въ ближайшей лавочкѣ, и графинчикъ съ водкой.

— Эхъ, съ устатку-то хорошо!—весело сказалъ отецъ Николай, выпивъ рюмку водки и отирая усы салфеткой.—У васъ тоже казенная?—спросилъ онъ.

Вошелъ мужикъ и спросилъ, можно-ли ночевать на дворѣ съ лошадью? Отецъ Николай вопросительно посмотрѣлъ на Ивана

Степаныча. Ругаться хозяева будутъ. Отецъ Николай вынулъ изъ кармана кошель и забрянчалъ мѣдяками: пусть ночуетъ на постояломъ, спокойнѣе, за свои денежки.

— Вотъ тебѣ пятакъ на ночевку. Поди, пятака будетъ?

Отецъ Николай опять посмотрѣлъ на Ивана Степаныча и потомъ добавилъ къ пятаку еще три копѣйки.

— Восемь, поди, хватитъ? Нынче дороги деньги-то.

— А на хлѣбъ?.. Чайку испить?—сипло произнесъ мужикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Чаи да булки! Больно избаловались. Туманныя картины да театры, сапоги со скрипомъ... На!

Мужикъ ушелъ. Они пили чай и перебрасывались словами, время отъ времени булькала наливаемая въ рюмки водочка, и отецъ Николай крякалъ и отиралъ усы салфеткой.

— Ты что-то невеселый, братъ? Ладно ли живете?—спросилъ онъ, глядя на Ивана Степаныча, который не умѣлъ скрыть своего камня на сердцѣ.

— Раньше лучше жили—глухо отвѣтилъ Иванъ Степанычъ.

— А ты мнѣ прямо скажи: не чужой вѣдь!

Иванъ Степанычъ опустилъ глаза и молчалъ. Онъ былъ въ страшномъ затрудненіи, потому что въ сущности не могъ выразить словами, что именно случилось. На душѣ у него наболѣло отъ постоянныхъ мрачныхъ думъ, отъ неопредѣленной тревоги, которая неотступно держала его въ своей власти, и отъ безвыходности положенія. Онъ чувствовалъ, что всѣ устои жизни шатаются, но передать этого не могъ, потому что онъ это больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ. Пьютъ чай врозь и обѣдаютъ врозь, не рубили капусты, не солили огурцовъ—по отдѣльности все это пустяки, а все дѣло въ томъ, что шатается что-то болѣе важное, чего не видать и не покажешь.

Отецъ Николай испытующе глядѣлъ въ лицо Ивана Степаныча, а тотъ молчалъ, не поднимая глазъ.

— Ссоритесь, что ли, или еще что... хуже?

Ссорились и раньше,—не въ этомъ дѣло. Безъ ссоръ не проживешь. Поссорятся, бывало, а потомъ такъ помирятся, что душа ликуетъ. А теперь ссоръ такихъ нѣтъ, а есть что-то другое, хуже всякихъ ссоръ.

— Перемѣна въ ней большая,—промычалъ Иванъ Степанычъ.

Отецъ Николай насторожился. Вотъ оно что!.. Какая—такая перемѣна? Почему?

Палагея помогла Ивану Степанычу. Она бѣгала въ клубъ за барыней—сказать, чтобы она шла скорѣй домой, потому что пріѣхалъ папаша.

— Представленіе у нихъ идетъ—объявила Палагея—не пускаютъ ихъ.

— Какое представленіе?—удивленно спросилъ отецъ Николай, глядя въ лицо зятю.

— Играетъ она нынче... Спектакли разные, репетиціи...

— Какъ-же это такъ?—тихо спросилъ отецъ Николай и развелъ руками.

— Я вотъ про то и говорю—прошепталъ Иванъ Степанычъ и, вставъ съ мѣста, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что-же это такое означаетъ? Какъ такъ?—спрашивалъ отецъ Николай упавшимъ голосомъ.—Что то я не пойму этого дѣла... Машенька?.. Кто же ей позволилъ этими пустяками заниматься? Какъ это? Что такое? Въ епархіальномъ училищѣ скромнѣе Машеньки не было....

Отецъ Николай пожалъ плечами. И оба долго молчали.

— Гм!

— М... да!...

— Поговорить надо! — глубоко вздохнувъ, сказалъ отецъ Николай. Иванъ Степанычъ махнулъ рукой.—Ничего не подѣлаешь. Пробовалъ.

— Какъ же это такъ?

— Смутили...

— Кто?

— Тутъ... одинъ... актеръ у насъ завелся...

— Ну?!

— Онъ...

— А ты что же глядѣлъ? Шутки, что ли, это? а?—спросилъ, возвысивъ голосъ, отецъ Николай.

Зять молчалъ. Отецъ Николай размашисто покачалъ головой и съ глубокой укоризною посмотрѣлъ на Ивана Степаныча.

— Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ,—печально качая головой, сказалъ отецъ Николай послѣ долгаго обоюднаго молчанія.

— Какъ же она домой-то?.. Ночь, одна...

— Провожаютъ ее.

— Вотъ какъ?!

Опять замолчали. Въ комнатѣ было тихо, и въ тишинѣ было слышно, какъ тяжело, со свистомъ, дышалъ отяжелѣвшій отецъ Николай. Временами онъ кашлялъ и, вынимая пестрый носовой платокъ, отиралъ имъ все лицо. И потомъ опять наступала тишина, томительная, словно заряженная напряженностью безвыходныхъ думъ этихъ двухъ молчащихъ людей. Кто-то засмѣялся на дворѣ. Оба они вздрогнули. Отецъ Николай всталъ и, тяжело ботая сво-

ими грубыми сапогами, началъ ходить, сцѣпивъ пальцы рукъ на лоснящемся животѣ. Иванъ Степанычъ отперъ дверь и сказалъ: «папаша пріѣхалъ, а ея собаками не сыщешь »

— Здраствуйте, папашенька!—весело сказала Марья Николавна и поцѣловала отца въ щеку.—Здоровы

— Слава Богу.

— А мамашенька?

— Тоже слава Богу... Ты гдѣ же это пропадала?

Марья Николавна по тону вопроса почувствовала, что здѣсь былъ уже разговоръ про нее и про спектакли. Она вспыхнула и весело отвѣтила:

— Знаете, папаша, я участвую въ спектакляхъ... играю... Я очень люблю играть!.. Ваня не любитъ, но я не понимаю, что тутъ дурного?!

— Не понимаешь... Гм! Вотъ то-то оно и плохо, если не понимаешь... Ты поди-ка сюда, поближе! Погляди мнѣ въ глаза!

Марья Николавна расхохоталась принужденнымъ смѣхомъ и, встряхнувъ головой, встала передъ отцомъ.

— Гляди въ глаза!

Марья Николавна остановила взоръ на лицѣ отца. Съ этого лица на нее смотрѣли съ тоской и укоромъ два знакомыхъ родныхъ глаза, окруженные цѣлой сѣткой мелкихъ морщинъ, и, казалось, хотѣли проникнуть въ самое дно ея души. Марья Николавна вдругъ покраснѣла и заморгала глазами, отецъ Николай вздохнулъ, покачалъ головой и произнесъ:

— Вотъ то-то и есть! Стыдно, Марія. Образумись!

— Папаша! Да что вы?! Что вы думаете про меня?... — съ дрожью въ голосѣ выкрикнула Марья Николавна и, выхвативъ изъ кармана платокъ, закрыла имъ глаза....

— Вотъ то-то и есть!

— Вы совершенно... напрасно... обижаете...—сквозь слезы зашептала Марья Николавна.

— Ты вотъ что: ты не плачь... Помни: «яко же и мы оставляемъ долги наша»... Все простится.

Отецъ Николай подошелъ къ Марьѣ Николавнѣ и, положивъ на ея вздрагивающее плечо свою полную, тяжелую и теплую руку, добавилъ:

— Брось это, Марія! Нехорошо! Стыдно. А мы поминать про это не будемъ... Господь Богъ ничѣмъ тебя не обидѣлъ: у тебя мужъ—хорошій, трезвый и добрый человѣкъ, нѣтъ ни въ чемъ недостатку, Богъ дастъ тебѣ сынка, а намъ внучка... О чемъ плакать? Будетъ! Мать вонъ тебѣ гостинца прислала: двѣ сотни яичекъ, масленца полъ-пудика... Слушай-ка!

— Вы мнѣ скажите.... скажите мнѣ, папашенька....

— Ну?

— Вы мнѣ... папашенька .. скажите, что я сдѣлала...—сквозь слезы, не открывая лица, шептала Марья Николавна.

— Марія! Не идетъ оно намъ, не подходитъ!—протяжно, вразумительно и громко сказалъ отецъ Николай, разводя руками.

Марья Николавна встала и ушла въ спальню. Иванъ Степанычъ стоялъ, отвернувшись къ окну, и не оборачивался. Отецъ Николай ходилъ по комнатѣ, сцѣпивъ пальцы рукъ на животѣ. Ивану Степанычу было жалко жену и онъ придумывалъ, какъ бы облегчить все это дѣло. Онъ втягивалъ носомъ воздухъ и покрякивалъ, а отцу Николаю казалось, что Иванъ Степанычъ плачетъ потихоньку, чтобы никто не слыхалъ, и онъ думалъ, что хорошо это, что они оба плачутъ; значитъ, дѣло еще поправимое.

— Ничего, ребятишки... Богъ дастъ все перемелется... Простить надо. Господь прощалъ и намъ прощать велѣлъ...

Чуть слышно брякнулъ звонокъ въ передней. Иванъ Степанычъ тронулся было съ мѣста, но, услыхавъ топотъ босыхъ ногъ Палагеи, остановился.

— Отопретъ Палагея.

— Кто тамъ еще? Чего надо?.. Кому какое дѣло?

Палагея вошла въ комнату съ тетрадкой въ рукахъ.

— Гдѣ у насъ барыня-то?—спросила она и пошла въ спальню.

— Что такое?

— Ахтерикъ принесъ; барынѣ велѣлъ отдать, позабыла она, говоритъ...

— Опять?! Вотъ я ему покажу...

— Да ушелъ ужъ онъ... Отдалъ въ дверь да ушелъ...

— Отдайте! Это мнѣ!—сказала Марья Николавна, появившись въ комнатѣ съ заплаканными глазами.

— Марія! Брось! Нехорошо!..

— Отдайте. Ну, отдайте же!—плаксиво и жалобно вымолвила Марья Николавна, протянувъ руку.

— Марія! Брось это дѣло! Не идетъ оно тебѣ!

— Не брошу, папаша, не брошу, не брошу!..—повторила Марья Николавна.

— Что ты говоришь? Опомнись!

— Не брошу... Отдай же!—крикнула она Ивану Степанычу который держалъ за спиною роль Ольги Ранцевой.

— Гдѣ у тебя Вовочкины волосы? Гдѣ они? Папаша! Вы спросите у ней, гдѣ... Не отдамъ!

Иванъ Степанычъ скомкалъ тетрадку, потомъ сталъ рвать ее въ клочки и приговаривать:

— На! возьми! На! возьми!

Марья Николавна замерла въ полномъ отчаяніи. Она смотрѣла, какъ падали на полъ клочки рукописи, и не могла двинуться съ мѣста. Потомъ, когда все было кончено, Марья Николавна тихо вышла изъ комнаты. Опять наступила тишина и опять было слышно, какъ тяжело, со свистомъ дышетъ отяжелѣвшій отецъ Николай. Палагея пришла за самоваромъ, унесла его и вернулась со щеткою, чтобы подмести полъ, гдѣ бѣлѣли клочки бумаги. Когда она подметала полъ, въ дверяхъ показалась Марья Николавна. Лицо у ней было блѣдное, но спокойное, и глаза ея смотрѣли изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ гордо, почти презрительно, въ сторону сидѣвшаго у стола Ивана Степаныча.

— Дуракъ,—тихо и кротко произнесла Марья Николавна.— Ты думаешь, что нельзя написать все это снова?..

Сказала и исчезла за дверью.

Отецъ Николай широко раскрылъ глаза, посмотрѣлъ вопросительно на Ивана Степаныча, потомъ на дверь, куда ушла Марья Николавна, и прошепталъ:

— Это она, жена... мужу!.. Что же это такое?! Какъ же это такъ?

Иванъ Степанычъ отвернулся къ окну. Онъ долго молчалъ, глядя въ темноту ночи, гдѣ желтымъ дрожащимъ пятномъ колыхался во мракѣ ночи огонь уличнаго фонаря, потомъ вдругъ прерывающимся шопотомъ человѣка, готоваго разрыдаться, сказалъ:

— Вы спросите, гдѣ у ней Вовочкины волосы!.. Она все забыла... Она совсѣмъ... окончательно испортилась...

Евгеній Чириковъ.

РАБОЧІЕ ИНСТИТУТЫ ВЪ ШВЕЦІИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Швеціи назрѣла потребность въ высшемъ народномъ образованіи и началось повсемѣстное насажденіе крестьянскихъ академій, протекло уже тридцать четыре года. Въ теченіе этого промежутка времени высшая народная школа оказала весьма осязательное содѣйствіе не только въ поднятіи общаго уровня народнаго образованія, но также въ улучшеніи нравовъ, народнаго быта и экономическаго положенія Швеціи. Стремленіе къ повышенію народнаго образованія, этого главнѣйшаго источника всѣхъ жизненныхъ благъ, не могло ограничиться проявленіемъ особой заботливости исключительно лишь въ районахъ сельской осѣдлости и, такъ или иначе, должно было распространиться на многочисленный классъ городскихъ рабочихъ. Городъ, со всѣми его жизненными условіями, содѣйствуетъ болѣе быстрому, нежели деревня, развращенію низшихъ слоевъ общества, а потому борьба со всѣми трудностями и соблазнами, встрѣчающимися здѣсь почти на каждомъ шагу, требуетъ отъ городского населенія значительно большаго запаса знаній и большей нравственной устойчивости.

Быстрый ростъ промышленности образовалъ въ Швеціи многочисленный городской пролетаріатъ, причемъ только на фабрикахъ общее число рабочихъ въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ возросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ. По статистическимъ даннымъ 1898 г., общее число всѣхъ рабочихъ составляло $5^2/_3$% населенія Швеціи *). Соціальное положеніе шведскихъ рабочихъ лѣтъ двадцать тому назадъ было весьма незавиднымъ, благодаря полной его неопредѣленности и зависимости отъ различныхъ случайностей. Этому способствовали отчасти сами рабочіе, отличавшіеся крайнимъ невѣжествомъ. Ихъ бытъ и экономическое положеніе вступили на путь улучшеній спустя только де-

*) Въ 1861—1865 гг., въ Швеціи насчитывалось до 2.465 фабрикъ, при 30.000 рабочихъ и общей производительности на сумму 74.693.000 кронъ. Въ 1897 г. число фабрикъ возросло до 5.297 при 161.500 рабочихъ и производительности въ 467.000,000 кронъ. Въ 1898 г. всѣхъ индустріальныхъ рабочихъ, включая сюда женщинъ и дѣтей, въ Швеціи насчитывалось до 275.000 человѣкъ, что составляло $5^2/_3$% всего населенія (сюда включены также работающіе въ рудникахъ).

сятки лѣтъ, въ теченіе которыхъ было потрачено много труда, направленнаго къ просвѣщенію темной рабочей массы. Въ теченіе этого же промежутка времени повседневная печать и спеціальныя изданія настойчиво отмѣчали необходимость учрежденія для рабочихъ особыхъ высшихъ школъ, подобныхъ высшимъ народнымъ школамъ. Однако, за отсутствіемъ энергичнаго иниціатора, эта идея долгое время не получала практическаго осуществленія.

Первымъ учредителемъ въ Швеціи высшей школы для рабочихъ считается докторъ А. Нюстрэмъ, основавшій въ 1880 году первый рабочій институтъ. Будучи долгое время однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества трезвости, онъ близко присмотрѣлся къ нуждамъ трудящагося класса и пришелъ къ убѣжденію, что борьба съ пьянствомъ, нищенствомъ и многими другими общественным недостатками, можетъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ, единственномъ, случаѣ, когда въ основу ея войдетъ стремленіе искоренять невѣжество путемъ постояннаго воздѣйствія на духовное развитіе городского пролетарія. Мѣры, ограничивающія продажу вина, наказанія и денежные штрафы, налагаемые за нарушеніе тишины и порядка въ нетрезовомъ видѣ, все это, по его мнѣнію, лишь полумѣры, имѣющія значеніе палліатива. Даровыя или дешевыя зрѣлища, предлагаемыя рабочему исключительно въ цѣляхъ доставленія ему развлеченій, не могутъ содѣйствовать ослабленію пьянства и улучшенію положенія и быта трудящагося класса. Не заполняя умственной и душевной пустоты и не пробуждая въ рабочемъ желанія стремиться къ самосовершенствованію, всѣ, подобнаго рода, зрѣлища сводятся лишь къ непроизводительной тратѣ времени и денегъ. Принося въ иныхъ случаяхъ весьма незначительную пользу, они въ то же время развращаютъ народъ, развивая въ немъ вредную чувственность и страсть къ наслажденіямъ. Кромѣ того, подобнаго рода зрѣлища пріучаютъ его къ бездѣлію и не только ограничиваютъ кругъ его серьезныхъ жизненныхъ интересовъ, но больше того—пробуждаютъ въ немъ желаніе жить исключительно для «хлѣба и зрѣлищъ». Живое слово и наука—вотъ единственныя силы, содѣйствующія пробужденію мысли. Только они дадутъ народу необходимый запасъ знаній, раздвинутъ шире его умственный кругозоръ, внесутъ свѣтъ и любовь въ его жизнь и научатъ благоразумному пользованію свободнымъ временемъ.

Проникнутый сознаніемъ необходимости поспѣшить на помощь невѣжественной массѣ, докторъ Нюстрэмъ проявилъ необычайную энергію при осуществленіи своихъ благородныхъ замысловъ и тѣмъ самымъ въ короткое время привлекъ на свою сторону симпатію общества. Ему одному принадлежитъ не только сама идея учрежденія рабочаго института, но и организація всего дѣла, начиная съ собиранія средствъ для постройки собственнаго зданія и кончая составленіемъ весьма обстоятельной программы занятій.

Въ настоящее время почти всѣ, наиболѣе населенные, промышленные центры Швеціи обзавелись рабочими институтами и число ихъ, въ виду несомнѣнной пользы подобныхъ учрежденій, растетъ съ каждымъ годомъ. Быстрому росту рабочихъ институтовъ и прочихъ, подобныхъ имъ учрежденій, содѣйствуетъ въ высшей степени для этого благопріятный законъ о свободѣ всякихъ сборищъ, лекцій и учрежденія обществъ. Шведскій законъ предоставляетъ каждому гражданину право учить, читать лекціи, организовывать общества, сходиться гдѣ угодно, съ кѣмъ угодно и въ какомъ угодно числѣ, безъ надобности всякій разъ испрашивать на то разрѣшеніе подлежащихъ властей.

Шведскіе рабочіе долгое время держались совершенно въ сторонѣ отъ политической жизни, главнымъ образомъ благодаря своему невѣжеству. Въ Швеціи, говоритъ Нюстрэмъ, какъ и вездѣ, невѣжество всегда служило тормазомъ и содѣйствовало неблагопріятному разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ. Наше прошлое, богатое многочисленными опытами, наглядно доказываетъ, что значительное улучшеніе быта рабочихъ можетъ быть достигнуто лишь однимъ путемъ и именно путемъ широкаго распространенія въ народѣ знаній. Дѣйствительно, только въ этомъ случаѣ рабочій классъ окажется вполнѣ подготовленнымъ къ воспріятію самыхъ широкихъ реформъ. Въ настоящее время сравнительно только небольшая часть шведскихъ гражданъ можетъ считаться вполнѣ зрѣлою и подготовленною, а потому неудивительно, что шведское общество озабочено насажденіемъ рабочихъ институтовъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ. Оно чувствуетъ приближеніе момента, когда рабочій вопросъ долженъ обостриться, и заблаговременно подготовляетъ условія, при которыхъ онъ разрѣшится естественнымъ путемъ, тихо и на почвѣ взаимныхъ соглашеній. Просвѣщенность народной массы будетъ служить тому лучшей гарантіей уже потому, что научныя знанія прежде всего укрѣпляютъ душевныя силы человѣка, облагораживая его характеръ и пробуждая въ немъ чувство гуманности. Настойчивое стремленіе шведскихъ рабочихъ къ самообразованію служитъ поэтому доказательствомъ ихъ благонамѣренности и должно внушать къ нимъ только одно довѣріе. Въ этомъ послѣднемъ имъ не отказываютъ ни власти, ни само шведское правительство.

Плодотворная дѣятельность рабочихъ институтовъ принесла уже благіе результаты, отразившись съ наибольшею отчетливостью на рабочемъ сословіи большихъ городовъ. Этими учрежденіями былъ данъ могучій толчокъ, отъ котораго воспрянули даже самые убогіе труженики, бывшіе въ загонѣ у своихъ же товарищей, такихъ же обездоленныхъ бѣдняковъ. Вся эта темная, невѣжественная масса людей пробудилась отъ долгаго сна и, озаренная лучами правды и знанія, поняла всю необходимость стремленія къ болѣе разумной и нравственной жизни. Она ожила, пріободрилась и увѣровала въ возможность достиженія лучшаго положенія, съ которымъ примирялось бы

чувство человѣческаго достоинства. Каждый, хоть изрѣдка слѣдившій за текущею и прошлою жизнью, говоритъ Г. Магнуссонъ, долженъ признаться, что современный шведскій рабочій далеко уже не тотъ, чѣмъ былъ его собратъ по труду лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ недоволенъ теперь и жаждетъ наслажденій, говорятъ обыкновенно наиболѣе алчные фабриканты. Подумайте, продолжаютъ они, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ нашъ рабочій всегда отличался скромностью, довольствовался только хлѣбомъ и селедкой и въ то же время обладалъ такою силой, что безъ ущерба своему здоровью могъ ежедневно работать по четырнадцати часовъ въ сутки. Оглянемся назадъ и вспомнимъ прежняго шведскаго рабочаго въ гавани. Онъ былъ простымъ поденьщикомъ, оборванцемъ и справедливо назывался «пугаломъ гавани». Ему и въ голову не приходило, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе люди, претендующіе на самое вѣжливое съ ними обращеніе. Онъ жилъ только дневнымъ заработкомъ, не думая о своей будущности и ютясь въ послѣднихъ притонахъ, гдѣ пропивалъ и проигрывалъ послѣднюю свою одежду. Онъ никогда не обижался, даже и въ томъ случаѣ, когда съ нимъ обращались по-скотски. Теперь рабочіе въ гавани представляютъ собою тѣсно сплоченный и прекрасно организованный союзъ. Прежній «пугало гавани» теперь съ живѣйшимъ интересомъ читаетъ газеты, посѣщаетъ вечернія лекціи, всецѣло проникнутъ духомъ законности, защищаетъ свои права въ риксдагѣ, подавая многочисленныя петиціи, требуетъ закрытія всѣхъ городскихъ притоновъ и, взамѣнъ этихъ вертеповъ, открытія обширныхъ и прилично обставленныхъ столовыхъ безъ продажи крѣпкихъ напитковъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ «пугало гавани» тоже считался грамотнымъ, рабочіе союзы также существовали и все же, несмотря на это, общество оказывало лишь едва замѣтное воздѣйствіе на духовное развитіе городского пролетарія. Очевидно, что рабочіе институты и однородныя съ ними учрежденія, появившіяся въ Швеціи двадцать лѣтъ тому назадъ, имѣли значеніе рычага, повернувшаго къ лучшему весь бытъ рабочихъ.

Рабочій институтъ имѣетъ цѣлью привлекать въ свои стѣны лишь взрослыхъ людей, преимущественно изъ рабочаго класса. Здѣсь, за минимальную плату, бѣднѣйшая часть городского населенія посѣщаетъ вечернія лекціи, заполняя, такимъ образомъ, многочисленные пробѣлы своего образованія. Популярныя лекціи читаются удобопонятнымъ языкомъ, вслѣдствіе чего посѣтители весьма легко усваиваютъ научныя истины и обстоятельно знакомятся съ новѣйшими изобрѣтеніями. Рабочій институтъ ограничивается открытіемъ теоретическихъ курсовъ, не обучая своихъ посѣтителей различнымъ ремесламъ и не давая имъ технической подготовки. Практическія цѣли преслѣдуютъ существующія въ Швеціи многочисленныя спеціальныя учрежденія для рабо-

чихъ. Главнѣйшею цѣлью рабочаго института служитъ преподаніе рабочему люду только научныхъ истинъ и тѣхъ знаній, которыя могутъ благопріятно отразиться на его трудѣ и здоровьѣ. Народная школа, по мнѣнію Нюстрэма, озабочена просвѣщеніемъ души въ періодѣ дѣтства, а потому, хотя бы и обладала совершеннѣйшей организаціей, не въ силахъ, однако, оказывать столь осязательное воздѣйствіе на духовное развитіе, какъ оказываетъ рабочій институтъ. Взрослый рабочій не можетъ не чувствовать настоятельной потребности въ духовной пищѣ. Нерѣдко онъ удѣляетъ умственному труду все свободное время, отчасти въ виду удовлетворенія жажды знаній, отчасти же, во избѣжаніе празднаго времяпрепровожденія или нежеланія проводить время въ дурномъ обществѣ. Именно предъ такими людьми рабочій институтъ стремится широко распахнуть свои двери. Осуществленіе рабочаго института было вызвано необходимостью. Спросъ на образованіе среди рабочихъ такъ великъ, что наличность всѣхъ рабочихъ институтовъ удовлетворяетъ въ настоящее время только незначительную часть этой обширной среды. Нюстрэмъ говоритъ: у насъ слишкомъ очевидна потребность въ просвѣщеніи, которое укрѣпляло бы душевныя силы и расширяло умственный кругозоръ бѣднѣйшаго класса населенія. Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію общаго уровня образованія среди рабочихъ доказываетъ намъ, что въ Швеціи не боятся широкаго распространенія образованія во всѣхъ слояхъ населенія и не боятся, конечно, потому, что у шведовъ, какъ и другихъ просвѣщенныхъ народовъ, наука имѣетъ точно такое же значеніе, какое имѣютъ въ жизни истина и правда, безъ которыхъ немыслимо сколько-нибудь сносное существованіе человѣчества.

Немаловажное значеніе имѣетъ рабочій институтъ также и для женщины, выступающей на новой аренѣ труда и въ послѣднее время съ успѣхомъ выполняющей въ домѣ многочисленныя обязанности мужчины. Счастливые браки и семьи, говоритъ докторъ Нюстрэмъ въ своемъ обращеніи къ посѣтителямъ рабочаго института, возможны лишь тогда, когда интересъ ко всему возвышенному будетъ проявляться въ семьѣ одинаково — какъ у мужчины, такъ и у женщины. Идя навстрѣчу желаніямъ женщины подняться до уровня умственнаго развитія мужчины, рабочій институтъ расширилъ для нея программу занятій и ввелъ систематическое чтеніе лекцій по многимъ предметамъ, могущимъ содѣйствовать облегченію ея материнскихъ обязанностей.

Докторъ Нюстрэмъ придаетъ рабочему институту значеніе неизсякаемаго источника, изъ котораго родители могутъ постоянно черпать самыя разнообразныя свѣдѣнія, необходимыя для передачи дѣтямъ. Нельзя также не согласиться съ нимъ, что подобныя учрежденія имѣютъ для молодежи огромное значеніе въ воспитательномъ отношеніи. Открывая двери молодымъ людямъ, рабочій институтъ, тѣмъ са-

мымъ, оберегаетъ ихъ отъ многаго дурного, что такъ часто бродитъ въ юныхъ головахъ въ часы досуга и за отсутствіемъ полезнаго и интереснаго дѣла.

Озабоченный распространеніемъ популярно-научныхъ знаній, рабочій институтъ стремится также удовлетворять эстетическія потребности своихъ посѣтителей и весьма обстоятельно поэтому знакомитъ ихъ съ разновидными отраслями искусства. Преподаваніе ведется въ формѣ популярныхъ лекцій, съ систематическимъ распредѣленіемъ ихъ по курсамъ, причемъ на всѣхъ лекціяхъ пользуются многочисленными и нерѣдко дорого стоющими учебными пособіями. Къ чести шведскаго общества надо сказать, что чтеніе лекцій въ рабочемъ институтѣ берутъ на себя даже выдающіеся ученые Швеціи или безвозмездно, или же за весьма скромное вознагражденіе.

Въ стокгольмскомъ рабочемъ институтѣ лекціи читаются по слѣдующимъ предметамъ: по математикѣ, астрономіи, метеорологіи, физикѣ, химіи, анатоміи и физіологіи, гигіенѣ, общественному здравію, естественной исторіи, географіи, исторіи культуры, исторіи Швеціи, исторіи искусства, государствовѣдѣнію, законовѣдѣнію, педагогикѣ, живымъ языкамъ и веденію хозяйства.

Насколько, въ общемъ, разнообразна и обширна программа, принятая въ рабочихъ ииститутахъ, можно судить по объему каждаго, взятаго въ отдѣльности, предмета, пройденнаго 1899 — 1900 г. въ стокгольскомъ рабочемъ институтѣ *).

Математика (докторъ Карлсонъ). Прочитано 29 лекцій на слѣдующія темы: вступленіе въ ариѳметику; десятичный счетъ; простыя дроби; сложеніе, вычитаніе умноженіе и дѣленіе; тройное правило; вычисленіе процентовъ; учетъ векселей; правило товарищества; правило смѣшенія; вычисленіе площадей прямолинейныхъ фигуръ; вступленіе въ алгебру; сложеніе вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; многочисленныя уравненія; алгебраическія дроби; уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ и задачи; уравненія второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ; задачи на движенія тѣлъ и извлеченіе корней.

Метеорологія (г. Лундбергъ). Прочитано 14 лекцій: метеорологическіе инструменты; давленіе воздуха и барометръ; влажность воздуха и атмосферные осадки; лавины и глетчеры; теченія въ воздухѣ, происхожденіе вѣтровъ, пассаты и муссоны; вихрь, циклонъ и антициклоны; электричество въ воздухѣ; оптическія явленія въ воздухѣ. Кромѣ того было прочитано: о первыхъ попыткахъ движенія по воздуху, воздушные шары и попытка урегулировать ихъ движеніе; полетъ птицъ и сущность задачи свободнаго летанія человѣка.

Геологія (профессоръ Де-Гееръ). Прочитаны три лекціи: нѣкоторыя

---

*) Перечисляемъ только нѣкоторые предметы.

основныя данныя о природѣ Швеціи; образованіе горъ и ледниковый періодъ.

Зоологія (профессоръ Лехэ). Прочитано 13 лекцій: простѣйшіе виды организмовъ; развитіе, наблюдаемое въ царствѣ животныхъ; развитіе человѣка, по позднѣйшимъ теоріямъ; сложеніе и устройство человѣческаго тѣла; первобытный человѣкъ; развитіе сердца и проч., проч.

Анатомія, физіологія, болѣзнь и гигіена (докторъ А. Нюстрэмъ). Прочитано 30 лекцій: инфекціонныя болѣзни прежде и теперь; проказа, моровая язва, оспа, скарлатина, корь, дифтеритъ, холера, ея распространеніе и средства противъ нея; нервная горячка, лихорадка и проч., проч. болѣзни. Происхожденіе въ природѣ организмовъ отъ неорганическихъ веществъ; зачатокъ жизни и простѣйшія жизненныя формы; жизнь животныхъ и растеній; строеніе человѣческаго тѣла; пища и ея питательность; питательность растительной и мясной пищи; пищевареніе; органы пищеваренія; зубы и уходъ за ними; слюна, желудочный и кишечный соки; дѣйствія печени и легкихъ; о количествѣ пищи, потребной для рабочаго и минимальная доза ея; жажда и голодъ; болѣзни пищеварительныхъ органовъ—желудочный катарръ, желудочныя раны и желудочный ракъ; чистота воздуха въ помѣщеніяхъ и необходимость вентиляціи. Кромѣ того были прочитаны 8 лекцій по физіологіи (профессоръ Тичерстедтъ)—строеніе сердца, кровообращеніе, теплота человѣческаго тѣла, вліяніе алкоголя на организмъ и проч. и двѣ лекціи по патологіи (профессоръ Валлисъ)—разрушеніе внутреннихъ органовъ человѣческаго тѣла при злоупотребленіи спиртными напитками.

Химія (инженеръ Нордстрэмъ). Прочитано 29 лекцій: введеніе въ химію, строеніе матеріи, молекулы и молекулярныя силы, атомы и простѣйшія тѣла; химическія формулы; водородъ и кислородъ; известь, хлоръ и бѣленіе; галоиды—іодъ, піаній; происхожденіе сѣры и ея особенности, сѣрый цвѣтъ, сѣрнокислыя и сѣрноватисто-кислыя соединенія, сѣрная кислота; амміакъ, нашатырный спиртъ; фосфоръ и его соединенія съ другими тѣлами; мышьякъ и его соединенія; уголь, сухая перегонка; углеродныя и углекислыя соединенія; составъ воздуха; олово, поташъ, сода, селитра, кальцій, аллюминій, магнезій и цинкъ; желѣзо, чугунъ, выдѣлка стали, марганецъ и хромистыя соединенія; кобальтъ, никель и мѣдь; ртуть, свинецъ и драгоцѣнные металлы.

Исторія (докторъ Нюстремъ). Прочитано 30 лекцій: Россія и Польша, обзоръ славянскаго міра; славяне въ древнѣйшія времена; русская національность; вторженіе въ Россію монголовъ и сохранившіеся до послѣдняго времени въ русской жизни слѣды монгольскаго ига; времена величія Польши и ея войны съ Россіей; Швеція и Польша временъ Густава II Адольфа и Карла X; Россія при Петрѣ I; послѣдніе дни величія Польши, Собѣсскій; Карлъ XII и война съ Польшей; паденіе Польши и ея раздѣлъ; какимъ образомъ взошла на престолъ

Екатерина II, ея роль въ раздѣлѣ Польши и значеніе всесильныхъ временщиковъ; возстанія 1830 и 1863 гг. и современныя Польша и Россія. Карлъ XII, его дѣтство и восшествіе на престолъ; манія войнъ у Карла XII, критическій разборъ его военныхъ дѣйствій; психологическій анализъ его душевныхъ способностей; общее порицаніе его жизни; чьей пулей былъ убитъ Карлъ XII—шведской или норвежской? Мирное время, Ульрика-Элеонора и Фредрика I. Непріязненныя отношенія Россіи къ Швеціи въ XVIII столѣтіи; Россія и Швеція временъ Екатерины II и Густава III.

Исторія шведской литературы (госпожа Е. Кей). Прочитано 27 лекцій: вступленіе ко времени Густава III; Чэльгрэнъ, Торильдъ, Линдеръ и Эренсвэрдъ; драма временъ Густава III; Леннгрэнъ; печать временъ Густава III, школа романтиковъ; Аттербомъ; готическая школа; Гейеръ, Тегнэръ, Стагнеліусъ, Виталисъ, Никандеръ, Альмквистъ и Гунебергъ; обзоръ литературы второй половины девятнадцатаго столѣтія; Франценъ, Валеріусъ и Валлинъ—эти три лекціи были прочитаны госпожой Н. Лундбергъ.

Англійскій языкъ. Прочитано 12 лекцій, причемъ за каждую отдѣльно взималась дополнительная плата въ размѣрѣ 25 эре (12 коп.). Кромѣ того, 100 слушателей прошли языкъ эсперанто.

Исторія Швеціи. Прочитано 15 лекцій о главнѣйшихъ событіяхъ XIX вѣка.

Исторія искусства (кандидатъ правъ Лауринъ). Прочитано 26 лекцій: искусство въ Ассиріи, Персіи, древней Греціи и римской имперіи; искусство послѣ введенія христіанства и искусство въ Византіи; искусство у магометанскихъ народовъ; романскій и готическіе стили; эпоха возрожденія.

Кромѣ всего перечисленнаго, читались лекціи по физикѣ (29), 4 лекціи о Данте и его «Божественной комедіи», 3 лекціи о развитіи искусства въ Швеціи, 4 лекціи о страхованіи жизни рабочихъ, 2 лекціи о странѣ, гдѣ не бываетъ стачекъ, и сходство и различіе ея съ Франціей», 1 лекція объ историческомъ развитіи сословій и классовъ въ Швеціи, лекція о подводныхъ лодкахъ и много другихъ лекцій по вопросамъ общественнаго и государственнаго устройства Швеціи.

Администрація рабочаго института рекомендуетъ каждому посѣтителю начинать курсы съ самаго начала, дабы облегчить ему возможность усвоенія послѣдующихъ лекцій и такимъ образомъ возбудить въ немъ еще большее стремленіе къ удовлетворенію своей любознательности. Пособіями къ лекціямъ служатъ чертежи, рисунки, изображенія на классной доскѣ, приборы, аппараты, картины, гравюры и проч., проч. предметы, которые, кстати замѣтить, разсматриваются посѣтителями всегда съ большимъ интересомъ. Дорого стоющіе приборы или коллекціи нерѣдко предлагаются рабочему институту частными лицами или учрежденіями для временнаго пользованія ими. Отсутствіе

въ продажѣ книгъ, спеціально приноровленныхъ къ подобнымъ лекціямъ, зачастую вынуждаетъ лекторовъ издавать отдѣльныя брошюры или составлять записки, вмѣщающія въ себѣ весь, необходимый для слушателей, матеріалъ, извлеченный изъ различныхъ, нерѣдко дорого стоющихъ источниковъ.

Рабочій институтъ располагаетъ прекрасной библіотекой болѣе чѣмъ въ 3.000 томовъ и состоящей преимущественно изъ лучшихъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки. Въ обширномъ помѣщеніи читальни имѣются энциклопедическій, географическій и историческіе словари, большія географическія карты, журналы, иллюстрированныя изданія и ежедневныя газеты. Помѣщенія библіотеки и читальни ежедневно открыты для посѣтителей съ 1—9 ч. вечера, причемъ всѣмъ слушателямъ курсовъ, при ежемѣсячномъ дополнительномъ взносѣ въ размѣрѣ 25 эре, разрѣшается брать книги также и на домъ. Прочіе посѣтители читальни уплачиваютъ за каждое посѣщеніе 5 эре, за недѣлю 25 эре и за мѣсяцъ 50 эре. По желанію, рабочимъ отпускаются книги и записки по пониженнымъ цѣнамъ и въ разсрочку. Въ читальнѣ имѣется книга заявленій, поставлены письменные приборы и придѣланъ къ стѣнѣ ящикъ, для опусканія туда вопросныхъ листовъ, на которые лекторы даютъ соотвѣтствующія вопросамъ разъясненія въ аудиторіи института. Посѣтители вечернихъ лекцій платятъ за входъ 10 эре и пользуются правомъ безплатнаго посѣщенія читальни. Каталоги выдаются безплатно.

По воскресеніямъ въ $7^1/_2$ ч. вечера устраиваются концерты съ входной платой въ размѣрѣ 25 эре. Слушателямъ курсовъ отдается предпочтеніе при выборѣ мѣста, однако, въ случаѣ непредъявленія въ кассу взятыхъ билетовъ до 7½ ч. вечера, мѣста продаются постороннимъ лицамъ. Въ концертахъ, помимо любителей, нерѣдко участвуютъ наиболѣе крупныя музыкальныя силы, привлекающія въ стѣны института многочисленную публику.

Изданія рабочаго института продаются отдѣльными тетрадями по 5 эре каждая. Для ознакомленія читателя съ содержаніемъ этихъ тетрадей, достаточно привести послѣднюю серію, изданную въ 1900—1901 г. Тетрадь I: a) цѣль рабочихъ институтовъ; b) рѣчь, произнесенная въ рабочемъ институтѣ. Тетрадь II: a) мысли о гармоніи души; b) трудъ (стихотвореніе). Тетрадь III: a) потребность въ высшихъ школахъ для рабочихъ; b) просвѣщеніе для всѣхъ (стихотвореніе). Тетрадь IV: a) значеніе зубовъ и уходъ за ними. Тетрадь V: объясненіе иностранныхъ словъ въ шведскомъ языкѣ. Тетрадь VI: образованіе для рабочаго класса и популяризація науки.

Институтъ управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ десяти лицъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя, которому ввѣрятся общее руководительство и ближайшее наблюденіе за порядкомъ въ институтѣ. При рабочемъ институтѣ имѣется особый союзъ изъ 90 лицъ, на

обязанности которыхъ лежитъ пріисканіе средствъ, необходимыхъ для существованія этого учрежденія. Въ послѣднее время обязательный взносъ уменьшился и члены союза вносятъ ежегодно только самую незначительную денежную сумму, благодаря большей обезпеченности института и болѣе правильному поступленію доходовъ. Въ 1901 году имущество института оцѣнивалось 131.592 кронами, причемъ изъ этой суммы на зданіе приходится 99.592 кроны, на библіотеку, учебныя пособія и инвентарь 22.000 кр., а остающіяся 10.000, дарованныя частнымъ лицомъ, отчислены въ неприкосновенный фондъ. Все недвижимое имущество застраховано въ 60.000 кронъ. За 1900—1901 отчетный годъ общее движеніе суммъ было слѣдующее. Случайныя поступленія: 2.465 кр. по завѣщанію частнаго лица, 1.000 кр. также отъ частнаго лица для покупки органа; пожертвованія частныхъ лицъ 700 кр. 84 эре и членскіе взносы 475 кр.; итого 1.640 кр. 84 эре. Обыкновенныя поступленія: субсидія отъ государства 2.400 кр., субсидія отъ города 6.000 кр., суммы поступившія отъ взносовъ за слушаніе лекцій, посѣщеніе читальни и доходы съ концертовъ 7.194 кр. 98 эре; арендныхъ 1.995 кр. и рента съ неприкосновеннаго фонда 500 кронъ; итого весь приходъ за 1900—1901 гг. составляютъ 22.724 кроны 82 эре. Расходы: директору института жалованіе 2.500 кр., плата лекторамъ 5.775 кр. 75 эре, сторожу и его помощнику 1.400 кр., освѣщеніе и отопленіе 1.643 кр. 43 эре, учебныя пособія 312 кр. 70 эре, библіотека 1.048 кр. 96 эре, объявленія и прочіе типографскіе расходы 1.064 кр. 80 эре, устройство концертовъ 2.385 кр., ремонтъ зданія 1.008 кр. 54 эре, на увеличеніе основного фонда 3.462 кр. 94 эре, страхованіе и прочіе расходы 901 кр. 20 эре; итого весь расходъ за 1900—1901 отчетный годъ составляютъ 22.724 кр. 82 эре.

Впродолженіи учебнаго сезона 1900—1901 гг. было прочитано 207 лекцій, на которыхъ присутствовали 35.000 слушателей Въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ число слушателей увеличилось на 7.300 человѣкъ. Изъ библіотеки, въ теченіе этого сезона, было выдано 360 лицамъ 4.050 томовъ, число посѣтившихъ читальню возрасло до 4.054 и на 30 народныхъ концертахъ, устроенныхъ въ помѣщеніи института, было 11.750 посѣтителей.

За все время дѣятельности рабочаго института въ теченіе 21 года (1880—1901) въ немъ было прочитано 5.342 лекціи, на которыхъ присутствовали 435.500 слушателей. Въ теченіе этого же промежутка времени почему-то не установлено общее число прочихъ посѣтителей, вслѣдствіе чего приводимъ указанія, начиная съ 1894 года. Съ 1894—1901 г. число посѣтителей концертовъ достигло 91.300 и читальни—24.600 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что 85% всѣхъ посѣтителей составляли рабочіе, можно себѣ представить, какую огромную пользу приносятъ государству подобныя учрежденія. Если предположить, что въ каждомъ изъ 50 рабочихъ институтовъ и имъ подоб-

ныхъ учрежденій, разбросанныхъ по всей Швеціи, ежегодное число слушателей будетъ въ четыре раза менѣе числа слушателей въ стокгольмскомъ рабочемъ институтѣ, то тогда впродолженіи десяти лѣтъ получится весьма почтенная цифра рабочихъ, прослушавшихъ нѣсколько курсовъ *).

Зданіе рабочаго института построено въ древне-скандинавскомъ стилѣ и вмѣщаетъ въ себѣ огромную аудиторію, примѣрно, на 400 человѣкъ. Въ конструктивномъ отношеніи оно удовлетворяетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ. Много свѣта, обиліе и чистота воздуха, калориферы и усовершенствованная вентиляція—все свидѣтельствуетъ о предусмотрительности и заботливости все того же основателя института, А. Нюстрэма. Куда бы ни обратился взоръ, всюду видишь явныя доказательства его любовнаго отношенія къ дѣлу. Институтъ—это его родное дѣтище, въ которое онъ вложилъ всю свою душу и для котораго безпрерывно, въ теченіе двадцати лѣтъ не жалѣлъ ни силъ, ни трудовъ своихъ.

Безсмѣнно двадцать лѣтъ стоитъ онъ на стражѣ интересовъ самаго бѣднѣйшаго класса населенія. Онъ видѣлъ, какъ въ грязи и въ непроницаемомъ мракѣ копошились эти люди, безнадежно простирая свои объятія къ свѣту. Онъ слышалъ ихъ стоны, видѣлъ ихъ безсиліе. Одинъ, безъ всякихъ средствъ, двинулся онъ къ нимъ на помощь, только во имя одной любви къ ближнему и состраданія къ нему. Онъ побѣдилъ, и его могучій призывъ возымѣлъ свое дѣйствіе: возникли рабочіе институты. Но онъ не успокоился и продолжаетъ попрежнему призывать народъ къ просвѣщенію... «Рабочіе!—раздается его мощный голосъ. Помните, что каждое сбереженіе, каждыя 10 эре, каждая крона, пожертвованныя вами ради просвѣщенія, предлагаемаго вамъ вашимъ же институтомъ, принесетъ вамъ гораздо больше сбереженій, нежели какіе-нибудь другіе матеріальные разсчеты, и въ особенности, если вы будете искренно стремиться къ облагораживанію душевныхъ силъ. Честь и хвала тому рабочему, который, стремясь къ самосовершенствованію, склонитъ къ тому же своего товарища. Пусть болѣе просвѣщенные рабочіе станутъ вліять на своихъ слабыхъ товарищей, пусть они будутъ имъ вожаками въ ихъ жизненномъ пути. Только такимъ образомъ мы возвысимъ нашъ народъ и облагородимъ его. Итакъ, друзья впередъ! Объединяйтесь скорѣе и дружно идите впередъ, къ свѣту, навстрѣчу лучшимъ временамъ. Тамъ ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ».

К. Грэнхагенъ.

---

*) Полагая, что каждый рабочій посѣтитъ 50 лекцій, получимъ въ 10 лѣтъ 50.000 рабочихъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе* *).

Глава XIX.

Поѣздъ мчался черезъ лѣса Шантильи. Взошелъ блѣдный мѣсяцъ, и при невѣрномъ свѣтѣ его лѣсныя дороги, прямыя и нескончаемо длинныя, казалось, уходили въ безконечную даль. Купы молоденькихъ наливающихся почками деревьевъ мелькали мимо, словно клубы зеленоватаго пара; мелькали бѣленькія, уже затихшія на ночь деревушки; станціи съ огнями фонарей и человѣческими фигурами; огромныя груды дровъ и бревенъ вдоль линіи. А поѣздъ мчался все дальше и дальше.

Делафильдъ, сидя въ вагонѣ второго класса, не спалъ и даже не пытался уснуть. Ночь была страшно холодная, а на немъ только легкое пальто, въ которомъ онъ вышелъ изъ Hôtel du Rhin прогуляться послѣ обѣда, и ни плаща, ни пледа въ запасѣ. Но поглощенный своими мыслями, онъ не чувствовалъ холода и даже не замѣчалъ его.

Событія двухъ послѣднихъ дней, ихъ значеніе, его собственный образъ дѣйствій и его возможныя послѣдствія—вотъ надъ чѣмъ лихорадочно работалъ его умъ, комбинируя, толкуя, дѣлая выводы то въ одномъ направленіи, то въ другомъ. Въ душѣ его было и волненіе, и страхъ, но это не могло побороть его обычнаго настроенія—спокойствія, мужества, непоколебимой рѣшимости.

Онъ только наканунѣ выѣхалъ изъ Лондона со своимъ кузеномъ-герцогомъ и его больнымъ сыномъ. Они ѣхали въ Парижъ на консультацію къ новому врачу, и Джэкобъ вызвался сопровождать ихъ. Несмотря на цѣлую свиту слугъ и курьеровъ, постоянно окружавшую ихъ, въ дорогѣ они всегда казались Джэкобу ужасно безпощными и жалкими, и онъ зналъ, какъ они дорожатъ его обществомъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

По дорогѣ въ Парижъ, въ Калэ, онъ видѣлъ въ буфетѣ Генри Уоркворта и мимоходомъ обмѣнялся съ нимъ кивкомъ головы. Тотъ еще наканунѣ вечеромъ, у Жюли, сказалъ ему, что они могутъ встрѣтиться на пароходѣ.

На слѣдующій день, день пріѣзда Жюли, рано утромъ, въ тревожномъ ожиданіи возвращенія своихъ спутниковъ съ консультаціи у знаменитаго врача, Делафильдъ бродилъ по Rue de la Paix и возлѣ отеля Мирабо почти столкнулся съ человѣкомъ, въ которомъ тотчасъ узналъ Уоркворта.

Изъ вѣжливости пришлось обмѣняться нѣсколькими фразами, хотя тайный антагонизмъ между этими двумя людьми обозначился съ первой же встрѣчи ихъ въ гостиной леди Генри. Каждое слово ихъ краткаго разговора запечатлѣлось въ памяти Делафильда.

— Вы долго здѣсь пробудете?—спросилъ Уорквортъ.

— Да, дня два. Мы встрѣтимся завтра въ посольствѣ?

— Нѣтъ. Я обѣдалъ тамъ вчера. Мои дѣла уже покончены. Вечеромъ я ѣду въ Римъ.

— Счастливецъ! Теперь туда, кажется, идетъ новый скорый поѣздъ?

— Да. Чрезвычайно удобно. Въ 7 ч. 15 м. вечера вы садитесь на поѣздъ на Ліонскомъ вокзалѣ, а черезъ день, утромъ въ Римѣ.

— Великолѣпно! Отчего не всѣ могутъ ѣхать? Ну прощайте, желаю вамъ успѣха!

Они обмѣнялись небрежно рукопожатіемъ и разстались.

Это было около полудня. А за завтракомъ пришла телеграмма отъ герцогини, на которую откликнулись всѣ струны сердца Делафильда. Ему живо вспомнился послѣдній разговоръ съ Жюли, ея странная безпомощность и кротость, ея жалобный молящій взглядъ. Онъ всѣмъ сердцемъ надѣялся, что она застанетъ старика въ живыхъ, что его сыновья отнесутся къ ней хорошо, и потомъ, когда все кончится, окажется, что старикъ обезпечилъ какъ слѣдуетъ свою внучку.

Но ему некогда было предаваться подобнымъ мыслямъ. Результатъ консультаціи былъ неутѣшителенъ и кузены Джэкоба нуждались въ его участіи и ободреніи. Подъ вечеръ онъ перевезъ ихъ въ отель de la Terrasse въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Герцогъ, нервный ипохондрикъ, не выносилъ парижскаго уличнаго шума и могъ спать только въ этомъ излюбленномъ своемъ отелѣ, въ особомъ помѣщеніи, которое такъ и оставляли для него. Около шести часовъ Джэкобъ простился съ ними и вернулся въ Парижъ. Онъ обѣщалъ обѣдать въ кафе Gaillard съ однимъ атташе—старымъ товарищемъ по Оксфорду. Онъ переодѣлся, надѣлъ пальто и въ половинѣ восьмого пошелъ пѣшкомъ въ улицу Гальяръ. Проходя мимо отеля Мирабо, онъ увидалъ у подъѣзда экипажъ съ вещами. Изъ подъѣзда вышелъ мужчина въ сопровожденіи консьержа. Къ великому своему удивленію, Джэкобъ узналъ въ немъ Уоркворта.

Молодой офицеръ былъ замѣтно не въ духѣ и очень спѣшилъ. Онъ прыгнулъ въ экипажъ, не обративъ вниманія на двухъ лакеевъ и консьержа, стоявшихъ тутъ же въ ожиданіи франковъ, и когда консьержъ очень сухо освѣдомился, куда ѣхать, Уорквортъ, высунувшись въ окно торопливо крикнулъ кучеру:

— D'abord à la Gare des Sceaux! Puis, je vous dirai. Mais dépêchez vous!

Экипажъ тронулся; Делафильдъ пошелъ дальше.

На всѣхъ парижскихъ колокольняхъ пробило половина восьмого. Давеча Уорквортъ говорилъ, что онъ въ 7 ч. 15 м. уѣзжаетъ въ Римъ съ ліонскаго вокзала. А теперь онъ въ 7 ч. 30 м. мчится на Gare des Sceaux, откуда ни одному разумному человѣку не придетъ въ голову отправиться въ вѣчный городъ.

D'abord à la Gare des Sceaux.

Такъ онъ никуда не ѣдетъ? Или во всякомъ случаѣ, торопится не къ поѣзду. У него тамъ какое-то дѣло. Можетъ быть, онъ просто хочетъ свезти туда на храненіе свои вещи?

Вдругъ въ умѣ Делафильда мелькнула мысль, подозрѣніе, отъ котораго сердце его тяжело заколотилось въ груди. Впослѣдствіи онъ часто дивился, какъ ему могла придти въ голову эта мысль, и еще больше тому, что она сразу такъ властно завладѣла его душой. Въ минуты мистическаго подъема онъ потомъ втайнѣ вѣрилъ, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль.

Какъ бы тамъ ни было, онъ тотчасъ нанялъ извозчика и, забывъ объ условленномъ обѣдѣ, погналъ его во весь духъ на Сѣверный вокзалъ. Въ то время поѣздъ изъ Калэ приходилъ ровно въ восемь. Джэкобъ пріѣхалъ на вокзалъ за нѣсколько минутъ до срока. Когда поѣздъ наконецъ пришелъ, въ толпѣ пассажировъ, высыпавшей на платформу Делафильдъ сразу различилъ высокую, изящную фигуру Жюли Ле-Бретонъ.

Острая боль пронзила ему сердце. Онъ молился объ одномъ—чтобы разсудокъ его остался яснымъ. По дорогѣ на вокзалъ онъ придумалъ планъ—что дѣлать, если его безумное подозрѣніе окажется сколько-нибудь основательнымъ.

Оно оправдалось—настолько, что Жюли Ле-Бретонъ въ Парижѣ, а не въ Брюгге, какъ предполагала съ ея словъ герцогиня. Когда же она повернула къ нему изумленное растерянное лицо,—то, что онъ считалъ безуміемъ, превратилось въ увѣренность.

«Amiens, cinq minutes d'arrêt», Делафильдъ вышелъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ. Онъ проходилъ мимо закрытыхъ завѣшенныхъ оконъ спальнаго вагона и въ его ненормальномъ возбужденіи ему казалось, что онъ стоитъ возлѣ нея, наклоняется къ ней и говоритъ:

— Мужайтесь! Благодаря Бога, вы спасены!

Мимо прошелъ мальчикъ изъ буфета, развозившій на телѣжкѣ чай и кофе. Делафильдъ съ жадностью выпилъ чашку кофе и сунулъ руку въ карманъ за деньгами. Тамъ оказалось три франка и билетъ. Расплатившись, онъ изслѣдовалъ свой кошелекъ. Въ немъ было всего полкроны.

У него какъ разъ хватило денегъ, чтобы взять себѣ билетъ второго класса, ей перваго и заплатить за мѣсто въ спальномъ вагонѣ. И то еще счастье, такъ какъ его деньги, вмѣстѣ съ обратнымъ билетомъ, остались въ несессерѣ въ Hôtel du Rhin.

«En voiture! En voiture, s'il vous plait»

Поѣздъ опять мчался дальше, а Делафильдъ сидѣлъ въ своемъ углу и думалъ. Онъ переживалъ вновь ихъ странную встрѣчу на Сѣверномъ вокзалѣ, блѣдное лицо напротивъ за столомъ, ея растерянность и огорченіе, котораго она не въ состояніи была скрыть, ея спазмодическія попытки поддержать разговоръ, нѣсколько безсвязныхъ словъ о лордѣ Лэкинтонѣ и герцогинѣ, и безконечныя паузы, и эти большіе усталые глаза, то блуждающіе, то глядѣвшіе, не видя, въ пространство. Онъ зналъ, что всѣ ея мысли съ Уорквортомъ, что все ея существо возмущается противъ его присутствія здѣсь и того, что онъ заставилъ ее сдѣлать.

Самъ онъ отлично понималъ, какую дилемму онъ ставитъ передъ нею. Она должна или покориться и вернуться къ смертному одру старика дѣда, или же сознаться въ своемъ уговорѣ съ Уорквортомъ.

А если онъ ошибся? Что-жъ изъ того? Телеграмма отъ герцогини, дѣйствительно, получена; лордъ Лэкинтонъ, дѣйствительно, умираетъ, и, помимо всякихъ вопросовъ чувства, друзьямъ Жюли естественно желать, чтобы старикъ передъ смертью призналъ ее своей внучкой въ присутствіи обоихъ своихъ сыновей и съ ихъ согласія обезпечилъ ее.

Но, увы! онъ не ошибся! Онъ вспомнилъ ея испуганный поспѣшный отказъ, когда онъ предложилъ отправить вмѣсто нея телеграмму ея парижскимъ «друзьямъ», вспомнилъ, какъ онъ самъ, вдругъ сконфузившись, поспѣшилъ отвернуться, чтобы не видѣть этого милаго лгущаго лица, чтобъ она не догадалась, что онъ подозрѣваетъ ее.

Онъ только-только успѣлъ послать съ посыльнымъ записку пріятелю въ кафе Gaillard и другую въ отель, гдѣ онъ остановился, прежде чѣмъ усадить ее въ вагонъ.

Какой у нея былъ жалкій видъ, когда она съ недоумѣніемъ повернулась къ нему.

— А мой билетъ?

— Вотъ одинъ и другой. О, это пустяки. Мы сочтемся въ городѣ. Постарайтесь уснуть. Вы, должно быть, очень устали.

И тутъ ему показалось, что ея губы дрожали, какъ у огорченнаго ребенка, и ужъ навѣрное она замѣтила, какъ неистово бился его пульсъ.

Проскользнула мимо Булонь. Вотъ и Сомма, отливающая блѣднымъ

серебромъ при лунномъ свѣтѣ—страна дюнъ и низкорослыхъ сосенъ и огромныхъ приморскихъ болотъ, надъ которыми носится рокотъ моря. Потомъ и море осталось позади; теперь направо и налѣво тянулись роскошные луга богатой Пикардіи. Тамъ и сямъ въ коттэджахъ и виллахъ свѣтились огоньки, быть можетъ, огни рожденія или смерти, спутники надежды или отчаянія.

Калэ.

Поѣздъ медленно подошелъ къ пристани. Делафильдъ выскочилъ на платформу. Изъ спальняго вагона уже выходили пассажиры. Онъ скоро различилъ въ толпѣ маленькую, черную шляпку съ вуалемъ и стройную фигуру въ темномъ дорожномъ платьѣ.

«Что съ нею? Она, кажется, готова упасть въ обморокъ».

Подходя къ Жюли, онъ замѣтилъ, что она пошатнулась, и носильщикъ, несшій ея вещи, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Въ одинъ мигъ онъ подхватилъ ее подъ руку и поддержалъ.

— Въ вагонѣ было очень жарко, а я такъ утомлена. Мнѣ нужно только побыть на воздухѣ.

Они взошли на палубу.

— Вы сойдете внизъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нуженъ воздухъ,—слабо выговорила она. Делафильдъ увидѣлъ, что она еле держится на ногахъ.

Они прошли на защищенную навѣсомъ верхнюю палубу, обыкновенно полную пассажировъ. Теперь она была совершенно пуста. Ночь была холодная, бурная, и пассажиры предпочитали сидѣть внизу, въ каютъ-компаніи. Жюли опустилась на первый попавшійся стулъ. Делафильдъ поспѣшилъ развернуть пледъ, захваченный ею съ собою и закутать ее плотнѣе.

— Переѣздъ будетъ трудный,—шепнулъ онъ ей на ухо.—Хорошо ли вамъ оставаться здѣсь, на палубѣ?

— Я привыкла къ морю. Позвольте мнѣ остаться здѣсь.

Глаза ея закрылись. Делафильдъ съ тревогой наклонился къ ней. Въ это время подошелъ одинъ изъ служащихъ на пароходѣ.

— Madame ferait mieux de descendre, monsieur. La traversée ne sera pas bonne.

Делафильдъ объяснилъ, что этой дамѣ нуженъ свѣжій воздухъ, и что она привыкла къ морю. Затѣмъ онъ сунулъ въ руку этому человѣку свои послѣдніе три франка и велѣлъ ему принести коньяку и что-нибудь, чѣмъ укрыться. Тотъ неохотно повиновался.

Сквозь всю суету, сопровождающую отправленіе парохода, Делафильдъ видѣлъ только неподвижную, безжизненную фигуру Жюли, слышалъ только невнятныя слова, которыя она время отъ времени пыталась произнести, чтобы показать ему, что она не въ безсознательномъ состояніи.

Принесли коньякъ, но лакей, принесшій его, снова потребовалъ, чтобы

Жюли сошла въ каюту. Делафильдъ не обратилъ на это вниманія. Онъ старался заставить Жюли проглотить нѣсколько капель.

Наконецъ, они тронулись. Не успѣли они выйти изъ старой гавани, какъ началась сильная качка.

Чей-то голосъ надъ самымъ его ухомъ вывелъ Делафильда изъ забытья.

— Дамѣ нельзя здѣсь оставаться, сэръ. Въ дамскихъ каютахъ мѣстъ сколько угодно.

Делафильдъ поднялъ глаза и узналъ капитана, того самого, который 36 часовъ тому назадъ такъ ухаживалъ за герцогомъ Чедлеемъ и его спутниками.

— А! Капитанъ Уиттэкеръ!

Загорѣлый, толстый капитанъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

Делафильдъ отвелъ его въ сторону. Послѣ минутнаго разговора, капитанъ приподнялъ фуражку и отошелъ, сказавъ нѣсколько словъ младшему офицеру, который обратилъ его вниманіе на присутствіе Жюли на палубѣ. Послѣ того ихъ больше не безпокоили, а тотъ же самый офицеръ принесъ подушку и полосатое одѣяло, говоря, что это можетъ пригодиться леди. Вскорѣ Жюли уже лежала на диванѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ. Уже изъ деликатности ея спутнику неудобно было оставаться возлѣ нея.

Джэкобъ быстро шагалъ взадъ и впередъ, чтобы сколько-нибудь согрѣться; руки и ноги его окоченѣли отъ холода. Время отъ времени онъ останавливался посмотрѣть на огни уходившаго въ даль французскаго берега, на его сѣрыя призрачныя очертанія, то выступавшія, когда луна выходила изъ-за тучъ, то скрывавшіяся подъ густою завѣсой дождя. Волны ревѣли, обдавая палубу пѣной и брызгами. Небольшой пароходъ страшно качало; даже нѣсколько мужчинъ, сидѣвшихъ сначала на палубѣ, теперь исчезли.

Делафильдъ со страннымъ волненіемъ вглядывался въ блуждающія волны. Рѣзкій вѣтеръ и соленыя брызги, попадавшія ему въ лицо, бодрили его и поддерживали въ немъ тотъ подъемъ пылкой рѣшимости, благодаря которому онъ могъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Обыкновенный свѣтскій человѣкъ не осмѣлился бы этого сдѣлать, большинство свѣтскихъ людей, онъ зналъ, осмѣяли бы или осудили его. Но для человѣка, который судитъ жизнь и поступки людей съ точки зрѣнія вѣчности, это казалось довольно естественнымъ.

Вѣтеръ былъ страшно рѣзкій и холодный. Делафильдъ подошелъ къ Жюли. Къ удивленію его, она ужъ не лежала, а сидѣла, прижавшись въ уголокъ дивана и откинувъ вуаль.

— Вамъ лучше?—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней, такъ, чтобы она могла его разслышать сквозь шумъ волнъ.—Вамъ не слишкомъ непріятенъ этотъ шумъ?

Она отрицательно покачала головой. Онъ придвинулъ ржавидной

стулъ и сѣлъ рядомъ съ ней. Она неожиданно спросила его, который часъ. Его поразила ея блѣдность, разсѣянное выраженіе ея глазъ. О чемъ она думаетъ?

Онъ вынулъ часы.

— Около четырехъ. Вы видите, уже начинаетъ свѣтать.

И онъ указалъ на небо, уже свѣтлѣвшее, какъ это обыкновенно бываетъ передъ зарею, и вдаль на море, тоже свѣтившееся какимъ-то свинцовымъ блескомъ, разгонявшимъ мрачную смѣну тьмы и луннаго свѣта.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея глаза устремлены на него.

Чтобы вынуть часы, онъ разстегнулъ свое длинное пальто, забывъ, что открываетъ такимъ образомъ фракъ, въ который онъ облекся, отправляясь обѣдать въ кафе Гальяръ.

Онъ поспѣшно застегнулся на всѣ пуговицы и опять повернулся лицомъ къ морю, но въ это время услыхалъ ея голосъ и принужденъ былъ подойти къ ней совсѣмъ близко, чтобы разслышать слова.

— Вы отдали мнѣ свой плэдъ, — выговорила она съ усиліемъ.—Вы простудитесь.

— Вовсе нѣтъ. На васъ вашъ собственный плэдъ, а другой присланъ капитаномъ. Мнѣ тепло и отъ движенія.

Оба смолкли. Его опять охватила тревога. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которымъ легко притворяться. Но, зайдя такъ далеко, нужно уже было умѣть хранить тайну.

Самое лучшее было держаться вдали, и онъ хотѣлъ отойти, но она знакомъ остановила его. И опять онъ нагнулся къ ней совсѣмъ близко, чтобы разслышать ея голосъ.

— Почему вы во фракѣ?

— Я шелъ обѣдать съ пріятелемъ. Переодѣться не было времени.

— Такъ вы не собирались уѣзжать сегодня?

Онъ помедлилъ, словно придумывая отвѣтъ.

— Въ то время, какъ одѣвался нѣтъ. Но потомъ получилъ извѣстіе, которое заставило меня рѣшиться.

Ея голова тяжело откинулась назадъ на спинку дивана, глаза закрылись.

Думая, что она, можетъ быть, уснетъ, онъ хотѣлъ было встать и уйти, но она прикосновеніемъ руки удержала его. Онъ остался на мѣстѣ, и она приняла руку.

Волны теперь не такъ уже ревѣли. Чѣмъ ближе къ англійскому берегу, тѣмъ вѣтеръ становился мягче, и море уже не такъ громко торжествовало побѣду. Сквозь тучи пробивался первый слабый лучъ разсвѣта. Ея лицо теперь прояснилось, глаза были широко раскрыты. Делафильдъ въ первый разъ отважился заглянуть въ нихъ и испугался. Въ нихъ было безумное подозрѣніе. Онъ насторожился и внутренно подтянулся, чтобы встрѣтить ударъ.

— Мистеръ Делафильдъ, вы мнѣ сказали всю правду?

Она выпрямилась смертельно блѣдная и нетерпѣливой рукой сбросила съ себя окутывавшіе ее плэды. Ея лицо требовало отвѣта.

— Конечно, я сказалъ вамъ правду.

— Но всю ли? Мнѣ кажется, что вы не собирались въ путь, что тутъ есть какая-то тайна, которой я не понимаю, оскорбительная для меня.

— Какая же тайна? Увидѣвъ васъ, я, конечно, вспомнилъ о телеграммѣ Эвелины.

— Я хотѣла бы видѣть эту телеграмму.

Онъ колебался. Будь онъ искуснѣе въ мелкой будничной лжи, безъ которой не обходится жизнь, онъ просто сказалъ бы, что забылъ ее въ гостинницѣ. Но онъ пропустилъ случай, да въ эту минуту и не соображалъ, почему именно ее не слѣдуетъ показывать. Телеграмма была у него въ карманѣ, и онъ подалъ ее Жюли.

При слабомъ свѣтѣ мерцающей керосиновой лампочки, съ трудомъ удерживая въ рукахъ бумажку, которую трепалъ вѣтеръ, она скорѣе угадывала слова, чѣмъ прочла. Потомъ вѣтеръ вырвалъ у нея изъ рукъ телеграмму и унесъ ее за бортъ. Делафильдъ всталъ и, прислонившись къ одному изъ столбовъ, поддерживающихъ навѣсъ, смотрѣлъ на Жюли сверху внизъ. Онъ чувствовалъ, что приближается торжественная минута.

— Зачѣмъ вы поѣхали со мной?—настаивала она, не умѣя скрыть своего волненіе.—Вы, очевидно, не собирались ѣхать. Съ вами нѣтъ вещей, вы во фракѣ. И, какъ я припоминаю теперь, вы отправили съ вокзала двѣ записки съ посыльными.

— Я не хотѣлъ отпускать васъ одну.

Она остановила его почти презрительнымъ жестомъ.

— Зачѣмъ вы вообще пришли на вокзалъ? Вѣдь Эвелина сказала вамъ, что я въ Брюгге. И вы собирались гдѣ-то обѣдать. Я не понимаю!

Она нахмурила брови; она говорила властно, словно королева; въ ея тонѣ не было ни смущенія, ни сознанія своей вины.

Внутренній голосъ шепталъ Делафильду: «скажи ей!»

Онъ наклонился къ ней ближе.

— Миссъ Ле-Бретонъ, у какихъ друзей вы собирались гостить въ Парижѣ?

Она дышала тяжело и часто.

— Я, кажется, не школьница, чтобы мнѣ задавали такіе вопросы.

— Но отъ вашего отвѣта зависитъ мой.

Она съ удивленіемъ смотрѣла на него. Его обычной мягкости не осталось и слѣда. Она видѣла передъ собой не того Джэкоба Делафильда, котораго она знала, а другого, котораго она съ самаго начала угадывала подъ сдержанностью и учтивостью свѣтскаго человѣка, Джэкоба Делафильда, котораго она боялась, какъ сама говорила герцогинѣ.

Но страсть заставила ее забыть обо всемъ. Въ безсильномъ бѣшенствѣ она только теперь замѣтила, что далась въ обманъ.

— Мистеръ Делафильдъ, —начала она, стараясь говорить спокойно:— я не понимаю вашего поведенія, но насколько я понимаю его, я нахожу его возмутительнымъ. Если вы обманываете меня...

— Я не обманываю васъ: лордъ Лэкинтонъ умираетъ.

— Но вѣдь вы не за этимъ пріѣхали на вокзалъ! Зачѣмъ вамъ было встрѣчать англійскій поѣздъ?

Ея глаза, теперь ясные, властно искали его взгляда.

И опять внутренній голосъ шепнулъ ему: «говори, отбрось всякія условности, говори прямо, душой душѣ»!

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, не подымая глазъ отъ полу. Потомъ вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Миссъ Ле-Бретонъ! Вы ѣхали въ Парижъ, чтобы встрѣтиться съ майоромъ Уорквортомъ.

Она отшатнулась и вызывающе кивнула:

— А если бы и такъ!

— Я долженъ былъ помѣшать этому,—только.

Тонъ его былъ спокоенъ и рѣшителенъ.

— Кто—кто далъ вамъ такія права надо мной?

— Спасать можно даже насильно. Я слишкомъ цѣню васъ, чтобы позволить вамъ сгубить себя.

Его грустный взоръ, полный глубокаго состраданія, приковался къ ея лицу. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то нечеловѣческую силу, ту силу, которая въ высшей своей степени сдѣлала св. Франциска «великимъ укротителемъ душъ».

— Кто васъ просилъ быть нашимъ судьей? Ни я, ни майоръ Уорквортъ ничѣмъ вамъ не обязаны!

— Нѣтъ. Но *я* обязанъ былъ вамъ помочь, какъ мужчина, какъ другъ вашъ. Я самъ не знаю, какъ мнѣ открылась истина. Вы рисковали своей честью—я сталъ на вашемъ пути.

Каждое его слово выводило ее изъ себя.

— Что вы могли знать о нашемъ рѣшеніи?—выкрикивала она прерывающимся голосомъ.— Это непростительно, это оскорбленіе! Вы ничего, ничего не знаете—ни о немъ, ни обо мнѣ!

Она жалкимъ и вмѣстѣ величественнымъ жестомъ прижала руки къ груди, словно защищая своего возлюбленнаго и свою любовь. Подъ ея взглядомъ онъ опустилъ глаза.

— Я зналъ, что вы много страдали, но вы страдали бы несравненно больше, еслибъ...

— Еслибъ вы не вмѣшались! — Вуаль спустилась ей на лицо, она нетерпѣливо откинула ее назадъ.—Мистеръ Делафильдъ, я могу обойтись безъ вашихъ попеченій!

— Но не безъ уваженія къ себѣ,—выговорилъ онъ медленно.

Жюли вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Уйдите,—простонала она,—уйдите!

Онъ ушелъ на другой конецъ парохода, глядя въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ открываться берегъ, но ничего не видя. Завѣса тьмы со всѣхъ сторонъ поднималась кверху, и вдали уже сверкало что-то бѣлое—Дувръ. Все его существо было потрясено тѣмъ ощущеніемъ, которое такъ рѣдко выпадаетъ на долю поверхностныхъ и занятыхъ людей—внутренней борьбы одной человѣческой личности съ другой. Ему казалось, что онъ недостоинъ былъ испытать это.

Нѣсколько времени спустя, когда до пристани оставалось только четверть часа ходу, онъ вернулся къ Жюли.

Она сидѣла совершенно неподвижно, заломивъ руки, закрывъ лицо вуалью.

— Можно вамъ сказать два слова,—выговорилъ онъ мягко.

Она не отвѣтила.

— То, что я сказалъ вамъ ночью, конечно, останется между нами. Забудемъ это, какъ будто это никогда не было сказано. Я заставилъ васъ страдать. Отъ всей души прошу у васъ прощенія, но въ то же время,—голосъ его дрогнулъ, — благодарю Бога, что у меня хватило мужества это сдѣлать!

Она мелькомъ взглянула на него, и онъ замѣтилъ, какъ дрожали ея губы, и какъ она вся поблѣднѣла отъ сдержаннаго волненія.

— Я знаю, что вы считаете себя правымъ, — выговорила она глухо,—но отнынѣ мы можемъ быть только врагами. Вы поступили со мной деспотически во имя идеаловъ, которые вы чтите, а я не признаю. Я могу только просить васъ на будущее время не вторгаться въ мою жизнь.

Онъ ничего не сказалъ. Она, шатаясь, поднялась на ноги. Пароходъ быстро приближался къ берегу.

Съ холоднымъ отчужденіемъ человѣка, чувствующаго, что достойнѣе покориться, чѣмъ бороться, она позволила ему помочь ей высадиться на берегъ. Онъ усадилъ ее въ вагонъ, и самъ сѣлъ во второй классъ.

Когда они шли рядомъ по платформѣ, она сказала ему:

— Вы очень обяжете меня, сообщивъ Эвелинѣ, что я вернулась. Я отправлюсь къ ней сейчасъ же.

Она вдругъ остановилась, и онъ увидѣлъ, что она растерянно смотритъ на ночныя телеграммы, вывѣшенныя на стѣнѣ. Въ заголовкѣ одной изъ нихъ крупными буквами значилось: «Критическое состояніе лорда Лэкинтона».

Онъ не зналъ, позволитъ ли она ему теперь даже разговаривать съ ней, но она была такъ блѣдна, и въ каждой чертѣ ея лица читалось такое изнеможеніе, что невозможно было не предложить ей помощи.

— Теперь слишкомъ рано, чтобы идти узнавать о его здоровьѣ. Это значило бы поднять на ноги весь домъ, но часа черезъ два,— вокзальные часы показывали четверть седьмого,—если вы позволите, я доставлю вамъ утренній бюллетень.

Она колебалась.

— Вамъ надо отдохнуть, иначе у васъ не хватитъ силъ ходить за нимъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же осторожнымъ тономъ.—Но, можетъ быть, вы предпочитаете послать кого-нибудь другого.

— Мнѣ некого послать,—сказала она и повела рукой по лбу, безмолвно признаваясь въ своемъ полномъ безсиліи и беззащитности.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пойти, — сказалъ онъ мягко.

Она была до такой степени физически истощена, что, казалось, не въ силахъ была отвѣтить ни согласіемъ, ни отказомъ. Онъ посадилъ ее на извозчика и сказалъ кучеру, куда ѣхать. Она нерѣшительно посмотрѣла на него, но онъ не протянулъ руки. Его голубые глаза бросили ей одинъ только пронизывающій взглядъ — мужественный, умоляющій, грустный; затѣмъ онъ приподнялъ шляпу и отошелъ.

Глава XX.

— Джэкобъ! Почему вы такъ скоро вернулись?

Герцогиня вбѣжала въ комнату, миніатюрная и изящая въ своемъ утреннемъ голубомъ съ бѣлымъ капотикѣ; позади нея бѣжалъ крошечный шпицъ.

— Я зашелъ сказать вамъ, что получилъ вчера вашу телеграмму, а вечеромъ, по счастливой случайности, встрѣтилъ въ Парижѣ миссъ Ле-Бретонъ...

— Вы встрѣтили Жюли? въ Парижѣ?—съ изумленіемъ повторила герцогиня.

— Она хотѣла погостить тамъ нѣсколько дней у знакомыхъ, прежде чѣмъ отправиться въ Брюгге. Я сообщилъ ей о болѣзни лорда Лэкинтона, и она тотчасъ же вернулась. Она была очень утомлена и разстроена, а ночь обѣщала быть бурной. Поэтому я усадилъ ее въ спальный вагонъ, а самъ поѣхалъ съ нею, на всякій случай. На пароходѣ мое присутствіе, дѣйствительно, оказалось не лишнимъ. Насъ страшно качало.

— Такъ Жюли была въ Парижѣ?—повторяла герцогиня, словно не слыша ничего остального.

Голубые глаза герцогини, казавшіеся такими огромными на этомъ крошечномъ личикѣ съ неправильными чертами, искали глазъ кузена, стараясь разгадать ихъ выраженіе.

— Она, кажется, въ послѣднюю минуту приняла это рѣшеніе. И это большое счастье, что я ее встрѣтилъ.

— Но какъ? и гдѣ?

— Теперь не время объ этомъ распространяться,—нетерпѣливо возразилъ Делафильдъ.—Я зналъ, что вамъ будетъ пріятно узнать о ея возвращеніи, и зашелъ сказать. Мы пріѣхали въ шесть. А около девяти я заходилъ на Сентъ-Джемсъ-скверъ, узнать о здоровьи лорда Лэкинтона. Ему немного легче.

— Видѣли вы лорда Юрдэля? Говорили вы съ нимъ о Жюли?

— Я только справился о здоровьи, чтобы сообщить послѣдній бюллетень миссъ Ле-Бретонъ. Не возьмете ли вы на себя повидаться съ Юрдэлемъ и устроить это? Вѣдь вы, навѣрное, вчера видѣлись съ нимъ?

— Конечно. Какъ это курьезно вышло вчера, лордъ Лэкинтонъ только что сказалъ имъ. Посмотрѣли бы вы, какія у нихъ были лица!

— У сыновей?

Герцогиня кивнула головой.

— Не по вкусу имъ это пришлось. Они надулись, точно аршинъ проглотили. Но они сдѣлаютъ все, что нужно. Они сразу поняли, что ее необходимо обезпечить. И когда онъ сталъ звать ее, они сами просили меня телеграфировать, если только я съумѣю ее найти. Но какъ это все необычайно!

Герцогиня опять какъ-то странно посмотрѣла на него, и на обѣихъ ея щечкахъ выступили красныя пятнышки. Но Делафильдъ не замѣтилъ этого. Онъ задумчиво шагалъ взадъ и впередъ.

— Что, если бы вы сами свезли ее туда?—сказалъ онъ, внезапно останавливаясь передъ нею.

— На Сентъ-Джемсъ-скверъ? Что вы ей сказали?

— Что ему немного лучше, и что вы пріѣдете къ ней.

— Да, ей было бы тяжело тамъ одной...—Герцогиня посмотрѣла на часы.—Позвоните, пожалуйста, Джэкобъ.

Маленькая женщина велѣла закладывать и снова принялась за разспросы. Что Жюли? Очень она утомлена своимъ двойнымъ путешествіемъ? Она была одна въ Парижѣ, или вмѣстѣ съ madame Борнье?

Джэкобъ полагалъ, что madame Борнье съ дочерью отправились прямо въ Брюгге.

Герцогиня опустила глазки, потомъ посмотрѣла на него.

— А... а маіора Уорквортa вы не встрѣчали?

— Да, я видѣлъ его минуту въ rue de la Paix. Онъ уѣзжалъ въ Римъ.

Герцогиня отвернулась, словно пристыженная своимъ вопросомъ, и велѣла подавать экипажъ. И только тутъ обратила вниманіе на лицо своего кузена.

— Какъ вы блѣдны, Джэкобъ! Не хотите ли чего-нибудь выпить? вина?

Делафильдъ отказался, говоря, что ему нужно только соснуть часокъ-другой.

— Завтра я опять уѣзжаю въ Парижъ, — сказалъ онъ на прощанье.—Вы будете дома вечеромъ? Можно мнѣ зайти?

— Увы! Сегодня вечеромъ мы уѣзжаемъ въ Шотландію. И то еще счастье, что вы теперь застали меня. Берти страшно торопитъ съ отъѣздомъ.

Делафильдъ помедлилъ минутку, затѣмъ рѣшительно пожалъ ей руку и вышелъ.

— Ему хочется знать, что произойдетъ на Сентъ-Джемсъ-скверѣ,— догадалась герцогиня и побѣжала за нимъ внизъ по лѣстницѣ.—Джэкобъ! Если вы не боитесь невкуснаго обѣда, приходите—мы съ Берти будемъ обѣдать вдвоемъ, вѣдь дадутъ же намъ что-нибудь поѣсть. Такъ, около восьми. Приходите. Что-нибудь все-таки найдется—котлетка или бифштексъ.

Делафильдъ засмѣялся, отнѣкивался, но, въ концѣ концовъ, сказалъ, что придетъ.

Герцогиня вернулась въ гостиную возбужденная и недоумѣвающая.

— Это очень, очень странно!—говорила она себѣ.—Что такое творится съ Джэкобомъ?

Полчаса спустя она уже подъѣзжала къ великолѣпному дому на Сентъ-Джемсъ-скверѣ, гдѣ умиралъ лордъ Лэкинтонъ.

Она спросила лорда Юрдэля и сказала, что будетъ ждать его въ библіотекѣ.

Юрдэль былъ высокій, широкоплечій мужчина, съ бѣлокурыми, уже посѣдѣвшими волосами и разсѣяннымъ, безстрастнымъ выраженіемъ лица.

При видѣ его, глаза герцогини наполнились слезами. Она бросилась къ нему въ порывѣ сочувствія, столь свойственнаго ея мягкой натурѣ.

— Ну, какъ отецъ?

— Ему немного легче, хотя врачи говорятъ, что этому улучшенію нельзя вѣрить. Но онъ въ полномъ сознаніи—узнаетъ всѣхъ. Я только что читалъ ему вслухъ парламентскіе дебаты.

— Вы говорили мнѣ вчера, что онъ спрашивалъ миссъ Ле-Бретонъ?—сказала герцогиня, приподымаясь на цыпочки, словно для того, чтобы онъ лучше могъ разслышать ея пониженный голосъ.—Она здѣсь, т.-е. я хочу сказать — въ городѣ. Она сегодня ночью вернулась изъ Парижа.

Лордъ Юрдэль не обнаружилъ никакого волненія при этомъ извѣстіи. Волненіе было, вообще, не въ его характерѣ.

— Въ такомъ случаѣ отецъ будетъ радъ видѣть ее,— сказалъ онъ съ своей обычной сухостью, рѣзнувшей слухъ сентиментальной герцогини.

— Когда же мнѣ привезти ее?

— Теперь ему стало получше! У васъ сейчасъ есть время?

Герцогиня объявила, что она сейчасъ же отправится въ Герибертъ-стритъ. Въ то время, какъ лордъ Юрдэль провожалъ ее до экипажа, съ лѣстницы сбѣжалъ молодой человѣкъ, приподнялъ шляпу и скрылся.

Лордъ Юрдэль объяснилъ, что это мужъ красавицы м-рсъ Деларей, портретъ которой писалъ лордъ Лэкинтонъ въ то время, какъ съ нимъ случился припадокъ. Герцогинѣ было извѣстно, что лордъ Лэкинтонъ, талантливый художникъ и свѣтскій человѣкъ, всю жизнь свою платонический поклонникъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, заканчивалъ теперь портретную галлерею изъ ста портретовъ, изображавшихъ всѣхъ красавицъ страны. М-рсъ Деларей предстояло въ этой галлереѣ быть сотой.

— Онъ уговаривался съ мужемъ этой дамы насчетъ того, когда кончить портретъ,—сказалъ лордъ Юрдэль,—онъ все время говоритъ объ этомъ.

Герцогиня слегка вздрогнула.

— Онъ знаетъ, что ему не удастся его кончить.

— Знаетъ.

— И все-таки онъ думаетъ о такихъ вещахъ?

— Да, и о политикѣ. Я послалъ за м-ромъ Монтрезоромъ. Отцу желательно обсудить съ нимъ нѣкоторые вопросы.

— И онъ нисколько не волнуется, не боится?

— Ничуть. Онъ будетъ вамъ очень признателенъ, если вы привезете миссъ Ле-Бретонъ.

— Жюли! Родная! Вы въ состояніи ѣхать со мной?

Герцогиня сжимала подругу въ своихъ объятіяхъ, лаская и утѣшая ее. Какимъ унылымъ и заброшеннымъ казался маленькій домикъ съ этой мебелью въ чахлахъ, въ это дождливое весеннее утро! И Жюли среди всего этого унынія стояла блѣдная, какъ привидѣніе, слушая, но не отзываясь ни звукомъ на слова нѣжности, и участія, и на новости, которыя расточала передъ ней герцогиня.

— Ну что же, ѣдемъ? Я готова.

Она высвободилась изъ любящихъ объятій, надѣла шляпу и перчатки.

— Вамъ надо бы въ постель, — сказала герцогиня. — Какъ это ужасно ѣхать ночью! Даже у Джэкоба совсѣмъ несчастный видъ. Но какое счастье, Жюли, что Джэкобъ совершенно случайно разыскалъ васъ. Какъ вы встрѣтились?

— На Сѣверномъ вокзалѣ,—сказала Жюли, не оборачиваясь. Она прикалывала вуаль передъ зеркаломъ.

Герцогиня инстиктивно не предлагала больше вопросовъ. Когда онѣ сѣли въ экипажъ, Жюли откинулась на спинку сидѣнья и сказала:

— Вы не разсердитесь, Эвелина, если я буду молчать. У меня все еще море шумитъ въ ушахъ.

Герцогиня нѣжно посмотрѣла на нее, сжала ея руку, и экипажъ покатился. Но передъ тѣмъ, какъ свернуть на Сентъ-Джемсъ-скверъ, Жюли быстро поднесла пальцы герцогини къ губамъ и поцѣловала ихъ.

— О, Жюли!—съ упрекомъ сказала герцогиня.—Я не люблю, когда вы это дѣлаете.

Она покраснѣла и нахмурилась; это ей можно дѣлать, но никакъ не Жюли.

— Отецъ, миссъ Ле-Бретонъ здѣсь.

— Пусть войдетъ, Джэкъ, и герцогиня тоже.

Лордъ Юрдэль подошелъ къ двери, и въ ту же минуту въ нее неслышно проскользнули двѣ фигуры, герцогиня впереди, держа руку Жюли въ своихъ.

Лордъ Лэкинтонъ лежалъ въ постели высоко на подушкахъ, тяжело и часто дыша, но когда онѣ подошли, онъ улыбнулся имъ.

— Пришла пора проститься, милая герцогиня, — шепнулъ онъ ей, когда она наклонилась къ нему, и въ глазахъ его мелькнулъ проблескъ былой веселости.—Съ моей стороны было бы гнусно ворчать. Жизнь прошла очень пріятно. А, Жюли!

Жюли тихонько опустилась на колѣни и прижалась щекой къ его рукѣ. При имени ея, лицо старика омрачилось, какъ будто мысли, вызванныя имъ, противорѣчили только что сказанному имъ герцогинѣ Онъ слабо протянулъ ей руки, и на минуту въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Юрдэль!

— Да, отецъ.

— Это дочь Розы.

Онъ поднялъ глаза, чтобы встрѣтить взглядъ сына.

— Я знаю, отецъ. Если миссъ Ле-Бретонъ разрѣшитъ намъ, мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы быть ей полезными.

Младшій братъ медленно наклонилъ голову, какъ бы подтверждая это. Оба сына лорда Лэкинтона были уже въ лѣтахъ: младшему за сорокъ. Оба они были непохожи лицомъ на отца и совершенно лишены его обаятельности. Оба были истые англичане, хорошо одѣтые, хорошо воспитанные, ничему не удивляющіеся и совершенно неспособные выказывать публично какія бы то ни было чувства, но въ то же время люди добрые и справедливые. Когда Жюли переступила чрезъ порогъ ихъ дома, оба торжественно пожали ей руку, какъ бы сразу заявляя о своей рѣшимости избѣгать всего сентиментальнаго и въ то же время о готовности сдѣлать все, чего отъ нихъ можно законнымъ образомъ требовать. Жюли почти не слышала маленькой рѣчи лорда Юрдэля. Она ничего не видѣла и не слышала, кромѣ дѣда. Когда она опустилась на

колѣни передъ нимъ и припала лицомъ къ его рукѣ, ледъ въ ея сердцѣ растаялъ, разсѣялась нѣмая, напряженная тоска, въ которой она жила съ той минуты, когда она на Сѣверномъ вокзалѣ поняла и оцѣнила значеніе торопливыхъ словъ Делафильда, и мѣсто ея заступила другая боль. Неужели она сразу лишится всего? И возлюбленнаго, и этого милаго старика, къ которому такъ рвалось ея разбитое, обливающееся кровью сердце.

Лорду Лэкинтону показалось, что она плачетъ.

— Не горюйте, дорогая моя,—прошепталъ онъ.—Должно же это когда-нибудь кончиться, cette charmante promenade à travers la réalité!

И онъ улыбнулся ей, до конца радуясь, что у нея такое прекрасное французское произношеніе, такая прекрасная память, и что оба они способны цѣнить эти преимущества одинъ въ другомъ. Затѣмъ онъ обернулся къ Эвелинѣ:

— Герцогиня, вы знали эту тайну раньше меня. Но я прощаю вамъ. Вы были очень добры къ моей внучкѣ. Жюли говорила мнѣ, да я и самъ замѣчалъ...

— О, милый лордъ Лэкинтонъ, довѣрьте ее мнѣ!

Эвелина нагнулась къ нему, и все ея милое личико дышало желаніемъ облегчить и усладить его послѣднія минуты.

Онъ улыбнулся.

— Вамъ и...

Онъ не докончилъ и сдѣлалъ рукою движеніе, которое герцогиня поняла. Она поцѣловала его руку и, плача, отошла.

— Сидѣлка! Гдѣ сидѣлка?

Подошли сидѣлки и докторъ, стоявшіе поодаль, въ сторонѣ отъ семейной группы.

— Докторъ! Дайте мнѣ немножко силы!—съ трудомъ выговорилъ старческій голосъ, все еще сохранившій былой капризный оттѣнокъ.

Онъ протянулъ руку къ молодому гомеопату; тотъ впрыснулъ ему стрихнинъ, потомъ посмотрѣлъ на сидѣлку.

— Коньяку! И подымите меня!

Все было исполнено.

— Теперь выйдите, пожалуйста,—сказалъ онъ сыновьямъ.—Я хочу быть одинъ съ Жюли.

Нѣсколько минутъ, показавшіяся Жюли безконечными, лордъ Лэкинтонъ лежалъ, молча. Коньякъ и стрихнинъ сдѣлали свое дѣло, вызвали блескъ въ его глазахъ и лихорадочный румянецъ въ лицѣ. Онъ собрался съ силами и положилъ руку ей на плечо.

— Тебѣ нельзя быть одной,—выговорилъ онъ повелительно, и лицо его приняло тревожное выраженіе. Сердце Жюли сжалось смутнымъ страхомъ, и она стала увѣрять его, что у нея есть добрые друзья, и что ея работа дастъ ей средства къ жизни.

Больной нахмурился.

— Это не годится!—сказалъ онъ почти сердито.—У тебя большія дарованія, но ты слаба; ты женщина,—ты должна выйти замужъ.

Жюли смотрѣла на него, еще больше блѣднѣя, безсильная отвратить то, что она предвидѣла.

— Джэкобъ Делафильдъ влюбленъ въ тебя — тебѣ надо выйти за него замужъ, непремѣнно надо!

Вся комната поплыла передъ ея глазами. Она видѣла ясно только лицо больного, его покраснѣвшія губы и щеки, настойчивый ясный взглядъ и красивый лобъ съ короной сѣдыхъ кудрей.

Жюли призвала на помощь все свое самообладаніе и стала торопливо объяснять ему, что онъ ошибается, совершенно ошибается. Мистеръ Делафильдъ, дѣйствительно, дѣлалъ ей предложеніе, но помимо того, что она сама не хочетъ идти за него замужъ, она имѣетъ основаніе думать, что его чувства къ ней совершенно измѣнились. Онъ и не любитъ ея, и мнѣнія о ней невысокаго.

Лордъ Лэкинтонъ слушалъ ее терпѣливо, но съ упорнымъ недовѣріемъ, и, наконецъ, прервалъ ее.

— Ты сама себя въ этомъ увѣрила, но это неправда. Делафильдъ преданъ тебѣ, я знаю!

Онъ ласково и властно кивнулъ ей головой и, прежде чѣмъ она успѣла найти слова для отвѣта, продолжалъ:

— Онъ можетъ дать тебѣ высокое положеніе въ свѣтѣ. Намъ аристократамъ-англичанамъ, все-таки живется недурно.

Проблескъ юмора блеснулъ въ его взглядѣ; онъ коснулся ея руки.

— Милая Жюли, почему ты не хочешь?

— Если бы вы спросили его, — съ отчаяніемъ воскликнула она,— онъ сказалъ бы вамъ то же, что я!

И въ ея смятенной душѣ мелькнули два сливавшіеся одинъ съ другимъ образа: Уорквортъ, ожидающій ее напрасно на вокзалѣ des Sceaux, и мучительный укоръ во взорѣ Делафильда, когда онъ прощался съ нею на зарѣ этого страннаго, этого невѣроятнаго дня.

А ея милый болтунъ, дѣдъ съ деспотизмомъ умирающаго, тяжело дыша, прерывающимся голосомъ продолжалъ убѣждать ее — просить, бранить, давать совѣты. Она чувствовала, что онъ истощаетъ свои послѣднія силы, умоляла разрѣшить ей позвать сидѣлку и доктора. Но онъ только качалъ головой, и когда у него уже не хватало голоса, жалъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза не отрывающимся настойчивымъ, торжественнымъ взглядомъ.

Духъ ея боролся и противился, но оказывался безсильнымъ передъ этой смертельной слабостью, этой любовной заботливостью умирающаго.

У нея мелькнула мысль: почему не исполнить его желаніе? Вѣдь ея обѣты умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ зачѣмъ же противиться, когда такъ жестоко отказывать ему въ словахъ—въ пустомъ обѣщаніи.

— Я... я сдѣлаю все, что вы хотите!—сказала она и вдругъ раз-

рыдалась, припавъ головой къ подушкѣ.—Конечно, если онъ еще разъ попроситъ моей руки—ради васъ—я подумаю. Милый, дорогой, вы довольны?

Лордъ Лэкинтонъ съ минуту помолчалъ, потомъ улыбнулся.

— Это обѣщаніе?

Жюли приподнялась и посмотрѣла на него; сердце ея болѣзненно сжалось. Онъ ждалъ ея отвѣта, слабо сжимая ея руку.

— Да,—выговорила она едва слышно, и опять спрятала лицо въ подушку.

Нѣкоторое время умирающій лежалъ, не шевелясь и не говоря ни слова.

Наконецъ Жюли разслышала:

— Я прежде боялся смерти, пока не наступила старость. Какъ я мучился по ночамъ!.. Но теперь—вотъ ужъ много лѣтъ—совсѣмъ не боюсь... Байронъ—лордъ Байронъ — говорилъ мнѣ однажды, что не хотѣлъ бы ничего измѣнить въ своей жизни, но предпочелъ бы совсѣмъ не жить. Я не могу сказать этого о себѣ. Я насладился жизнью. Богатство, знатность, картины, политика, общество—у меня было все! Можетъ быть, это нехорошо. На свѣтѣ столько бѣдняковъ!

Жюли прижала его руку къ губамъ. Но въ ея памяти вдругъ встала картина смерти ея матери. Какой горькій стоицизмъ тамъ — какое спокойствіе и самодовольство здѣсь.

Но въ этомъ самодовольствѣ было много доброты. Онъ поспѣшилъ увѣрить ее, что она будетъ обезпечена. — Юрдэль и Билль возьмутъ это на себя. Они славные. Частенько они считали меня немножко полоумнымъ; но всегда были добры ко мнѣ!

Онъ опять помолчалъ, затѣмъ приподнялся въ постели съ такой силой, какой она не ожидала отъ него, посмотрѣлъ на нее и шопотомъ спросилъ, вѣритъ ли она въ будущую жизнь.

— Да,—сказала Жюли. Но уклончивый, небрежный тонъ ея отвѣта видимо весьма огорчилъ его. Онъ нахмурился.

— Ты должна вѣрить. Намъ слѣдуетъ вѣрить.

— Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь свидѣться снова съ вами и мамой,—сказала она, улыбаясь ему сквозь слезы.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какова она будетъ,—прошепталъ онъ, потомъ сдѣлалъ ей знакъ приблизиться и шепнулъ ей на ухо:

— Твоя бѣдная мать, Жюли, никогда не была счастлива—никогда. Видишь ли, законы церкви и религіозные обряды, все это необходимо. Ужъ такъ мы скверно устроены! Моя жена, умирая, взяла съ меня слово, что я буду ходить въ церковь и молиться. И знаешь ли, безъ этого я былъ бы дурнымъ человѣкомъ. Это не мѣшало мнѣ быть иногда скептикомъ, ничуть! Твои бѣдные родители возстали противъ всего этого. И они страдали, страдали... Но ты благородная женщина, ты все искупишь!..

Онъ положилъ руку ей на голову. Она ничего не говорила, но мысленно переживала все происшедшее въ послѣдніе дни.

Еслибъ не странный случай, благодаря которому Делафильдъ сталъ на ея пути, — этотъ случай такъ и остался для нея непонятнымъ, — гдѣ бы она была теперь? Что было бы съ ней? Опозоренная, быть можетъ, съ постыдной тайной, которую нужно всю жизнь скрывать отъ людей, оторванная, какъ ея мать, отъ всего, что живетъ открыто въ предѣлахъ законности...

Прикосновеніе старческой руки къ ея головѣ пробудило въ ней первый проблескъ реакціи, первое сомнѣніе въ себѣ, въ томъ порывѣ, который привелъ ее въ Парижъ. Оставшись одна послѣ ухода Делафильда, она поспѣшила излить свою душу въ несвязномъ, страстномъ письмѣ къ Уоркворту. Въ тѣ минуты, когда она писала его, она не сомнѣвалась въ томъ, что любовь все оправдываетъ.

Но здѣсь, подъ ледянымъ дыханіемъ смерти, оглядываясь назадъ, на трагедію жизни своей матери, она содрогнулась передъ тѣмъ, что хотѣла сдѣлать. Ея гордость не хотѣла признать, что она запятнала себя, внушала ей ненависть и презрѣніе къ своему избавителю. Но изъ глубины души поднималось другое, прирожденное чувство, наслѣдіе дальнихъ предковъ... Ей вдругъ стало страшно, какъ бы не упала завѣса, скрывающая ея истинное *я* отъ этого старика, въ которомъ накопилось столько неподозрѣваемой нѣжности къ ней. Но черезъ минуту она уже сама возмутилась противъ своего страха. Неужели же она такъ слаба, что раскается и будетъ въ концѣ концовъ благодарна Джэкобу Делафильду? Сердце ея протестовало и съ тоской рвалось къ Уоркворту.

Поглощенная своими мыслями, она не замѣтила, какъ долго длится молчаніе.

— Онъ, кажется, уснулъ,—сказалъ возлѣ нея тихій голосъ.

Жюли обернулась и увидѣла доктора, а рядомъ съ нимъ лорда Юрдэля. Она тихонько сняла руку умирающаго съ своей, поцѣловала его въ лобъ и поднялась на ноги.

Больной вдругъ открылъ глаза и, словно только теперь замѣтивъ стоявшихъ возлѣ него, опять приподнялся на подушкахъ. Черты его вдругъ оживились.

— Броугэмъ не приглашенъ!—выговорилъ онъ съ удивленіемъ.— Это не шутка?

Сынъ и докторъ переглянулись между собой. Лордъ Юрдэль подошелъ къ постели.

— Куда не приглашенъ, отецъ?

— На балъ во дворцѣ, конечно. Какъ странно!

Начинался бредъ.

Провожая Жюли внизъ, въ швейцарскую, лордъ Юрдэль сказалъ ей:

— Фостеръ думаетъ, что онъ можетъ прожить еще сутки.

— Если онъ опять спроситъ меня,—сказала Жюли, снова закрывая лицо густой черной вуалью,—вы пришлете за мной?

Онъ серьезно наклонилъ голову, но когда онъ заговорилъ, тонъ его былъ оффиціальный, словно онъ невольно дѣлалъ разницу между нею и своими законными родственниками.

— Какая жалость, что моя сестра, леди Бланшъ, и дочь ея не могутъ пріѣхать.

— Онѣ въ Италіи?

— Во Флоренціи. Моя племянница заболѣла дифтеритомъ. Она не можетъ ѣхать, и сестра не можетъ оставить ее.

Въ швейцарской онъ остановился и выговорилъ тихо, не безъ смущенія.

— Отецъ, вѣроятно, сообщилъ вамъ, что онъ сдѣлалъ приписку къ своему завѣщанію?

Жюли отшатнулась.

— Я не просила его объ этомъ и не желаю этого.

— Вполнѣ понимаю васъ. Но не можете же вы огорчить его отказомъ.

— Нѣтъ. Но впослѣдствіи я буду свободна поступить, какъ мнѣ вздумается.

— Мы не можемъ взять того, что намъ не принадлежитъ,—возразилъ онъ почти рѣзко.—Братъ и я назначены вашими опекунами. Повѣрьте, мы сдѣлаемъ все по совѣсти.

Изъ библіотеки вышелъ младшій братъ проститься съ Жюли. Она чувствовала себя предметомъ критическаго наблюденія, хотя въ сѣрыхъ глазахъ обоихъ братьевъ нельзя было прочесть и тѣни любопытства. На помощь ей пришла гордость, и она не стала уклоняться отъ бесѣды, которой, видимо, желали оба брата. Усадивъ Жюли въ карету, братья вернулись въ швейцарскую, и младшій сказалъ старшему:

— Она умѣетъ держать себя, Джонни! И они переглянулись, заложивъ руки въ карманы, потомъ каждый слегка кивнулъ головой,—словно авгуры, принимая въ свою семью этого новаго непредвидѣннаго члена.

— Да, у нея прекрасныя манеры,—сказалъ Юрдэль.—Положительно, въ виду сказокъ, распространяемыхъ леди Генри, это говоритъ въ ея пользу.

— Леди Генри всегда была злюка. Это-то ерунда.

Братья Чантрей не принадлежали къ кругу habitués леди Генри. Для нея они были скучными сыновьями милаго отца. Они знали это, и сами надъ этимъ трунили, но въ душѣ немножко сердились на нее.

— Да,—сказалъ Юрдэль, наморщивъ лобъ.—Но какъ же насчетъ «дѣла Уорквортa»? Если правда то, что разсказываютъ, это чертовски непріятно.

Билль Чантрей свистнулъ.

— Не везетъ бѣдняжкѣ Эйлинъ! И надо же было, чтобы ея соперницей оказалась ея собственная кузина. Кстати,—онъ наклонился къ столу, на которомъ разложены были письма,—здѣсь есть письмо отцу отъ Бланшъ. Я сегодня тоже получилъ отъ нея письмо, гдѣ она пишетъ, что все разсказала папашѣ. Она говоритъ, что Эйлинъ слишкомъ больна, чтобы ей перечить, и проситъ отца поговорить съ опекунами. Я думаю, Джонни, что намъ теперь не слѣдуетъ безпокоить этимъ папашу?

Онъ взглянулъ на брата.

— Конечно, нѣтъ, со вздохомъ сказалъ Юрдэль.—Я видѣлъ вчера одного изъ опекуновъ, Эндервуда. Онъ говоритъ, что Бланшъ и малютка еще больше прежняго влюблены въ него. Очень возможно, что все это сплетни и ложь. А если и нѣтъ, я надѣюсь, что у этой госпожи хватитъ такта прекратить разговоры. Отецъ поручилъ мнѣ написать Бланшъ и разсказать ей всю исторію бѣдной Розы и этой новоявленной племянницы. Бланшъ, повидимому, тоже ничего не знала, какъ и мы.

— Если сплетни дойдутъ до нея, не знаю, обрадуется ли она такой племянницѣ! Ну да ничего! Я вѣрю въ силу денегъ. Это звучитъ некрасиво, но если дѣвочкѣ такъ ужъ хочется его, надо ей это устроить. Кстати, онъ теперь въ Африкѣ, пробудетъ тамъ по крайней мѣрѣ годъ, за это время миссъ ле-Бретонъ успѣетъ забыть его. Нельзя сказать, чтобы они оба были особенно деликатны. Впрочемъ, можетъ быть, она ничего не знала объ Эйлинъ,—это весьма возможно.

— Ну, только меня не проси позондировать ее,—сказалъ Юрдэль. Она горда, какъ императрица.

Билль повелъ плечами.—И въ тоже время, клянусь св. Георгіемъ, у нея такое лицо, какъ будто она очень и очень способна влюбиться. Какіе великолѣпные глаза! Я намѣренъ присмотриться поближе къ нашей новой племянницѣ.

Въ эту минуту его окликнули. Съ лѣстницы быстро спускался докторъ.

— Его сіятельство кого-то зоветъ, но я не могу разобрать имени. Онъ очень возбужденъ.

Братья поспѣшили наверхъ.

Въ этотъ день Джэкобъ Делафильдъ долго бродилъ по Сентъ-Джемскому парку, по временамъ присаживаясь отдохнуть и своей задумчивостью обращая на себя вниманіе прохожихъ. Подъ вечеръ онъ, все также углубленный въ свои мысли, ничего не видя вокругъ, вернулся домой и здѣсь нашелъ письмо, которое поспѣшилъ вскрыть.

«Милый Джэкобъ, Жюли вернулась сегодня домой около часу. Я ждала ее; сначала она показалась мнѣ совсѣмъ спокойной. Но вдругъ, когда мы сидѣли и разговаривали, она ни съ того ни съ сего упала

въ обморокъ, и я страшно перепугалась. Сейчасъ же послала за докторомъ. Онъ только головой качаетъ и находитъ всѣ признаки физическаго и мозгового переутомленія. Не удивительно! — бѣдненькая Жюли! О, какъ я ненавижу нѣкоторыхъ людей! Теперь она слегла, madame Борнье нѣтъ, и никого нѣтъ возлѣ нея. Я прямо не могу уѣхать въ Шотландію. На кого же я ее оставлю? А Берти съ ума сходитъ. Джэкобъ, миленькій, подите вы, пообѣдайте съ нимъ сегодня и утѣшьте его. Онъ клянется, что не поѣдетъ въ Шотландію безъ меня. Можетъ быть, я смогу уѣхать завтра. Сегодня же бросить Жюли мнѣ прямо таки невозможно.

«Она проболѣетъ, можетъ быть, нѣсколько недѣль. Въ сущности слѣдовало бы увезти ее заграницу. Она ужасно мила и добра, но, о Джэкобъ! Я чувствую, что сердце ея разбито. И это не изъ-за лорда Лэкинтона, о нѣтъ!—хотя я увѣрена, что она любитъ его. Будьте милымъ, подите къ Берти!»

— Ну, ужъ это дудки!—сказалъ Делафильдъ со смѣхомъ, застрявшимъ у него въ горлѣ, и бросилъ письмо.

Онъ попробовалъ было отвѣтить, но не могъ связать и двухъ фразъ. Потомъ сталъ ходить по комнатѣ и шагалъ изъ угла въ уголъ, пока въ изнеможеніи не упалъ въ кресло, совершенно истощенный безсонной ночью и мучительнымъ днемъ. Когда пришелъ лакей подать ему одѣться, онъ нашелъ своего господина крѣпко спящимъ, и герцогъ въ Кроуборо-гоузѣ обѣдалъ одинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОМЕТЫ ВЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ кометы пользовались исключительнымъ вниманіемъ. Различныя внѣшнія особенности являются причиной этого. Въ общемъ случаѣ комета—совершенно случайная нежданная, негаданная гостья на нашемъ небѣ. Богъ знаетъ, откуда она явилась, откуда пришла. Погоритъ она нѣсколько дней, недѣль и опять скроется навсегда. При этомъ видъ ея тоже необычный. Какая-то округлая туманная масса, сравнительно большихъ размѣровъ (такъ называемая голова), а за нею длинный придатокъ—хвостъ, какъ бы пучокъ волосъ, откуда пошло и самое названіе свѣтила—*волосатая* звѣзда, по-гречески комета (κομήτης ἀστὴρ)! И все это подвержено измѣненіямъ. Хвостъ растетъ и потомъ уменьшается, онъ можетъ измѣнять и свою общую форму, вмѣсто изогнутаго рогомъ, на нѣкоторое время дѣлается, напримѣръ, болѣе прямымъ. Онъ тянется иногда на огромное число градусовъ по небу, покрывая собой звѣзды, но не затемняя ихъ. Комета движется по небу, переходя отъ одной звѣзды къ другой. Часто ея перемѣщенія громадны...

Все это импонируетъ наблюдателю. Откуда появилось это страшное свѣтило? Куда оно несется? Зачѣмъ показалось оно? Не предвѣщаетъ ли оно своимъ страшнымъ видомъ чего-либо ужаснаго? невольно спрашиваетъ себя смертный, пораженный удивительнымъ зрѣлищемъ на небѣ. И онъ пытается какъ-нибудь отвѣтить на эти вопросы.

Изъ народовъ сѣдой старины наиболѣе интересовались кометами халдеи и китайцы. У первыхъ мы находимъ два воззрѣнія. Одни считаютъ кометы явленіями атмосферными, своего рода вихрями, высокими ураганами, другіе, наоборотъ, относятъ ихъ къ числу планетъ—свѣтилъ движущихся, допуская, что онѣ лишь только на нѣкоторое время уходятъ въ глубину небеснаго пространства, а потомъ вновь возвращаются.

Китайцы были слишкомъ наивны въ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія небесныхъ свѣтилъ другъ къ другу, но они аккуратно записывали все, что поражало, что особенно интересовало ихъ, и этимъ они оказали наукѣ громадную услугу. Имъ мы обязаны болѣе, чѣмъ кому-

либо другому, и нашими свѣдѣніями о кометахъ. Ихъ записи идутъ изъ глубокой древности.

«За три дня до кончины Маѳусалема появилась комета въ знакѣ Рыбъ надъ планетой Юпитеромъ, въ теченіе мѣсяца или 29 дней она прошла 12 знаковъ Зодіака, исчезла 16-го апрѣля». Вотъ древнѣйшая изъ кометъ, о которой упоминается въ исторіи. Свѣдѣнія о ней даются въ довольно опредѣленной формѣ, но имъ, конечно, нельзя приписывать точнаго значенія. Комета оказывается древнѣе потопа.

Въ 2196 году до Рожд. Хр., по китайскимъ лѣтописямъ, была другая комета, съ которой и начинается уже довольно опредѣленный рядъ. Китайскій астрономъ Ма-Туанъ-Линъ собралъ всѣ наблюденія до 1222 г. нашей эры.

Пингре, воспользовавшись переводомъ этого труда, сдѣланнымъ де-Гинемъ, включилъ весь матеріалъ въ свой каталогъ. Въ новѣйшее время Вильямсъ сопоставилъ китайскія наблюденія кометъ, начиная съ 611 года до Рожд. Хр. и кончая 1640 г. по Рожд. Хр. Оказалось, 372 кометы зарегистрированы и описаны китайцами за этотъ періодъ времени.

Оба воззрѣнія халдеевъ на кометы, только въ нѣсколько измѣненной формѣ, находимъ мы и у грековъ, они повторяются даже въ новой исторіи до начала XVIII-го вѣка.

Пиѳагоръ училъ, что кометы подобны планетамъ, онѣ движутся по неизмѣннымъ путямъ, въ ближайшихъ частяхъ которыхъ являются доступными наблюденію, а на отдаленныхъ остаются невидимыми. Къ сожалѣнію, это ученіе было не больше, какъ догадка, ни на чемъ не основанная. Потому вмѣстѣ съ нимъ возможны были и другія предположенія. Демокритъ повторилъ гипотезу Анаксагора о млечномъ пути. Анаксагоръ считалъ млечный путь состоящимъ изъ массы мелкихъ звѣздъ, подобно этому и кометы, думалъ Демокритъ, могутъ представлять собой собраніе нѣсколькихъ планетъ, случайно встрѣтившихся.

Аристотель рѣшительно стоялъ за атмосферное происхожденіе кометъ. Онъ думалъ, что испаренія поднимаются съ земли на большую высоту, тамъ они сгущаются и воспламеняются.

Особенно ревностными поборниками идеи, что кометы суть свѣтила, движущіяся по своимъ орбитамъ, подобно планетамъ, являются Аполлонъ Миндій, изучавшій астрономію у халдеевъ, а потомъ Сенека въ Римѣ. Послѣдній съ увѣренностью говорилъ: «Придетъ время, когда наши потомки будутъ удивляться, что мы не знали такихъ простыхъ вещей». Онъ отмѣчаетъ также важную особенность строенія кометъ, которая имѣетъ существенное значеніе для теоріи кометныхъ явленій: «Comae radios solis effugiunt». Хвосты кометъ бѣгутъ отъ солнечныхъ лучей, говоритъ онъ. Другими словами, хвостъ кометы всегда откинутъ въ сторону, противоположную солнцу.

Но мнѣніе Аристотеля все-таки нашло больше послѣдователей. Оно явилось господствующимъ. Въ средніе вѣка ничего не хотѣли знать, чего не было у Аристотеля. Поклоненіе авторитету Аристотеля продолжается и позднѣе. Когда іезуитъ Шейнеръ въ мартѣ 1611 года усмотрѣлъ на дискѣ солнца пятна, его церковный начальникъ посовѣтовалъ ему не вѣрить собственнымъ глазамъ, разъ наблюденіе противорѣчитъ авторитету Аристотеля. Относительно кометъ распространяются только одни суевѣрія, ведущія свое начало отъ Плинія. Послѣдній считалъ кометы за особыя предзнаменованія, стараясь по формѣ и цвѣту разгадать ихъ значеніе. Такъ, онъ различалъ кометы съ бородой, кометы въ видѣ меча, диска, бочки, факела и пр. По его мнѣнію, комета—ужасная звѣзда, предвѣщающая кровопролитіе.

Это мнѣніе, эти страхи при неожиданномъ появленіи неизвѣстнаго, страннаго по формѣ и движеніямъ свѣтила оказались очень заразительными, естественными для темнаго невѣжественнаго народа. Чего только ни стали приписывать кометамъ? Онѣ, какъ оракулъ, предсказывали войны, мятежи, междоусобные раздоры, голодъ, чуму и другія эпидеміи, кончину правителя, землетрясенія, свѣтопреставленіе...

Духовенство съ церковной каѳедры грозитъ кометами, ссылаясь на слова пророка Іереміи: «И было слово Господне ко мнѣ: «что видишь ты, Іеремія». Я сказалъ: «вижу жезлъ миндальнаго дерева». Господь отвѣтилъ мнѣ: «это вѣрно, ибо я бодрствую надъ словомъ Моимъ, чтобы Оно скоро исполнилось» (I, 11—12), и совершенно игнорируя другое изреченіе того же пророка: «Такъ говоритъ Господь: «не учитесь путямъ язычниковъ и не страшитесь знаменій небесныхъ, которыхъ язычники страшатся» (X, 2).

Въ 942 году явилась комета и вслѣдъ за ней начала свирѣпствовать страшная чума на скотъ. Очевидно, комета предвѣщала это несчастье.

Въ 1477 году наблюдалась комета и вскорѣ гордый Карлъ Бургундскій былъ убитъ передъ Нантцигомъ.

Когда сіяли кометы въ 1531, 1532, 1533 гг., дьяволъ высиживалъ ересиковъ-анабаптистовъ.

Въ 1667 г. Станиславъ Лубиницкій издалъ «Theatrum cometicum»—каталогъ кометныхъ явленій, подобный тѣмъ, которые выходили и раньше. Онъ дѣлаетъ въ немъ подсчетъ событій, совпадавшихъ съ появленіемъ кометъ, и приходитъ къ заключенію, что комета не приноситъ вообще несчастія, что бояться ея нѣтъ основанія, но все таки и онъ несвободенъ отъ предубѣжденія, что комета имѣетъ вліяніе на жизнь человѣческую. На заглавномъ листѣ его труда нарисована комета съ радугой и рука, въ которой находится пальмовая вѣтвь, а наверху надпись: «bona bonis» (благо добрымъ). На другой сторонѣ наоборотъ молнія и рука съ розгой подъ словами: «mala malis» (горе грѣшнымъ). Своего максимума суевѣрія достигли при появленіи кометы 1680 г., т.-е. въ концѣ XVII вѣка.

Естественно ждать, что и въ нашихъ лѣтописяхъ всякое упоминаніе о кометѣ должно сопровождаться толкованіемъ, на что указываетъ комета, что она предвѣщаетъ. И дѣйствительно, лѣтописецъ, какъ дитя своего времени, отмѣчая появленіе кометы, иногда называетъ ее знаменіемъ Божіимъ, страшнымъ предзнаменованіемъ какого-либо несчастья, но, что весьма интересно, не всегда придаетъ этому какъ будто особенное значеніе, часто не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, но почти всегда даетъ точное цѣнное описаніе наблюдавшагося явленія. Лѣтописецъ и въ этомъ случаѣ остается вѣренъ себѣ. Не мудрствуя лукаво, правдиво, добросовѣстно записывалъ онъ все, что видѣлъ, и русскія лѣтописи поэтому, какъ оказывается, являются богатымъ, цѣннымъ матеріаломъ для исторіи кометъ и другихъ астрономическихъ явленій. Можно пожалѣть только, что онѣ въ этомъ отношеніи остались неиспользованы. Уже по однимъ записямъ русскаго лѣтописца можно было, пожалуй, вывести тѣ общія характерныя особенности кометъ, которыя имѣютъ большое значеніе для построенія теоріи образованія кометныхъ формъ; во многихъ случаяхъ русскія лѣтописи могутъ дать свой голосъ для разъясненія недоразумѣнія относительно той или другой изъ древнихъ кометъ. Въ этомъ отношеніи онѣ могутъ имѣть значеніе и теперь. Я рѣшился поэтому сопоставить все, что находимъ мы о кометахъ въ различныхъ лѣтописяхъ.

Первая комета, о которой упоминаетъ лѣтописецъ, относится къ 6419 г., т.-е. къ 911 г. нашей эры. Въ различныхъ спискахъ лѣтописи Нестора читаемъ: «Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ, копійнымъ образомъ». Повидимому, это извѣстіе взято непосредственно изъ греческихъ хроникъ, и внѣшній видъ кометы на подобіе копья указанъ прямо по переводу слова ξιφιας. Но въ годѣ есть неточность. Комета наблюдалась въ Византіи въ 912 г. во время царствованія императора Александра (11-го мая 911 г. до 7-го іюня 912). Ошибка на одинъ годъ, конечно, была вполнѣ возможна, такъ какъ хронологія даннаго времени очень сомнительна. Но нѣтъ никакой нужды, какъ дѣлаетъ Шлецеръ, а за нимъ и Карамзинъ, допускать здѣсь ошибку въ 6 лѣтъ, предполагая, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду комету 905 г. Кругъ совершенно резонно замѣчаетъ, что и указаніе на внѣшній видъ кометы должно имѣть въ этомъ случаѣ большое значеніе, такъ какъ для кометы 905 г. византійскіе хроникеры даютъ только время наблюденія, но ничего не говорятъ о ея видѣ. Лѣтописецъ упоминаетъ о кометѣ непосредственно передъ договоромъ Олега съ греками, и относитъ ее ко времени предшествующему самому походу Олега на Царьградъ (907), нѣтъ никакого основанія.

Договоръ состоялся, какъ признается теперь, въ сентябрѣ 911 г. Возможно, что лѣтописецъ упомянулъ о кометѣ раньше, чѣмъ о договорѣ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы не прерывать своего послѣдовательнаго разсказа.

Въ 1061 г. Русь впервые потерпѣла отъ половцевъ и съ этого времени начинается цѣлый рядъ бѣдствій, которымъ предшествовали различныя предзнаменованія. Между прочимъ, въ 1064 г. отмѣчено появленіе кометы: «Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имуща акы кровавы, въсходяща съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дній, се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровипролитье».

И въ этомъ случаѣ возможна небольшая неточность относительно года. По всей вѣроятности, лѣтописецъ указываетъ на блестящую комету 1066 г., время появленія которой приходится за годъ до второго страшнаго нашествія половцевъ (6575 г.). Въ Европѣ эту комету какъ разъ замѣтили на западной части небосклона во второй половинѣ апрѣля. Въ Китаѣ ее видѣли раньше, когда она восходила еще на востокѣ рано утромъ передъ солнцемъ. Комета шла на небѣ съ правой руки къ лѣвой. До 24-го апрѣля она находилась къ западу отъ солнца и восходила раньше его, послѣ она перешла къ востоку отъ него и стала доступна наблюденію уже вечеромъ, на закатѣ солнечномъ. Китайцы указываютъ положеніе кометы, размѣры и направленіе ея хвоста съ большими подробностями, но и у нихъ въ этомъ случаѣ есть неясности и противорѣчія, которыя происходятъ или отъ ошибокъ самыхъ наблюденій, или отъ ошибки при перепискѣ. Тѣмъ болѣе возможна неточность относительно года у нашего лѣтописца. Положеніе кометы на небѣ и время, въ теченіе котораго она была видна, указаны вполнѣ опредѣленно. Но въ данномъ случаѣ лѣтописецъ касается внутренней стороны дѣла, пытается указать на значеніе явленія, какъ дурного предзнаменованія. По поводу этой кометы онъ излагаетъ свой общій взглядъ на различныя чудеса и небесныя явленія. «Се же бывають сице знаменья не на добро, мы бо посему разумѣемъ. Якоже древле, при Антіосѣ, въ Іерусалимѣ, случися внезапу по всему граду за 40 дній являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имуща одеждѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахожденье Антіохово на Іерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цари въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ; се же проявляше нахожденье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цари, звѣзды возсія на западѣ, испущающы луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающа дній 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и пакы солнце безъ лучь сіяше; се же проявляше крамолы, недузи, человѣкомъ умертвіе бяше. Пакы же при Маврикіи цари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и безъ руку; въ чересла бѣ ему рыбій хвостъ приросль; и песъ родися шестоногъ; въ Африкѣ же 2 дѣтища

родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, оторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухѣ възміяся повелику. Въ Суріи же бысть трусъ великъ, земли разсѣдшися трій поприщь, изиде дивно изъ землѣ мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка; еже и бысть: наидоща бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси ли звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли стеромъ чимъ, не благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли граду, ли смерть проявляють».

Согласно Ипатьевской лѣтописи, «въ лѣто 6653 (слѣд. 1145) посла Всеволодъ по братью свою, по Игоря и Святослава, и по Давыдовича по Володимира и Изяслава, и придоша Кіеву; и тогда явися звѣзда превелика на западѣ, испущающи луча . . . . . ».

Эта комета была наблюдаема во многихъ мѣстахъ въ маѣ. Первое наблюденіе относится къ 15-му апрѣля, въ Китаѣ ее замѣтили 27-го апрѣля. 14-го мая комета находилась въ созвѣздіи Оріона, ея хвостъ имѣлъ 10 градусовъ въ длину и направлялся къ сѣверо-востоку. Комета появлялась на западной части небосклона, потомъ къ 9-му іюня она перемѣстилась налѣво внизъ въ созвѣздіе Чаши и пропала изъ глазъ наблюдателей 14-го іюля.

Чрезвычайно скудныя свѣдѣнія даются у Пингре о кометѣ 1223 года. По указанію одной старой французской хроники, онъ говоритъ, что явилась она въ началѣ іюля, какъ предвѣстница смерти короля Филиппа Августа, скончавшагося 14-го іюля 1223 года.

Ее видѣли впродолженіи 8 дней на западѣ въ вечерней зарѣ. О внѣшнемъ видѣ никто не говоритъ ничего. Русскія лѣтописи отдаютъ явленію большое вниманіе. Въ Лаврентіевской лѣтописи тотчасъ послѣ описанія пораженія русскихъ при рѣкѣ Калкѣ (31 мая) читаемъ: «того же лѣта явися звѣзда на западъ, и бѣ отъ нея луча не возракъ человѣкомъ, но яко къ полуденью по двѣ восходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величьствомъ паче инѣхъ звѣздъ; и пребысть тако 7 дни, и по 7 дни явися луча та отъ нея ко востоку, пребысть тако 4 дни, и невидима бысть». Въ Новгородской четвертой появленіе кометы отмѣчено 1224 годомъ и поставлено раньше упоминанія о битвѣ при Калкѣ. Но это извѣстіе очевидно заимствованное, передается оно въ общей формѣ съ двойнымъ повтореніемъ обычнаго эпитета кометы: «Явися звѣзда глаголемая докитъ, рекше яко копіе простираемая отъ востока до запада копійнымъ образомъ, и пребысть за 17 дней». Въ Никоновской лѣтописи о кометѣ упоминается два раза. Сначала подъ годомъ 1223, какъ въ Лаврентьевской почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и вмѣстѣ съ тѣми же ужасными особенностями жаркаго лѣта, которыя тамъ перечисляются: «Того же лѣта явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ неа лучи не во зракъ человѣкомъ,

но яко къ полуденью, возъхожаше же съ вечера по заходѣ солнечномъ, и бѣ величествомъ паче инѣхъ всѣхъ звѣздъ, и пробысть такъ до 7 дній, и по седьмѣмъ дни явишася лучи тѣ къ востоку, и тако пребысть четыре дни, и потомъ невидима бысть». А потомъ подъ годомъ 1225 передъ запоздавшимъ описаніемъ Калкскаго побоища, какъ въ Новгородской лѣтописи: «того же лѣта явися звѣзда, глаголемая копіе, простираема отъ востока до запада копійнымъ образомъ, и пребысть за седьмьнадесять дній».

Въ Воскресенской лѣтописи то же, что дано въ Лаврентьевской, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій, и наконецъ, въ лѣтописи Авраамки подъ годомъ 1224 упоминается о кометѣ. Здѣсь указывается время года, когда наблюдалась комета, но, повидимому, безъ особеннаго основанія. Годъ тоже мало вѣроятенъ. Разъ сказано, что комета наблюдалась осенью, то понятно, что номеръ года повышенъ, потому что въ сентябрѣ начало новаго года. Но по нашему счету это и будетъ 1223 годъ. Извѣстіе о кометѣ находится непосредственно передъ описаніемъ нашествія татаръ и битвѣ при Калкѣ, о которой почему то было упомянуто еще раньше разъ, подъ годомъ 1223.

Основнымъ источникомъ, во всякомъ случаѣ, является для насъ Лаврентьевская лѣтопись. И какое красивое, полное описаніе находимъ мы въ ней! Комета впродолженіи семи дней появлялась на западѣ вечеромъ по заходѣ солнечномъ, отъ нея поднимались два луча, два хвоста. Очевидно, для историковъ остается непонятнымъ выраженіе «не возракъ». Въ словарѣ И. Срезневскаго на это нѣтъ никакого толкованія, а только выписано мѣсто. Я, конечно, тоже не смѣю рѣшать вопроса, но обращаю вниманіе, что вслѣдъ за словами «не во зракъ человѣкомъ» стоятъ слова: «но яко къ полуденью». Тутъ есть сопоставленіе. Какъ будто бы отмѣчено, что хвостъ стоитъ не прямо, а отклоненъ къ югу какъ разъ такъ, какъ требуетъ правило Сенеки. Замѣчательно, что комета имѣетъ два хвоста—интересная подробность. Комета перемѣщалась. Черезъ 7 дней лучи ея уже оказываются направлены къ востоку и спустя еще 4 дня комета пропадаетъ изъ глазъ наблюдателя. Это чрезвычайно цѣнныяи, нтересныя свѣдѣнія о кометѣ, почти не наблюдавшейся въ другихъ странахъ.

Послѣ этого весьма страннымъ является игнорированіе нашими лѣтописями блестящей кометы 1264 г. Лишь въ прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи мы находимъ замѣчаніе: «Въ лѣто 6772. Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцевъ три, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ во скотѣхъ». А комета была дѣйствительно интересная, съ хвостомъ болѣе, чѣмъ въ 90 градусовъ. Когда она восходила на востокѣ, хвостъ, направляясь къ югу, переходилъ черезъ меридіанъ на западъ. Комета, какъ отмѣчено и въ нашей лѣтописи, наблюдалась три мѣсяца: іюль, августъ и сентябрь, при этомъ она шла попятнымъ движеніемъ отъ востока къ западу. Августа

1-го она восходила за два часа передъ солнцемъ, въ двадцатыхъ числахъ сентября передъ зарей она стояла уже въ меридіанѣ. Комету такъ много наблюдали и такъ опредѣленно указывали ея положенія на небѣ, что оказалось возможнымъ съ нѣкоторой долей вѣроятія вычислить ея орбиту.

Возможно, что другое свидѣтельство, которое мы находимъ въ самой Ипатьевской лѣтописи подъ 1265 годомъ: «Въ лѣто 6773. Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ объя вся человѣкы и ужасть, хитреци же смотрѣвше тако рекоша: «оже мятежь великъ будеть въ земли»; но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже»,—являющееся также и у Волынскаго лѣтописца, относится къ той же кометѣ 1264 года, тѣмъ болѣе, что въ Хлѣбниковомъ и Ермолаевомъ варіантахъ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто «въ лѣто 6773» сказано «въ та же лѣта», а слѣдовательно свидѣтельство относится къ предыдущему году.

Но и въ слѣдующемъ 1265 году осенью въ теченіе сентября, октября и ноября наблюдалась также блестящая комета. Къ сожалѣнію, въ западно-европейскихъ хроникахъ о ней больше говорятъ, какъ о предзнаменованіи различныхъ событій, и мало отмѣчаютъ характерныхъ особенностей. Только въ одной итальянской хроникѣ упоминается, что поднималась она послѣ полуночи и сіяла весь остатокъ ночи. Въ теченіе долгаго времени передъ зарей она стояла на томъ мѣстѣ неба, гдѣ бывало солнце въ три часа дня, т.-е. къ западу отъ меридіана.

Совершенно невозможно отнести ни къ этой кометѣ, ни къ сомнительной кометѣ слѣдующаго 1266 года, наблюдавшейся въ августѣ на востокѣ, указаніе, которое находимъ мы въ прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи подъ годомъ 6774 (1266): «Тоей жъ зимы явися звѣзда, а хвостата, по тринадесять нощій». И еще болѣе подробное подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи: «Тоѣ же зимы явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея лучь дологъ аки хвостъ къ полуденной странѣ, и бысть нощей 13, и по семъ невидима бысть», и въ Тверской «тоя же зыми явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ неа луча долга, яко хвостъ, къ полудниной странѣ; пребысть нощей 13, и паки не видѣна бысть посемь».

Какъ будто бы здѣсь отмѣчено особое неизвѣстное западу явленіе. Наши лѣтописи опредѣленно говорятъ, что комета наблюдалась зимой, впродолженіи 13 дней, на западѣ и имѣла хвостъ отогнутый къ югу, какъ и нужно по закону направленія кометныхъ хвостовъ.

Въ 1301 году въ сентябрѣ была большая комета, воспѣтая Пахимеромъ даже въ стихахъ. По наблюденіемъ китайскихъ астрономовъ, она прошла по созвѣздіямъ: Рака, Большой Медвѣдицы, Сѣверной Короны, Геркулеса и Стрѣльца, и имѣла сначала хвостъ длиною въ 5 градусовъ, а потомъ въ 10. Но записи западно-европейскихъ

хроникъ даютъ противорѣчивыя и во всякомъ случаѣ неопредѣленныя указанія. Въ нашихъ хроникахъ о кометѣ упоминается три раза и всегда подъ 1302 годомъ (начало новаго года съ сентября). Въ Лаврентьевской лѣтописи: «Того же лѣта, во осенинѣ, явися звѣзда на западѣ, луча имущи яко и хвостъ къ горѣ, къ полуденью лиць». Въ Никоновской: «Того же лѣта бысть знаменіе на небеси: явися звѣзда на западѣ, луча вверхъ испущая яко хвостъ, къ полудню ниць», и въ прибавленіи къ Ипатьевской: «Явися звѣзда страшная, свѣтящи и луча испущающи».

Хотя эти свѣдѣнія кратки, но они весьма правдоподобны и даже опредѣленны, если принять во вниманіе, что записаны они неспеціалистомъ. Комета въ сентябрѣ могла появляться на западѣ и хвостъ ея долженъ былъ бы направляться къ югу.

Въ Никоновской, Новгородской IV-й и въ лѣтописи Авраамки отмѣчено появленіе кометы 1368 года: «Того же лѣта явися звѣзда хвостата». Къ сожалѣнію, никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній о ней нигдѣ больше нѣтъ. По китайскимъ наблюденіямъ комета находилась въ мартѣ мѣсяцѣ около Плеядъ въ сѣверо-западной части горизонта, наблюдалась она въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Страшное Тахтамышево нашествіе предвѣщала комета 1382 года. Новгородская IV-я лѣтопись съ этого продзнаменованія и начинаетъ свое повѣствованіе «О плѣненіи и о прихожденіи Тахтамыша царя, и о московскомъ взятьи». «Бысть нѣкое проявленіе, по многіи нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ предъ раннею зарею, звѣзда нѣкая аки хвостата и якоже копейнымъ образомъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же въ утренней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тахтамышево на рускую землю, и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны». Почти въ той же редакціи лишь съ выпускомъ главнаго слова: «звѣзда хвостата», это извѣстіе находится и въ лѣтописи Авраамки. Въ Тверской лѣтописи отмѣчено время года, когда появлялась комета: «Той же зыми знаменіе проявляшеся на востокѣ...»

На основаніи свидѣтельства Воскресенской и Никоновской лѣтописей мы должны заключить, что комета была видима впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ зимнихъ, такъ и весеннихъ. Въ Воскресенской въ концѣ 6889 года читаемъ: «Тое же зимы и тоя весны явльшеся нѣкое знаменіе на небеси: на въстоцѣ предъ раннею зарею аки столпъ огненъ и звѣзда копейнымъ образомъ». Почти совершенно то же самое и подъ тѣмъ же годомъ находимъ мы въ Никоновской лѣтописи. Но въ Воскресенской о кометѣ упоминается еще разъ. Подъ годомъ 6890 есть вставка: «О московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земля рускіи», которая начинается такъ же, какъ цитированное выше повѣствованіе Новгородской лѣтописи.

Во всякомъ случаѣ во всѣхъ спискахъ опредѣленно указывается

*

на комету, которая въ теченіе долгаго времени появлялась на востокѣ передъ утренней зарей, повидимому, раньше или позднѣе она находилась на западѣ. Мы имѣемъ указаніе на движеніе кометы, она обошла солнце, являясь сначала съ одной стороны отъ него, потомъ съ другой. Комета была доступна наблюденію впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ западныхъ хроникахъ и даже въ китайскихъ наблюденіяхъ. Въ сопоставленіи Пингре подъ годами 1381, 1382 и 1383 приведено нѣсколько краткихъ отрывочныхъ и неопредѣленныхъ свѣдѣній, повидимому, о нѣсколькихъ кометахъ, среди которыхъ одно только подходитъ къ кометѣ, отмѣченной русскими лѣтописцами. Оно указываетъ на комету, появлявшуюся на западѣ въ теченіе болѣе пятнадцати дней.

Весьма картинно и точно описано во многихъ спискахъ появленіе блестящей первой кометы 1402 года.

Въ Новгородской I-й: «Въ лѣто 6910. Явися знаменіе на небеси, звѣзда хвостата, на западѣ лучь имуще свѣтелъ; и пребысть мѣсяцъ мартъ весь».

Въ Новгородской IV-й подъ тѣмъ же годомъ:

«Въ великое говѣніе, мѣсяца марта явльшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зорю на западѣ, звѣзда немала аки копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяць такъ восходящю. Се же является грѣхъ ради нашихъ...»

Въ Софійской второй: «Въ лѣто 6910, мѣсяца марта, являшеся на западѣ, въ вечерней зарѣ, звѣзда немала копейнымъ образомъ, верху же ея аки луча сіяше; на востоцѣ восходяща, на лѣтнемъ западѣ являшеся по 12 дній».

Въ Псковской I-й дается другой годъ:

«Въ лѣто 6911. Явися звѣзда хвостата на западной странѣ, мѣсяца февраля, а погибе мѣсяца марта въ Вербную суботу».

Въ лѣтописи Авраамки то же, что въ Новгородской I-й.

Въ Воскресенской сообщеніе выдѣлено въ особую рубрику «Знаменіе»: «Въ лѣто 6910, мѣсяца марта, явльшеся, на западѣ, въ вечернюю зорю, звѣзда немала копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, на въстоцѣ въсходяща и на лѣтнемъ западѣ явльшеся, к же видѣхомъ, по 12 дній тако въсходящу и сіающу».

Также и въ Никоновской: «Знаменіе. Тоѣ же зимы въ великое говѣніе, марта мѣсяца, явися знаменіе на западѣ, въ вечерней зари, звѣзда велика зѣло копейнымъ образомъ, верху ея лучь великъ сіаше, обходящи, юже видѣхомъ за дванадесять дній на возстоцѣ возходящу и на западѣ лѣтнемъ въ вечернѣй зарѣ сіающу; се убо прояви звамение, понеже возсташа языци воеватися другъ на друга и т. д.».

Есть о кометѣ и въ «Изборникѣ славянскихъ и русскихъ статей изъ хронографовъ», изд. Попова: «Въ лѣто 6910 явися на небеси зна-

меніе: въ вечернее время на западѣ яко огнь звѣзда копейнымъ образомъ, верху ея лучь сіяя, иже на востоцѣ восходяща и на западѣ являющися».

Эти описанія не представляютъ собою простыхъ повтореній и почти каждое отмѣчаетъ какую-нибудь особую подробность. Сопоставляя ихъ всѣ вмѣстѣ, мы получаемъ довольно много свѣдѣній о кометѣ. Она наблюдалась въ 1402 году въ февралѣ и мартѣ до Вербной субботы по вечерамъ, тотчасъ по заходѣ солнца на западѣ. Комета была очень яркая съ хвостомъ, поднимающимся вверхъ и загнутымъ, какъ указываетъ слово «обходящи». Правда, раньше говорится явилась звѣзда «копейнымъ образомъ». Но послѣднее выраженіе едва ли указываетъ на особенность явленія, а повторено по обычаю, безъ особаго значенія. Всегда почти въ извѣстіяхъ о кометѣ говорится, что явилась она копейнымъ образомъ. Она перемѣщалась. Въ теченіе двѣнадцати дней или нѣсколько больше ее видѣли уже восходящей на востокѣ и въ то время она являлась на западѣ тамъ, гдѣ заходитъ солнце лѣтомъ, т.-е. въ сѣверо-западной части горизонта.

Русскія лѣтописи даютъ подтвержденіе реальности парадоксальнаго явленія, которое обнаруживалось и противорѣчивыми показаніями западно-европейскихъ хроникъ—именно, что комета въ одну и ту же ночь наблюдалась на востокѣ и на западѣ. Наши лѣтописцы очень хорошо говорятъ, что сначала комета наблюдалась въ вечерней зарѣ на западѣ, потомъ она восходила на востокѣ и *являлась* (но не заходила) на западѣ. Повидимому, комета шла обратнымъ движеніемъ (т.-е. слѣва направо) къ солнцу, слѣдуя въ суточномъ движеніи за нимъ, тогда она наблюдалась по вечерамъ на западѣ. Потомъ, когда она приблизилась къ солнцу, голова ея заходила одновременно съ нимъ, но яркій хвостъ поднимался прямо вверхъ въ сѣверо-западной части небосклона. Хвостъ этотъ видѣнъ по вечерамъ въ томъ же мѣстѣ небосклона и тогда, когда комета прошла мимо солнца, когда она очутилась отъ него по правую сторону и восходила вся уже на востокѣ передъ восходомъ солнечнымъ. Такъ было нѣсколько дней (12), говорятъ наши лѣтописи.

Послѣ того, какъ комета прошла мимо солнца, она сдѣлалась настолько яркою, что хвостъ ея на нѣкоторомъ протяженіи былъ замѣтенъ даже днемъ при блескѣ солнца. Цѣлая масса хроникъ отмѣтила появленіе этой кометы, хотя по большей части кратко, многія считаютъ ее предзнаменованіемъ смерти герцога миланскаго Jean-Galeas Visconti. Наблюдалась она и въ Японіи, весною въ двадцатый годъ царствованія Гокоматца. Непонятно только, почему молчатъ о немъ китайскіе источники.

Очень интересныя и цѣнныя свѣдѣнія даютъ наши лѣтописи о двухъ кометахъ, наблюдавшихся зимой 1471—1472 гг.

Подъ годомъ 6980 въ Новгородской IV-й: «Тое же зимы, по Рож-

дествѣ Христовѣ, явися звѣзда велика, а отъ нея лучь долгъ, велми толстъ и свѣтелъ, свѣтлѣе самые звѣзды; а восхождаше о 6-мъ часѣ нощи, съ лѣтнего всхода солнечнаго грядяще къ западу къ лѣтнему же, а лучь отъ нея впреди идяше, а конець лучя того аки птичь хвостъ распростертъ. Того же мѣсяца генваря явися звѣзда хвостата надъ лѣтнимъ западомъ, хвостъ же ея тонокъ, и недобрѣ дологъ, вверхъ къ той звѣздѣ концомъ; а первые звѣздѣ лучь темные, но первая звѣзда за 3 часа до всхода солнечнаго на коемъ мѣстѣ ставилася, а та звѣзда другая по захоженіи солнца толко же часовъ, а о томъ же мѣстѣ явися». Тоже въ Псковской I-ой 6980 годъ начинается словами: «Въ лѣто 6980. Тогда явися звѣзда на небесѣхъ съ хвостомъ», но это извѣстіе обрывается и дальше слѣдуетъ пустое мѣсто. Ниже послѣ указанія на назначеніе архіепископа Ѳеофила говорится уже о второй кометѣ: «Того же мѣсяца генваря явися на небеси звѣзда хвостатая, и была генварь мѣсяць весь да съ недѣлю была февраля, и изгибла; а шествіе той звѣздѣ предивно велми, а овогда бо преди власи ея, а овогда назади, а шествіе творяше не по обычаю инѣхъ звѣздъ, а може хотяше тудѣ шествіе творяше, овогда къ полудню, овогда къ полунощію, а видѣніе ея блѣдовидно, такоже и власы ея овогда мали, овогда велицы отъ нея; тѣмбо по всѣмъ странамъ ея не всей Руси, и въ нѣмцѣхъ видѣвше».

Въ Псковской II-ой подъ годомъ 6980 стоитъ только одно извѣстіе: «Явися на небесѣхъ звѣзда, и протяже, отъ себе испусти свѣтлы луча аки хвостъ».

Въ Софійской I-ой упомянуто кратко: «Въ лѣто 6980. Явися звѣзда на небеси съ хвостомъ».

Но въ Софійской II-ой опредѣленно указывается направленія хвостовъ обѣихъ кометъ: «Тое же зимы явися на небеси звѣзда копейнымъ образомъ, юже зовяху человѣци хвостата, на востоцѣ, простираема луча отъ нея на западъ, бывши дни многи погибе; и другая явися на западѣ, простирая луча на востокъ».

Въ Прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6980. Явися звѣзда страшная, луча испущающа, презъ два мѣсяца; посемъ многа зла быша въ землѣ, гладъ, моръ и брани».

Въ Воскресенской приблизительно то же, что имѣемъ въ Новгородской IV-ой, съ интереснымъ дополненіемъ относительно суточнаго движенія второй кометы: «*Знаменіе.* Того же (6980) мѣсяца декабря, по Рожествѣ Христовѣ, явися на небеси звѣзда велика, а лучь отъ неа дологъ велми, тлъстъ, свѣтелъ, свѣтлѣе самое звѣзды, а въсхожаше о 6-мъ часѣ нощи съ лѣтнего въсхода солнечнаго, и идяше къ западу лѣтнему же, а лучь отъ неа впредь протяжеся, а конець луча того, аки хвостъ великіа птицы, распростреся. *Знаменіе же.* Мѣсяца того же генваря, по Крещеніи, другая звѣзда явися хвостата надъ лѣтнымъ западомъ; хвостъ же ея тонокъ, а не добрѣ дологъ, а пер-

вые звѣзды луча темнѣе, но первая звѣзда за 3 часы до въсхода солнечнаго на кое мѣсто приходила, а сіи другаа по захожденіи солнца 3 часы на томъ же мѣстѣ являшеся да къ западу же идяше». И, наконецъ, въ Никоновской, также какъ въ Воскресенской, подъ рубрикой «О звѣздѣ».

Нельзя не подивиться добросовѣстности, съ которой описывали лѣтописцы наблюдавшіяся явленія. Очевидно, они интересовались ими непосредственно. Лишь одинъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, что вслѣдъ за кометой явилось много зла на землѣ. Остальные имѣютъ въ виду только самыя кометы. И какую интересную и полную картину рисуютъ они! Въ концѣ декабря 1471 года по Рождествѣ Христовѣ начала появляться въ шестомъ часу ночи въ сѣверо-восточной части небосклона (лѣтній восходъ солнца) большая комета, которая въ своемъ суточномъ движеніи направлялась къ сѣверо-западу туда, гдѣ заходитъ лѣтомъ солнце. Впереди, т.-е. къ западу отъ нея, поднимался лучъ, какъ хвостъ огромной птицы, длинный, широкій, свѣтлый, свѣтлѣе головы. Въ январѣ, послѣ Крещенія показалась другая комета, которая наблюдалась на противоположной сторонѣ, на западѣ или, лучше, на сѣверо-западѣ. Она много уступала по величинѣ первой, ея хвостъ тоньше, короче и темнѣе. Онъ поднимается вверхъ къ востоку. И что особенно интересно въ описаніи лѣтописца, вторая комета три часа спустя послѣ захода солнечнаго находится на томъ же мѣстѣ неба, гдѣ первая стоитъ за три часа до восхода солнца. Жаль, конечно, что не указано точнѣе, къ какому приблизительно числу относится такое расположеніе кометъ, но вѣроятнѣе къ первымъ днямъ видимости второй кометы, когда она при наличности первой должна была оставлять большее впечатлѣніе. Эта вторая комета, очевидно, перемѣщалась на небѣ прямымъ движеніемъ отъ запада къ востоку.

Въ суточномъ движеніи она, конечно, опускалась на западѣ все ниже и ниже, идя впередъ головой, но между звѣздами она шла въ противоположномъ направленіи (прямомъ), впередъ хвостомъ, что повидимому, и отмѣчаетъ съ удивленіемъ псковскій лѣтописецъ. При этомъ, конечно, долженъ былъ измѣняться и хвостъ кометы. Сначала онъ былъ больше, можетъ быть даже нѣкоторое время возросталъ, но потомъ, съ удаленіемъ кометы отъ солнца постепенно уменьшался.

Первая комета наблюдалась много дней (Софійская II-ая), какъ отмѣчаетъ Ипатьевская лѣтопись, впродолженіи двухъ мѣсяцевъ.

Вторая, по свидѣтельству псковскаго лѣтописца, оставалась видима весь январь и одну недѣлю февраля.

Вотъ какія богатыя подробности о двухъ кометахъ 1471—1472 г. передаютъ наши лѣтописи. Ничего подобнаго не находимъ въ западно-европейскихъ хроникахъ. Правда, Регіомонтанъ, оставилъ довольно точныя указанія о движеніи первой кометы по небу, по кото-

рымъ послѣ была вычислена Галлеемъ ея орбита, но Регіомонтанъ былъ астрономъ, въ общихъ же хроникахъ имѣются только краткія, мало опредѣленныя упоминанія. Относительно же второй кометы было даже сомнѣніе, дѣйствительно ли она существовала. Хотя нѣкоторые историки и отмѣтили ея появленіе, но время указываютъ различное: январь, мартъ, даже май, и не выясняютъ ея отношенія къ первой. Одинъ историкъ заставляетъ вторую комету идти по небу какъ разъ такъ, какъ должна была перемѣщаться первая.

Свидѣтельства нашихъ лѣтописей въ этомъ случаѣ являются, дѣйствительно, очень цѣнными.

Одиноко стоитъ указаніе псковскаго лѣтописца на комету въ 1520 году. «Въ лѣто 7028. Бысть знаменіе на небеси: явися на сѣверѣ звѣзда хвостата и свѣтла». Или въ другомъ варіантѣ: «Явися на небеси звѣзда хвостатая; сія бо знаменія являются не на добро, но на зло, или на моръ, или на разратіе, или на гладъ» (Псковская I-ая). Въ Софійской I-ой изъ этой послѣдней записи уцѣлѣло только четыре слова: «Явися... или на гладъ».

Трудно сказать, дѣйствительно ли отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ лѣтописецъ комету. Въ западно-европейскихъ хроникахъ есть тоже одно указаніе на комету 1520, но возможно, что наблюдатель назвалъ кометой метеоръ, пролетѣвшій по небу.

Карамзинъ въ своей «Исторіи госуд. Россійскаго» утверждаетъ, что упомянутыя выше кометы 1531, 1532 и 1533 годовъ приводили во всей Россіи народъ въ ужасъ. Но лѣтописи не подчеркиваютъ этого ужаса. Согласно выпискамъ Карамзина изъ Архив. лѣтописи: «Въ лѣто 1531 явися звѣзда великая надъ лѣтнимъ восходомъ солнечнымъ по многія заутреннія; лучи отъ нея сіяша велики, и вверхъ идяше не по обычному теченію на полунощную страну, и послѣ являшеся на вечерней зарѣ червленнымъ образомъ надъ лѣтнимъ западомъ»... «Октября (153.) явися звѣзда за два часа до свѣта надъ зимнимъ восходомъ; лучь сіяше отъ нея великъ на полдни; являшеся на единомъ мѣстѣ отъ 1-го дни октября до 9-го ноября»... «Іюля (1533) являшеся звѣзда отъ 4 часъ нощи надъ западомъ, а лучь отъ нея дологъ и широкъ на зимній востокъ по многія нощи». Въ Ростовской лѣтописи сказано, что эта комета показывалась дней 30 и болѣе.

Въ Воскресенской лѣтописи и въ лѣтописи по Никонову списку изд. академіи наукъ 1790 г. объ этихъ трехъ кометахъ находимъ еще нѣкоторыя дополнительныя подробности, а также въ Прибавленіи къ «Софійскому Временнику» изд. П. Строева (1820 г.).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, комета 1531 года появлялась въ августѣ въ теченіе многихъ дней по утрамъ въ утреннія зори на востокѣ, тамъ, гдѣ восходитъ солнце лѣтомъ, т.-е. въ сѣверо-восточной части небосклона, и хвостъ ея направлялся кверху. Комета шла не по обычному теченію свѣтилъ въ ихъ су-

точномъ движеніи, съ востока на западъ, а перемѣщалась отъ дня ко дню все дальше и дальше на сѣверъ, а потомъ стала появляться въ сѣверо-западной части небосклона, по вечерамъ тотчасъ по закатѣ солнечномъ, имѣя въ своемъ блескѣ красноватый оттѣнокъ, и хвостъ ея попрежнему былъ направленъ кверху.

Это была знаменитая періодическая комета Галлея въ одномъ изъ своихъ появленій. Наиболѣе точныя наблюденія ея того времени, послужившія для вычисленія орбиты, принадлежатъ астроному императоровъ Карла V-го и Фердинанда I-го—Апіану. Но этотъ наблюдатель даетъ положенія кометы только съ 13-го августа, когда комета уже появляется на западѣ. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ указываетъ на интересный и очень важный фактъ—хвостъ кометы всегда обращенъ въ сторону, противоположную солнцу, но русскіе лѣтописцы и раньше, какъ было отмѣчено уже много разъ, констатировали такое расположеніе кометныхъ хвостовъ, хотя, быть можетъ, и не придавали ему особеннаго значенія.

Многіе наблюдатели не поняли, что кометы, наблюдавшіяся въ 1531 году на востокѣ и западѣ, представляютъ собой одно свѣтило. Существовало подозрѣніе, что осенью 1531 г. наблюдалось двѣ кометы, тѣмъ болѣе, что итальянскій астрономъ, врачъ по профессіи, Фракасторо оставилъ описаніе кометы, наблюдавшейся въ сентябрѣ, сначала утромъ, потомъ вечеромъ на западѣ. Въ его описаніе очевидно, вкралась ошибка, вездѣ приходится поставить «августъ», гдѣ стоитъ сентябрь.

Комета Галлея была признана періодической послѣ появленія въ 1682 году, когда Галлей, другъ Ньютона, вычислилъ по формуламъ послѣдняго орбиту этой кометы, сопоставивъ ее съ орбитами кометъ, наблюдавшихся раньше. Онъ съ удивленіемъ констатировалъ сходство элементовъ, т.-е. величинъ, опредѣляющихъ положеніе и размѣры орбиты, этой кометы съ элементами кометъ 1607 и 1531 гг. У него явилось предположеніе, что это одна и та же комета, возвращающаяся къ солнцу періодически черезъ 75—76 лѣтъ, онъ вводитъ такимъ образомъ новую идею, новый взглядъ на кометы, которыя, оказывается, могутъ быть не только случайными гостями въ нашей солнечной системѣ, но также и членами ея, обращаясь около солнца по опредѣленнымъ замкнутымъ орбитамъ, какъ планеты. Слѣдующее возвращеніе кометы въ 1758 году, предвычисленное французскимъ астрономомъ Клеро вмѣстѣ съ г-жей Лепотъ, послужило блестящимъ доказательствомъ справедливости закона всемірнаго тяготѣнія, открытаго Ньютономъ. Въ 1835 г. комета вновь оказываетъ наукѣ огромную услугу. Бессель съ большой точностью наблюдалъ истеченія изъ ядра ея при приближеніи къ солнцу. Онъ вычисляетъ скорость этихъ истеченій и силу, съ которой отбрасывались частицы въ хвостъ. Кладется начало теоріи образованія кометныхъ формъ. Скоро ожидается комета опять. Она

должна появиться въ 1910 году. При русскомъ астрономическомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ было организовано особое вычислительное бюро подъ руководствомъ проф. Жданова для вычисленія всѣхъ отклоненій, которыя должна претерпѣть комета въ своемъ движеніи отъ притяженія различныхъ планетъ, и предвычисленія времени ея приближенія къ солнцу.

Комета 1532 г., хотя кратко, но тоже вполнѣ опредѣленно и точно описана лѣтописцемъ. Время ея появленія съ 1-го октября по 9-ое ноября указано почти предѣльное. Только спеціалисты видѣли комету раньше и прослѣдили ее дальше. Комета, дѣйствительно, стояла приблизительно «на единомъ мѣстѣ», она мало смѣщалась въ октябрѣ на небѣ. Цѣнное замѣчаніе дано о формѣ хвоста и его направленіи къ югу. Долгое время существовало предположеніе, что комета 1532 г. тожественна съ кометой, наблюдавшейся въ 1661 году, но изслѣдованія Ольберса не подтверждаютъ этого. Во всякомъ случаѣ, между элементами кометъ большое сходство и это обстоятельство чрезвычайно интересно. Оно должно обратить на себя вниманіе новыхъ изслѣдователей.

Въ выпискѣ Карамзина изъ Архив. лѣтописи относительно кометы 1533 года чувствуется описка, сказано, что появлялась она «надъ западомъ». Разъ комета восходила передъ утренней зарей, она, конечно, была на востокѣ, какъ сказано и въ «Софійскомъ Временникѣ». Направленіе хвоста «на зимній востокъ», т.-е. къ юго-востоку или просто къ югу («на полъдени») согласно съ этимъ. Западно-европейскія и китайскія наблюденія говорятъ, что комета появилась въ концѣ іюня въ созвѣздіи Тельца близъ Плеядъ или въ созвѣздіи Персея, въ теченіе іюля она шла попятнымъ движеніемъ по созвѣздіямъ Кассіопеи и Лебедя. Она, дѣйствительно, сначала должна была появляться по утрамъ на востокѣ или, лучше, на сѣверо-востокѣ. Ея хвостъ долженъ былъ тянуться направо, и не указываютъ ли слова лѣтописца, что онъ былъ направленъ «на зимній востокъ», на его изогнутую форму? Если хвостъ поднимался на сѣверо-востокѣ дугой, то продолженіе этой дуги, дѣйствительно, загибало бы на зимной востокъ. Повидимому, очень неопредѣленно и кратко описано движеніе кометы 1556 г., о которой находимъ свѣдѣнія только въ Псковской I-ой лѣтописи: «Въ лѣто 7064, мѣсяца марта явилась звѣзда копейнымъ образомъ съ теплаго вѣтра межи полудни и запада, и днію и нощею хожаше къ востокъ и непомногу поступаше къ сѣверу весь мѣсяцъ мартъ». Но если сопоставить это общее описаніе съ наблюденіями спеціалистовъ, то увидимъ, что направленіе движенія указано совершенно вѣрно. Комета появилась въ созвѣздіи Дѣвы, которое въ мартѣ мѣсяцѣ бываетъ на югѣ около 12 часовъ ночи. Отсюда она постепенно перемѣщалась къ полюсу эклиптики, т.-е. къ сѣверо-востоку по созвѣздіи Пастуха и Дракона. Потомъ комета проходитъ черезъ созвѣздьямъ Цефея, Андромеды къ Овну, опи-

савъ почти цѣлую половину большого круга, подобно тому, какъ недавно на нашихъ глазахъ прошла по небу комета 1902 года. Вторая такъ же, какъ и послѣдняя комета 1556 года, въ серединѣ всего видимаго пути имѣла чрезвычайно быстрое движеніе. Она проходила до 15 градусовъ въ сутки, что обусловливалось перспективой, земля проходила подъ орбитой кометы. Комета наблюдалась и въ апрѣлѣ, когда она, приблизившись къ солнцу, восходила передъ нимъ.

Въ Никоновской лѣтописи (изданіе академіи наукъ 1791 года) отмѣчено и искривленіе хвоста: «Тое же зимы (1556) въ великое говение бысть знамение на небеси, звезда хвостата восходила съ востока хвостомъ на западъ, а была недѣли здвѣ».

Существовало подозрѣніе что комета 1556 года тождественна съ кометами 1264 и 975 г. Но тщательныя, насколько только оказалось возможнымъ, изслѣдованія Гёка дѣлаютъ невѣроятнымъ это предположеніе.

Послѣдняя комета о которой мы находимъ свѣдѣнія въ «Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей», изданномъ археографической коммиссіей, есть комета 1580 года. О ней въ Псковской I-й лѣтописи сказано кратко: «Въ лѣто 7088. Явися знаменіе звѣзда копейнымъ образомъ». Эта комета открыта была астрономомъ М. Мёстлинымъ 2-го октября; Гагецій въ Прагѣ и знаменитый датскій астрономъ Тихо-Браге усмотрѣли ее 10-го. Наиболѣе точны наблюденія Тихо-Браге. Особенностью орбиты кометной является большое наклоненіе къ плоскости движенія земли. Въ ближайшемъ отъ солнца разстояніи комета находилась 28-го ноября, но такъ какъ это разстояніе все таки было очень значительно, около 0,6 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. приблизительно 90.000.000 верстъ, то очень длиннаго и яркаго хвоста не могло развиться. 12-го ноября, по наблюденію Тихо-Браге, онъ не превосходилъ трехъ градусовъ. Можно удивляться, что эта комета отмѣчена лѣтописцемъ.

Карамзинъ картинно разсказываетъ о кометѣ 1584: «Въ сіе время (зимой 1584 г.) явилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церковью Іоанна Великаго и Благовѣщенія; любопытный царь вышелъ на красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ «вотъ знаменіе моей смерти». Тревожимый сею мыслью, онъ искалъ, какъ пишутъ, астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ Лапландіи, собранныхъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего Бѣльскаго толковать съ ними о кометѣ и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозой сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны...» Силы покидали Іоанна, но 17 марта послѣ теплой ванны ему стало лучше, такъ что на другой день онъ сказалъ Бѣльскому: «объяви казнь лжецамъ астрологамъ:

нынѣ по ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе. «Но день еще не миновалъ»,—отвѣтствовали ему астрологи».

Карамзинъ приводитъ эти подробности по запискамъ Горсея, англійскаго посла при дворѣ Іоанна Грознаго. Въ русскихъ источникахъ о кометѣ сказано короче. Въ «Новомъ лѣтописцѣ» по списку кн. Оболенскаго я нашелъ подъ годомъ 7092 слова: «Тое же зимы явися на небеси знаменіе надъ Москвою между церквей Благовѣщенія пресвятыя Богородицы и Іоанна списателя лѣствицы крестъ да звѣзда съ хвостомъ; возвѣстиша же о томъ царю и великому князю Ивану Васильевичу, онъ же изшедъ и видѣвъ рече къ предстоящимъ: «сіе знаменіе являетъ смерть мою».

Въ варіантѣ, составляющемъ восьмую часть Русской лѣтописи по Никонову списку изданія академіи наукъ 1792, говорится, что звѣзда появилась «межь Благовещенія и Ивана великого», что «царь Іванъ выде на *красное* крыльцо»...

Странно, что въ иностранныхъ хроникахъ ничего не упоминается объ этой кометѣ. Было высказано предположеніе, что въ данномъ случаѣ наблюдалась не комета, а метеоръ, но эта догадка, конечно, имѣетъ мало вѣроятія. Метеоръ явленіе мгновенное. Его видятъ случайно, а здѣсь царю Іоанну докладываютъ о кометѣ. Онъ выходитъ на крыльцо и долго смотритъ. Ясно, что наблюдавшееся явленіе продолжалось не одну и не двѣ секунды. Въ англійскомъ журналѣ «The Observatory» недавно (1900 г. февр.) была помѣщена замѣтка Lynn'a о кометѣ, предсказанной въ 1584 году. Lynn сопоставляетъ разсказъ о кометѣ по книгѣ «Pember'a Life of Ivan the Terrible» (приблизительно то же, что приведено выше) съ замѣчаніемъ Пингре относительно предсказанія Леовитія о появленіи кометы въ 1584 г. которое, какъ говоритъ Пингре, не исполнилось. Онъ дѣлаетъ справку у самого Леовитія, чтобы выяснить мотивы къ предсказанію. Оказывается, Леовитій впередъ разсчиталъ, что въ маѣ 1583 г. должно было случиться соединеніе верхнихъ планетъ, т.-е. Марса, Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ, а на слѣдующій годъ въ концѣ марта и началѣ апрѣля почти всѣ планеты должны находиться въ созвѣздіи Овна. Однимъ изъ слѣдствій такого исключительнаго явленія, по его мнѣнію и должно было быть появленіе кометы: «Изъ такого расположенія свѣтилъ, когда оно случается въ огненномъ знакѣ, я усматриваю появленіе большой кометы. Отсюда происходятъ различныя предзнаменованія и различныя многія явленія отъ многихъ причинъ». Lynn прибавляетъ, что часто мы принимаетъ то, что должно быть, уже за свершившійся фактъ. Онъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ была допущена ошибка.

Все можетъ быть. Но меня лично смущаетъ опредѣленность указанія «Новаго Лѣтописца», по свидѣтельству котораго комета наблюдалась зимой между церквами Благовѣщенія и Іоанна Великаго. «Новый Лѣтописецъ» по духу родственъ старымъ лѣтописямъ. Это

струя прежняго теченія среди потока новыхъ историческихъ произведеній, сказаній, повѣстей и записокъ. Повидимому, мы можемъ отнестись къ нему съ такой степенью довѣрія, какъ и вообще къ лѣтописямъ. Можно, конечно, еще сомнѣваться, что описанное явленіе было дѣйствительно комета (можетъ быть это было гало, оптическое явленіе въ нашей атмосферѣ при освѣщеніи облаковъ луной), но что оно дѣйствительно было, это, кажется, нужно принять за фактъ.

Въ новыхъ формахъ историческаго повѣствованія, повидимому, рѣже отмѣчаются такіе внѣшніе факты, какъ небесныя явленія. Пересчитать ихъ всѣ я не хотѣлъ, да и трудно было бы это сдѣлать. Указателей не существуетъ. Для XVII-го вѣка поэтому ограничиваюсь тѣми свѣдѣніями, которыя я нашелъ у нашихъ историковъ въ двухъ варіантахъ «Новаго Лѣтописца», и въ Сводной галицко-русской лѣтописи. Среди мнимыхъ чудесъ, мутившихъ народъ во время царствованія Бориса Годунова, Карамзинъ упоминаетъ подъ годомъ 1604 и о кометѣ: «Лѣтомъ въ свѣтлый полдень возсіяла на небѣ комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи (Лифляндіи), объявилъ Дьяку Государственному (Власьеву), что Царству угрожаетъ опасность». Беръ въ своей повѣсти о Гр. Отрепьевѣ говоритъ, что комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во второе воскресенье, въ самый полдень, другіе относятъ явленіе къ 3-му октябрь. Повидимому, послѣднее вѣрнѣе. Въ данномъ случаѣ о кометѣ, конечно, рѣчи быть не можетъ. Вѣроятно, здѣсь отмѣчено появленіе знаменитой *Новой* звѣзды въ созвѣздіи Змѣеносца, которую увидалъ раньше другихъ ученикъ Кеплера Бруновскій въ Прагѣ 30-го сентября 1604 г. Кеплеръ наблюдалъ эту звѣзду, и оставилъ намъ описаніе «О новой звѣздѣ въ ногѣ Змѣеносца», хотя сначала и онъ счелъ было ее за комету.

Въ сентябрѣ 1618 г. королевичъ Владиславъ, продолжая называть себя царемъ Московскимъ, подошелъ къ Москвѣ. 20-го числа онъ расположился въ знаменитомъ селѣ Тушинѣ. Его союзникъ, гетманъ Сагайдачный, появился у Донского монастыря и началъ пропускать свои обозы для соединенія съ королевичемъ. Московскія войска хотѣли было помѣшать этому соединенію, но не могли; ужасъ объялъ ихъ великій. Онъ усиливался кометой. «Новый лѣтописецъ» повѣствованіе о годѣ 7127 начинаетъ словами:

«Явися же на небеси надъ самымъ градомъ Москвою знаменіе сицево: звѣзда величествомъ яко же и прочія, свѣтлостію же паче иныхъ, отъ нея же протяжеся яко хвостъ, величествомъ яко на поприще, главою же стояше оная звѣзда надъ самымъ градомъ Москвою, а хвостомъ протяжеся къ Полской и къ Нѣмецкимъ землямъ. Царь же и вси людіи зрящи помышляху, яко имать Москва отъ Королевича взята быти, и прочая неполезная чаяху надъ Московскимъ Государствомъ: понеже въ то время Королевичъ стояше подъ Москвою и быша

вси во страсѣ. Начаша же о ней мнозіи людіе мудріи разсуждати, глаголюще: сія звѣзда когда явится надъ которымъ Государствомъ главою стоящая, являетъ тамо вся благая, тишину и благоденствіе, а идѣже протяжется хвостъ въ тѣхъ странахъ являетъ быти нестроенію, кровопролитію, междоусобной брани и великимъ войнамъ, и исполнися оное разсужденіе тако напослѣди».

Это такъ называемая первая комета 1618 г., появившаяся въ концѣ августа послѣ этого какъ она уже прошла близъ солнца. Сначала она наблюдалась на востокѣ утромъ, причемъ ея хвостъ было откинутъ къ западу, потомъ она попятнымъ движеніемъ поднялась въ созвѣздіе Большой Медвѣдицы и была всю ночь. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы проходитъ для Москвы какъ разъ въ зенитѣ, такъ что комета дѣйствительно стояла головой надъ городомъ, направляя хвостъ свой въ страны польскія и нѣмецкія, т.-е. къ западу.

Въ варіантѣ, помѣщенномъ въ Никоновой лѣтописи, изданной академіей наукъ въ 1792 г., даются интересныя подробности относительно строенія хвоста и головы.

Голова кометы, какъ оказывается, была небольшая, не превосходила своими размѣрами видимой величины звѣздъ, но она была очень ярка. Отъ нея тянулся хвостъ, сначала узкій, потомъ постепенно расширяясь, и растянулся этотъ хвостъ «яко на поприще».

Возможно, что къ этой кометѣ относится замѣчаніе въ дополненіи къ Сводной галицко-русской лѣтописи подъ годомъ 1619: «Въ томъ году былъ большой трусъ земной въ городѣ Львовѣ около Св. Покрова и появилась на небѣ метла» («Лит. Сборникъ», изд. галицкорусской матицею. 1872 — 1873, стр. 428). Но, можетъ, быть здѣсь имѣется въ виду и другая комета.

Эта вторая комета, большая, красивая, съ необыкновенно длиннымъ хвостомъ была видима въ Европѣ съ конца ноября 1618 г. до двадцатыхъ чиселъ января 1619 г., хотя въ январѣ она была уже слаба. Она наблюдалась тоже по утрамъ на востокѣ, въ южныхъ широтахъ была видима еще въ октябрѣ. Наибольшей яркости она достигла 29-го ноября.

Картинно разсказываетъ Соловьевъ по Гиббенету (Дѣло патріарха Никона) о финалѣ неожиданнаго появленія Никона въ Успенскомъ соборѣ во время заутрени въ ночь съ 17-го на 18-ое декабря 1664 года:

«Въ третій разъ отправился митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: «Письмо твое великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патріархъ изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему». Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. «Оставь посохъ», говорили ему бояре. «Отнимите силою», отвѣчалъ Никонъ и вышелъ изъ церкви. Еще оставался часъ до свѣта; на небѣ горѣла хвостатая комета. Садясь въ сани, Никонъ началъ

отрясать ноги, произнося евангельскія слова: «Идеже аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилипшій къ ногамъ вашимъ, отрясите въ свидѣтельство на ня». Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона, сказалъ: «Мы этотъ прахъ подметемъ!» «Да размететъ Господь Богъ васъ иною божественною метлою, иже является на дни многи!» отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись».

Объ упоминаемой здѣсь кометѣ говорится и въ «Изборникѣ» Попова: «Въ лѣто 7173 декабрѣ мѣсяцѣ явися на небеси знамение звѣзда хвостоватая».

Это была очень яркая комета. Она наблюдалась астрономами съ конца ноября 1664 года болѣе, чѣмъ до половины марта 1665 г. Комета шла попятнымъ движеніемъ, 25-го ноября стар. стиля она была наиболѣе близка къ солнцу и въ первые дни декабря поднималась передъ утренней зарей на востокѣ. Соображая положеніе кометы дня 17-го декабря, можно разсчитать, что въ то время, когда Никонъ выходилъ изъ Успенскаго собора, она должна была стоять уже на юго-западѣ, т.-е. приблизительно въ той сторонѣ отъ соборовъ, гдѣ теперь Каменный мостъ и храмъ Христа Спасителя. Она могла быть только очень низко надъ горизонтомъ.

Можетъ быть, былъ видѣнъ лишь ея хвостъ. Эта комета наблюдалась нѣсколькими астрономами, для нея вычислена довольно хорошо орбита, особенностью которой является очень малое приближеніе къ солнцу. Послѣднее удивительно въ томъ отношеніи, что комета была яркая. Обыкновенно, только тѣ кометы развиваются и обращаютъ на себя вниманіе публики, которыя подходятъ къ солнцу на очень близкое разстояніе.

Въ прибавленіи къ Сводной галицко-русской лѣтописи напечатанной въ «Литер. Сборникѣ» изд. галицко-русской матицею. 1872—1873 гг. подъ годомъ 1678 стоитъ: «Въ томъ году комета великая показалася, т.-е. звѣзда, зимою, съ хвостомъ, а килька недель тревала». Жаль, что время наблюденія кометы указано слишкомъ обще. Вѣроятно, это сентябрьская комета которая шла по созвѣздію Водолея прямымъ движеніемъ. Ея исторія очень интересна. Комета, какъ оказывается, теперь, періодическая съ временемъ обращенія всего въ $5^1/_2$ лѣтъ. Но послѣ появленія въ 1678 году ея не видѣли почти двѣсти лѣтъ. Только въ 1844 году патеръ Де-Вико въ Римѣ нашелъ ее, не предполагая что онъ наблюдаетъ комету, уже ранѣе обращавшую на себя вниманіе астрономовъ. Комету Де-Вико наблюдали хорошо, скоро выяснили, что она идетъ по небольшому эллипсу, и впередъ разсчитали, когда она должна опять вернуться къ солнцу. Но ни въ 1850 году, ни въ какое другое изъ слѣдующихъ возвращеній къ солнцу ея не находили. А въ 1894 американскій астрономъ Свифтъ вновь открываетъ совершенно неожиданно комету, которая оказывается тожественной съ потерянной

кометой Де-Вико и кометой 1678 года. Почему комета наблюдалась только три раза и въ теченіе длинныхъ промежутковъ скрывалась отъ взоровъ наблюдателей даже при спеціальныхъ розыскахъ по вычисленной впередъ таблицѣ ея положеній на небѣ, остается непонятнымъ. Является подозрѣніе, что въ кометѣ происходятъ какіе то внутренніе процесса, вліяющіе на ея яркость. Указаніе лѣтописца, что комета 1678 года была велика и имѣла хвостъ, получаетъ особенное значеніе.

Въ той же галицко-русской лѣтописи, только въ другомъ томѣ «Литературнаго Сборника» именно 1889—1890 гг. находимъ свѣдѣнія о кометѣ 1697 года: «Въ томъ же году въ Москвѣ со страхомъ замѣчали являвшуюся на небѣ комету (звѣзду съ хвостомъ)». Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, ошибочно указанъ годъ. Была комета въ 1698 году въ сентябрѣ. Она находилась въ созвѣздіи Кассіопеи и, слѣдовательно высоко поднималась надъ горизонтомъ Москвы. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего неизвѣстно о внѣшнемъ ея видѣ. По замѣткѣ лѣтописца можно думать, что она была довольно яркая съ хвостомъ; она внушала страхъ народу.

XVII столѣтіемъ я оканчиваю свое сопоставленіе. Не имѣя времени и физической возможности прочитать сплошь всѣ памятники русской исторіи, я, конечно, кое-какіе свидѣтельства пропустилъ. Быть можетъ, кому-нибудь изъ историковъ какъ нибудь случайно попадется описаніе кометы, которое осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Я очень просилъ бы указать его. Но и тѣхъ выписокъ, которыя я сдѣлалъ, надѣюсь, достаточно, чтобы признать наши лѣтописи весьма цѣннымъ источникомъ для исторіи кометъ. Относительно кометъ 1223, 1266, 1382, 1402, 1471—1472, 1584, 1618 и 1678 годовъ онѣ даютъ безусловно интересныя данныя, которыя не отмѣчены западными хрониками. Въ другихъ случаяхъ находимъ подтвержденіе наблюдавшимся также въ другихъ мѣстахъ явленіямъ. Интересны записи о кометахъ и для характеристики лѣтописца, какъ аккуратнаго вдумчиваго наблюдателя, не вполнѣ поглощеннаго предубѣжденіемъ къ кометамъ и интересующагося небесными явленіями непосредственно. Быть можетъ, сопоставленіе записей лѣтописца о кометахъ со свидѣтельствами спеціальныхъ источниковъ пригодится и русскому историку, для разъясненія недоразумѣнія въ хронологіи или происхожденіи памятника.

К. Покровскій.

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Академика **И. П. Бородина.**

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1896 году появилась вторымъ изданіемъ моя популярная книжка, озаглавленная «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» и печатавшаяся отдѣльными статьями въ «Мірѣ Божьемъ», наука, разумѣется, не дремала. Можно даже сказать, что въ той области, которой я посвятилъ названный мною трудъ, наблюдалось особенное оживленіе; и это неудивительно въ виду захватывающаго интереса, представляемаго тайною оплодотворенія во всемъ органическомъ мірѣ. Открытія слѣдовали за открытіями, и открытія настолько важныя, что они смѣло могли претендовать на вниманіе не однихъ только спеціалистовъ, но и всего образованнаго общества; такъ глубоко пытались они проникнуть въ сокровенную суть жизненныхъ явленій. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій уже изложены во второмъ изданіи моего «Курса анатоміи растеній», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1900 году, но отсылать читателя къ руководству, предназначенному для студентовъ, было бы и жестоко, и неостроумно. Къ тому же и упомянутый курсъ успѣлъ уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣть,—такъ быстро развивается наука.

Въ предлагаемыхъ здѣсь очеркахъ я попытаюсь ознакомить любознательнаго читателя въ общедоступномъ изложеніи съ новѣйшими успѣхами ботаники по отношенію къ процессу оплодотворенія; временами, впрочемъ, мнѣ придется вторгаться и въ область зоологіи, въ виду того, что при разработкѣ столь фундаментальнаго для всего органическаго міра процесса, какъ оплодотвореніе, ботаники и зоологи по необходимости работаютъ дружно, зорко слѣдя за всякимъ успѣхомъ сосѣда-біолога.

Разумѣется, я не въ правѣ требовать и даже ожидать, чтобы читатель, прежде чѣмъ приступить къ моимъ очеркамъ, прочиталъ или перечиталъ мой «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ». Зато и онъ да не сѣтуетъ на мѣня за нѣкоторыя неизбѣжныя для

большей ясности повторенія. Никакихъ предварительныхъ глубокихъ знаній въ читателѣ я не предполагаю, но разсчитываю на то, что ему извѣстно общее устройство цвѣтка и что такія слова, какъ тычинка, завязь, клѣточка, протоплазма, ядро и т. п. для него не «звукъ пустой».

Первый очеркъ я посвящаю вопросу о живчикахъ у высшихъ растеній и о любопытнѣйшемъ «двойномъ» оплодотвореніи.

I.

Какъ извѣстно, у всѣхъ такъ называемыхъ высшихъ растеній, имѣющихъ цвѣты, конечною цѣлью цвѣтенія является образованіе сѣмянъ. За крайне рѣдкими исключеніями, о которыхъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, сѣмя является результатомъ полового акта, процесса оплодотворенія, разыгрывающагося въ цвѣткѣ. Зачатки будущихъ сѣмянъ, называемые яичками или сѣмяпочками, можно найти уже во время цвѣтенія, если вскрыть завязь пестика, которая представляетъ собою не что иное, какъ зачатокъ будущаго плода. Но для того, чтобы этотъ зачатокъ, дѣйствительно, превратился въ плодъ, а содержащіяся въ немъ сѣмяпочки въ сѣмена, необходимо участіе особой пыли, развивающейся въ тычинкахъ. Эта пыль—пыльца или цвѣтень—должна попасть на вершину пестика, на его рыльце, и только вслѣдъ за такимъ опыленіемъ разыгрывается, обыкновенно вскорѣ, уже внутри завязи дѣйствительный процессъ оплодотворенія. Такимъ образомъ, всякій цвѣтокъ, не содержащій пестика, а, напр., однѣ только тычинки, какъ это бываетъ у растеній съ такъ называемыми однополыми цвѣтами, или имѣющій пестикъ, но не получившій почему-либо на свое рыльце плодотворной пыли изъ тычинокъ, неминуемо является пустоцвѣтомъ.

Сравнивая эти явленія съ тѣмъ, что извѣстно для животнаго царства, мы не можемъ не придти къ заключенію, что тычинка представляетъ собою мужской, а пестикъ—женскій органъ цвѣтка. Такое заключеніе и было сдѣлано еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія, на основаніи строгихъ опытовъ, Камераріусомъ, истиннымъ творцомъ ученія о полахъ въ растительномъ царствѣ, хотя окончательно утвердилось это ученіе лишь къ половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Дѣло въ томъ, что сороковые годы прошлаго вѣка явились эпохою броженія не только въ политическомъ мірѣ, но и въ нашемъ вопросѣ, съ политикою ничего общаго не имѣющемъ. На основаніи невѣрно истолкованныхъ наблюденій, знаменитый ботаникъ Шлейденъ выступилъ съ революціоннымъ, не долго продержавшимся ученіемъ, извращавшимъ прежнее понятіе о распредѣленіи половъ у растеній; по мнѣнію Шлейдена, оплодотворяющимъ, т.-е. мужскимъ органомъ является будто бы пестикъ, а тычинка служитъ женскимъ, оплодотворяемымъ.

Я не стану снова останавливаться здѣсь подробно на любопытномъ

и въ высшей степени поучительной исторіи занимающаго насъ вопроса, а отошлю читателя къ вышеназванной книгѣ моей. Однако, для правильнаго уразумѣнія того, что сдѣлано въ этой области за послѣднее время, необходимо возстановить въ памяти важнѣйшіе этапы, пройденные наукою послѣ Камераріуса.

Итакъ, уже къ началу XVIII-го столѣтія выяснилась необходимость опыленія рыльца плодотворною пылью изъ тычинокъ, для того, чтобы цвѣтокъ могъ достигнуть своего назначенія и образовать плодъ съ заключенными въ немъ сѣменами. Но какъ и на что собственно дѣйствуетъ пыльца? Въ этомъ отношеніи XVIII-е столѣтіе не дало намъ ничего и только въ началѣ XIX-го итальянскій ученый Амичи открываетъ такъ называемыя пыльцевыя трубочки. Пылинка, попавъ на рыльце, не лопается тамъ, выпуская какое-то гипотетическое оплодотворяющее вещество, какъ представляли себѣ дѣло до Амичи, а развиваетъ нѣжную трубочку, на манеръ того, какъ пускаетъ ростокъ грибная спора. и эта пыльцевая трубочка, возрастая своимъ концомъ, проникаетъ чрезъ нерѣдко длинный столбикъ, на которомъ сидитъ рыльце, во внутренность завязи; мало того, конецъ этой трубочки забирается въ самую сѣмяпочку, пользуясь для этого особымъ, имѣющимся въ сѣмяпочкѣ каналомъ, носящимъ названіе сѣмявхода. Оплодотвореніе, слѣдовательно, произойдетъ внутри сѣмяпочки. Это былъ, безъ сомнѣнія, огромный шагъ впередъ. Весь интересъ переносился съ рыльца, куда первоначально попадаетъ пылинка, на внутренность сѣмяпочки, гдѣ продуктъ пылинки—пыльцевая трубочка, наконецъ, оказываетъ свое воздѣйствіе. Предстояло рѣшить, на что, собственно, она тамъ дѣйствуетъ и чѣмъ именно дѣйствуетъ. Эти два вопроса и составили предметъ тщательныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи и къ началу XX-го мы получили на нихъ вполнѣ опредѣленные отвѣты. Сначала удалось рѣшить, что́ подвергается оплодотворенію, а затѣмъ уже, значительно позже, чѣмъ производится оплодотвореніе.

Будущее сѣмя уже въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ завязи во время цвѣтенія, т.-е. въ видѣ ожидающей оплодотворенія сѣмяпочки, оказывается имѣющимъ весьма сложное строеніе. Мы уже упоминали о сѣмявходѣ, которымъ пользуется пыльцевая трубочка, чтобы проникнуть внутрь сѣмяпочки. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, отмѣтимъ, что уже первымъ микроскопистамъ бросилась въ глаза большая полость во внутренности сѣмяпочки. Полость эта получила характерное и вполнѣ правильное названіе зародышнаго мѣшка, такъ какъ самая важная часть всякаго сѣмени—его зародышъ, т.-е. зачатокъ новаго растенія, возникаетъ (послѣ оплодотворенія) внутри этой полости. Не удивительно, что на зародышномъ мѣшкѣ сосредоточивается главнѣйшій интересъ, связанный съ изученіемъ сѣмяпочки,—все остальное въ ней, нѣкоторымъ образомъ, только аксессуары. Въ

сущности, этотъ зародышный мѣшокъ не что другое, какъ очень крупная клѣточка среди другихъ, несравненно болѣе мелкихъ. Какимъ путемъ она возникла въ сѣмяпочкѣ это вопросъ, очень любопытный, но прямо къ дѣлу не относящійся, и мы его минуемъ. Долгое время думали, что въ этомъ зародышномъ мѣшкѣ до оплодотворенія ничего особенно замѣчательнаго не содержится, а есть лишь то, чему полагается быть въ каждой клѣточкѣ, пока она жива,—есть протоплазма, клѣточное ядро да водянистый клѣточный сокъ. Вотъ при такомъ-то состояніи нашихъ свѣдѣній о природѣ зародышнаго мѣшка и могла возникнуть упомянутая выше странная теорія Шлейдена, объявлявшая мужскимъ то, что считалось до тѣхъ поръ женскимъ, и наоборотъ. Шлейденъ утверждалъ, что конецъ пыльцевой трубочки, вонзившись въ зародышный мѣшокъ, самъ превращается въ новое растеніе, образуя зародышъ сѣмени. Въ такомъ случаѣ, конечно, роль сѣмяпочки сводилась къ простому возбужденію развитія въ пыльцевой трубочкѣ и послѣднюю приходилось разсматривать, какъ материнскій, женскій организмъ.

Но вотъ въ 1843 году тотъ же Амичи, которому мы обязаны открытіемъ пыльцевыхъ трубочекъ, выступаетъ съ новымъ блестящимъ открытіемъ, имѣвшимъ огромныя послѣдствія. Внутри зародышнаго мѣшка, именно въ томъ концѣ ея, который обращенъ къ сѣмявходу, слѣдовательно, какъ разъ тамъ, откуда подойдетъ къ зародышному мѣшку вторгнувшаяся въ сѣмяпочку пыльцевая трубочка, уже до оплодотворенія находятся двѣ маленькія, голыя, т.-е. лишенныя оболочки, крайне нѣжныя, легко расплывающіяся при малѣйшемъ поврежденіи и потому ускользнувшія отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей—клѣточки. Амичи назвалъ ихъ зародышными пузырьками и утверждалъ, что пыльцевая трубочка своимъ прикосновеніемъ оплодотворяетъ ихъ, послѣ чего одинъ изъ (равноправныхъ) зародышныхъ пузырьковъ и начинаетъ разростаться въ зародышъ. Положимъ, что Амичи, какъ выяснилось значительно позже, изъ изслѣдованій Страсбургера, несомнѣнно навѣянныхъ пребываніемъ его въ Петербургѣ и знакомствомъ съ безвременно погибшимъ, талантливымъ и симпатичнѣйшимъ русскимъ ботаникомъ—Розановымъ, нѣсколько ошибся, но ошибся въ подробностяхъ. Теперь мы знаемъ, что на указанномъ Амичи мѣстѣ въ зародышномъ мѣшкѣ находятся не двѣ, а три клѣточки, и знаемъ, что онѣ неравноправны: изъ этихъ трехъ клѣточекъ только одна подвергается оплодотворенію и даетъ начало зародышу, прочія же двѣ клѣточки играютъ какую-то второстепенную, окончательно еще не выясненную роль, содѣйствуя оплодотворенію третьей. Эта послѣдняя, наиболѣе важная клѣточка, соотвѣтствующая животному яйцу, получила названіе яйцеклѣточки или даже, просто, яйца, а прочія двѣ довольствуются пока смутнымъ названіемъ вспомогательныхъ клѣточекъ. Но все же это только подробности, хотя и очень интересныя. Суть же

дѣла раскрыта была Амичи. Онъ первый указалъ намъ на существованіе въ зародышномъ мѣшкѣ такой клѣточки, которая подвергается оплодотворенію и даетъ начало зародышу, т.-е. новому экземпляру того же растительнато вида.

Открытіе зародышныхъ пузырьковъ нанесло смертельный ударъ теоріи Шлейдена. Приверженцы послѣдней пробовали нѣкоторое время, не отрицая существованія названныхъ клѣточекъ въ зародышномъ мѣшкѣ, отрицать, однако, всякое отношеніе ихъ къ будущему зародышу, но должны были вскорѣ сложить оружіе. Пыльцевая трубочка оказалась попрежнему органомъ оплодотворяющимъ, тычинка, слѣдовательно, мужскимъ, а пестикъ—женскимъ органомъ растенія.

Такимъ образомъ, благодаря Амичи, найденъ былъ, наконецъ, у высшихъ растеній тотъ зачатокъ, изъ котораго возникаетъ новый организмъ, настоящее яйцо, вполнѣ соотвѣтствующее яйцу въ животномъ царствѣ. Это настоящая клѣточка, правда, безъ оболочки, но съ протоплазмою и клѣточнымъ ядромъ. Оставалось выяснить, въ чемъ заключается таинственное воздѣйствіе на нее пыльцевой трубочки.

Къ тому времени, когда окончательно было установлено существованіе яйцеклѣточки въ зародышномъ мѣшкѣ у высшихъ растеній, т.-е. къ половинѣ XIX-го столѣтія, накопились любопытнѣйшія данныя касательно того, какъ совершается процессъ оплодотворенія у растеній, не имѣющихъ цвѣтовъ и не дающихъ сѣмянъ. Это тѣ растенія, которыя мы съ полнымъ основаніемъ называемъ низшими или, иначе, споровыми растеніями, такъ какъ вмѣсто сѣмянъ они даютъ мелкія крупинки—споры, лишенныя всякаго зародыша и обыкновенно представляющія простыя клѣточки. Таковы грибы, водоросли, мхи, хвощи, папоротники, плауны. За исключеніемъ большинства грибовъ и нѣкоторыхъ водорослей, всѣ эти растенія обнаруживаютъ рѣзко выраженныя половыя явленія, имѣютъ настоящій процессъ оплодотворенія. Внутри женскаго органа ихъ, который у водорослей называется оогоніемъ, а у всѣхъ прочихъ архегоніемъ, лежитъ почти всегда одна (только у водорослей бываетъ ихъ и нѣсколько) голая клѣточка, состоящая изъ протоплазмы и клѣточнаго ядра; это яйцеклѣточка или, короче, яйцо, подлежащее оплодотворенію. Какъ же оно оплодотворяется? Мужской органъ у всѣхъ споровыхъ растеній одинаково носитъ названіе антеридія. Это мѣшокъ, который, созрѣвъ, лопается и выпускаетъ изъ себя мелкія тѣльца, движущіяся въ водѣ при помощи особыхъ рѣсничекъ—знаменитые живчики или сперматозоиды. Смотря по растенію, антеридій производитъ живчиковъ то тысячами, какъ у мховъ, то десятками какъ у папоротниковъ, а не то и еще меньше, вплоть до парочки. Каждый живчикъ представляетъ, въ сущности, подобно яйцу, тоже голую клѣточку, но гораздо меньшихъ размѣровъ, нежели яйцо, причемъ главную массу его составляетъ клѣточное ядро. Благодаря своей подвижности, живчикъ забирается во внутрь женскаго органа, пользуясь обра-

зовавшимся въ немъ отверстіемъ или каналомъ, прикасается къ яйцу и... сливается съ нимъ, причемъ, какъ выяснилось въ послѣднее время, клѣточное ядро живчика сливается съ клѣточнымъ ядромъ яйца. Почти всегда это сліяніе живчика съ яйцомъ происходитъ внутри женскаго органа и только у нѣкоторыхъ морскихъ водорослей зрѣлыя яйца выбрасываются изъ оогонія, подобно живчикамъ, и процессъ оплодотворенія разыгрывается внѣ материнскаго организма—въ окружающей водѣ. Такимъ образомъ, у споровыхъ растеній процессъ оплодотворенія состоитъ въ сліяніи двухъ клѣточекъ—сравнительно крупнаго, неподвижнаго яйца съ гораздо болѣе мелкимъ, но подвижнымъ живчикомъ. А это, ви дать, ни взять, тоже самое, что и въ животномъ царствѣ—тѣ же яйца, тѣ же живчики, то же сліяніе ихъ между собою, сопровождающееся и тамъ сліяніемъ двухъ клѣточныхъ ядеръ.

Возвратимся теперь къ высшимъ растеніямъ. Долгое время не могли найти у нихъ ничего, что соотвѣтствовало бы живчикамъ животныхъ и низшихъ растеній. Ни въ пылинкѣ, ни въ пыльцевой трубочкѣ не обнаруживалось, повидимому, ничего замѣчательнаго. Конецъ пыльцевой трубочки, вонзившись въ сѣмяпочку, правда, плотно прикладывается къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка, обыкновенно какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совнутри прикрѣпленъ половой снарядъ, т.-е. группа изъ трехъ мелкихъ клѣточекъ—яйцо и двѣ вспомогательныя клѣточки, но только прикладывается и этого, какъ будто, совершенно достаточно, чтобы побудить яйцо къ развитію въ зародышъ. Такимъ образомъ пришлось, скрѣпя сердце признать, что высшія растенія по отношенію къ процессу оплодотворенія построены по особому плану: у нихъ яйцо не нуждается въ матеріальномъ воспріятіи оплодотворяющаго элемента, въ сліяніи съ нимъ, а довольствуется простымъ прикосновеніемъ. Но такой дуализмъ рѣшительно не удовлетворялъ мыслящаго ума. Возможное ли дѣло, чтобы въ такомъ фундаментальномъ процессѣ, какъ оплодотвореніе, въ которомъ водоросль не отличается отъ окуня, а папоротникъ отъ собаки, всѣ высшія растенія вели бы свою особую линію? И весь ученый міръ вздохнулъ свободнѣе, когда конецъ девятнадцатаго вѣка блестяще уничтожилъ прискорбный дуализмъ и установилъ на его развалинахъ желанную гармонію: нѣтъ, простого прикосновенія недостаточно,—необходимо матеріальное сліяніе и пыльцевая трубочка доставляетъ яйцу не какую-нибудь гипотетическую оплодотворяющую жидкость, а оформленный элементъ, вполнѣ соотвѣтствующій живчику.

Собственно говоря, еще въ 1866 году знаменитый лѣсоводъ и весьма выдающійся ботаникъ, Теодоръ Гартигъ *) замѣтилъ, что внутри

*) Сынъ его, Робертъ Гартигъ, недавно скончавшійся мюнхенскій профессоръ, блестяще поддержалъ славу своего отца на обоихъ родственныхъ поприщахъ—ботаники и лѣсоводства.

пылинки творится что-то неладное: вмѣсто одного ядра, которому полагается быть въ каждой порядочной клѣткѣ, въ зрѣлой пылинкѣ ихъ постоянно оказывается почему-то два, да еще часто неодинаковой формы. Это интереснѣйшее наблюденіе прошло однако въ свое время совершенно незамѣченнымъ, подобно многимъ другимъ открытіямъ Гартига. Присяжные ботаники всегда смотрѣли на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на лѣсовода, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ на особомъ своемъ языкѣ, упорно до старости употребляя свои собственные, наукою не принятые термины. Лишь много лѣтъ спустя вспомнили объ этихъ наблюденіяхъ Гартига, дававшихъ ключъ къ разъясненію крайне важнаго вопроса. Въ восьмидесятыхъ годахъ, благодаря въ особенности изслѣдованіямъ Страсбургера и Бѣляева, мы нѣсколько разобрались во внутренности пылинки и... нашли давно искомое, т.-е. оформленные оплодотворяющіе элементы. Пылинка оказалась какъ бы особаго рода антеридіемъ, производящимъ парочку, положимъ, не настоящихъ живчиковъ, но все же очень съ ними сходныхъ, хотя и неподвижныхъ клѣточекъ, при половомъ актѣ играющихъ ту же роль, какъ и живчики споровыхъ растеній и животныхъ организмовъ. То второе ядро, которое было замѣчено въ пылинкѣ Гартигомъ, оказалось, въ сущности, цѣлою клѣточкою, которая впослѣдствіи распадается дѣленіемъ на двѣ равноправныя клѣточки; онѣ-то и представляютъ самое существенное въ пылинкѣ. По мѣрѣ развитія пыльцевой трубочки эта парочка клѣточекъ, называемыхъ генеративными, выносится изъ пылинки и бережно доводится до мѣста назначенія. Послѣ того какъ конецъ пыльцевой трубочки упрется въ зародышный мѣшокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ знакомый намъ половой снарядъ, генеративныя клѣточки протискиваются *) сквозь размягченную оболочку зародышнаго мѣшка и... одна изъ генеративныхъ клѣточекъ попадаетъ въ яйцеклѣточку, причемъ происходитъ сліяніе ихъ ядеръ: въ этомъ и состоитъ оплодотвореніе,—генеративная клѣточка сыграла роль живчика!

Итакъ, оплодотворяющіе элементы были найдены, наконецъ, и у высшихъ растеній. То обстоятельство, что они оказались лишенными рѣсничекъ и неподвижными, слѣдовательно, не могли быть названы живчиками, не должно было представляться особенно страннымъ. Для чего имъ, въ сущности, двигаться? У низшихъ растеній—другое дѣло! Тамъ антеридій лопается и безъ церемоніи выбрасываетъ оплодотворяющіе элементы, предоставляя имъ самимъ искать дорогу къ подлежащему оплодотворенію яйцу. Но высшія растенія выработали себѣ особый, очевидно, болѣе цѣлесообразный пріемъ: развивая изъ пы-

*) Выскользаніе генеративной клѣточки изъ конца пыльцевой трубочки было впервые подмѣчено московскимъ профессоромъ Горожанкинымъ у сосны, а затѣмъ уже это открытіе подхватилъ и обобщилъ Страсбургеръ.

линки пыльцевую трубочку, они посредствомъ этой трубочки доставляютъ свои оплодотворяющіе элементы на самое мѣсто ихъ дѣйствія.

Указанное различіе между низшими и высшими растеніями отразилось даже на систематикѣ. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей послѣдней, берлинскій профессоръ Энглеръ, безъ особой, надо сознаться, надобности, предложилъ замѣнить общеупотребительные термины споровыя и сѣмянныя растенія новыми, заимствованными отъ способа оплодотворенія тѣхъ и другихъ. Споровыя растенія онъ называетъ зоидіогамными, сѣмянныя — сифоногамными; первыя оплодотворяются зоидіями, т.-е. подвижными, на манеръ животныхъ, элементами, а вторыя—сифономъ, т.-е. трубкою. Новшество это представлялось уже въ то время не только излишнимъ, но и плохо обоснованнымъ. Дѣло въ томъ, что сифонъ или трубочка (рѣчь идетъ, конечно, о пыльцевой трубочкѣ) отнюдь не соотвѣтствуетъ зоидіямъ. Если можно сказать о споровыхъ, что у нихъ оплодотвореніе производится зоидіями, то нельзя сказать: а у сѣмянныхъ—сифономъ. Зоидіямъ соотвѣтствуютъ, какъ мы видѣли, тѣ генеративныя клѣточки, которыя скрыты въ пылинкѣ и доставляются сифономъ; оплодотвореніе производится, слѣдовательно, не пыльцевою трубочкою, а лишь при ея посредствѣ. Такимъ образомъ уже логически нововведеніе Энглера представлялось плохо обоснованнымъ; дальнѣйшее же развитіе науки нанесло ему смертельный ударъ.

Въ 1897 году, какъ громомъ, поразило ученый міръ извѣстіе, что японцамъ, только что выступившимъ на научное поприще, удалось открыть несомнѣнные живчики у двухъ высшихъ растеній изъ числа такъ называемыхъ голосѣмянныхъ, общеизвѣстнымъ типомъ которыхъ служатъ наши хвойныя деревья. Икено и Хиразе! Навѣкъ прославлены въ наукѣ ваши имена и страна восходящаго солнца, васъ породившая! Икено открылъ живчики у саговника—Cycas revoluta, а Хиразе—у японскаго хвойнаго Ginkgo biloba. Первое растеніе, хотя тропическое, знакомо каждому, такъ какъ его листъ подъ неправильнымъ названіемъ пальмовой вѣтви часто фигурируетъ на похоронахъ, а Ginkgo совершенно исключительное, когда-то широко распространенное, нынѣ вымирающее растеніе съ характерными широкими, длинно стебельчатыми листьями, ничуть не напоминающими иглы нашихъ хвойныхъ породъ. Почти одновременно съ японцами американскій ботаникъ Уэбберъ также открылъ живчики и тоже у саговника, но изъ другого рода—Zamia. Появившіяся въ 1898 году вслѣдъ за краткими предварительными сообщеніями подробныя, снабженныя рисунками, работы трехъ названныхъ ученыхъ не оставили и тѣни сомнѣнія въ реальности ихъ блестящихъ открытій. Живчики были налицо, да еще какіе живчики! Это не тѣ обычныя, мизерныя по своимъ размѣрамъ, подвижныя тѣльца, которыя замѣтны лишь при сильномъ увеличеніи микроскопа. Нѣтъ, это въ своемъ родѣ колоссы, которымъ позавидо-

валъ бы слонъ. Ужъ японскіе живчики поражали своими размѣрами, но Америка побила и этотъ рекордъ. Шутка сказать,—живчикъ Zamia имѣетъ болѣе полумиллиметра въ діаметрѣ, а потому совершенно отчетливо замѣтенъ простымъ глазомъ. Если представить себѣ крупнѣйшее яблоко съ заключенными въ немъ сѣменами, то по относительнымъ размѣрамъ можно уподобить все яблоко живчику Zamia, а отдѣльное сѣмя—живчику обычнаго типа, напримѣръ живчику папоротника. Эти гигантскіе живчики развиваются у всѣхъ трехъ названныхъ растеній внутри пыльцевой трубочки въ числѣ двухъ, совершенно подобно генеративнымъ клѣточкамъ высшихъ растеній. Они обильно снабжены рѣсничками, которыя опоясываютъ ихъ неуклюжее тѣло цѣлыми кольцами или спиральными линіями,—такую махину не легко сдвинуть съ мѣста. А что они движутся, не подлежитъ сомнѣнію, — Уэбберъ непосредственно видѣлъ это движеніе. Къ тому же имъ и есть, гдѣ двигаться. У всѣхъ растеній, о которыхъ идетъ рѣчь, передъ подлежащими оплодотворенію женскими органами яичка (у голосѣмянныхъ растеній яичко построено по особому типу, на которомъ мы не станемъ останавливаться) находится особая полость, занятая водянистымъ сокомъ. Дойдя до этой полости пыльцевая трубочка лопается и выбрасываетъ свою парочку живчиковъ, предоставляя имъ воспользоваться своими рѣсничками, чтобы проплыть ничтожное пространство, отдѣляющее ихъ отъ цѣли.

Такимъ образомъ, названныя три растенія оказываются въ одно и то же время зоидіогамными, по Энглеру, такъ какъ оплодотворяются живчиками, и сифоногамными, такъ какъ имѣютъ пыльцевую трубочку. Несостоятельность предложенныхъ Энглеромъ названій становится очевидною.

Cycas, Zamia и Ginkgo принадлежатъ, какъ уже сказано выше, къ группѣ голосѣмянныхъ растеній, а эта группа занимаетъ въ растительномъ царствѣ совершенно исключительное положеніе, являясь какъ бы переходною отъ споровыхъ къ сѣмяннымъ. Голосѣмянныя, въ сущности, высшія растенія, такъ какъ цвѣтутъ и даютъ сѣмена, но у нихъ еще нѣтъ пестика, слѣдовательно нѣтъ ни рыльца, ни завязи, а потому они не даютъ и плодовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: у нихъ получаются лишь голыя сѣмена, то буквально голыя, какъ у названныхъ трехъ растеній, то, какъ въ шишкахъ нашихъ хвойныхъ, прикрытыя особыми чешуями, но только прикрытыя, а не замкнутыя со всѣхъ сторонъ въ томъ вмѣстилищѣ, которое, развиваясь изъ завязи, дастъ то, что мы называемъ плодомъ. Въ процессѣ оплодотворенія голосѣмянныхъ растеній наблюдаются замѣчательныя особенности, которыя становятся понятными лишь при сравненіи ихъ съ тѣмъ, что происходитъ у самыхъ высшихъ представителей споровыхъ растеній. Тѣсная связь, соединяющая послѣднихъ съ голосѣмянными, была раскрыта еще въ половинѣ прошлаго столѣтія изслѣдованіями и геніаль-

ными теоретическими соображеніями Гофмейстера. Между голосѣмянными всего ниже стоятъ саговники, къ которымъ относятся Cycas и Zamia. Хвойныя уже нѣсколько выше ихъ, т.-е. ушли нѣсколько дальше отъ папоротниковъ и т. п., но между хвойными опять-таки Ginkgo занимаетъ особенно низкое мѣсто. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ три высшихъ растенія, у которыхъ до сихъ поръ найдены живчики, стоятъ особенно низко, всѣ они, такъ сказать, между высшими низшія. Вотъ почему было бы нѣсколько поспѣшно изъ факта нахожденія настоящихъ подвижныхъ живчиковъ у названныхъ растеній заключать, что генеративныя клѣточки и другихъ высшихъ растеній не только соотвѣтствуютъ, но суть настоящіе живчики. Вполнѣ возможно, напротивъ, что подвижность оплодотворяющихъ элементовъ сохранилась лишь у низшихъ представителей сѣмянныхъ растеній, всего ближе стоящихъ къ высшимъ споровымъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ японскихъ открытій, ученые стали подозрительно смотрѣть и на генеративныя клѣточки настоящихъ высшихъ растеній, а нѣкоторые, болѣе храбрые, даже прямо называютъ ихъ живчиками. Когда внутри пыльцевой трубочки, напримѣръ, грецкаго орѣшника, формируется парочка оплодотворяющихъ элементовъ, то, по наблюденіямъ Навашина, получается картина, поразительно напоминающая возникновеніе парочки живчиковъ въ антеридіяхъ высшихъ споровыхъ растеній, а когда генеративныя клѣточки проникнутъ изъ пыльцевой трубочки въ зародышный мѣшокъ, то онѣ нерѣдко принимаютъ такую характерную форму штопорообразно изогнутыхъ червячковъ, что она невольно воскрешаетъ въ памяти картину многихъ несомнѣнныхъ живчиковъ. На бѣду, крайне трудно будетъ окончательно разобраться въ этомъ вопросѣ и рѣшить, обладаютъ ли настоящею подвижностью оплодотворяющіе элементы у всѣхъ высшихъ растеній или только у низшихъ представителей ихъ. Главныя затрудненія создаетъ не столько ихъ мелкость, сколько то обстоятельство, что мы пока не умѣемъ наблюдать ихъ живьемъ, а изучаемъ ихъ на препаратахъ, обработанныхъ для большей ясности различными реактивами, слѣдовательно, видимъ лишь ихъ трупы. Но не нужно отчаяваться. Наука «на выдумки хитра», и вполнѣ вѣроятно, что намъ еще удастся современемъ заставить оплодотворяющіе элементы высшихъ растеній на нашихъ глазахъ выскакивать изъ пыльцевой трубочки не въ зародышный мѣшокъ, а въ искусственно для нихъ приготовленную жидкость, гдѣ имъ представится удобный случай доказать намъ свою прыткость, буде таковая имъ свойственна. Ну, а пока они остаются лишь... въ сильномъ подозрѣніи.

Мы видѣли, что пыльцевая трубочка несетъ къ зародышному мѣшку всегда парочку оплодотворяющихъ элементовъ. Для чего же ихъ два, когда въ зародышномъ мѣшкѣ имѣется всего одна яйцеклѣточка? Для ея оплодотворенія не только вполнѣ достаточно одного,

но еще абсолютно желательно, чтобы въ нее не попалъ и другой оплодотворяющій элементъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, если въ яйцо забирается не одинъ, а нѣсколько живчиковъ, то ничего путнаго изъ этого не выходитъ, и при нормальныхъ условіяхъ животное яйцо отлично умѣетъ, воспринявъ одинъ живчикъ, тотчасъ преградить дорогу прочимъ путемъ выдѣленія на своей поверхности твердой перепонки. Такъ зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, эта парочка оплодотворяющихъ элементовъ, вносимая въ сѣмяпочку пыльцевою трубочкою? Про запасъ, что ли? Не тотъ, такъ другой?

Вотъ тутъ-то и начинается одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ современной научной разработкѣ занимающихъ насъ вопросовъ оплодотворенія. Если японцы поразили западно-европейцевъ блестящимъ открытіемъ живчиковъ у голосѣмянныхъ растеній, то едва ли не еще сильнѣе удивлена была Европа, когда мы, русскіе, въ лицѣ кіевскаго профессора Навашина, преподнесли ей столь же неожиданное, сколько чреватое послѣдствіями открытіе... двойного оплодотворенія. Еще разъ свѣтъ шелъ съ Востока!

Для того, чтобы понять суть и смыслъ открытія Навашина, намъ приходится, однако, сдѣлать нѣкоторое отступленіе и познакомиться сначала съ тѣми сложными процессами развитія, ареною которыхъ является зародышный мѣшокъ какъ до, такъ и послѣ совершающагося въ немъ оплодотворенія. Необходимо имѣть въ виду, что все сказанное далѣе будетъ относиться лишь къ настоящимъ высшимъ растеніямъ (однодольнымъ и двудольнымъ), голосѣмянныя же здѣсь въ счетъ не идутъ и мы о нихъ теперь позабудемъ; они ведутъ свою линію.

Зародышный мѣшокъ, будучи клѣточкой, вначалѣ содержитъ, какъ обыкновенно, лишь одно клѣточное ядро. Но вотъ въ немъ начинаются подготовительные процессы къ образованію полового снаряда, раскрытые намъ замѣчательными изслѣдованіями Страсбургера. Клѣточное ядро мѣшка дѣлится надвое тѣмъ сложнымъ процессомъ, который получилъ названіе каріокинеза и доставилъ и продолжаетъ доставлять столько пищи для изслѣдованій какъ ботаникамъ, такъ и зоологамъ. Вмѣсто одного ядра получаются два и они направляются къ противоположнымъ концамъ обыкновенно продолговатаго зародышнаго мѣшка. Вскорѣ каждое изъ этихъ ядеръ повторяетъ тотъ же процессъ каріокинеза, такъ что ядеръ уже четыре, а затѣмъ, вслѣдствіе новаго повторенія дѣленія, ихъ оказывается уже восемь: изъ нихъ четыре лежатъ въ одномъ концѣ мѣшка, четыре въ другомъ. Пока это только ядра, а клѣточка одна, общая всѣмъ—зародышный мѣшокъ. Но затѣмъ происходитъ образованіе и клѣточекъ: вокругъ ядеръ скопляется и обособляется протоплазма. Однако, вмѣсто восьми клѣточекъ, получается, почему-то, всего шесть. Въ каждомъ концѣ зародышнаго мѣшка только три ядра сгущаютъ вокругъ себя протоплазму и превраща-

ются въ голыя клѣточки, четвертое же ядро такъ ядромъ и остается. Значитъ, мы имѣемъ теперь въ зародышномъ мѣшкѣ шесть клѣточекъ и два свободныхъ ядра, которыя называютъ полярными, такъ какъ они лежатъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ зародышнаго мѣшка. Эти два «полярныхъ» ядра, оставшихся не у дѣлъ, направляются другъ къ другу и часто, хотя и не всегда, сливаются въ одно. Въ конечномъ результатѣ, слѣдовательно, оказывается, въ одномъ концѣ мѣшка группа изъ трехъ клѣточекъ, и въ другомъ концѣ такая же тройка, а въ срединѣ зародышнаго мѣшка лежитъ клѣточное ядро (иногда два), и можно подумать, что это то самое ядро, которое имѣлось въ мѣшкѣ уже въ ранней молодости, а шесть клѣточекъ сформировались сами собою, независимо отъ него. Все описанное совершается еще до оплодотворенія. Три голыя клѣточки, занимающія тотъ конецъ, къ которому должна проникнуть пыльцевая трубочка, представляютъ собственно половой снарядъ: одна изъ нихъ есть яйцеклѣточка, а прочія двѣ— вспомогательныя. Что же касается трехъ клѣточекъ, занимающихъ противоположный, удаленный отъ сѣмявхода конецъ мѣшка, то онѣ получили названіе антиподъ, но значеніе ихъ и до сихъ поръ остается неяснымъ. Таково строеніе зародышнаго мѣшка, когда онъ готовъ къ оплодотворенію.

Давно уже установлено было, что послѣ оплодотворенія внутри зародышнаго мѣшка совершаются процессы двоякаго рода. Съ одной стороны, оплодотворенная яйцеклѣточка начинаетъ, или тотчасъ же, или по прошествіи нѣкотораго періода покоя, разростаться и дѣлиться для образованія зародыша, т.-е. новаго растеньица, составляющаго важнѣйшую часть всякаго сѣмени; зародышъ этотъ обыкновенно подвѣшенъ внутри зародышнаго мѣшка на особой нити, которую можно сравнить съ пуповиною высшихъ животныхъ. Но, кромѣ того, въ зародышномъ мѣшкѣ наступаетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ еще другой процессъ: начинается образованіе эндосперма или бѣлка. Давно укоренившееся русское названіе «бѣлка» выбрано было, къ сожалѣнію, крайне неудачно и испортило много крови россійскому учащемуся юношеству, вслѣдствіе постояннаго смѣшенія этого «бѣлка» сѣмянъ, представляющаго понятіе анатомическое, съ «бѣлкомъ» въ смыслѣ химическомъ, т.-е. съ бѣлковымъ веществомъ *). Другія націи счастливо избѣжали путаницы, употребляя терминъ «эндоспермъ». Этотъ несчастный бѣлокъ или эндоспермъ вовсе не вещество, а, какъ выражаются анатомы, ткань, т.-е. скопленіе клѣточекъ. Въ зародыш-

*) Я никогда не забуду научнаго доклада нѣкоего химика въ ботаническомъ обществѣ, сообщившаго намъ, что ему при анализѣ сѣмянъ одного растенія удалось найти „бѣлокъ“, хотя ботаники утверждаютъ, что у этого растенія сѣмена „безбѣлковыя“. Открытіе изумительное, если вспомнить, что безъ такого „бѣлка“, какой разумѣлъ нашъ химикъ, немыслима ни единая клѣточка, растительная или животная, безразлично.

номъ мѣшкѣ, помимо зародыша, возникаютъ новыя клѣточки, нерѣдко совершенно выполняющія его и среди этой ткани, какъ бы протискиваясь между ея клѣточками, раздвигая, а не то и пожирая ихъ, приходится развиваться зародышу. Дальнѣйшая судьба этой ткани, равно какъ степень ея развитія крайне различна, смотря по растенію. Въ однихъ случаяхъ она беретъ перевѣсъ надъ зародышемъ и большая часть сѣмени оказывается составленною изъ этой бѣлковой ткани, какъ, напримѣръ, въ зернахъ пшеницы, кукурузы и другихъ злаковъ, гдѣ зародышъ образуетъ лишь ничтожную по объему часть зерна; въ такомъ случаѣ питательныя вещества, необходимыя для дальнѣйшаго развитія зародыша при проростаніи, скопляются въ клѣткахъ этого «бѣлка» и вотъ такія сѣмена и получаютъ названіе «бѣлковыхъ». У другихъ же растеній, напротивъ, зародышъ беретъ перевѣсъ надъ бѣлкомъ и, разростаясь внутри зародышнаго мѣшка, совершенно вытѣсняетъ клѣтки бѣлка; какъ бы не допуская надъ собою никакой опеки, онъ самъ забираетъ все питательное вещество и тогда получается сѣмя, называемое «безбѣлковымъ». Примѣромъ сѣмянъ этого типа могутъ служить горохъ, бобы, миндаль и пр., гдѣ зародышъ составляетъ все сѣмя, если не считать облекающей его кожуры. Изъ сказаннаго видно, что даже въ тѣхъ сѣменахъ, которыя такъ неудачно называютъ безбѣлковыми, ткань бѣлка все же существуетъ при началѣ образованія сѣмени. Какова бы ни была дальнѣйшая судьба этихъ бѣлковыхъ клѣточекъ, онѣ всегда обязаны своимъ возникновеніемъ ядру зародышнаго мѣшка, тому самому ядру, которое, какъ мы видѣли, получилось путемъ сліянія двухъ оставшихся не у дѣлъ «полярныхъ» ядеръ. Это ядро послѣ оплодотворенія начинаетъ дѣлиться и является родоначальникомъ всѣхъ ядеръ въ клѣткахъ развивающагося эндосперма или бѣлка.

Вотъ теперь намъ станетъ понятно блестящее открытіе Навашина. Мы видѣли, что пыльцевая трубочка вноситъ въ зародышный мѣшокъ два оплодотворяющихъ элемента: одинъ изъ нихъ служитъ для оплодотворенія яйцеклѣточки. Ну, а второй? А второй сливается съ ядромъ зародышнаго мѣшка, побуждая его къ дальнѣйшему развитію. Такимъ образомъ въ зародышномъ мѣшкѣ совершается «двойное» оплодотвореніе—яйца и самаго мѣшка въ лицѣ его клѣточнаго ядра; результатомъ одного является развитіе зародыша, результатомъ другого развитіе такъ называемаго бѣлка. Такъ вотъ почему ткань бѣлка начинаетъ развиваться въ зародышномъ мѣшкѣ лишь послѣ оплодотворенія: это не косвенное слѣдствіе совершившагося оплодотворенія яйца, а результатъ непосредственнаго воздѣйствія одного изъ оплодотворяющихъ элементовъ на ядро зародышнаго мѣшка.

Весьма характерно и въ высокой степени поучительно, что открытіе Навашина было сдѣлано на растеніяхъ лилейныхъ (Lilium и Fritillaria); поучительно потому, что какъ разъ эти растенія, по нѣкоторымъ при-

чинамъ, особенно часто изслѣдовались по отношенію къ процессу ихъ оплодотворенія и сдѣлались, такъ сказать, классическими объектами въ этой сферѣ. Извѣстный французскій ботаникъ Гиньяръ за нѣсколько лѣтъ до работы Навашина напечаталъ обширное, произведшее значительное впечатлѣніе на ученый міръ изслѣдованіе полового процесса у этихъ самыхъ лилейныхъ. И вотъ, оказывается, что Гиньяръ видѣлъ и даже изобразилъ то, чего, какъ кажется, въ дѣйствительности не существуетъ (знаменитыя центрозомы), а слона то и не замѣтилъ. Не удивительно, что сообщеніе Навашина задѣло Гиньяра за живое и что пять мѣсяцевъ спустя послѣ краткаго предварительнаго сообщенія нашего русскаго ученаго появилась подробная, иллюстрированная рисунками, работа Гиньяра, вполнѣ подтверждавшая на тѣхъ же объектахъ результаты, полученные Навашинымъ. Да, воистину одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ—умѣнье видѣть существующее, способность снять съ себя очки, втираемые намъ воспитаніемъ, образованіемъ и даже... наукою.

Впечатлѣніе, произведенное разоблаченіемъ двойного оплодотворенія, было громадно. Со всѣхъ сторонъ принялись за провѣрку и дальнѣйшую разработку этого явленія. Можно сказать, что въ послѣдніе годы наука, между прочимъ, пережевываетъ на всѣ лады открытіе Навашина. Первый вопросъ, который долженъ былъ возникнуть, касался, конечно общности этого явленія. Свойственно ли оно только лилейнымъ, или, можетъ быть, вообще однодольнымъ, или же встрѣчается у всѣхъ высшихъ растеній. Разъясненію этого вопроса, отвѣтъ на который можно было почти предвидѣть, болѣе всего способствовалъ самъ Навашинъ. Въ новой работѣ, появившейся въ 1900 году, два года спустя послѣ надѣлавшаго столько шума перваго сообщенія его, Навашинъ показалъ, что двойное оплодотвореніе свойственно также лютиковымъ и сложноцвѣтнымъ, двумъ семействамъ изъ двудольныхъ, крайне удаленнымъ какъ отъ лилейныхъ, такъ и другъ отъ друга. Подробности процесса нѣсколько различны, но суть дѣла вездѣ одна и та же. У лилейныхъ, напримѣръ, оплодотвореніе наступаетъ еще до сліянія «полярныхъ» ядеръ, такъ что нѣкоторое время въ зародышномъ мѣшкѣ оказывается цѣлыхъ три свободныхъ ядра: два еще не слившихся въ одно полярныхъ ядра да третье, собирающееся ихъ оплодотворить, ядро, внесенное второю генеративною клѣточкою; это послѣднее прикладывается сначала къ ближайшему изъ полярныхъ ядеръ, а затѣмъ происходитъ сліяніе всей тройки и въ результатѣ получается одно ядро, которое и начинаетъ дѣлиться для образованія бѣлковой ткани. Напротивъ, у лютиковыхъ и сложноцвѣтныхъ полярныя ядра слиты между собою въ одно общее ядро еще до введенія оплодотворяющихъ элементовъ въ зародышный мѣшокъ и это, въ сущности, двойное ядро и подвергается оплодотворенію.

Но, кромѣ указанія на широкое распространеніе двойного оплодо-

творенія въ разнообразныхъ группахъ высшихъ растеній, изслѣдованія Навашина выдвинули на сцену еще новый любопытный вопросъ. Существуютъ растенія, хотя ихъ немного, у которыхъ почему-то бѣлковая ткань въ зародышномъ мѣшкѣ не образуется вовсе, даже не пытается, такъ сказать, возникнуть; таковы орхидеи. Чѣмъ объясняется такое странное исключеніе? По наблюденіямъ Навашина надъ тропическими орхидеями, съ которыми онъ имѣлъ случай ознакомиться во время пребыванія своего на островѣ Явѣ, оказывается, что у нихъ существуетъ лишь простое, давно извѣстное оплодотвореніе, а нѣтъ двойного. Полярныя ядра въ зародышномъ мѣшкѣ остаются неслитыми и второй оплодотворяющій элементъ, доставленный пыльцевою трубочкою, не обнаруживаетъ никакихъ поползновеній къ сліянію съ ними. Такимъ образомъ отсутствіе бѣлка является слѣдствіемъ неосуществившагося оплодотворенія — блестящее доказательство необходимости послѣдняго для развитія бѣлковой ткани. Однако, насчетъ правильности этого толкованія возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Страсбургеръ положительно утверждаетъ, что у нашихъ туземныхъ орхидей дѣло обстоитъ иначе: полярныя ядра у нихъ сливаются, происходитъ типичное, открытое Навашинымъ двойное оплодотвореніе, но тѣмъ не менѣе бѣлковой ткани не образуется. Значитъ, отсутствіе ея здѣсь нельзя приписывать отсутствію оплодотворенія, а приходится допустить, что у нашихъ орхидей оплодотворенное ядро зародышнаго мѣшка подвергается какому-то постороннему вліянію, которое парализуетъ эффектъ оплодотворенія и мѣшаетъ проявленію обычныхъ его послѣдствій. Вопросъ этотъ и до настоящаго времени остается въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и настойчиво ожидаетъ разъясненія путемъ новой тщательной провѣрки противорѣчащихъ другъ другу показаній.

Въ оцѣнкѣ и истолкованіи общаго смысла двойного оплодотворенія ученые съ самаго же начала рѣзко разошлись между собою. Одни, вмѣстѣ съ Навашинымъ, считаютъ оба акта, совершающіеся въ зародышномъ мѣшкѣ, вполнѣ равноправными между собою: обѣ генеративныя клѣточки, внесенныя пыльцевою трубочкою, производятъ настоящее оплодотвореніе, одна—яйцеклѣточки, другая самого зародышнаго мѣшка; въ послѣднемъ развивается какъ бы два различныхъ зародыша: одинъ, всегда называвшійся этимъ именемъ и представляющій зачатокъ новаго растенія; а другой—въ видѣ бѣлковой ткани. Между этими двумя зародышами существуетъ извѣстный антагонизмъ, то тотъ, то другой опережаютъ въ своемъ развитіи другъ друга, но, въ концѣ концовъ, то раньше, то позже, одинъ изъ нихъ—бѣлокъ—послужитъ пищею другому; въ безбѣлковыхъ сѣменахъ такое поглощеніе совершается рано, еще до созрѣванія сѣмени, въ бѣлковыхъ гораздо позже, при его проростаніи.

Другіе ученые, подобно Гиньяру, не хотятъ признать равноправности обоихъ актовъ, изъ которыхъ слагается «двойное» оплодотво-

реніе. Настоящее оплодотвореніе, по ихъ мнѣнію, одно: то, которое ведетъ къ образованію новаго организма, второй же процессъ, приводящій къ развитію бѣлковой ткани, есть лишь «ложное» оплодотвореніе, крайне интересное само по себѣ, но лишенное, такъ сказать, внутренняго смысла.

Крупный козырь въ этомъ далеко еще не законченномъ спорѣ доставили Навашину и его сторонникамъ неожиданно воскрешенныя изъ забытія... ксеніи. Да, да, ксеніи! А что это такое, мы узнаемъ изъ слѣдующаго очерка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОНЕТЪ.

Schwansee.

Вдоль озера съ тобой мы шли въ вечерній часъ.
Равнина свѣтлыхъ водъ дымилась и мерцала,
И сосны черныя недвижно отражала
У сонныхъ береговъ. Ты помнишь, мимо насъ

Безшумно лебедь плылъ... А тамъ, вдали устало
Послѣдній взоръ зари на блѣдномъ небѣ гасъ.
Въ туманной вышинѣ одна звѣзда сверкала,
Вечерняя звѣзда сверкала, какъ алмазъ.

И было все кругомъ такъ смутно, точно въ сказкѣ:
Вершины горъ, лѣса и призрачныя краски
Несмѣлыхъ облаковъ. И замокъ на холмѣ

Казался голубымъ, воздушнымъ, какъ видѣнье,
И тихо лебедь плылъ, бѣлѣя въ отдаленьи
Надъ соннымъ озеромъ, въ прозрачной полутьмѣ.

Сергѣй Маковскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Беллетристическіе сборники гг. Серафимовича, Телешова, Куприна, Юшкевича.—„Трусъ“, г. Куприна.—Изъ текущей беллетристики—„Не страшное“ г. Короленки.—Истинно-русскія рѣчи гг. Сигмы, Меньшикова, Энгельгардта и др.—Иллюстрація „добрыхъ газетныхъ нравовъ“ въ дѣлѣ Чермана, Рамма и Ѳ. Булгакова.—„Милые бранятся—только тѣшатся“.

Цѣлый потокъ художественныхъ сборниковъ хлынулъ на читательскій столъ: произведенія гг. Короленки, Горькаго, Бунина, Куприна, Серафимовича, Телешова, Юшкевича, Чирикова, новый томъ (III) Вересаева, — все имена нашихъ лучшихъ современныхъ художниковъ, изъ которыхъ каждый выдѣляется вполнѣ опредѣленной, яркой литературной физіономіей. Не говоря уже о гг. Короленкѣ и Горькомъ, принадлежащихъ теперь не только русской, но и европейской литературѣ, и остальные упомянутые писатели въ любой литературѣ явились бы замѣтной величиной и вызвали бы не меньшій потокъ критическихъ статей и замѣтокъ. И притомъ, какъ въ сущности недавно каждый изъ нихъ создалъ свое имя и занялъ опредѣленное мѣсто въ художественной литературѣ. Большинство ихъ выступили не больше десяти лѣтъ тому назадъ; нѣкоторые, какъ гг. Купринъ и Юшкевичъ, и того меньше, и выросли на нашихъ глазахъ за послѣдніе 3—4 года, не поощряемые критикой, которая или игнорировала ихъ, или съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ изрѣдка «поощряла». Мы не можемъ указать ни одной статьи, посвященной такимъ крупнымъ дарованіямъ, какъ г. Купринъ, или такому оригинальному писателю, какъ г. Юшкевичъ. Каждый изъ нихъ выдвинулся исключительно самъ и обязанъ только читателю, который сразу же оцѣнилъ и отмѣтилъ ихъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашего времени—эта свобода читательскаго выбора. Современный читатель руководствуется *своимъ* вкусомъ, и самъ выбираетъ своихъ любимыхъ авторовъ, иногда совершенно въ разрѣзъ съ установившимися въ критикѣ взглядами и требованіями, какъ случилось, напр., съ произведеніями г. Чирикова, котораго правовѣрная критика предала «проклятію» за его «Инвалидовъ», а его сборники повѣстей и разсказовъ выходятъ третьимъ и четвертымъ изданіемъ на протяженіи трехъ лѣтъ. Очевидно, произошелъ большой расколъ между критикой и читателемъ. Не то, что бы читатель окончательно извѣрился въ правовѣрности критиковъ,—онъ просто пересталъ руководствоваться ихъ мнѣніемъ, зная напередъ, что можетъ сказать

тотъ или иной изъ присяжныхъ критиковъ. Издавна они усвоили себѣ точные образцы и шаблоны, по которымъ и примѣряютъ художниковъ, — подошелъ, хорошо, нѣтъ—отметается. Привыкнувъ къ такой подгонкѣ и примѣркѣ, читатель, въ концѣ концовъ, заскучалъ, и отъ критики обратился къ самимъ художникамъ, отчего оказался въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Тутъ онъ находитъ жизнь, если и не со всѣми ея переливами, то все же не поддѣлку ея по рецептамъ того или иного присяжнаго цѣнителя, съ выговоромъ автору, зачѣмъ онъ не далъ того-то и того-то и какъ осмѣлился писать то и то. Читатель, несомнѣнно, съ жадностью ищетъ этой жизни и поглощаетъ все, въ чемъ находитъ отголоски ея. Ярче и громче всего говорятъ объ этомъ цифры изданій, какихъ раньше не зналъ книжный рынокъ. Повѣсть, напр., В. Короленки «Безъ языка», вышедшая мѣсяца три тому назадъ въ 5.000 экз., уже разошлась, или «На днѣ» М. Горькаго, вышедшее въ 35.000 экз., разошлось въ 2 мѣсяца.

Успѣхъ всѣхъ этихъ писателей, столь различныхъ по своимъ дарованіямъ, но яркихъ и опредѣленныхъ по своимъ талантамъ, нельзя подвести подъ какое-либо модное теченіе, и въ немъ проявляется нѣчто болѣе глубокое и важное. Съ одной стороны, предъ нами несомнѣнный ростъ читательской массы, что сказывается хотя бы въ общемъ спросѣ на книгу и журналы, за исключеніемъ, впрочемъ, доблестнаго органа «Русскаго собранія»—«Русскаго Вѣстника», который даже въ ловкихъ рукахъ г. Комарова еле влачитъ дни свои. Должно быть, ревнители новѣйшаго національнизма не очень-то любятъ собственную литературу, предпочитая поучаться у своихъ противниковъ, и только платонически готовы поддерживать своихъ пророковъ.

Съ другой стороны, помимо численнаго роста, въ этомъ сказывается и свѣжесть новаго читателя, который непосредственнымъ чутьемъ схватываетъ правду художественныхъ произведеній, не руководствуясь ничьей указкой. Непосредственное чутье правды даетъ новому читателю свободу выбора и дѣлаетъ его совершенно недоступнымъ для лицемѣрныхъ запугиваній разныхъ защитниковъ читательской нравственности. Яркимъ примѣромъ безсилія такого похода противъ таланта теперь можетъ служить комическая травля, начатая г. Буренинымъ противъ г. Андреева и привлекшая къ себѣ вниманіе, какъ ни странно такое сочетаніе, только... графини С. Толстой и — г. Розанова. А читатель, на котораго была разсчитана вся эта комедія возмущеннаго цѣломудрія нововременскихъ весталокъ, остался глухъ и продолжаетъ раскупать произведенія г. Андреева.

Въ то же время читательская свобода отнюдь не свидѣтельствуетъ, чтобы новый читатель совсѣмъ былъ противъ критики. Только свой выборъ онъ не подчиняетъ ей, но критику an und für sich онъ читаетъ и раскупаетъ такія дорогія сравнительно изданія, какъ полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, вышедшихъ одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, Добролюбова, выдержавшаго въ послѣдніе годы три изданія, и цѣлый рядъ небольшихъ критическихъ брошюръ мало извѣстныхъ авторовъ, какъ, напр., гг. Новополинъ, Волжскій и др. Каждый мѣсяцъ въ спискѣ новыхъ книгъ читатель нашего журнала можетъ

найти нѣсколько критическихъ брошюръ, которыя, несомнѣнно, имѣютъ спросъ, что доказывается вторыми ихъ изданіями (напр., Новополинъ или третье изданіе г. Андреевскаго). Для новаго читателя эти критики—не судьи его вкуса, не «властители думъ», онъ и въ нихъ цѣнитъ также, если находитъ, свѣжую мысль, вѣрное историческое освѣщеніе или тонкій литературный вкусъ.

Такъ постепенно создается новая литературная атмосфера, гдѣ «іудеи и и эллины» свободно соприкасаются, каждый внося свое, самое дорогое и оригинальное, индивидуальное, неизломанное, согласно требованію того или иного критика. Свободная атмосфера создаетъ свободное искусство и вызоветъ, въ свою очередь, и свободную критику, которой наша литература еще не знаетъ, но уже предчувствуетъ. Эта критика не станетъ распинать художника на прокрустовомъ ложѣ шаблона, а будетъ брать у него то, что онъ далъ истинно-художественнаго, слѣдовательно, правдиваго, стоющаго быть увѣковѣченнымъ.

Останавливаться на всѣхъ новыхъ сборникахъ разсказовъ, выпущенныхъ издательствомъ «Знаніе», мы не станемъ. Не потому, что бы не всѣ авторы заслуживали вниманія читателя. Напротивъ, каждый имѣетъ оригинальныя, ему одному присущія черты, отличительный знакъ несомнѣнной талантливости. У г. Серафимовича, напр., хороши по яркости и художественности его очерки изъ жизни рыбаковъ и крайняго сѣвера. Разсказъ «Месть», въ которомъ сжато и сильно описанъ самосудъ надъ воромъ, выкрадывавшимъ рыбу изъ сѣтей товарищей, или «Тундра» съ прекраснымъ описаніемъ снѣжной бури, несомнѣнно, сдѣлали бы честь любому художнику. Или повѣсть г. Телешова «Сухая бѣда» (первоначально была помѣщена на страницахъ нашего журнала въ 1898 г.), дающая живую и оригинальную группу типовъ ирбитской ярмарочной жизни и яркую психологію бѣднаго черемиса, который собственною смертью мститъ за великую обиду. У обоихъ авторовъ, наряду съ тонкой наблюдательностью, читатель находитъ и недурную художественную отдѣлку, и умѣлую обрисовку характеровъ, и литературный, образный языкъ. Но ни г. Серафимовичъ, ни г. Телешовъ не представляютъ въ этомъ отношеніи чего-либо особаго, потому что мы уже избалованы по части художественности, къ которой насъ пріучила русская литература предшествующаго періода. Оба они, несомнѣнно, талантливые и яркіе художники, но въ нихъ мы не чувствуемъ современности съ ея нервностью, тревожнымъ исканіемъ новыхъ путей въ осложнившейся жизни и чуткостью къ безпокойному настроенію, переживаемому нами теперь. Оба представляются намъ вполнѣ законченными художниками, которые умѣютъ нарисовать прекрасный пейзажъ или бытовую картину, что, конечно, очень много, но еще не все. Мы не чувствуемъ въ нихъ того проникновенія въ глубину даннаго образа, которое вдругъ невѣдомымъ способомъ открываетъ въ немъ нѣчто новое, близкое, родное и въ то же время общее всѣмъ и для всѣхъ важное.

Въ этомъ отношеніи въ новой серіи изданій «Знанія» два писателя выдѣляются особенно рѣзко—гг. Юшкевичъ и Купринъ. Такъ какъ съ произведеніями перваго наши читатели знакомы довольно близко, у насъ были напечатаны «Кабатчикъ Гейманъ», «Ита Гайне» и «Студентъ Павловъ», то мы

ближе остановимся только на большой повѣсти «Распадъ», представляющей двойной интересъ—и бытовой, и какъ произведеніе, раскрывающее вѣчный разладъ между «отцами и дѣтьми», но не въ обычной для русскаго читателя обстановкѣ. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что весь сборникъ г. Юшкевича посвященъ изображенію жизни еврейской среды, въ которой авторъ находитъ цѣлую галлерею живыхъ и любопытныхъ типовъ, какихъ до него никто еще не вводилъ въ русскую литературу. Послѣдняя знаетъ отдѣльные типы, внѣ связи съ ихъ средой, причемъ всегда интересовалась ими съ особой, специфической точки зрѣнія, не столько ради нихъ самихъ, сколько для цѣлей скорѣе публицистическихъ. Враждебные еврейству авторы выводили типы евреевъ для доказательства излюбленной ими теоріи объ отверженности этого народа. Противники стремились доказать обратное, указывая на общія черты, сближающія насъ съ изображаемыми еврейскими типами. Но художественнаго описанія еврея и его жизни ради него самого, вполнѣ художественнаго и свободнаго отъ всякой публицистики, мы до г. Юшкевича не имѣли. Вотъ почему сборникъ его, помимо всего прочаго, заполняетъ очень существенный пробѣлъ въ литературѣ. Въ изображеніи этого міра г. Юшкевичъ великій мастеръ, и его кабатчикъ Гейманъ, философъ Мотя или Ита Гайне такіе яркіе и сильные образы, что могутъ по праву занять мѣсто наряду съ лучшими образами въ русской литературѣ изъ народной среды. С. Юшкевичъ съумѣлъ схватить въ яркихъ чертахъ ихъ оригинальную психологію, ихъ языкъ, смѣсь жаргона съ яркой восточной живостью въ изображеніи повседневной жизни, со всею сложностью бытовой и психической жизни въ чертѣ осѣдлости.

«Распадъ»—это широкая картина того глубокаго переворота, который происходитъ въ еврейской семьѣ средней буржуазіи. Жизнь послѣдней сложилась давно и, повидимому, прочно, благодаря той замкнутости, которой еврейство обязано особымъ условіямъ черты осѣдлости, не позволявшимъ естественнаго обмѣна и соприкосновенія постороннихъ элементовъ и внутренней жизни еврейской среды. Но жизнь не могла остановиться въ этой средѣ, она только замедлила свое теченіе, благодаря искусственнымъ перегородкамъ, и на исторіи семейства Розеновыхъ мы видимъ все то, что раньше привыкли встрѣчать въ русской буржуазной семьѣ. Распадъ семьи идетъ съ двухъ, такъ сказать, сторонъ — изнутри и извнѣ. Съ одной стороны, старики Розеновы, по своему хорошіе, обыкновенные люди, всю жизнь посвятившіе дѣтямъ, чувствуютъ, что между ними и послѣдними все шире и шире раздвигается какая-то щель, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга. Это—внутренняя причина распада, выростающая сама собой, благодаря различію во взглядахъ на жизнь и въ пониманіи ея задачъ и цѣлей. Съ другой стороны, упадокъ семейнаго благосостоянія, такъ какъ дѣла Розенова пошатнулись, ускоряетъ распадъ семьи, внося острые раздоры изъ-за средствъ къ существованію. И то, и другое продуктъ новыхъ жизненныхъ условій, съ которыми старики не умѣютъ сладить, что мучитъ ихъ и вызываетъ острое чувство боли при видѣ непониманія этихъ мукъ дѣтьми. Но и послѣднія мучаются и страдаютъ не

менѣе, такъ какъ и они видятъ, и чувствуютъ все шире раздвигающуюся щель семейной жизни. Ихъ пониманіе и требованія къ жизни и возвышеннѣе, и глубже, и проще въ то же время, но они не мирятся и не могутъ примириться съ упрощенными семейными традиціями. Съ особой страстностью относится къ распаду семейнаго уклада мать, Соня Розенова, для которой семья—все, и внѣ семьи—ничего. Это—истая древляя Рахиль, для которой въ мужѣ и дѣтяхъ—весь міръ, а все, что его окружаетъ, или возбуждаетъ въ ней вражду, или желаніе употребить на пользу той же семьи. И мать яростно отстаиваетъ цѣльность семьи противъ дѣтей и противъ угрожающаго міра, надвигающагося на нее со всѣхъ сторонъ со своими новыми, злыми и безжалостными требованіями.

«— Одна болѣзнь насъ съѣла,—съ воплемъ и горемъ обращается она къ дѣтямъ, которыя стремятся къ независимой жизни.—Связи нѣтъ и не было между нами. Волками вы были въ семьѣ, волками вы и покидаете ее. Яковъ еще не оторвался, но онъ оторвется; его душа не наша, онъ волкъ... Ты волкъ, Лева съ дѣтства былъ намъ чуждъ. Отецъ, мать, семья, ничего этого не существовало для него и чужимъ онъ выросъ среди насъ: онъ волкъ. Всѣ, всѣ, вы волки, и напрасны были труды наши.

«— Нѣтъ, нѣтъ,—горячо вскричалъ Давидъ,—не мы, вы, вы волки. Развѣ мы требуемъ чего отъ васъ? Мы просимъ, только просимъ, требуете вы. Вы требуете подчиненія своимъ взглядамъ, своимъ желаніямъ. Вы не признаете у насъ своей жизни, вы требуете, чтобы у насъ ея не было. Если въ семьѣ есть тягота, забота, горе, то и всѣ мы должны тащить на себѣ эту тяготу, заботу, горе, точно кругомъ жизни нѣтъ. Все, все для семьи, и ничего себѣ. Что вамъ до остального міра? Въ семью, въ семью! Сегодня откажись отъ одной дорогой мечты, завтра отъ другой, ибо семейный бичъ свиститъ надъ головой. Стань подлецомъ, негодяемъ, но не измѣняй семьѣ...»

Отецъ еще готовъ понять это требованіе своей жизни и только скорбитъ, что грозящее разореніе дѣлаетъ его безсильнымъ помочь дѣтямъ на первыхъ шагахъ ихъ самостоятельности. Мать, какъ настоящая хранительница стараго завѣта «все для семьи», до конца не мирится съ требованіями дѣтей, и если понимаетъ что, то лишь стремленія старшаго сына Якова, который является въ повѣсти типичнымъ образцомъ интеллигентнаго еврея-буржуа. Онъ получилъ среднее образованіе, имѣетъ аттестатъ зрѣлости, и его мечта кончить университетъ и стать докторомъ, завести широкую практику и жить для себя. Узкій и низменный эгоизмъ Якова, требующаго всякихъ жертвъ отъ отца и матери для осуществленія своего идеала, ей понятенъ. Онъ прямо вытекаетъ изъ стараго уклада семьи—все для себя, и мать не о томъ скорбитъ, что Яковъ эгоистъ, а лишь о томъ, что онъ не вполнѣ согласенъ на тѣ мѣры, которая она рекомендуетъ ему, въ родѣ женитьбы на богатой невѣстѣ. Сама готовая на все во имя семьи, даже на преступленіе, она не можетъ понять нѣкоторой его брезгливости. Розенова это цѣльная натура, вся изъ одного куска, не знающая колебаній тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о благѣ семьѣ. Эту ея цѣлостность рельефно оттѣняетъ дряблость мужа, добраго и по своему умнаго дѣльца, ко-

торый запутался въ противорѣчіяхъ жизни, понимаетъ и дѣтей, и ее, и свое безвыходное положеніе, но вѣчно колеблется, много говоритъ и ничего не дѣлаетъ.

И дѣти тоже представляютъ двѣ разновидности. Яковъ весь въ мать по силѣ своего эгоизма. Онъ добивается своей цѣли и заставляетъ отца сколотить нужную сумму для поѣздки его за границу, чтобы тамъ докончить образованіе и вернуться съ дипломомъ врача. Давидъ это сколокъ отца, рефлектирующій, порывистый, но слабый и потому такой же жалкій. Онъ женится по увлеченію на бѣдной дѣвушкѣ и съ первыхъ же шаговъ начинаетъ такую же семейную жизнь, отъ которой ушелъ изъ дому, какъ бы продолжая дѣло распада, который не въ одной семьѣ Розеновыхъ начался и не на ней одной окончится, какъ бы героически ни были усилія такихъ желѣзныхъ натуръ, какъ мать.

Все для той же семьи, для своего жестокаго Бога и тирана, которому она служила всю жизнь, она поджигаетъ свой домъ, чтобы высокой страховой платой спасти то, что ей кажется возможнымъ спасти. Въ повѣсти это самое яркое и сильное мѣсто, когда эта мать, обезумѣвшая отъ распада семьи, крадется на чердакъ, чтобы совершить поджогъ, а потомъ ея мужъ, знающій истину, съ невыразимой мукой видитъ, какъ, спасая ихъ, его жена губитъ жалкіе остатки другихъ семей, еще болѣе несчастныхъ и пришибленныхъ.

«Какъ жалко, ничтожно его горе предъ этимъ огромнымъ горемъ. Какой ужасъ совершить преступленіе на спинѣ беззащитныхъ, безсильныхъ людей. Розеновъ схватился за грудь, чувствуя, что вотъ, вотъ самъ онъ крикнетъ, чтобы связали его, преступника, чтобы бросили на этотъ костеръ, который онъ самъ зажегъ. Но жена, грозная, стойкая, какъ рулевой въ бурю, смѣло направляла къ виднѣвшимся берегамъ. Пусть не дрожитъ Исаакъ. Она, она стоитъ на стражѣ, и нѣтъ той дорогой цѣны, которой она не дала бы за спасеніе своей семьи. Довольно уже страданій, безсонныхъ ночей, страховъ, мученій. Пусть горитъ этотъ старый проклятый домъ, ибо съ нимъ сгоритъ все ужасное прошлое. Здѣсь погибли люди, и вотъ они окружаютъ ее, молятъ, стонутъ, но развѣ она мало плакала въ жизни? Пусть каждый думаетъ о себѣ...» И она чувствуетъ себя глубоко правой, какъ волчица, задавившая овцу, чтобы прокормить своихъ дѣтенышей, и равнодушно смотритъ на пожаръ. «А пожаръ разгорался все больше подъ вліяніемъ не стихавшаго вѣтра и, казалось, грозилъ сжечь до корня эти дома безпредѣльной нищеты и горя. Все небо было освѣщено его пламенемъ, и видно было, какъ быстро уходили облака, зажженныя по краямъ. И точно гигантскія скорбныя руки, сплетаясь и разнимаясь, столбы огня поднимались вверхъ все выше, чтобы умилостивить божество, молить его о спасеніи, умиротворить его всегда карающую десницу, передавая небу своимъ горячимъ дыханіемъ огонь мукъ и страданій, сжимавшій эти бѣдныя сердца ихъ жажду о каплѣ счастья, о кускѣ обезпеченнаго хлѣба; а между тѣмъ внизу, тамъ, гдѣ стояли уставшіе и обезсиленные люди, крики о спасеніи, плачъ, стоны не переставали смѣшиваться съ воемъ вѣтра, хищнымъ воемъ праздновавшаго побѣду чудовища».

Въ чемъ же лежитъ коренная, внутренняя причина распада? Отвѣтъ даетъ

письмо сына Левы, который уходитъ изъ дому въ невѣдомую даль, чтобы «служить народу». Лева тоже цѣльная, прямая натура, какъ и мать. Если для нея семья все, ея Богъ и тиранъ, для него Богомъ является неподкупная совѣсть, которая не мирится съ жизнью только для себя, для семьи, чего бы это ни стоило другимъ. Мать приноситъ міръ въ жертву семьѣ, Лева жертвуетъ семьей во имя интересовъ міра, которые несовмѣстимы, по его мнѣнію, съ интересами современнаго семейнаго уклада. Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ: «Спрашиваешь ли ты себя еще, кто правъ изъ насъ? Знаешь, что я скажу тебѣ, отецъ. При настоящихъ условіяхъ, всякій изъ нашей семьи поступилъ, какъ могъ, и въ прямомъ смыслѣ слова виноватыхъ нѣтъ, всѣ правы. Ты могъ бы поставить другой вопросъ: должно ли оно было такъ случиться, не было ли возможности избѣгнуть этого распада? Я отвѣчу тебѣ увѣренно: нѣтъ, оно не могло быть иначе. Настоящая семья всегда носила въ себѣ зародышъ распаденія, а ея идеалы, внушаемые дѣтямъ, только углубляли эту пропасть. Если она еще не погибла, то она начинаетъ уже погибать, и она погибнетъ. Есть одно спасеніе отъ этого разгрома, ты его не захочешь, это работа для народа. Если бы ты воспиталъ насъ въ этой мысли, мы бы, можетъ быть, не разбрелись, твоя жизнь была бы иной, и всѣ бы мы работали другъ подлѣ друга, связанные не зоологически, не кровной связью, которая, ты видишь, разрывается отъ перваго усилія, какъ сгнившая нитка, а общими интересами народнаго дѣла, которые не сравняются съ родственными связями. Но безъ этого семья и общество, которое образуетъ эти семьи, должны разрушиться. Это неизбѣжно, какъ день послѣ ночи».

Идея повѣсти, ясно выраженная въ письмѣ Левы, далеко выходитъ за предѣлы исторіи семьи Розеновыхъ, и такъ въ каждомъ почти разсказѣ г. Юшкевича. Напомнимъ хотя бы исторію Иты Гайне, одной изъ безчисленныхъ «замѣстительницъ», составляющихъ огромный кадръ несчастныхъ, осужденныхъ на поддержаніе современной семьи цѣною отказа отъ собственной семейной жизни и радостей материнства. Въ каждомъ произведеніи г. Юшкевича идейность содержанія преобладаетъ, что рѣзко выдѣляетъ его среди современныхъ беллетристовъ. До сихъ поръ въ его произведеніяхъ почти исключительно захваченъ міръ еврейства, кромѣ «Студента Павлова», въ которомъ авторъ сдѣлалъ попытку нарисовать неустойчивую психологію одного изъ представителей современной молодежи, попытку, по нашему мнѣнію, удачную, хотя выведенный имъ типъ и не вполнѣ законченъ.

Если идейность составляетъ преобладающую черту въ характерѣ таланта г. Юшкевича, то художественность является главнымъ элементомъ въ творчествѣ г. Куприна. Изъ десяти небольшихъ разсказовъ, составляющихъ сборникъ, трудно сказать, который лучше. Исключеніе составляетъ самый большой изъ нихъ «Молохъ», о которомъ намъ уже приходилось говорить (см. «Критическія Замѣтки», 1897 г. февр.). Несмотря на отдѣльныя превосходныя мѣста, напр., описаніе общей картины завода, въ разсказѣ, скорѣе повѣсти, чувствуется какая-то связанность, словно художникъ работаетъ подъ чуждымъ вліяніемъ.

Но стоитъ только отъ «Молоха» перейти къ слѣдующему разсказу «Ночная

смѣна», и впечатлѣніе сразу мѣняется, словно предъ нами новый авторъ. И далѣе это новое впечатлѣніе все растетъ и усиливается, не ослабѣвая до конца этой небольшой книги. Это впечатлѣніе необычайной свѣжести, чистоты и яркости. Читая эти небольшія сцены, этюды и очерки, испытываешь такое ощущеніе, какъ въ ясный весенній день, когда воздухъ расширяетъ грудную клѣтку и дышется легко и свободно, а на ясномъ до прозрачности небѣ съ удивительною отчетливостью вырисовываются мельчайшія детали молодой зелени деревьевъ. Жизнь радуетъ въ такія минуты, и этою безсознательною радостью, что жизнь интересна, полна и глубока самыми разнообразными ощущеніями, проникнута вся книга. Художникъ, словно ребенокъ, выбѣжавшій въ поле, не можетъ натѣшиться непосредственностью бытія и передаетъ ее читателю, который и самъ заражается его здоровымъ, бодрящимъ настроеніемъ и невольно восклицаетъ: «Господи, какъ хорошо жить на свѣтѣ!» А между тѣмъ содержаніе разсказовъ вовсе не изъ веселыхъ. Въ нихъ, какъ и въ жизни, печаль и радость, смѣшное и грустное перемѣшиваются въ причудливыхъ узорахъ, слагаясь въ общую, пеструю и яркую картину, живую почти до осязательности.

Вотъ, напримѣръ, описаніе тетеревиной охоты изъ разсказа «Въ лѣсной глуши».

«Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

«Прямо предо мной тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы. Востокъ уже начиналъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ которыхъ сдѣлана была моя будка, примѣшивался запахъ утренней сыроватой свѣжести. Пахла и молодая травка, сырая отъ росы...

«Гдѣ-то очень близко—мнѣ показалось, что надъ самой моей головой—робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ томно застонали дикіе голуби.

«Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе, какъ въ шагѣ отъ моей будки упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный, съ красными мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко надъ землей...

«Ну, пропала сегодня охота! подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ—впереди меня и справа—также громко и коротко

захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева молчали, должно быть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: чу! чшшш... странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченый, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе, а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика. Чу! чшши... тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

«Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый закричалъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями, то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками.

«Но, еще не сойдясь, оба сердито заболботали: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое болботанье, чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

«Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ надъ самой землей шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, похожаго на развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидалъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, такъ же сердито и плавно топчась на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы и прямо и широко растопыривали крылья, что придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

«Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный, выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись объ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли, на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули верхъ ия съ такой силой ударились въ воздухѣ грудь объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышекъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

«Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное біеніе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже слышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной черной грудкой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

«Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью»...

Или описаніе болота и вымирающей на немъ семьи, кругомъ застывшій въ туманѣ лѣсъ и дикая колыбельная пѣсня, которую, быть можетъ, тянули еще предки этой затерянной въ болотѣ семьи. Авторъ безсознательно подымается въ этомъ чудесномъ разсказѣ до высшаго символа, въ которомъ художественность изображенія проникнута глубокою идеею. Такое же глубокое внечатлѣніе производятъ и другіе разсказы, какъ «Ночная Смѣна», «Ночлегъ», «Дознаніе». Нѣсколько въ иномъ родѣ два послѣднихъ прекрасныхъ разсказа—«Въ циркѣ» и «На покоѣ», въ которыхъ тонкая психологія дѣйствующихъ лицъ изображена съ рѣдкимъ мастерствомъ, доступнымъ только настоящимъ художникамъ. Что особенно выдѣляетъ г. Куприна, это его сжатая манера,—ни одного лишняго штриха, ни одного шаблоннаго эпитета, во всемъ строгая соразмѣрность. Увѣренность и твердость рисунка, умѣніе сразу найти сущность изображаемаго явленія и нужную для даннаго образа точку освѣщенія, обнаруживаютъ въ г. Купринѣ художника, идущаго своею самостоятельною дорогою. Его послѣдній разсказъ «Трусъ», напечатанный въ январьскомъ номерѣ «Журнала для всѣхъ», по оригинальности задачи и художественному выполненію—лучшая вещь, напечатанная за послѣднее время. Психологія труса, еврея-актера, отправляющагося въ экспедицію съ суровымъ и смѣлымъ контрабандистомъ, это настоящій шедевръ. Цирельманъ — нервная и тонкая натура, чуткость и раздражительность которой дѣлаютъ его превосходнымъ артистомъ, увлекающимъ зрителей неподдѣльностью выражаемыхъ имъ чувствъ, и его товарищъ — Файбишъ, грубый и смѣлый, благодаря тупости, съ которою относится къ окружающимъ явленіямъ, два поистинѣ превосходныхъ образа. Настроеніе Цирельмана въ бойкой корчмѣ, гдѣ онъ увлекаетъ зрителей своею игрою, и ночью, во время злополучной экспедиціи, передано съ полнотою и законченностью, удовлетворяющею самую придирчивую критику.

Въ лицѣ г. Куприна русская литература, по нашему мнѣнію, обогатилась новой крупной силой, отъ которой мы можемъ ожидать многаго. Всѣ эти небольшіе разсказы, такіе изящные, законченные, цѣльные и глубокіе, показываютъ, что авторъ можетъ дать и нѣчто болѣе крупное, чѣмъ отдѣльный этюдъ или картинка. Въ «Молохѣ» видна уже попытка поставить себѣ бо́льшую задачу. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, талантъ автора выросъ, окрѣпъ и сложился, и новая попытка въ этомъ направленіи, для насъ несомнѣнно, дастъ лучшій результатъ. Съ тѣхъ поръ г. Купринъ освободился отъ несвойственныхъ ему пріемовъ въ искусствѣ, глушившихъ его самостоятельный талантъ и извращавшихъ его свободное влеченіе къ разносторонности и полнотѣ жизни. Въ «Молохѣ» онъ еще подражалъ, въ разсказахъ, послѣ того написанныхъ, въ особенности послѣдняго времени, какъ «Въ циркѣ», «Болото» и «Трусъ»,

талантъ г. Куприна свободенъ вполнѣ, нашелъ свою дорогу и идетъ крупными шагами впередъ.

Куда онъ поведетъ его, увидимъ, но для настоящаго художественнаго дарованія жизнь на каждомъ шагу открываетъ такую глубину и ширь, что темъ не оберешься. Въ текущей беллетристикѣ послѣдняго времени, къ сожалѣнію, эта жизнь почти не отразилась. Не будемъ говорить о новыхъ произведеніяхъ г. Боборыкина, въ которыхъ ярко выразились лишь недостатки маститаго писателя и ни одно изъ его достоинствъ, дѣлавшихъ его виднымъ бытописателемъ современности. И его «Законъ жизни» въ январьской книгѣ «Вѣстн. Европы», и его повѣсть въ «Русской Мысли»—неудачныя попытки дать внутреннюю жизнь людей, т.-е. то, что никогда не удавалось г. Боборыкину, который силенъ въ изображеніи только поверхности жизни. Г. Боборыкинъ можетъ занимательно и живо разсказать, что въ данное время волнуетъ общество, но не заглядывая въ глубь этого волненія... Еще менѣе можно сказать о странномъ «произведеніи» г. Л. Оболенскаго — «На развалинахъ», которое лучше всего и полнѣе можно охарактеризовать названіемъ «путанная крошка». Тутъ все свалено въ кучу — и народничество, и марксизмъ, и декадентство, и земцы, и народныя школы, а что къ чему — неизвѣстно. И при томъ все это адски скучно, мертво и растянуто. Лучшее впечатлѣніе производитъ романъ г. А. Ѳедорова въ «Русскомъ Богатствѣ» — «Земля». Тема его — голодный годъ (99) — сама посебѣ уже интересна, такъ какъ именно это время прошло въ литературѣ при гробовомъ молчаніи. Мы только слышали, что гдѣ-то голодъ и страшный голодъ, что гдѣ-то и что-то дѣлаетъ Красный крестъ, но больше знали о его побѣдоносной борьбѣ съ частной благотворительностью, которую онъ, при благосклонномъ содѣйствіи предержащей власти, дѣйствительно искоренилъ, чѣмъ о результатахъ борьбы съ голодомъ.

Во второй части романа авторъ приподымаетъ нѣсколько завѣсу, скрывавшую эту борьбу, и это очень интересно. Какъ ни осторожно, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, касается авторъ дѣятельности господъ «уполномоченныхъ», она все же достаточно обрисована во всей ея безцѣльности и безрезультатности. Эти, въ высшей степени интересныя, сдержанно написанныя картины голода придаютъ этому роману несомнѣнное общественное значеніе.

Но вотъ и все, что можно отмѣтить въ первыхъ книгахъ журналовъ за текущій годъ. И на этомъ блѣдномъ фонѣ, гдѣ мелькаютъ слабыя, какъ тѣни въ сумеркахъ, отраженія жизни, яркимъ до боли пятномъ выступаетъ «Не страшное» Короленки. «Не страшное» — это мелочи жизни, которыя незамѣтно обволакиваютъ душу, постепенно усыпляютъ голосъ недовольства и гасятъ огонь свободы и чести, пока человѣкъ нечувствительно для себя не погрузится въ дремотное состояніе, изъ котораго выходъ одинъ—въ могилу. «Не страшное»—потому что незамѣтное, будничное, притупляющее вниманіе своей обыденностью, тѣмъ, что все это «въ порядкѣ вещей», какъ, напр., этотъ сонный машинистъ, который ведетъ поѣздъ, гдѣ разсказчикъ монотонно пере-

даетъ несложную драму, разыгравшуюся на глазахъ у него, бокъ-о-бокъ, и которую онъ бы проглядѣлъ, если бы не ея трагическій конецъ, заставившій его проникнуть въ страшную силу «не страшнаго».

«— Да, я, знаете, на одной изъ станцій подошелъ къ локомотиву. Машинистъ человѣкъ отчасти знакомый... Хронически, доложу вамъ, сонный субъектъ, даже глаза опухшіе.

«— Да?—спросилъ собесѣдникъ равнодушно.

«— Положительно-съ. Теперь представьте себѣ, такъ сказать, картину. Мы вотъ всѣ заснемъ. Поѣздъ несется на всѣхъ парахъ, а управляетъ имъ, все, такъ сказать, держитъ въ рукахъ человѣкъ нѣкоторымъ образомъ совершенно осовѣлый.

«Собесѣдникъ завозился на своемъ мѣстѣ и сказалъ съ признаками безпокойства.

«— Да... вы это вотъ съ какой стороны? Дѣйствительно, чортъ возьми... Положеніе!

«— Вотъ видите. А вѣдь тоже какъ просто выходитъ и какъ обыкновенно Въ Петербургѣ тамъ или гдѣ... вообще въ какомъ-нибудь управленіи сидитъ человѣкъ и передъ нимъ—таблицы. Въ извѣстной графѣ—машинистовъ столько-то. Жалованія имъ, замѣтьте, столько-то, а поверстныхъ столько-то. Ну, поверстныя-то эти, это пробѣгъ, соотвѣтственно потребности. Цифра, такъ сказать, полезная, доходная. А вотъ жалованье людямъ величина уже перемѣнная, непрочная. Если взять меньше машинистовъ—меньше жалованья... Понимаете: простая, такъ сказать, математика, свободная игра цифръ, чернильный значокъ въ вѣдомости. Чего проще! А отъ этого по полямъ и равнинамъ вотъ въ этакія лунныя ночи мчатся вотъ этакіе же поѣзда, и съ машинъ тускло глядятъ впередъ полусонные, запухшіе глаза... Минута какая-нибудь... естественное дѣйствіе сна... И вотъ-съ, можетъ быть, надъ нами уже, такъ сказать, виситъ то, что всего таинственнѣе и неразгаданнѣе на свѣтѣ... Толчокъ какой-нибудь, трескотня, все кувыркомъ, стоны эти, крики тамъ...

«— Ну васъ, ей-Богу, съ вашимъ карканьемъ,—сказалъ собесѣдникъ и, приподнявшись съ подушки, сѣлъ на скамью.

«— Да нѣтъ, я, вѣдь, это такъ, для поясненія, такъ сказать, своей мысли, съ оттѣнкомъ невольной досады сказалъ первый.—Я не о физическомъ страхѣ говорю... Дастъ Богъ, доѣдемъ благополучно... Я это къ нашему разговору: и тутъ вѣдь все вполнѣ обыкновенно. Въ концѣ то вѣдь, если сказать по чистой совѣсти, непремѣнно простой значокъ на бумагѣ, сдѣланный гдѣ-нибудь въ Петербургѣ какимъ-нибудь господиномъ. И господинъ то опять самый обыкновенный: и сюртучокъ, и галстучекъ, и видъ порядочности... И дѣточекъ любитъ, и женѣ сувенирчики, разумѣется, даритъ...»

Да, вотъ какъ все просто и ничуточку не страшно, а жизнь то ау! Какъ оно и случилось съ разсказчикомъ. Нужна катастрофа, «стоны эти, крики тамъ», чтобы человѣкъ встряхнулся, съ недоумѣніемъ и ужасомъ увидѣлъ, что ничего у него въ душѣ не осталось, все не то что ушло, а одеревенѣло, застыло и заглохло, и счастливъ, кого катастрофа еще можетъ разбудить,

оживить въ немъ человѣческое и поднять его надъ «нестрашной» будничной жизнью. Вотъ и Семенъ Николаевичъ Будниковъ, о которомъ идетъ разсказъ, въ началѣ жизни тоже имѣлъ «гдѣ-то тамъ, позади что-то этакое... идейное». А тамъ наслѣдство, хлопоты объ устройствѣ, жизнь, текучая изо дня въ день, и засосало, сталъ человѣкъ самымъ обыденнымъ, заправскимъ животнымъ. Цѣль жизни, смыслъ ея, «идейное» исчезло, осталось накопленіе безцѣльное и безсмысленное.

«И ничего этого... трагическаго что ли, страшнаго... Я и говорю,—дѣло самое обыкновенное: пріѣхалъ въ глухой городишко человѣкъ, который говоритъ о томъ, что деньги только средство, что жизнь наша ненормальна, что онъ будетъ работать для достиженія какихъ-то цѣлей, ну и прочее въ этомъ родѣ... И понемногу превращается въ Семена Николаевича Будникова».

И самъ разсказчикъ тоже, пріѣхавъ учителемъ въ городъ, кипѣлъ и разныя цѣли имѣлъ въ виду, просвѣщать, вліять на юношество, а потомъ, по маленьку да полегоньку, послѣ нѣкоторыхъ указаній начальства, безъ всего трагическаго и страшнаго, затихъ, замолкъ и сталъ обыденнымъ учителемъ, который учитъ, но никого не просвѣщаетъ. Отвѣтственность, связь людей другъ съ другомъ, идейность все ушло куда-то, пропало, осталось «нестрашное», тихое житіе.

У Будникова была такъ себѣ, «нестрашная», самая обыденная въ жизни стараго холостяка исторія — связишка съ дѣвушкой, съ теченіемъ времени сама собой прекратившаяся. А тутъ еще кстати подвернулся дворникъ Гаврила, который все дѣло прикрылъ вѣнцомъ по любви. Все, значитъ, и совсѣмъ благополучно бы было. Если бы не то, что все одно съ другимъ связано, одно за другое цѣпляется и такъ или иначе, но требуетъ завершенія. И у Будникова былъ одинъ моментъ, когда будто что-то человѣческое въ немъ шевельнулось къ обольщенной Еленѣ, что онъ и думалъ утишить тоже обыденнымъ образомъ, проще говоря уплатить. Онъ предложилъ ей выбрать и взять себѣ одинъ изъ выигрышныхъ билетовъ, а когда она не взяла, самъ намѣтилъ ей карандашомъ билетъ, который и долженъ былъ считаться ея собственностью. Билетъ этотъ вдругъ и выигралъ... Дѣло темное, но Будниковъ деньги оставилъ, какъ и билетъ, у себя, а Елена вышла замужъ за Гаврилу. И шло все хорошо, пока не пошли сначала слухи объ этомъ выигрышѣ и не ввязался въ дѣло пропащій человѣкъ, ходатай по дѣламъ изъ темныхъ дѣльцовъ, Роговъ, бывшій ученикъ разсказчика, когда-то въ гимназіи подававшій большія надежды и сильно привязавшійся къ разсказчику въ тотъ его періодъ, когда и тотъ еще горѣлъ огнемъ свободы и чести. Но потомъ, испугавшись неудовольствія начальства, онъ не сумѣлъ отстоять начатыя имъ задушевныя бесѣды съ учениками и утратилъ вліяніе на чуткаго, но неустановившагося юношу. Мальчикомъ, а потомъ въ университетѣ Роговъ выдавался и способностями, и стремленіями, но потомъ свихнулся послѣ смерти любимой матери, сказалась и наслѣдственность отъ отца алкоголика, и въ родной городъ Роговъ вернулся уже проходимцемъ. Онъ постепенно сближается съ мужемъ Елены и подбиваетъ того выкрасть злополучный билетъ. Но Гаврила, подъ вліяніемъ разбуженной ревности къ Будникову и злости за утаенный выигрышъ, убиваетъ

Будникова. И тогда въ душѣ разсказчика возстановляется вся незамѣтная цѣпь причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ слагается «нестрашное», то, что «затопляетъ, затопляетъ всѣ уголки души...» Какъ могъ онъ жить бокъ-о-бокъ съ людьми, у которыхъ шла драма, а онъ даже не интересовался ею? Какъ могъ допустить, чтобы хорошій мальчикъ, котораго онъ просвѣщалъ, сталъ мерзавцемъ? Зачѣмъ отъ страха передъ вздорными требованіями начальства отказался отъ благодарной роли просвѣтителя и превратился въ учителя—машину?

Нашъ блѣдный пересказъ не даетъ представленія о прелести выдержанной формы этого замѣчательнаго произведенія. Въ предыдущей книгѣ мы говорили о г. Короленкѣ по поводу III-го тома его разсказовъ. «Не страшное» вноситъ въ знакомый образъ писателя новую черту, о которой намъ, вѣроятно, еще придется говорить. Это — неспокойный тонъ новаго разсказа, нѣкоторая тревожность, проникающая его, не ощущавшаяся въ его прежнихъ, всегда такихъ ясныхъ и спокойныхъ по настроенію, разсказахъ. Художникъ является тутъ не живописцемъ, а лирикомъ. Учитель, отъ лица котораго ведется разсказъ, не просто наблюдатель, онъ человѣкъ съ сложной и глубоко интересной душевной жизнью и, передавая намъ абрисъ простой драмы, участникомъ которой онъ считаетъ и себя, онъ пробуждаетъ и въ душѣ читателя сложныя и глубокія настроенія. Вслѣдствіе этого его разсказъ волнуетъ до глубины души, возбуждая жгучее чувство боли за ту жизнь, что «нестрашно» и постепенно «затопляетъ всѣ уголки души». Просыпается сознаніе отвѣтственности и встаетъ вопросъ, а что если и каждый изъ насъ тоже Будниковъ въ своей жизни. Что если смыслъ жизни и цѣль ея тоже потеряны и осталось только увлеченіе средствами, осталось «нестрашное», незамѣтное прозябаніе изо дня въ день... А жизнь не стоитъ и, быть можетъ, близка у каждаго своя катастрофа, когда и онъ услышитъ призывъ, что̀ сдѣлалъ онъ для осуществленія своихъ идеаловъ, для того идейнаго, которое у каждаго было «гдѣ-то тамъ, позади?...»

Внезапный переходъ отъ превосходнаго произведенія Вл. Короленки, съ его волнующими глубокими вопросами, къ полемикѣ г. Сигмы съ г. Величко, къ исторіи гг. Булгакова, Чермана, М. Майкова и Рамма не долженъ удивлять читателя: это тоже свое «нестрашное», что изо дня въ день незамѣтно затопляетъ нашу современную текущую дѣйствительность....

Еще недавно Н. Энгельгардтъ на страницахъ «Новаго Времени» поучалъ читателей, что добрые и чистые литературные нравы сохранились только въ мірѣ газетномъ (понимай—въ «Новомъ Времени»), а въ журналахъ господствуютъ нынѣ дикіе хулиганы, которые поносятъ все честное. Въ тонъ ему г. Буренинъ призывалъ къ борьбѣ съ порнографіей, разведенной журналами, а г. Меньшиковъ источалъ елейныя рѣчи о порчѣ вообще. И читатели тревожились, заваливали письмами редакцію «Новаго Времени», взывая о защитѣ противъ журнальныхъ хулигановъ и порнографовъ, радуясь, что есть еще доблестное «Новое Время», которое «чище снѣга альпійскихъ вершинъ», этотъ послѣдній оплотъ и прибѣжище добродѣтели.

И вдругъ такая исторія... Письмо г. Булгакова, редактора «Новаго Времени»,

въ отвѣтъ на призывъ его въ свидѣтели по дѣлу Рамма и Чермана; потомъ письма самаго Чермана и М. Майкова; потомъ опять г. Булгакова; потомъ... драка... Какъ! И это въ прибѣжищѣ добродѣтели, тамъ, гдѣ сама чистота, добрые нравы и истинно-русскій духъ! Ахъ, какой пассажъ неожиданный!..

Мы, конечно, охотно вѣримъ, что всѣ эти злоключенія постигли «Новое Время» именно за добродѣтель, которая, вѣдь, всегда въ удрученіи бываетъ. Напр., «Петербургскія Вѣдомости» первыя начали походъ противъ Рама, но ихъ порочность давно извѣстна, начальствомъ засвидѣтельствована, и потому имъ сошло это съ рукъ безнаказанно. Мы глубоко убѣждены, при всемъ нашемъ хулиганствѣ, что г. Булгаковъ—злополучная жертва истиннаго выполненія долга, что только нервы помѣшали ему явиться въ судъ и на голову разбить вздорную клевету своихъ бывшихъ сотрудниковъ Чермана и М. Майкова, и искренно сожалѣемъ, что эти бывшіе нововременскіе «молодцы» проявили такъ мало уваженія къ печатному слову и посягнули на личность г. Булгакова. Хотя мы и хулиганы, по мнѣнію г. Энгельгардта, но никогда не одобряли ни кулачной расправы, ни тѣхъ средствъ, въ которымъ прибѣгаютъ гг. Черманы и М. Майковы въ ихъ счетахъ съ г. Булгаковымъ.

Для насъ во всей этой исторіи и поучительно, и характерно для «Новаго Времени» то, что выясняетъ вообще «духъ» этой газеты. Это—взаимныя отношенія между сотрудниками. Узнавъ, напр., что Черманъ назвалъ г. Протопопова (В.), который будто бы взялъ деньги (8.000) для передачи ихъ г. Булгакову, послѣдній «попросилъ одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени», г. Бѣляева, дружившаго съ г. Протопоповымъ, помочь мнѣ разузнать, имѣетъ ли фактическое основаніе дошедшій до меня слухъ о продѣлкѣ, приписываемой г. Протопопову, за счетъ моего имени». И г. Бѣляевъ выполняетъ порученіе, а г. Протопоповъ «съ негодованіемъ» опровергаетъ и проч. При всемъ нашемъ хулиганствѣ, мы просто не можемъ себѣ представить такихъ отношеній въ редакціи нашихъ журналовъ, чтобы у сотрудниковъ спрашивали, по порученію редактора, «а не взяли ли вы 8.000 съ такой-то цѣлью?» Или слѣдующая картинка добрыхъ нравовъ во вкусѣ г. Н. Энгельгардта. Обѣдаетъ въ ресторанѣ «Медвѣдь» М. А. Суворинъ, купно съ гг. Бѣляевымъ и Протопоповымъ, къ нимъ подходитъ г. Раммъ и разсказываетъ, какъ М. Майковъ, «бывшій сотрудникъ «Россіи», по словамъ письма Г. Булгакова, и какъ оказалось потомъ—бывшій сотрудникъ «Новаго Времени», соблазнялъ его, Рамма, подкупить г. Булгакова... Это ли еще не чистота нравовъ?...

Другая «нестрашная» исторія изъ той же области — это распря между двумя столпами «Русскаго собранія». Изъ нихъ одинъ—г. Сигма, «изъ рабочей комнаты» коего вышло «Русское собраніе», а другой—самъ г. Величко, редакторъ лейбъ-органа того же собранія «Русскаго Вѣстника». Г. Сигма пишетъ по адресу г. Велички: «На какомъ основаніи онъ огульно обвиняетъ въ поджигательствѣ евреевъ-лѣсопромышленниковъ? Почему онъ сомнѣвается въ благонадежности фабричныхъ инспекторовъ? Что ужасное предлагается, по его мнѣнію, въ «трезвенныхъ» библіотекахъ? Что же высказывается въ чтеніяхъ съ туманными картинами? Откуда слѣдуетъ, что «освобожденіе крестьянъ

имѣетъ поразительное соціологическое сходство съ кровавой французской революціей»? Наконецъ, какія мечтанія будутъ осуществлять квартиранты въ думѣ? Неужели же г. Величко не понимаетъ, что бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности не есть публицистика, а есть что-то другое?» На такое «dictum acerbum» г. Величко не безъ ехидства отвѣчаетъ вопросомъ: «Если г. Сигма относится къ нимъ («соображеніямъ» г. Величко) отрицательно, то каковы же его собственные взгляды?»

«Милые бранятся—только тѣшатся», можемъ успокоить членовъ «Русскаго собранія», ибо при самомъ тщательномъ сличеніи писаній гг. Сигмы и Велички трудно разобрать, гдѣ начинается первый и кончается второй. Иными словами, оба доблестные столпа «Русскаго собранія» стоютъ другъ друга вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ «два сапога пара». Тѣмъ болѣе, что г. Сигма очень наивно и неполитично обнаружилъ inde ira: «За меня подали въ послѣднемъ засѣданіи «Русскаго собранія» только 84 человѣка изъ 225...» Вотъ гдѣ «погребена собака», укусившая чувствительнаго г. Сигму. Если бы та же «собака» укусила г. Величку, напр., потеряй онъ теплое редакторское мѣсто въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы увѣрены, онъ сталъ бы изобличать г. Сигму въ недостаточномъ пониманіи истинно-русскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, распря столповъ отнюдь не потрясаетъ прочности будущаго собственнаго зданія «Русскаго собранія», которое опирается вѣдь на 2.000 столоначальниковъ всѣхъ петербургскихъ департаментовъ. Кромѣ того, для большей устойчивости оно обзавелось даже отдѣленіемъ въ Харьковѣ, гдѣ явился и свой лейбъ-органъ будущаго отдѣленія, «Мирный трудъ». Правда, отъ него моментально разбѣжались сотрудники не изъ столоначальниковъ, оставивъ своего редактора, проф. Вязигина, въ нѣсколько трудномъ положеніи. Ему бы взять г. Сигму въ руководители, тогда его журналъ моментально расцвѣтетъ, и харьковское отдѣленіе будетъ въ надежныхъ рукахъ. А то на однихъ столоначальникахъ въ журнальномъ дѣлѣ далеко не уѣдешь, что хорошо знаетъ издатель «Русскаго Вѣстника»: и какъ писатели, и, въ особенности, какъ подписчики, столоначальники—народъ ненадежный и малопотребный...

Въ заключеніе, сопоставляя обѣ исторіи—распрю столповъ «Русскаго собранія» и распрю редактора «Новаго Времени» съ его бывшими сотрудниками, мы не можемъ не спросить, какъ же такъ вдругъ все это произошло? Несомнѣнно, и тутъ «нестрашное» сыграло свою роль. Вѣдь гг. Черманъ и М. Майковъ не вчера только объявились въ редакціи этой газеты, и г. Величко не съ неба свалился въ объятія г. Сигмы. Вотъ, напр., «Волгарь» сообщаетъ, что еще года два-три тому назадъ инкриминируемые «писатели» вели себя въ Нижнемъ во время одного инженернаго процесса, какъ настоящіе ушкуйники. А редакція «Новаго Времени» пренаивно отвѣчаетъ, что она этого не знала. «То-то вотъ—кто виноватъ?» можно ей возразить. И теперь во время харьковскаго процесса опять уличали одного ушкуйника съ упоминаніемъ все того же «Новаго Времени», а редакція опять-таки ничего не знаетъ. А отчего? Г. Энгельгардтъ былъ, напр., уличенъ критикой въ нѣкоторомъ, скромно вы-

ражаясь, позаимствованіи, и между тѣмъ онъ же на страницахъ «Новаго Времени» другихъ упрекаетъ въ хулиганствѣ. А случится какая-либо исторія, и будетъ опять г. Булгаковъ метать громы и молніи на своего бывшаго сотрудника, да поздно. Или г. Сигма не такъ давно былъ обвиняемъ кн. Мещерскимъ въ присвоеніи себѣ одного французскаго фельетона, что нимало не мѣшаетъ теперь тому же г. Сигмѣ быть столпомъ того же «Новаго Времени» и даже увѣрять, что изъ его «рабочей комнаты» вышло «Русскаго собраніе». А про г. Величку и говорить нечего. Довольно вспомнить его дѣятельность на Кавказѣ. Такъ незамѣтно, потихоньку да полегоньку, и слагается та специфическая атмосфера, гдѣ привольно и легко дышется гг. Черманамъ и Майковымъ, и напрасно, поэтому, кипятится теперь г. Булгаковъ, ибо все случившееся не сегодня выросло, а постепенно, вотъ уже двадцать пять лѣтъ какъ затопляло всѣ уголки «Новаго Времени», пока, наконецъ, не перелилось черезъ край.

А. Б.

О ДОБРОВОЛЬНОМЪ РАБСТВѢ.

По поводу: *Ек. Лѣтковой* „Рабъ". 1903. г.

Симпатичный талантъ автора «Мертвой зыби» и другихъ разсказовъ, первые два тома которыхъ только что вышли вторымъ изданіемъ, естественно привлекаетъ вниманіе и къ новому, третьему, сборнику того же автора, г-жи Е. Лѣтковой, подъ выписаннымъ заглавіемъ. Въ него вошло всего пять очерковъ, почему то объединенныхъ однимъ общимъ заголовкомъ, который, собственно, относится лишь къ первому изъ нихъ. Случайно ли это обобщеніе? Намъ думается, что не совсѣмъ, или, во всякомъ случаѣ, если оно и непроизвольно, но все же оно служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на преобладающій мотивъ и въ слѣдующемъ, самомъ значительномъ произведеніи этого сборника,—«Оборванная переписка», а можетъ быть и, вообще, является характернымъ для опредѣленія того, что больше всего страшитъ автора и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ для психологическаго анализа.

Рабство, конечно, разное бываетъ, а въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ выступаетъ «рабство добровольное», или кажущееся человѣку добровольнымъ, что, по мнѣнію автора, страшнѣе всего: «Всю жизнь ломать себя, всю жизнь подчиняться кому-то или чему-то, все время дѣлать не то, что хочешь дѣлать, и ради чего?» «Надѣяться властвовать надъ жизнью и стать ея рабомъ!» Къ этимъ грустнымъ выводамъ приходитъ писатель, Николай Дмитріевичъ Стрѣльцовъ, уѣхавшій для отдыха и вдохновенія въ деревню, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявшій на себя обязательство «поставлять въ газету каждый день тридцать двѣ строчки стиховъ», чтобы отработать авансъ. Повѣяло новыми впечатлѣніями—«налетали какіе-то неясные образы, ласкающіе звуки; въ головѣ колыхались гармоничныя волны недоговоренныхъ мыслей, выраженія безъ словъ, какіе-то грёзы безъ опредѣленной формы», а тутъ подавай во что бы то ни стало положенное число стиховъ или «дневникъ дачника», да еще въ наперед

указанномъ духѣ, чтобы угодить редактору газеты. Положеніе, конечно, незавидное для свободы творчества, и судьбѣ Стрѣльцова ставится въ параллель судьба маленькой деревенской дѣвочки, отданной въ работницы къ священнику, «за рубль въ мѣсяцъ». Дѣвочка, прелестно очерченная авторомъ, который большой мастеръ на миніатюрные наброски, нѣсколькими тонкими и мѣткими штрихами, убѣгаетъ отъ своихъ хозяевъ, предпочитая жить хоть бы впроголодь, да по своему; уѣзжаетъ съ дачи и писатель, чтобы нести свои добровольныя цѣпи въ менѣе дразнящей волею обстановкѣ.

Этотъ разсказъ-анекдотъ, въ которомъ вѣетъ духомъ Чехова, съ трагикомической развязкой, повидимому, важенъ автору, чтобы досказать свое положеніе о «добровольномъ рабствѣ», тогда какъ въ прежнихъ разсказахъ г-жи Лѣтковой духовное рабство людей объяснялось болѣе внѣшними условіями. Уже Н. К. Михайловскій, разбирая первыя двѣ книжки г-жи Лѣтковой («Русск. Бог.» 1899 г., № 11), свелъ къ тремъ положеніямъ тѣ формы рабства, одиночества и любовно-враждебныхъ отношеній, которыми нарушается духовная свобода личности. Первое положеніе—рабство отъ какой-то стихійной силы, въ видѣ «температуры рукъ, запаха волосъ, звука голоса», словомъ, физіологическая страсть; второй видъ рабства обусловленъ законами наслѣдственности; наконецъ, третья форма рабства стоитъ въ зависимости отъ силы «житейской тины», тѣхъ мелочей и условностей, которыя подчиняютъ себѣ людей, обязывая ихъ жить, «какъ всѣ», обезличивая ихъ, причемъ сами они не умѣютъ сказать, зачѣмъ все это нужно». Въ настоящемъ, новомъ произведеніи г-жи Лѣтковой—«Оборванная переписка»—выступаютъ тѣ же мотивы, но въ иной комбинаціи и, какъ намъ кажется, съ болѣе рельефно очерченной отвѣтственностью за «добровольное» подчиненіе постороннимъ силамъ. Фабула этой повѣсти можетъ быть исчерпана въ нѣсколькихъ словахъ: писатель, которому за сорокъ лѣтъ, неудачно женившійся, влюбленъ въ молодую женщину, тоже не особенно счастливую въ своей брачной жизни. Но у нея двое дѣтей; она любитъ и не любитъ своего мужа и, во всякомъ случаѣ, хочетъ остаться вѣрной идеѣ долга. Сергѣй Ильичъ,—такъ зовутъ писателя,—уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, въ уединеніе, а героиня, Варвара Львовна, остается въ Петербургѣ, въ центрѣ очень, повидимому, шумной и суетливой жизни, гдѣ она на людяхъ «одинока».

Между ними завязывается переписка—рядъ автобіографическихъ признаній о себѣ и о родителяхъ. Сергѣй Ильичъ разсказываетъ о своей неудачной женитьбѣ, объ измѣнѣ жены и нѣкоторыхъ своихъ «незаконныхъ» увлеченіяхъ. Варвара Львовна разсказываетъ объ измѣнѣ мужа и странномъ эпизодѣ нарушенія супружеской вѣрности и въ собственной жизни. Сергѣй Ильичъ узнаетъ изъ дневника своей бабушки, что и у нея былъ «романъ», а Варвара Львовна сообщаетъ, какъ она узнала еще ребенкомъ, что ея мать имѣла возлюбленнаго и лгала при дѣтяхъ. Послѣ ряда признаній,—въ перепискѣ наступаетъ перерывъ, а затѣмъ, повидимому, послѣ примиренія Варвары Львовны съ мужемъ и усыновленія его незаконнаго ребенка, переписка «обрывается»: онъ уходитъ въ одинокую, «головную» жизнь; она жертвуетъ собой для семьи.

Приведенная схема не можетъ, конечно, дать надлежащаго понятія о сути дѣла, и вопросъ не въ субтильномъ анализѣ однихъ только любовныхъ чувствъ:

интересъ повѣсти въ томъ и заключается, что любовная тема разрабатывается на почвѣ широкаго пониманія духовныхъ запросовъ человѣка и личности, въ связи съ соціальными отношеніями и обязанностями. Авторъ—и это не часто встрѣчается именно у писательницъ—удивительно сдержанъ въ лирическихъ признаніяхъ, какъ-то особенно «цѣломудренъ» въ передачѣ порывовъ страстной привязанности, мѣстами даже скупъ, чтобы не сказать нѣсколько сухъ, въ выраженіи непосредственнхъ влеченій сердца. Его больше занимаетъ вопросъ—какъ и отчего это случилосъ, что два человѣка, которые могли бы быть счастливы, идти рука объ руку на жизненномъ пути къ общей цѣли, относительно которой у нихъ, повидимому, полная солидарность въ мысляхъ, разобщены, страдаютъ оба и не могутъ пересилить ставшихъ роковыми обстоятельствъ. Они, конечно, «рабы»,—и поочередно выдвигаются уже извѣстныя намъ три положенія: первый видъ рабства—физіологическій—обусловилъ то, что Сергѣй Ильичъ женился, въ сущности не любя по настоящему своей жены; они съ самаго начала были «чужими» другъ другу, и Варвара Львовна выражаетъ удивленіе, какъ онъ—«умный человѣкъ»—не понялъ этого сразу. Но и она, выходя замужъ, тоже не испытывала истиннаго чувства. Ея женихъ ей нравился, ей было съ нимъ весело, она была *очень* рада, когда онъ сказалъ ей, что ее любитъ—«рада но не счастлива!» «Первый годъ прошелъ очень однообразно и даже скучно», а открытіе измѣны мужа вызвало въ Варварѣ Львовнѣ злобное чувство и первую ошибку она усугубила второй. Слѣдующій мотивъ (наслѣдственность) тоже намѣченъ и въ этой повѣсти: сюда относятся разсказы о матери и бабушкѣ, затѣмъ соображеніе, высказываемое Варварой Львовной: «Замѣчали вы, что иногда въ семьяхъ повторяются драмы: то, что пережили родители, переживаютъ и дѣти. Можетъ быть, это и не въ однихъ драмахъ, а и въ счастьѣ. Но такъ какъ «всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по своему»,—то драмы замѣтнѣе». Рѣчь и идетъ какъ разъ о драмѣ. Если не исключительно къ теоріи наслѣдственности, то къ нѣкоторому фатализму героиня повѣсти все же весьма склонна. Наконецъ выступаетъ третій и самый важный въ данномъ случаѣ элементъ,—которымъ, какъ мы увидимъ, объясняется многое и въ первыхъ двухъ «положеніяхъ»,—это рабство отъ «житейской тины», отъ желанія быть, «какъ всѣ». Какъ женщина, Варвара Львовна, сильнѣе чувствуетъ на себѣ это вліяніе и больше ему подчиняется. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она, не любя, выходила замужъ? Чтобы быть, «какъ всѣ»? Между тѣмъ, вѣдь и у неопытной молодой дѣвушки —сердце «вѣрный вѣщунъ», если она къ нему прислушивается. «Физіологія» рѣдко можетъ имѣть такое рѣшающее вліяніе именно на дѣвушекъ, въ которыхъ чувственность дремлетъ, при большей, чѣмъ у юношей, чистотѣ помысловъ. «Фатализмъ» насчетъ повторенія на дѣтяхъ судьбы родителей, это, очевидно, позднѣйшее соображеніе, придуманное, такъ сказать,—себѣ въ утѣшеніе. Главное въ томъ, что, слѣдуя общепринятому, а не сообразуясь съ собственными указаніями сердца, Варвара Львовна надѣла на себя первое звено цѣпи «добровольнаго рабства» и вотъ, что дальше, тѣмъ больше она въ ней запутывается.

Натура чуткая, въ высокой степени совѣстливая, съ благородными стрем-

леніями и даже, повидимому, съ сознательно общественной жилкой, выражающейся въ желаніи жить на пользу и «другимъ, «не безъ послѣдствій», какъ образно поясняетъ она свое настроеніе словечкомъ, подхваченнымъ у одной больной бабы, Варвара Львовна теряется въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, въ которыхъ она словно не въ состояніи разобраться, несмотря на всю свою выдержку, несомнѣнный здравый смыслъ и большую наблюдательность. Что лучше въ жизни, или для жизни—правда или ложь? Нужны ли искренность и откровенность? Что такое долгъ? Не наполняетъ ли она свою жизнь выдуманными обязанностями? Вотъ на выдержку нѣсколько цитатъ: съ самаго начала, принимая приглашеніе Сергѣя Ильича переписываться съ нимъ съ полной откровенностью и искренностью, Варвара Львовна выражаетъ свою радость откликнутся на этотъ призывъ: «ни одного слова лжи», но тутъ же прибавляетъ:—«не знаю, справлюсь ли?» Дальше слѣдуетъ длинное разсуженіе о томъ, какъ она раньше вѣрила «въ силу и красоту правды», но отучили ее отъ этой вѣры свѣтскія воззрѣнія («правдивость синонимъ безтактности» и т. п.). Еще дальше, Варвара Львовна уже высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, ея другъ увидѣлъ въ ней душевную красоту только потому, что она «лгала и очень искусно лгала». Въ одномъ письмѣ она говоритъ, что хочетъ говорить только правду, а нѣсколько позже проситъ:—«дайте мнѣ еще пожить въ той лжи, которой я такъ дорожу». Анализируя свое душевное состояніе послѣ удивительной измѣны мужу, тоже безъ любви, а лишь съ отчаянія и со зла, Варвара Львовна, повидимому, склонна сдѣлать какъ бы синонимами—«страшную муку» и «сплошную ложь», а слѣдомъ называетъ ложь—«спасительной» и, въ концовѣ концовъ, заявляетъ, что «правда жизни придавила ее».

Всѣ эти противорѣчія и колебанія вполнѣ объяснимы. психологически, и авторъ весьма тонко съумѣлъ ихъ очертить именно на почвѣ «больной души», которая мечется подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ и настроеній. Но въ основѣ всей этой вереницы «лжей», противъ которыхъ безсильно борется голосъ совѣсти и прирожденное «правдолюбіе» героини, не лежитъ ли, во-1-хъ, тотъ первый шагъ, когда она солгала себѣ, вступивъ на путь компромисса, чтобы устроиться, «какъ всѣ»; затѣмъ—добровольное рабство, при подчиненіи всякимъ условностямъ жизни? Варвара Львовна заявляетъ въ одномъ мѣстѣ, что «презрѣніе ко лжи — привилегія сильныхъ людей; намъ, слабымъ, оно не подъ силу» (75); и нѣсколькими страницами ниже: «правда—геройство совсѣмъ непримѣнимое и даже смѣшное въ нашей сѣренькой жизни. Она—врагъ общежитія, врагъ мира въ семьѣ, врагъ всего, за что мы держимся» (166). Все это, однако, подъ условіемъ какъ бы росписаться въ своемъ безсиліи. Это мораль «рабовъ», и не столько невольныхъ, которымъ все же, можетъ быть, присуще стремленіе скинуть съ себя цѣпи и не то, чтобы подчиняться имъ, а именно быть приневоленнымъ выдерживать ихъ, а добровольныхъ, мирящихся съ обстоятельствами, подъ предлогомъ своей слабости, и усвоивающимъ прецепты рабской морали, чтобы не выбиться изъ атмосферы буржуазнаго благополучія. Всѣ эти обличительныя стороны «добровольнаго рабства» съ особымъ рельефомъ выступаютъ въ повѣсти, потому что за признаніями героини и ея кажущейся покорностью «неизбѣжной лжи» чувствуется глухой протестъ

возмущеннаго сердца, который, въ концѣ концовъ, заставляетъ ее высказать всю неприглядную правду, даже подъ рискомъ утратить уваженіе и любовь дорогого человѣка.

Утратила ли она ихъ на самомъ дѣлѣ? Два слова сперва о самомъ Сергѣѣ Ильичѣ. Его цѣльный обликъ не вполнѣ ясенъ, быть можетъ вслѣдствіе избранной авторомъ формы — «повѣсти въ письмахъ». Этотъ видъ литературы, въ которомъ, кто-то сказалъ, всего непосредственнѣе отражается жизнь, такъ какъ письма какъ бы цѣликомъ изъ жизни переносятся въ литературу, въ то же время весьма условный пріемъ. Въ «литературной» формѣ писемъ, очевидно, менѣе всего настоящей непосредственности и приходится восполнять характеристики болѣе или менѣе искусными вставками, все же нарушающими естественную форму письма. И затѣмъ все таки остаются недочеты. Не будемъ на нихъ настаивать. Сергѣй Ильичъ довольно подробно разсказываетъ себя и о себѣ: тутъ и воспоминанія о дѣтствѣ и студенческіе годы, уходъ изъ университета и выборъ свободной профессіи, и неудачная женитьба, и жалобы на духовное одиночество. Въ общемъ, получается обликъ человѣка, несомнѣнно, очень почтеннаго, хорошаго, скажемъ, даже выдающихся качествъ ума и сердца, высокопорядочнаго и даже, можетъ быть, если судить по нѣкоторымъ указаніямъ въ письмахъ, играющаго весьма видную роль въ избранномъ имъ родѣ дѣятельности, во всякомъ случаѣ, весьма гуманитарной, но нельзя не обратить вниманіе на одно свойство выставленнаго лица: Сергѣй Ильичъ, при всѣхъ своихъ качествахъ, очень поглощенъ своей личностью, вслѣдствіе чего не замѣчаетъ чужихъ жизней, не вникаетъ въ чужую душу. Онъ, такъ сказать, слишкомъ «головной» человѣкъ и лишь заднимъ числомъ догадывается, что недостаточно выставлять впередъ принципы (въ родѣ цитируемаго французскаго девиза, который былъ надписанъ на брелокѣ у Варвары Львовны, и вызвалъ замѣчаніе Сергѣя Ильича: «Эти слова не на балаболкахъ носить надо, а дѣтямъ ихъ втолковывать: «презирайте деньги, презирайте ложь, презирайте смерть» — тогда вы будете людьми»), а надо считаться съ конкретными личностями. Сергѣй Ильичъ не «замѣчалъ» своей бабушки, пока она была жива, и ея дневникъ явился для него позднимъ откровеніемъ. Онъ разстался съ матерью подъ впечатлѣніемъ несходства въ воззрѣніяхъ съ ней, и когда, послѣ трехъ лѣтъ разлуки, получилъ извѣстіе о ея кончинѣ, то ограничился замѣчаніемъ: «Письмо пропутешествовало за мной чуть не мѣсяцъ. Я разсудилъ, что ѣхать домой въ деревню не было смысла: мать была уже въ могилѣ». Вотъ и все. Онъ не замѣчалъ даже предметы своихъ увлеченій, тѣхъ, которыхъ и Варвара Львовна снисходительно называетъ «неудобными деталями мужской жизни», и когда неожиданно старуханяня водворяетъ къ нему въ комнаты, какъ оказывается впослѣдствіи, его собственнаго сына отъ мимолетной связи съ горничной матери, Сергѣй Ильичъ съ трудомъ можетъ вспомнить этотъ эпизодъ. Другую дѣвушку, Аришку, онъ хорошо помнитъ, а тутъ—«остался одинъ съ больной матерью, за ней ухаживала блѣдная, худенькая дѣвушка (Настя)... Не помню не только счастья, но и малѣйшей радости... Просто была скука...» И ребенка, появившагося на свѣтъ, какъ результатъ этого «скуки ради». Сергѣй Ильичъ, конечно, не от-

вергаетъ; онъ выказываетъ впослѣдствіи трогательную заботу о немъ, отправляетъ учиться въ Москву и т. п. Но все это потомъ, т.-е. заднимъ числомъ. Сергѣй Ильичъ догадывается, что прошла мимо него чья-то жизнь и не одна, а двѣ жизни: на второй онъ старается исправить свою несправедливость, или, скажемъ, невниманіе къ первой.

Такъ же односторонне поглощенъ онъ и любовью къ своей будущей женѣ и не замѣчаетъ ея личной жизни. Варвара Львовна ему это прямо высказываетъ: «...и въ этомъ вашемъ счастьѣ не было мѣста для малѣйшаго вниманія къ ея душѣ, къ ея сердцу... Иначе вы не проглядѣли бы ея любви къ Ломачеву». И это, конечно, вполнѣ справедливо. Такъ увлекаться и разочаровываться можно очень часто, питаясь лишь собственными настроеніями, переживая все тѣ же гаммы чувствъ и, въ сущности, не сливаясь духовно ни съ кѣмъ, не упрочивая «восторгъ любви» устоями дружбы. Дѣло не только въ имени «друга», и намъ представляется вопросъ—не въ такомъ же ли родѣ, какъ и къ другимъ людямъ, складываются отношенія Сергѣя Ил. къ Варварѣ Львовнѣ? Онъ создалъ себѣ извѣстное представленіе о ней, любуется имъ, и, быть можетъ, дѣйствительно любитъ; но заглянулъ ли онъ ей глубже въ душу, постарался ли онъ понять живого человѣка, а не собственную грёзу, узнать ея тревоги и печали, узнать ее такой, какова она на самомъ дѣлѣ? Думается, что нѣтъ. Иначе, также какъ онъ не проглядѣлъ бы своевременно любви своей невѣсты къ другому человѣку, если бы внимательно къ ней отнесся, такъ и по отношенію къ Варварѣ Львовнѣ онъ не мучилъ бы ее настойчивыми заявленіями—«вы такая-то и такая-то и я васъ люблю именно такой-то, какъ я васъ себѣ представляю», а понялъ бы, сразу понялъ бы, что за этими ясными глазами и кажущейся невозмутимой наружностью кроется какая-то глухая боль, что-то скорбное и молящее, сознаніе, быть можетъ, не одной, а нѣсколькихъ роковыхъ ошибокъ, начиная съ выхода замужъ, и иначе отнесся бы къ ней. Вѣдь, любовь есть не только обладаніе, но и прежде всего проникновеніе. Но Сергѣй Ил. видѣлъ въ Варварѣ Львовнѣ только то, что ему хотѣлось видѣть, что ему нравилось, что онъ желалъ, чтобы было. Все это отъ недостаточнаго вниманія, недостаточнаго проникновенія искренняго и глубокаго чувства. Обычный, «мужской» недостатокъ, свойственный всего чаще людямъ (мы не говоримъ, конечно, о грубо-эгоистичныхъ натурахъ, у которыхъ онъ принимаетъ исключительный характеръ), живущимъ отвлеченными интересами. Сергѣй Ильичъ слишкомъ поглощенъ своей личностью. Это есть тоже своего рода рабство и тоже «добровольное», такъ какъ оно происходитъ отъ нежеланія поставить себя на чужое мѣсто. Сергѣй Ильичъ предпочелъ одиночество, когда узналъ, что та, которую онъ любилъ, не отвѣчаетъ его мечтѣ. Онъ, конечно, не порвалъ грубо, рѣзко, но переписка оборвалась. Онъ уже не хочетъ «отказаться отъ своего одиночества», давшаго ему ощущеніе свободы, не хочетъ опять «отдать себя добровольно въ рабство», вернувшись въ городъ, но при этомъ не замѣчаетъ другой формы рабства, которое мы въ еще большей степени назовемъ добровольнымъ, рабства у самого себя, т.-е. отъ поглощенія своей личностью, при нежеланіи вникнуть и понять людей, каковы они на самомъ дѣлѣ.

Вернемся теперь къ тезису, который такъ волнуетъ Варвару Львовну,—о

необходимости «спасительной» лжи для блага ближняго. Мы могли бы, конечно, себѣ представить, что Варвара Львовна удержится отъ неблагопріятнаго для нея признанія, будетъ—изъ жалости, состраданія или любви—продолжать казаться въ глазахъ Сергѣя Ильича такой, какою онъ хотѣлъ бы ее знать и, по собственному ея сравненію женщины съ Янусомъ, оборачиваться къ нему всегда лишь одной привлекательной для него стороной. Онъ былъ бы счастливъ; она бы, въ меньшей степени, но по своему тоже; она могла бы развестись съ мужемъ и т. д., и т. д. Тема о спасительной лжи, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, за послѣднее время неоднократно разсматривалась въ литературѣ. Ее, такъ сказать, «выгораживали» и Ростанъ, и Метерлинкъ, и многіе другіе, а въ послѣдней пьесѣ Горькаго «На днѣ» цѣлебныя свойства лжи возведены чуть что не въ теорію. Намъ приходилось уже по этому поводу высказываться и мы настаиваемъ на исключительномъ, палліативномъ, а отнюдь не врачующемъ характерѣ этого средства въ безнадежныхъ случаяхъ. Ложь, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ стать принципомъ жизни и условіемъ счастья, ни даже благополучія. Если не всегда умѣстно говорить всю правду, такъ именно потому, что въ большинствѣ случаевъ *всей* правды мы не можемъ или не умѣемъ высказать. Одинокій фактъ, отдѣльно выхваченная черта можетъ оказаться бо́льшей ложью, чѣмъ умолчаніе, такъ какъ тоже представляется недосказанностью, которая поведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. *Вся* правда всегда благотворна, но требуется особое творчество, чтобы возсоздать ее и внушить другимъ. Безъ этого она не будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть. Г-жа Лѣткова совпадаетъ съ Горькимъ въ указаніи, что «правда это богъ свободнаго человѣка» (у Ек. Лѣтковой—«правда—для сильныхъ, а намъ, слабымъ» и т. д.). Однако, несмотря на все «правдолюбіе» ея героини, послѣдняя, возмущаясь противъ лжи, все-таки какъ бы невольно ее и оправдываетъ. Сергѣй Ильичъ болѣе энергично высказывается за необходимость правды, но, какъ вытекаетъ изъ нѣсколькихъ его романическихъ эпизодовъ въ настоящей повѣсти, эта правда приноситъ ему только огорченія. Онъ, конечно, человѣкъ сильный и къ нему непримѣнима теорія «палліативной» лжи изъ жалости. Почему же онъ не выноситъ правды? Мы постарались выяснить, насколько это видно по «перепискѣ», въ чемъ онъ особенно уязвимъ. «Нужно работать одному, но для всѣхъ,—пишетъ Сергѣй Ильичъ.—И съ этимъ не страшно ни разочарованіе, ни неудавшаяся личная жизнь. Нужно идти своей дорогой, свободному... и одинокому. Въ одиночествѣ свобода и сила. И кто дойдетъ до него сознательно и спокойно, тотъ побѣдитъ».

Кого побѣдитъ? Только не себя и не другихъ. Работать одному, пожалуй, еще можно и, по временамъ, необходимо, но жить и чувствовать одному нельзя. Ставить себя въ исключительную зависимость отъ своей личности—это, какъ указано, одна изъ формъ добровольнаго рабства; и только поэтому субъективныя иллюзіи могутъ нуждаться во лжи, чтобы поддерживать ихъ и давать человѣку призракъ мишурнаго счастья. Это значило бы жить подъ постояннымъ дамокловымъ мечомъ. Но еще разительнѣе та ложь, которая исключительно поддерживается неудовлетворительными условіями общественной жизни, которымъ мы отдаемъ себя въ рабство.

Сергѣй Ильичъ между прочимъ, находитъ въ своей деревенской библіотекѣ экземпляръ «опытовъ» Монтэня и замѣтку въ дневникѣ бабушкѣ: «С... сталъ читать вслухъ Монтэня, сказавъ: «Вотъ наука житейской мудрости». Сергѣй Ил. признается, что онъ и самъ много разъ держалъ эту книжку въ рукахъ и, очевидно, вчитывался въ нее.

Не будетъ ли умѣстнымъ по сему поводу припомнить печатаемый обыкновенно въ приложеніи къ «Опытамъ» трактатъ лучшаго друга Монтеня, рано скончавшагося Ла-Боэси, трактатъ именно: «О добровольномъ рабствѣ». Въ отличіе отъ цитуемыхъ авторомъ въ двухъ мѣстахъ извѣстныхъ стиховъ Константина Батюшкова: «Рабомъ родится человѣкъ, радомъ въ могилу ляжетъ» и т. д., Ла-Боэси считалъ, что человѣкъ родится именно свободнымъ. Онъ думалъ также, что «естественное состояніе человѣка не только быть правдивымъ, но и желать имъ оставаться» *); что отклоненія отъ прирожденнаго стремленія къ правдивости происходятъ лишь вслѣдствіе того, что наша природа сообразуется «съ тѣмъ питаніемъ, которое ей подносятъ», и что первый шагъ ко лжи, это отказъ отъ свободы. Только съ утратой свободы начинаются всѣ бѣдствія и наступаетъ царство лжи: «La liberté qui est toutefois un si grand bien et si plaisant, que, elle perdue, tous les maux viennent à la file». Ла-Боэси анализируетъ разныя формы «добровольнаго рабства», изъ которыхъ многія живы и понынѣ. Однимъ изъ первыхъ условій освобожденія отъ нея является укрѣпленіе нашего сознанія: «Soyez resolus de ne servir plus, et vous voila libres... Et vous verrez (la servitude), comme un grand colosse à qui on a dérobé la base, de son poids même fondre en bas, et se rompre».

И безъ ненависти ко лжи нельзя даже честно стремиться къ дѣлу освобожденія, отъ котораго всего болѣе отдаляютъ, какъ справедливо указывалъ еще Ла-Боэси, соображенія объ «удобствахъ» жизни (le bonheur de la vie passée et l'attente de pareil aise à l'avenir), т.-е. о такъ называемомъ буржуазномъ благополучіи, въ которомъ столько «подлиннаго» мѣщанства. И ложь отстаивать можетъ лишь тотъ, кто только на словахъ вооружается противъ «житейской тины», а самъ даетъ себя втянуть въ нее, убаюкать на мягкомъ ложѣ, постепенно привыкая къ болотному смраду, утративъ пониманіе о единственно цѣлительной, единственно устойчивой, единственно драгоцѣнной и неизмѣняющей правдѣ, которая, дѣйствительно, есть и пребываетъ богомъ свободнаго человѣка. И въ такомъ случаѣ не зачѣмъ выдвигать теорію «оправданія лжи», хотя бы и въ значеніи палліативнаго средства, въ безнадежныхъ положеніяхъ (умирающій трубадуръ у Ростана, умирающая, забитая женщина у Горькаго), такъ какъ, если, напр., бываютъ случаи, когда смерть представляется лучшимъ или даже единственнымъ избавленіемъ отъ невыносимой жизни, то будетъ очевиднымъ абсурдомъ выдвигать смерть принципомъ жизни.

Вопросъ, затронутый авторомъ «Оборванной переписки» настолько широкъ, что легко уклониться въ сторону. Мы далеко не исчерпали многихъ отдѣльныхъ, мѣстами глубокихъ, часто остроумныхъ или житейски-правдивыхъ замѣчаній, которыя разъяснены въ повѣсти, остановившись лишь на главномъ

*) Le naturel de l'homme est bien d'être franc.

мотивѣ. Спеціально относительно структуры повѣсти мы бы возразили лишь противъ чрезмѣрной симметричности эпизодовъ, придающей имъ нѣсколько искусственный характеръ, какъ искусственна мѣстами и «эпистолярная» форма.

Тихой грустью вѣетъ отъ разсказа г-жи Лѣтковой и вдумываясь въ судьбу главныхъ героевъ, невольно вспоминаешь замѣчаніе г. Вл. Короленка, вложенное имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ его послѣдняго разсказа—«Не страшное»: «Въ человѣческомъ счастьѣ — въ хорошемъ человѣческомъ счастьѣ—есть что-то исцѣляющее и выпрямляющее душу». Такого «хорошаго» счастья не давелось испытать ни Варварѣ Львовнѣ, ни Сергѣю Ильичу, ни, конечно, многимъ другимъ. А думается, именно оно могла бы всего скорѣе помочь и дѣйствующимъ лицамъ повѣсти выпутаться, съ одной стороны, изъ атмосферы лжи, съ другой—освободиться отъ «добровольнаго рабства», со всѣми его пагубными послѣдствіями. Гордыя слова Сергѣя Ильича объ одиночествѣ и смиренное самопожертвованіе семьѣ героини—это суррогаты неудавшихся жизней. Насколько мы сами виноваты въ томъ, что не «бережемъ себя» съ самаго начала и не пріучаемся, съ другой стороны, «видѣть» близкихъ, а не только думать о далекихъ, уйдя въ себя, и, соотвѣтственно, становясь рабами иллюзій, вмѣсто возможнаго и должнаго отношенія къ *живымъ* душамъ—это, конечно, вопросъ, о которомъ можно разсуждать не вообще, а, какъ выразился Чеховъ, «индивидуализируя каждый отдѣльный случай». Да и суть не въ практическомъ его рѣшеніи въ примѣненіи къ данной повѣсти, а въ томъ общемъ значеніи, которое онъ имѣетъ, и заслуга автора въ томъ, что онъ его видвинулъ.

Наша замѣтка настолько разрослась, что мы не можемъ уже входить въ такой же подробный анализъ другихъ статей сборника г-жи Лѣтковой. Въ «На мельницѣ» авторъ выказываетъ цѣнное умѣніе коротко и выразительно передать живую картину, съ драматическимъ финаломъ пробужденія «больной совѣсти». Менѣе намъ нравится «Облачко», съ пессимистической ноткой, переданной въ изящной, но нѣсколько искусственной формѣ, и со спорнымъ выводомъ. Послѣдніе два разсказа—«Безъ фамиліи»—составляютъ, повидимому, начало серіи, продолженіе которой уже появилось въ повременныхъ изданіяхъ, но почему-то еще не вошло въ настоящій сборникъ. Интересенъ самый замыселъ, указывающій, до какой степени авторъ чутокъ къ вопросамъ индивидуальнаго сознанія: имя—показатель личности. «Понимаешь-ли ты, какъ это обидно—потерять имя?—говоритъ актеръ въ «На днѣ» Горькаго.—Даже собаки имѣютъ клички...» Но, оказывается, безъ имени, или, точнѣе, «безъ фамиліи» если цѣлая категорія личностей въ разныхъ слояхъ общества и отнюдь не опустившихся «на дно». Конечно, ихъ незавидная участь заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что утрата фамиліи представляется независимой отъ личныхъ качествъ, а есть результатъ общественныхъ условій. Считаясь съ послѣдними, авторъ именно и оттѣняетъ многія положительныя свойства этихъ «безымянныхъ» личностей, и чѣмъ сильнѣе вызываетъ къ нимъ сочувствіе, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ зло общественной несправедливости, при отсутствіи должнаго признанія человѣка въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ.

Ѳ. Батюшковъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Вселенная-организмъ и „новые лучи.—Золото и фосфоръ въ метеоритахъ.

Когда въ январѣ текущаго года я писалъ статью «о радіоактивности матеріи» и указывалъ на громадное научно-философское значеніе всѣхъ этихъ новыхъ «лучей», я, конечно, не зналъ, что всего мѣсяцъ тому назадъ, 29-го декабря (нов. ст.), извѣстный американскій астрономъ *Ньюкомбъ* произнесъ въ засѣданіи американскаго астрономическаго и астрофизическаго общества рѣчь, въ которой приписываетъ этимъ «лучамъ» колоссальную роль во всемъ мірозданіи. Онъ говоритъ: «До послѣдняго времени все большая и большая дифференціація научныхъ работниковъ и неизмѣнно растущее число группъ спеціалистовъ, являлось общимъ правиломъ. Нынѣ же мы видимъ, что начинаютъ сближаться другъ съ другомъ такія отрасли изслѣдованій, которыя a priori, казалось олжны быть причислены къ совершенно различнымъ областямъ научной дѣятельности. Какія вѣтви знанія могутъ болѣе отличаться другъ отъ друга, чѣмъ, напр., звѣздная статистика, охватывающая всю вселенную, и изученіе только что открытыхъ эманацій (истеченій), которыя мы воспроизводимъ въ нашихъ лабораторіяхъ и которыя, должно быть, указываютъ на существованіе частицъ еще болѣе мелкихъ, чѣмъ атомы? А между тѣмъ всѣ перечисленныя нами астрономическія явленія, въ частности же связь существующая между земнымъ магнитизмомъ, солнечной дѣятельностью и образованіемъ туманныхъ массъ вокругъ новыхъ звѣздъ, не могутъ быть объяснены иначе, какъ при помощи этихъ эманацій или вообще особаго вида силъ, имѣющихъ, вѣроятно, нѣкоторое сходство съ частицами, электронами и лучами, которые мы производимъ въ настоящее время въ нашихъ лабораторіяхъ».

Связь, дѣйствительно, на первый взглядъ странная и неожиданная. Посмотримъ же, какъ обосновываетъ ее Ньюкомбъ. Чѣмъ болѣе расширяются наши физическія и астрономическія знанія, говоритъ американскій астрономъ, тѣмъ болѣе становится яснымъ, что вселенная является какъ бы особымъ организмомъ, въ которомъ отдѣльныя тѣла—небесныя свѣтила не независимы другъ отъ друга, а представляютъ массу общихъ чертъ, которыя мы должны приписать какимъ-нибудь общимъ причинамъ. Мы уже удалились отъ временъ Гершеля, когда вселенная казалась намъ состоящей изъ отдѣльныхъ тѣлъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ никакой связи другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи мы какъ бы начинаемъ приближаться къ космогеніи древнихъ грековъ.

Такой философской эволюціи въ астрономическихъ идеяхъ астрономы обязаны, прежде всего, спектральному анализу, выяснившему намъ химическое

единство вселенной, благодаря которому мы знаемъ, что многіе элементы, какъ, напр., желѣзо, водородъ, кальцій, входятъ въ составъ не только нашей земли, но и такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ. Затѣмъ, большую роль въ данной эволюціи нашихъ воззрѣній сыграла новая отрасль астрономіи, *статистика* звѣздъ. Милліоны небесныхъ свѣтилъ классифицированы такимъ же образомъ, какъ то дѣлается въ соціологической статистикѣ. Эта наука стремится установить единство архитектуры вселенной. Она началась Гершелемъ, но Ньюкомбъ считаетъ, что главный фундаментъ ея заложенъ *Каптейномъ* въ 1893 г. Этотъ послѣдній ученый пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Различныя области мірового пространства содержатъ различнаго рода звѣзды; напр., звѣзды млечнаго пути, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ принадлежитъ къ другому классу, чѣмъ всѣ остальныя звѣзды. Вообще въ одномъ направленіи вселенной господствуетъ опредѣленный классъ звѣздъ, по другимъ направленіямъ звѣзды другихъ классовъ. Кромѣ того, подмѣчено слѣдующее интересное соотношеніе. Оказывается, что звѣзды расположены одинаково на двухъ противоположныхъ концахъ одной и той же линіи: напр., на обоихъ полюсахъ млечнаго пути число видимыхъ нами звѣздъ крайне незначительно; частота звѣздъ возрастаетъ сначала медленно, затѣмъ все болѣе и болѣе быстро по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ самому млечному пути; такимъ образомъ существуетъ почти совершенная симметрія между двумя сторонами млечнаго пути. Можно считать общимъ правиломъ, что если взять во вселенной какія угодно два діаметрально противоположныя направленія и сосчитать число звѣздъ на опредѣленной поверхности, напр., въ 10 квадратныхъ градусахъ, въ каждомъ изъ этихъ направленій, то полученныя числа будутъ почти равны. Чѣмъ болѣе выбранныя нами направленія приближаются къ млечному пути, тѣмъ болѣе многочисленны будутъ звѣзды съ обѣихъ сторонъ.

На единство вселенной указываетъ, по мнѣнію Ньюкомба, и общій для всей вселенной законъ, названный имъ «звѣзднымъ соотношеніемъ». Этотъ законъ гласитъ, что если сравнить число звѣздъ даннаго порядка съ числомъ звѣздъ слѣдующаго за нимъ болѣе низкаго порядка, то послѣднее окажется въ 3 или 4 раза больше перваго. Отсюда Ньюкомбъ вычисляетъ, что всѣ звѣзды 6-го порядка дадутъ намъ свѣта вдвое болѣе, чѣмъ всѣ звѣзды 4-го порядка; звѣзды 8-го порядка вдвое болѣе звѣздъ 6-го порядка; звѣзды 10-го порядка въ два раза больше, чѣмъ звѣзды 8-го порядка.

Въ общемъ мы получаемъ отъ звѣздъ первой величины въ 70 разъ меньше свѣта, чѣмъ отъ звѣздъ слѣдующихъ 9-ти порядковъ. Ясно, что для звѣздъ еще болѣе мелкихъ, чѣмъ звѣзды 10-го порядка, необходимо допустить постепенное ослабленіе этой геометрической прогрессіи, такъ какъ иначе все наше небо сіяло бы также ярко солнце.

Такимъ образомъ можно представить, что звѣзды образуютъ какъ бы однородное кольцо, части котораго не отличаются существенно другъ отъ друга.

Но подвергнемъ критикѣ основы, на которыхъ зиждется статистическій методъ. Если вмѣсто того, чтобы просто считать звѣзды, мы опредѣлимъ ихъ собственныя движенія для того, чтобы изъ этихъ данныхъ вывести заключенія объ архитектурѣ вселенной, то сейчасъ же наткнемся на вопросъ, какъ же

опредѣлить разстоянія отъ этихъ звѣздъ. Вѣдь съ нѣкоторою точностью опредѣлены паралаксы [1]) не болѣе 100 звѣздъ; и эти звѣзды отстоятъ отъ насъ на весьма различныя разстоянія.

Предположимъ, говоритъ Ньюкомбъ, что можно надѣяться путемъ долгихъ наблюденій опредѣлить разстоянія такихъ звѣздъ, которыя въ 20 разъ ближе къ намъ, чѣмъ созвѣздіе Центавра; но какъ опредѣлить разстоянія звѣздъ, находящихся внѣ этой зоны?! Что можемъ мы противопоставить идеямъ Кеплера, который думалъ, что пространство вокругъ нашего солнца гораздо бѣднѣе звѣздами, чѣмъ области, расположенныя на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Не расположена ли, дѣйствительно, главная масса звѣздъ между поверхностями двухъ концентрическихъ сферъ, радіусы которыхъ не очень отличаются другъ отъ друга, и не имѣетъ ли, поэтому, звѣздный міръ форму полаго шара?

Противъ такого предположенія Ньюкомбъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ.

Сходство архитектуры констатировано статистическимъ путемъ для всѣхъ частей вселенной; нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что та область, въ которой расположена наша солнечная система, отличается существеннымъ образомъ отъ какой-нибудь области, находящейся вблизи центральной части. Съ другой стороны, спектральныя изслѣдованія указываютъ намъ, что всѣ звѣзды находятся въ движеніи и нѣтъ данныхъ утверждать, что въ общемъ звѣзды одной части вселенной движутся быстрѣе, чѣмъ другой. Поэтому Ньюкомбъ приходитъ къ выводу, что научныя изслѣдованія говорятъ противъ существованія упомянутой выше «Кеплеровой сферы» и архитектурное единство вселенной можно считать установленнымъ.

Единство не исключаетъ различій и въ единообразной по архитектурѣ вселенной можно замѣтить различія отдѣльныхъ частей. Среди тысячъ звѣздъ, изученныхъ спектроскопически не найти даже двухъ, которыя имѣли бы совершенно одинаковое строеніе. Правда, замѣчаются и многочисленныя черты сходства. Такъ, звѣзда α Центавра—наша ближайшая сосѣдка имѣетъ спектръ очень близкій къ спектру нашего солнца; также и Капелла; но даже и въ ихъ спектрахъ можно подмѣтить различія, зависящія отъ различій въ группировкѣ и температурѣ веществъ, образующихъ эти звѣзды.

Наибольшія различія обнаруживаются въ величинахъ абсолютной свѣтосилы звѣздъ. Сто лѣтъ тому назадъ предполагали, что наиболѣе блестящія звѣзды находятся къ намъ на наиболѣе близкихъ разстояніяхъ; это положеніе вѣрно, если его примѣнять къ средней статистической, но совершенно неправильно утверждать, что какая-нибудь звѣзда находится отъ насъ на близкомъ разстояніи, потому только, что она кажется намъ блестящей. Такъ *Гиль* весьма точными измѣреніями показалъ, что паралаксы Ригеля—наиболѣе блестящей

[1]) Параллаксомъ зовутъ уголъ, образуемый двумя линіями, направленными изъ двухъ точекъ къ удаленной отъ нихъ третьей. Если извѣстенъ этотъ уголъ и разстояніе между первыми точками, то можно опредѣлить и разстояніе отъ нихъ третьей. Для неподвижныхъ звѣздъ двумя основными точками берутъ двѣ противоположныя точки земной орбиты, но даже и такое основаніе (до 300 милліоновъ верстъ) иногда не достаточно для опредѣленія ихъ параллакса: на такія громадныя разстоянія удалены отъ насъ эти звѣзды.

звѣзды созвѣздія Оріона—и Кассіопеи—одной изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ нашего неба—равны нулю, т.-е. что звѣзды эти удалены отъ насъ на неизмѣримыя разстоянія. Къ этому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что у обѣихъ названныхъ звѣздъ не констатировано собственнаго движенія, несмотря на то, что подобныя наблюденія производятся надъ ними болѣе ста лѣтъ. Ясно, слѣдовательно, что лучистая энергія, испускаемая каждой изъ этихъ звѣздъ во много тысячъ, а можетъ быть и сотенъ тысячъ разъ, интенсивнѣе свѣта, испускаемаго нашимъ солнцемъ. Съ другой стороны, извѣстны звѣзды, находящіяся отъ насъ на разстояніяхъ относительно близкихъ, но абсолютная свѣтосила которыхъ въ сто слишкомъ разъ меньше солнечной.

Единство вселенной, говоритъ Ньюкомбъ, можно представить себѣ двоякимъ образомъ: или въ видѣ единства архитектуры, о которомъ мы уже говорили выше и которое можетъ мыслиться и безъ взаимодѣйствія звѣздъ другъ на друга, или же можно представлять вселенную, какъ организмъ, для котораго именно эти взаимодѣйствія и являются важной и характерной чертой.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы и не подозрѣвали, что черезъ неизмѣримыя небесныя пространства могутъ проникать какіе-нибудь другіе агенты, кромѣ силы тяжести и свѣта; между тѣмъ, теперь ясно, что такіе агенты существуютъ, что они переносятся съ одного небеснаго тѣла на другое, и только природа этихъ агентовъ намъ еще неизвѣстна. Прекраснымъ примѣромъ такого переноса, такой связи между различными небесными тѣлами является вполнѣ установленное соотношеніе между частотой магнитныхъ бурь на земномъ шарѣ и обиліемъ солнечныхъ пятенъ: и то и другое явленіе подчинено одиннадцатилѣтнему періоду. Новѣйшія работы *Бигелова* говорятъ о замѣчательной правильности этой связи: кривыя, выражающія то и другое явленіе, почти тожественны и съ несомнѣнностью указываютъ намъ, что солнечныя пятна и магнитныя бури обусловлены общей причиной. Этой причиной не могутъ быть измѣненія обычнаго солнечнаго лучеиспусканія, потому что, какъ показываютъ новѣйшія работы, каковы бы ни были эти измѣненія, они-то сами не подчиняются закону одиннадцатилѣтняго періода. Изслѣдованія Галя показали, что солнечныя пятна—не первичныя, самобытныя проявленія солнечной дѣятельности, но результатъ постояннаго процесса, совершающагося въ солнцѣ и производящаго пятна только въ нѣкоторыхъ областяхъ солнечной поверхности и при особыхъ спеціальныхъ условіяхъ. Нельзя утверждать, что солнечное пятно непремѣнно влечетъ за собою магнитную бурю на нашей землѣ; единственный выводъ, къ которому насъ приводитъ изученіе этихъ явленій, будетъ тотъ, что солнечная дѣятельность, вызывающая появленіе солнечнаго пятна, вызываетъ и магнитную бурю.

Мы вправѣ, конечно, задать вопросъ не зависятъ ли обѣ группы данныхъ явленій—и солнечныя пятна и магнитныя возмущенія на землѣ—отъ причины, лежащей внѣ этихъ небесныхъ тѣлъ. До сихъ поръ всѣ попытки найти такую причину остались безуспѣшными и поэтому можно считать весьма вѣроятнымъ, а по Ньюкомбу даже «достаточно установленнымъ фактомъ», что отъ солнца исходитъ какое-то истеченіе (эманація), не постоянное, но проявляющееся съ

силой черезъ извѣстные промежутки времени и дѣйствующее на землѣ на магнитную стрѣлку; природа этого истеченія остается еще неизвѣстной. Ньюкомбъ полагаетъ, что можетъ быть, эта загадка скоро теперь разрѣшится, благодаря открытію рентгеновскихъ и беккерелевскихъ лучей и электронной теоріи. Изученіе этого вопроса, говоритъ американскій ученый, «можетъ быть поставлено въ ряду самыхъ важныхъ задачъ современнаго астронома-физика. Исторія научныхъ открытій, позволяетъ предсказать, что во время изученія даннаго вопроса, ученые, еще не достигнувъ даже поставленной цѣли, откроютъ многія другія вещи, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого представленія и которыя будутъ имѣть такое же, а можетъ быть, даже и большее значеніе».

Въ связь съ этимъ вопросомъ Ньюкомбъ приводитъ и явленія, наблюденныя въ послѣднія десять лѣтъ при изученіи такъ называемыхъ «новыхъ» звѣздъ, изрѣдка и внезапно загорающихся на нашемъ небѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего появленія превращались въ туманность цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, окружались туманностями.

На первый взглядъ, казалось, весьма легко объяснить это явленіе. Какой бы причинѣ мы ни приписывали колоссальное (во многія тысячи разъ) увеличеніе блеска такой звѣзды втеченіе всего двухъ, трехъ дней,—подобная катастрофа должна была вызвать изверженіе громадной массы раскаленныхъ газовъ; эти газы поднимались съ весьма большой скоростью и распространялись во всѣ стороны; на насъ они должны производить впечатлѣніе туманности, окружающей звѣзду и постепенно расширяющейся. Но какъ только мы попытаемся составить себѣ представленіе о размѣрахъ такой туманности, тотчасъ же возникаютъ затрудненія. Прежде всего для этого нужно знать разстояніе отъ насъ данной звѣзды, а между тѣмъ, нѣтъ никакой возможности сдѣлать прямое опредѣленіе этого разстоянія. Ньюкомбъ все же полагаетъ, что годовой паралаксъ этихъ новыхъ звѣздъ не можетъ значительно превышать милліонную долю секунды, что соотвѣтствуетъ разстоянію, которое свѣтъ пробѣгаетъ приблизительно въ 3.400 лѣтъ. Онъ приводитъ въ защиту своего предположенія слѣдующіе доводы. Во-первыхъ «новыя» загорались только въ областяхъ млечнаго пути и, слѣдовательно, можно думать, что они и удалены отъ насъ на такое же разстояніе, какъ и звѣзды млечнаго пути, а эти послѣднія, какъ-то показываетъ звѣздная статистика, имѣютъ въ среднемъ указанный выше паралаксъ. Во-вторыхъ, та же звѣздная статистика позволяетъ намъ утверждать, что въ 10.000 случаяхъ противъ одного наугадъ взятая звѣзда будетъ находиться въ млечномъ пути, а не въ какой-либо иной зонѣ. Къ этому выводу приводятъ насъ и прямыя измѣренія Барнара надъ «Новой» Персея, давшія для собственнаго движенія этой звѣзды въ теченіе цѣлаго года одну сотую секунды, что, по словамъ Ньюкомба, говоритъ о полномъ отсутствіи собственнаго движенія.

Итакъ, съ большою вѣроятностью можно предположить, что «новыя» звѣзды находятся въ области млечнаго пути. Что же изъ этого слѣдуетъ? Какой скоростью должна обладать туманность, чтобы распространяться такъ быстро какъ-то наблюдалось, напримѣръ, у «Новой» Персея. Эта скорость, говоритъ Ньюкомбъ, превосходитъ все, что мы можемъ себѣ представить. Наибольшую

скорость вещества, которую мы знаемъ—это скорость водорода и другихъ газовъ, вырывающихся съ поверхности нашего солнца, она достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ километровъ въ секунду; но даже и при этой скорости для образованія замѣтной туманности на томъ разстояніи, которое мы опредѣлили для новыхъ звѣздъ, потребовались бы цѣлые вѣка. Въ виду этого, голландскій астрономъ *Каптейнъ* высказалъ гипотезу, что распространеніе туманности, окружающей «Новую» Персея, вовсе не движеніе матеріи, но только освѣщеніе существовавшей уже ранѣе туманности свѣтовыми волнами, образованными при изверженіи на звѣздѣ. На первый взглядъ кажется, замѣчаетъ Ньюкомбъ, что слишкомъ смѣло сравнивать быстрое распространеніе свѣта (300.000 километровъ въ секунду) съ медленнымъ, повидимому, движеніемъ данной туманности. Но вычисленіе показываетъ, что здѣсь произведена переоцѣнка въ другую сторону и что даже гигантская скорость распространенія свѣта недостаточна для объясненія разбираемаго явленія: если предположить, что разстояніе отъ насъ «Новой» всего только въ 400 разъ больше разстоянія звѣздъ созвѣздія Центавра, то и тогда скорость распространенія такой туманности должна быть въ 10 разъ больше скорости свѣта. Такимъ образомъ, распространеніе туманности вокругъ «Новой» Персея не можетъ быть объяснено ни одной изъ извѣстныхъ намъ силъ природы.

Ньюкомбъ все же пытается намѣтить возможный путь для рѣшенія этой дилеммы.

«Благодаря фотографіи, мы видимъ, какъ въ данномъ небесномъ тѣлѣ («новой» звѣздѣ) происходятъ характерныя измѣненія освѣщенныхъ частей. День за днемъ мы наблюдаемъ, какъ опредѣленное освѣщеніе, начинающееся въ точкѣ A, все равно гдѣ, распространяется до точки B, и, можетъ быть, начинаетъ уже свѣтиться нѣкоторая точка C. Естественно заключить, что здѣсь есть нѣчто распространяющееся; точка B получила эманацію отъ точки A и точка C появляется не произвольно, она связана съ нѣкоторымъ явленіемъ происходящимъ въ другой точкѣ, можетъ быть, въ центральной звѣздѣ. Приписывая это распространеніе такимъ агентамъ, какъ свѣтъ и лучистая теплота, или какому-либо другому агенту природы, мы наталкиваемся на недостаточную скорость ихъ распространенія... Кромѣ того, гипотеза свѣтового происхожденія этихъ явленій (Каптейнъ) становится еще менѣе вѣроятной благодаря тому, что, какъ показали послѣднія изслѣдованія фотографій Ликской обсерваторіи, истеченіе въ данномъ случаѣ распространяется не прямолинейно и не съ однообразной скоростью, но испытываетъ отклоненія то въ одну, то въ другую сторону и притомъ съ различными скоростями. Но имѣется еще болѣе значительное препятствіе для объясненія даннаго истеченія распространеніемъ свѣта: скорость распространенія послѣдняго постоянна и взрывъ произошелъ внезапно, такъ какъ прошло всего два или три дня съ момента, когда звѣзда стала видимой до того, какъ она достигла блеска 1-го класса; при такихъ условіяхъ свѣтовая волна, происшедшая при взрывѣ, имѣла бы хорошо очерченную сферическую поверхность съ наиболѣе блестящей точкой, расположенной такъ близко къ дѣйствительной поверхности, что ея протяженіе не

не было бы намъ видно на этомъ разстояніи. Звѣзда гаснетъ съ такой быстротой, что въ нѣсколько дней ея яркость уменьшается на половину; свѣтъ, испускаемый ею, долженъ былъ бы являться нашимъ глазамъ въ видѣ хорошо очерченнаго круглаго диска, блестящаго на своей внѣшней поверхности, внѣкоторой всѐ было бы погружено въ полную темноту...»

Все это приводитъ Ньюкомба къ гипотезѣ, что въ этихъ истеченіяхъ, которыя являются намъ въ видѣ туманности вокругъ подобныхъ «новыхъ» звѣздъ, мы имѣемъ дѣло съ радіоактивными эманаціями, съ истеченіемъ особыхъ частицъ вещества—электроновъ. И здѣсь мы наталкиваемся на трудности, такъ какъ теоретическія изысканія Дж. Дж. Томсона указываютъ намъ, что врядъ ли и эти частицы могутъ имѣть бо̀льшую скорость, чѣмъ свѣтъ, но все же Ньюкомбъ, какъ мы указывали въ началѣ нашей статьи, убѣжденъ, что только въ этихъ истеченіяхъ вещества можно искать объясненія для связи между небесными свѣтилами, проявляющейся, напр., въ одиннадцатилѣтнемъ періодѣ солнечныхъ пятенъ и земныхъ магнитныхъ возмущеній, и въ образованіи туманностей, подобныхъ Nova Persei.

«Все, что откроютъ въ этихъ новыхъ областяхъ изслѣдованія,—говоритъ Ньюкомбъ,—въ настоящее время такъ же далеко отъ нашихъ идей, какъ далеко было бы для ученыхъ сто лѣтъ тому назадъ современное развитіе электричества. Мы не можемъ гарантировать какого-нибудь необыкновеннаго открытія но мы находимся передъ безбрежнымъ полемъ, о существованіи котораго даже и не подозрѣвали всего 10 лѣтъ тому назадъ, и изслѣдованіе котораго поглотитъ, вѣроятно, всѣ силы нашихъ физическихъ лабораторій и большую часть астрономическихъ въ теченіи столькихъ поколѣній, сколько потребовалось для приведенія электричества въ современное положеніе...»

Въ своихъ доказательствахъ единства вселенной Ньюкомбъ не упомянулъ *метеоритовъ*—этихъ пришлецовъ изъ чуждыхъ намъ міровъ.

До сихъ поръ ни въ одномъ метеоритѣ не было открыто ни одного элемента, котораго мы не встрѣчали въ земной корѣ. Мало этого, въ составѣ метеоритовъ преобладаютъ элементы, являющіеся въ то же время главными составными частями и нашей земли; это: желѣзо, никкель, фосфоръ, сѣра, углеродъ, кислородъ, кремній, магній, кальцій, алюминій; кромѣ того, въ метеоритахъ встрѣчены: водородъ, азотъ, хлоръ, литій, натрій, калій, стронцій, титанъ, хромъ, марганецъ, кобальтъ, мышьякъ, сурьма, олово, мѣдь.

Къ этому списку элементовъ въ настоящее время можно прибавить *золото* и *фосфоръ* въ свободномъ состояніи. Золото выдѣлено г. *Ливерстомъ* изъ нѣкоторыхъ европейскихъ и австралійскихъ метеоритовъ въ видѣ мельчайшихъ частицъ, вполнѣ достаточныхъ, впрочемъ, для того, чтобы наблюдать типичныя свойства золота—ковкость, желтый цвѣтъ и нерастворимость въ азотной кислотѣ.

Фосфоръ въ несвязанномъ состояніи былъ найденъ въ недавно упавшемъ метеоритѣ «Saline Town Schip». Для отдѣленія отъ этого метеорита небольшого куска *Оливеръ Фаррингтонъ* началъ сверлить въ камнѣ дырку; черезъ

нѣкоторое время, когда буравъ достигъ 5,5 сантим. глубины, Фаррингтонъ замѣтилъ, что изъ отверстія выходитъ бѣлый дымъ съ сильнымъ чесночнымъ запахомъ, характернымъ для бѣлаго фосфора. Что здѣсь имѣли дѣло съ выдѣленіемъ паровъ фосфора, убѣдились цѣлымъ рядомъ испытаній. Простымъ глазомъ (конечно, защищеннымъ) можно было видѣть на днѣ дырки свѣтящееся пятно, по срединѣ круглое, по краямъ вращающееся; бумага насыщенная растворомъ ляписа, почти мгновенно чернѣла при дѣйствіи на нее выдѣляющихся паровъ; порошокъ, оставшійся въ бурѣ, давалъ характерную реакцію на фосфоръ. Выдѣленіе дыма продолжалось около 2-хъ часовъ, затѣмъ стало слабѣть и совершенно прекратилось; чесночный же запахъ можно было ощущать въ теченіе 18 часовъ. Было произведено два буренія въ другихъ мѣстахъ метеорита, но ничего подобнаго не наблюдалось; изъ этого нужно заключить, что свободный фосфоръ находился въ этомъ метеоритѣ въ одномъ или, по крайней мѣрѣ, только въ весьма немногихъ мѣстахъ и притомъ въ очень незначительномъ количествѣ. Когда пробурили въ первомъ мѣстѣ до конца, то оказалось, что фосфоръ находился только въ небольшомъ пространствѣ, длиной около $^1/_2$ дюйма; камень въ этомъ мѣстѣ имѣлъ свѣтлокоричневую окраску, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ былъ окрашенъ въ зеленоваточерный цвѣтъ.

II.

Успѣхи техники: безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ; кататипія.

Около $1^1/_2$ лѣтъ тому назадъ, въ 1901 г., въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала была помѣщена статья доктора *Б. Дессау*: «Электрическія колебанія и телеграфія безъ проволоки». Наши постоянные читатели помнятъ, что въ этой статьѣ былъ данъ историческій очеркъ какъ развитія научныхъ идей, легшихъ въ основу безпроволочнаго телеграфа, такъ и эволюціи самого этого изобрѣтенія.

Въ приложенной къ этой статьѣ редакціонной замѣткѣ было выяснено, что изобрѣтателемъ безпроволочной телеграфіи по справедливости долженъ считаться нашъ соотечественникъ *А. С. Поповъ*, такъ какъ еще въ апрѣлѣ 1895 г. въ засѣданіи физикохимическаго общества онъ сдѣлалъ сообщеніе «О приборѣ для обнаруженія и регистрированія электрическихъ колебаній» и демонстрировалъ этотъ приборъ, представляющій полную пріемную станцію для безпроволочнаго телеграфа; посылающей станціей служили разряды атмосфернаго электричества, которые и зарегистрировались этимъ приборомъ, состоявшимъ уже тогда изъ когерера, автоматическаго разрушителя проводимости, релэ и воспринимающей проволоки *). Въ концѣ своего доклада А. С. Поповъ выразилъ надежду, что приборъ его при дальнѣйшемъ усовершенствованіи можетъ быть примѣненъ къ передачѣ сигналовъ на разстояніи, и весною 1896 г. онъ осуще-

*) Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ описаніе безпроволочнаго телеграфа и отсылаемъ читателя къ упомянутой статьѣ Б. Дессау.

ствилъ уже свою надежду и показывалъ обществу дѣйствіе пріемника подъ вліяніемъ удаленнаго отъ послѣдняго источника электрическихъ колебаній.

Только осенью 1896 г. стало извѣстно о первыхъ опытахъ *Маркони*; изъ привилегій его, опубликованныхъ въ 1897 г., ясно, что приборъ Маркони совершенно аналогиченъ съ приборомъ Попова. Съ 1897 г. начинаются безпрерывныя усовершенствованія безпроволочнаго телеграфа, благодаря трудамъ Маркони, Попова и Слаби. Въ 1901 г. Маркони передалъ телеграмму на разстояніи 100, а Поповъ на разстояніи 120 километровъ. Дальше работа нашего соотечественника шла, такъ сказать, вглубь и преслѣдовала, главнымъ образомъ, чистоту и быстроту передачи, Маркони же увлекся громадными разстояніями, дѣйствующими на воображеніе не только толпы, но даже и ученыхъ. Кромѣ того, Маркони печаталъ свои труды на всѣхъ европейскихъ языкахъ и вошелъ въ непосредственныя сношенія чуть ли не со всѣми королями и президентами, а Поповъ писалъ, кажется, только на русскомъ языкѣ и вѣдался только съ однимъ россійскимъ флотомъ. Зато про Маркони трубятъ въ газетахъ обоихъ полушарій, нашего же изобрѣтателя признаютъ только русскіе и отчасти французскіе ученые.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость необыкновенной, колоссальной энергіи Маркони; это—поистинѣ энергія фанатика - изобрѣтателя. Еще въ началѣ 1902 года громадное большинство ученыхъ сомнѣвалось въ возможности передачи депешъ на сотни километровъ при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа, а уже въ мартѣ этого года Маркони переслалъ телеграмму на разстояніи 1.551 мили и передалъ букву S черезъ Атлантическій океанъ на разстояніи 2.099 миль; въ іюнѣ—іюлѣ онъ устроилъ спеціальную станцію въ Польди на берегу Корнваллиса (Англія) и отправился въ концѣ іюля оттуда на кораблѣ «Карло-Альбертъ» къ берегамъ Сѣверной Америки, обмѣниваясь по дорогѣ телеграммами съ станціей Польди. Въ концѣ августа онъ прибылъ въ Канаду и энергично принялся тамъ за установку на мысѣ Бретонъ въ Новой Шотландіи станціи, подобной той, которую онъ устроилъ въ Польди, а 21-го декабря (нов. ст.) 1902 г. Маркони телеграфируетъ въ Нью-Іоркъ слѣдующую телеграмму: «Прошу васъ сообщить для всеобщаго свѣдѣнія, что я съ полнымъ успѣхомъ установилъ безпроволочное сообщеніе между Бретонскимъ мысомъ въ Канадѣ и Корнваллисомъ въ Англіи *). Первыя депеши, между прочимъ, телеграмма генералъ-губернатора Канады къ королю Эдуарду VII-му, были переданы по назначенію королямъ Англіи и Италіи. Также было послано сообщеніе въ Лондонъ газетѣ «Times» въ присутствіи ея спеціальнаго корреспондента д-ра Паркина. Телеграмма лорда Минто, генералъ-губернатора Канады, первая посланная по безпроволочному телеграфу, гласила: «Его Величеству Королю. Лондонъ. Позволяю себѣ послать по безпроволочному телеграфу поздравленіе Вашему Величеству по поводу успѣха великаго изобрѣтенія Маркони, соединяющаго Англію и Канаду. Минто».

---

*) Разстояніе между этими пунктами равно 3.000 милямъ, иначе 5.500 километрамъ.

Затѣмъ пришла очередь другихъ королей получать поздравленія, затѣмъ Рузевельтъ поздравлялъ Эдуарда VII, а послѣдній Рузевельта и т. д. Успѣхъ, можно сказать, феерическій.

Дѣйствительно, теперь можно утверждать, что какъ бы велико ни было разстояніе между двумя станціями, электрическія волны, распространяющіяся отъ одной, могутъ достигнуть другой, лишь бы электрическая энергія была достаточной силы. Кромѣ того, опыты показали, что солнечный свѣтъ не уничтожаетъ, а только ослабляетъ распространеніе электрическихъ волнъ, и потому для телеграфированія днемъ нуженъ болѣе сильный токъ, чѣмъ ночью.

Посмотримъ же, какъ устроены эти гигантскія станціи въ Польди и на мысѣ Бретонъ. Въ Польди существенную часть станціи составляютъ 4 деревянныя башни, высотой въ 64 метра, укрѣпленныя на бетонномъ фундаментѣ, сторона котораго равняется 60 метрамъ. Вершины этихъ башенъ соединены четырьмя стержнями, къ каждому стержню прикрѣплены, на разстояніи полуметра другъ отъ друга, сто мѣдныхъ проволокъ (антены); всѣ эти 400 проволокъ соединяются въ одномъ общемъ кондукторѣ подъ угломъ въ 45° и проникаютъ въ пріемную залу, находящуюся въ центрѣ квадрата, образуемаго башнями. Все сооруженіе имѣетъ форму опрокинутой громадной усѣченной пирамиды. Электрическая энергія сообщается этому гигантскому пріемнику цѣлой системой альтернаторовъ и трансформаторовъ высокаго напряженія. Эти трансформаторы возбуждаютъ цѣпь разряда, вторичная цѣпь которой соединена съ проволоками (антенами). При пропусканіи тока эти проволоки получаютъ электричество такого напряженія, что между каждымъ кондукторомъ данной системы и землей получаются искры до полуметра длиною. Подобнымъ же образомъ устроилъ Маркони и станцію на мысѣ Бретонѣ въ Новой Шотландіи. Здѣсь источникомъ электричества является альтернаторъ въ 50 киловаттовъ, приводимый въ дѣйствіе машиной въ 100 лошадиныхъ силъ. Получающійся токъ имѣетъ напряженіе въ 2.000 вольтъ при 25 амперахъ и возбуждаетъ первичную цѣпь трансформатора, повышая при этомъ напряженіе тока до 20.000 вольтъ. Токъ проходитъ черезъ 3 цѣпи разряда, два конденсатора, два трансформатора Теслы и затѣмъ только поступаетъ въ систему проволокъ (антенъ), устроенныхъ совершенно такъ же, какъ и въ Польди.

На этой станціи также можно получить между проводниками и землей искры въ 30, 40 сантиметровъ длиною. Понятно, что при такой силѣ тока требуется самая совершенная изоляція; кромѣ того эта гигантская пирамида изъ 400 проволокъ представляетъ такую громадную поверхность, что телеграфировать при ея посредствѣ можно только въ тихую погоду. Здѣсь-то и начинается серія «но», сводящаяся къ тому, что хотя, какъ показалъ Маркони, при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа и удается передать депешу на громадное разстояніе въ 5.500 километровъ, но нельзя быть увѣреннымъ, что это удастся всякій разъ.

Такъ, уже при телеграфированіи между станціей Польди и кораблемъ Карло-Альберто депеша, въ которой итальянское посольство поздравляло Маркони съ

*

успѣхомъ, передавалась безъ перерыва въ теченіе 55 часовъ, а именно она была отправлена изъ Польди 6-го сентября въ 9 часовъ вечера, а получена на Карло-Альберто только 9-го сентября въ 4 часа утра. Кромѣ этой неувѣренности въ полученіи отправленной депеши, безпроволочное телеграфированіе на громадное разстояніе представляетъ еще и слѣдующія неудобства. Телеграмму, направленную вамъ, можетъ перехватить другой, такъ какъ электрическіяволны распространяются на громадныя разстоянія во всѣ стороны. Такъ, напримѣръ, сигналы, посылаемые изъ Польди въ Америку, часто зарегистрировались на береговыхъ французскихъ станціяхъ, хотя на нихъ и не было никакихъ особыхъ резонаторовъ. Устроить же такіе резонаторы, чтобъ электрическія волны, исходящія отъ одного изъ нихъ въ Польди, могли бы быть восприняты только другимъ одинаково настроеннымъ и находящимся на мысѣ Бретонѣ, до сихъ поръ не удавалось, хотя дѣлались уже многія попытки въ эту сторону. Затѣмъ нужно отмѣтить и то, что станціи такой колоссальной силы, какъ Польди и мыса Бретонъ, испускаютъ такія мощныя электрическія волны, что всѣ сигналы менѣе значительныхъ станцій будутъ уничтожены на 100 миль въ окружности, да и близкое сосѣдство двухъ такихъ громадныхъ станцій будетъ смертельно для каждой изъ нихъ. Слѣдовательно, функціонировать такія станціи могутъ только при детально выработанной государственной и международной регламентаціи. И объ этомъ начинаютъ теперь серьезно подумывать.

Какъ бы то ни было, возможно ли будетъ установить правильное прямое безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ, или же опыты и удача Маркони имѣютъ только теоретическій интересъ,—во всякомъ случаѣ подобное телеграфированіе на меньшія разстоянія является уже вполнѣ прочнымъ техническимъ завоеваніемъ и почти всѣ государства начинаютъ примѣнять его, главнымъ образомъ, въ военныхъ цѣляхъ. Англичане устроили безпроволочный телеграфъ во время войны съ бурами, впрочемъ безъ большого успѣха, они надѣятся пожать бо́льшія лавры въ этомъ отношеніи въ войнѣ съ сомалійцами, такъ какъ страна послѣднихъ равнинная; нѣмцы ввели уже соотвѣтственные аппараты на всѣхъ военныхъ судахъ и намѣреваются устроить особыя станціи въ наиболѣе важныхъ береговыхъ пунктахъ; французы и мы тоже не отстаемъ; объ англичанахъ и говорить нечего: они шли все время во главѣ этого предпріятія. Шведы устроли цѣлую цѣпь небольшихъ станцій между Карлскроной и Стокгольмомъ, изъ которыхъ самая южная можетъ сообщаться съ Арконой на о-вѣ Рюгенѣ, а послѣдняя соединена обыкновеннымъ телеграфомъ съ Берлиномъ; въ непродолжительномъ времени ожидается установленіе станціи безпроволочнаго телеграфа и между этими пунктами, и тогда Швеція и Германія въ состоянін будутъ сноситься не только при посредствѣ обыкновеннаго, но и безпроволочнаго телеграфа. Начинаютъ примѣнять безпроволочный телеграфъ и желѣзныя дороги. Такъ, американская желѣзнодорожная компанія «Grand Trunk Railway» приступила съ успѣхомъ къ установленію телеграфныхъ сношеній между станціей и поѣздомъ, идущимъ съ скоростью 75 километровъ въ часъ; при этомъ пользовались небольшими лабораторными приборами и вмѣсто вертикальной проволоки-пріемника волнъ (антена) протягивали прово-

локу съ каждой стороны вдоль всего вагона, гдѣ былъ расположенъ когереръ, состоявшій изъ порошка никкеля и серебра.

Если подобнаго рода опыты увѣнчаются успѣхомъ и удастся выработать систему телеграфированія между движущимся поѣздомъ и станціей, это будетъ имѣть такое же громадное значеніе, особенно для предупрежденія несчастій, какъ безпроволочное телеграфированіе между берегомъ и кораблемъ, теперь уже практикующееся.

Уже изъ этого краткаго обзора читатель видитъ, какая громадная область примѣненій открывается для новаго изобрѣтенія,—а вѣдь оно только еще дѣлаетъ первые робкіе шаги; какіе же перспективы могутъ открыться для безпроволочнаго телеграфа, когда онъ станетъ взрослымъ и отъ поздравительныхъ телеграммъ и сомалійскихъ дракъ перейдетъ къ болѣе серьезному и нужному для людей дѣлу?!

Техническое изобрѣтеніе, къ которому мы теперь переходимъ, не дѣйствуетъ такъ на воображеніе и безспорно не имѣетъ такого мірового значенія, какъ безпроволочное телеграфированіе, но все же въ своей болѣе узкой области и оно грозитъ цѣлой революціей.

Извѣстнымъ лейпцигскимъ химикомъ *Оствальдомъ* и его ученикомъ *Гроссомъ* открытъ недавно способъ воспроизведенія какъ фотографическихъ, такъ и другихъ изображеній безъ помощи свѣта. Негативъ при этомъ «фотографированіи безъ свѣта» получается обычнымъ путемъ въ фотографической камерѣ, на пластинкахъ, покрытыхъ бромистымъ серебромъ и, слѣдовательно, при дѣйствіи свѣта, но прозрачныя стекляныя или целлулоидныя пластинки могутъ быть замѣнены, въ данномъ случаѣ, непрозрачными, такъ какъ здѣсь нужна только поверхность негатива. Такимъ образомъ, въ способѣ Оствальда свѣтомъ пользуются только для полученія негатива, а весь дальнѣйшій процессъ совершается безъ дѣйствія свѣта.

Оствальдомъ и Гроссомъ такое фотографированіе названо *кататипіей*, такъ какъ вещества дѣйствуетъ другъ на друга во всемъ этомъ процессѣ каталитически.

Каталитическими же въ химіи называются такія реакціи, которыя совершаются только въ присутствіи извѣстныхъ тѣлъ (въ данномъ случаѣ серебра, платины, перекиси марганца и пр.), хотя сами эти тѣла ни въ вѣсѣ, ни въ составѣ своемъ не измѣняются.

Вотъ нѣсколько примѣровъ каталитическихъ реакцій. Сѣрнистый газъ и кислородъ не соединяются другъ съ другомъ прямо, но въ присутствіи губчатой платины соединеніе происходитъ; такимъ же образомъ можетъ быть полученъ азотъ при пропусканіи смѣси амміака и кислорода воздуха надъ раскаленной мѣдью, остающейся безъ измѣненія; хлоръ получается при пропусканіи хлористаго водорода и воздуха надъ нагрѣтымъ кирпичомъ, пропитаннымъ насыщеннымъ растворомъ мѣднаго купороса или же въ присутствіи солей марганца.

Химиками признается, что каталитическое вещество, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, напримѣръ, въ вышеупомянутыхъ реакціяхъ, и само также

принимаетъ участіе, образуя съ какимъ-нибудь изъ веществъ данной реакціи соединеніе, но настолько непрочное, что при обычныхъ условіяхъ оно не можетъ существовать и разлагается, снова возстановляя каталитическое вещество со всѣми его свойствами.

Такія каталитическія реакціи, какъ разложеніе бертолетовой соли на хлористый калій и кислородъ, совершающееся въ присутствіи перекиси марганца, затѣмъ всякаго рода броженія (винное, уксусное и пр.), гдѣ только въ присутствіи извѣстныхъ микроорганизмовъ сахаръ разлагается на спиртъ и угольную кислоту или же спиртъ окисляется въ уксусную кислоту и т. д., такія каталитическія реакціи не имѣютъ до сихъ поръ полнаго и общепризнаннаго объясненія.

Оствальдъ и Гроссъ воспользовались катализомъ для полученія особыхъ негативовъ. Они обливали, напр., негативъ, полученный обычнымъ способомъ, перекисью водорода. Серебро на темныхъ мѣстахъ негатива, дѣйствуя каталитическимъ путемъ на перекись водорода, разлагало ее на водородъ и кислородъ; въ свѣтлыхъ же мѣстахъ, не содержащихъ серебра, перекись водорода оставалась неразложенной. Такимъ образомъ получалось невидимое изображеніе изъ перекиси водорода. Это изображеніе можетъ быть переведено на обыкновенную бумагу простымъ нажиманіемъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Проявляя же такое изображеніе сѣрнокислымъ желѣзомъ (мѣдный купоросъ), получаемъ свѣтложелтое изображеніе, которое можно окрасить растворомъ желѣзистоціанистаго калія въ синій цвѣтъ, галловой кислотой—въ фіолетовый, растворомъ пирокатехина—въ зеленоваточерный и т. д. Получаемыя при этомъ способѣ краски очень прочныя, а потому и портреты и всякія другія изображенія, полученныя этимъ способомъ, конечно, несравненно долговѣчнѣе обыкновенныхъ фотографическихъ.

Копіи могутъ быть изготовлены кататипическимъ способомъ очень быстро. Гроссъ и Оствальдъ примѣняютъ не только вышеописанные, но самые разнообразные каталитическіе процессы ко всякаго рода воспроизведеніямъ употребляемымъ въ печати. При кататипіи требуются очень дешевые матеріалы и приборы, а изображенія получаются гораздо точнѣе и изящнѣе, чѣмъ при многихъ, несравненно болѣе дорогихъ, способахъ художественной репродукціи; поэтому нужно ожидать, что въ очень скоромъ времени кататипическій способъ, особенно при несомнѣнномъ дальнѣйшемъ усовершенствованіи его, произведетъ въ этой области громадный переворотъ и сильно удешевитъ воспроизведеніе картинъ, иллюстрацій, фотографическихъ карточекъ и т. п. предметовъ.

В. Агафоновъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Постановленія новгородскаго губернскаго комитета. Съ 26-го января по 1-е февраля происходили засѣданія новгородскаго губернскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ новгородскаго губернатора графа Медема. Въ комитетъ, по словамъ «С.-Петерб. Вѣд.», было приглашено всего 83 человѣка, считая въ томъ числѣ обязательныхъ членовъ комитета: губернскаго предводителя дворянства, 11 уѣздныхъ предводителей, предсѣдателя и трехъ членовъ губернской земской управы, 11 предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющаго казенной палатой, управляющаго государственными имуществами и уполномоченнаго министерства земледѣлія. Изъ числа этихъ обязательныхъ членовъ не явились 8 уѣздныхъ предводителей дворянства и 8 представителей земскихъ управъ.

Кромѣ указанныхъ обязательныхъ членовъ, губернаторомъ были приглашены всѣ чиновники губернской администраціи.

Изъ состава гласныхъ губернскаго земскаго собранія приглашены были только губернскіе гласные отъ Новгородскаго уѣзда, а затѣмъ участвовало въ комитетѣ еще нѣсколько болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ Новгородской губ.

Приводимъ перечень главнѣйшихъ постановленій комитета.

Народное образованіе. 1) Народное образованіе должно быть всеобщимъ.

2) Народное образованіе не должно быть обязательнымъ.

3) Народная школа должна быть безплатна.

4) Желательно организованное участіе земства и общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, подъ общимъ руководствомъ правительства.

5) Общеобразовательныя народныя школы должны находиться исключительно въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

6) Желательна возможно широкая матеріальная помощь народнымъ школамъ со стороны правительства.

7) Курсъ начальной народной школы долженъ быть увеличенъ не менѣе чѣмъ до 4-хъ лѣтъ.

8) Начальная народная школа должна преслѣдовать только общеобразовательныя цѣли.

9) Устроить связь между начальной, средней и высшей школами, въ видахъ свободнаго перехода изъ одной въ другую, съ сохраненіемъ въ народной школѣ самостоятельной и законченной программы.

10) Увеличить число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и удешевить плату за ученіе.

11) Желательно возможно облегчать пополненіе народныхъ библіотекъ книгами и упростить разрѣшеніе чтеній.

Правовое положеніе населенія и земства. 1) Освободить крестьянское населеніе отъ обязанности избирать изъ своей среды полицейскихъ, сотскихъ, десятскихъ и реорганизовать сельскую полицію на общихъ началахъ.

2) Отмѣнить натуральныя повинности, которыя исключительно или главнымъ образомъ ложатся на крестьянское населеніе, какъ-то подводную, дорожную и друг.

3) Дорожная повинность по содержанію проселочныхъ дорогъ между населенными пунктами должна быть пересмотрѣна, т.-е. изъ личной, какъ въ настоящее время, когда она падаетъ исключительно на владѣльцевъ, черезъ владѣнія которыхъ дорога пролегаетъ, она должна быть превращена въ общественную, отправляемую раскладкой расходовъ по содержанію дороги на всѣ предметы обложенія.

4) Исключить тѣлесное наказаніе изъ числа карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ судомъ.

5) Уничтоженіе зависимости между принадлежностью къ извѣстному сословію и гражданскими правами даннаго лица; въ частности, отмѣна закона, по которому лица, выбывшія изъ крестьянскаго сословія, лишаются вмѣстѣ съ тѣмъ права на участіе въ пользованіи землею, находящейся въ общественномъ владѣніи.

6) Лишеніе крестьянскаго общества и хозяина крестьянскаго двора власти, стѣсняющей личность и семейную жизнь совершеннолѣтнихъ членовъ семьи.

7) Отмѣнить круговую поруку.

8) Допустить крестьянъ къ участію въ земскомъ самоуправленіи на общихъ правахъ, согласно Положенію 1864 года.

9) Предоставить всему населенію Новгородской губерніи мѣстный низшій выборный судъ на началахъ уставовъ Императора Александра II 1864 г.

10) Установить въ земствѣ территоріальное представительство на началахъ всесословности.

11) Желательно учрежденіе мелкой земской единицы.

12) Ходатайствовать объ отмѣнѣ закона 12-го іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія.

Землевладѣніе. 1) Предоставить сельскому населенію свободный выборъ формы землевладѣнія, общиннаго, подворнаго или хуторского.

2) Спеціальныхъ мѣръ къ поддержанію общины принимать не слѣдуетъ.

3) Въ случаѣ выбора крестьянами той или другой формы землевладѣнія принять мѣры содѣйствія къ развитію избранной формы.

4) Отмѣнить законъ, препятствующій крестьянамъ продавать на сносъ постройки.

5) Предоставить право обществу учреждать опеку за расточительность по просьбѣ семьи расточителя.

6) Выразить пожеланіе о расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка и о направленіи этой дѣятельности, главнымъ образомъ, на помощь части крестьянскаго населенія при всѣхъ формахъ землевладѣнія съ уменьшеніемъ процента, взимаемаго по ссудамъ.

7) Открыть правительственный кредитъ отдѣльнымъ безземельнымъ лицамъ всѣхъ сословій на покупку земли мелкими участками для веденія на нихъ сельскаго хозяйства, причемъ оказываемыя ссуды обезпечивались бы самими пріобрѣтаемыми участками.

8) При отмѣнѣ выкупныхъ платежей оставить въ силѣ законъ о неотчуждаемости земли отъ общины (при общинномъ землепользованіи).

Финансовая система. 1) Въ видахъ того, что косвенные налоги, какъ акцизные, такъ и таможенные, касающіеся предметовъ массового потребленія, весьма тяжело ложатся на неимущій класъ, выразить пожеланіе, чтобы эта налоговая тяжесть была, по возможности, переложена на прогрессивный подоходный налогъ, при установленіи котораго слѣдуетъ опредѣлять извѣстный минимумъ дохода, не подлежащаго обложенію подоходнымъ налогомъ.

2) Принимая во вниманіе высокую важность полученія наибольшихъ выгодъ отъ вывозной торговли продуктами, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить зерновой хлѣбъ, выразить пожеланіе:

а) Чтобы приняты были всевозможныя мѣры къ устраненію всѣхъ причинъ, мѣшающихъ русскому хлѣбу получать на міровомъ рынкѣ расцѣнку, соотвѣтствующую его качествамъ, какъ, напримѣръ, заведеніе оффиціальной упаковки хлѣба въ портахъ, черезъ биржевыхъ агентовъ.

б) Чтобы путемъ постепеннаго пониженія до возможнаго минимума пошлины на сельско-хозяйственныя машины и орудія и, вообще, на желѣзо и разнаго рода минеральные товары была дана возможность сельскому хозяйству достигнуть наибольшаго пониженія стоимости производства хлѣба.

в) Чтобы, путемъ раціональнаго покровительства и поддержки со стороны правительства, были приняты мѣры къ возможно большему развитію переработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на фабрикаты и полуфабрикаты, какъ-то мясо, масло, сыръ, муку и всякаго рода издѣлія изъ льна и конопли.

г) Чтобы наибольшее вниманіе было обращено на улучшеніе всѣхъ отраслей сельско-хозяйственнаго труда, такъ какъ только этимъ путемъ создается крупный и твердый внутренній рынокъ для всѣхъ отраслей промышленности, и можетъ быть достигнуто наибольшее экономическое процвѣтаніе.

3) Выразить пожеланіе о полномъ сложеніи выкупныхъ платежей и всѣхъ накопившихся недоимокъ.

Большая часть постановленій приняты комитетомъ единогласно или громаднымъ большинствомъ. Разнорѣчіе произошло лишь по вопросамъ винной торговли; въ постановленіяхъ этой группы уклонились отъ участія новгородскій

предводитель дворянства Болотовъ и тихвинскій Буткевичъ, а также предсѣдатель губернской управы Соморъ, членъ той же управы Пузино и предсѣдатели уѣздныхъ управъ: тихвинской—Бередниковъ и устюжской—Колюбакинъ. Эти члены комитета поддерживали предложеніе тихвинскаго уѣзднаго комитета о замѣнѣ винной монополіи гэттенборгской системой продажи вина (по примѣру Швеціи), т.-е. сосредоточеніе монополіи продажи вина просвѣтительными обществами на началахъ откупа; при этомъ вино распивочно продается обязательно съ ѣдою, и вся чистая прибыль идетъ на просвѣтительныя цѣли.

Земскія учрежденія въ степномъ краѣ. Въ стѣнахъ омскаго отдѣла московскаго общества сельскаго хозяйства 2-го января происходило важное въ жизни всего степного края засѣданіе: омскій отдѣлъ высказался единодушно за введеніе въ степномъ краѣ земскихъ учрежденій. Какъ сообщаетъ «Восточное Обозрѣніе», на общемъ собраніи отдѣла, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, читался докладъ по этому вопросу Л. К. Чермака, въ которомъ онъ далъ отвѣтъ на обычныя возраженія «солидныхъ людей», объ отсутствіи въ Сибири земскихъ дѣятелей.

Пренія начались съ рѣчи обычнаго оратора здѣшнихъ собраній, г. Тейтеля. Онъ цитировалъ циркуляръ степного генералъ-губернатора Сухотина объ «упадкѣ духа» сельскаго населенія Акмолинской области и, торжественно сославшись на то, что «генералъ Сухотинъ констатируетъ отсутствіе личной иниціативы у населенія», высказался, въ концѣ концовъ, за земство.

Впрочемъ, онъ находилъ, что введеніе въ степномъ краѣ земскихъ учрежденій встрѣтитъ слѣдующее неустранимое препятствіе: здѣсь нѣтъ помѣстнаго элемента, населеніе говоритъ на разныхъ языкахъ и изъ нихъ преобладающимъ оказывается киргизскій. Возражая г. Тейтелю, статистикъ Добровольскій указалъ на то, что помѣстный элементъ не есть необходимое условіе для жизнеспособности земства, напротивъ, въ Россіи наблюдается совершенно обратное: земское хозяйство поставлено образцово во всѣхъ отношеніяхъ какъ разъ тамъ, гдѣ нѣтъ или мало такъ называемаго помѣстнаго элемента. Киргизскій языкъ, на которомъ говоритъ большая часть населенія края, также не можетъ служить препятствіемъ къ введенію земства. Въ этомъ краѣ дѣйствуютъ судебныя учрежденія, распространенныя и на кочевое населеніе; въ земствѣ будутъ работать болѣе энергичные элементы послѣдняго и нынѣ знакомые съ русскимъ языкомъ. Производитель работъ г. Квитко, указывая на статистическія данныя о распредѣленіи населенія въ сѣверныхъ уѣздахъ Акмолинской области, гдѣ уже преобладаетъ осѣдлое населеніе, говоритъ, что край въ близкомъ будущемъ будетъ населенъ выходцами изъ земскихъ губерній настолько, что русскій языкъ и земскіе люди окажутся достаточными устоями сибирскаго земства. Рѣчи послѣднихъ ораторовъ произвели должное впечатлѣніе на г. Тейтеля, и онъ поспѣшилъ взять обратно все, что сказалъ сначала противъ сибирскаго земства.

Пред. А. А. Станкевичъ говоритъ, что хотя извѣстно, что война родитъ

героевъ, но самымъ важнымъ препятствіемъ къ введенію здѣсь земства нужно считать отсутствіе интеллигентныхъ силъ.

Статистикъ Е. П. Добровольскій, отвѣчая г. Станкевичу, указываетъ на мужицкое земство Вятской губ., которое крестьяне съ самаго начала повели прекрасно. Г. Букейхановъ говоритъ, что хотя предсѣдатель просилъ избѣгать параллели между земскими и неземскими губерніями, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду настоящей безпомощности во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ у насъ, въ степномъ краѣ. Будь у насъ администрація вооружена послѣднимъ словомъ науки, благожелательна, какъ ангелъ, и тогда она была бы безсильна выполнить свою нынѣшнюю роль опекуна сельскаго населенія. У администраціи слишкомъ много своихъ административныхъ дѣлъ. Мировые судьи, которыхъ на уѣздъ приходится два человѣка, буквально завалены дѣлами и изнываютъ подъ тяжестью дѣлъ судьи и слѣдователя, обязаннаго дѣлать 1.000 верстные разъѣзды. Откуда чины администраціи, крестьянскіе начальники, которыхъ не болѣе мировыхъ судей въ уѣздѣ, возьмутъ досугъ и время для удовлетворительнаго выполненія всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя перешли бы къ земству.

Алкогольная статистика. Надняхъ министерство финансовъ выпустило въ свѣтъ новое изданіе, содержащее въ себѣ статистическія данныя по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что по 35-ти монопольнымъ губерніямъ Россіи за этотъ годъ выпито $33^1/_4$ милл. ведеръ вина и спирта, и за это уплочено $244^1/_2$ милл. рублей! «Саратовскій Дневникъ» дѣлаетъ интересныя извлеченія изъ указанной выше книги, по мнѣнію автора которой урожаи 1899 и 1900 гг. въ высшей степени содѣйствовали повышенію душевого потребленія вина.

«Повысилось потребленіе на востокѣ: сильно стали пить въ Уфѣ да въ Самарѣ; понизилось на юго-западѣ, въ Херсонской губ. былъ неурожай, а въ Бессарабіи своего виноградnаго вина оказалось изобильно. Продолженіе промышленнаго кризиса тоже внесло свою струю въ «потребленіе вина и спирта въ 1900 году»: меньше пили въ Екатеринославской губ. и нѣкоторыхъ др. Сопоставленіе итоговъ урожая и потребленія вина отличается въ большинствѣ описываемыхъ авторами случаевъ значительной точностью. Правда, это далеко не всегда. Напримѣръ, по Уфимской губ. въ видѣ причины «значительнаго повышенія расхода питей» приведено и «то обстоятельство, что въ 1900 г. черезъ эту губернію было усиленное передвиженіе войска на китайскую границу». На самомъ дѣлѣ, черезъ губернію собственно никакихъ войскъ не передвигалось; войска перевозились по желѣзной дорогѣ, прорѣзывающей много и другихъ губерній. И почему это на уфимскихъ вокзалахъ войска вдругъ особенно усилили «душевое потребленіе вина?» И подобныхъ, далеко ненаучныхъ объясненій въ разсматриваемой книгѣ, по словамъ «Саратовскаго Дневника», не мало. Напримѣръ (стр. 173), «сокращеніе въ потребленіи вина за февраль 1900 г. объясняется болѣе раннимъ наступленіемъ Великаго поста», а это же болѣе раннее наступленіе Великаго поста, оказывается, въ восточныхъ губерніяхъ не имѣло ни малѣйшаго вліянія (стр. 148). Мѣстами, видимо отчаяв-

шись найти объясненіе сокращенію потребленія вина (напр., Черниг. губ.), авторы ссылаются просто на повышеніе цѣнъ на вино. А для западнаго края изобрѣтается даже особый законъ, антропологамъ неизвѣстный: «Чѣмъ выше % православныхъ и чѣмъ ниже % католиковъ въ составѣ мѣстнаго населенія, тѣмъ выше душевое потребленіе вина».

Таблицы, приложенныя къ книгѣ и занимающія около 150 стр., болѣе безпристрастны и указываютъ на необходимость искать болѣе серьезныхъ бытовыхъ и культурно-историческихъ факторовъ, вліяющихъ на размѣры потребленія вина въ разныхъ краяхъ громадной Россіи.

Гдѣ наиболѣе сильное «душевое потребленіе» монопольной влаги, никто и не подозрѣваетъ. Этотъ отнынѣ знаменитый пунктъ — Смоленская губернія Тамъ есть города, даже не города, а городки, въ родѣ Ельни, имѣющей 2.370 жителей обоего пола и пропившей 77.636 руб., т.-е. по 32 р. 76 к. на каждую душу населенія. А Сычевка—помнитъ ли кто такой географическій пунктъ? Она побила и этотъ рекордъ: при 4.307 жителяхъ выпито вина за 1900 г. на 143.109 р., т.-е. по 33¼ р. на душу. Если исключить изъ счета женъ сычевскихъ гражданъ, то на каждаго изъ послѣднихъ падетъ расходъ на «spiritiuosa» въ суммѣ 66½ р. въ годъ, т.-е. по 18 к. ежедневно. Полбутылки ежедневно. Не отстаютъ и другіе города Смоленской губ.: въ г. Вязьмѣ при 16 тыс. жит. выпито на 336 тыс. р., т.-е. по 21 р. на душу, въ Гжатскѣ—по 24½ р., въ Духовщинѣ—по 25 р., въ Юхновѣ—по 27 р. Самъ Петербургъ оказывается скромникомъ въ сравненіи со смоленскими городками: въ немъ выпилъ каждый житель въ 1900 г. всего на 17 р. 56 к. Въ общемъ, по городамъ рѣдко гдѣ душевое потребленіе вина переходитъ сумму 10—12 р. на душу, по селамъ и деревнямъ 4—5 р. на душу. Одесса, «царица юга» и та тратитъ на водку по 10 р. 88 к. въ годъ на жителя, а Кіевъ, «мать русскихъ городовъ»—по 13 р. 28 к. на душу. Выдаются еще усиленнымъ потребленіемъ вина города: Ялта—по 23 р. на душу, Валдай—20 р., Боровичи—24 р., Опочка—23 р., Островъ—26 р. Но всѣхъ превзошелъ Олонецъ, уѣздный городъ Олонецкой губ., который при 1.170 жит. выпилъ на 40.922 р., т.-е. по 35 р. на душу, по 70 р. на мужчину.

Какъ ни велики отдѣльныя цифры, какъ ни внушительна заключительная—224 милліона руб.—на 35 губерній съ населеніемъ въ 66 милл. душъ—но общее-то употребленіе спирта оказывается ровно въ полведра на душу, т.-е. получается та самая цифра, о которой г. министръ финансовъ въ докладѣ при росписи на 1902 годъ сказалъ: «Достойно вниманія, что среди предметовъ массоваго потребленія незамѣтно увеличенія лишь по одному спирту, потребленіе котораго колебалось въ теченіе всего десятилѣтія около нормы въ полведра 40° вина на одного жителя». Шли годы, Россія удвоила сѣть своихъ желѣзныхъ дорогъ, расцвѣтали на иностранныхъ капиталахъ и правительственномъ тарифѣ горнозаводское, сахаропромышленное и пр. дѣла, росли и лопались банки, бюджетъ нашъ удвоился, а единственный предметъ дѣйствительно массоваго потребленія въ населеніи не выходилъ изъ своей нормы—«въ полведра 40° вина на одного жителя». Происходилъ дѣйствительно «силь-

ный и глубоко проникающій процессъ перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ», покупательныя средства сокращались, сокращался инвентарь, запасъ здоровыхъ силъ, заработки падали и въ концѣ концовъ возрастаніе нашего національнаго богатства пошло обратно пропорціонально развитію народнаго благосостоянія. Населеніе уже не въ состояніи давать больше фиску, и вслѣдствіе этого являются спѣшныя реализаціи военныхъ вознагражденій, займы, вообще «увеличеніе по статьѣ государственнаго кредита...»

Бюджетъ крестьянина Саратовской губ. Пользуясь данными земской статистики, «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства» характеризуетъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства Саратовской губерніи.

Разсчетъ культуръ, пишетъ «Вѣстникъ», показываетъ, что по Саратовской губерніи не хватаетъ 13,7 милліоновъ пудовъ хлѣба для удовлетворенія собственныхъ потребностей и платежей податей. Если же перевести на количество потребной для этого земли, то окажется, что крестьянину не хватаетъ $^1/_2$ того количества земли, которое онъ получилъ въ надѣлъ. Но, вѣдь, здѣсь мы приняли во вниманіе лишь собственную потребность въ хлѣбѣ да подати, всѣ же остальныя потребности: одежда, жилище, инвентарь, необходимыя денежныя траты, наконецъ, образованіе, книги и пр., и пр., остаются безъ удовлетворенія на средства собственнаго хозяйства и естественно вызываютъ необходимость въ промыслахъ и стороннемъ заработкѣ.

Интересные выводы находимъ въ цитируемой статьѣ по отношенію къ Балашовскому уѣзду, которой считается самымъ обезпеченнымъ и въ которомъ на душу населенія остается свободнымъ 11,7 пуда хлѣба.

Этотъ избытокъ оцѣнивается по уѣзду въ 6,67 милл. рублей; учтя изъ него: арендную плату (1.543 т. р.), платежи государственному банку (325 т. р.) и страховки, получимъ свободный остатокъ отъ хозяйства въ 2.435 т. р., который вмѣстѣ съ заработками и составляетъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства. Доходъ по даннымъ земскихъ статистическихъ матеріаловъ и подворныхъ изслѣдованій достигаетъ 2.675 т. р. Такимъ образомъ, общій валовой доходъ крестьянскаго хозяйства, исчисляется въ 5.120 т. р., что составляетъ 18 р. 15 к. на душу обоего пола, или 144 р. 45 к. на дворъ.

Изъ этого дохода крестьянинъ долженъ отдать 1.136 т. руб. прямыхъ и 1.575 т. р. косвенныхъ налоговъ, всего 2.701 т. р.

Эта сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Прямые налоги:

Поземельный налогъ	23 т. р.
Выкупные платежи	499 —
Земскіе сборы.	197 —
Мірскіе сборы.	415 —
Всего. .	1.136 т. р.

Косвенные налоги:

Винный налогъ . . . . . 1.058 т. р.
Таможенный, сахарный, спичечный и табачный налогъ 507 —

На душу населенія налоги составляютъ 9 руб. 80 коп., поглощая, слѣдовательно, болѣе половины свободнаго дохода крестьянина. Такимъ образомъ, за вычетомъ всѣхъ налоговъ въ распоряженіи крестьянина остается 8 р. 55 к. въ годъ, и вотъ этими 8 рублями крестьянинъ долженъ удовлетворить свои потребности въ одеждѣ и обуви, произвести ремонтъ строеній, хозяйственныхъ принадлежностей, живого и мертваго инвентаря, долженъ уплатить долги и проценты по нимъ, произвести сбереженіе на случай неурожая, пожара, падежа и пр., долженъ удовлетворить и свои культурныя потребности.

Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ. Сотрудникъ «Бакинскихъ Извѣстій» описываетъ тяжелое положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ.

«Годъ тому назадъ,—пишетъ онъ,—мнѣ пришлось побывать на куринскихъ рыбныхъ промыслахъ, и я могу сказать—болѣе безправнаго человѣка, болѣе тяжелой, во всѣхъ отношеніяхъ, жизни я и представить себѣ не могу. Видѣлъ я, какъ живутъ рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ, видѣлъ и хорошо знаю условія жизни на фабрикахъ нашихъ, но ничего подобнаго по жизненной обстановкѣ рабочаго рыбныхъ промысловъ я не встрѣчалъ ни разу.

«Живетъ промысловый рабочій въ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ; живетъ вѣчно впроголодь; болѣетъ и мретъ безъ всякой медицинской помощи. И это на всѣхъ промыслахъ, не исключая и банковскаго промысла, съ его бутафорской больничкой. Никто никогда не признавалъ за рабочимъ никакихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей. Для него нѣтъ ни школъ, ни библіотекъ. Живетъ онъ вѣчно въ грязи, работаетъ, какъ и рабы не работали, лишенный всѣхъ радостей жизни, и въ довершеніе всего въ немъ даже не видятъ человѣка. Его третируютъ, оскорбляютъ на каждомъ шагу, ругань и побои—обычные пріемы промысловой администраціи, начиная съ приказчика и кончая управляющимъ. За малѣйшую провинность, малѣйшее ослушаніе, его штрафуютъ, а если измученный, избитый рабочій вздумаетъ, хотя бы въ самой скромной формѣ, протестовать противъ насилій, его сейчасъ же, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, увольняютъ. А случается—предварительно еще станутъ истязать. Катать въ бочкѣ, напримѣръ, какъ это сдѣлалъ г. Маиловъ. И приходится, скрѣпя сердце, рабочему тянуть безропотно лямку свою, заглушивъ въ себѣ послѣдніе остатки чувства личнаго достоинства. И не только его личность, но и жена, и дѣти его находятся въ полной власти промысловой администраціи. И горе ему, если судьба дала ему молодую жену или дочь! Ихъ не пощадятъ. Я думаю, что только въ разгаръ крѣпостного права можно было наткнуться на случаи такого глубокаго поруганія личности. Я былъ на банковскомъ промыслѣ. Зашелъ въ клеевое отдѣленіе. Тамъ работали мо-

лоденькія дѣвушки. Ихъ было до сотни. Среди нихъ гордо расхаживалъ отвратительный, жирный старикъ. Онъ глядѣлъ на нихъ, этихъ рабынь своихъ, своими похотливыми глазами, хлопалъ по спинамъ ихъ, хваталъ за подбородки.

«— Кто это?—спросилъ я спутника своего, юнаго студента.

«— Это? Завѣдующій отдѣленіемъ... Живетъ, какъ султанъ! Всѣ эти дѣвушки—въ его полномъ распоряженіи.

«Каково положеніе рабочихъ на бакинскихъ рыбныхъ промыслахъ, видно изъ того, что въ теченіе времени съ октября по январь поступило до 100 жалобъ рабочихъ на рыбопромышленниковъ. Жалобы эти, главнымъ образомъ, приносятся на задержаніе рыбопромышленниками жалованья, паспортовъ, избіеніе рабочихъ и пр.»

Сухумская санаторія. Въ «СПб. Вѣдом.» помѣщено интересное описаніе санаторіи въ Сухумѣ, которая является единственнымъ въ своемъ родѣ лечебнымъ учрежденіемъ въ Россіи для легочныхъ больныхъ.

Санаторія находится въ 10 верстахъ отъ Сухума въ живописной мѣстности, въ имѣніи крупнаго землевладѣльца Н. Н. Смецкаго, на южномъ склонѣ къ морю отрога Кавказскихъ горъ. Четыре огромныхъ трехъэтажныхъ кирпичныхъ зданія, соединенныя между собою обращенными на югъ верандами и прикрывающіяся съ сѣвера каменной стѣной, образуютъ собственно санаторію, разсчитанную на 110 пансіонеровъ и пансіонерокъ. Комнаты—высокія, прекрасно освѣщенныя и богатыя свѣтомъ. Помѣщенія для больныхъ имѣются какъ общія, по два, по четыре и по шести, такъ и одиночныя. Кубическое содержаніе воздуха въ спальныхъ помѣщеніяхъ принято на каждаго въ двойномъ противъ нормы размѣрѣ. Двѣ обширныхъ столовыхъ, мужская и женская, на 60 человѣкъ каждая, помѣщаются внѣ жилыхъ помѣщеній—въ пролетахъ между корпусами. Веранды, играющія особенно видную роль въ жизни и леченіи больныхъ, имѣютъ размѣры шесть саж. въ длину и четыре въ ширину. Между вторымъ и третьимъ корпусами расположена общая для всѣхъ гостиная.

Почти вся мебель въ санаторіи каштановая, дабы не дать обычному на побережьи червяку-дровоѣду ютиться въ ней и своимъ немолчнымъ шорохомъ безпокоить больныхъ. Меблировка какъ спальныхъ помѣщеній, такъ и комнатъ спеціальнаго назначенія—прямо роскошна. Въ кухнѣ, клозетахъ, умывальныхъ комнатахъ и на верандахъ полы мозаичные, ради чистоты. Лѣстницы бетонныя. Въ каждый этажъ проведена вода; на лѣстницахъ имѣются пожарные краны на случай бѣдствія отъ огня. Отопленіе корпусовъ производится обыкновенными печами, но съ герметической закупоркой.

Въ настоящее время, хотя всѣ зданія собственно санаторіи постройкой закончены, но для пріема легочныхъ больныхъ открыты лишь два корпуса. Послѣдніе два откроются къ осени текущаго года. Наличный контингентъ боль-

ныхъ, въ числѣ 21 человѣка обоего пола, состоитъ преимущественно изъ учащихъ и учащихся; женщины преобладаютъ надъ мужчинами.

Санаторія функціонируетъ первый годъ. Открытіе ея состоялось 11-го ноября 1902 года. Со дня открытія по день нашего посѣщенія, 11-го февраля, желающихъ поступить было 215 человѣкъ. Директоромъ сухумской санаторіи состоитъ докторъ Степанъ Степановичъ Емельяновъ, бывшій до того ординаторомъ факультетской клиники московскаго университета.

Жизнь санаторіи подчинена опредѣленному, строго соблюдаемому режиму. Съ поступленіемъ въ санаторію, больные обязуются самымъ точнымъ образомъ соблюдать правила учрежденія и безусловно подчиняться всѣмъ предписаніямъ врача какъ относительно лѣченія, такъ и образа жизни. Больные должны соблюдать самую безукоризненную чистоту; имъ строжайше запрещено плевать на полъ и на землю въ зданіяхъ санаторіи и въ паркѣ, а также въ носовой платокъ. Для отдѣляющейся мокроты больные постоянно держатъ при себѣ карманную плевательницу, будь то въ предѣлахъ или внѣ санаторіи. Больныхъ просятъ педантично заботиться о порядкѣ въ своей комнатѣ, и не дозволяется оставаться днемъ въ спальныхъ; окна послѣднихъ весь день бываютъ настежъ открыты. Куреніе табаку не въ указанномъ для этого помѣщеніи запрещается; спиртные напитки отпускаются лишь съ разрѣшенія врача. Запрещена всякая игра на деньги и цѣнности, а также и входъ во всѣ хозяйственныя помѣщенія санаторіи.

Распредѣленіе дня заведено въ санаторіи такое:

Въ $7^1/_2$ часовъ утра больные встаютъ. Въ 8—$8^1/_2$ ч.—кружка молока съ хлѣбомъ. Съ $8^1/_2$ до $9^1/_2$ ч.—быть на верандѣ. Затѣмъ до 10 ч.—завтракъ и чай. Съ 10 до 11 ч.—прогулка около дома въ хорошую погоду и на верандѣ при плохой. Съ 11 до $12^3/_4$ час.—быть на верандѣ: 1—$1^3/_4$ ч. обѣдъ. Послѣ обѣда до 3 часовъ—снова быть на верандѣ, причемъ предписывается полный покой. Съ 3 до $4^1/_2$ ч.—прогулка. Для прогулки предназначенъ на вершинѣ отроговъ обширный паркъ изъ естественныхъ насажденій, раскинувшійся сзади санаторіи... Въ немъ раздѣлены дорожки съ уклономъ отъ $^1/_{35}$ до $^1/_{70}$, версты на три, вглубь мѣстности. Съ $4^1/_2$ до 5 ч.—кружка молока съ хлѣбомъ, чай; съ 5—6 ч. больные проводятъ въ общей комнатѣ; съ 6 до 7 на верандѣ; 7—$7^1/_2$ ч. ужинъ. Съ $7^1/_2$ до 9 ч.—снова въ общей комнатѣ: 9 час.,—стаканъ молока; 10 ч.,—общая тишина, огни тушатся...

Какъ видно изъ росписанія дня, леченіе легочныхъ больныхъ основывается, главнымъ образомъ, на усиленномъ питаніи, чистомъ воздухѣ и покоѣ. По отзыву директора г. Емельянова, больные скоро привыкаютъ къ режиму, а преслѣдуемая общая цѣль—возстановленіе здоровья, при умѣломъ руководительствѣ администраціи санаторіи, заставляетъ безъ жалости проститься съ безалабернымъ образомъ жизни внѣ санаторіи. Съ этой стороны, при нашей бѣдности культурой, санаторіи играютъ немаловажную роль. Выздоровѣвшіе пансіонеры и пансіонерки, несомнѣнно, станутъ проводниками въ среду болѣе здравыхъ понятій санитарнаго образа жизни въ семьѣ и обществѣ.

Въ виду того обстоятельства, что хотя идея санаторій и пріобрѣтаетъ по-

пулярность, но истинное ихъ назначеніе все еще туманно не только для широкой публики, но даже и для врачей, нерѣдко посылающихъ въ санаторію больныхъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки и хрониковъ, на излеченіе которыхъ надежда напрасна, считаемъ необходимымъ рязъяснить, что санаторія предназначается для легочныхъ больныхъ въ первой стадіи болѣзни, подающихъ надежду, если не на полное выздоровленіе, то на остановку процесса и возстановленіе работоспособности.

Желающіе поступить въ санаторію должны подавать о томъ прошеніе на имя директора, и при немъ: 1) медицинское свидѣтельство съ указаніемъ, насколько возможно подробно, въ какой степени поражены легкія, въ какомъ состояніи находятся остальные органы, а также питаніе и силы больного; 2) запись измѣреній температуры тѣла за послѣднія двѣ недѣли. И только по разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, лица, подавшія ихъ, получаютъ увѣдомленіе о томъ, можетъ состояться пріемъ ихъ въ санаторію или нѣтъ.

Практика показала, что требованія эти не только больными, но, что печальнѣе, и врачами игнорируются, вслѣдствіе чего легочныхъ больныхъ въ городской больницѣ свидѣтельствуетъ врачъ санаторіи и ужъ только послѣ этого отвѣчающіе требованіямъ учрежденія зачисляются въ санаторію.

Въ сухумской санаторіи Гульрипшъ плата за помѣщеніе, содержаніе и леченіе установлена по 40 р. въ мѣсяцъ.

За мѣсяцъ. Высочайшій манифестъ 26-го февраля:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ, передъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею, свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благо-

состоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые благоговѣйно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіе съ предлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо Дворянскаго и Крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественныхъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и законномѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственною.

Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться

народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, исполнить Наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третье, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

— Коммиссія по преобразованію губернскаго управленія: 27-го февраля подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ начались засѣданія коммиссіи по преобразованію губернскаго управленія. Въ трудахъ коммиссіи принимаютъ участіе товарищи министра: сенаторъ Дурново, ген.-лейт. фонъ-Валь и т. с. Зиновьевъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій т. с. Мосоловъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, директоръ канцеляріи министра по дѣламъ дворянства д. с. с. Мордвиновъ, и губернаторы: петербургскій, егермейстеръ гр. Толь, самарскій, гофмейстеръ Брянчаниновъ, харьковскій, шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій, д. с. с. Клингенбергъ, псковскій, въ должности шталмейстера кн. Васильчиковъ, Дѣлопроизводство коммиссіи возложено на правителя канцеляріи министра въ званіи камергера Любимова при содѣйствіи вице-директора департамента общихъ дѣлъ въ должности гофмейстера фонъ-Бюндинга и помощника петербургскаго градоначальника въ званіи камергера Фриша.

— Объ усиленіи состава с.-петербургской столичной полиціи. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ объ усиленіи состава с.-петербургской столичной полиціи, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе временнаго штата с.-петербургскихъ градоначальства и столичной полиціи, отпускать ежегодно, съ 1-го января 1903 г., изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) двѣсти двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ рублей на содержаніе въ составѣ с.-петербургской столичной полиціи 50 должностей околоточныхъ надзирателей, изъ коихъ 10 перваго, 15—второго и 25—третьяго разряда и 510 городовыхъ, въ томъ числѣ: 50—перваго, 60—второго и 400—третьяго разряда, и 2) двадцать пять тысячъ пятьсотъ рублей ни увеличеніе суммы, назначенной на квартирное довольствіе городовыхъ.

— Въ послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія утверждены особыя правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведе-

ніяхъ. Согласно этимъ правиламъ, чтенія, устраиваемыя при начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, могутъ происходить лишь съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ, а подчиненныя непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ—съ разрѣшенія инспекторовъ; устраиваемыя же при иныхъ учебныхъ заведеніяхъ—съ разрѣшенія непосредственныхъ ихъ начальниковъ, съ доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія попечителя округа. На устроителей народныхъ чтеній возлагается обязанность вести записи о чтеніяхъ съ точнымъ указаніемъ каждый разъ—кто читалъ и что было прочитано. На основаніи этихъ записей, въ годовые отчеты по учебнымъ заведеніямъ должны быть включаемы свѣдѣнія о происходившихъ народныхъ чтеніяхъ. Высшее наблюденіе за народными чтеніями возлагается на попечителя учебнаго округа, причемъ этотъ послѣдній, въ случаѣ надобности, можетъ какъ устранять чтецовъ, такъ и прекращать самыя чтенія. Такимъ же правомъ пользуются по отношенію народныхъ чтеній при начальныхъ училищахъ и инспектора народныхъ училищъ (при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ), а въ прочихъ директора и начальники послѣднихъ.

— «Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ:

«9-го марта, въ гор. Златоустѣ, Уфимской губерніи, на казенномъ желѣзодѣлательномъ и рельсопрокатномъ заводѣ, рабочіе большепрокатнаго цеха, въ числѣ до 160 человѣкъ, не желая принять новыхъ разсчетныхъ книжекъ, заявили о прекращеніи съ 10-го числа работъ. 9-го марта рабочіе вели себя спокойно, но 10-го числа толпа до 500 человѣкъ собралась на площади, заявляя несогласія на новыя условія работъ. Въ виду возможности безпорядковъ, уфимскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановичъ, прокуроръ уфимскаго окружного суда и начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полковникъ Шатовъ выѣхали изъ Уфы въ Златоустъ. 13-го марта толпа рабочихъ требовала освобожденія троихъ ареетованныхъ, осаждала полицейское управленіе, квартиру ротмистра Долгова и домъ горнаго начальника, у котораго выбила стекла и ломала двери. Послѣ многочасовыхъ увѣщаній, когда толпа насильно не пустила прокурора поѣхать въ тюрьму и силою вламывалась вслѣдъ за губернаторомъ, несмотря на его уговоры, въ домъ горнаго начальника, губернаторъ вынужденъ былъ предложить командиру баталіона дѣйствовать оружіемъ. Ломившаяся въ двери дома и производившая выстрѣлы изъ револьверовъ, которыми легко ранены помощникъ исправника и жандармскій унтеръ-офицеръ Изергинъ, толпа послѣ залпа разсѣялась; осталось на мѣстѣ 28 убитыхъ; раненыхъ болѣе 50 чел. 14-го марта забастовка окончилась и всѣ цехи принялись за работу».

— Въ «Финл. Газ.» напечатано: Государь Императоръ 6-го (19-го) марта Высочайше соизволилъ удалить со службы бургомистровъ:

Гельсингфорсскаго—Эліаса Эмана, боргосскаго—Августа-Михаила Шаумана, ловизаскаго—Георга-Карла-Фридольфа Кулефельта, экенесскаго—Берндта-Густава-Кнута-Бьерна-Вольдемара Шаумана, гангесскаго—Фредрика Стенстрема, коткаскаго—Оскара-Августа Бакмана, фридрихсгамскаго—Ивара-Габріеля Алопеуса, кексгольмскаго — Карла-Акселя-Вильгельма Гренлунда, вильманстрандскаго—

Отто-Іоганнеса Лундсона, сердобольскаго—Александра-Арнольда Халлонблада и и. д. выборгскаго—Антона-Леонарда фонъ-Кнорринга.

Какъ сообщаетъ оффиціальная гельсингфорская газета, вызвана эта мѣра тѣмъ, что магистраты указанныхъ 11 городовъ отказались сдѣлать какія бы то ни было предписанныя въ законѣ распоряженія по исполненію призыва 1903 года. На основаніи устава о воинской повинности 1901 г. на пополненіе ставокъ призывныхъ присутствій должны быть избраны особые члены отъ общинъ. На обязанности же магистратовъ лежитъ созывъ для этой цѣли ратгаузскихъ собраній. Желая воспрепятствовать призыву настоящаго года, магистраты всѣхъ городовъ Нюландской и Выборгской губерній отказались исполнить предписанія губернаторовъ о созывѣ ратгаузскихъ собраній. Отвѣты магистратовъ какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ указываютъ на то что были составлены по одному и тому же шаблону. Отказъ своей магистраты мотивировали тѣмъ, что такъ какъ уставъ о воинской повинности 1901 года былъ изданъ безъ участія земскихъ чиновъ и съ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, то за нимъ они не могутъ признать силу закона и потому не желаютъ содѣйствовать приведенію его въ дѣйствіе. Гельсингфорскій же магистратъ, кромѣ того, просилъ губернатора довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о необходимости отмѣнить призывъ текущаго года и передать прошедшій черезъ государственный совѣтъ и Высочайше утвержденный уставъ о воинской повинности 1901 года на разсмотрѣніе и рѣшеніе земскихъ чиновъ. Въ отвѣтѣ своемъ экенесскій магистратъ говоритъ:

«Магистратъ находитъ, что донесеніе его за № 66, очевидно, своевременно не дошло до вашего превосходительства. Правовыя основанія, на которыхъ въ данномъ случаѣ опираются ваше превосходительство и магистратъ, конечно, существенно различны. Вы ссылаетесь на Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, выраженную въ Высочайшемъ манифестѣ 29 го іюня (12-го іюля) 1901 года, тогда какъ магистратъ строго придерживается основныхъ законовъ Финляндіи. Хотя мнѣнія вашего превосходительства и магистрата и расходятся по вопросу о томъ, какое именно изъ повелѣній одной и той же Высочайшей воли обязательно для должностныхъ лицъ Финляндіи, но во всемъ цивилизованномъ мірѣ существуетъ лишь одно мнѣніе о требованіяхъ чести, а потому магистратъ не можетъ предположить, чтобы ваше превосходительство думали заставить его исполнить требованіе воинскаго устава угрозою штрафа».

— Финляндскимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати даны предостереженія: выходящей въ Гельсингфорсѣ газетѣ «Uusi Suometar» за помѣщенную въ № 35 отъ 12-го февраля передовую статью подъ заглавіемъ: «Wastakkaiset käsitykset nykyisestä asemasta», и газетѣ «Päiväleht» за помѣщенную въ № 19 отъ 24-го минувшаго января телеграму подъ заглавіемъ: «Wirkaero», передавшую распоряженіе правительства въ искаженномъ видѣ.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 2-го марта опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Русскія Вѣдомости».

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 5-го марта опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Кіевское Слово» на три мѣсяца.

Некрологъ. 11-го марта скончался писатель-драматургъ *Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ*, авторъ популярной комедіи «Свадьба Кречинскаго».

— *А. А. Головачевъ.* Скончался Алексѣй Адріановичъ Головачевъ, одинъ изъ послѣднихъ могиканъ «эпохи великихъ реформъ». «Русск. Вѣд.» приводятъ слѣдующія біографическія данныя о покойномъ.

Алексѣй Адріановичъ родился въ 1819 году, воспитывался въ московскомъ университетѣ и очень рано выступилъ на поприще общественной дѣятельности. Сороковые годы, правда, не давали для этой дѣятельности большого простора, но А. А. и въ суровое время успѣлъ въ качествѣ участника дворянскихъ собраній отстаивать интересы общества въ столкновеніяхъ съ администраціей.

Съ новымъ царствованіемъ наступила наиболѣе блестящая пора въ дѣятельности Алексѣя Адріановича. Въ 1856 г. онъ былъ выбранъ корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ тверского дворянскаго губернскаго комитета. Его выдающіяся способности, широкая научная подготовка и глубокая преданность общественнымъ интересамъ очень скоро выдвинули его на одно изъ видныхъ мѣстъ среди работниковъ, подготовлявшихъ великое дѣло освобожденія русскаго народа.

Роль тверского комитета въ крестьянскомъ дѣлѣ хорошо извѣстна, а всѣ работы этого комитета происходили при самомъ близкомъ и непосредственномъ участіи А. А., бывшаго наряду, съ А. М. Унковскимъ, главнымъ представителемъ либеральной партіи, настаивавшей на полномъ освобожденіи крестьянъ и на надѣленіи ихъ землей. Онъ былъ главнымъ сотрудникомъ Унковскаго въ составленіи «Обзора Основаній», принятыхъ комитетомъ при составленіи проекта, разработалъ финансовую сторону крестьянскаго вопроса при составленіи тверкимъ дворянствомъ замѣчаній на работы редакціонныхъ коммиссій и т. д., и т. д.

Когда были введены земскія учрежденія, Алексѣй Адріановичъ вступилъ въ число гласныхъ корчевскаго уѣзднаго и тверского губернскаго земствъ и былъ тутъ такимъ же горячимъ защитникомъ общественныхъ правъ и общественной самодѣятельности, какъ и раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вступилъ на государственную службу по контрольному вѣдомству и управлялъ контрольными палатами въ Псковѣ и Саратовѣ.

Писать покойный началъ очень рано, и первыя произведенія его появились въ печати въ 1841 г., но наиболѣе оживленный періодъ его литературной дѣятельности начался съ 1858 г., когда онъ сталъ сотрудникомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Позднѣе онъ писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Вѣстникѣ Европы», «Отеч. Запискахъ», въ «Русской Мысли», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и во многихъ другихъ изданіяхъ. Мы не станемъ перечислять его произведенія, проникнутыя всѣ одинаково опредѣленнымъ прогрессивнымъ направленіемъ, а упомянемъ только нѣкоторыя, важнѣйшія. Сюда

принадлежитъ, прежде всего, извѣстная книга «Десять лѣтъ реформъ». При всемъ своемъ уваженіи къ великимъ реформамъ Александра II, авторъ не закрывалъ глазъ на ихъ недостатки, считалъ ихъ недоконченными и не видѣлъ въ нихъ полнаго разрыва съ тяжелымъ прошлымъ и съ характерной для этого прошлаго системой бюрократической опеки. Въ «Исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи» Алексѣй Адріановичъ подвергъ рѣзкой, но убѣдительной критикѣ долго господствовавшую у насъ концессіонную систему постройки желѣзныхъ дорогъ и указалъ при этомъ на рядъ злоупотребленій и хищеній, совершавшихся въ самой легальной формѣ. Необходимо упомянуть также книгу покойнаго «Вопросы государственнаго хозяйства», статьи о государственномъ бюджетѣ, помѣщенныя въ «Русской Мысли», и т. д.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русское Богатство“—февраль.—„Вѣстникъ Воспитанія“—январь.—„Вѣстникъ Европы“—мартъ.—„Образованіе“—мартъ).

Среди помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» статей является, по нашему мнѣнію, наиболѣе интересною небольшая но полная фактовъ самаго жизненнаго значенія, статья г. Сѣверянина, называющаяся «Южные горнопромышленники и потребители». Статья эта касается, правда, фактовъ, по нашему быстро бѣгущему впередъ времени, уже нѣсколько устарѣлыхъ, ибо факты эти имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, еще на послѣднемъ съѣздѣ горнопромышленниковъ, происходившемъ въ декабрѣ минувшаго года, но, имѣя въ виду, во-первыхъ, сдѣланную г. Сѣверяниномъ умѣлую и богатую вытекающими, вслѣдствіе того, изъ нея результатами группировку такихъ фактовъ и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что весною текущаго года въ Петербургѣ будетъ засѣдать особый съѣздъ, задачею котораго явится изысканіе путей и средствъ къ поднятію въ Россіи потребленія желѣза, статья г. Сѣверянина, несмотря на свой, повторяемъ, нѣсколько устарѣлый матеріалъ, не можетъ считаться сама по себѣ ни въ какомъ случаѣ устарѣлою. Въ своей статьѣ г. Сѣверянинъ вскрываетъ умѣлою рукою тѣ тенденціи, которыя ярко выступили на съѣздѣ горнопромышленниковъ. Эти тенденціи, какъ и слѣдовало ожидать, носятъ не только вполнѣ отчетливый классовый характеръ, но и стремятся уже подчасъ облекаться въ приличествующій запросамъ нашего времени костюмъ. Такимъ костюмомъ явились у господъ горнопромышленниковъ вдругъ откуда-то взявшаяся необыкновенная симпатія къ земствамъ, осужденіе заводчиковъ въ томъ, что они мало заботятся о «массовомъ потребителѣ» и ничего не дѣлаютъ «для изученія мѣстныхъ нуждъ и особенностей мѣстнаго рынка» и т. д. Подобному отношенію къ дѣлу со стороны заводчиковъ противопоставлялась дѣятельность земствъ, гдѣ наблюдается «серьезная и постепенно прогрессирующая работа земскихъ складовъ по проведенію въ массы металла и желѣзныхъ издѣлій». Отсюда само собою выте-

ается выводъ о высокой полезности для обѣихъ сторонъ (для земствъ и для горнопромышленниковъ), не говоря уже, ибо это само собою разумѣется, о неисчислимой пользѣ для «массоваго потребителя», ихъ совмѣстной дружной и солидарной работы. На эту-то тему и пропѣлъ удивительно мелодичную пѣснь на съѣздѣ горнорнопромышленниковъ г. Шимановскій въ докладѣ, носящемъ имя «о продажѣ желѣза и желѣзныхъ издѣлій при посредсввѣ земскихъ складовъ». По выслушаніи этого доклада, съѣздъ постановилъ ходатайствовать: «во-1-хъ, о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемый государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ пониженъ до четырехъ; во-2-хъ, чтобы въ государственномъ банкѣ была бы введена новая операція, учетъ удостовѣреній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза; въ-3-хъ, о продленіи срока храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскихъ издѣлій, предназначенныхъ въ земскіе склады и въ-4хъ, о повсемѣстномъ, по возможности, частомъ устройствѣ выставокъ орудій и машинъ съ командированіемъ *за счетъ казны* на выставки спеціалистовъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для ознакомленія населенія съ машинами и объ отпускѣ *казною* земствамъ ссудъ, предназначенныхъ для выдачи на этихъ выставкахъ премій и наградъ». Эти четыре пункта, право, настолько характерны и любопытны, что на анализѣ ихъ стоитъ остановиться подробнѣе. Предъ вами три соціальныхъ фактора, долженствующихъ, согласно процитированному ходатайству, вступать въ данномъ случаѣ между собою «въ интересахъ страны» въ опредѣленныя экономическія отношенія: капиталисты-горнопромышленники, земства и государство, именуемое въ просторѣчіи болѣе понятнымъ терминомъ «казна». Откуда послѣдняя возьметъ средства для удовлетворенія «интересовъ страны», а въ чемъ они въ данномъ случаѣ состоятъ, мы сейчасъ увидимъ,—это ни до кого не касается. Правда, для полноты нашего анализа къ тремъ упомянутымъ соціальнымъ факторамъ слѣдовало бы еще прибавить и четвертый, именуемый *населеніемъ страны*, но такъ какъ при сколько нибудь «дѣловыхъ», а не краснобайскихъ, соображеніяхъ уже давно установился разумный обычай на «четвертый факторъ» не обращать, вѣроятно, для упрощенія дѣла, никакого вниманія, то, не желая быть ни новаторами, ни выскочками, и мы послѣдуемъ этому мудрому обычаю. Вѣдь, на легкомысленный вопросъ, откуда же, въ самомъ дѣлѣ, возьметъ средства для удовлетворенія «нуждъ страны» этотъ «четвертый факторъ», давнымъ давно существуетъ разъ навсегда данный отвѣтъ: «ёнъ достанетъ». Итакъ, не будемъ отвлекаться въ сторону ненужными и легкомысленными идеями, а поговоримъ съ читателемъ такъ, какъ приличествуетъ «дѣловымъ» людямъ при «дѣловомъ» разговорѣ. Горнопромышленникъ является въ данномъ случаѣ продавщикомъ товара, который, онъ, какъ это вполнѣ понятно, желаетъ сбыть какъ можно поскорѣе, какъ можно подороже и какъ можно въ большемъ количествѣ. Дѣло вполнѣ естественное, ибо, вѣдь, онъ же затратилъ капиталъ на производство этого товара: надо же ему вернуть издержки производства, надо же и получить малую толику «за труды». Принимаясь за производство своего товара, горнопромышленникъ прекрасно зналъ, что черезъ нѣкоторое время

этого товара (желѣза, угля и т. д.) у него въ рукахъ извѣстное количество, конечно, очутится,—это несомнѣнно, но вотъ вопросъ: что онъ будетъ дѣлать съ нимъ дальше? У него были деньги, онъ превратилъ ихъ въ товаръ, какъ превратилъ этотъ товаръ снова въ деньги и притомъ въ такое ихъ количество, которое, конечно, превышало бы ихъ количество первоначальное? Отвѣтъ ясенъ: товаръ надо продать съ прибылью, или, какъ говорится въ просторѣчіи, «съ пользою». Но тутъ то и кроется опасность, тутъ и сосредоточенъ весь *рискъ* дѣла: а что, если товаръ не найдетъ себѣ сбыта, что если онъ останется въ рукахъ господина горнопромышленника, что тогда? Вотъ, во избѣжаніе этой-то возможности маленькихъ непріятностей, господа промышленники и рѣшили прибѣгнуть къ весьма остроумному средству: весь *рискъ дѣла* они рѣшили переложить съ собственныхъ плечей на плечи земства. Да земству то какая же отъ этого выгода? Какіе странныя выраженія!—должны отвѣтить предлагающимъ такіе несуразные вопросы непонятливымъ людямъ господа горнопромышленники! Да на чьей же, какъ не на земской обязанности должна лежать забота о мѣстныхъ нуждахъ населенія? А развѣ нужда въ желѣзѣ не является одною изъ самыхъ настоятельныхъ именно мѣстныхъ нуждъ населенія? И развѣ земство мало уже поработало въ направленіи помощи населенію въ смыслѣ удовлетворенія его насущныхъ нуждъ? Вотъ мы и хотимъ, въ свою очередь, придти земству въ этомъ благомъ дѣлѣ на помощь и съ этою цѣлью возбудили предъ правительствомъ вышеприведенное ходатайство. Рѣчь идетъ о нашемъ сотрудничествѣ съ земствомъ. Неужели это непонятно? Вѣдь, извѣстно, что вся сила въ единеніи. Очень хорошо, но позволительно задать и такой вопросъ: въ какой же мѣрѣ каждая изъ «сотрудничающихъ» сторонъ будетъ имѣть здѣсь выгоду и въ какой мѣрѣ распредѣляется между ними рискъ предпріятія? Фи, пробуютъ отвѣчать намъ горнопромышленники, вы опять начинаете толковать о какихъ-то «выгодахъ», «рискахъ» и т. п. вполнѣ прозаическихъ вещахъ, такъ какъ мы имѣемъ въ виду лишь благо отечества, развитіе нашей промышленности, призывъ земства къ самодѣятельности. Мы говоримъ, очевидно, на разныхъ языкахъ... Прекрасно, прекрасно, но все-таки... Вѣдь мы уже условились вести «дѣловой» разговоръ, такъ и поведемъ его. Возвратимся для это къ возбужденному горнопромышленниками ходатайству. Его первый пунктъ заключаетъ въ себѣ просьбу о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемымъ государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ бы пониженъ до 4. Надо думать, что, если бы процентъ этотъ былъ пониженъ и еще болѣе, то господамъ горнопромышленникамъ плакать бы отъ того не пришлось. Вѣдь, ихъ собственнаго кармана дѣло это рѣшительно не касается. Какая-то тамъ, устроившая государственный банкъ, «казна» понизитъ процентъ земствамъ, ну и прекрасно. Откуда «казна» возмѣститъ свои расходы, — этого вопроса мы давно уже условились не касаться, стало быть, все идетъ пока отлично. Но сами-то горнопромышленники пожертвовали ли чѣмъ-нибудь *отъ себя* въ интересахъ ихъ «сотрудничества» съ земствомъ? Пока этого не видно, но, можетъ быть, ихъ «жертвы» станутъ виднѣе при разсмотрѣніи дальнѣйшихъ пунктовъ ходатайства. Второй

и, несомнѣнно, самый существенный пунктъ ходатайства гласитъ о томъ. «чтобы въ государственномъ банкѣ была бы введена новая операція — учетъ удостовѣртній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза». Вотъ гдѣ заключенъ настоящій-то, общій съ земствомъ и со всѣмъ населеніемъ интересъ горнопромышленниковъ! Мы видѣли выше, что самою рискованною частью заботъ промышленника являются его поиски за покупателемъ, котораго можетъ и не найтись. И вдругъ такая благодать! Сдалъ весь свой товаръ въ земскіе склады, и не на комиссію,—Боже сохрани,—тогда, вѣдь, жди да жди денегъ, пока онѣ «очистятся» посредствомъ перехода товара въ руки потребителя,— а прямо-таки на складъ, изъ котораго надлежитъ лишь получить «удостовѣреніе въ принятіи» и дѣло въ шляпѣ. А съ удостовѣреніями-то что же дѣлать? Очень просто. Если правительство уважитъ второй пунктъ ходатайства, то удостовѣренія эти сейчасъ же можно будетъ «учитывать» путемъ «новой операціи» въ государственномъ банкѣ. Получай, значитъ, чистыя денежки и принимайся снова за производство; произвелъ—вези опять на земскій складъ, получи тамъ «удостовѣреніе» и учти его въ государственномъ банкѣ и т. д. до безконечности. Право, это такая «операція», что лучшей и придумать трудно!.. Но опять-таки спрашивается: гдѣ же тутъ пожертвованія-то въ интересахъ «сотрудничества» со стороны промышленниковъ? Продавая товары въ розницу, кредитъ и т. д., земство, безъ сомнѣнія, будетъ рисковать очень многимъ, а другая-то сторона, чѣмъ она-то жертвуетъ, чѣмъ она будетъ рисковать, и что она вкладываетъ въ «общее дѣло», кромѣ «прекрасныхъ глазъ», и «медовыхъ рѣчей» гг. Шимановскихъ и К°?

Но ларчикъ, который и такъ, кажется, просто открывается, откроется еще проще, если отъ разсмотрѣнія доклада «о продажѣ желѣза и желѣзныхъ издѣлій при посредствѣ земскихъ складовъ» мы перейдемъ на минутку къ заслушанному на томъ же съѣздѣ докладу «о мѣрахъ къ устраненію затрудненій, переживаемыхъ желѣзною и желѣзнорудною промышленностью». Не останавливаясь на существѣ этого доклада, мы замѣтимъ лишь, что въ немъ рѣчь шла объ организаціи синдиката, задача котораго должна состоять въ томъ, чтобы «нормировать» производство. Во время преній по этому докладу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ юга, бывшій директоръ одного изъ богатѣйшихъ заводовъ въ той мѣстности, г. Ясюковичъ, сказалъ такое нравоучительное слово: «Петребленіе желѣза не растетъ, а падаетъ. Народъ малокультуренъ и бѣденъ. *Ему не на что покупать желѣза, и если земство думаетъ отпустить металлъ обывателю въ долгъ, то оно не получитъ за него денегъ*». И вотъ при такомъ-то взглядѣ на положеніе вещей и возбуждается ходатайство для общей пользы о томъ, чтобы введена была «новая операція», состоящая въ учетѣ государственнымъ банкомъ «удостовѣренія», выдаваемымъ покупателемъ товара—земствомъ продавцу его—промышленнику. Это и называется «сотрудничество». Минуя третій пунктъ ходатайства («о продленіи срока храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскимъ издѣлій, предназначенныхъ на земскіе склады»), такъ какъ его значеніе для промышленниковъ ясно видно и безъ комментарій,

мы остановимся на пунктѣ 4 и послѣднемъ. Пока мы видѣли, что, возлагая всю тяжесть и весь рискъ веденія торговаго дѣла на земство, его «сотрудники» промышленники всю благодарность за труды ходатайствуютъ о дарованіи земству (не забывая при этомъ и себя) нѣкоторыхъ льготъ отъ *казны*. Съ трогательною любовью къ земству они готовы благодѣтельствовать ему на чужой счетъ. Но вотъ пунктъ четвертый. Казалось бы, что хоть въ дѣлѣ пропаганды-то заводскихъ издѣлій среди населенія путемъ устройства выставокъ машинъ и орудій должны же принять денежное участіе промышленники, въ интересахъ которыхъ прямо это дѣло и находится. Ничуть не бывало! Ходатайствуя объ устройствѣ такихъ выставокъ, «сотрудники» земства просятъ о командированіи на выставки спеціалистовъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для ознакомленія населенія съ машинами, но тутъ же прибавляютъ и просьбу, чтобы и эти, въ сущности, такія ничтожныя издержки на подобныя командировки были приняты опять-таки «на счетъ казны». Что это, геркулесовы столбы... какъ бы помягче выразиться... разгорѣвшихся аппетитовъ, что ли, или еще нѣтъ?.. Нѣтъ, промышленники просятъ и еще объ одной вещи: на этихъ выставкахъ они будутъ экспонировать свои товары. Лучшіе изъ товаровъ будутъ, разумѣется, премированы уже тѣмъ, что, какъ таковые, явятся предметомъ наибольшихъ закупокъ со стороны потребителей. Нѣтъ, этого мало. Такіе товары нужно поощрить еще особыми преміями и наградами. Прекрасно, но тогда и составьте для этого спеціальный фондъ. Какъ бы не такъ? Промышленники ходатайствуютъ, чтобы и на этотъ предметъ *казна* отпускала земству средства!.. Такъ вотъ какіе завелись нынче у земства «сотрудники»... Во многихъ земствахъ къ этимъ волчьимъ аппетитамъ промышленниковъ явилось отношеніе, разумѣется, вполнѣ отрицательное, но екатеринославское губернское земское собраніе постановило *поддержать* ходатайство съѣзда. «Не объясняется ли это,—говоритъ г. Сѣверянинъ, — тѣмъ, что большинство южныхъ заводовъ расположено въ этой губерніи?» Надо думать, что именно такъ, но тогда можно поставить и такой вопросъ: не указываетъ ли сама жизнь на настоятельную необходимость измѣнить систему земскаго представительства въ смыслѣ бо̀льшаго уравненія представительства въ земскихъ собраніяхъ интересовъ разнообразныхъ группъ населенія?.. Не настало ли время ввести въ составъ земства представителей не только экономически сильныхъ, но и экономически «маломощныхъ» элементовъ?

Минуя многіе другіе характерные факты, ясно рисующіе существо «психологіи» горнопромышленниковъ, мы процитируемъ еще только слѣдующее мѣсто изъ статьи г. Сѣверянина, касающееся разсужденій съѣзда о положеніи рабочихъ. «Здѣсь, — говоритъ г. Сѣверянинъ,—мы сталкиваемся прежде всего съ тѣмъ же злосчастнымъ проектомъ объ обязательномъ страхованіи углепромышленныхъ предпріятій отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими, о которомъ уже столько писано и говорено. И хорошія и слабыя стороны этого проекта столько разъ были указаны прессой, что я считаю возможнымъ не возобновлять ихъ въ памяти читателя. Отмѣчу только, что это симпатичное въ общихъ чертахъ дѣло опять-таки не рѣшено, и вина въ этомъ промедленіи,

надо отдать справедливость, падаетъ не на съѣздъ, а на разные внѣ съѣзда и выше его стоящіе тормазы. Не то придется сказать по вопросу о правильной постановкѣ врачебной помощи. Съ годъ назадъ начальникъ горнаго управленія юго-восточной Россіи, г. Вагнеръ, внесъ на заключеніе съѣзда проектъ правилъ объ устройствѣ врачебной помощи на горныхъ предпріятіяхъ въ области Войска Донского. Проектъ этотъ былъ выработанъ особымъ съѣздомъ врачей, служащихъ на горныхъ разработкахъ. Суть его сводилась, съ одной стороны, къ предъявленію извѣстныхъ минимальныхъ требованій къ горнозаводскимъ больницамъ, съ другой—къ болѣе самостоятельной постановкѣ врачебнаго персонала и къ образованію особыхъ заводско-санитарныхъ коммиссій, въ которыхъ врачъ долженъ былъ быть предсѣдателемъ, а завѣдующій рудникомъ (или его замѣститель) лишь членомъ. Понятно, что проектъ этихъ правилъ не могъ быть встрѣченъ съѣздомъ особенно дружелюбно. Разсмотрѣніе его было отложено до осени 1902 года, и теперь гг. горнопромышленники не оставили въ проектѣ камня на камнѣ. Такъ, напр., обязательный наемъ врачей, для обезпеченія ихъ положенія, по долгосрочнымъ контрактамъ отвергнутъ; санитарныя коммиссіи опредѣленнаго состава подъ предсѣдательствомъ врача замѣнены коммиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ управляющимъ заводомъ лишь съ участіемъ врача. Пріемъ женщинъ и дѣтей въ рудничныя больницы признанъ необязательнымъ, хотя таковыя и могутъ быть принимаемы, почему желательно имѣть для нихъ бѣлье. Объ обязательномъ же устройствѣ отдѣльныхъ женскихъ палатъ въ постановленіяхъ съѣзда ничего не говорится. Этихъ примѣровъ, смѣемъ думать, достаточно, чтобы выяснить, какого рода переработкѣ подвергся проектъ врачебныхъ правилъ на съѣздѣ».

Вотъ какъ повели себя гг. горнопромышленники, когда пришлось подумать о созданіи учрежденій, требующихъ расходовъ изъ ихъ собственныхъ капиталовъ, а не капиталовъ «казны» или земскихъ учрежденій, съ которыми нашимъ плутократамъ такъ хочется нынѣ вступить въ «сотрудничество».

Въ январьской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» помѣщены личныя воспоминанія» г. Кирпичникова о Всеволодѣ Михайловичѣ Гаршинѣ. Ничего новаго, читателю неизвѣстнаго, воспоминанія эти относительно высоко симпатичной личности Гаршина, къ сожалѣнію, не вносятъ, и если мы останавливаемся на нихъ, то единственно ради нѣкотораго упрека ихъ автору. Г. Кирпичниковъ заключаетъ свои воспоминанія такими словами:

«Въ послѣднее время у насъ почти входитъ въ обычай бранить *семидесятые* и *восьмидесятые* годы (здѣсь и ниже курсивъ г. Кирпичникова), называть ихъ періодомъ безсодержательнымъ, безыдейнымъ, безформеннымъ; ихъ дѣятелей, по сравненію съ людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, считать *эпигонами* въ квадратѣ, безвольными и безсильными, умѣвшими только издѣваться надъ всѣмъ, чему поклонялись, во что вѣровали ихъ предшественники, проявлявшими нѣкоторую энергію и единство лишь въ разрѣшеніи эко-

номическихъ, узко матеріальныхъ вопросовъ. Въ этомъ, конечно, есть своя доля правды, хотя долженъ признаться, что пока мнѣ совсѣмъ еще неясны міровыя, идеальныя блага, выработанныя *девяностыми* и нашими *девятисотыми* годами. Но, какъ и во всякомъ о гульномъ осужденіи, тутъ не мало и лжи или, по крайней мѣрѣ, преувеличенія, неправильнаго обобщенія. Развѣ напоминаетъ хоть чѣмъ нибудь такого насмѣшливаго, безъидейннаго, занятаго только матеріальными интересами эпигона исполненная любви и вѣры страдальческая фигура Вс. Гаршина? А развѣ можемъ мы не считать его однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ»?

Признаемся откровенно, что вс всей этой длинной тирадѣ мы ровно-таки ничего не понимаемъ. Кого имѣетъ здѣсь ввиду г. Кирпичниковъ, «съ кого портреты свои пишетъ, гдѣ разговоры эти слышетъ», какую «свою долю правды» находитъ онъ въ мнѣніи какихъ-то людей, которыя *берутъ за общую скобку* поколѣнія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ? Нужно ли говорить, что понятія «семидесятникъ» и «восьмидесятникъ» не только не тожественны, но и часто прямо противоположны? Въ какой средѣ слышалъ г. Кирпичниковъ брань по адресу людей 70-хъ годовъ (и не въ качествѣ исключенія, а очевидно, очень часто? Бранить ихъ, если вѣрить г. Кирпичникову «у насъ почти входитъ въ обычай») за ихъ «безыдейность», «безсодержательность», умѣніе проявлять «нѣкоторую энергію и единство лишь съ разрѣшеніи экономическихъ, узко матеріальныхъ вопросовъ». Такія обвиненія, дѣйствительно, существуютъ относительно «восьмидесятниковъ», но, гдѣ, кто и когда обвинялъ въ этомъ «семидесятниковъ»? Надъ чѣмъ же именно «издѣвались» семидесятники такимъ, «во что вѣровали, чему поклонялись ихъ предшественники»? Ихъ предшественниками были люди «шестидесятыхъ годовъ», идейными вождями которыхъ являлись Чернышевскіи и Добролюбовъ? Такъ надъ идеями Чернышевскаго и Добролюбова, что ли, «издѣвались» въ семидесятыхъ годахъ? Много можно было бы и еще поставить г. Кирпичникову вопросовъ по поводу вышеприведенной его тирады, но и тѣхъ, которые мы поставили, уже довольно, чтобы охарактеризовать ее, какъ удивительно странную.

Въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» обращаетъ на себя вниманіе статья г. Слонимскаго «Князь Бисмаркъ въ новомъ освѣщеніи». Статья эта содержитъ изложеніе и комментаріи недавно вышедшей книги Oskar'a Klein-Hattingen'a «Bismark und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie». Это очень интересная работа, въ которой Бисмаркъ является, дѣйствительно, въ «новомъ освѣщеніи». Мы статью г. Слонимскаго, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію публики.

Въ мартовской книжкѣ «Образованія» помѣщена интересная статья кн. П. Долгорукова подъ заглавіемъ «О начальныхъ училищахъ». Въ статьѣ этой авторъ доказываетъ необходимость пересмотра «Положенія о начальныхъ учи-

лищахъ 25-го мая 1874 года», для чего бросаетъ общій взглядъ на истекшее сорокалѣтіе дѣятельности земской начальной школы. Начальное народное образованіе, строго говоря, и ведетъ свою исторію лишь съ эпохи великихъ реформъ, такъ какъ съ этого времени, скованная крѣпостнымъ режимомъ русская жизнь, разумѣется, могла создать въ данной области болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было лишь нѣчто въ высокой степени блѣдное, немощное, худосочное. Весенній воздухъ шестидесятыхъ годовъ оказалъ свое плодотворное воздѣйствіе и на дѣло начальнаго народнаго образованія. Но и зимніе морозы не такъ-то легко сдавались на капитуляцію. «Одновременно съ широкой волной общественнаго самосознанія и стремленія общества поработать въ отрасли народнаго просвѣщенія, безъ котораго освобожденный народъ не можетъ полностью пользоваться своей свободой,—говоритъ кн. Долгоруковъ,—стала все сильней и сильнѣй высказываться оппозиція бюрократіи. Послѣдніе сорокъ лѣтъ русской народной школы есть исторія безпрерывной борьбы этихъ двухъ началъ».

Стремленіе бюрократіи сохранить за собою не только контроль, но и безраздѣльное господство въ дѣлѣ народнаго образованія не ослабѣвало, въ сущности, ни въ одинъ изъ моментовъ жизни начальной народной школы. Уже въ 1861 году въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ представителей различныхъ «вѣдомствъ», куда были переданы соображенія по дѣлу начальнаго народнаго образованія извѣстныхъ редакціонныхъ коммиссій, былъ выработанъ «проектъ», сущность котораго сводилась къ тому, чтобы вся учебная часть школы находилась всецѣло въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и лишь часть хозяйственная каждаго училища въ отдѣльности оставалась бы въ завѣдываніи лица или учрежденія, его содержавшаго. Такой бюрократическій проектъ не остался, разумѣется, безъ сопротивленія со стороны живыхъ силъ общества и министерство принуждено было пойти на нѣкоторыя уступки. Въ государственномъ совѣтѣ роль министерства уменьшена была еще болѣе предоставленіемъ права приносить жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ не министру народнаго просвѣщенія, а сенату. Меньшинство государственнаго совѣта шло въ этомъ дѣлѣ еще дальше. Оно находило, что «училищные совѣты, образуемые изъ людей, занятыхъ другими, болѣе важными для нихъ дѣлами, будутъ смотрѣть на это въ высшей степени важное дѣло, какъ на нѣчто стороннее или, по крайней мѣрѣ, второстепенное въ кругѣ ихъ дѣятельности, и что земскія учрежденія представляютъ гораздо болѣе ручательства въ успѣхѣ настоящаго дѣла и несравненно менѣе непроизводительныхъ издержекъ, не требуя особаго состава, канцелярій и проч., а потому полагало *завѣдываніе начальными народными училищами предоставить земскимъ учрежденіямъ съ приглашеніемъ лишь въ ихъ засѣданія на правахъ членовъ лицъ вѣдомствъ учебнаго и духовнаго*». Но такой, вполнѣ отвѣчающій истиннымъ нуждамъ Россіи, взглядъ меньшинства членовъ государственнаго совѣта не встрѣтилъ, къ сожалѣнію, поддержки большинства и роль будущаго земства была ограничена лишь завѣдываніемъ хозяйственною частью училищъ. Такъ возникло положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года, которое и было введено во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Едва,

однако, введенное, положеніе это показалось бюрократіи черезчуръ «либеральнымъ» и она напрягала всѣ силы, съ цѣлью урѣзать его значеніе. «Со стороны министерства народнаго просвѣщенія, — пишетъ авторъ цитируемой статьи,—съ самаго его (положенія) начала послѣдовали жалобы на недостаточно вліятельное положеніе въ училищныхъ совѣтахъ представителей учебнаго вѣдомства, на неаккуратное доставленіе нужныхъ свѣдѣній и, главное, на недостаточно ретивое, якобы, отношеніе новыхъ учрежденій къ училищному дѣлу, въ доказательство чего приводились отдѣльные случаи, когда училищные совѣты совсѣмъ не собирались и не выбирали предсѣдателей». Насколько жалобы эти были неосновательны, слѣдуетъ уже изъ одного того факта, что «какъ разъ за первое десятилѣтіе наиболѣе было сдѣлано для созданія типа народной школы и что и количественно, и качественно былъ заложенъ прочный фундаментъ народнаго просвѣщенія, причемъ все приходилось или создавать вновь, или бороться съ укоренившимися въ педагогическомъ дѣлѣ вредными пріемами и предразсудками». Жалобы бюрократіи, тѣмъ не менѣе, достигли своей цѣли: въ 1869 г. были введены инспектора народныхъ училищъ, сначала по одному на губернію, въ 1872 году былъ изготовленъ новый проектъ, по которому все дѣло начальнаго народнаго образованія должно было перейти въ исключительное вѣдѣніе бюрократіи, а въ слѣдующемъ году послѣдовало извѣстное распоряженіе, коимъ руководство дѣломъ народнаго образованія возлагалось на дворянство. Отсюда и получилось, наконецъ, «Положеніе о начальныхъ училищахъ 1874 года», которымъ направляется начальное народное образованіе и по настоящее время. Разумѣется, если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то руководительство школой дворянствомъ нельзя не признать лучшимъ въ сравненіи съ руководительствомъ имъ одной бюрократіей, но въ сравненіи съ положеніемъ 1864 г. положеніе 1874 г. было несомнѣннымъ шагомъ назадъ.

Дальнѣйшее движеніе школьнаго дѣла богато всякаго рода тормазами и преградами на его пути. Если десятилѣтіе 1874—1884 г. еще можетъ быть охарактеризовано, какъ эпоха «дѣятельности общества еще интенсивной по инерціи, хотя и нѣсколько ослабленной начавшейся бюрократической реакціей», то слѣдующее десятилѣтіе (1884—1894) можетъ быть прямо названо «эпохой наибольшаго затишья въ школьномъ дѣлѣ». Лишь въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ весьма значительнымъ оживленіемъ нашего общества, оживился снова и интересъ къ правильной постановкѣ дѣла начальнаго народнаго образованія. Лозунгомъ движенія здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, должно быть положеніе: какъ можно меньше бюрократической опеки и какъ можно больше общественной самодѣятельности.

По мнѣнію кн. Долгорукова, «на первое время слѣдуетъ лишь выдвинуть необходимость теоретической разработки вопроса о большемъ участіи общества въ дѣлѣ народнаго образованія, чтобы быть готовымъ провести этотъ принципъ въ жизнь, когда это окажется возможнымъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что многіе общественные дѣятели, даже очень ретиво относящіеся къ дѣлу народнаго образованія, недостаточно сознательно относятся къ значенію участія об-

щества въ школьномъ дѣлѣ и позабыли исторію возникновенія у насъ общественной школы и всѣхъ ея дальнѣйшихъ перепетій».

Мысль кн. Долгорукова заслуживаетъ, разумѣется, самого серьезнаго вниманія.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Положеніе консервативной партіи въ Англіи.—Упадокъ земледѣльческой Англіи. Консервативному кабинету Бальфура рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Почти на всѣхъ частичныхъ парламентскихъ выборахъ, происходившихъ въ послѣдніе мѣсяцы, его кабинетъ постоянно терпѣлъ пораженіе, но все-таки самый чувствительный ударъ былъ нанесенъ ему на выборахъ въ Вульвичѣ. До этого момента консерваторы считали этотъ избирательный округъ своимъ и никогда не сомнѣвались въ побѣдѣ. Депутатомъ этого округа былъ лордъ Чарльзъ Бересфордъ, горячій сторонникъ расширенія флота. Назначенный главнокомандующимъ ламаншской эскадры, онъ сложилъ съ себя депутатское званіе, вслѣдствіе чего и назначены были выборы. Съ 1885 года округъ неизмѣнно выбиралъ консерватора большинствомъ въ 1.200 и даже въ 2.800 голосовъ, такъ что съ 1900 года никто уже не пробовалъ оспаривать побѣду у консервативной партіи. Тѣмъ сильнѣе было изумленіе, когда, неожиданно для всѣхъ, на выборахъ въ Вульвичѣ одержалъ побѣду кандидатъ рабочей партіи Вильямъ Круксъ, получившій 8.687 голосовъ противъ 5.458! Разумѣется, его поддержали либералы, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки тщательно старался выставлять себя кандидатамъ «только рабочей партіи» и заявлялъ, что будетъ держаться ея программы. Самъ Круксъ—рабочій 51-го года, нѣкогда былъ воспитанникомъ благотворительнаго пріюта и своими собственными трудами достигъ вліянія и положенія въ рабочей партіи и даже былъ меромъ въ Попларѣ. Во всякомъ случаѣ, избраніе его очень знаменательно и указываетъ на усиленіе реакціи противъ имперіализма и тревогу, которую возбуждаетъ въ англійскомъ обществѣ финансовое положеніе, а также сильное раздраженіе, вызываемое политикой, предоставившей школы въ вѣдѣніе клерикаловъ. Но въ данный моментъ все-таки больше всего обращаетъ на себя вниманіе положеніе кабинета, которому нанесенъ такой ударъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ усиливаются признаки, указывающіе на отпаденіе такъ называемыхъ «молодыхъ тори» (young tories), хотя нѣкоторымъ изъ этихъ молодыхъ, какъ, напр., сэру Джону Горему уже около 70 лѣтъ. Эти отщепенцы консервативной партіи то и дѣло выступаютъ противъ кабинета въ парламентѣ, какъ это было, напр., относительно плана военной реорганизаціи, представленнаго Бродрикомъ и предложенія, внесеннаго однимъ изъ консервативныхъ депутатовъ, о сокращеніи дѣйствующаго состава англійской арміи на 27.000 чел. Девятнадцать уніонистовъ поддержали протестъ противъ проекта Бродрика и 30—предложеніе консервативнаго депутата о сокращеніи войска.

Это небывалый примѣръ, и большинство англійскихъ газетъ считаетъ очень важнымъ симптомомъ отпаденіе членовъ консервативной партіи, отказывающихъ въ своей поддержкѣ кабинету. Несмотря на существованіе въ парламентѣ чисто механическаго большинства въ 140 голосовъ, положеніе кабинета при такихъ условіяхъ нельзя не считать вполнѣ поколебленнымъ. Любопытно, что кабинету приходится теперь искать поддержки у своихъ непримиримыхъ враговъ—ирландцевъ, которые въ настоящее время воздерживаются отъ оппозиціи въ надеждѣ на то, что правительство представитъ обѣщанный проектъ выкупа ирландскихъ земель. Благодаря этому, въ настоящее время существуетъ какъ бы безмолвное соглашеніе между ирландцами и кабинетомъ, и хотя это соглашеніе спасаетъ кабинетъ отъ пораженія во время рѣшительныхъ голосованій въ палатѣ общинъ, но зато оно сильно дискредитируетъ его въ глазахъ всей его партіи.

Англійское земледѣліе давно уже пришло въ упадокъ, съ тѣхъ поръ, какъ введеніе машиннаго производства, свободы торговли и т. д. превратило ее изъ фермерской страны въ страну фабричную по преимуществу. Эволюція эта совершилась довольно быстро, но только теперь въ англійской журналистикѣ начинаютъ раздаваться по этому поводу тревожные голоса и указывается на то, что 77% населенія тѣснятся въ городахъ и только 23% остаются въ деревняхъ, да и то это по преимуществу старики и дѣти. Одна изъ газетъ предсказываетъ, что недалеко время, когда вся Англія будетъ представлять изъ себя ничто иное, какъ одинъ огромный городъ, и богачи сохранятъ свои пустующія помѣстья только для охоты и спорта. Не будетъ ни земледѣльцевъ, ни сѣятелей, ни пахарей, и въ Англіи XX-го вѣка окончательно исчезнетъ сельское населеніе.

Такое печальное предсказаніе высказываетъ, между прочимъ, и извѣстный англійскій писатель Райдеръ Хаггардъ въ своей послѣдней книгѣ «Rural England», «Сельская Англія», представляющей основательное экономическое изслѣдованіе положенія земледѣльческихъ классовъ Англіи. На основаніи цифръ и данныхъ статистики, англійскій писатель приходитъ къ заключенію, что «сельская Англія гибнетъ, умираетъ!..» Значительныя пространства нѣкогда воздѣлывавшейся земли теперь такъ же пустынны, какъ южно-африканскій «Veldt»... Сельскіе рабочіе находятся въ пренебреженіи, и даже молодыя дѣвушки, принадлежащія къ ихъ классу, пренебрегаютъ ими. «И это ужасно,—говоритъ Райдеръ Хаггардъ—такъ какъ они такимъ образомъ бываютъ вынуждены удаляться изъ своей среды... Только неспособные, калѣки да плуты остаются въ деревнѣ, и изъ этихъ-то подонковъ сельскаго населенія народится слѣдующее поколѣніе... Тѣ, которые ушли, не вернутся больше къ землѣ, не вернутся къ ней и горожане, умирающіе съ голоду, потому что они уже больше не годятся ни на что... Впрочемъ, земля превращается все болѣе и болѣе въ луга и поэтому для воздѣлыванія ея не нужны рабочія руки въ такомъ количествѣ, какъ прежде. Во многихъ графствахъ владѣніе землей составляетъ предметъ роскоши, доступный только очень богатымъ людямъ. Трудно себѣ вообразить болѣе печальное и болѣе неестественное положеніе, какое представляетъ современная сельская Англія».

Какъ и слѣдовало ожидать, это изслѣдованіе произвело большую сенсацію въ Англіи. Города убили деревню! Но и городамъ не лучше отъ этого, какъ указываетъ прошлогоднее изслѣдованіе мистера Роунтри, доказывавшаго цифровыми данными, что перенаселеніе и конкуренція въ большихъ городахъ Англіи дѣлаютъ то, что, несмотря на цвѣтущее коммерческое положеніе въ этихъ городахъ девять человѣкъ изъ ста *буквально* умираютъ съ голоду, а 27% влачатъ самое жалкое существованіе съ перспективою умереть когда-нибудь подъ заборомъ. Эта страшная картина, которую нарисовали англійскому обществу безжалостныя цифры, заставила его встрепенуться и вызвала къ жизни много хорошихъ проектовъ соціальной реформы.

Протестъ противъ театральной цензуры. — Профессоръ Гарнакъ и императоръ Вильгельмъ. Запрещеніе прусскою театральною цензурой представленія послѣдней драмы Пауля Гейзе «Марія Магдалина» вызвало такое сильное негодованіе и возмущеніе въ берлинскомъ обществѣ, какъ нѣкогда пресловутый законъ Гейнце, угрожавшій свободѣ искусства и породившій сильнѣйшую агитацію во всей Германіи. Союзъ Гёте (Goethe Bund) обязанный своимъ существованіемъ этой агитаціи, послѣ провала закона Гейнце какъ-то совсѣмъ затихъ, но теперь онъ снова проснулся и какъ въ 1900 г., такъ и въ настоящее время выступилъ противъ стѣсненія свободы искусства и путъ, налагаемыхъ на него лицемѣрными блюстителями нравственности. Созванный союзомъ митингъ протеста въ Берлинѣ имѣлъ блестящій успѣхъ. Собралось около 1500 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, изъ всѣхъ классовъ общества и профессій. Митингъ состоялся подъ предсѣдательствомъ Зудермана, который и на этотъ разъ выказалъ такой же ораторскій талантъ, какъ и во времена агитаціи противъ закона Гейнце. Однако, самую большую сенсацію произвело въ залѣ появленіе почтеннаго старца, профессора Моммзена, котораго всѣ присутствующіе въ залѣ встрѣтили самыми дружными апплодисментами.

Огромный успѣхъ имѣла также рѣчь писателя Людвига Фульда, который возражалъ на слова министра, сказанныя въ прусской палатѣ депутатовъ, что «такія представленія, какъ драма Гейзе, могутъ вызвать краску стыда на щеки нашихъ женъ и дочерей, и поэтому въ высокой степени нежелательны». «Министръ фонъ-Гаммерштейнъ желаетъ избавить «добраго отца семейства» отъ непріятности видѣть покраснѣвшими свою жену и дочерей. Прекрасно! — сказалъ Фульдъ.—Но вѣдь существуетъ цѣлый рядъ сценъ, гдѣ допускаются самыя фривольныя представленія, шансонетки и т. п. вещи. Какъ же въ такомъ случаѣ поступаетъ «добрый отецъ семейства»? Очень просто: онъ идетъ въ такіе театры безъ своей жены и дочерей!.. Но я не вижу основаній, почему бы ему не идти одному и въ другой театръ, гдѣ вопросы объ отношеніяхъ половъ обсуждаются художественно не съ легкомысленной, а съ съ серьезной точки зрѣнія, если онъ не желаетъ, чтобы не только его дочери, но и его

дѣтьми и дѣлились своими взглядами и результатами своего опыта. Съ тѣхъ поръ «клубъ матерей» принялъ болѣе широкую программу, охватывающую всѣ стороны жизни ребенка и его воспитанія и привлекъ къ участію въ своихъ засѣданіяхъ учебный персоналъ школъ, съ цѣлью организовать какъ можно болѣе тѣсную связь между семьей и школой.

Комитетъ печати международнаго женскаго союза въ Германіи (International Frauenbund) опубликовалъ свѣдѣнія о положеніи фабричныхъ работницъ въ Японіи. До послѣдняго времени фабричныя работницы, вербовавшіяся агентами среди сельскаго населенія, находились въ положеніи настоящихъ рабынь. Получая грошевую заработную плату, онѣ, кромѣ того, были какъ бы отрѣзаны отъ всего остальнаго міра, съ которымъ не имѣли никакихъ сношеній, такъ какъ должны были жить въ интернатѣ и находились въ полной зависимости отъ хозяина. По случаю предстоящей въ этомъ году пятой промышленной выставки въ городѣ Осака — первомъ промышленномъ городѣ Японіи — мѣстная печать заговорила о положеніи фабричныхъ работницъ, и это положило начало движенію въ пользу улучшенія судьбы этихъ несчастныхъ и ихъ освобожденія. Первымъ выступилъ цехъ ткачей, поставившій себѣ задачей организовать широкое движеніе въ пользу работницъ, и начало было настолько удачнымъ, что мѣстныя власти сочли нужнымъ обратить вниманіе на условія женскаго труда. Окружной начальникъ призвалъ къ себѣ всѣхъ представителей фабрикъ и указалъ на ихъ обязанности къ работницамъ.

Среди японскихъ женщинъ вообще замѣчается теперь большое стремленіе выбиться изъ своего прежняго унизительнаго и подчиненнаго положенія, въ которомъ онѣ находились цѣлые вѣка, и стать болѣе правоспособными членами общества. Японская императрица оказывается ревностною поборницей женской эмансипаціи, и вообще при японскомъ дворѣ начинаютъ преобладать европейскіе взгляды, какъ и европейская одежда, такъ что японскій наслѣдный принцъ, вопреки обычаю, освященному вѣками, имѣетъ только одну жену. Благодаря стараніямъ японской императрицы, женщины принимаются на службу въ почтовое, телеграфное и телефонное вѣдомства и имъ открытъ доступъ на сцену, что прежде не допускалось ни въ какомъ случаѣ, такъ что всѣ женскія роли въ японскихъ театрахъ всегда исполнялись актерами, и актрисъ не существовало. Японскія желѣзныя дороги также принимаютъ на службу женщинъ, а въ большихъ магазинахъ—что также не допускалось прежде—женщины служатъ продавщицами и кассиршами. Всюду открываются женскія школы, торговыя, профессіональныя и др. Женскія семинаріи переполнены слушательницами, а въ послѣднее время женщинамъ открытъ доступъ и въ университеты. Нѣсколько японскихъ женщинъ отправилось за границу для завершенія своего образованія и полученія ученой степени. Одна изъ нихъ, молодая японка Уна Янагисова, выдержала въ Америкѣ экзаменъ на доктора медицины и теперь поселилась въ Токіо, гдѣ она намѣрена заниматься врачебной практикой по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Другая—единственная въ Японіи женщина-адвокатъ, г-жа Телсино, состоитъ при японской императрицѣ, кото-

рой она помогаетъ въ ея стараніяхъ подвинуть дѣло эмансипаціи женщинъ въ Японіи.

Школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Швеціи. Полтора года тому назадъ въ Стокгольмѣ отпраздновала свой двадцатипятилѣтній юбилей первая высшая школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, основанная Эдуардомъ Пальмгреномъ и представляющая крайне интересный педагогическій опытъ, результаты котораго уже имѣются налицо. Мысль объ устройствѣ такой школы зародилась у Пальмгрена еще въ то время, когда онъ находился въ родительскомъ домѣ. Отецъ его—пасторъ, завѣдывалъ мѣстною элементарною школой въ провинціи Смоляндъ, на югѣ Швеціи. Семья у него была большая—11 человѣкъ дѣтей, а достатки весьма малые, но, тѣмъ не менѣе, домъ его былъ открытъ для каждаго, кто нуждался въ гостепріимствѣ, и такъ какъ домъ стоялъ на перекресткѣ большихъ дорогъ, то къ пастору постоянно заходили разные путники, преимущественно изъ рабочаго сословія, съ просьбою пустить переночевать. На Рождество и Ивановъ день домъ пастора бывалъ совершенно переполненъ такими гостями, и въ немъ не оставалось ни одного свободнаго мѣстечка. Несмотря на то, что среди его гостей попадались и настоящіе бродяги, пастору ни разу не пришлось раскаяться въ оказываемомъ довѣріи. Нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ посѣтителей оставались въ его домѣ болѣе долгое время, если они не въ состояніи были продолжить свой путь. Дѣти пастора принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ этихъ посѣтителей, и ихъ разсказы о своихъ странствованіяхъ производили на ребятишекъ неизгладимое впечатлѣніе. Однажды въ пасторскомъ домѣ остановился рабочій изъ переплетной мастерской. Онъ просилъ позволить ему остаться подольше, такъ какъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ долгими исканіями работы, и пасторъ предложилъ ему заняться съ его дѣтьми и научить ихъ переплетному мастерству. Начало было очень удачнымъ, и съ той поры рабочіе, останавливающіеся на болѣе долгое время въ домѣ пастора, обучали своему ремеслу дѣтей пастора, которые пріобрѣли такимъ образомъ много практическихъ познаній, научились переплетному, токарному, столярному и др. ремесламъ. Мальчики и дѣвочки учились всегда вмѣстѣ и наукамъ, и ремесламъ. Отецъ былъ ихъ общимъ наставникомъ, но, кромѣ того, они сами обучали другъ друга, и дѣло воспитанія шло такъ успѣшно, что Эдуардъ Пальтренъ могъ изъ родительскаго дома прямо поступить въ высшую школу, а затѣмъ, черезъ два года, въ университетъ въ Лундѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ, что именно жизнь и воспитаніе, полученное имъ въ его семьѣ, заставило его убѣдиться въ пользѣ совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ и въ необходимости соединенія умственной работы съ обученіемъ ремесламъ. Сдѣлавшись студентомъ въ Лундѣ, онъ уже началъ мечтать объ осуществленіи на практикѣ своего педагогическаго идеала, но, къ сожалѣнію, онъ былъ бѣденъ и самъ долженъ былъ вести очень тяжелую борьбу за существованіе во время своего студенчества. Онъ долженъ былъ учиться и одновременно служить на телеграфѣ, да и тогда, когда онъ кончилъ,

ему еще долго пришлось вести борьбу съ нуждой. Онъ былъ въ одно и то же время и школьнымъ учителемъ, и телеграфистомъ въ провинціи цѣлыхъ девять лѣтъ, но, наконецъ, попалъ въ Стокгольмъ, и такъ какъ онъ продолжалъ лелѣять свою мечту о совмѣстной школѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ, гдѣ бы обученіе наукамъ соединялось съ профессіональнымъ образованіемъ, то при первой же возможности привелъ ее въ исполненіе и въ октябрѣ 1876 г. открылъ свою собственную школу, явившись новаторамъ на педагогическомъ поприщѣ. Сначала его школа помѣщалась только въ двухъ большихъ комнатахъ. Въ первый же семестръ въ школѣ числилось 83 ученика обоего пола, въ возрастѣ отъ пяти до 14 лѣтъ, но Пальмгренъ еще не ввелъ теоретическаго преподаванія, и дѣти обучались у него только различнымъ ремесламъ. Урокъ продолжался полъ часа, затѣмъ былъ небольшой перерывъ, во время котораго дѣти занимались гимнастикой или же слушали разсказы учителя изъ естественной исторіи, географіи, исторіи и т. д. Всѣ ученики были раздѣлены на группы, и каждая группа въ школѣ занималась два часа и затѣмъ уступала мѣсто другой. На слѣдующій семестръ число учениковъ возросло уже до 111, и мало-по-малу программа ея расширилась и сравнялась съ программой реальныхъ училищъ (Ober realschule). Въ настоящее время школа получаетъ субсидію отъ государства и имѣетъ всѣ права правительственныхъ учебныхъ заведеній, но характеръ ея не измѣнился; въ ней совмѣстно обучаются 300 мальчиковъ и дѣвочекъ и, кромѣ наукъ, преподаются ремесла.

«Я хотѣлъ придать своей школѣ характеръ семьи,—сказалъ Пальмгренъ въ своей рѣчи по поводу юбилея школы.—Каждая семья состоитъ изъ членовъ обоего пола, отца и матери, и братьевъ и сестеръ, которые воспитываются вмѣстѣ. Мнѣ казалось поэтому, что самой природой предназначено, чтобы мальчики и дѣвочки получали совмѣстное воспитаніе и поэтому-то я и хотѣлъ ввести его въ своей школѣ. Я замѣнилъ въ своей школѣ отца и мать, которые въ семьѣ руководятъ воспитаніемъ дѣтей, учителями и учительницами и вмѣнилъ имъ въ обязанность находиться съ дѣтьми въ болѣе близкихъ личныхъ отношеніяхъ, нежели какія обыкновенно существуютъ между учителями и учениками. Въ хорошей и умной семьѣ принимаютъ также во вниманіе и различныя способности дѣтей. То же самое должно быть и въ школѣ, для которой такая семья должна служить образцомъ. Точно также и въ отношеніи распредѣленія занятій школа должна взять примѣръ съ семьи и избѣгать переутомленія дѣтей, сокращая рабочее время сообразно возрасту и силамъ. Такъ напримѣръ, въ низшихъ классахъ нашей школы дѣти занимаются только часъ съ четвертью въ день; затѣмъ это время постепенно удлиняется и въ старшихъ классахъ оно доходитъ до 4-хъ ежедневно, но это граница, которую мы уже не переходимъ».

Каждый ученикъ и ученица обязаны, по крайней мѣрѣ, одинъ часъ ежедневно заниматься какимъ-нибудь ручнымъ трудомъ. Пальмгренъ придаетъ большое значеніе ручному труду, который долженъ чередаваться съ умственными занятіями. Это спасаетъ ихъ отъ переутомленія и даетъ исходъ избытку юношескихъ силъ и энергіи, оказывая такимъ образомъ нравственнее оздоро-

ровляющее вліяніе. При школѣ устроено гигіеническое отдѣленіе, гдѣ дѣти и взрослые исполняютъ по указанію врача извѣстныя работы. Кромѣ того, Пальмгренъ позаботился также и объ удовлетвореніи эстетическаго чувства у своихъ питомцевъ, поэтому вся меблировка школы сдѣлана въ извѣстномъ стилѣ (готическомъ и германскомъ стилѣ возрожденія), и школьныя залы украшены снимками съ художественныхъ произведеній, гипсовыми копіями со статуй Торвальдсена, Микель Анджело и др., а также бюстами знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ, и большими картинами историческаго и др. содержанія.

Что касается совмѣстнаго воспитанія, то Пальмгренъ говоритъ: «Тѣмъ, кто видитъ разныя опасности въ совмѣстной жизни мальчиковъ и дѣвочекъ, я могу сказать слѣдующее: я ни одной минуты не думалъ объ этихъ опасностяхъ, открывая свою школу, и мой болѣе чѣмъ 20-ти лѣтній опытъ подтверждаетъ, что моя вѣра въ молодежь была правильна. Что въ мірѣ существуетъ зло и грѣхъ—это печальная истина, но почему же это зло должно брать верхъ именно тогда, когда въ дѣлѣ воспитанія мы стараемся приблизиться къ образцу, данному намъ природой, т.-е. семьѣ? Никто, вѣдь, не станетъ отрицать, что семья является лучшимъ воспитательнымъ учрежденіемъ (если только она хорошая), и всѣ школы должны быть устроены по образцу семьи, такъ какъ только тогда онѣ удовлетворяютъ своему назначенію».

Сотрудникъ «Frankfurt. Zeit.», посѣтившій эту школу, говоритъ, что на него особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ общій тонъ и взаимное обращеніе учениковъ и ученицъ. «Мальчики совѣстятся въ присутствіи дѣвочекъ употреблять неприличныя слова, ругательства и т. п.,—сказалъ ему Пальмгренъ.—Кромѣ того, присутствіе дѣвочекъ совершенно уничтожаетъ у нихъ желаніе грубыми выходками выказывать свое превосходство надъ товарищами, хвалиться своими продѣлками и т. п. Наглость исчезаетъ у нихъ отъ общенія съ дѣвочками, которыя оказываютъ на нихъ смягчающее вліяніе и безсознательно дѣйствуютъ на нихъ своимъ примѣромъ. Мальчики становятся вѣжливѣе, прилежнѣе и болѣе соблюдаютъ порядокъ. Но и они, въ свою очередь, имѣютъ хорошее вліяніе на дѣвочекъ, которыя становятся смѣлѣе, живѣе и находчивѣе, вслѣдствіе общенія своего съ мальчиками. Между обоими полами возникаетъ соревнованіе, которое отражается очень благопріятно на ихъ совмѣстныхъ занятіяхъ. Въ школѣ, какъ и въ семьѣ, мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ и дополняютъ другъ друга, и гораздо бываетъ лучше, когда они съ дѣтства привыкаютъ другъ къ другу и сближаются подъ наблюденіемъ учителя, нежели встрѣчаясь только на прогулкахъ или въ общественныхъ собраніяхъ. Товарищескія отношенія, возникающія между ними на школьный скамьѣ, служатъ лучшимъ оплотомъ ихъ нравственности».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Фламандская литература.—Погребенный городъ въ пескахъ пустыни и покинутый городъ въ Индіи. — Императоръ Вильгельмъ съ психологической точки зрѣнія.—Турецкій султанъ и его докладчикъ.

Въ новой фламандской газетѣ «Vlaanderen» сообщаются не лишенныя интереса подробности о положеніи бельгійскихъ писателей, пишущихъ свои произведенія по-французски и тѣхъ, которые употребляютъ фламандскій языкъ. Оказывается, что французскіе писатели, несмотря на двадцатилѣтнія старанія, до сихъ поръ не составили себѣ достаточнаго круга читателей въ Бельгіи и не находятъ издателей для своихъ сочиненій. Газета «La Société Nouvelle», напримѣръ, до сихъ поръ имѣетъ не больше 300 подписчиковъ. «La jeune Belgique» тоже приноситъ дефицитъ ежегодно, хотя всѣ сотрудники этой газеты работаютъ даромъ. Большинство бельгійскихъ писателей, пишущихъ по-французски, разсчитываютъ только на поддержку государства, а никакъ не на читателей. Одинъ изъ современныхъ бельгійскихъ писателей Жоржъ Эку, въ своей статьѣ во французскомъ журналѣ «Mercure de France» обрисовываетъ такое положеніе французскаго языка въ Бельгіи и говоритъ, что если бы онъ могъ начать сызнова свою литературную карьеру, то, конечно не сталъ бы писать иначе, какъ по-фламандски. Редакторы газеты «Jeune Belgique» были все фламандцы, но получившіе французское воспитаніе и начали издавать свою газету на французскомъ языкѣ. Притомъ и фламандскій народъ не былъ еще тогда настолько развитъ, чтобы читать подобную газету; теперь же, благодаря усиліямъ націоналистовъ, число читателей фламандцевъ значительно возросло. На этомъ основаніи Эку совѣтуетъ всѣмъ бельгійскимъ писателямъ, колеблющимся относительно выбора языка для выраженія своихъ мыслей, остановиться на своемъ родномъ нарѣчіи. Августъ Вермеленъ, популярный фламандскій писатель, говоритъ, что всего лишь десять лѣтъ тому назадъ возникъ въ провинціи одинъ фламандскій органъ, который сразу завоевалъ себѣ извѣстное положеніе и былъ признанъ всею читающею фламандскою публикой. Теперь это одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ, отражающихъ въ себѣ умственную жизнь фламандскаго народа и воспитывавшихъ мысль цѣлаго поколѣнія молодыхъ фламандцевъ. Многіе фламандскіе литературные таланты начали свою карьеру въ этой газетѣ. «Фламандское самосознаніе проснулось,—говоритъ Эку,—и начало быстро развиваться. Теперь уже рѣчь идетъ не о томъ, чтобы утвердить права національнаго языка и повліять на политическія условія страны, но фламандское движеніе имѣетъ больше всего въ виду соціальное положеніе и намѣревается создать фламандскую науку и вообще достигнуть вліянія на всю умственную жизнь націи. Не такъ давно еще почти невозможно было найти въ южныхъ Нидерландахъ издателя для произведеній фламандской литературы, и лучшіе труды фламандскихъ писателей должны были проходить черезъ руки голландскихъ издателей. Впрочемъ, голландцы всегда относились сочувственно къ фламандской литературѣ. Во фламандской

Бельгіи, однако, голландскія газеты почти не имѣли никакого сбыта и поэтому въ этой мѣстности сильно давала себя чувствовать потребность во фламандскомъ органѣ. Сѣверные Нидерланды имѣютъ за собою 300-лѣтнюю культуру, и Южные Нидерланды только могутъ завидовать этому, такъ какъ имъ приходится вести борьбу съ чужимъ языкомъ. Вся умственная жизнь этой страны проникнута французскимъ духомъ, но фламандцы стремятся теперь создать собственную культуру, которая объединила бы всѣхъ. Будущее фламандской литературы тѣсно связано съ будущимъ фламандскаго народа, но фламандская Бельгія нуждается въ интеллектуальной Голландіи для созданія собственной культуры».

Эку твердо убѣжденъ, что фламандская литература проникаетъ въ душу народа, и придетъ время, когда лучшіе фламандскіе писатели будутъ пользоваться такою же извѣстностью, какъ французскіе авторы. Замѣчательно, что большинство изъ выдающихся фламандскихъ писателей и поэтовъ принадлежатъ къ духовному званію, такъ что, очевидно, монастырская среда содѣйствовала развитію у нихъ фантазіи и литературнаго таланта. Но встрѣчаются и реалистическіе писатели, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Стину Стреувельсу (псевдонимъ Франка Латёра). Этотъ писатель пользуется большею извѣстностью, и его послѣдняя книга «Dagen» имѣла большой успѣхъ. По профессіи онъ—булочникъ изъ Авельгема, продолжающій заниматься своимъ ремесломъ несмотря на свою литературную славу. Этотъ булочникъ пишетъ: «Мнѣ противенъ діалектъ, и я нахожу, что даже въ обыкновенномъ разговорѣ языкъ не долженъ спускаться до уличнаго діалекта. Языкъ, слова—это такой же матеріалъ въ рукахъ писателя, какъ краски въ рукахъ живописца; они служатъ средствомъ для выраженія чувствъ и передачи этихъ чувствъ другимъ и поэтому-то какъ краски, такъ и языкъ служитъ матеріаломъ для писателя и долженъ обладать гибкостью и богатствомъ, для того, чтобы можно было передавать на немъ всѣ оттѣнки чувствъ...» «Мнѣ не хватаетъ словъ!» жалуется въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель и вотъ, чтобы пополнить этотъ недостатокъ, онъ изобрѣлъ собственныя слова, собственныя выраженія, собственный прекрасный литературный языкъ, которому теперь подражаютъ другіе фламандскіе писатели.

Въ журналѣ «Umschau» сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ открытомъ Свенъ Хединомъ, во время его путешествія по средней Азіи, городѣ, погребенномъ въ пескахъ пустыни. Свенъ Хединъ нашелъ въ пескахъ развалины города. Отъ большинства домовъ оставались только деревянные столбы, но одинъ изъ домовъ, построенный изъ глины, съ толстыми внѣшними и двумя внутренними стѣнами, раздѣлявшими его на три комнаты, хорошо сохранился. Въ одномъ изъ домовъ было найдено множество дощечекъ изъ тамарисковаго дерева съ надписями, большею частью китайскими, и много клочковъ бумаги, исписанной частью на одной, частью же на обѣихъ сторонахъ. Эти обрывки бумаги найдены были подъ слоемъ песка, почти въ два фута толщиной. Между ними находились также маленькіе кусочки дерева, которые тоже были испи-

саны. Недалеко отъ этого мѣста найдены были очень цѣнныя деревянныя рѣзныя вещи, художественной работы; многочисленныя же изображенія Будды заставляютъ предполагать, что тутъ, вѣроятно, были храмы. Въ одномъ изъ домовъ найдены были рыбныя кости въ огромномъ количествѣ и кругомъ валялись безчисленныя раковины улитокъ. Это обстоятельство вызываетъ предположеніе, что нѣкогда въ этомъ мѣстѣ существовало большое озеро. Найденное же большое колесо указываетъ, что въ странѣ существовало и экипажное сообщеніе. Четыре башни въ окрестностяхъ города, повидимому, служили для обороны и частью, вѣроятно, были сторожевыми башнями, какія и теперь разсѣяны по всѣму китайскому государству и служатъ для предупрежденія о приближающемся непріятелѣ.

Но какъ назывался этотъ городъ и какая его постигла судьба? На этотъ вопросъ извѣстный изслѣдователь К. Химли даетъ слѣдующія разъясненія въ журналѣ «Petermanns Mitteilungen»: «Найденные въ этомъ городѣ письменные документы ясно указываютъ эпоху, когда произошло разрушеніе этого города и какъ онъ назывался. На дощечкахъ и на бумажныхъ обрывкахъ постоянно встрѣчается имя «Лоуланъ» (Lôulan) и притомъ такимъ образомъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что это названіе мѣстности. Что касается времени, то въ надписяхъ встрѣчается 264 годъ, а также 266, до 310 года. Содержаніе надписей весьма разнообразно: говорится о доставкѣ хлѣба, о вѣстяхъ изъ Тунъ-Хуанга, о сношеніяхъ съ Каотонгомъ (стариннымъ Турфаномъ), о судебныхъ процессахъ и т. п. Дощечки, очевидно, служили записными книжками и для разныхъ сообщеній и извѣщеній, а также приказаній, отдаваемыхъ властями подчиненнымъ».

Врядъ ли можно сомнѣваться, говоритъ Химли, что тутъ находится передъ нами древній, давно разыскиваемый городъ Лоуланъ, лежавшій на озерѣ Лобъ-Норъ, который встрѣчается на старинныхъ китайскихъ картахъ, и до сихъ поръ напрасно разыскивался путешественниками (Пржевальскимъ и Свенъ Хединомъ). Этотъ старинный городъ, богатый сношеніями, былъ, повидимому, разрушенъ въ началѣ четвертаго столѣтія песчанымъ циклономъ пустыни или наводненіемъ, а можетъ быть обѣими стихійными силами, дѣйствовавшими одновременно. По близости былъ выстроенъ другой городъ Драконовый, который также былъ разрушенъ наводненіемъ въ 1408—1411 гг. Озеро же было засыпано песчанными бурями. Такимъ образомъ, Лоуланъ печально погибъ, подобно Помпеѣ или Санъ-Пьеру, но не вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія подземныхъ силъ, а вслѣдствіе безжалостныхъ вѣтровъ и медленно, но неумолимо надвигающихся песковъ пустыни.

«Sunday Magazine» вспоминаетъ по этому поводу, что въ самомъ центрѣ большой индійской провинціи Раджпутанѣ, едва въ пяти миляхъ отъ столицы этой провинціи, находятся развалины покинутаго города. Въ необыкновенно дикой и живописной мѣстности, среди богатой тропической растительности, виднѣются чрезвычайно красивыя и художественныя постройки, большею частью уже превратившіяся въ развалины. Улицы заросли алоэ и разными вьющимся растеніями, такъ что пробираться сквозь эту зеленую чащу довольно

трудно. Кромѣ дикихъ звѣрей и птицъ никто не живетъ въ этихъ развалинахъ и развѣ только случайно какой-нибудь фанатикъ-факиръ или лепрозный больной устраиваютъ себѣ тамъ временное убѣжище. Нога путника, пробирающагося сквозь густыя заросли, покрывающія улицы покинутаго города, постоянно спугиваетъ ящерицъ, а съ крышъ домовъ и изъ кустовъ безстрашно выглядываютъ бѣлки, съ любопытствомъ посматривающія на дерзновеннаго смертнаго, осмѣливающагося нарушить тишину и уединеніе покинутаго города, да изрѣдка обезьяны устраиваютъ возню на крышахъ изящныхъ архитектурныхъ строеній или перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку надъ головою путника. Какая причина заставила жителей покинуть этотъ городъ съ точностью неизвѣстно и существуетъ нѣсколько мѣстныхъ сказаній, объясняющихъ его участь. По однимъ, городъ былъ покинутъ своими жителями вслѣдствіе пророчества, предсказывавшаго страшное бѣдствіе; по другимъ легендамъ, чума опустошила дворцы и хижины этого города, а по третьимъ вода оказалась негодной для питья и ядовитой, такъ что жители вынуждены были выселиться изъ города. Такъ или иначе, но достовѣрно извѣстно лишь то, что въ 1728 году жители покинули городъ и переселились далѣе къ юго-западу, гдѣ теперь находится столица Раджпутаны.

«National Rewiew» печатаетъ психологическій очеркъ, авторъ котораго старается разобраться въ истинномъ характерѣ императора Вильгельма II. Германскій императоръ, по мнѣнію автора, представляетъ въ высшей степени интересный матеріалъ для психологическаго изслѣдованія, и всѣ его безчисленныя причуды, авторъ объясняетъ многообразіемъ его личности, вслѣдствіе чего онъ можетъ одновременно совершать самые противорѣчивые поступки и высказывать мысли и чувства самаго противоположнаго характера. Какъ въ отношеніи своей одежды Вильгельмъ II проявляетъ необычайное разнообразіе, являясь то въ видѣ британскаго адмирала, прусскаго гусара, гражданскаго лица и т. п., мѣняя свои мундиры по двѣнадцать разъ въ день, такъ и въ духовномъ отношеніи Вильгельмъ II можетъ въ одинъ и тотъ же день выказать самое разнообразное настроеніе и быть въ одно и тоже время врагомъ и другомъ всѣхъ и каждаго. Такъ, напримѣръ, императоръ Вильгельмъ въ одно и тоже время является и «англофиломъ» и «англофобомъ». «Англофобъ» посылаетъ Крюгеру телеграмму и въ своей рѣчи въ Гамбургѣ явственно даетъ понять, что если бы германскій флотъ былъ готовъ, то произошло бы вмѣшательство. «Англофилъ» покидаетъ буровъ и посылаетъ деньги въ пользу индійскаго голоднаго фонда съ примѣчаніемъ, что «кровь гуще воды». Антиамериканскія чувства императора заставляютъ его бояться усиленія Соединенныхъ Штатовъ и даже искать разрыва съ ними, а «про американскій» императоръ посылаетъ въ тоже время своего брата, принца Генриха въ Америку и льститъ и угождаетъ американскому народу. Въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи, Голландіи, Россіи и др. странамъ императоръ проявляетъ столь же противоположныя чувства; онъ и другъ и недругъ въ одно и тоже время. Но этимъ не оканчивается длинный списокъ многообразныхъ проявленій его личности. Онъ выказываетъ

себя христіанскимъ императоромъ въ самомъ непосредственномъ смыслѣ этого слова, торжественно заявляя; что «основы имперіи покоятся на страхѣ Господнемъ», что «тотъ, кто не основываетъ свою жизнь на вѣрѣ, погибаетъ», что только «добрые христіане могутъ быть хорошими солдатами»; онъ произноситъ проповѣди на своей яхтѣ и объявляетъ, что «Господь союзникъ Германіи!» Онъ благосклонно причисляетъ къ лику святыхъ своего дѣда Вильгема I и Фридриха Великаго, повергая этимъ въ сильное смущеніе весь духовный міръ, и въ тоже самое время говоритъ войскамъ, отправляющимся въ Китай, чтобы они недавали пощады врагу (Pardon wird nicht gegeben!) и призываетъ тѣнь полководца гунновъ. Императоръ Вильгельмъ то является соціальнымъ реформаторомъ, то хочетъ прибѣгнуть къ силѣ для разрѣшенія соціальныхъ недоразумѣній, онъ поэтъ, драматургъ, композиторъ, художникъ, пишущій символическія картины и рисующій діаграмы военныхъ судовъ, композиторъ, сочиняющій гимнъ этру, театральный критикъ, всемогущій и всезнающій, диктующій правила искусства германскимъ художникамъ, но не допускающій критики своихъ произведеній, крестоносецъ, совершающій паломничество къ святымъ мѣстамъ и въ тоже время любезничающій съ султаномъ, руки котораго обагрены въ крови армянскихъ христіанъ; полководецъ, командующій самою грозною арміей, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ,—морякъ, знающій всѣ мельчайшія подробности морского дѣла въ Германіи, онъ же написалъ «Sic volo, sic jubeo, regio suprema voluntas и приказалъ бомбардировать Венецуэлу «pour embêter les Etats-Unis!» Трудно услѣдить за всѣми превращеніями его личности и ея многообразными проявленіями. Но который же изъ этихъ разнообразныхъ императоровъ «настоящій Вильгельмъ II?»—спрашиваетъ авторъ. Это загадка, которую, вѣроятно, разрѣшитъ только исторія.

Одно изъ приближенныхъ къ турецкому двору лицъ описываетъ въ «Century» порядки, существующіе при этомъ дворѣ, представляющіе необыкновенную смѣсь европейскихъ и восточныхъ обычаевъ. Вотъ какъ, напр., рѣшаетъ дѣла турецкій султанъ въ настоящее время: опредѣленнаго времени для доклада не существуетъ, и онъ можетъ быть сдѣланъ въ 11 часовъ утра или въ 11 часовъ вечера—безразлично. Иностраннымъ представителямъ приходится часто испытывать большія неудобства вслѣдствіе этого, когда имъ нужно бываетъ говорить съ султаномъ о какомъ-нибудь особенно важномъ дѣлѣ, которое они не могутъ отложить до обычной аудіенціи, бывающей по пятницамъ, послѣ Селямлика. Султану докладываетъ всѣ дѣла его первый секретарь Тахсинъ-паша. Передъ тѣмъ, какъ отправиться къ султану, Тахсинъ методически раскладываетъ цѣлый ворохъ докладовъ, прошеній, сообщеній, записокъ и т. п. документовъ, написанныхъ на очень тонкой бумагѣ, маленькаго формата съ золотымъ обрѣзомъ или на длинныхъ листахъ, причемъ онъ въ одну кучу складываетъ прошенія пріятныхъ султану лицъ, донесенія, которыя также могутъ доставить ему удовольствіе и т. п. Во второй кучѣ онъ собираетъ всѣ бумаги политическаго характера, донесенія министровъ, губернаторовъ или пословъ и т. д., а въ третьей заключаются документы, которые, какъ это извѣстно Тахсину,

не могутъ быть пріятны султану, или же такіе, которые ему самому нежелательны. Какъ только все готово, онъ беретъ свои вороха бумагъ и отправляется въ покои султана. «Повелитель правовѣрныхъ» полулежитъ на диванѣ, противъ котораго на полу положена большая шелковая подушка. На эту подушку становится на колѣни Тахсинъ, держа въ рукахъ свои доклады, и остается въ такомъ колѣнопреклоненномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока султанъ не сдѣлаетъ ему знака, разрѣшающаго ему принять болѣе удобное положеніе, что весьма часто султанъ забываетъ сдѣлать, когда бываетъ чѣмъ-нибудь озабоченъ или даже совсѣмъ не дѣлаетъ, когда бываетъ не въ духѣ.

Тахсинъ уже при входѣ съ перваго же взгляда опредѣляетъ настроеніе своего повелителя, характеръ котораго онъ хорошо изучилъ. Тонъ голоса, движеніе руки—все это служитъ для него драгоцѣнными указаніями. Бумаги онъ держитъ такимъ образомъ, что каждая кучка отдѣлена пальцемъ и когда онъ видитъ, что барометръ показываетъ хорошую погоду, то спокойно преподноситъ свои документы, зная, что ему удастся провести все, что онъ хочетъ.

— Давай сюда!—говоритъ султанъ.

Тахсинъ беретъ верхнюю бумагу и либо читаетъ ее, либо излагаетъ въ нѣсколькихъ словахъ написанное. «Iradébugurdum» говоритъ султанъ, давая свое согласіе. Тахсинъ прочитываетъ ему и излагаетъ одну бумагу за другой. Затѣмъ онъ переходитъ ко второй кучкѣ бумагъ. Тутъ онъ воздерживается отъ какихъ либо собственныхъ замѣчаній, которыя онъ позволяетъ себѣ, докладывая бумаги изъ первой кучи, для которыхъ ему желательно получить согласіе султана. Черезъ полчаса или черезъ часъ онъ уже замѣчаетъ признаки утомленія на лицѣ султана и говоритъ ему, что ничего важнаго или не терпящаго отлагательства болѣе нѣтъ въ его бумагахъ. Иногда же самъ султанъ дѣлаетъ ему знакъ перестать.

Документы, получившіе санкцію султана, передаются тутъ же чиновнику собственной канцеляріи султана, которому султанъ повторяетъ тѣ же сакраментальныя слова: «Iradébugurdum» (Даю мое согласіе) и первый секретарь уходитъ съ остальными документами въ рукахъ, которые будутъ ждать слѣдующаго раза. Но случается нерѣдко, что Тахсинъ, которому не удалось добиться согласія султана на что-нибудь, непосредственно интересующее его, искусно откладываетъ соотвѣтствующій документъ въ кучу тѣхъ, которые санкціонированы султаномъ, и поэтому зачастую бываетъ, что появляются ирадэ, о которыхъ султанъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и его именемъ разрѣшается или повелѣвается что-нибудь такое, на что онъ никогда не далъ своего согласія. Но какъ только произнесена сакраментальная формула, то никто въ мірѣ уже не можетъ измѣнить сказаннаго и отмѣнить то, что ею предписано. И все зависитъ, конечно, отъ того, въ какомъ видѣ представлено будетъ Тахсиномъ то, о чемъ онъ докладываетъ султану и на что желаетъ получить его согласіе. Истинное же положеніе вещей лишь очень рѣдко бываетъ извѣстно султану, окруженному цѣлою стѣной придворныхъ приспѣшниковъ, министровъ и др. лицъ.

«НА ДНѢ» М. ГОРЬКАГО ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Стѣны небольшого берлинскаго театра на улицѣ «Подъ липами»—«Kleine Theater», стяжавшаго уже себѣ въ столицѣ Германіи довольно солидную художественную репутацію, едва могли вмѣстить ту массу интеллигентной, избранной публики («die Intellectuellen», какъ выразилась одна берлинская газета), которая собралась 23 января смотрѣть первое представленіе новой пьесы М. Горькаго «На днѣ», названной нѣмецкимъ переводчикомъ «Nacht-Asyl» («Ночлежка»). Это первое представленіе русской пьесы увѣнчалось еще небывалымъ доселѣ успѣхомъ, какой не выпадалъ въ Германіи на долю ни одного изъ со-

ВАСИЛИСА *).

временныхъ драматическихъ писателей, германскихъ или иностранныхъ. Даже Гауптманъ никогда не вызывалъ такого энтузіазма, какой вызвалъ Максимъ Горькій своими сценами изъ жизни подонковъ общества. Вся нѣмецкая печать, безъ

*) Снимки всѣ сдѣланы по фотографіямъ берлинскаго театра. *Ред.*

различія направленій, единогласно признала пьесу Горькаго самымъ выдающимся событіемъ нынѣшняго театральнаго сезона.

Но не сразу разогрѣлась берлинская публика; не сразу прониклась она идеями автора и теплымъ участіемъ къ «бывшимъ людямъ», которыхъ онъ вывелъ въ своемъ произведеніи. Первые два акта показались длинными и скучными, что подтверждается и всѣми рецензіями берлинскихъ газетъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разростался интересъ, и появившіеся было признаки утомленія совершенно исчезли, такъ что публика не только съ напряженнымъ вниманіемъ прослушала два послѣдніе акта, забывъ объ усталости, о томъ, что время близилось къ полночи, но громкіе, несмолкаемые аплодисменты были наградою исполнителямъ и директору театра, дѣйствительно выказавшимъ не только пониманіе, но и горячую любовь къ драматическому искусству, такъ какъ постановка пьесы М. Горькаго потребовала большой затраты силъ и труда и большого нервнаго напряженія.

Впрочемъ, и среди публики нашлись протестующіе, нервы которыхъ не выдержали такого тяжкаго испытанія. Мрачныя картины человѣческаго паденія и страданій, развертывавшіяся передъ ними, настолько утомили ихъ, что кое-гдѣ раздались даже свистки, однако, быстро заглушенные аплодисментами. Замѣчательно, что самыми восторженными поклонниками пьесы Горькаго оказались, по словамъ берлинскихъ газетъ, «безупречно одѣтые молодые люди, финансисты и свѣтскія дамы», передъ которыми Горькій развернулъ совершенно новый и неизвѣстный имъ доселѣ міръ и нарисовалъ трагедію жизни, надъ которою они никогда не задумывались до этой минуты. Представленіе, начавшееся въ 8 часовъ вечера, окончилось только къ двѣнадцати, и, по словамъ рецензентовъ, публика въ сильно возбужденномъ состояніи покинула театръ, а на другой день во всѣхъ берлинскихъ газетахъ появились длиннѣйшіе восторженные отзывы объ этомъ представленіи, которое оставило, повидимому, неизгладимый слѣдъ въ душѣ берлинскихъ обывателей.

Чтобы лучше судить о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело новое драматическое произведеніе М. Горькаго на берлинскую публику, мы приведемъ нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ отзывовъ берлинской печати. Всѣ газеты, какъ консервативныя, клерикально-католическія, такъ и либеральныя и соціалъ-демократическія, признаютъ выдающееся значеніе этой пьесы, но въ то же время всѣ безъ исключенія говорятъ, что она совершенно нарушаетъ всѣ традиціи драматическаго искусства. «Лессингъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, разъ двѣнадцать перевернуться въ своемъ гробу,—восклицаетъ вліятельная финансовая газета «Berlin. Börsen Zeit».—Не говоря уже о филистерѣ Фрейтагѣ и др.!» То же высказываютъ и другіе органы печати. «Рѣдко можно найти писателя, который бы такъ смѣло рѣшился перешагнуть черезъ всѣ традиціи театральной практики и законы драматическаго дѣйствія, какъ это сдѣлалъ Горькій въ своей новой пьесѣ», замѣчаетъ «Франкфуртская Газета». «Интереснѣйшій современный театръ въ Берлинѣ поставилъ на сценѣ, быть можетъ, интереснѣйшую драму этого сезона и, навѣрное, самую удивительную во всей драматической литературѣ,—заявляетъ литературная берлинская газета

«Tägliche Rundschau». Но развѣ это драма? Ни въ какомъ случаѣ! Это картинная галлерея ужасныхъ образовъ, извлекаемыхъ сильною рукою художника со дна человѣчества и выставляемыхъ въ яркомъ дневномъ свѣтѣ. Передъ нами проходитъ рядъ рѣзко очерченныхъ типовъ несчастныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, погибшихъ и обездоленныхъ, въ мастерскомъ изображеніи художника, заставляющаго насъ угадывать соціальныя причины, обусловливающія такое ужасное существованіе. Это—документы позора нашей эпохи, пятно

КЛЕЩЪ.

на нашей культурѣ, но тѣмъ не менѣе эта мрачная картина освѣщена свѣтомъ благородной гуманности, распространяющейся и на вершины, и на дно человѣческой жизни. Что намъ за дѣло въ эту минуту, что это вовсе не драматическое произведеніе, написанное по всѣмъ правиламъ эстетики, когда всѣ нервы у насъ напряжены и дрожатъ подъ вліяніемъ видѣннаго! Всѣ мы были напряжены до глубины души... Незабвенный вечеръ. Ecce vita!»

Другая литературная газета «Der Tag» говоритъ: «Нѣтъ болѣе плохой драмы,

болѣе невозможнаго литературнаго произведенія! Зрителей нѣсколько разъ охватывало нетерпѣніе, однако, къ сожалѣнію, это самое плохое изъ театральныхъ произведеній имѣло почти безпримѣрный успѣхъ, глубокій и самый настоящій успѣхъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Максимъ Горькій, наименѣе искусный изъ драматурговъ, одержалъ полнѣйшую побѣду; онъ оставилъ за собою Метерлинка и Гауптмана. Онъ доказалъ самымъ неоспоримымъ образомъ, какъ мало значитъ техника въ искусствѣ, и подтвердилъ, что поэзія, корни которой гнѣздятся въ человѣческомъ сердцѣ, можетъ снести однимъ дуновеніемъ, словно карточные домики, всѣ изощренія драматурговъ. Это было великою побѣдою искусства, которое является прежде всего религіею...»

«Горькій имѣлъ въ виду совершенно иныя цѣли, иныя намѣренія, нежели эстетическія. Онъ не думаетъ также разрѣшать никакихъ психологическихъ проблемъ,—говоритъ національно-либеральный органъ «Magdeburg. Zeit».— Онъ хочетъ другого, и тотъ, кто пожелалъ бы сдѣлать истинную оцѣнку значенія этого грандіознаго, но въ то же время неумолимаго художника, рисующаго русскую народную душу, тотъ не долженъ прикладывать къ его произведеніямъ обычный масштабъ искусства. Въ своихъ «сценахъ» Горькій съ жестокою правдою рисуетъ русскую жизнь. Въ общепринятомъ смыслѣ эти сцены, между которыми существуетъ лишь весьма слабая связь, нельзя назвать драматическимъ произведеніемъ, но онѣ проникнуты потрясающимъ трагизмомъ. Образъ Луки, этого религіознаго странника, представляетъ специфическое явленіе русской жизни и ея условій».

«Драму Горькаго «Nacht-Asyl» нельзя назвать театральнымъ произведеніемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, — замѣчаетъ консервативная газета «Berl. Neueste Nachrichten».—Горькій не драматургъ; онъ былъ и остается эпическимъ поэтомъ. Онъ рисуетъ картину жизни, но останавливается на подробностяхъ и отдѣльныхъ фазахъ. Онъ смотритъ на свой міръ глазами удивительно тонкаго наблюдателя и тотчасъ же набрасываетъ мастерскою рукою эскизъ за эскизомъ, которые развертываетъ передъ зрителемъ въ цѣломъ рядѣ сценъ, не заботясь о драматическомъ цѣломъ. Въ своей послѣдней пьесѣ онъ заставляетъ насъ заглянуть въ міръ отверженныхъ. Всѣ касты имѣютъ своихъ представителей въ этомъ мірѣ, и общая бѣдственная судьба создала тутъ изъ бароновъ и ремесленниковъ, художниковъ и преступниковъ, рабочихъ и гуляющихъ женщинъ, новую ассоціацію, въ которой исчезаютъ имена и ранги... Но то, что онъ даетъ намъ въ этомъ произведеніи, въ своемъ родѣ великолѣпно! Грубость и необузданность его героевъ, философія отверженныхъ и ихъ поступки, даже дикая расправа въ концѣ третьяго акта—все это представляетъ удивительную по яркости красокъ картину. Но искусство Горькаго тѣмъ не менѣе рѣзко ограничено. Несмотря на всю свою величину въ своей области, онъ никогда не переступитъ того ограниченнаго круга темъ, которыя составляютъ полученное имъ наслѣдіе и налагаютъ своеобразный отпечатокъ на его талантъ и именно на сценѣ. Онъ долженъ будетъ всего скорѣе исчерпать свой запасъ, такъ какъ ему придется постоянно повторяться въ своихъ образахъ».

«Примѣръ Горькаго еще разъ доказываетъ, что русскіе въ особенности

умѣютъ пробуждать культурно-историческій интересъ,—заявляетъ католическая газета «Germania», въ статьѣ, посвященной «Nacht-Asyl» Горькаго.—Съ точки зрѣнія искусства и эстетики, это произведеніе слѣдовало бы отодвинуть на задній планъ. Однако, такъ судить нельзя. Густой туманъ безконечнаго страданія повисъ надъ умственною и культурною жизнью русскаго народа. Но чье сердце не встрепенется, услышавъ крикъ о помощи, объ избавленіи отъ

БАРОНЪ.

тяжелаго, давящаго умственнаго гнета, какой раздается изъ глубины жизни и звучитъ въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ М. Горькій и Толстой».

«Великая творческая сила писателя освобождаетъ изъ тѣсныхъ національныхъ рамокъ изображенную имъ картину страданій и она получаетъ такимъ образомъ нѣкоторое универсальное значеніе. Мы переживаемъ частицу мірового страданія и насъ охватываетъ скорбь всего человѣчества. Но въ этомъ произведеніи нѣтъ того, что должно составлять содержаніе и конецъ всякаго

дѣйствительно великаго произведенія, нѣтъ избавленія, освобожденія, примиренія и поэтому оно не можетъ дать истинное удовлетвореніе...

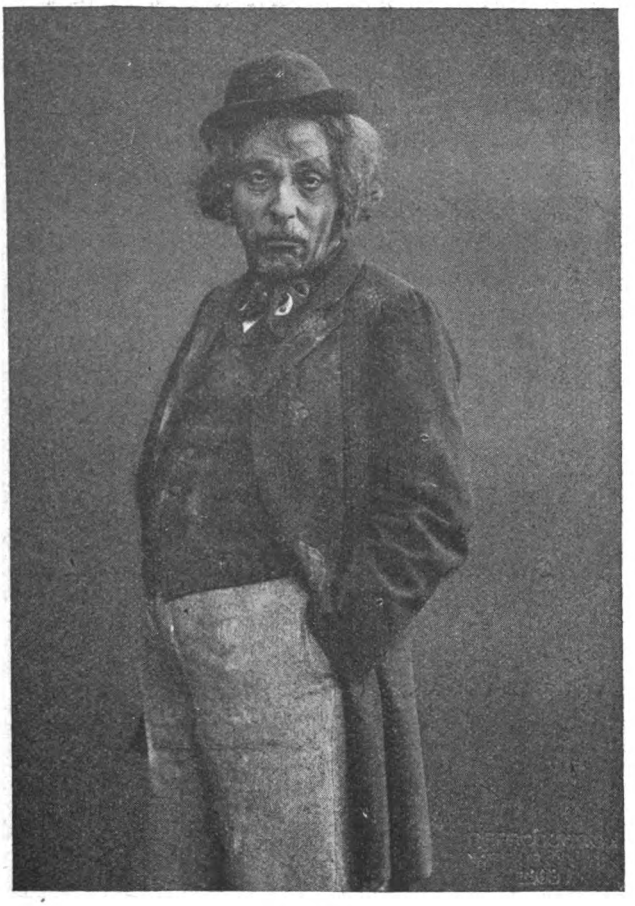
«Странное впечатлѣніе произвела на меня эта вещь,—пишетъ далѣе драматическій критикъ католической газеты.—Вначалѣ я чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе. Потомъ къ нему примѣшалось чувство боли и состраданія и это чувство все возрастало, пока не охватило меня до такой степени, что поглотило всѣ остальныя ощущенія. Мнѣ казалось, что я въ темную, глухую ночь иду по болоту. Надо мною блестятъ звѣзды и съ каждымъ шагомъ я погружаюсь все глубже въ топкую почву, а надо мною все блестятъ звѣзды, отъ которыхъ я не могу отвратить своихъ взоровъ. Наконецъ, я почувствовалъ, что погружаюсь совершенно. Въ глазахъ у меня потемнѣло и я началъ задыхаться... счастье, что тутъ опустился занавѣсъ... я перевелъ дыханіе, почувствовалъ свободу и искренно обрадовался, что могу снова дышать свѣжимъ воздухомъ...»

«Постановка въ «Kleine Theater» пьесы Горькаго была лучшею, какую только мнѣ пришлось видѣть со времени постановки «Власти тьмы» Толстого. Пьеса Горькаго даже, пожалуй, была еще лучше поставлена. Нельзя было лучше и добросовѣстнѣе выполнить такую задачу. Впрочемъ, самъ авторъ помогъ театральной дирекціи, приславъ фотографическіе снимки своихъ типовъ изъ русскаго міра преступниковъ. Кромѣ того, какъ говорятъ, режиссеръ изучилъ предварительно жизнь берлинскихъ трущобъ. Итакъ, все было «настоящимъ» (echt) на сценѣ и всѣ частности были соблюдены. Исполненіе же достойно всякой похвалы».

Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ, между прочимъ очень распространенная и до нѣкоторой степени независимая (когда она не находитъ нужнымъ заискивать у правительства) газета «Local Anzeiger» видитъ въ произведеніи Горькаго вліяніе Ибсена и Гауптмана. Другіе отрицаютъ это и говорятъ о томъ, что Горькій и его учитель Толстой дополняютъ другъ друга въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ они оба изслѣдуютъ глубины человѣческаго общества и въ душѣ обоихъ одинаково звучитъ чувство христіанскаго милосердія. «Но Горькій и Толстой приходятъ къ различному выводу», заявляетъ биржевая газета, органъ берлинскихъ финансистовъ и объясняетъ это разницею ихъ происхожденія. Горькій самъ принадлежитъ къ пролетаріату, который онъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ по собственному опыту знаетъ эти слои общества и изображаетъ ихъ, конечно, по другому, нежели теоретикъ Толстой. Но онъ предоставляетъ зрителямъ самимъ извлекать изъ его ужасныхъ картинъ столько соціальныхъ поученій, сколько имъ будетъ угодно, столько душевнаго потрясенія, сколько они въ состояніи испытать. Самъ авторъ не выступаетъ на сценѣ въ качествѣ проповѣдника морали, не навязываетъ намъ своихъ взглядовъ и всецѣло предоставляетъ дѣлать выводы и заключенія изъ его «человѣческихъ документовъ», возлагая отвѣтственность на зрителей за тѣ выводы, которые будутъ ими сдѣланы. Но въ этомъ-то чувствѣ отвѣтственности, которое публика уноситъ съ собою изъ зрительной залы, и заключается глав-

ная причина сильнаго, удручающаго дѣйствія, производильнаго пьесой Горькаго.

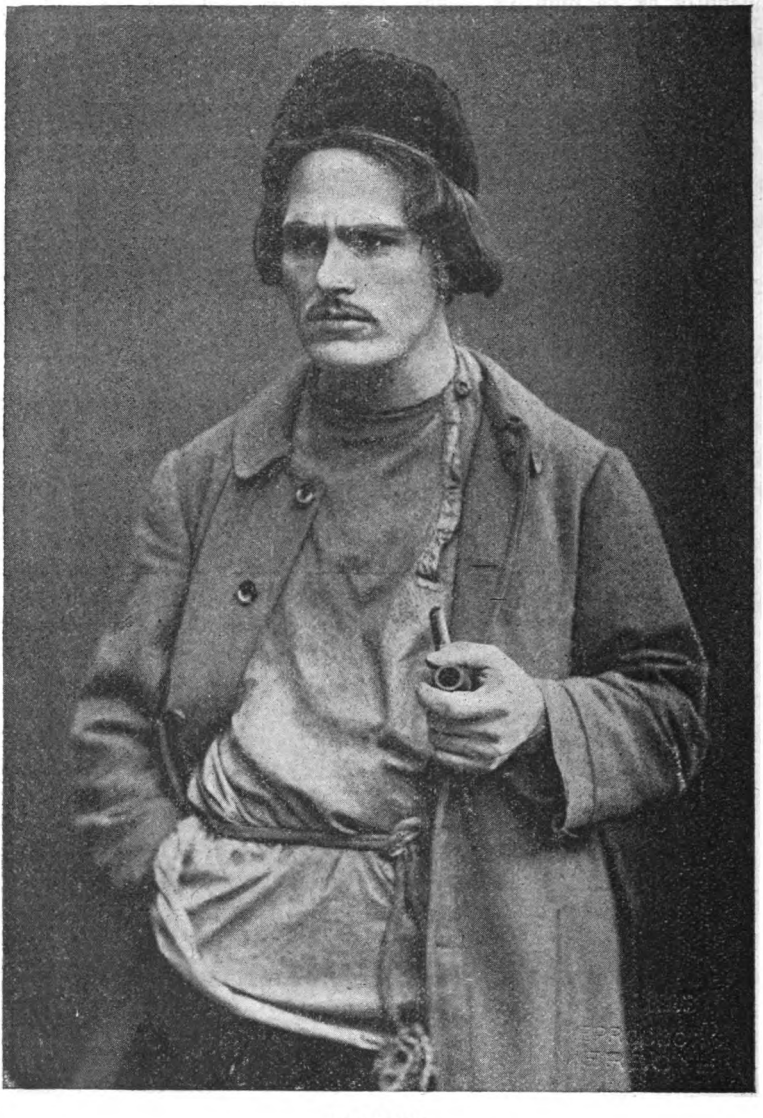
Мы просмотрѣли болѣе тридцати нѣмецкихъ газетъ, помѣстившихъ отзывы о пьесѣ Горькаго. Въ этомъ числѣ находятся газеты всѣхъ направленій, распространенныя въ различныхъ слояхъ германскаго общества, но, несмотря на различіе политическихъ взглядовъ, въ отзывахъ этихъ газетъ о пьесѣ «Nacht-



АКТЕРЪ.

Asyl» заключается удивительное единодушіе, причемъ становится ясно, что огромный интересъ, вызванный въ германской публикѣ этою пьесой въ значительной степени можно объяснить новизною и особенностями той среды, которую рисуетъ авторъ. Большинство нѣмецкихъ драматическихъ критиковъ заявляетъ, что еще ни одинъ изъ русскихъ писателей не заставлялъ нѣмецкую публику проникать такъ глубоко въ чувства и мысли «славянскаго стомилліоннаго народа» (Slavischen Hundertmillionen Volkes). Горькій—это великій

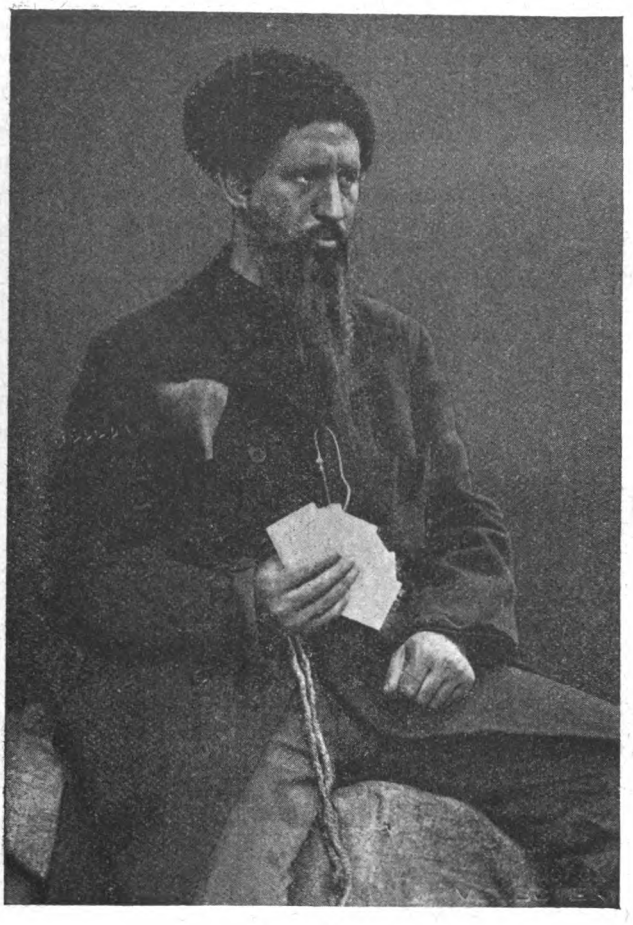
талантъ, чисто русскаго народнаго происхожденія, говорятъ они. Онъ смотритъ не такъ, какъ другіе, сверху внизъ, на жизнь и стремленія низшихъ народныхъ слоевъ; онъ самъ происходитъ оттуда и поэтому чувства и мысли на-



ПЕПЕЛЪ.

рода ему близки и хорошо извѣстны, такъ какъ, вѣдь, это его собственныя мысли и чувства! Образъ Луки, этого странника, «искателя правды», повидимому, сильнѣе всего заинтересовалъ берлинскую публику, передъ которой предсталъ новый, невиданный ею доселѣ типъ, поэтому всѣ газеты, безъ исключенія,

посвящаютъ ему особенное вниманіе. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ «Vorwärts» (соціалъ-демократическая газета), находятъ въ немъ «отдаленное» сходство съ Акимомъ изъ «Власти тьмы». «Но тѣмъ не менѣе Лука совершенно иной типъ», говоритъ «Vorwärts»; «онъ свободенъ отъ узкаго слѣпого правовѣрнаго міросозерцанія Акима, онъ много пережилъ и много грѣшилъ. Теперь это все уже далеко, но воспоминаніе о своемъ прошломъ заставляетъ его снисходительно



ТАТАРИНЪ.

относиться къ чужимъ заблужденіямъ и грѣхамъ». «Мужикъ стараго покроя, котораго Толстой рисуетъ воплощеніемъ трогательной простоты и природной добродѣтели, находитъ въ Горькомъ довольно холоднаго критика, такъ какъ Горькій видитъ въ немъ, сравнительно съ промышленнымъ пролетаріемъ, отсталый элементъ»,—замѣчаетъ «Berl. Tag.».—И въ этомъ отношеніи Горькій является представителемъ новой эпохи русскаго развитія. Въ немъ воплощается современная Россія, со своею развивающеюся промышленностью, желѣз-

ными дорогами и портами, усиленными сношеніями и пролетаріатомъ, выростающимъ до классоваго сознанія, это она отражается въ произведеніяхъ Горькаго!..»

«Горькій, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ то, что дѣлается внутри русскаго народа, какія чувства волнуютъ его, и такимъ образомъ онъ становится адвокатомъ своего изстрадавшагося народа, а сцена превращается въ трибуналъ...—

ГОРОДОВОЙ.

говоритъ драматическій критикъ магдебургской газеты.—Однако, Горькій не задаетъ вопроса, кто спасетъ этотъ добродушный, мечтательный, погрязшій въ фанатизмѣ русскій народъ, но вопросъ этотъ невольно напрашивается каждому. И въ этомъ-то невысказанномъ, но со страшною ясностью поставленномъ вопросѣ заключается глубокій трагизмъ всего произведенія Горькаго. Лука представляетъ специфическое явленіе жизни русскаго народа...»

Изъ этихъ небольшихъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, какъ сход-

ны взгляды нѣмецкихъ драматическихъ критиковъ на произведеніе Горькаго и какъ болѣе или менѣе одинаково впечатлѣніе, произведенное постановкою этой пьесы. Всѣ видятъ въ ней яркое и трагическое изображеніе русской народной жизни. Одна изъ газетъ (антисемитская газета «Deutsche Zeit.») дѣлаетъ при этомъ слѣдующій выводъ: «Горькій былъ и остается русскимъ, специфическимъ представителемъ народа, который не только внѣшнимъ образомъ, нравами, привычками и государственными учрежденіями, но и своими самыми глубочайшими чувствами, мыслями и ощущеніями отдѣляется отъ насъ до сихъ поръ еще непроходимою пропастью. И если мы, потрясенные до глубины души, все-таки поднимемъ голову и признаемъ, что многое тутъ не можетъ затрогивать насъ и имѣетъ чисто русское національное значеніе, то это не будетъ съ нашей стороны фарисейскимъ высокомѣріемъ».

Что касается исполненія и деталей постановки, то всѣ признаютъ, что они были выше всякой похвалы. Особенно хвалятъ актера Рейнгардта, игравшаго философа старца Луку. Маленькій берлинскій театръ, обладающій однако, далеко не очень значительными средствами, блестящимъ образомъ справился со своею задачей и оправдалъ свою репутацію «лучшаго и наиболѣе художественнаго театра въ Берлинѣ». Пьеса Горькаго обезпечила успѣхъ этому театру, который превращается въ привилегированный театръ берлинскаго интеллигентнаго общества и, какъ говорятъ, будетъ переименованъ въ «Новый театръ».

Э. П.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Исторія русская.—Право.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигіена.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. М. Дорошевичъ. „Сахалинъ (Каторга).“—*Г. Гауптманъ.* „Собраніе сочиненій“. 2 т.—*Р. Киплингъ.* „Разсказы-сказки“.

В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ (каторга). Съ иллюстраціями. М. 1903. Ч. I. 438 стр. Ч. II. 144 стр. Ц 3 р. 50 к. Каторга вообще, и въ частности сахалинская каторга, не разъ служила предметомъ изображенія въ нашей литературѣ. Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ художественныхъ описаній Достоевскаго и Мельшина, мы имѣемъ живые и интересные очерки г. Миролюбова («Восемь лѣтъ на Сахалинѣ») и серьезный, обстоятельный трудъ А. П. Чехова, не говоря, конечно, о работахъ спеціальныхъ. Казалось бы, что каторга настолько всесторонне изучена и такъ ярко изображена, притомъ писателями, лично испытавшими каторжный режимъ, что позднѣйшему наблюдателю-диллетанту трудно сказать что-нибудь новое, что не было бы повтореніемъ или перефразированіемъ уже извѣстнаго. Естественно поэтому, что за книгу г. Дорошевича принимаешься съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Однако, чѣмъ далѣе подвигаешься въ чтеніи этой книги, тѣмъ болѣе отдаешься захватывающему ея содержанію, вопреки даже непріятнымъ, черезчуръ развязнымъ литературнымъ пріемамъ г. Дорошевича. Съ одной стороны, таково свойство предмета, изображаемаго авторомъ, что стоитъ только факты, казалось бы давно знакомые, вновь увидать въ живой и конкретной формѣ,—и впечатлѣніе получается потрясающее. Съ другой стороны, несомнѣнно, авторъ обладаетъ талантомъ ярко и живописно рисовать предметъ, хотя не мало и злоупотребляетъ этимъ.

Попытаемся теперь въ бѣглыхъ чертахъ передать, что такое сахалинская каторга, по наблюденіямъ г. Дорошевича; прибавимъ при этомъ, что г. Дорошевичъ совсѣмъ на касается политическихъ ссыльныхъ. Время отъ времени пароходы высаживаютъ на Сахалинъ живой грузъ отбросовъ человѣческаго общежитія. Послѣ долгой процедуры регистрированія и распредѣленія, новички попадаютъ въ общія камеры съ населеніемъ уже обжившимся и по-своему разгруппировавшимся. Во главѣ камеры стоитъ безпардонная компанія заправилъ, такъ называемые «иваны», «храпы», «глоты», которые состоятъ въ постоянной борьбѣ съ начальствомъ и время отъ времени отвоевываютъ кое-какія уступки для всѣй тюрьмы, но зато безцеремонно тиранятъ и обираютъ забитую и трепещущую «шпанку». При вступленіи въ камеру новички, обыкновенно имѣющіе при себѣ деньги, немедленно попадаются на удочку воровской шайки, которая съ помощью разныхъ мошенническихъ продѣлокъ одураиваетъ ихъ и завладѣваетъ ихъ деньгами. Этотъ искусъ сразу раскрываетъ новоприбывшимъ глаза на своеобразное каторжное братство, гдѣ немногіе хищ-

ничаютъ, а всѣ остальные покрываютъ ихъ, одни изъ выгоды, большинство изъ страха. Само собой разумѣется, что и новоприбывшая партія очень быстро дифференцируется: одни присоединяются къ группѣ активнаго меньшинства, другіе—пассивнаго большинства. Невозможно перечислить всѣ виды издѣвательствъ и помыканій, которыя позволяетъ себѣ привилегированная кучка надъ запуганнымъ, безотвѣтнымъ стадомъ. Къ этой внутренней тиранніи нужно еще прибавить внѣшнюю тиранніо надзирателей и смотрителей. Надзиратели на Сахалинѣ по большей части изъ отбывшихъ свой срокъ ссыльно-каторжныхъ. Получивъ власть въ руки послѣ долгихъ годовъ безправія, они пользуются ею съ неимовѣрною жестокостью для однихъ, съ беззаконными послабленіями для другихъ: надзиратели поддаются подкупу, и за деньги въ тюрьмѣ можно купить—конечно, относительную—безнаказанность; ради взятокъ они сгоняютъ арестантовъ на частныя работы въ праздничные дни; торгуютъ водкой, разбавляя ее водой и продавая втридорога и т. п. А между тѣмъ, эти люди являются, въ сущности, настоящими хозяевами каторги, въ ихъ рукахъ штрафной журналъ и, значитъ, фактическое распоряженіе судьбой арестанта; по ихъ же указаніямъ часто пускается въ ходъ и страшное орудіе каторги—сѣченіе. Итакъ, этимъ корыстнымъ и въ концѣ испорченнымъ людямъ поручено перевоспитаніе преступника, нравственное возрожденіе его.

Представимъ себѣ теперь, что въ удушливую атмосферу каторги попадаетъ человѣкъ интеллигентный. Начать съ того, что каторга очень ревниво наблюдаетъ за нивелированіемъ, тщательно производитъ равненіе, не терпя никакого выдѣленія изъ рядовъ, на чемъ бы оно ни основывалось—на образованіи или на краткосрочности ссылки; но съ особенной ненавистью относится она къ привилегированному происхожденію: «барство» всегда является предметомъ яростныхъ нападокъ. Поэтому чтобы устроить себѣ просто только возможное существованіе, интеллигенту приходится волей-неволей ассимилироваться съ чуждыми ему во всемъ товарищами, даже не смотря на то, что образованные люди обыкновенно до нѣкоторой степени изолируются отъ остальной арестантской массы, опредѣляясь писарями въ канцелярію. И вотъ начинаются шагъ за шагомъ уступки: человѣкъ пріучается пить, играть въ карты, затѣмъ образованность эксплуатируется хищническими инстинктами каторги—интеллигентъ начинаетъ участвовать въ изготовленіи и сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій, въ поддѣлкахъ разнаго рода документовъ и т. п. Вначалѣ все это дѣлается лишь въ угоду каторгѣ, потомъ мало-по-малу брезгливость утрачивается, и человѣкъ запутывается окончательно; на подлогахъ его ловятъ, надбавляютъ срокъ каторги, и вотъ передъ нимъ полная безысходность положенія, никакой надежды выбраться по ту сторону каторги; затѣмъ побѣгъ — съ отчаянія, въ результатѣ розги, новая надбавка срока и полное безповоротное паденіе: вотъ довольно обычные этапы «возрожденія» преступника каторгой! А между тѣмъ, сплошь и рядомъ этихъ людей, пожираемыхъ навсегда каторгой, приводитъ на Сахалинъ или какое-нибудъ дисциплинарное преступленіе по службѣ, или убійство въ защиту семейной чести, напр., за поруганіе сестры, т.-е. проступки, не имѣющіе и тѣни злодѣйскихъ намѣреній.

На ряду съ этой категоріей преступниковъ въ ту же школу деморализаціи попадаютъ и люди совершенно невмѣняемые, по дикости, темнотѣ, нравственному и умственному убожеству, настоящіе пещерные дикари, совершающіе преступленіе въ полу-сознаніи, въ тупомъ состояніи невѣдѣнія; въ примѣръ г. Дорошевичъ приводитъ двухъ убійцъ, которые по подговору жены убили мужа и «цѣну крови» получили въ размѣрѣ 3 р. 75 к.! И зачѣмъ каторга этимъ дѣтямъ природы, которымъ больше нужна опека.

Мы уже говорили, что настоящими уставщиками каторги являются закоренѣлые преступники, порвавшіе всѣ счеты съ иной жизнью. Но не только внутренніе распорядки камерной жизни, а и весь внѣшній строй каторги, не-

сомнѣнно, въ значительной степени является созданіемъ этихъ крайнихъ элементовъ. Нужно было имѣть въ виду крайнюю степень преступности, чтобы организовать борьбу съ преступниками съ помощью тѣхъ безчеловѣчныхъ средствъ, которыми пользуется современная каторга. Итакъ, система, созданная примѣнительно къ худшимъ элементамъ, всею тяжестью обрушивается на лучшіе, а главные виновники въ большинствѣ случаевъ довольны своимъ положеніемъ: они являются настоящими господами тюрьмы, захватываютъ въ свои руки майданы—примитивные тюремные буфеты, которые даютъ имъ изрядные барыши; накопленные капиталы они отдаютъ въ ростъ за баснословные проценты, шулернически выигрываютъ въ карты; благодаря полученнымъ такими путями достаткамъ, они подкупаютъ надзирателей и пользуются многими послабленіями; съ другой стороны отвоевываютъ себѣ положеніе и своею «оголтѣлостью», т.-е. нагластью и безстрашіемъ. Трагизмъ современной каторги и и заключается въ этомъ смѣшеніи преступниковъ всѣхъ категорій вмѣстѣ, въ этомъ отсутствіи дифференцированія арестантовъ хотя бы по однородности приговоровъ: краткосрочный помѣщается здѣсь бокъ-о-бокъ съ долгосрочнымъ, случайный преступникъ, мучимый угрызеніями совѣсти и жаждущій начать новую жизнь, имѣетъ своимъ сосѣдомъ вѣчнаго каторжанина, цинически высмѣивающаго подобныя слабости. Трагизмъ именно и заключается въ этой неизбѣжности дальнѣйшаго паденія почти для всякаго, входящаго въ эти «адовы врата».

Посмотримъ теперь, какова судьба каторжанина, отбывшаго срокъ заключенія и вышедшаго на поселеніе. Съ момента выхода изъ тюрьмы ссыльно-каторжный становится объектомъ колонизаціонной политики: онъ долженъ сѣсть на землю и вести хозяйство; при этомъ съ помощью самыхъ примитивныхъ орудій ему приходится рубить лѣсъ въ тайгѣ, строить избу, выкорчевывать пни, расчищая землю подъ пашню въ топкой, болотистой почвѣ, — и все это время жить подъ открытымъ небомъ. Черезъ два года выдача арестантскаго пайка прекращается, и для поселенца наступаетъ бѣдственное, полу-голодное существованіе. Духомъ каторги проникнуты и поселки, и потому надъ средствами добыть лишнюю копѣйку люди не задумываются: воровство, поджоги и даже убійства, хотя бы своего полу-нищаго собрата, широко практикуются среди поселенцевъ. За убійство поселенецъ попадаетъ опять въ тюрьму, а жизнь въ тюрьмѣ на готовомъ содержаніи нѣкоторымъ представляется предпочтительнѣе поселенческой свободы. Скудные урожаи, отсутствіе посторонняго заработка и постоянный страхъ и за свое имущество и за жизнь настолько отравляютъ существованіе на Сахалинѣ, что по большей части поселенецъ, отбывшій положенные 6 — 10 лѣтъ и вышедшій въ крестьяне, безъ всякаго сожалѣнія бросаетъ свою избу, хозяйство и уѣзжаетъ на материкъ. Материкъ—тайная мечта всякаго поселенца. Отсюда ясно, какъ достигаются цѣли правительства заселить Сахалинъ съ помощью ссылки. А между тѣмъ, колонизаціонной политикѣ отводится видное мѣсто на Сахалинѣ, и, напр., интересамъ колоніи всецѣло подчинена судьба женщинъ. Ссыльно-каторжныя не знаютъ на Сахалинѣ ни тюрьмы, ни каторжныхъ работъ. Тотчасъ по прибытіи ихъ раздаютъ въ сожительницы поселенцамъ «для домообзаводства». Поощряемые самимъ начальствомъ вольные браки вводятъ такую порчу нравовъ на Сахалинѣ, что, въ сущности, большинство ссыльныхъ женщинъ промышляетъ проституціей; иногда сами поселенцы посылаютъ своихъ сожительницъ «на фартъ», какъ на прибыльное ремесло. Но истинно мученическая судьба ожидаетъ женъ, добровольно слѣдующихъ за мужьями въ каторгу. Обыкновенно каторжанинъ выпускается изъ тюрьмы на волю, какъ только къ нему пріѣзжаетъ семья; поэтому еще раньше прибытія на Сахалинъ съ дороги каторжане уже пишутъ письма на родину, уговаривая женъ пріѣхать и соблазняя всевозможными благами сахалинскаго житья, не останавливаясь передъ самымъ чудовищнымъ

обманомъ. И вотъ повѣривъ этимъ росказнямъ, бабы, часто съ маленькими дѣтьми, отправляются на казенный счетъ въ дальнее плаваніе. На Сахалинѣ ихъ ждетъ жестокое разочарованіе: убогое, нищенское хозяйство, мужъ, прошедшій школу каторги и ставшій игрокомъ, пьяницей: положеніе, настолько тяжелое, что приходится завидовать каторжанкамъ, которыя получаютъ паекъ и мѣняютъ сожителей, если тѣ имъ не угодятъ.

Мы далеко не исчерпали богатаго содержанія книги г. Дорошевича и совсѣмъ не коснулись II-й части, гдѣ разсказанъ рядъ громкихъ сенсаціонныхъ процессовъ Удивительно впечатлѣніе отъ этой книги: каторга со всѣми своими ужасами, несправедливостью, гибелью людей врѣзывается въ душу какимъ-то кошмаромъ, а между тѣмъ, вы далеко не симпатизируете литературной манерѣ автора. Факты, приводимые г. Дорошевичемъ, дѣйствуютъ своей непосредственной силой, своими естественными размѣрами, безъ всякаго подмалевыванія, между тѣмъ, авторъ обильно уснащаетъ свою книгу всевозможными приправами: вы легко различаете шаржъ, мелодраматизмъ, мѣстами—сентиментальный лиризмъ или реторическій паѳосъ — въ эти позы поочередно становится авторъ; наконецъ, нерѣдко встрѣчаются нѣкоторыя чисто репортерскія замашки, напр., злоупотребленіе инсценированіемъ дѣйствія, — всѣ эти грубыя средства воздѣйствія воспринимаются читателемъ какъ всякая фальшь и представляются дешевымъ наркотическимъ средствомъ, служащимъ для поддѣлки внутренней эмаціи. Образцомъ такой же фальсификаціи внутренняго волненія съ помощью внѣшнихъ признаковъ можетъ служить своеобразный лаконическій стиль автора съ опущеніемъ необходимыхъ частей предложенія; въ мѣстахъ патетическихъ такая рѣчь, перемежающаяся какъ бы отъ страстнаго волненія, производитъ сильное впечатлѣніе, какъ несвязный, взволнованный разсказъ очевидца. Но когда подобный пріемъ тянется на сотни страницъ, то, конечно, онъ дѣйствуетъ, какъ явная симуляція. Тѣмъ досаднѣе отмѣчать эти литературныя ухищренія автора, что въ нихъ не было никакой надобности: и цѣнность матеріала, собраннаго авторомъ, и умѣнье картинно и ярко представить его только теряютъ отъ тѣхъ лубочныхъ и прянныхъ эффектовъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгаетъ г. Дорошевичъ. *А. М.*

Г. Гауптманъ. Собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Изданіе С. Скирмунта. 2 тома. Москва. 1902 г. Первый томъ настоящаго изданія появляется вторымъ изданіемъ, и мы имѣли уже случай (см. «Библіогр. отдѣлъ» за 1900 г., май) говорить о характерѣ перевода вошедшихъ въ него драмъ. Въ новомъ изданіи г. Бальмонтъ «пользуется случаемъ», чтобы отвѣтить на полученные имъ «разные запросы отъ читателей, касавшіеся, главнымъ образомъ его перевода «Потонувшаго колокола». «Запросы читателей» оказались совпадающими съ нѣкоторыми изъ упрековъ, сдѣланныхъ г. Бальмонту журнальными рецензентами, между прочимъ и нами. Рецензентовъ онъ къ читателямъ не причисляетъ и съ ними въ разговоры не пускается. Читатели же, удостоившіеся вниманія г. Бальмонта, были гораздо снисходительнѣе или менѣе внимательны, чѣмъ рецензенты, и отмѣтили только весьма немногіе и преимущественно формальные недостатки перевода. Нечего и говорить, что г. Бальмонтъ всюду считаетъ себя правымъ и отстаиваетъ даже «лѣсныхъ человѣковъ» и «лѣсныхъ женщинокъ», хотя и признаетъ, что это «гротескно». По другому поводу переводчикъ высказываетъ оригинальную мысль, что «когда человѣкъ объятъ стихійнымъ порывомъ, онъ всегда бываетъ далекъ отъ грамматики. Это ужъ законъ». Если бы люди учились говорить по правиламъ грамматики, а не грамматика выводила свои правила изъ живого языка, то, быть можетъ, такой законъ и существовалъ бы: если бы лучшаго ученика гимназіи, «объятаго стихійнымъ порывомъ», заставить выражаться, напр., по-латыни, то несомнѣнно, онъ позабылъ бы своего Кюнера, но если человѣкъ, «даже не учившійся въ семинаріи», говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, то какимъ бы

порывомъ онъ ни былъ объятъ, онъ неизмѣнно останется вѣренъ законамъ своего языка, даже въ междометіяхъ, развѣ только онъ одержимъ какою-нибудь психическою болѣзнью, влекущею за собой спутанность рѣчи. Отвѣчая на «запросъ», почему въ переводѣ стиховъ больше, чѣмъ въ подлинникѣ, и уклоняясь незамѣтно для себя въ сторону, г. Бальмонтъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ у Гауптмана проза или бѣлые стихи, я соблюдаю при переводѣ буквальную точность, въ размѣрахъ, позволяемыхъ литературностью; тамъ, гдѣ въ нѣмецкомъ текстѣ риѳмованные стихи, я передаю ихъ съ тою близостью, какую допускаютъ условія музыкальности и изящества стиха». Въ первой своей рецензіи мы указали достаточно примѣровъ, въ которыхъ отсутствуетъ какъ точность, такъ и музыкальность и изящество. Здѣсь ограничимся только однимъ мѣстомъ изъ рѣчей Лѣшаго.

Какъ вѣрно то, что въ небѣ звѣздъ не счесть,
Что у меня рога и бедра есть,
Что рыбы вѣчно плаваютъ въ водѣ,
А птицы такъ и сякъ и кое-гдѣ,
Такъ вѣрно, говорю я не шутя,
Отъ человѣка ты родишь дитя!

Можно было бы объявить премію тому читателю, который нашелъ бы эти вирши музыкальными и изящными. Очевидно, что здѣсь дѣйствовалъ какой-то стихійный порывъ, разрушившій не только грамматику, ибо по грамматикѣ нельзя допустить, чтобы птицы (плавали?) такъ и сякъ, но и законы естества, ибо существо мужскаго пола, хотя бы и Водяной, не можетъ же родить дитя. Нечего и прибавлять, что стихійный порывъ объялъ въ данномъ случаѣ только переводчика, потому что у Гауптмана птицы преспокойно летаютъ, не противорѣча грамматикѣ, а Водяному предстоитъ только качать въ люлькѣ, а не родить ребенка. Хотя переводчикъ и увѣряетъ, что «нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ первое изданіе и болѣе или менѣе неизбѣжныя въ каждой большой работѣ, устранены, и стиль мѣстами исправленъ», но мы не натолкнулись ни на одно изъ подобныхъ исправленій и всѣ поразившія насъ раньше безсмыслицы нашли неприкосновенными, такъ что относительно перваго тома наше сужденіе остается прежнее: въ частяхъ, принадлежащихъ перу г. Бальмонта, переводъ произведеній Гауптмана не просто плохъ, а ниже всего, что можно себѣ представить.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько драмъ, нынѣ впервые появляющихся на русскомъ языкѣ. Первое по значенію мѣсто принадлежитъ, конечно, «Ткачамъ», величайшему драматическому произведенію за послѣднія полъстолѣтія. Такого захватывающаго драматическаго дѣйствія, такой необыкновенной выпуклости каждаго дѣйствующаго лица, при полномъ отсутствіи заглавныхъ персонажей, не достигъ даже Ибсенъ, и самому Гауптману едва ли удастся достигнуть второй разъ. Она уже породила немало подражаній, между которыми есть также въ извѣстномъ смыслѣ замѣчательныя вещи, какъ напр., вторая часть «Выше силъ» Бьернсона или «Дурные пастыри» Октава Мирбо, но все онѣ не могутъ идти въ сравненіе со своимъ первообразомъ и только слабо напоминаютъ его, какъ изнанка ковра напоминаетъ лицевую сторону. Для переводчика «Ткачи» представляли грамадныя трудности. Отъ равносильной подлиннику передачи сжатаго, выразительнаго народнаго языка, которымъ такъ мастерски распоряжается авторъ, надо было напередъ отказаться. Г-жѣ Л. Гуревичъ удалось, за рѣдкими изъятіями, сохранить, если и не колоритность, то, во всякомъ случаѣ, содержательность (въ смыслѣ образовъ) и естественность діалога, причемъ она вполнѣ правильно не прибѣгала безъ особенной необходимости къ quasi—простонародному жаргону, который такъ рѣжетъ ухо въ переводахъ, а передавала нижне-нѣмецкій діалектъ чисто литературной русской рѣчью. Въ настоящее изданіе не вошли только три драмы

Гауптмана: «Флоріанъ Гейеръ» и двѣ послѣднія по времени написанія: «Красный нѣтухъ» и «Бѣдный Генрихъ». Въ общемъ, если исключить переводы г. Бальмонта, нужно считать это собраніе сочиненій Гауптмана солиднымъ пріобрѣтеніемъ для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности ознакомиться съ этимъ авторомъ въ оригиналѣ. *Е. Дегенъ.*

Редіардъ Киплингъ. Разсказы-сказки. Съ рисунками автора. Переводъ съ англійскаго О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1903. Стр 195 in 8°. Цѣна 1 р. (Just so Stories for little children by Rudyard Kipling. Illustrated by the Author. London. 1902. 6 sh). Хорошіе переводы у насъ рѣдкость, а особенно рѣдки хорошіе переводы произведеній писателей столь своеобразныхъ, какъ Киплингъ. Лежащій передъ нами переводъ О. Н. Поповой, безспорно, принадлежитъ къ числу не только хорошихъ, но и отличныхъ: при чтеніи его не чувствуется совсѣмъ, что это русская передача иностраннаго оригинала, а не русское оригинальное произведеніе. При всякомъ переводѣ ставится, конечно, прежде всего вопросъ, долженъ ли быть переводъ безусловно полнымъ, или же онъ допускаетъ нѣкоторыя сокращенія? Рѣшеніе стоитъ въ зависимости отъ цѣли, преслѣдуемой книгой. Такъ, въ данномъ случаѣ О. Н. Попова имѣла въ виду русскихъ читателей-дѣтей. Этимъ объясняется то, что она откинула тѣ небольшія стихотворенія, которыми Киплингъ, по своему обыкновенію, снабдилъ въ видѣ послѣсловій свои разсказы въ прозѣ. Стихотворенія эти, необыкновенно трудныя для передачи на другой языкъ, большею частью полны юмора, доступнаго только англійскимъ читателямъ или тѣмъ иностранцамъ, которые знаютъ англійскій языкъ и англійскую жизнь не только изъ книгъ, а число такихъ читателей въ Россіи, конечно, совершенно ничтожно. Мы считаемъ поэтому вполнѣ правильнымъ сдѣланное О. Н. Поповой сокращеніе. Не можемъ мы, однако, согласиться съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными въ самомъ текстѣ: Киплингъ принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ и по слогу писателей, у которыхъ при переводѣ чрезвычайно рискованно что-либо измѣнять. Считаемъ не лишнимъ дать образчикъ двухъ переводовъ, О. Н. Поповой и нашего, болѣе близкаго къ подлиннику; взято начало «Сказки о Котѣ, который гулялъ самъ по себѣ». Въ первомъ столбцѣ переводъ О. Н. Поповой, во второмъ нашъ.

„Слушай внимательно, моя Любимая; все что я разскажу тебѣ, случилось въ тѣ далекія-далекія времена, когда домашнія животныя еще не служили Человѣку, а были дикими звѣрями. Собака, Лошадь, Корова, Овца, Свинья гуляли на свободѣ въ Сыромъ Дикомъ Лѣсу по Лужайкамъ и были совсѣмъ дикими животными. Но самымъ дикимъ (изъ) нихъ былъ Котъ. Онъ гулялъ въ одиночествѣ, гдѣ ему вздумается".

„Слушай, прислушивайся и внимай, ибо случилось и произошло и сдѣлалось и было это, Любимая моя, тогда, когда домашніе звѣри были дикими. Собака была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая, такая дикая, какъ только можно быть дикимъ. И гуляли онѣ въ Сырыхъ Дикихъ Лѣсахъ. Но самымъ дикимъ звѣремъ былъ Котъ, въ дикомъ своемъ одиночествѣ. Онъ гулялъ самъ по себѣ, всюду гдѣ ему вздумается".

Здѣсь сокращать было неудобно, потому что сокращеніемъ нарушенъ тонъ разсказа. Lone здѣсь не лужайка, а выражаетъ «одиночество» (by their wild lones—въ дикомъ своемъ одиночествѣ). Съ только что указанной точки зрѣнія, переводъ нуждался бы въ пересмотрѣ; но, повторяемъ, онъ все-таки долженъ быть признанъ очень хорошимъ и по вѣрности, и по простотѣ, и изяществу выраженій.

Если мы съ такимъ сочувствіемъ отнеслись къ переводу, то не можемъ сказать того о самомъ содержаніи книжки Киплинга. Мы считаемъ ее неудачной по замыслу и исполненію. Конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это можно сказать по отношенію къ крупному и опытному писателю. Книга предназначена для дѣтей, но изъ 12 сказокъ, изъ которыхъ она состоитъ, одна «О томъ, какъ бабочка топнула ногой», никакого интереса для дѣтей не пред-

ставляетъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ сатиру на бранчливыхъ женъ и уступчивыхъ мужей; другая: «Какъ выдумали азбуку», просто скучна и неправдоподобна. Семь сказокъ разсказываютъ о томъ, какъ у разныхъ звѣрей явились разныя части тѣла или какія-нибудь особенности (напр., хоботъ у слона, горбъ у верблюда, пятна на шкурѣ леопарда). Одна-двѣ такихъ сказки еще были бы ничего, но семь даютъ уже большую монотонность. Одна только сказка очень хороша: «О Котѣ, который гулялъ самъ по себѣ», она живая и содержательная, но даже она страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, которымъ страдаютъ всѣ сказки разбираемой книги,—она очень хороша при хорошемъ чтеніи, а данная въ руки ребенку, сразу теряетъ половину своей привлекательнасти, она слишкомъ драматизирована и потому требуетъ слишкомъ большого напряженія со стороны читателя, что, разумѣется, не подъ силу ребенку. Мы имѣли случай присутствовать при чтеніи этой сказки въ классѣ; чтеніе учительницы было превосходное и дѣти слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Послѣ класса, во время разговора, одинъ изъ лучшихъ учениковъ перелистывалъ книгу и замѣтилъ: «А вотъ сами прочли бы, можетъ, и не очень понравилось бы».

Рисунки въ книгѣ принадлежатъ самому Киплингу, они превосходны.

Сергѣй Ольденбургъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

В. Соколовъ и *В. Хитровъ.* „Старина русской земли“.

«Старина русской земли». Первая книга для чтенія по отечественной исторіи I. Древняя Русь. Составили В. А. Соколовъ и В. Хитровъ. М. 1902 г., in 8 vo. Стр. VIII+272. Ц. 85 к. Книга гг. Соколова и Хитрова вызвана тѣми же обстоятельствами, какія дали нашей учебной литературѣ творенія гг. Елпатьевскаго и Пузицкаго вмѣстѣ съ ихъ тифлисскими подражателями Всѣ эти публикаціи вызваны попыткой ввести преподаваніе такъ называемой отечественной исторіи въ первомъ и второмъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній; всѣ составители такихъ публикацій обыкновенно не задаются вопросомъ, можно ли хоть съ какимъ-нибудь признакомъ научности заниматься отечественною исторіей съ дѣтьми упомянутыхъ классовъ и не существуетъ ли для дѣтей этого возраста предметовъ, болѣе заманчивыхъ и болѣе поддающихся научной интерпретаціи, чѣмъ исторія. Весьма естественно, что всѣ гг. составители книжекъ или отклоняютъ отъ себя этотъ вопросъ, или вовсе не предусматриваютъ возможности такового. Мы лично принадлежимъ къ числу противниковъ преподаванія исторіи въ первомъ и второмъ классахъ и съ удовольствіемъ подписались бы подъ такою программою, которая уничтожала бы преподаваніе исторіи и въ третьемъ классѣ. Для насъ несомнѣнно, что элементарное изученіе животнаго и растительнаго царствъ въ этихъ классахъ и плодотворнѣе, и интереснѣе дырявой болтовни на quasi-историческія темы. Это убѣжденіе составляетъ плодъ продолжительнаго теоретическаго обсужденія и живого практическаго опыта. Идея закономѣрности, идея послѣдовательной смѣны формъ и явленій живо, реально и образно можетъ преподноситься дѣтямъ, прежде всего, на урокахъ естествознанія; хорошо поставленное въ младшихъ классахъ преподаваніе естествознанія является залогомъ будущихъ успѣховъ научнаго преподаванія исторіи, если только подъ послѣдней не подразумѣвать безмысленнаго и тенденціознаго набора историческихъ анекдотовъ или, проще говоря, всякаго рода лжи на историческія темы.

Въ силу изложеннаго, критикъ учебныхъ книгъ и хрестоматій по отечественной исторіи для младшихъ классовъ долженъ быть особенно осторожнымъ, дабы не заслужить упрековъ въ чрезвычайномъ пристрастіи къ *своей* точкѣ зрѣнія и нежеланіи выслушать противника. Мы уже знаемъ, что упомянутыя выше руководства принадлежатъ не принципіальнымъ противникамъ, а просто гасителямъ просвѣщенія.

Иное представляетъ собой руководство гг. Соколова и Хитрова: оба автора, оставаясь въ предѣлахъ *старыхъ* представленій о преподаваніи исторіи въ школѣ, приложили всѣ старанія къ тому, чтобы передъ судомъ *новыхъ* взглядовъ предстать въ возможно приличномъ видѣ: ихъ реставрацію «старины русской земли» читать можно и мы не будемъ придираться къ отдѣльнымъ частностямъ «первой книги для чтенія» гг. Соколова и Хитрова, если они согласятся, что ихъ руководство могло бы быть пригоднымъ скорѣе на урокахъ русскаго языка, чѣмъ на фантастическихъ урокахъ исторіи. Мы не знаемъ, какъ гг. Соколовъ и Хитровъ обработаютъ новую русскую исторію, но ихъ «Древняя Русь» могла бы быть выпущена въ народную школу, гдѣ нынѣ ходятъ такіе учебники, что «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». *Первая* книга гг. Соколова и Хитрова на 272 страницахъ вводитъ читателей въ древнюю Русь съ расположеніемъ матеріала по обычному шаблону: первые русскіе князья (стр. 1—18), утвержденіе христіанства въ русской землѣ (стр. 19—44), начало монашества на Руси (стр. 45—62), княжескія усобицы и половцы (стр. 63—128), татарское иго (стр. 129—188) и, наконецъ, возвышеніе Москвы (стр. 189—272). Столько страницъ для русской исторіи до времени княженія Ивана III *не*включительно—немножко много, и составители сами предвидятъ это возраженіе въ концѣ своего предисловія, представляютъ оправданія не совсѣмъ безопаснаго свойства и не совсѣмъ удачно ссылаются при этомъ на объяснительную записку преподаванія русской исторіи въ первомъ и второмъ классахъ. Авторы считаютъ свою книгу *пособіемъ* при преподаваніи въ означенныхъ классахъ русской исторіи и полагаютъ, что изъ этого пособія преподаватель будетъ «выбирать» (?!) «для *усвоенія* учащимися то, что онъ считаетъ наиболѣе полезнымъ и важнымъ». Но что же надо будетъ считать «полезнымъ и важнымъ» въ разбираемомъ руководствѣ? Быть можетъ авторы хотѣли сказать, что преподаватель найдетъ наиболѣе *занятнымъ?* На первомъ планѣ, конечно, историческій анекдотъ и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ; «народъ безмолвствуетъ» по всему руководству, а если привлекается къ разсказу, то лишь какъ тѣсто, изъ котораго отдѣльныя лица лѣпятъ фигуры, какія угодно и какія нужно для ихъ цѣлей. Культурныя и бытовыя характеристики отсутствуютъ, исторической перспективы никакой, послѣдовательная смѣна явленій не намѣчается, преданія разсказываются не какъ преданія, а какъ дѣйствительные факты... Впрочемъ, не будемъ продолжать подобныхъ указаній, а поскольку позволяетъ мѣсто, приведемъ нѣсколько игривыхъ примѣровъ. О бытѣ славянъ не говорится ничего, зато читаемъ, напр., слѣдующее: «у славянъ не было государя, котораго бы всѣ слушались, и некому было установить между ними порядокъ». Порядокъ—созданіе лицъ, а не продуктъ исторической жизни народа. Такъ ли? Вѣче, читаемъ въ одномъ изъ примѣчаній, или народное собраніе напоминаетъ теперешнюю крестьянскую сходку. Одно неизвѣстное опредѣляется другимъ неизвѣстнымъ, а самая параллель едва ли можетъ претендовать на точность. Начальный періодъ испещренъ терминомъ «русскіе», а что подъ этимъ терминомъ разумѣется, неизвѣстно. Ольгу «народъ» полюбилъ за то, что она «всюду устанавливала оброки и дани». А что такое оброки и дани и какъ за это можно полюбить, тоже неизвѣстно. Эпизодъ съ Рогнѣдой занимаетъ въ книгѣ непонятное мѣсто и цѣль привлеченія этого анекдота тоже непонятна. На стр. 20 фигурируютъ

нѣмцы, а кто такіе нѣмцы, не родня ли они варягамъ, неизвѣстно; въ примѣчаніи же слову нѣмцы—маленькое недоразумѣніе: составители забыли, что разсказываютъ о 80-хъ годахъ X-го вѣка, а не о второй половинѣ XI-го. Быть можетъ, по ихъ мнѣнію, для учениковъ-малышей это все равно. На стр. 26—27 читаемъ статью о перемѣнѣ въ характерѣ Владиміра, которая начинается съ извѣстнаго разсказа лѣтописнаго свода о казни разбойниковъ. Разсказъ не на мѣстѣ и смыслъ его искаженъ. Статья «характеръ Ильи» втиснута случайно и заканчивается неумѣстнымъ лирическимъ изліяніемъ; оно звучитъ курьезно среди разсказовъ о битвахъ, дракахъ и звѣрствахъ, которымъ почему-то донынѣ приписывается большое воспитательное значеніе. Sic! О «Русской Правдѣ» на стр. 12 лучше было бы вовсе промолчать, чѣмъ давать частью представленіе невѣрное, а частью непонятное. Кстати: не лучше ли было бы писать книгу простымъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ вводить въ нее архаическія слова, какъ, напр., притомились, зачался. Чтобы оцѣнить стр. 46—58 въ разбираемой «Старинѣ русской земли», предлагаемъ читателю сопоставить ихъ съ первымъ раздѣломъ пятаго очерка г. Милюкова въ его книгѣ «Очерки по исторіи русской культуры». Зачѣмъ въ этотъ первый выпускъ «Старины» попали Царьградъ съ Коссовской битвой—секретъ составителей... Но скучно перебирать страницу за страницей «Старины русской земли»... Не воскресить нынѣ старой манеры историческаго изложенія, не создать на лирикѣ, анекдотѣ и сверхъестественности современнаго преподаванія исторіи... Наше отношеніе къ такимъ руководствамъ—только отрицательное, хотя мы должны отдать полную справедливость гг. Соколову и Хитрову, что они употребили титаническія усилія предстать предъ читателемъ въ наиболѣе художественномъ видѣ и не подражали гг. Елпатьевскимъ, Пузицкимъ и проч. Не ихъ, конечно, вина, если по существу имъ пришлось недалеко уѣхать отъ послѣднихъ.

Позвольте въ заключеніе два слова о предисловіи, которымъ снабжена книга. Оно написано весьма сдержанно и даже потревожена тѣнь Гр[illegible]новскаго въ защиту нѣкоторыхъ частей книги. Цѣль ея формулирована такъ: «съ одной стороны дать грамотному читателю общее представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни, а съ другой—показать, что въ ея прошломъ было хорошаго, добраго и высокаго, и такимъ образомъ, пробудить и развить къ нему сочувствіе и любовь». Общее представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни книга гг. Соколова и Хитрова дать *не* можетъ, ибо русскою жизнью, какъ таковой, она вовсе *не* занимается. Достиженіе этой первой цѣли дальше предисловія не идетъ и къ тому же расходилось бы съ концомъ послѣдняго, гдѣ рѣчь идетъ не о *грамотномъ читателѣ*, а объ ученикахъ средней школы. По поводу же второй цѣли, намѣченной составителями, надо замѣтить, что было бы лучше и приличнѣе, если бы послѣдніе забыли вовсе о ней упомянуть. *В. Сторожевъ.*

ПРАВО.

Анри Мишель. Идея государства.

Анри Мишель. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Переводъ съ 3-го просмотрѣннаго изданія. Спб 1903. Стр. VIII+591. Цѣна 2 р. 50 к. Книга Мишеля, при скудости въ нашей литературѣ обстоятельныхъ и написанныхъ по первоисточникамъ обзоровъ исторіи государственно-правовыхъ идей, можетъ принести безспорную пользу богатствомъ, основательностью и провѣрен-

ностью своего фактическаго содержанія. Здѣсь нѣтъ ни граціозной, но совершенно ненужной болтовни, которая портитъ лучшія вещи Фагэ, ни злобствующаго тона Ипполита Тэна, ни наивнѣйшаго и не подозрѣвающаго о себѣ невѣжества многихъ (далеко не маленькихъ) французскихъ авторовъ относительно всего не-французскаго. Мы рекомендуемъ прочесть со вниманіемъ эту книгу нашей учащейся молодежи; *не* въ общихъ взглядахъ автора, но въ умѣло собранныхъ и изложенныхъ имъ фактическихъ указаніяхъ, она найдетъ много нужнаго и чрезвычайно полезнаго. Что касается общихъ воззрѣній Мишеля, то объ нихъ-то намъ и кажется нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Въ XVIII вѣкѣ было выработано индивидуалистическое понятіе на права, обязанности и соотношенія личности и общества; французская революція, по замѣчанію Мишеля, «вдохновлялась» этимъ понятіемъ. «Затѣмъ наступила громадная реакція, послѣдствія которой чувствуются еще и понынѣ. Какъ могло произойти, что это великодушное и поистинѣ освободительное индивидуалистическое міровоззрѣніе подверглось такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, почти одержавшимъ побѣду?» Авторъ сначала задался цѣлью отвѣтить на этотъ вопросъ. Но, говоритъ онъ, по мѣрѣ болѣе близкаго ознакомленія съ тѣмъ, что въ настоящее время понимается подъ индивидуалистическою доктриною,— ему приходилось убѣждаться, что нынѣшнія «мутныя волны» индивидуализма весьма непохожи на первоначальный «чистый источникъ», т.-е. на доктрину XVIII столѣтія. Но, вмѣсто того, чтобы указать, *почему* это такъ случилось (и не могло не случиться), Мишель ограничивается лишь добросовѣстнымъ представленіемъ литературныхъ доказательствъ этого факта. А этимъ путемъ никакъ не отвѣтить на вопросъ, по какимъ причинамъ носительница индивидуализма—буржуазія изъ революціонной силы стала силою консервативною.

Далѣе. Мишель въ слѣдующихъ, совершенно правильныхъ словахъ, характеризуетъ французскую государственную идею XVII столѣтія (предшествовавшую индивидуалистическимъ стремленіямъ XVIII вѣка): «отсутствіе личныхъ правъ, которыя могли бы сдерживать публичную власть,—одна изъ характерныхъ чертъ теоріи государства во Франціи XVII вѣка...» «Власть признавалась происходящей отъ Бога, причемъ всѣ преимущества этой основной посылки распространялись на всякую власть, каковы бы ни были ея происхожденіе и ея форма...» «Безъ сомнѣнія, частныя лица обладали правами по отношенію другъ къ другу, но они были безправны передъ государствомъ». Все это такъ и было, но къ полному недоумѣнію читатель въ концѣ этой главы наталкивается на нижеслѣдующее: «надо ли прибавлять, что если бы, вмѣсто простого изложенія политической философіи XVII вѣка, мы занимались ея критическою оцѣнкой, намъ пришлось бы указать на услуги, оказанныя величію Франціи этой суровой доктриной государства, и даже на дозу нравственной красоты, содержащейся въ ней, благодаря постоянно предполагающемуся ею самоотреченію со стороны частныхъ лицъ; однако самоотреченію вынужденному, не добровольному и потому отчасти теряющему свою цѣну». Тутъ изумительны и это «отчасти», и таинственныя «услуги», оказанныя Франціи обнаженнѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ сервилизмовъ, и эта «нравственная красота» самихъ сервилистовъ. Смѣемъ увѣрить всѣхъ, раздѣляющихъ приведенное сужденіе Мишеля, что такихъ «нравственныхъ красавцевъ», — какъ хотя бы придворный проповѣдникъ Боссюэ, дѣлавшій изъ своего господина Людовика XIV какого то земного Бога,—исторія знаетъ слишкомъ достаточно, хоть отбавляй.

Эта оцѣнка теоріи XVII вѣка стоитъ, впрочемъ, вполнѣ одиноко въ трудѣ нашего автора, являющагося горячимъ сторонникомъ индивидуалистической оппозиціи позапрошлаго столѣтія. Но и тутъ, въ изложеніи этого индивидуализма, мы наталкиваемся на нѣкоторыя странности.

*

По его словамъ, хотя индивидуалистическая мысль XVIII вѣка непреборима для весьма многихъ возраженій,—«но у нея все таки имѣется одно очень слабое мѣсто: ей почти всегда не достаетъ твердой основы... Они отличаются умѣньемъ краснорѣчиво и убѣдительно изложить свои моральные, юридическіе и политическіе тезисы; но они или совсѣмъ ничего не говорятъ, какъ Руссо, или очень кратки, какъ Кантъ, относительно принципа, на который опираются ихъ тезисы, и связи послѣднихъ съ основными началами философіи...» «Только современному мыслителю суждено было пополнить доказательство, оставленное индивидуалистами XVIII вѣка незаконченнымъ и какъ бы недоговореннымъ». Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ подлинникѣ (см. l'Idée de l'état, Paris 1896, стр. 77) сказано еще сильнѣе, «compléter la démonstration», т.-е. завершить, закончить, дополнить до конца (а не только «пополнить») дѣло доказательства правоты индивидуализма; во-вторыхъ, этотъ будто бы выполненный трудъ—приписывается философу Ренувье, котораго пламеннымъ приверженцемъ состоитъ Андри Мишель. Мы знакомы съ идеями Ренувье, и именно потому съ живѣйшимъ любопытствомъ обратились къ изложенію ихъ, сдѣланному Мишелемъ. Увы! оказалось то, чего мы и ожидали! Ничего похожаго на несокрушимое филофское обоснованіе индивидализма тамъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо чтобы представить таковое, очевидно, мало даже наикраснорѣчивѣйшей полемики противъ соціалистовъ; мало словесныхъ противуположеній «справедливости» и «любви»; мало и чрезвычайно неоригинальной критики «абсолютной и интегральной науки». Вслѣдъ за Ренувье и Мишель склоненъ главную массу враговъ индивидуализма дѣлить на три группы: 1) теократовъ, 2) позитивистовъ, и 3) соціалистовъ. Теократъ замѣняетъ автономію индивидуальнаго разума и индивидуальной воли—велѣніями церкви; «позитивистъ—волею первосвященника своей религіи; соціалистъ воображаетъ, что для преобразованія человѣчества достаточно преобразовать образъ жизни, создать внѣшнимъ путемъ совершенно новую общественную среду и помѣстить въ ней человѣка, забывая, что наилучшее общество окажется или сдѣлается дурнымъ, если члены ассоціаціи не хороши». Относительно теократовъ—спорить съ Ренувье и Мишелемъ нельзя, но уже относительно позитивистовъ ясно, что привнесена путаницы смѣшеніемъ позитивизма, какъ извѣстной философской школы съ сектою, придерживающейся «позитивистской», вѣрнѣе «контистской» церкви; ибо у приверженцевъ позитивизма самого по себѣ (но не этой, впрочемъ, всегда бывшей очень немногочисленною, секты) никакихъ «первосвященниковъ» не водится. Эта путаница отнюдь не можетъ содѣйствовать прояснению вопроса о цѣнности полемики противъ индивидуализма. Затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что возраженія противъ третьей группы противниковъ индивидуализма—ни у Ренувье, ни у Мишеля особой убѣдительностью не отличаются. Противъ всякой болѣе или менѣе сложной общественной теоріи возможны серьезные аргументы и возраженія; мы хотимъ только сказать, что нашему автору, во всякомъ случаѣ, не удалось ихъ найти. Вся глава «научный соціализмъ»—самая слабая, неудачная и невыдержанная по тону—въ этой книгѣ. «Безконечная регламентація» и «грубая сила»—таковы черты, сопутствующія, по мнѣнію Мишеля соціализму. Но тутъ же оказывается, что «сбившійся съ пути» индивидуализмъ не въ состояніи представить соціализму ничего, кромѣ «слабыхъ и безплодныхъ возраженій». Вся бѣда въ томъ, что совершенно не выясненными остаются у Мишеля два обстоятельства: 1) въ чемъ это радикальное, глубокое противорѣчіе (и существуетъ ли оно вообще) между индивидуалистами XVIII вѣка и нынѣшними,—противорѣчіе, которое дѣлаетъ (или должно по мнѣнію Мишеля дѣлать) первыхъ непобѣдимыми, а вторыхъ «слабыми предъ лицомъ соціализма», и, 2) дѣйствительно ли борьба между индивидуализмомъ и соціализмомъ поддается литературному гармоническому растворенію въ тѣхъ туманныхъ фра-

захъ о «возвышенной, вполнѣ мирной, либеральной и прогрессивной доктринѣ», которыми кончается книга Мишеля; т.-е. дѣйствительно ли воскрешеніе и обновленіе индивидуализма, какимъ онъ былъ въ XVIII вѣкѣ, мыслимо теперь, и если мыслимо, въ самомъ ли дѣлѣ онъ разрѣшилъ бы наболѣвшіе вопросы междуклассовой борьбы? А что отвѣтитъ Мишель тому скептику, который скажетъ, что все это—одна фантазія? Вѣдь ничего похожаго на сколько-нибудь основательную аргументацію онъ не даетъ?

Итакъ, положительныя построенія Мишеля слабы и пришиты къ книгѣ безъ всякой нужды; его критика соціализма (особенно въ позднѣйшихъ стадіяхъ) полна произвольностей и неясностей; его общая историческая точка зрѣнія—слишкомъ устарѣла, въ его кругозоръ входитъ лишь борьба идей, а не борьба людей, литературная война, а не лежащая въ ея основѣ—война междуклассовая. Таковы главные и наиболѣе существенные недостатки книги. Если бы не они—книгу можно было бы оцѣнить, какъ рѣдкое по богатству содержанія и умѣлости изложенія явленіе научной литературы. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она, говоримъ снова, чрезвычайно полезна и для систематическаго знакомства съ разнообразнѣйшими государственно-правовыми теоріями, и для справокъ.

Переведена она весьма литературно и точно. Есть немногія исключенія. Напр., V-й параграфъ «введенія» названъ такъ: «непрерывность этого движенія идей» и т. д., тогда какъ въ подлинникѣ читаемъ («L'idée de l'état», Paris, 1896, p. 655—оглавленіе): «Persistance de ce mouvement etc,». La persistance значитъ устойчивость, стойкость, а «непрерывность»—было бы l'interruption. На стр. 97 перевода читаемъ: «оно возникло не путемъ силы» и т. д., и здѣсь «оно» относится къ слову «общество», о которомъ раньше идетъ рѣчь; въ подлинникѣ же (l. c., p. 109) сказано ясно: «elle ne s'explique ni par la force» и т. д., дѣло идетъ объ *объясненіяхъ*, даваемыхъ факту, въ теоріяхъ Гоббса и Руссо. На стр. 138 перевода читаемъ: «между тѣмъ какъ въ этомъ случаѣ необходимо проникнуть въ самую природу вещей»; въ подлинникѣ же (l. c., p. 156): «tandis qu'il faut ici s'efforcer de pénétrer la nature même des choses», въ русскомъ переводѣ совсѣмъ пропущено слово s'efforcer. На стр. 223-й читаемъ: «сдѣлавъ эту двойную уступку позитивному направленію дѣйствительности, Кабе бросается, очертя голову, въ химеру». Подлинникъ же (l. c., 249) гласитъ: «cette double concession faite à l'esprit positif *et au sentiment* de la réalité» etc.; почему не передано превосходное и нужное здѣсь выраженіе «чувство дѣйствительности?» Зачѣмъ было пропускать подчеркнутое слово?

На стр. 452-й читаемъ неупотребительное на русскомъ языкѣ слово «боны»; подлинникъ (l. c., 540) употребляетъ выраженіе «les bons», которое можно было бы перевести словомъ чекъ, билетъ, квитанція (въ данномъ случаѣ это особенно удобно, ибо все равно въ контекстѣ это слово дополняется и разъясняется). На стр. 531 читаемъ: «теоретическій абсолютизмъ Сталя». Рѣчь здѣсь идетъ о нѣмецкомъ «философѣ реакціи» средины XIX-го вѣка—Шталѣ (Stahl). Замѣтили мы еще 4—5 небольшихъ промаховъ въ переводѣ. Но, повторяемъ, переводъ этотъ, въ общемъ, очень хорошъ.

Внимательно прочтя книгу Мишеля, читатели поблагодарятъ его за умѣло скомпонованное историческое изложеніе и простятъ ему несостоятельность и робость, недодуманность нѣкоторыхъ его основныхъ идей. Простятъ и такую, напримѣръ, путаницу, какъ та, которая изображена на стр. 566 (перевода): «Что касается опасности, которую представляетъ признаніе раціональныхъ или естественныхъ правъ, еще не вписанныхъ въ своды законовъ, но имѣющихъ занять тамъ мѣсто, извѣстно, что это одно изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ индивидуалистической философіи права, то эта опасность

существуетъ только въ обществахъ, гдѣ доступъ къ этимъ правамъ закрытъ для гражданъ, вопреки всякой справедливости. Въ такихъ случаяхъ неудобства, вызываемыя требованіями этихъ правъ, слѣдуетъ приписать, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени эгоизму или малодушію властей, отказывающихся санкціонировать ихъ. Кромѣ того, отстаиваніе этихъ правъ достойно порицанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сопровождается насиліемъ, но мы имѣемъ въ виду лишь чистую теорію». Не угодно ли понять тутъ, чего желаетъ и о чемъ думаетъ авторъ? И какъ онъ представляетъ себѣ историческій процессъ? Чисто историческая часть труда (изложеніе и сопоставленіе теорій)—написана въ кабинетѣ ученаго; фразы, вродѣ только что приведенной, вышли какъ бы изъ дѣтской комнаты. А такъ какъ чисто-исторической части въ книгѣ несравненно больше, нежели собственныхъ соображеній автора, то мы, снова повторяемъ, рекомендуемъ нашимъ читателямъ съ нею ознакомиться. Внѣшняя сторона изданія превосходна во всѣхъ отношеніяхъ. *Евг. Тарле.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Литвиновъ-Фалинскій. „Страхованіе рабочихъ въ Германіи и возможность его въ Россіи". *А. Бансель.* „Кооперативизмъ".

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Литвинова-Фалинскаго украшена, въ качествѣ эпиграфа, широковѣщательною выдержкою изъ оффиціальныхъ мотивовъ къ германскому законопроекту 1881 г. объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, выдержкою, которая гласитъ, что забота государства о нуждахъ слабѣйшихъ своихъ сочленовъ есть не только обязанность, налагаемая гуманностью и христіанствомъ, но и задача политики, оберегающей интересы самого государства. Эта политика «должна быть направлена къ тому, чтобы и въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія, какъ наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе просвѣщенныхъ, вселять убѣжденіе, что государство есть учрежденіе не только необходимое, но и благодѣтельное...» Однако, содержаніе книги лишь въ самой незначительной степени оправдываетъ многообѣщающій эпиграфъ. Авторъ имѣетъ главною цѣлью облегчить правительственнымъ сферамъ постановку и разрѣшеніе возбужденныхъ нынѣ вопросовъ относительно обезпеченія рабочихъ въ различныхъ случаяхъ нужды. Поэтому онъ, исходя изъ глубокомысленнаго соображенія, что «слишкомъ широкія задачи нерѣдко задерживаютъ осуществленіе даже скромныхъ пожеланій», руководствуется не столько желательностью и необходимостью, сколько практическою возможностью проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ начинаній. Такой поссибилизмъ, естественно, приводитъ автора къ поверхностнымъ и односторонниимъ выводамъ, хотя въ фактической части своего изслѣдованія г. Л.-Фалинскій обнаруживаетъ солидное знаніе русскаго промышленнаго міра. Но примѣняющаяся къ обстоятельствамъ точка зрѣнія автора неблагопріятно отражается даже въ обстоятельномъ изложеніи организаціи и практики страхованія рабочихъ въ Германіи. Г. Л.-Фалинскій съ почтительнымъ восторгомъ говоритъ о германскомъ законодательствѣ, которое непрестанно развивается и пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на жизнь необезпеченныхъ классовъ. Съ 1881 г., когда Вильгельмъ I заявилъ въ своемъ извѣстномъ указѣ, что «борьба съ разрушительными соціалъ-демократическими стремленіями должна вестись не только мѣрами репрессивными, но и положительными, имѣющими въ виду улучшеніе благосостоянія рабочихъ», германскій рейхстагъ почти еже-

годно принималъ законопроекты, направленные къ удовлетворенію настоятельныхъ нуждъ рабочаго класса. Въ настоящее время Германія обладаетъ широко организованнымъ страхованіемъ рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, а также инвалидности и старости. Въ 1900 г. изъ 56-ти милліоновъ всего населенія Германіи было застраховано 42 милліона, т.-е. германское страхованіе охватило почти всю трудовую часть страны, не исключая лицъ, занятыхъ въ мелкой домашней и сельскохозяйственной промышленности. Принципъ обязательности страхованія оказался, вопреки мрачнымъ предсказаніямъ, вполнѣ плодотворнымъ и цѣлесообразнымъ. Г. Л.-Фалинскій самыми розовыми красками изображаетъ вліяніе обязательнаго страхованія на всю общественную и промышленную жизнь Германіи. По его словамъ, заработная плата повысилась, число обезпеченныхъ людей увеличилось, отношенія между предпринимателями и рабочими пріобрѣли болѣе мирный характеръ и т. п. «Страхованіе явилось вѣрнымъ средствомъ къ развитію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія и правосознанія среди недостаточнаго класса населенія. Оно же явилось противодѣйствіемъ грубымъ проявленіямъ насилія съ той и другой стороны». Совмѣстное участіе предпринимателей, рабочихъ и государства (послѣдняго—только въ обезпеченіи инвалидности и старости) кажется г. Л.-Фалинскому зарею новаго міра соціальной гармоніи. Едва ли есть необходимость въ доказательствахъ невѣрности такого крайняго оптимизма. Если даже ошибается Бебель, сказавшій на-дняхъ въ рейхстагѣ: «мы отдадимъ вамъ всѣ ваши законы о страхованіи рабочихъ за свободу коалицій и союзовъ» («Р. Вѣд.» № 40), то все же скептики могутъ сослаться на умѣреннаго проф. Геркнера, который также «не можетъ удовлетвориться узкимъ бюрократически-техническимъ рѣшеніемъ» рабочаго вопроса, проводимымъ въ Германіи подъ вліяніемъ идей государственнаго соціализма. Кромѣ того, вопросъ о благодѣтельномъ значеніи страхованія чрезвычайно осложняется всевозможными привходящими условіями, какъ это видно изъ второй части труда г. Л.-Фалинскаго. Успѣшность германскаго страхованія, несомнѣнно, зависѣла отъ политической и общественной подготовленности нѣмецкихъ рабочихъ и предпринимателей и отъ наличности культурныхъ формъ дѣятельности. Россія находится совершенно въ иномъ положеніи. Наши предприниматели, по характеристикѣ г. Л.-Фалинскаго, въ значительной части отличаются высокомѣрнымъ и безучастнымъ отношеніемъ къ рабочему народу и притомъ находятся на самой низшей ступени развитія самодѣятельности. Къ такимъ же малоутѣшительнымъ заключеніямъ приходитъ авторъ и относительно самодѣятельности нашихъ рабочихъ. Правда, онъ признаетъ, что «въ послѣднее время замѣчаются нѣкоторые признаки пробужденія нашихъ рабочихъ», что «по мѣрѣ развитія промышленности и концентраціи ея въ крупныхъ центрахъ, правосознаніе рабочихъ, несомнѣнно, возрастаетъ, но подготовка общей массы ихъ къ воспріятію новыхъ идей требуетъ еще продолжительнаго времени, такъ какъ навыкъ къ организаціи является слѣдствіемъ долгой привычки къ самоустройству. Между тѣмъ, у насъ еще не созданы подходящія формы для общественнаго воспитанія рабочей массы. Одни виды самодѣятельности рабочихъ не находятъ себѣ поддержки въ законѣ и даже прямо запрещаются; другіе же—хотя и дозволены, но находятся въ зачаточномъ состояніи». Поэтому, г. Л.-Фалинскій полагаетъ, что государство у насъ должно принять на себя болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ Германіи. Однако, эта роль, по проекту автора, сводится лишь къ установленію законодательнымъ порядкомъ обязательности страхованія и надзору за веденіемъ и ходомъ дѣла, но, ни въ какомъ случаѣ, не сопровождается матеріальнымъ участіемъ государства въ обезпеченіи нуждъ рабочихъ. Для удовлетворенія послѣднихъ г. Л.-Фалинскій указываетъ исключительно на взаимно-страховыя общества предпринимателей, уже начинающія

развиваться въ Россіи, и на вспомогательно-сберегательныя кассы по образцу нынѣшней желѣзнодорожной пенсіонной кассы. И тѣ и другія, конечно, являются такимъ ничтожнымъ пріобрѣтеніемъ въ соціальной борьбѣ, что жертвовать для нихъ «желательнымъ и необходимымъ» можетъ, конечно, только недомыслiе поссибилистовъ. *Ник. Іорданскій.*

А. Бансель. Кооператизмъ. Экономическіе очерки. Переводъ съ французскаго. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. № XCV. М. 1903. Стр 146. Ц. 60 к. Это изданіе фирмы «Посредника» нужно признать безусловно неудачнымъ. Отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ по основнымъ вопросамъ, путаница понятій, безпорядочность изложенія, небрежное отношеніе къ историческому и статистическому матеріалу, все это дѣлаетъ книгу Банселя совершенно непригодной какъ для первоначальнаго общаго ознакомленія съ «кооператизмомъ», такъ и въ качествѣ пособія для справокъ. «Кооператизмъ руководится духомъ братства», говоритъ авторъ на стр. 45. Это не мѣшаетъ ему отнести къ «кооператизму» цѣлый рядъ союзовъ и организацій, построенныхъ исключительно на соображеніяхъ коммерческихъ, а въ одномъ мѣстѣ прямо заявляется: «Кооператизмъ приходитъ одинаково на помощь всѣмъ классамъ общества, не принимая въ разсчетъ различія убѣжденій и интересовъ» (135). Еще хуже выходитъ, когда авторъ начинаетъ оправдываться въ безпорядочности своего изложенія: «Всѣ эти ассоціаціи, — говоритъ онъ про строительныя общества,—чужды кооперативнаго духа; но въ виду того, что въ нѣкоторыхъ довольно рѣзко проявляется кооперативный характеръ, мы не сочли возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ» (127). Итакъ, «кооперативный духъ» отсутствуетъ, а «кооперативный характеръ» «довольно рѣзко» проявляется. Фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ книжкѣ, пользоваться не только затруднительно, но и опасно. Чтобы не быть голословными, укажемъ на главу о «федеративныхъ или соединенныхъ кооперативныхъ обществахъ и оптовыхъ магазинахъ». Исторія англійскаго общества оптовыхъ закупокъ изложена здѣсь такъ странно, что относительно нѣкоторыхъ цифръ нельзя опредѣлить, къ чему онѣ относятся, къ самому ли обществу оптовыхъ закупокъ, или къ его отдѣленіямъ или къ отдѣльнымъ потребительнымъ обществамъ. Одно и то же учрежденіе называется то «обществомъ оптоваго склада», то «соединеннымъ кооперативнымъ обществомъ», то «соединеннымъ манчестерскимъ обществомъ», то «англійскимъ Волезалемъ». На стр. 66 отдѣленія этого оптового склада смѣшиваются съ отдѣленіями банка. На ст. 69 приводится въ процентахъ увеличеніе оборотовъ оптового склада безъ указанія времени, къ которому это увеличеніе относится: увеличилась, напр., продажа съѣстныхъ припасовъ на 33%, но произошло ли это увеличеніе въ 1 годъ или въ 30 лѣтъ, остается неизвѣстнымъ. На стр. 73 говорится «о числѣ участвующихъ *лицъ*», а въ дѣйствительности приводятся цифры, обозначающія число участвующихъ *обществъ*. На стр. 65 сказано: «Въ настоящее время каждое общество, которое желаетъ принять участіе въ устройствѣ общества оптового склада въ Англіи, должно имѣть столько паевъ по 375 франковъ, сколько въ немъ членовъ». Въ дѣйствительности же пай въ 375 франковъ нужно брать не на каждаго члена, а на каждыхъ 20 членовъ. Иногда трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ начинается вина переводчика и гдѣ вина автора. Во всякомъ случаѣ, переводъ тоже нужно признать неудовлетворительнымъ.

А. Рыкачевъ.

ФИЛООСФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Э. Гартманъ. „Современная психологія".

Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Современная психологія. Критическая исторія нѣмецкой психологіи за вторую половину XIX-го вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціей М. М. Филиппова. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1902. Ц. 2 р. 25 к. Подъ «современной психологіей» авторъ разумѣетъ психологію второй половины XIX-го столѣтія, начиная съ момента появленія первыхъ капитальныхъ произведеній Фехнера и Лотце. Дать обзоръ воззрѣній современныхъ психологовъ, преимущественно нѣмецкихъ, и путемъ сопоставленія различныхъ мнѣній по спорнымъ вопросамъ придти къ выясненію ихъ—такова задача его книги. Выполнить эту задачу, выяснить спорные вопросы и достигнуть такого разрѣшенія ихъ, которое могли бы принять психологи всѣхъ направленій, по мнѣнію автора, возможно лишь тогда, когда мы сдѣлаемъ психологическія теоріи независимыми отъ теоретико-познавательныхъ, когда мы будемъ изслѣдовать эти вопросы чисто психологически. Въ то время какъ согласія относительно теоретико-познавательныхъ воззрѣній не предвидится, на указанномъ пути тѣмъ болѣе можно надѣяться на успѣхъ, что здѣсь есть пунктъ, въ которомъ сходятся психологи всѣхъ направленій. Этотъ пунктъ, методъ психологіи: всѣ современные психологи согласны между собою въ томъ, что нужно исходить изъ непосредственно-даннаго и искать объясненіе его индуктивнымъ путемъ, выходя ради этого за непосредственно данное, т.-е. примысливая гипотетическіе элементы, годность которыхъ и измѣряется ихъ способностью объяснять факты. При такомъ согласіи относительно метода психологіи уже легко разрѣшить, полагаетъ авторъ, всѣ разногласія психологовъ относительно другихъ пунктовъ, въ частности кардинальный психологическій вопросъ о задачѣ психологіи, т.-е. вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать объясненія психологическихъ феноменовъ. Выясненію этого послѣдняго вопроса, главнымъ образомъ, и посвящаетъ авторъ свою книгу: въ однѣхъ главахъ онъ сопоставляетъ и критикуетъ различныя мнѣнія психологовъ относительно его; въ другихъ же пытается освѣтить этотъ вопросъ путемъ изслѣдованія его на конкретныхъ случаяхъ. Онъ полагаетъ, что то разрѣшеніе его, которое даютъ защитники такъ называемой чистой психологіи, должно быть отклонено. Всякая попытка найти объясненіе психическихъ явленій, не выходя за предѣлы сознанія, не прибѣгая къ допущенію безсознательнаго, противорѣчитъ уже самой задачѣ объясненія: въ переживаемомъ нами содержаніи сознанія обнаруживаются только измѣненія, поэтому изъ него мы не можемъ почерпнуть ни его внутренней зависимости, ни законовъ, которыми оно регулируется. Также, по мнѣнію автора, должна быть признана недостаточною попытка сторонниковъ физіологической психологіи искать объясненіе психическихъ явленій въ безсознательномъ матеріальномъ, въ физіологическихъ условіяхъ психической жизни. Хотя физіологическая психологія и можетъ объяснить навыкъ, привычку, ловкость, память, способность воспроизведенія представленій, основы ассоціаціи и т. д., однако, она не въ силахъ понять логическія, эстетическія и этическія связи представленій изъ механическихъ процессовъ мозга; она не способна вообще объяснить что-нибудь, выходящее за предѣлы достигнутаго уже состоянія душевной жизни, она не способна выяснить какіе бы то ни было творческіе синтезы. Изъ подобныхъ же соображеній должна быть отклонена гипотеза психо-физическаго параллелизма, объединяющая въ себѣ оба предшествующія направленія. Наконецъ, не выполняетъ требованій истинно-научной гипотезы и та гипотеза, которую полагаетъ въ

свою основу психологія безсознательнаго, пытающаяся объяснить всѣ психическія явленія исключительно изъ безсознательно-психическихъ дѣятельностей. Правда, эта гипотеза въ состояніи объяснить творческіе синтезы, логическіе, эстетическіе и этическіе законы и т. д., однако, она должна, съ одной стороны, оставить безъ объясненія фактъ облегченія воспроизведенія черезъ повтореніе, съ другой стороны, отрицать воспроизведеніе ощущенія, игнорировать фактическое образованіе представленій и т. п.; она, слѣдовательно, недостаточна, поскольку не принимаетъ во вниманіе физіологическихъ условій психической жизни. Отсюда уже ясно, что истинная гипотеза для объясненія психическихъ явленій должна принимать во вниманіе какъ ихъ физіологическія условія, такъ и безсознательно-психическія дѣятельности. Только эта гипотеза вполнѣ удовлетворяетъ фактамъ, только она даетъ полное истинное объясненіе ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стоитъ въ полной гармоніи съ динамическою гипотезою объясненія естественно-научныхъ феноменовъ, начинающей въ настоящее время пріобрѣтать въ области естествознанія все болѣе и болѣе сторонниковъ.

Мы съ намѣреніемъ болѣе подробно остановились на изложеніи воззрѣній Гартмана. Его попытка разрѣшить основные психологическіе вопросы чисто психологическимъ путемъ, не касаясь теоретико-познавательныхъ взглядовъ тѣхъ или другихъ критикуемыхъ имъ авторовъ, очень типична для настоящаго времени: нынѣ едва ли найдется хотя одинъ психологъ, который не мечталъ бы объ этомъ. Однако уже тотъ фактъ, что до сихъ поръ эти мечтанія не осуществились, тотъ фактъ, что всѣ попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи, не дали плодотворныхъ результатовъ, показываетъ, что въ данномъ случаѣ психологи врядъ ли заняли правильную позицію, и настоятельно выдвигаетъ необходимость изслѣдовать, дѣйствительно ли возможно разрѣшить основные психологическіе вопросы чисто психологическимъ путемъ, не касаясь тѣхъ теоретико-познавательныхъ основъ, на которыхъ, повидимому, покоятся различныя рѣшенія ихъ. Помимо вопроса о методѣ психологіи, относительно котораго, по мнѣнію Гартмана, между психологами царитъ трогательное согласіе и котораго поэтому мы здѣсь не будемъ касаться, къ ординальнымъ психологическимъ вопросамъ относится вопросъ о задачѣ психологіи, вопросъ о томъ, какова закономѣрность психическихъ феноменовъ. Такимъ образомъ передъ нами и лежитъ задача изслѣдовать, возможно ли установить закономѣрность психическихъ феноменовъ чисто психологическимъ путемъ. Принципъ объясненія фактовъ, закономѣрность ихъ, какъ показалъ Кантъ, не можетъ быть доказана изъ опыта просто уже потому, что она есть условіе возможности самого опыта. Гартманъ самъ близокъ къ такому пониманію. Онъ пишетъ: «наукою психологія становится лишь тогда, когда она приступаетъ къ установленію закономѣрныхъ связей и, слѣдовательно, черезъ опытъ идетъ дальше къ гипотезамъ, которыми объясняется опытъ. Здѣсь описаніе не ведетъ рѣшительно ни къ чему, такъ какъ связи никогда не даются въ опытѣ...» Для насъ не важно здѣсь, что принципы объясненія авторъ называетъ гипотезами, важно его признаніе, что онѣ не могутъ быть почерпнуты изъ опыта. Однако если эти принципы и не заимствуются изъ опыта, то во всякомъ случаѣ, полагаетъ авторъ, они должны контролироваться опытомъ; правильность или неправильность ихъ зависитъ отъ того, въ состояніи ли они дать полное объясненіе фактамъ или нѣтъ. Это утвержденіе безъ сомнѣнія противорѣчитъ первому положенію автора; разъ закономѣрность фактовъ, принципъ объясненія ихъ не почерпается изъ опыта, разъ только этотъ принципъ и объясняетъ факты, т.-е. устанавливаетъ научный опытъ, то, очевидно, истинность его самого уже не можетъ доказываться изъ послѣдняго. Такимъ образомъ, вопросъ о закономѣрности психическихъ феноменовъ не можетъ быть рѣшенъ на осно-

ваніи фактовъ, слѣдовательно, изслѣдованіе его подлежитъ вѣдѣнію не психологіи, а теоріи познанія, говоря точнѣе, логики. Поэтому-то и попытка Гартмана достигнуть разрѣшенія основного психологическаго вопроса психологическимъ же путемъ оказалась неплодотворною; мы не находимъ въ его книгѣ дѣйствительной критики воззрѣній другихъ психологовъ, а лишь догматическое противопоставленіе имъ своихъ собственныхъ взглядовъ. Но если автору и не удалось доказать истинность своихъ взглядовъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что они дѣйствительно ложны. Его взглядъ на задачу психологіи, его попытка дать психическимъ феноменамъ динамическое объясненіе, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія; здѣсь конечно, мы этого пункта касаться не будемъ, такъ какъ споръ между механизмомъ и динамизмомъ еще не оконченъ и требуетъ всесторонняго обсужденія.

Переводъ книги Гартмана едва ли можно назвать удовлетворительнымъ. Не говоря уже о безчисленныхъ стилистическихъ погрѣшностяхъ и неточностяхъ, въ немъ часто встрѣчаются искаженія смысла и неправильности. Такъ на стр. 18 «...so verschwindet damit nicht sowohl der Gegenstand der Psychologie, als der der Naturwissenschaft, und...», переведено: «... вмѣстѣ съ этимъ все-же не исчезаетъ ни предметъ психологіи, ни содержаніе естествознанія, и будетъ...» тогда какъ надо: «вмѣстѣ съ этимъ *не столько* пропадаетъ предметъ психологіи, *сколько* предметъ естествознанія...» (мы намѣренно приводимъ буквальный переводъ). На стр. 21 «Bewusstseinstranszendent» переводится выраженіемъ «трансцендентное сознаніе», тогда какъ слѣдуетъ «трансцендентное для сознанія». На стр. 61: «Wille existiert nur als bestimmt wirkender; so aber ist er das widerstreitende und dadurch sondernde, individuierende, d.h. Selbstbehauptungsmacht oder Eigenwille», переведено: «воля существуетъ только какъ опредѣленно дѣйствующая, въ противномъ случаѣ она представляетъ собою нѣчто противорѣчивое и т. д.»; слѣдуетъ перевести: «...опредѣленно дѣйствующая; поэтому, однако...». На стр. 116 переведено: «непосредственно дѣйствующей въ процессѣ освобожденія можетъ быть только реальная функція представленія, а не представленія, какъ имманентнаго (внутранне - присущаго) содержанія сознанія»; между тѣмъ слѣдуетъ перевести: «...а не представленіе, какъ имманентное содержаніе сознанія», ибо въ нѣмецкомъ текстѣ стоитъ: «...aber nicht die Vorstellung, als immanenter Bewusstseinsinhalt». На стр. 194 «das Begehren ist Aufstreben einer Vorstellungdisposition zum Empfindung oder...» переведено совершенно непонятно: «желаніе есть возрожденіе расположенія къ представленію въ ощущеніи или...». На стр. 223 «...aber es braucht nicht das begleitende gegenständliche Bewusstsein davon, ob die eigene Kraft zum Bewirken...» слово «davon» переводится словами «въ зависимости отъ того», чѣмъ совершенно искажается мысль автора. Указанными неправильностями отнюдь не исчерпываются всѣ грубые недостатки въ передачѣ мыслей Гартмана, встрѣчающіеся въ переводѣ г. Котляра: перечислить всѣ нѣтъ возможности въ короткой журнальной рецензіи.

Терминологію въ переводѣ г. Котляра также нельзя назвать совершенно безукоризненной. Часто не соблюдается единство терминовъ: напр., «sinnliches Gefühl» передается сначала правильно словами «чувствованіе связанное съ ощущеніемъ» (стр. 159); потомъ, повидимому, переводчика или редактора не удовлетворяетъ это выраженіе, и оно замѣняется другимъ уже неправильнымъ «чувственное ощущеніе», неправильнымъ потому, что чувственное ощущеніе по-нѣмецки переводится «sinnliche Empfindung». Наконецъ, и это выраженіе откидывается и замѣняется неуклюжимъ терминовъ «чувственное чувствованіе» сначала на 159 стр., а потомъ на 179, гдѣ онъ въ примѣчаніи окончательно санкціонируется редакторомъ, хотя, къ слову сказать, нѣсколько поздно. Термины «Trieb» и «Streben» не вполнѣ разграничиваются другъ отъ друга даже

тамъ, гдѣ разграниченіе ихъ авторъ проводитъ строго (на стр. 166). Слово «Sensation» слѣдовало бы передать терминомъ «ощущеніе», а не «чувствованіе» (стр. 45 и 46): у Фортлаге оно соотвѣтствуетъ гартмановскому ощущенію въ широкомъ смыслѣ слова. «Perception» неправильно передать словомъ «воспріятіе», проще всего въ этомъ случаѣ было бы употребить терминъ «перцепція»: онъ въ русскомъ языкѣ уже пріобрѣлъ право гражданства.

Къ довершенію всего въ переводѣ встрѣчаются пропуски. Напр., на стр. 8 послѣ словъ «отношеніе между ощущеніемъ и чувствованіемъ и между чувствованіемъ и волей» пропущены полторы строки: «возникновеніе чувствованія изъ представленія, или ощущенія изъ чувствованія, значеніе чувствованія при процессѣ мотивації...» Подобный же пропускъ есть на стр. 25.

Наконецъ въ переводѣ довольно часто попадаются грубыя опечатки. На стр. 24 (25 строка сверху) вмѣсто слова «сознательнаго» стоитъ слово «безсознательнаго»; на стр. 40 (19 строка сверху) вмѣсто слова «лишеннымъ» напечатано «не лишеннымъ»; на стр. 53 (15 стр. сверху) вмѣсто «содержаніе сознанія» стоитъ «созерцаніе сознанія» и т. д. *N. N.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Тезяковъ. „Рынки найма“.—*І. Литинскій.* „Петербургскія болѣзни“.—*Л. Моревовецъ.* „Записки врача“ В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики.

Тезяковъ. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. I и II. Спб. 1902 г. Цѣна не обозначена. Каждую весну на огромномъ пространствѣ Россіи происходитъ массовое передвиженіе деревенской бѣдноты, устремляющейся на югъ, въ чаяніи найти заработокъ на тамошнихъ степяхъ. По недѣлямъ и мѣсяцамъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного рынка къ другому скитаются въ погонѣ за кускомъ хлѣба эти люди,—голодные, беззащитные, неимѣющіе крова, почти нищіе. Сколько тутъ времени теряется даромъ, сколько силъ растрачивается понапрасну и какъ тяжело отражается на здоровьѣ все, что приходится испытывать, путешествуя, главнымъ образомъ пѣшкомъ за сотни верстъ,—это не поддается учету и оцѣнкѣ.

Такъ было 20 и 30 лѣтъ тому назадъ, такъ же безъ перемѣнъ продолжаетъ оставаться и теперь, а если и явились какія-нибудь перемѣны, то только къ худшему, вслѣдствіе увеличившагося обѣднѣнія деревни и растущаго несоотвѣтствія между предложеніемъ труда и его спросомъ. Объ исключительно ненормальныхъ условіяхъ такъ назыв. отхожаго земледѣльческаго «промысла» писалось много, но лежащіе передъ нами выпуски труда извѣстнаго изслѣдователя этого вопроса Н. И. Тезякова далеко не могутъ считаться лишними. Еще разъ воспроизводя безобразную обстановку, въ какую попадаетъ «бродячая Русь» во время скитаній по чужой сторонѣ, этотъ новый его трудъ даетъ описаніе всѣхъ главныхъ пунктовъ юга Россіи, гдѣ скопляются сельскохозяйственные рабочіе, чтобы продать свою силу; такой полной сводки свѣдѣній, пріобрѣтающей цѣну справочнаго изданія, до сихъ поръ не было, а многія данныя, лично добытыя авторомъ о мало-изслѣдованныхъ юго-восточныхъ мѣстностяхъ, появляются въ печати впервые. Матеріалъ расположенъ по губерніямъ, округамъ и отдѣльнымъ пунктамъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Самарской, Симбирской губерній, области Войска Донского, Кубанской и Терской областей. При описаніи пунктовъ огромного района, автору приходится постоянно повторяться, потому что повторяются повсюду одни и тѣ же тягостныя явленія, и получающееся вслѣдствіе этого однообразіе книги

очень печально. Отсылая интересующихся массою собраннаго фактическаго матеріала къ самой книгѣ, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся выводовъ и обобщеній автора.

Во-первыхъ, приводя различныя цифры, слѣдовало бы знакомить съ способами, какими онѣ собирались; иначе читатели лишены возможности оцѣнивать правильно эти цифры; намъ, напримѣръ, извѣстно, что числа зарегистрированныхъ въ Херсонской губерніи рабочихъ (см. стр. 32) не могутъ считаться вполнѣ точными, такъ какъ часто попадаютъ въ счетъ повторно записанныя и что онѣ не одинаково точны въ отдѣльные годы.

Во-вторыхъ, авторъ не всегда правильно пользуется цифрами. Вотъ примѣры. На стр. 38, 46—47, 55, сдѣланы неправильныя сопоставленія заболѣваемости пришлыхъ рабочихъ и мѣстнаго населенія; вслѣдствіе разницы этихъ двухъ группъ въ возрастномъ составѣ — среди мѣстнаго населенія всѣ возрасты, а среди рабочихъ только рабочіе—приведенныя данныя совершенно несравнимы и никакимъ выводамъ не подлежатъ; на стр. 55 по отношенію къ цифрамъ по Самарской губерніи авторъ самъ объясняетъ инымъ возрастнымъ составомъ мѣстнаго населенія его бо̀льшую заболѣваемость болѣзнями пищеварительныхъ органовъ. Въ другомъ мѣстѣ книги приведено совсѣмъ ничего не говорящее дѣленіе заболѣваемости рабочихъ по группамъ въ зависимости отъ способовъ путешествія. Цифры очень невелики, чтобы давать право на выводы и, кромѣ того, онѣ случайны, такъ какъ группы, различающіяся по способамъ передвиженія, часто бываютъ различны также по мѣстностямъ, по времени выхода изъ дому, по половому и возрастному составу. Но авторъ, тѣмъ не менѣе пытается (на стр. 40) строить на сомнительныхъ основаніяхъ выводы и не останавливается даже передъ очевидной несообразностью, заявляя, что ѣзда на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ истощаетъ рабочихъ больше, чѣмъ путешествіе пѣшкомъ; выводитъ онъ это изъ того факта, что изъ обращавшихся за медицинскою помощью рабочихъ среди $3^1/_2$ тыс., шедшихъ пѣшкомъ лихорадка была обнаружена у 5%, а среди 800 чел. шедшихъ не только пѣшкомъ, а пользовавшихся вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзной дорогою, пароходами и пр., 8—9%. Съ одинаковымъ правомъ на основаніи той же таблички можно было бы сдѣлать выводъ, что вдыханіе дорожной пыли благотворно вліяетъ на дыхательные органы, ибо среди рабочихъ, шедшихъ вмѣстѣ съ подводами не было заболѣваній этими органами, а среди другихъ группъ они составляли 3—7% всѣхъ заболѣваній...

Кромѣ недостаточности критики автора, слѣдуетъ подчеркнуть также необоснованный его оптимизмъ. Въ самомъ началѣ книги, расшаркиваясь передъ попечительствомъ о домахъ трудолюбія, обратившемъ свое благосклонное вниманіе на врачебно-продовольственные пункты, онъ выражаетъ надежду, что благодаря этому вниманію пункты получатъ распространеніе. Быть можетъ, мы мрачнѣе, чѣмъ авторъ, настроены, но на насъ много большее впечатлѣніе производятъ факты иного рода — имя же имъ легіонъ, изъ которыхъ нѣкоторые не остались неотмѣченными и въ рецензируемой книгѣ: на стр. 16 говорится, что съѣздъ херсонскихъ врачей по независящимъ обстоятельствамъ не могъ обсудить вопроса о санитарной организаціи въ мѣстахъ скопленія сельскихъ рабочихъ; на стр. 33 упомянуто, что въ 1899 г. «по особымъ обстоятельствамъ» работа на врачебно-продовольственныхъ пунктахъ херсонскаго земства была поручена не студентамъ-медикамъ, а фельдшерамъ (можетъ быть, авторъ не знаетъ, что «особыя обстоятельства» продолжаются и по сей день и что они свели почти на нѣтъ значеніе пунктовъ, не имѣющихъ теперь прежнихъ интеллигентныхъ и самоотверженныхъ работниковъ); на стр. 42 приведена выдержка изъ доклада херсонской губернской земской управы о новыхъ затрудненіяхъ, которыми обставляется дѣятельность пунктовъ. Мы не можемъ

также присоединиться къ вѣрѣ Н. И. Тезякова въ посредническія конторы и вмѣстѣ съ нимъ называть тѣ опыты, которые имѣли мѣсто въ Самарской губерніи «удачными шагами». Да и никого, думаемъ, не убѣдятъ въ этомъ приводимые имъ факты: въ симбирскую контору за нѣсколько мѣсяцевъ дѣятельности поступило всего 31 требованіе на 1950 человѣкъ рабочихъ, а удовлетворено изъ нихъ только 6 на 199 человѣкъ, въ остальныхъ же случаяхъ сдѣлка не могла состояться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточности предложенныхъ предпринимателемъ цѣнъ или же вслѣдствіе предпринимательской недобросовѣстности; въ сызранскую контору заявлено 30 требованій, удовлетворена половина ихъ (130—140 рабочихъ), въ остальныхъ случаяхъ препятствовали тѣ же причины; что и въ симбирской. А, кромѣ того, намъ помнятся сообщенія, какъ рабочіе, отправленные конторами въ отдаленныя губерніи, обманывались въ своихъ разсчетахъ, какъ, напримѣръ, въ Елисаветградѣ въ 1899 или 1900 гг. нищенствовала одна партія такихъ рабочихъ, принужденная оставить хозяина, не исполнившаго своихъ обязательствъ, пока, наконецъ, не была отправлена на благотворительный счетъ на родину... Но это большая тема и не мѣсто ей здѣсь. Книжкѣ же Н. И. Тезякова желаемъ всяческаго распространенія. При всей поспѣшности, съ какою видимо она была составлена, и несмотря на отмѣченныя недостатки, она должна сослужить добрую службу въ дѣлѣ уврачеванія одного изъ больныхъ вопросовъ нашей жизни.

Врачъ *В. Х—овъ.*

Д-ръ І. А. Литинскій. Петербургскія болѣзни. Вып. І. Болѣзнь вѣка — неврастенія. Цѣна 30 к. Вып. ІІ. Малокровіе и блѣдная немочь. Цѣна 25 коп. Вып. ІІІ. Современная чума — чахотка. Цѣна 40 коп. Спб. 1903 г. Подъ нѣсколько страннымъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія болѣзни» авторъ, какъ видно изъ предисловія къ первой книжкѣ, имѣетъ въ виду дать цѣнный рядъ популярныхъ очерковъ по медицинѣ.

Названіе «петербургскія болѣзни», конечно, ничѣмъ не оправдывается. Если бы авторъ далъ своимъ книжкамъ названіе «болѣзни большихъ городовъ», то онъ былъ бы болѣе правъ, но и то не совсѣмъ, такъ какъ описываемыя имъ болѣзни встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ и въ небольшихъ городахъ.

Но неудачное названіе нисколько не умаляетъ достоинства книжекъ, предназначаемыхъ для большой городской публики, чрезвычайно легкомысленной по части медицинскихъ вопросовъ.

Весьма естественно, если больной, обращающійся къ врачу, желаетъ имѣть какое-нибудь представленіе о своей болѣзни и врачъ обязанъ удовлетворить законное любопытство своего паціента, и въ этомъ смыслѣ книжки д-ра Литинскаго могутъ принести пользу и больнымъ и врачу, который можетъ отсылать своихъ паціентовъ къ брошюрамъ названнаго автора.

Предназначая свои книжки для публики, г. Литинскій вполнѣ справедливо избѣгаетъ всякихъ указаній по леченію, которое должно быть всецѣло въ рукахъ пользующаго врача, и съ этой точки зрѣнія представляются излишними и даже тѣ краткія замѣтки, которыя даетъ авторъ подъ названіемъ «фармацевтическій методъ лѣченія».

Въ книжкѣ о чахоткѣ слѣдовало бы, какъ намъ кажется, удѣлить больше вниманія общественнымъ мѣрамъ борьбы съ этой болѣзнью, такъ какъ надо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы знакомить нашу публику съ тѣмъ, что въ этомъ направленіи дѣлается.

Въ общемъ книжки д-ра Литинскаго представляются очень полезными, написаны онѣ хорошимъ языкомъ и очень изящно изданы. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Проф. Левъ Мороховецъ. Записки врача В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики. Труды каѳедры исторіи и энциклопедіи медицины

московскаго университета. Т. I, вып. 2. Москва. 1903 г. Цѣна не обозначена. Ничего пошлѣе, чѣмъ книжка проф. Мороховца, мы давно не читали и, читая, собственными глазами не вѣрили, что все это говоритъ профессоръ съ каѳедры своимъ слушателямъ, что все это издается «съ цѣлью подѣлиться своими мыслями и съ прочими товарищами по оружію» подъ именемъ «трудовъ каѳедры судебной медицины» съ разрѣшенія декана медицинскаго факультета. Вотъ до чего можетъ дойти паденіе каѳедры!

Каѳедрѣ исторіи медицины у насъ въ Россіи вообще не особенно везетъ и, кажется, никогда она не была хорошо представлена и въ московскомъ университетѣ. И въ наше время, и послѣ насъ каѳедра эта въ Москвѣ всегда попадала въ случайныя руки, но прежніе преподаватели, не сильно знакомые съ дѣломъ, отличались, по крайней мѣрѣ, примѣрной скромностію, которой, повидимому, въ помин нѣтъ у г. Мороховца, начавшаго свою карьеру въ Москвѣ въ очень небольшой роли при каѳедрѣ физіологіи и продолжающаго въ качествѣ ни въ чемъ не сомнѣвающагося профессора исторіи медицины. Грустное явленіе!

Что же представляетъ собою новый «трудъ» проф. Мороховца? «Выполняя лестное порученіе студентовъ (интересно было бы знать, на которомъ курсѣ или семестрѣ читаетъ г. Мороховецъ? Намъ исторія медицины читалась на первомъ курсѣ) и приступая къ чтенію «Записокъ врача», г. Мороховецъ сначала недоумѣвалъ, что могло въ нихъ такъ заинтересовать студентовъ, но чѣмъ дальше онъ уходилъ въ чтеніе «Записокъ», тѣмъ все больше и больше росло это изумленіе. «Я все больше поражался не только тѣмъ, что касается нашего съ вами призванія, но и тѣмъ, что въ нихъ затрогиваетъ наши лучшія упованія...» Съ гордостью сообщаетъ г. Мороховецъ, что онъ никогда раньше фамиліи г. Вересаева не слыхалъ, и кто онъ—не зналъ, но «позднѣйшія (?) данныя разоблачаютъ псевдонимъ «В. Вересаевъ», какъ о томъ нами указано въ алфавитномъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ брошюры».

Въ «Записках врача» роль героя,—говоритъ г. Мороховецъ,—играетъ врачъ, вольнопрактикующій со степенью,—не подлежащитъ сомнѣнію, какъ глубокомысленно и остроумно догадывается г. Мороховецъ, лѣкаря, который отъ своего имени и заполняетъ «Записки».

Послѣ такого вступленія г. Мороховецъ приступаетъ къ разбору самой книги, который занимаетъ 84 стр. и состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ 84 стр. заполнены выписками изъ книги г. Вересаева, напечатанными курсивомъ и обильно снабженными совершенно безъ всякаго смысла разставленными знаками восклицанія и вопроса, а соединены эти выписки изъ г. Вересаева «отсебятиной» г. Мороховца, но такой, какая умѣстна въ устахъ балаганнаго дѣда на масляной, но никакъ не профессора университета передъ аудиторіей студентовъ...

Само собою разумѣется, какъ критикъ sui generis г. Мороховецъ дѣлаетъ свои выдержки изъ книги г. Вересаева, нисколько не заботясь объ ихъ связи съ тѣмъ текстомъ, откуда они вырваны, по личному своему благоусмотрѣнію.

Чтобы не быть голословными, мы обязаны какъ это ни противно, привести нѣсколько выдержекъ изъ книги г. Мороховца, заранѣе извинившись передъ читателями, что приходится ихъ занимать такими пошлостями *).

Г. Вересаевъ разсказываетъ, какъ его смущали первые больные, какъ онъ, не зная, что съ ними дѣлать, долженъ былъ заглядывать въ свою записную книжку и т. д. И вотъ это откровенное признаніе г. Вересаева даетъ пищу для слѣдующихъ «остроумныхъ» замѣчаній г. Мороховца: «Вы видите, господа, что у нашего героя-врача нѣтъ даже грубыхъ представленій о страданіяхъ, объ

*) Во всѣхъ приводимыхъ выдержкахъ мы будемъ оставлять тѣ знаки препинанія, которые безъ всякаго толка разставлены г. Мороховцевымъ.

ихъ симптомахъ онъ лишенъ профессіональнаго мышленія, ибо своей профессіи онъ совершенно не знаетъ... Вы видите, что разницы между Кнейппомъ, графомъ Мальтеи и проч. и нашимъ врачомъ-героемъ нѣтъ никакой... Герою нашему медицина представляется какимъ-то антропометрическимъ бюро: приложилъ къ имѣющимся шаблонамъ, примѣрилъ... и! Равашоль!—не уйдешь отъ меня, открылъ тебя, вотъ записи!» и т. д. Какъ вамъ нравится, читатель, это остроуміе?!

Г. Вересаевъ разсказываетъ о трагической смерти итальянскаго врача, павшаго подъ ножомъ потерявшаго голову чахоточнаго больного, и по этому поводу г. Мороховецъ считаетъ приличнымъ сострить слѣдующимъ образомъ: «У, какъ страшно! Бѣдный герой! При его природной трусости-то?! Очевидно, если бы даже не хотѣлъ лѣчить нашъ герой, то со страха быть съ распоротымъ животомъ, пойдешь лѣчить» и т. д. На стр. 26-й своего «труда» Мороховецъ, по своему понявшій «Записки врача», говоритъ, что «вотъ если бы врачъ или, вѣрнѣе, лѣкарь-герой держалъ на доктора медицины экзаменъ, то онъ, вѣроятно, не говорилъ бы такъ некомпетентно...» Какъ это все просто! Человѣкъ мучается, страдаетъ, а подъ руками такое простое средство избавиться отъ мукъ—держать докторскій экзаменъ!

«Начиная излагать опыты венерологовъ,—сообщаетъ г. Мороховецъ,—герой дѣлаетъ такое введеніе: «въ послѣдующемъ изложеніи я по возможности (?) точно буду (?) указывать на первоисточники, чтобы читатель самъ могъ провѣрить сообщаемыя мною данныя». Къ чему это, вѣдь герой самъ знаетъ, какъ легко найти такія данныя, даже не будучи вовсе сильнымъ въ медицинѣ...»

Гдѣ здѣсь смыслъ, при чемъ здѣсь вопросительные знаки?

Вотъ еще одна выдержка изъ книги г. Мороховца: «ради краснаго словца, дѣйствительно, герой не только не жалѣетъ ни мать, ни отца, но даже отрекается отъ здраваго смысла! «Великій человѣкъ виситъ на крестѣ, его руки и ноги пробиты гвоздями, а (?!) медицина (?!) обмываетъ кровавыя язвы арникой и кладетъ (?!) на нихъ ароматныя припарки. Вѣдь это даже не умно!», говоритъ г. Мороховецъ. Можно ли понять, зачѣмъ г. Мороховецъ сдѣлалъ эту выдержку, зачѣмъ онъ снабдилъ ее своими замѣчаніями, восклицательными и вопросительными знаками?

Приведенными выдержками мы ограничимся, все остальное въ книгѣ не лучше, если еще не хуже того, что мы выписали. Каждая цитата изъ Вересаева снабжается руганью, балаганнымъ остроуміемъ и т. д. Даже тѣ крупицы правды, которыя имѣются въ трудѣ г. Мороховца, облечены въ такую шутовскую форму, что на нихъ не стоитъ останавливаться.

Въ концѣ своего «изслѣдованія» г. Мороховецъ ставитъ вопросъ, что же это за произведеніе «Записки врача»? «Само собой разумѣется,—говоритъ онъ, что еще никто не описывалъ ни такихъ врачей, ни такихъ студентовъ... Чѣмъ дальше я уходилъ въ изученіе «Записокъ врача», тѣмъ все больше и больше убѣждался въ ласкавшей меня мысли, что ни такого врача, ни такого студента и не можетъ быть!.. Въ томъ ручательствомъ служитъ мое знаніе васъ впродолженіи тридцати лѣтъ, въ томъ ручаются наши дружескія бесѣды въ *тихомъ лепетѣ* (курсивъ нашъ) ученыхъ интересовъ, или въ бурныхъ проявленіяхъ студенческихъ недоразумѣній... Въ древней Греціи юношамъ показывали пьяныхъ, чтобы вселить въ нихъ отвращеніе къ пьянству... Читайте господа,—поучаетъ г. Мороховецъ,—«Записки врача», чтобы не быть и писателемъ В. Вересаевымъ!..»

Въ заключеніе г. Мороховецъ позволяетъ себѣ отъ имени Вересаева произнести слѣдующій шутовской монологъ: «Вотъ какой я врачъ! Я ничего не знаю, я въ университетѣ занимался тѣмъ, что *баричемъ* расхаживалъ по клиникамъ, смотрѣлъ на бюсты молодыхъ женщинъ да заставлялъ ихъ раздѣ-

ваться, чтобы предаваться тѣмъ же (?) сладострастнымъ животнымъ инстинктамъ... Я ровно ничего не дѣлалъ—и у меня дипломъ! Да и науки осилить не могъ,—я такъ глупъ и несообразителенъ»... и т. д., та же галиматья на цѣлыхъ трехъ страницахъ!

Вторая половина «труда» г. Мороховца состоитъ изъ безсвязнаго и далеко не полнаго собранія отзывовъ о книгѣ г. Вересаева изъ журналовъ и газетъ общей и спеціально-медицинской прессы.

Такъ пишетъ «исторію медицины» проф. московскаго университета Мороховецъ. О его книжкѣ, являющей образецъ неприличія и пошлости, не можетъ быть двухъ мнѣній. Въ высокой степени прискорбно, что такія книжки составляетъ профессоръ университета, что такого рода лекціи читаются студентамъ. Г. Мороховецъ, какъ историкъ медицины, долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, понять, что книга г. Вересаева слишкомъ еще современна, слишкомъ еще всѣхъ волнуетъ и что, поэтому, еще не наступило время для обсужденія ея съ точки зрѣнія исторіи. Г. Мороховецъ не сообразилъ, наконецъ, что, говоря съ пѣной у рта о книгѣ г. Вересаева, перевирая ее на протяженіи 86 страницъ, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что книга эта не бредъ, не фельстонъ уличной газеты, какъ онъ выкрикиваетъ каждый разъ, а нѣчто гораздо большее...

Интересно было бы знать, много ли набралось слушателей у г. Мороховца и какъ они отнеслись къ этимъ его «лекціямъ по исторіи медицины»? Неужели сочувственно?

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Съ 1899 года въ Петербургѣ функціонируетъ общество, въ задачу котораго входитъ изданіе дешевыхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также малорусскихъ беллетристическихъ произведеній. Общество это въ Россіи единственное; цѣль его, какъ это выражено въ уставѣ,—«придти на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа». До 1903 года общество издало 21 книжку; изданія эти естественно разбиваются на группы: 1) беллетристика, 2) біографіи выдающихся личностей, 3) исторія, 4) популярныя изданія по предметамъ медицинскихъ, ветеринарныхъ и др. знаній и 5) популярныя сельскохозяйственныя изданія. Въ указанномъ порядкѣ изданія эти будутъ разсмотрѣны ниже; здѣсь же необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Слѣдя за распредѣленіемъ изданныхъ книжекъ по годамъ, необходимо признать, что первые два года издательства общества отмѣчены явной практической неопытностью, отсутствіемъ планомѣрности и строгаго выбора матеріала. Изъ шести номеровъ изданій за это время, только три (№ 1, 26) должны быть признаны удачными, остальныя три могли смѣло не появляться подъ фирмой общества; внѣшность изданій этого періода не производитъ пріятнаго впечатлѣнія: бумага плохого сорта, наборъ небрежный, рисунки грубые, дурно исполненные. Значительное улучшеніе издательства общества начинается съ третьяго года: замѣчается явная планомѣрность веденія дѣла популяризаціи знаній, является соотвѣтствующій выборъ матеріала, назначаются преміи за популярныя книжки на заданныя темы, внѣшность изданій улучшается и становится положительно изящной. Не обошлось, конечно, и въ этомъ періодѣ безъ неудачъ, но процентъ этихъ неудачъ значительно пониженъ: изъ пятнадцати номеровъ изданій этого періода лишь одна книжка должна быть при-

знана выбранной вполнѣ неудачно (№ 11), остальныя, кромѣ двухъ-трехъ, полезность которыхъ нѣсколько сомнительна, должны быть названы превосходными. Особенное развитіе въ этомъ періодѣ замѣчается въ пятой группѣ изданій общества, посвященныхъ популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ общемъ, необходимо признать, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній и прямыхъ неудачъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ, обществу удалось выработать типъ изящной, содержательной и дешевой народной книжки. Дешевизна изданій общества внѣ конкуренціи: за одну копейку общество, въ среднемъ, даетъ около печатнаго листа; при этомъ книжки (второго періода) печатаются на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, съ небольшимъ количествомъ опечатокъ, и снабжены, иногда даже обильно, хорошо исполненными иллюстраціями. Большимъ достоинствомъ всѣхъ изданій общества является превосходный, безукоризненно чистый и правильный народный языкъ, а также образцовое популярное изложеніе предмета. Въ этомъ отношеніи авторы изданныхъ обществомъ книгъ стоятъ на высотѣ своей задачи и заслуживаютъ всяческаго одобренія.

№ 3. Г. Барвинокъ. Молодыча боротьба. Стр. 19. Ц. 1 коп. № 4. П. А. Кулишъ. Орыся. Стр. 16. Ц. 2 коп. № 5. Ганна Барвинокъ. Вирна пара. Стр. 40. Ц. 3 к. Эти три книжки, заглавія которыхъ въ переводѣ не нуждаются, представляютъ изъ себя все, что издано до сихъ поръ обществомъ по беллетристикѣ. Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ разсказовъ для народнаго чтенія, хотя одинъ изъ нихъ и подписанъ громкимъ именемъ Кулиша. Всѣ три разсказа посвящены изображенію народной жизни, но это изображеніе исполнено въ повышенно-романтическомъ, ультра-сентиментальномъ тонѣ, который ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу читателя. Малорусская литература справедливо гордится обиліемъ художественныхъ произведеній, посвященныхъ реальному воспроизведенію и поэтическому истолкованію народной жизни во всей ея многосложности и разнообразіи, и надо надѣяться, что общество, памятуя свою неудачу, обратится въ дальнѣйшемъ своемъ выборѣ къ авторамъ первостепенныхъ беллетристическихъ произведеній, начиная съ Квитки, Шевченка, Марка Вовчка и др. и кончая Федьковичемъ, Франкомъ и Стефаникомъ; среди произведеній того же Кулиша то же можно было бы выбрать не «Орысю», а что-либо иное, имѣющее значительную художественную цѣнность.

№ 8. О. Кониський. Оповидання (разсказъ) про Тараса Шевченка. Стр. 32. Ц. 2 коп. № 14. Б. Гринченко. Оповидання про Ивана Котляревського. Стр. 32. Ц. 3 коп. № 17. Б. Гринченко. Оповидання про Евгена Гребинку. Стр. 23. Ц. 3 коп. № 21. Б. Гринченко. Оповидання про Джемса Гарфильда. Стр. 71. Ц. 6 коп. Въ этой группѣ изданій общества рѣзко выдѣляется своими достоинствами біографія Шевченка, написанная Конискимъ, нынѣ покойнымъ, даровитымъ малорусскимъ писателемъ и публицистомъ, авторомъ большой и прекрасно разработанной біографіи украинскаго геніальнаго кобзаря, изданной въ свое время на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Конискій съумѣлъ найти то счастливое сочетаніе простоты и яркости слога и языка, краткости и содержательности разсказа, которыя особенно необходимы въ книжкахъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Біографіи Котляревскаго и Гребинки написаны г. Гринченкомъ сравнительно сухо и не ярко, но при всемъ томъ онѣ не могутъ быть названы неудачными; разсказъ ведется живо и непринужденно, свѣдѣнія даются возможно полныя, характеристики сдѣланы достаточно рельефныя. Менѣе другихъ удачной необходимо признать біографію Гарфильда, недостатокъ которой коренится въ ложномъ пріемѣ автора, снабдившаго свой разсказъ о жизни этого президента излишнимъ обиліемъ нравоучительныхъ сентенцій.

№ 7. М. Комарь. Оповидання про Антона Головатого. Стр. 52. Ц. 5 коп. № 11. П. О. Кулишъ. Выговщына. Стр. 26. Ц. 2 коп. № 12. М. Комарь.

Оповидання про Богдана Хмельницького. Стр. 79. Ц. 8 коп. Въ этой серіи изданныхъ обществомъ книжекъ неудачной по выбору является «Выговщина» Кулиша. Гетманство Выговскаго, безспорно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи былой Украйны, но значеніе этого періода нельзя понять безъ широкой научной подготовки; тѣмъ болѣе непонятна будетъ «Выговщина» читателю изъ народа, въ лучшемъ случаѣ лишь смутно, по преданіямъ знающему о прошедшемъ своей родины. Кромѣ того, «Выговщина» Кулиша случайная и незаконченная статья, написанная къ тому же въ духѣ искусственнаго подраженія размѣренному складу народныхъ думъ. Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію разсказы г. Комаря объ Антонѣ Головатомъ, положившемъ начало черноморскому казацкому войску, и о гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Авторъ умѣетъ вести историческій разсказъ живописно и занимательно, но его изложеніе предмета нуждается въ извѣстныхъ коррективахъ и нѣкоторыхъ довольно существенныхъ поправкахъ, каковыя, надо надѣяться, будутъ сдѣланы во второмъ изданіи брошюръ, принадлежащихъ перу г. Комаря. Съ внѣшней стороны брошюры г. Комаря изданы весьма изящно, изящнѣе всѣхъ прочихъ брошюръ общества, и иллюстрированы многочисленными, спеціально исполненными портретами и разнообразными рисунками.

№ 1. Степовыкъ. Коростни звирятка (Полезныя животныя). Изданіе 2-е. Стр. 24. Ц. 3 коп. № 10. Сергій Вагановъ. Розмова про сухоты на рогатій худоби (Бесѣда о туберкулезѣ рогатаго скота). Стр. 32. Ц. 3 коп. № 13. Грыцько Коваленко. Видъ чого вмерла Мелася. Оповидання про обкладъ (дифтеритъ). Стр. 36. Ц. 3 коп. № 16. М. Загирня. Добра порада (совѣтъ). Оповидання про ликы скаженои хворобы (водобоязни). Изданіе 2-е. Стр. 32. Ц. 3 коп. № 18. В. Имшенецькій. Про пошести (эпидеміи). Изданіе 2-е. Ц. 3 коп. Цѣли авторовъ этой серіи книгъ выясняются ихъ заголовками, а именно: популяризація извѣстныхъ научныхъ понятій и передача практическихъ свѣдѣній, особенно необходимыхъ въ народномъ быту. Польза такихъ изданій несомнѣнна, успѣхъ ихъ вполнѣ обезпеченъ, что видно хотя бы изъ того, что три изъ названныхъ брошюръ уже вышли вторымъ изданіемъ. Пріемы популяризаціи у авторовъ различны: г-жа Загирня и г. Коваленко пользуются для этого беллетристической формой, гг. Степовикъ, Вагановъ и Имшенецкій предпочитаютъ не стѣснять себя искусственной беллетристической завязкой. Второй пріемъ намъ кажется вѣрнѣе; беллетристическія рамки развлекаютъ читателя, удлиняютъ безъ нужды разсказъ и лишаютъ мысль опредѣленности и точности; популяризація знанія рѣшительно не нуждается въ чуждыхъ ей quasi-художественныхъ украшеніяхъ. Брошюры гг. Степовика и Ваганова допущены въ библіотеки низшихъ сельскохозяйственныхъ учебн. зав. минист. земл. и гос. имуществъ.

№ 2. О. Степовыкъ. Про городыну (огородныя растенія). Изданіе 2-е. Стр. 59. Ц. 5 коп. № 6. Ф. Немоловскій. Бжильныцьтво (пчеловодство). Стр. 105. Ц. 8 коп. № 9. Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Виноградъ. Стр. 40. Ц 5 коп. № 15. Е. Чикаленко. Розмова про сельско хозяйство. Сіяни травы, кукуруза та буряки (свекла). Изданіе 2-е. Стр. 40. Ц. 5 коп. № 19. Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Худоба (Домашній скотъ): кони, скотына, свыни та вивци. Изданіе 2-е. Стр. 48. Ц. 6 коп. № 20. Е. Чикаленко. Розмова про сельское хозяйство. Садъ. Стр. 79. Ц. 10 коп. Въ издательствѣ общества, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе полно и разнообразно представлена серія брошюръ, посвященныхъ популяризаціи сельскохозяйственныхъ знаній. Среди авторовъ этой серіи первое и вполнѣ заслуженное мѣсто принадлежитъ г. Чикаленкѣ, которому равно знакомы теорія и практика сельскаго хозяйства, и который въ своихъ брошюрахъ обнаруживаетъ прямо-таки блестящій популяризаторскій

*

талантъ. Г. Чикаленко пишетъ увлекательно о самыхъ сухихъ предметахъ, и его брошюры даже посторонній сельскому хозяйству читатель прочитаетъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Брошюра г. Чикаленка № 19 премирована харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства; брошюры № 9, 15 и 19, равно какъ и брошюры гг. Степовика и Немоловскаго допущены въ библіотеки учебныхъ заведеній минист. земл. и гос. имуществъ.

М. Славинскій.

Домашнія библіотеки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для самообразованія. А. В. Пановъ. Ц. 30 коп. Н.-Новгородъ. 1903 г. Передъ нами интересная попытка дать указатель книгъ для широкой массы читателей, за послѣднее время предъявляющей сильный запросъ на самообразованіе и сталкивающейся постоянно на практикѣ съ вопросомъ, какъ найти на книжномъ рынкѣ хорошую, интересную книгу. «Домашнія библіотеки» въ этомъ отношеніи удовлетворяютъ назрѣвшую потребность. Но если трудно составить хорошій систематическій указатель книгъ для самообразованія для читателя, прошедшаго систематическую среднюю школу, то еще труднѣе составить такой указатель для читателя, не всегда прошедшаго даже низшую школу и едва научившагося воспринимать прочитанное. При составленіи такого указателя необходимы спеціальныя требованія къ книгамъ (доступность изложенія, сравнительно небольшой объемъ книги, дешевизна ея), для того, чтобъ указанныя книги дѣйствительно могли удовлетворить запросамъ массы, не обладающей ни большимъ досугомъ для чтенія, ни достаточными средствами для пріобрѣтенія книгъ. Эти спеціальныя требованія, хотя и касающіяся только чисто внѣшнихъ качествъ книги, значительно ограничиваютъ подборъ ихъ и затрудняютъ выполненіе задачи, тѣмъ болѣе, что по многимъ отраслямъ знанія (преимущественно область общественно-экономическихъ и юридическихъ наукъ) почти совершенно нѣтъ еще книгъ, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ. Практическія требованія массоваго читателя принимались во вниманіе при составленіи разсматриваемаго нами указателя, и въ этомъ его громадное достоинство и несомнѣнное жизненное значеніе. Что же касается до подбора книгъ, то въ этомъ отношеніи, какъ говоритъ и самъ составитель, силъ одного лица недостаточно для выработки совершеннаго и полнаго указателя; необходимо коллективное усиліе множества людей и масса времени, чтобы вполнѣ удовлетворительно выполнить эту задачу. «Домашнія библіотеки», какъ одна изъ первыхъ и довольно удачныхъ попытокъ, открываютъ и облегчаютъ путь для этой работы. Указатель нельзя назвать систематическимъ, это вѣрнѣе предметный указатель книгъ для домашняго чтенія (такъ на внутренней обложкѣ книги и называетъ его авторъ), не претендующій на полноту, но тѣмъ не менѣе составленный со знаніемъ литературы и читателя.

Просматривая концетрическіе списки книгъ для маленькихъ домашнихъ библіотекъ, нельзя не отмѣтить слѣдующее: во всѣ библіотеки стоимостью до 10 руб. включительно внесены книги только беллетристическаго содержанія, и лишь въ библіотеки въ 15, 30 и 50 р. введены и популярно-научныя книги; намъ казалось бы, что послѣднія слѣдовало бы ввести и въ болѣе дешевыя библіотеки. Указатель книгъ для чтенія интеллегенціи, данный авторомъ, какъ списокъ хорошихъ и наиболѣе популярныхъ среди читающей интеллегенціи книгъ, практически можетъ быть очень полезенъ для огромной массы интеллегенціи, живущей вдали отъ культурныхъ центровъ.

Л. К—ва.

Срединное царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Составила Д. И. Котляръ. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 к. Стр. 207. Интересъ къ Китаю и его своеобразной жизни вызвалъ въ связи съ событіями послѣдней китайской войны цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ этой странѣ. Книга Котляръ написана

очень просто и доступна для широкихъ круговъ читателя. Она касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ общественной и частной жизни Китая, его природы, исторіи и современнаго положенія. Въ историческомъ очеркѣ читатель знакомится съ исторіей культуры китайскаго народа въ различные періоды его развитія. Ученію Конфуція и его значенію для жизни многомилліоннаго китайскаго населенія посвящены двѣ спеціальныя главы, при этомъ авторъ мѣстами вдается въ подробности, способныя утомить читателя. Указывая на громадное вліяніе ученія Конфуція на всю послѣдующую жизнь Китая, авторъ отрицаетъ его консерватизмъ и дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Китая пытается указать на то, что ученіе это не сковало жизнь китайцевъ, а, напротивъ, содѣйствовало ея своеобразному и самобытному развитію. Здѣсь авторъ точно такъ же, какъ и при описаніи современнаго государственнаго строя и общественной жизни Китая, идеализируетъ современную дѣйствительность Китая. Увлекшись демократическимъ строемъ Китая, самоуправленіемъ его круговъ, фактическимъ признаніемъ обычаевъ народа, авторъ упускаетъ изъ вида бюрократическій строй государственнаго управленія Китая, произволъ чиновничества, тяжесть поборовъ и полную правовую необезпеченность населенія, благодаря чему даже такія почтенныя по задачѣ учрежденія, какъ цензоріатъ членовъ академіи наукъ, вырождаются въ пустую формальность.

Нравственное совершенствованіе, какъ завѣтъ ученія Конфуція, до сихъ поръ главная задача народнаго образованія въ Китаѣ, потому развитіе чувствъ солидарности, гуманности и взаимнаго довѣрія соединяются въ Китаѣ, на что и указываетъ авторъ, съ самыми грубыми суевѣріями и полнымъ невѣдѣніемъ естественныхъ законовъ и жизни природы. Главы о земледѣліи, промышленности, религіи, бытовой и частной жизни китайцевъ прочтутся съ интересомъ и познакомятъ съ массой своеобразныхъ чертъ жизни и характера населенія страны. Отношеніе китайцевъ къ европейской культурѣ и ея значеніе для жизни Китая освѣщены авторомъ, хотя и не достаточно полно, въ первыхъ главахъ, посвященныхъ возникновенію и исторіи сношеній европейцевъ и Китаемъ.

А. П. Изъ исторіи государства аѳинскаго. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Ц. 7 к. 64 стр. Въ этой небольшой хорошо составленной книжкѣ дается исторія государства аѳинскаго или, вѣрнѣе, исторія аѳинскаго государственнаго управленія отъ древнѣйшихъ временъ до грекоперсидскихъ войнъ. Показать, какъ постепенно измѣнялись въ Аѳинахъ законы порядки, управленіе, судъ, кахъ постепенно аѳинскій народъ вырабатывалъ свое государственное устройство—вотъ задача автора, и выполняется она въ простомъ, послѣдовательномъ разсказѣ, который хотя и не охватываетъ всей разнообразной государственной жизни Аѳинъ, но даетъ ясное представленіе о постепенномъ развитіи государственныхъ порядковъ въ связи и развитіемъ хозяйственной жизни аѳинскаго народа.

Установленіемъ демократіи заканчиваетъ авторъ свою исторію аѳинскаго государства и ограничивается лишь указаніемъ на то, что съ этого момента начинается для Аѳинъ время славы и процвѣтанія. Возбуждая интересъ къ исторіи Греціи, книга можетъ быть хорошимъ введеніемъ для дальнѣйшаго изученія исторіи древняго міра.

А. В. Мезіеръ. Черный Спартакъ. Изъ былыхъ дней острова Сенъ-Доминго. Книгоизд. Гершунина и К°. Ц. 50 к. Ст. 157. Очеркъ жизни и дѣятельности Туссена Лувертюра, безкорыстнаго и самоотверженнаго борца за свободу черныхъ невольниковъ на островѣ С.-Доминго, знакомитъ читателя вмѣстѣ съ тѣмъ и съ историческимъ прошлымъ острова, съ исторіей возникновенія рабскаго труда негровъ. Ярко очерчены причины, вызвавшія и поддерживавшія существованіе рабства чернокожихъ въ европейскихъ колоніяхъ Америки и ужасныя условія труда негровъ-рабовъ.

Возстаніе, вспыхнувшее подъ вліяніемъ дошедшихъ до острова вѣстей о свободѣ, провозглашенной французской революціей 1789 г., быстро охватило чернокожее населеніе острова, изнемогавшее подъ бременемъ непосильнаго труда у французскихъ плантаторовъ. Туссенъ Лувертюръ встаетъ въ ряды возставшихъ и скоро становится во главѣ ихъ. Онъ руководитъ движеніемъ, принявшемъ характеръ настоящей войны изъ-за столкновеній интересовъ французовъ, испанцевъ и англичанъ на островѣ. Имѣя въ виду лишь одну цѣль свободу чернокожихъ, Туссенъ въ союзѣ съ французами успѣшно доводитъ дѣло до конца и становится генераломъ всѣхъ туземныхъ войскъ и начальникомъ острова. Съ наступленіемъ мира начинается его государственная дѣятельность. Все населеніе острова получаетъ во владѣніе земли и плантаціи и принимаетъ участіе въ управленіи острова. Промышленность и земледѣліе начинаютъ процвѣтать. Но самостоятельная жизнь и самоуправленіе колоніи не нравятся новому правительству, получившему власть во Франціи, которое рѣшаетъ возстановить господство французовъ и рабскій трудъ въ колоніи, Туссену предстоитъ новая серьезная борьба съ большимъ флотомъ и войскомъ Наполеона, и на этотъ разъ, несмотря на упорное сопротивленіе чернокожихъ, сила одолѣла, хотя и не надолго. Вѣроломный арестъ Туссена и стремленіе возстановить рабство въ колоніи возбуждаетъ вновь возстаніе на островѣ. С. Доминго становится независимымъ и негры не только свободными, но и политически самостоятельными. Задача жизни Туссена была осуществлена въ то время, когда онъ уже умеръ въ каменномъ сыромъ помѣщеніи французской крѣпости въ полномъ одиночествѣ и невѣдѣніи о судьбѣ любимаго имъ чернокожаго народа.

Сильная личность и трагическая судьба негра-борца за свободу своего народа возбудятъ симпатіи и заинтересуютъ читателя, хотя изложеніе не всегда доступно и можетъ нѣсколько утомить подробностями, мѣшающими слѣдить за ходомъ и развитіемъ борьбы чернокожихъ и условіями, благопріятствовавшими побѣдѣ.

Н. Рубакинъ. Среди мусульманъ. Разсказъ о двухъ туркахъ и ихъ путешестіи въ Мекку. Книгоизд. Гершунина и К°. ц. 65 к. Стр. 234. Въ полубеллетристической формѣ авторъ знакомитъ читателя съ бытомъ, обычаями и нравами турокъ, съ порядками, господствующими въ турецкой имперіи, съ положеніемъ населенія и религіей турокъ. Сопоставляя два различныхъ міросозерцанія: турка, европейски образованнаго, и турка, слѣпо придерживающагося выгодныхъ для него турецкихъ порядковъ и обычаевъ, авторъ выясняетъ читателю основы, господствующаго въ Турціи режима и безправное положеніе угнетеннаго населенія.

Въ интересномъ описаніи путешествія этихъ турокъ въ Мекку читатель почерпнетъ не мало этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній и ознакомится съ жизнью и ученіемъ Магомета, съ религіозными обрядами и святынями мусульманъ.

Авторъ вездѣ подчеркиваетъ выгодное положеніе богатыхъ и знатныхъ турокъ въ сравненіи съ бѣднымъ забитымъ народомъ, подъ гнетомъ нужды и произвола сильныхъ не сознающаго своего человѣческаго достоинства и безусловно покорнаго власти знатныхъ, поддерживаемой и религіозными вѣрованіями мусульманъ. *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го февраля до 15-го марта.

К. Мазуринъ. Методологія пѣнія. Т. II. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія гор. Рима въ средніе вѣка. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

J. Van't Hoff. Восемь лекцій по физич. химіи. Рига. 1903 г.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составл. естественно-научн. коллекціи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Д. Зеленинъ. Пѣсни дерев. молодежи. Изд. гятск. губ. стат. комит. 1903 г.

Памятная книжка константиновскаго межев. института за 1901—1902 г. Мск.

Сельскохозяйств. обзоръ Вятской губ. за 1902 годъ.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 годъ.

Императорское русское общество акклима-

Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ. Спб. 1903 г.

тизаціи животныхъ и раст. Дневникъ отд. ихтіологіи. Выпускъ 9-й. Мск. 1902 г.

Отчетъ александр. вечернихъ женскихъ классовъ. 1899—1902 г.

Н. Курловъ. Кругъ церковныхъ пѣснопѣній. Спб.

Екатеринославское коммерч. училище. Учебный планъ. 1902 г.

Отчетъ московскихъ городскихъ ветеринарныхъ врачей за 1901 годъ. Мск. 1903 г.

Систематическій сводъ постановленій полтавскаго уѣзднаго земск. собранія за 1865—1901 годы. Т. I.

А. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Мск. «Библіотека для самообразованія». Ц. 1 р.

О. Зальдъ. Баллада Ридингской тюрьмы. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

И. Бѣлоусовъ. Искреннія пѣсни. Мск. Курнинъ. 1903 г.

В. Монинъ. Сибирскіе мотивы. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Ванда. Драма въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

Э. Сегенъ. Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умств. ненормальныхъ дѣтей. Спб. Лихтенштадтъ. 1903 года. Ц. 2 р.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія. Школьное изд. сарат. з-ства Ц. 20 к.

А. Сиверская-Сичулина. Драматическія сочиненія. Т. I. Мск. Разсохина. 1903 г. Ц. 2 р.

Генрихъ Ибсенъ. Столпы общества. Комед. въ 4 дѣйств. Перев. Ганзенъ. Моск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Г. Брейтманъ. Митька Корявый. Елка для мертвыхъ и друг. разск. Кіевъ. Идзиковскій. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Пантелѣевъ. Изъ ранніхъ воспоминаній. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

О. Волжанинъ. Разсказы. Мск. Курнинъ. 1903 г. Ц. 1 р.

П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Глаголевъ. По волнамъ океана и жизни. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Амфитеатровъ. Викторія Павловна. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

І. Тюрканъ. Генеральша Бонапартъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Луговой. Грани жизни. Ром. въ 5 ч. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

С. Павловъ. Вулканы и землетрясенія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эл. Ожешко. Собраніе сочиненій. Т. IX. Одна сотая. Хамъ. Кіевъ. Фуксъ. 1903 г. Ц. за 12 т. 5 р.

Н. Лейкинъ. Голь перекатная. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

К. Скальковскій. Очерки и фантазіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Чарская. Проблемы любви. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Осиповъ. Варягъ. Истор. повѣсть съ рис. Е. Лансере. Спб. 1902 г. Лавровой и Попова. Ц. 1 р. 75 к.

Вересаевъ. Разсказы. Спб. 1903 г. Т. III. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Т. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

И. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. Т. II. Изд. ред. «Образованія» 1903 г. Ц. 80 к.

П. Тайнъ. Души моей невольныя признанья Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. Перевод. Аммона. Мск. 1902 г. Безпл. прилож. къ «Русскому Архиву».

Малымъ ребятамъ. Разск. и стихи. Мск. «Посредникъ».

С Семеновъ. Чужой каравай. Комед. въ I д. изъ дерев. жизни. Изд. то же.

Гард. Дэвисъ. Мой безславный пріятель мистеръ Рагенъ. Мск. «Посредникъ».

С. Семеновъ. Женихъ-Москвичъ. Комедія въ 3 дѣйств. Изд. То же.

Максимъ Горькій. Емельянъ Пиляй. Мск. «Посредникъ» 1903 г.

С. Орловскій. Горе Селима. Изд. то же.

Его же. Желѣзныя дороги и Джорджъ Стефенсонъ. Изд. то же.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Поруха и друг. разск. Изд. то же.

С. Орловскій. Сказаніе о трехъ лиліяхъ, двухъ лягушкахъ и змѣѣ съ золотою короною. Изд. то же.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Дочь китайскаго вельможи и друг. разск. Изд. то же.

Сильная рука и золотое сердце. Ром. по Зудерману. Съ нѣм. Изданіе то же.

С. Семеновъ. Въ разлукѣ и друг. повѣсти и разск. Изд. то же.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Бесѣды проф.

П. А. Костычева. О жизни растеній. Ц. 5 к.

Его же. Что есть въ землѣ и какія бываютъ земли. Ц. 3 к.

Его же. О правильной обработкѣ земли плугомъ, сохою, косулей, скоропашками, бороною и каткомъ. Ц. 4 к.

Его же. Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и другихъ растеній. Ц. 4 к.

Его же. Объ удобреніи земли навозомъ. Ц. 4 к.

Его же. Чѣмъ и какъ можно удобрять землю, кромѣ навоза. Ц. 3 к.

Его же. О разведеніи хлѣбовъ и другихъ сельскохозяйств. растеній. Ц. 4 к.

Его же. Лѣчебница домашнихъ животныхъ. Ц. 12 к.

Р. Киплингъ. Разсказы, сказки. Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Пуркина затѣя. Мск. «Дѣтское чтеніе». Ц. 20 к.

Бжезинскій. Жизнь и приключенія лягушки-квакушки.

Андерсенъ. Гадкій утенокъ. Мск. «Б-ка для дѣтей и для юношества» подъ ред. Горбунова-Посадова. 1903 г. Ц. 20 к.

А. Ульянова. Моя новая мама; друг. разск. Изд. то же. Ц. 40 к.

Сетонъ-Томпсонъ. Степной волчонокъ. Изд. то же. Ц. 25 к.

Сетонъ-Томпсонъ. Рогачъ. Исторія кутен. горн. барана. Изд. то же. Ц. 35 к.

Ап. Коринфскій. На ранней зорькѣ. Сборн. стихотв. Мск. «Б-ка для семьи и школы» подъ ред. Тихомирова. Ц. 35 к.

К. Фламмаріонъ. Маленькая астрономія. Спб. Изд. Лавровой и Попова. Ц. 60 к.

Маркъ Твенъ. Принцъ и нищій. Изд. то же. Ц. 50 к.

Яковлева. Морозко. Сказка въ двухъ дѣйств. Изд. то же. Ц. 15 к.

Н. Тимковскій. Царевна-горошина. Сказка въ 4 дѣйств. Изд. то же. Ц. 20 к.

А. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руков. для систем. чтенія. Нижній-Новг. 1903 г. Ц. 50 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе на кораблѣ «Бигль». Пер. съ англ. въ излож. д-ра Яцута. Спб. Сойкина. Ц. 1 р. 50 к.

В. Голиковъ. Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. 180 рис. Мск. К. Тихомирова. Ц. 75 коп.

Я. Г. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ. Сытина. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Н. Фармаковскій. Врачи и народъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Мск. 1903 г. Ц. 30 коп.

С. И. Эйсбейнъ. Руководство къ кормленію и уходу за рогатымъ скотомъ. Спб. ред. «Земледѣлецъ». Ц. 40 к.

Г. Зеттегастъ. Воздѣлываніе и уходъ за сельскохозяйств. растеніями. Изд. то же. Ц. 30 к.

С. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Спб. «Общественная Польза». Ц. 60 к.

Народный университетъ. Силы природы и пользованіе ими. Подъ ред. В. В. Битнера. Спб. Сойкинъ. Ц. 1 р.

Шарль Летурно. Біологія. Перев. Ранцова. Спб. Большакова и Голова. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Гофманъ. Радій и его лучи. Спб. Стасюлевича. 1903 г. Ц. 70 к.

Г. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе? Вильна. 1903 г. Ц. 35 к.

Н. Чернякъ. Элементарный курсъ минералогіи. Псковъ. 1903 г. Ц. 80 к.

Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Часть I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Смирягинъ. Интеллигенція и народъ. Спб. 1903 г. Ц. 70 к.

Я. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Я. Бандалинъ. Борьба науки со старостью. Мск. Ц. 30 к.

Ж.-Ж. Руссо. Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія. Перев. Русановой. Мск. «Посредникъ». Ц. 35 к.

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Перев. А. Серебряковой. Мск. Доброватовскаго и Чарушникова. 1903 г. Ц. 1 р.

Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Изд. то же. Ц. 75 коп.

Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ. Спб. Сойкинъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Бехтеревъ. Психика и жизнь. Спб. Риккеръ.

Эрн. Ренанъ. Собраніе сочиненій. Т. XI. Историческія статьи. Кіевъ. Фуксъ. Ц. за 12 т. 6 р.

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологич. данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Мск. «Скорпіонъ». 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новыя матеріалы собр. книгоизд. «Скорпіонъ». Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Ратцель. Земля и жизнь. Спб. «Просвѣщеніе». Т. I, вып. I. Ц. 50 коп.

Ф. Ганъ. Африка. Перев. Коропчевскаго 15 вып. по 50 коп. Спб. «Просвѣщеніе».

Промышленность и техника. Т. VII, вып. I, т. VI, вып. 2—10, т. IV, вып. I, т. II,

вып. 5—10. Изд. то же. Ц. кажд. вып. 50 коп.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Т. III, вып. 1—3, т. IV вып. 3—10. Спб. «Просвѣщеніе». Ц. кажд. вып. 50 коп.

К. Вёрманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Т. I, вып. 2—8. Спб. «Просвѣщеніе». Ц. кажд. вып. 40 коп.

Я. Г. Бандалинъ. Борьба науки со старостью. Мск. Сытинъ 1903 г. Ц. 30 к.

А. Болконскій. Ученіе графа Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Ворон. 1902 г. Ц. 50 к.

Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Мск. Дороватовскаго и Чарушникова. 1902 г. Ц. 40 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учителей. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Спб. 1903 г. Ц. 60 к. Одесса.

Э. Н. Л—нъ. Опытъ новаго міросозерцанія Одесса. 1903 г. Ц. 25 к.

Арк. Прессъ. Гроцій. О правѣ войны и міра. Спб. Сойкинъ Ц. 40 к.

Арк. Прессъ. Гобсъ Леніаѳанъ. О человѣкѣ. О государствѣ Спб. Сойкинъ. Ц. 40 к.

В. Дерюжинскій. Полицейское право. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

А. Гурьевъ. Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX-мъ стол. Спб. 1903 г.

А. Гурьевъ. Природа, населеніе, капиталъ—три фактора народной производительности. Спб. 1903 г.

А. Гурьевъ. Основныя понятіи политической экономіи. Спб. 1902 г.

П. Первовъ. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Воронежъ. 1902 г.

Бантышъ-Каменскій. Исторія малой Россіи. Кіевъ. Ф. Іогансонъ. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Т. Локоть. Къ вопросу о значеніи сервитутовъ въ поземельныхъ отношеніяхъ нашихъ западн. окраинъ. Изъ журн. «Научное обозрѣніе». Спб. Ц. 50 к.

Владиміръ Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3 изд. подъ ред. Бодуэна-де-Куртенэ. Спб. Вольфъ. Т. 1, вып. I Ц. 50 к.

Н. Долговъ. Роль женщины въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. Ц. 30 к.

Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историч. справка. Изъ журн. «Миссіонерское Обозрѣніе». Спб. 1903 г. Ц. 10 к.

Францъ фонъ-Листъ. Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. Мск. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Адресъ-Календарь и памятная книжка Пермской губ. на 1903 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Бертенсонъ. Консервированіе икры борной и салициловой кислотами съ промышл. цѣлью. Спб. 1903 г.

Л. Бертенсонъ. По поводу частнаго страхованія рабочихъ. Спб. 1903 г.

В. Лапинъ. Библіографическая замѣтка о драматическихъ произвед. арт. А. М. Сѣверской-Сигулиной.

Г. Тумаковъ. Усадебныя и полевыя земли крестьянъ общинниковъ съ точки зрѣнія гражд. права. Спб. Анисимовъ. 1903 г. Ц. 50 к.

П. Мигулинъ. Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодор. займы. Хрк. 1903 г. Ц. 2 р.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. Козинцевъ. Князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Стародубъ. 1903 г.

М. Зданевичъ. Отвѣтъ на анонимную брошюру: и новый, и традиціонный духовные ораторы, о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ. Спб. 1903 г. Ц. 10 к.

М. Зд—ичъ. Священникъ Г. С. Петровъ, какъ проповѣдникъ и писатель. Критич. очеркъ съ портретами Спб. 1903 г. Ц. 10 к

Н. Александровъ. Описаніе имѣнія «Андреевскій хуторъ» т-ва Большой Яросл. м-ры въ Ферганской обл. Ташк. 1902 г. Ц. 1 р.

Э. Геккель. Красота формъ въ природѣ. Спб. Т-во «просвѣщеніе»

Труды подсекціи статистики XI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

И. Вороновъ. Городъ Воронежъ Населеніе и недвижимыя имущества. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотеки-читальни харьк. губ. 1902 г. Ц. 50 к.

Отчетъ нижегородск. Пушкинской читальни за 1902 г.

Каталогъ книжнаго склада комитета по устройству сельск. библіот. и народн. читаленъ. Хрк. о-во распр. въ нар. грамотности.

Статистика марганцеваго дѣла. Кутаисъ 1902 г.

Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губ. Вып. II. 1902 г.

Отчетъ госуд. сберегат. кассъ за 1901 г. Спб.

Отчетъ одесской городской публичн. б-ки за 1902 г.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА
Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.
„Н. В. ГОГОЛЬ 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы“. Цѣна 2 руб.
Подписчики «Міра Божія» за пересылку не платятъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Village Problem*» *by G. F. Millin, author of* «*Eviland Evolution*». *Social Science Series. (Swan Sonnenschein).* (*Проблема деревни*). Авторъ подвергаетъ тщательному и добросовѣстному изслѣдованію вопросъ о запустѣніи деревень и о причинахъ, вызывающихъ это явленіе и неудачу всѣхъ попытокъ возрожденія прежней деревенской жизни. Съ своей стороны авторъ предлагаетъ нѣкоторые экономическіе средства борьбы съ этимъ зломъ.

(Athaneum).

«*The Tale of a Tour in Macedonia*» *by G. F. Abbott, with illustrations and a Map. (Edward Arnordx).* (*Разсказъ о поѣздкѣ по Македоніи*). Появленіе этой книги очень своевременно въ виду того, что Македонія начинаетъ интересовать Европу. Авторъ хорошо знакомъ съ этою страной. Онъ былъ посланъ туда отъ кэмбриджскаго университета съ научною миссіей и поэтому имѣлъ возможность изучить особенныя условія этой провинціи, угрожающей теперь миру юго-восточной Европы. (Athaneum).

«*Life in Mind and Conduct*». *Studis of Organic in Human Nature*» *by Henry Maudsley.* (*Macmillan and C°*). (*Жизнь въ проявленіяхъ ума и поступкахъ*). Читатели прежнихъ трудовъ Маудсли не найдутъ въ этомъ новомъ его сочиненіи никакихъ измѣненій его основныхъ взглядовъ, но зато оно представляетъ интересное и сжатое изложеніе результатовъ его размышленій о человѣческой жизни и ея отношенія къ порядку міра. Къ общей доктринѣ Маудсли всего болѣе подходитъ названіе «телеологическій матеріализмъ». Книга его написана очень увлекательно и прочтется съ величайшимъ интересомъ.

(Daily News).

«*Etudes sur la nature humaine*», *essai de philosophie optimiste, par Elie Metchnikow.* (*Masson et C°*). *Paris. 1903.* (*Изслѣдованіе человѣческой природы*). Знаменитый ученый называетъ свою крайне интересную книгу «Опытомъ оптимистической философіи» и раздѣляетъ ее на три отдѣла. Во-первомъ онъ говоритъ о безчисленныхъ дисгармоніяхъ человѣческой организаціи, являющихся причиною многочисленныхъ опасностей, угрожающихъ человѣку и препятствующихъ его спокойному и безмятежному существованію. Дисгармонію проф. Мечникова находитъ не только въ физической, но и въ нравственной организаціи человѣка и къ нимъ причисляетъ боязнь смерти, которая должна была бы исчезать съ годами и постепенно уступать мѣсто спокойному ожиданію смерти, которая является для человѣка, прошедшаго жизненный путь, такимъ же успокоеніемъ, какъ для усталаго путника освѣжающій сонъ. Къ нравственнымъ дисгармоніямъ принадлежитъ также извращеніе полового инстинкта, недостатокъ семейнаго чувства и т. д. Во второмъ отдѣлѣ Мечниковъ обсуждаетъ современныя философскія теоріи, а въ третьемъ развиваетъ свои собственные взгляды на жизнь и смерть, основанные на результатахъ его научныхъ изслѣдованій. (Journal des Débats).

«*L'Inde d'aujourd'hui*», *étude sociale, par Alfred Mitin. Paris. 1903.* (*Armand Collin*). (*Современная Индія; соціальный очеркъ*). Авторъ этой книги, Миди, путешествовавшій по Индіи, разсматриваетъ эту страну съ соціологической точки зрѣнія и описываетъ вліяніе англійской цивилизаціи и перемѣны, вызванныя ею въ жизни и нравахъ обитателей. (Journal des Débats).

«*Madame de Staël et Napoleon*» *par Paul Gautier.* (*Plon*). (*Г-жа Сталь и Наполеонъ*). Очень интересная книга, обрисовывающая отношенія Наполеона къ французской писательницѣ, которая была его яростною противницей и защитницей великихъ доктринъ XVIII вѣка. Ссора этихъ двухъ людей занимаетъ мѣсто въ новѣйшей исторіи Франціи и служитъ для характеристики Наполеона, представляя въ то же время одинъ изъ интересныхъ историческихъ эпизодовъ.

(Journal des Débats).

«*A German Buddhist*» (*Ober Präsidialrath Theodor Schultz*). *A biographical sketch by Arthur Pfungst. London.* (*Luzac*). (*Германскій буддистъ*). Тепло написанная и интересная біографія одного замѣчательнаго нѣмца, юриста и бюрократа, но такого глубокаго знатока индійской метафизики и буддійскаго ученія, что ни одинъ ученый оріенталистъ не могъ оспаривать его знанія. Онъ былъ настоящій буддистъ, въ истинномъ значеніи этого слова.

(Daily News).

«*Culturskitze aus drei Jahrhunderten*» *von W. H. Riehl. Sechste Auflage. Stuttgart. 1903.* (*Cotta*). (*Очерки культуры трехъ столѣтій*). Это новое изданіе сочиненій извѣстнаго мюнхенскаго историка культуры заключаетъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ, но прекрасно обработанныхъ и интересныхъ по темѣ и богатыхъ содержаніемъ очерковъ культуры. Авторъ является въ этихъ очеркахъ еще болѣе художникомъ, нежели изслѣдователемъ; онъ разсказываетъ и описываетъ то, что нан-

болѣе останавливаетъ на себѣ его вниманіе въ жизни прежнихъ временъ и такъ живо рисуетъ картину старинной эпохи цивилизаціи, какъ будто они находились передъ его глазами.

(Berliner Tag.).

«*La Psychologie ethnique*» *par Ch. Letourneau. 1 vol. 6 fr.* (*Schleicher frères*). (*Этническая психологія*). Въ этомъ новомъ трудѣ Летурно заключается общая картина человѣчества, причемъ различныя человѣческія расы оцѣниваются по своимъ умственнымъ качествамъ. Авторъ основываетъ свои выводы исключительно лишь на наблюденіи осязательныхъ фактовъ, такихъ, которые находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ сознательною жизнью человѣчества. Начиная свои кропотливыя изслѣдованія съ міра животныхъ, авторъ переходитъ потомъ къ ребенку, къ первобытному человѣку и, наконецъ, къ цивилизаціямъ великихъ расъ, такъ что передъ читателемъ развертывается постепенно картина умственной эволюціи внѣчеловѣческаго рода.

(Revue).

«*La vie mystérieuse des mers*» *par Emile Deschamps. Paris.* (*Schleicher*). *1* (*fr. 50. Avec 65 figures dans le texte et 4 planches en couleurs hors texte.*' (*Таинственная жизнь морей*). Въ этой небольшой книгѣ авторъ посвящаетъ читателя въ тайны глубинъ океана. Разсказавъ объ исчезнувшихъ породахъ первобытныхъ эпохъ, авторъ знакомитъ читателя съ работою моря, его теченіями, морскими рѣками и т. п. Во второй части онъ описываетъ морскую фауну и заканчиваетъ морской флорой. Это настоящее физическое подводное путешествіе, которое онъ заставляетъ продѣлывать читателя вмѣстѣ съ собой.

(Journal des Débats).

«*La Democratie et l'organisation des partis politiques*» *par M. Ostrogorski. 2 vols. 20 fr.* (*Calmann Lévy*). (*Демократія и организація политическихъ партій*). Проблема, которую изслѣдуетъ авторъ въ своемъ трудѣ, принадлежитъ къ самымъ серьезнымъ и труднымъ проблемамъ, политической философіи. Онъ старается опредѣлить общія причины, вслѣдствіе которыхъ современному политическому обществу, возникшему на развалинахъ стараго режима, не удалось до сихъ поръ создать связную и справедливую систему, требуемую верховнымъ принципомъ демократіи. Авторъ изучаетъ два политическихъ общества, которыя въ XIX-мъ вѣкѣ осуществили наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ демократическую идею въ своей политической организаціи; это —Англія и Соединенные Штаты, и подвергаетъ самому подробному, тщательному и терпѣливому изслѣдованію дѣйствіе политическаго механизма этихъ обществъ и силъ, которыя приводятъ его въ движеніе, а также великихъ послѣдствій ихъ дѣятельности.

(Revue de Paris).

«*Schauspiel und Gesellschaft*» *von Alfred Kloar. Berlin* (*Johannes Räde*). (*Театръ и общество*). Профессоръ Клоаръ даетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ театра и его отношеній къ меценатамъ и обществу. Онъ осуждаетъ въ современной публикѣ стремленіе придавать чрезмѣрно большое значеніе внѣшности и частностямъ, мелочнымъ подробностямъ и чувствамъ.

(Berliner Tageblatt).

«*The Land of the Black Mountain*» *by Reginald Wyon and Gerald Prance.* (*Methuen*). *6 s.* (*Страна Черной Горы*). Это совмѣстный трудъ двухъ путешественниковъ, основательно познакомившихся съ Черногоріей и ея населеніемъ и изслѣдовавшихъ условія, поддерживающія постоянное состояніе безпокойства на Балканахъ и въ Македоніи. Очень интересны описаніе черногорской жизни и нравовъ, столь мало похожихъ на нравы европейскихъ сосѣдей Черногоріи. (Daily News).

«*The Law of Likeness*». *David Bates.* (*Longmans*). *9 s.* (*Законъ подобія*). Прекрасно написанная книга, заключающая въ себѣ много оригинальныхъ мыслей, являющихся результатомъ продолжительнаго пребыванія автора въ Западной Африкѣ, среди первобытной природы; гдѣ онъ могъ наблюдать многообразныя проявленія ея силы и мощи и неумолимую борьбу за существованіе во всей ея первобытной простотѣ. Но больше всего его интересуютъ первобытные обитатели, простота ихъ жизни, общинная организація, старинные обряды и символы и столкновеніе съ христіанскою цивилизаціей. Онъ дѣлаетъ сравненія, которыя оказываются не въ пользу послѣдней. (Daily News).

«*Unknown Mexico*» *by Carl Lumholtz. Two vols.* (*Macmillan*). *50 s.* (*Невѣдомая Мексика*). Авторъ этой книги, извѣстный путешественникъ, началъ свою карьеру путешествіемъ въ Австралію, гдѣ онъ прожилъ болѣе года среди дикарей, кочуя и охотясь съ ними. Его такъ заинтересовало изученіе дикихъ и варварскихъ расъ, что онъ сдѣлалъ его главною цѣлью своей жизни. Это заставило его отправиться въ неизслѣдованныя еще области Мексики, гдѣ онъ могъ изучить туземныя племена, съ которыми прожилъ довольно долго. Его описанія представляютъ огромный интересъ съ этнологической точки зрѣнія. (Times).

«*Leaders of Public Opinion in Ireland*» *by W. E. H. Lecky. Two vols. New Edition.* (*Longmans*). *25 s.* (*Вожди общественнаго мнѣнія въ Ирландіи*). Въ этомъ новомъ, нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ изданіи своей книги, авторъ излагаетъ исторію ирландскаго движенія и характеристику его главнѣйшихъ и наи-

болѣе знаменитыхъ представителей, начиная съ послѣдней половины XVIII-го вѣка. (Times).

«*Millionaires and Kings of Enterprise*» *by J. Buruley. The marvellous Carcers of some Americans, who by Pluck, Foresight and Energy Inve made themselves Masters in the Frields of hadustry and Finance.* (*Roy*). *21 s.* (*Милліонеры, короли предпріятій*). Авторъ изслѣдуетъ замѣчательную карьеру нѣкоторыхъ американскихъ милліонеровъ, начавшихъ свое жизненное поприще въ нуждѣ и вынужденныхъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба иной разъ тяжелымъ трудомъ. (Times).

«*Penal servitude*» *by W. B. N. London. 1903.* (*William Heinemann*). (*Каторжная работа*). Въ 1897 г. сынъ одного изъ членовъ палаты лордовъ былъ приговоренъ на пять лѣтъ въ каторжную тюрьму и, отбывъ свое наказаніе, издалъ книгу, въ которой описываетъ свою жизнь въ тюрьмѣ и, на основаніи собственнаго опыта, дѣлаетъ заключенія объ англійской пенитенціарной системѣ и тюремномъ режимѣ и персоналѣ тюремъ. Книга интересная и наводитъ на многія размышленія. (Morning Post).

«*Education and professions for Women*». *Woman's Library, vol. I. (Chapman and Holl).* (*Воспитаніе и профессіи для женщинъ*). Это сборникъ статей различныхъ авторовъ-женщинъ по вопросу о высшемъ образованіи женщинъ и разныхъ профессіяхъ, открытыхъ въ настоящее время для женщинъ. Особенно интересны статьи о журнализмѣ, сценѣ, медицинской и общественной дѣятельности женщинъ. (Athaeneum).

«*Through the Heartof Patagonia*» *by H. Hesketh Prichard.* (*Heinemann*). (*Въ нѣдрахъ Патагоніи*). Нельзя не привѣтствовать появленіе этой книги, чрезвычайно занимательной и художественно иллюстрированной, такъ что авторъ, издатель и художникъ равно заслуживаютъ похвалы. Авторъ участвовалъ въ научной экспедиціи, отправленной въ Патагонію газетою «Daily Express» съ цѣлью подтвердить существованіе въ южной области Патагоніи нѣкоторыхъ экземпляровъ допотопныхъ животныхъ, такъ какъ въ іюнѣ 1900 г. директоръ британскаго музея естественной исторіи Рей Ланкастеръ высказалъ въ своей лекціи мнѣніе, раздѣляемое, впрочемъ, и другими учеными, что «Mylodon», можетъ быть, еще существуетъ въ глубинѣ лѣсовъ южныхъ Аидъ». Въ поискахъ за этимъ допотопнымъ звѣремъ авторъ изслѣдовалъ малоизвѣстныя области Патагоніи и хотя нигдѣ не нашелъ «Mylodon'a», но сдѣлалъ много интересныхъ открытій и наблюденій надъ обитателями и природою этой страны. (Athaeneum).

«*Geflüsterte Warte*» *von Carmen Sylva.* (*Regensburg, Wunderling*). (*Слова, сказанныя Шоломомъ*). Эта маленькая книжка содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, касающихся разныхъ явленій общественной жизни. Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва, хорошо извѣстенъ читающей публикѣ. Въ книгѣ есть статья, посвященная женскому вопросу. (Berliner Tageblatt).

«*Plain and Veldt*» *by J. H. M. Abbott* (*Methuen*). (*Равнина и Фельдтъ*). Книга состоитъ изъ двухъ частей, австралійской и африканской, такъ какъ авторъ въ своихъ первыхъ очеркахъ описываетъ австралійскую жизнь и дѣйствія англичанъ въ Австраліи, въ другихъ же онъ говоритъ о британскихъ методахъ въ южной Африкѣ, о послѣдней войнѣ и т. п. (Athaeneum).

«*World's People*» *by Julien Gordon.* (*Methuen*). (*Народъ міра*). Въ книгѣ заключается тринадцать коротенькихъ очерковъ, обрисовывающихъ жизнь общества въ Европѣ и Америкѣ, написанныхъ очень живо и ярко и указывающихъ наблюдательность автора. (Athaeneum).

«*Fallacies in present day Thought*» *by J. p. Sandlands.* (*Elliot Stoek*). (*Ошибки современной мысли*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ мыслей и теорій, особенно сильно занимающихъ и волнующихъ современное общество, и указаніе, въ чемъ заключается ошибочность этихъ теорій. Авторъ говоритъ о вещахъ обыденной жизни, о такихъ воззрѣніяхъ, съ которыми человѣку приходится сталкиваться ежедневно, и старается выдѣлить то, что въ этихъ воззрѣніяхъ заключается ложнаго и неправильнаго, опирающагося на основныя заблужденія человѣческой мысли. (Athaeneum).

«*Human Evolution: an inductive Study of Man*» *by G. Rome Hall. 7 s. 6 d.* (*Swan Sonnenschein*). (*Человѣческая эволюція*). Авторъ дѣлаетъ попытку научнымъ образомъ обосновать эволюцію соціализма. Книга написана очень живо и прочтется съ большимъ интересомъ всѣми, кто слѣдитъ за современнымъ общественнымъ и политическимъ развитіемъ. (Athaeneum).

«*Psychology, normal and Morbid*» *by Dr Mercier.* (*Swan Sonnenschein*). *15 s.* (*Психологія въ нормальномъ и бользненномъ состояніе*). Въ высшей степени интересная книга, которая можетъ служить хорошимъ руководствомъ въ различныхъ психологическихъ вопросахъ не только для профессіональныхъ психологовъ, но и для обыкновенныхъ образованныхъ читателей. (Athaeneum).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

за гужъ, не говори, что не дюжъ. Развѣ это можно—солдату да удрать. Это не порядокъ.

— Разсудительный ты у насъ парень, Уль. Слишкомъ ужъ даже разсудительный.

Онъ затянулся изъ своей коротенькой трубки и сказалъ:

— Не знаю, что это я, право, разсмѣяться толкомъ не могу. Словно будто лицо у меня замерзло: не движется, да и полно! А вѣдь когда вы смѣетесь, какъ мнѣ пріятно! Ну, разскажите ка что-нибудь...

— А вотъ знаешь, Планкъ... знаешь вѣдь его?—тотъ, что третій годъ служитъ: такъ вѣдь онъ дѣвушку-то эту—маленькую, бѣлокуренькую, что у доктора служитъ,—совсѣмъ-таки на мель посадилъ. Ее вчера съ мѣста прогнали, она къ намъ въ буфетъ приходила, хотѣла съ Планкомъ поговорить, а онъ больнымъ сказался... Слышишь, Уль?

— Негодяй онъ!--сказалъ Іёрнъ Уль.— Посадилъ на мель, такъ и стащи. Мы ему теперь проходу не дадимъ, пока онъ съ ней обрученья не отпразднуетъ. Мы ему скажемъ, что бочку пива ему вскладчину купимъ. Небойсь, какъ услышитъ это, такъ пойметъ, что мы всѣ на этотъ счетъ думаемъ.

Гертъ Дозе часто бывалъ въ казармѣ предметомъ шуточекъ, такъ какъ онъ почти ничему не научился въ школѣ и иногда имѣлъ какой-то придурковатый видъ. Но мать его была истинная дочь Крэевъ: отецъ ея былъ весьма извѣстный горбунъ Штоффферъ Крэй, который сначала и не думалъ быть горбуномъ. Въ молодости Штоффферъ Крэй усердно занимался контрабандой и дурачилъ таможенную стражу, переодѣвась такимъ образомъ, что его принимали за горбуна. Дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ этихъ стражниковъ погибъ въ заливѣ: разсказывали, что Штоффферъ Крэй заманилъ его хитростью на отмель и столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься контрабандой и сдѣлался тихимъ, трудолюбивымъ человѣкомъ. Но мало-помалу, будучи отъ природы стройнымъ и прямымъ, какъ рябина, онъ сталъ все больше горбиться и сдѣлался совсѣмъ горбатымъ. Въ такомъ видѣ долгіе годы объѣзжалъ онъ села на своей запряженной собаками повозкѣ. Отъ этого своего дѣда Гертъ Дозе унаслѣдовалъ незаурядный и живой умъ.

Одно время онъ служилъ на Маршѣ у одного богатаго крестьянина, необыкновенно глупаго, ворчливаго и сонливаго. Своей привѣтливостью и услужливостью плутъ завоевалъ себя расположеніе хозяина и, пользуясь этимъ расположеніемъ, отлично устроился у него въ домѣ и продѣлывалъ надъ глупцомъ разныя штуки. Объ этихъ-то своихъ проказахъ онъ и разсказывалъ товарищамъ, когда его особенно просили объ этомъ.

Онъ садился на край своего соломенника и, переводя глаза съ одного слушателя на другого, начиналъ разсказывать...

Потомъ разговоръ замолкалъ. Дозе погружался въ сонъ, Іёрнъ Уль въ размышленія. Остальные болтали тихонько о работахъ протекшаго дня.

Въ послѣдній годъ, когда служба уже окончательно наладилась, Іёрнъ Уль проводилъ большую часть свободнаго времени въ домѣ одного маленькаго чиновника, который былъ на добрыхъ десять лѣтъ старше его. И онъ, и его жена были родомъ изъ венторфской стороны; въ дѣтскіе годы онъ бывалъ у Тиссъ-Тиссена, въ Гезгофѣ, и зналъ Фите Крэя. Это былъ аккуратный человѣчекъ; волосы его всегда были приглажены, рукава рубашки блистали бѣлизною. Онъ былъ старателенъ, трудолюбивъ, деньгами сорить не любилъ, вина не пилъ, быть можетъ, отличался и еще кое-какими добродѣтелями. Онъ не одобрялъ Тисса-Тиссена за его хозяйство, городскую магистратуру, въ которой онъ служилъ, за неумѣлое веденіе городского хозяйства. Не одобрялъ Фите Крэя, который, въ послѣдній разъ, когда онъ его видѣлъ, сидѣлъ, развалясь, въ своей запряженной собаками телѣжкѣ. Не одобрялъ дѣйствія правительства и рѣчи короля. Все было для него предметомъ порицанія. Онъ хвалилъ только самого себя и иногда свою жену, которая изрѣдка осмѣливалась вставить въ его рѣчь кое-какія робкія замѣчанія. Но

хваля свою жену, онъ всегда прибавлялъ: «Я сдѣлалъ ей указаніе на этотъ счетъ. Теперь она всегда такъ и дѣлаетъ».

Іёрну Улю было всего двадцать лѣтъ. Онъ не замѣчалъ всей внутренней пустоты и глупости своего знакомаго. Хотя вѣчное самохвальство его казалось ему нѣсколько надоѣдливымъ и безтактнымъ, однако онъ не придавалъ этому особеннаго значенія, думая про себя: «У всякаго своя манера». Съ своей стороны, онъ не особенно распространялся въ разговорахъ съ нимъ и вообще предпочиталъ молчать. Онъ тихо сидѣлъ на мягкомъ, покойномъ диванѣ, покуривалъ, слушалъ и чувствовалъ себя до нѣкоторой степени польщеннымъ тѣмъ, что такой значительный, представительный человѣкъ расточаетъ передъ нимъ столько словъ и изливаетъ свою жизненную премудрость. Словомъ сказать, въ опрятной, чистенькой, маленькой квартиркѣ этой мирной, бездѣтной семьи онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше.

Но вотъ, когда Іёрнъ Уль завернулъ однажды къ своимъ знакомымъ въ воскресеное послѣ-обѣда, хозяинъ лежалъ въ растяжку на диванѣ съ зубною болью; онъ не могъ говорить и попросилъ своего юнаго пріятеля разсказать ему что-нибудь. Такимъ образомъ, Іёрну Улю пришлось впервые въ этомъ домѣ какъ слѣдуетъ заговорить. И онъ заговорилъ—о чемъ иномъ могъ онъ заговорить?—объ отцовской усадьбѣ, о своей работѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ: о томъ, какъ ему удалось поднять искусной культурой доходность такого-то поля и выгодно продать такую-то скотину. Онъ разошелся и добрыхъ два часа не переставалъ говорить на тему: жизнь, дѣла и взгляды Іёрна Уля. Хозяинъ мучился зубной болью, молчалъ и слушалъ. Жена съ испуганнымъ лицомъ сновала взадъ и впередъ и была, повидимому, сильно озабочена состояніемъ больного.

Когда-же на слѣдующій день Іёрнъ Уль зашелъ справиться о его здоровьѣ —отчасти тутъ было замѣшано и то, что ему понравилось говорить о себѣ,— хозяйка таинственно отозвала его въ кухню и, заливаясь слезами, призналась ему, что наканунѣ, послѣ его ухода, мужъ ея былъ страшно золъ и даже прибилъ ее: онъ совершенно не могъ переносить, чтобы человѣкъ говорилъ въ его присутствіи о самомъ себѣ. Теперь онъ не хотѣлъ больше и слышать о продолженіи знакомства съ Іёрномъ Улемъ изъ Венторфа.

Іёрну Улю не разъ приходилось въ жизни строить изумленное и глупое лицо, что достигалось какъ нельзя легче: стоило ему только для этого немножко вытянуть свое и безъ того длинное лицо. Но никогда никто не видѣлъ у него такой вытянутой физіономіи, какъ въ тотъ разъ, когда, захлопнувъ за собою гладко отполированную дверь, онъ сходилъ по только что выкрашенной лѣстницѣ, чтобы никогда болѣе не подниматься по ней. Онъ присоединилъ воспоминаніе объ этомъ моментѣ своей жизни къ другимъ и хранилъ о немъ глубокое молчаніе. Только впослѣдствіи, двадцать лѣтъ спустя, онъ достигъ такой зрѣлости, такъ близко подошелъ къ правдѣ, такъ углубилъ свое самосознаніе, что могъ со смѣхомъ разсказать всю эту исторію своей женѣ. Однако, въ то время она могла еще воспользоваться этимъ разсказомъ, какъ орудіемъ противъ него, что она немедленно и сдѣлала: «Въ чемъ же тутъ было дѣло, Іёрнъ? Оба вы, видно, блистали тонкой полировкой! Ты краснѣешь, Іёрнъ? И это весьма умѣстно, Іёрнъ Уль!»

Одинъ разъ случилось, что товарищи уговорили его пойти съ ними на вечеринку. Онъ смотрѣлъ, какъ браво они отплясывали, и любовался нѣкоторыми дѣвушками. Одна изъ нихъ, высокая, стройная и въ то же время полная, особенно понравилась ему, и онъ сталъ слѣдить за ней глазами. Она скоро замѣтила это, взяла подъ руку подругу и стала прохаживаться мимо него, бросая на него взгляды. Но такъ какъ онъ не воспользовался этимъ, чтобы пригласить ее на танецъ, она перестала обращать вниманіе на долговязаго, неподвижно стоявшаго молодого человѣка и пошла къ другимъ. Онъ вышелъ изъ зала, вернулся домой, набилъ свою трубку, и, какъ истинно добродѣтельный человѣкъ, сѣлъ у окна и сталъ думать о томъ, какъ

онъ возвратится домой и въ какомъ видѣ найдетъ тамъ хозяйство, и рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ онъ опять приведетъ все въ порядокъ, и удивлялся на своихъ товарищей, которые живутъ безъ всякой заботы и безъ всякой опредѣленной цѣли. А когда они говорили ему: «Что это ты сидишь тутъ, одинъ-одинешенекъ! Вѣдь ты такъ же молодъ, какъ и мы», — онъ невольно принималъ нѣсколько таинственный видъ и давалъ имъ понять, что у него много заботъ.

Хорошо это было, что ефрейторъ Юргенъ Уль, несмотря на свои молодые годы, не бѣжалъ вслѣдъ за толпой, а задумчиво шелъ по самостоятельно избранному пути. Но что онъ считалъ свою молодость погибшей и въ честь ея погребенія строилъ постное лицо и такіе глаза, какъ если бы онъ носилъ въ себѣ всю предусмотрительную мудрость всѣхъ мудро-предусмотрительныхъ людей,—это было въ немъ уже смѣшно. Молодость отомститъ тебѣ за себя, Іёрнъ Уль! Взбунтуйся молодая кровь! Довольно Іёрну Улю разыгрывать изъ себя глупца! Лучше быть грѣшникомъ, чѣмъ такимъ смиренникомъ.

Глава двѣнадцатая.

Въ послѣднія недѣли отбыванія воинской повинности его стало особенно сильно тянуть домой, въ конюшню, въ поля; онъ тосковалъ по каждой скотинкѣ, боясь, что не застанетъ ее больше тамъ, по каждому предмету домашней утвари, который когда-либо держалъ въ рукахъ. Онъ тѣшилъ себя обманчивой надеждой, что теперь для него настанутъ лучшія времена, что отецъ состарился, а братья стали разумнѣе, и ему удастся добиться большаго вліянія въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ уютно онъ будетъ проводить вечера въ обществѣ Эльсбе и Витенъ. Какъ сочный зеленый листокъ клевера будутъ они всѣ трое.

Когда онъ, наконецъ, никѣмъ не ожидаемый и незамѣченный, вошелъ въ свою комнату, открылъ ларь, вытащилъ оттуда синюю холщевую блузу, заглянулъ любопытнымъ глазомъвъ «Чудеса неба» Литрова и обернулся, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что за спиной у него стоитъ сестра.

— Скажи на милость!—проговорилъ онъ.—Ты такая же маленькая осталась, но округлилась и пополнѣла. Совсѣмъ цвѣтущая дѣвушка стала, какъ и быть слѣдуетъ!

Но на ея лицѣ отразилась только скука, близкая къ раздраженію. Онъ сталъ ее разспрашивать про ея житье-бытье. Она отвѣчала сухо и неохотно. Наружностью она напоминала юное, цвѣтущее майское утро; но все ея существо казалось угнетеннымъ, какъ у человѣка, который съ давнихъ поръ терпитъ тяжкія незаслуженныя невзгоды.

Іёрнъ Уль былъ слишкомъ уменъ, чтобы сомнѣваться въ правильности собственныхъ сужденій и осторожно и скромно присматриваться къ тому, что происходитъ въ сердцѣ его сестры; въ сознаніи своей непогрѣшимости, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что съумѣетъ справиться съ нею. Онъ подумалъ, что она просто стосковалась въ одиночествѣ, и что его присутствіе вернетъ ей прежнюю веселость. Такъ сказалъ онъ и Витенъ, которая въ отвѣтъ только кивнула головой. Но когда онъ вышелъ изъ кухни, она посмотрѣла ему вслѣдъ долгимъ взглядомъ, который отнюдь не выражалъ особенной почтительности къ нему.

Однажды вечеромъ, — недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ онъ вернулся домой,—Генрихъ и Гансъ созвали къ себѣ молодыхъ людей. Вдругъ въ задней комнатѣ, гдѣ сидѣли подлѣ стола, весело разговаривая между собой, братъ съ сестрою и Витенъ, появился Гарро Гейнзенъ. Онъ служилъ уланомъ въ Моабитѣ, подлѣ Берлина, и растранжирилъ тамъ огромныя деньги. Онъ зашелъ, чтобы повидаться съ Юргеномъ, какъ онъ объяснилъ:

— Хотѣлъ поздороваться съ тобой. Покончили мы съ игрой въ солдатики! Выйдешь къ намъ туда на минутку?

Іёрнъ покачалъ головою и продолжалъ сидѣть, попыхивая дымомъ изъ своей трубки.

Тогда Гарро Гейнзенъ подсѣлъ къ нимъ

и началъ разсказывать, какъ онъ проводилъ время на военной службѣ, и хвастаться, а Іёрнъ, который думалъ обо всемъ этомъ совершенно иначе, молчалъ. Тогда бывшій уланъ спросилъ Эльсбе, на которую онъ не переставалъ посматривать своими красивыми глазами, не выйдетъ ли она къ нимъ въ переднія комнаты; положительно, она должна была бы выйти: тогда къ нимъ придутъ и нѣкоторыя другія дѣвушки, собравшіяся на сосѣднемъ дворѣ. Эльсбе сидѣла словно каменная. Потомъ она взглянула на брата; но тотъ только кусалъ себѣ губы и явно показывалъ, что не знаетъ, какъ выйти изъ этого положенія. Тогда дѣвушка вдругъ быстро убрала свою работу и, тяжко вздохнувъ, вышла съ нимъ изъ комнаты. Едва они переступили черезъ порогъ комнаты, какъ навстрѣчу имъ раздался шумный дѣвичій говоръ. Было уже поздно, и на дворѣ стояла темная ноябрьская ночь.

Іёрнъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, посматривая время отъ времени на Витенъ. Но та съ загадочно-неподвижнымъ лицомъ, смотрѣла на свою работу и молчала. Эти часы заставили его извѣдать нѣчто великое и доселѣ незнакомое ему: тревогу за близкаго человѣка.

Наконецъ, онъ пошелъ въ свою комнату и сталъ ходить изъ угла въ уголъ, потомъ остановился у окна, глядя въ темноту. Онъ ропталъ на Бога и на весь міръ, думая о томъ, что все, принадлежавшее къ этому дому, словно падало въ грязь и обречено было на безвозвратную погибель. Онъ терзался сознаніемъ, что у него не хватаетъ увѣренности въ себѣ, не хватаетъ мужества выйти къ этимъ людямъ и сказать: «Отдайте мнѣ мою сестру». Ему казалось, что никогда онъ не сдѣлается настоящимъ мужчиною. «Я буду смотрѣть на все это,—говорилъ онъ,—буду справлять мою работу въ полѣ и на дворѣ и всю жизнь буду для нихъ простымъ работникомъ, какъ говорилъ про меня отецъ».

Въ то время, какъ онъ стоялъ, погрузившись въ эти грустныя размышленія, въ глубинѣ дома быстро распахнулась дверь, раздался гамъ пьяныхъ голосовъ, дверь снова захлопнулась, и въ темныхъ сѣняхъ послышались торопливые шаги. Онъ открылъ дверь своей комнаты, Эльсбе, быстро и громко дыша, почти упала въ его объятья.

— Я удрала отъ него.

— Нехорошо это,—сказалъ онъ,—то, что ты дѣлаешь! никакого удержу у тебя нѣтъ.

— Мнѣ и самой это надоѣло,—сказала она, пошла къ окну и сѣла на ларь. какъ дѣлала это, бывало, въ дѣтствѣ.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Эльсбе: не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ всѣ Гейнзены должны будутъ убраться со своихъ дворовъ и идти въ Гамбургъ—торговать сѣномъ и мякиной. Вотъ, помяни мое слово.

Она соскочила съ ларя и заглянула въ окно:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, ищетъ ли онъ меня?.. Отчего ты еще не легъ въ постель? Я сказала ему, что побѣгу къ тебѣ; но я думала, что ты уже въ постели и заперъ дверь. Тогда я побѣжала бы въ сарай. Я такъ испугалась!

Онъ стоялъ посреди комнаты:

— Я не могъ лечь спать. Я все время думалъ о томъ, что ты тамъ дѣлаешь.

— Что же я такое могла дѣлать?

— Прежде ты была такъ близка со мной.

Она мелькомъ взглянула на него:

— Много ли мнѣ отъ этого проку, другъ мой любезный!

Она засмѣялась. Потомъ снова выглянула изъ окна:

— Удивительно, что онъ не пошелъ за мной. Я пойду взглянуть потихоньку черезъ кухонную дверь. Вѣроятно, онъ подумалъ, что я побѣжала въ садъ. Ну, ложись спать, покойной ночи!

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ проронить хоть слово, она выбѣжала изъ комнаты.

Дождь снова забарабанилъ въ темное окно; изъ глубины мрака доносился могучій, смутный шумъ тополей. И онъ сталъ прислушиваться къ этимъ голосамъ ночи съ какою-то тайною отрадою, невольно отдаваясь во власть ихъ.

Но въ то время, какъ онъ ходилъ по комнатѣ въ этомъ безвольномъ, бездѣятельномъ состояніи души, сквозь шумъ дождя донесся вдругъ какой-то звукъ, похожій на робкую пѣсню птицы, впервые запѣвшей ранней весной. Онъ отчетливо различилъ голосъ своей сестры. Въ то же мгновеніе онъ, словно однимъ мощнымъ прыжкомъ, вылетѣлъ изъ міра своихъ грезъ. Обѣ его руки сжались въ кулакъ. Одну минуту душа его боролась съ нерѣшительностью, отличавшей его съ юныхъ лѣтъ, съ робостью, которая развилась въ немъ подъ вліяніемъ долголѣтняго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ въ отцовскомъ домѣ. Но вмѣстѣ съ закипѣвшимъ гнѣвомъ въ немъ вдругъ проснулся настоящій мужчина. Такъ добрый молодой конь, дремавшій, свѣсивъ голову, на опушкѣ лѣса, услышавъ раздавшійся въ лѣсу ударъ топора, пугается на мгновеніе и, настороживъ уши, мчится впередъ.

Онъ распахнулъ дверь, вошелъ въ кухню и посмотрѣлъ въ садъ. Тамъ, во мракѣ ночи, онъ разглядѣлъ свою сестренку, стоявшую подлѣ ивы въ тѣсномъ объятіи съ Гарро Гейнзеномъ. Онъ положилъ ей руку на плечо и проговорилъ суровымъ, твердымъ голосомъ:

— Ступай домой. Отвѣчать-то за тебя вѣдь никому другому, а мнѣ придется.

Она начала было сопротивляться, потомъ пошла съ нимъ. Гарро Гейнзенъ смущенно засмѣялся и пошелъ въ переднюю часть дома.

Іёрнъ Уль велъ сестру за руку, какъ бывало часто дѣлалъ это въ дѣтствѣ, и, дойдя до середины комнаты, оставилъ ее. Шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ поглядывалъ на ея красивые, изящные члены, придававшіе ей, несмотря на ея полноту и небольшой ростъ, стройность и привлекательность. Она казалась выше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, и дышала первымъ расцвѣтомъ женской прелести. Во всемъ ея существѣ и въ ея карихъ глазахъ чувствовалась нескрываемая страстность

— Что это значитъ?—сказалъ онъ.

— Должна же я любить кого-нибудь,—сказала она упрямымъ тономъ.

— Съ этимъ спѣшить нечего. Найдется и другой, который сможетъ прокормить тебя.

— Прокормить? Развѣ ты думалъ объ этомъ, когда съ Песочницей удрать хотѣлъ?.. Изъ-за хлѣба ты, что ли, съ ней уйти собирался?.. Тоска беретъ — цѣлые годы, цѣлые годы сидѣть въ этомъ большомъ пустомъ домѣ и ничего не видѣть, кромѣ зеленыхъ ивъ да пьяныхъ братьевъ. Неужели же я, по твоему, всю жизнь должна здѣсь корпѣть?

— Боже сохрани, — сказалъ онъ. — Развѣ это жизнь? Но вѣдь такъ ты только въ бѣду попадешь, тогда я совсѣмъ одинъ останусь.

— А если я хочу этого? Чего человѣкъ хочетъ, въ томъ и благо для него. Ты за меня неотвѣтственъ.

Тогда его охватилъ такой гнѣвъ, что онъ заскрежеталъ зубами:

— Я не допущу этого. Я завтра же увезу тебя изъ этого дома. Я отвезу тебя къ Тиссу-Тиссену; онъ единственный братъ твоей матери. А потомъ я постараюсь подыскать для тебя приличное мѣсто въ какой-нибудь хорошей чужой семьѣ, подальше гдѣ-нибудь, чтобы ты позабыла этого Гарро Гейнзена... Слышишь? Пожалуйста запомни это у меня. Я не хочу, чтобы ты взяла себѣ въ мужья кого-нибудь изъ этихъ пьяницъ; ты должна выйти замужъ за такого человѣка, какъ я, за человѣка, который способенъ работать. Отецъ и братья могутъ говорить все, что имъ угодно: въ этомъ дѣлѣ я не позволю себѣ перечить.

— Я не хочу! Я одного его хочу. Лучше одинъ день съ нимъ, чѣмъ десять лѣтъ съ такимъ человѣкомъ, какъ ты.

Но едва проговоривъ это, она бросилась на стулъ, закрыла лицо руками, положила голову на столъ и сказала, громко плача:

— Все это оттого, что у меня матери нѣтъ. Мама! Мама!.. Что мнѣ теперь дѣлать? Я такъ его люблю, что мнѣ съ этимъ дѣлать? Но вѣдь я знаю, что это добромъ не кончится, мнѣ придется потомъ всю жизнь каяться..

Такъ плакала она, а онъ стоялъ подлѣ нея, уставившись мрачнымъ взгля-

домъ въ темноту ночи и не зная, что сказать. Онъ выждалъ, пока она затихла, потомъ снова взялъ ее за руку и отвелъ въ ея комнату, гдѣ Витенъ Пеннъ спала уже мирнымъ сномъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ пошелъ въ общую комнату, куда обыкновенно никогда не заходилъ и, присѣвъ къ отцовскому письменному столу, написалъ своей огрубѣвшей рукой первое въ своей жизни, неуклюжее по формѣ письмо; содержаніе его, однако, было совершенно правильно:

«Милый Тиссъ!

«Увѣдомляю тебя, что сегодня послѣ обѣда я пришлю къ тебѣ Эльсбе, потому что я не хочу, чтобы съ ней здѣсь случилось что-нибудь недоброе; она должна выйти замужъ за порядочнаго человѣка, все равно за кого, хоть бы за простого работника. Я бы готовъ ее самъ какъ песъ сторожить, да ночь длинна и темна, и сплю я крѣпко. А ей время пришло. Ты знаешь, что во дворѣ дѣлается, когда май мѣсяцъ подходитъ: въ конюшнѣ и въ хлѣву все въ тревогѣ. Лучше ужъ поэтому перевести ее на другое пастбище и передать присмотръ за нею тебѣ. Смотри за ней хорошенько. Пусть она спитъ въ сосѣдней комнатѣ съ тобой или въ твоей комнатѣ. Можно поставить кровать подъ Африкой.

«Юргенъ Уль».

Съ этимъ письмомъ онъ послалъ въ Гезгофъ верховаго. А послѣ обѣда, когда всѣ разбрелись со двора и пошли на конную ярмарку или, вѣрнѣе, подъ предлогомъ конной ярмарки, отправились въ корчму, онъ рѣшилъ, что теперь какъ разъ время увезти Эльсбе и что лучше всего сдѣлать это самому.

Итакъ, онъ запрегъ двухъ рослыхъ гнѣдыхъ въ старинную плетеную повозку, въ которой когда-то пріѣхала изъ Гезгофа его мать, тогда еще молодая дѣвушка, и посадивъ въ нее Эльсбе, которая добродушно, ласково и немножко лукаво посмѣивалась, глядя на него, поѣхалъ черезъ село. Въ то время, какъ они проѣзжали мимо корчмы, тамъ сидѣли Ули, Гейнзены и многіе другіе, а старый учитель Петерсъ, пришедшій поговорить о дѣлахъ сберегательной кассы, стоялъ у раскрытаго окна. Сидѣвшіе за картами игроки, поднявъ головы, узнали повозку, и сейчасъ же начались разспросы и смѣхъ.

— Да никакъ это Іёрнъ? Онъ и есть! Въ кои-то вѣка его увидишь! Словно не нынѣшній онъ у тебя какой-то, Уль!

Старый Уль, со своимъ краснымъ лицомъ, поднялся съ мѣста и не нашелъ ничего лучше, какъ подойти къ открытому окну и начать издѣваться надъ собственными дѣтьми.

Сынъ слышалъ его слова; тонъ, какими они произносились, и выраженіе лица, съ какимъ отецъ ихъ говорилъ, было хорошо знакомо ему; но онъ не оборачивался. Онъ сидѣлъ, немножко согнувшись, выставивъ впередъ голову, и преспокойно нахлестывалъ бичомъ широкія спины лошадей. Онъ слышалъ еще, какъ отецъ отпустилъ какую-то шуточку и какъ всѣ захохотали. Но повозка быстро катилась дальше, и голоса замолкали...

— Видишь, Эльсбе,—сказалъ онъ,— вотъ какой онъ у насъ, отецъ! Онъ боялся, какъ бы они тамъ не стали смѣяться надъ нимъ. Поэтому, онъ сейчасъ-же обернулся, показалъ пальцемъ на насъ и заставилъ ихъ смѣяться надъ нами, надъ своими младшими дѣтьми! Видишь, какой у насъ отецъ!

И, вспыхнувъ гнѣвомъ, онъ испустилъ тяжкое проклятіе. Если съ отцомъ что-нибудь случится и ему потребуется его помощь, онъ и пальцемъ о палецъ не ударитъ!

Впослѣдствіи, на дѣлѣ, эти слова его, однако, не оправдались.

* *
*

Доставивъ свою сестру въ безопасное мѣсто, какъ онъ полагалъ, и сдѣлавшись попрежнему старшимъ работникомъ въ домѣ отца, онъ скоро сталъ замѣчать, что и здѣсь, и во многихъ другихъ дворахъ творится что-то нелады и что близится конецъ всему этому общему разгулу. Начались такія явленія, стали ходить такіе слухи, что всѣ заволновались. Все было охвачено тревогой, какъ во время сильной грозы: ударила молнія, и всѣ стоятъ и ждутъ,

не покажется ли красный пѣтухъ на крышѣ.

Какой-то человѣкъ въ форменномъ платьѣ заходилъ въ нѣкоторые дома, и всѣ спрашивали, кто бы это могъ быть. Никто не зналъ этого человѣка и не видывалъ такой формы. Когда же нашелся одинъ дока, сказавшій, что человѣкъ этотъ не кто другой, какъ судебный приставъ, а изъ корчмы разнесся слухъ, будто молодой Зикъ проговорился въ пьяномъ видѣ, что ему придется оставить свой славный дворъ и что ему жалко думать о своихъ дѣтяхъ, тогда высыпали на улицу всѣ ремесленники и весь рабочій людъ, и стояли весь этотъ день—пасмурный, облачный ноябрьскій день—у двѣрей домовъ своихъ, подъ оголенными липами, а въ окнахъ по всему селу до поздней ночи свѣтились огни.

Въ это-то время и пріѣхалъ со своей женой и тремя дѣтьми Августъ, старшій братъ Іёрна. Экипажъ отличался щегольствомъ, а на женѣ, которая въ юные годы посѣщала прогимназію и была въ гамбургскомъ пансіонѣ, надѣта была пышная ротонда, обшитая темнымъ мѣхомъ. Она снисходительно поклонилась Іёрну и прошла въ домъ; Августъ тихо побрелъ за нею. Іёрнъ распрягъ лошадей и пошелъ работать. Но какой-нибудь часъ спустя, когда ему пришлось зайти въ комнату, чтобы сообщить домашнимъ о приходѣ торговца, который стоялъ передъ дверьми и хотѣлъ о чемъ-то переговорить съ ними, онъ увидѣлъ что братъ въ ужасномъ волненіи стоитъ посреди комнаты, готовый къ отъѣзду, въ длинномъ кафтанѣ и съ кнутомъ въ рукѣ. Обращаясь къ отцу, онъ громко кричалъ:

— Чему ты насъ научилъ? Скажи на милость! Носъ задирать, франтить, деньги тратить, за бабами гоняться!.. Оно бы, пожалуй, и недурно. Да только не по карману!.. Во всемъ, во всемъ у тебя обманъ: въ вѣчномъ смѣхѣ твоемъ, и въ толстой твоей мошнѣ, и въ серебряной сбруѣ, и въ похоронахъ, которыя ты матери сдѣлалъ, съ бархатнымъ покровомъ на гробу! Во всемъ, во всемъ!.. Во всемъ ты выше средствъ жилъ. Негодяи и обманщики вы всѣ, ты и вся твоя шайка, съ которой ты пьянствуешь. А расплачиваться за это мы, дѣти, должны!

Отецъ, Клаусъ Уль, сидѣлъ въ углу дивана и глядѣлъ куда-то прямо передъ собой. И впервые младшій сынъ его, остолбенѣвшій при видѣ этой сцены увидѣлъ, что у отца его можетъ быть серьезное и даже испуганное лицо и что онъ замѣтно постарѣлъ и имѣетъ нездоровый видъ.

— Если бы мать жива была, хоть одинъ разумный человѣкъ въ домѣ былъ бы! Но мы, глупые мальчишки, презирали нашу мать. Мать! Она была ангеломъ-хранителемъ въ этомъ домѣ. А ты? Ты все только губишь и гадишь! Теперь я вижу, что насъ ожидаетъ: намъ всѣмъ придется окончательно съ нашихъ дворовъ убраться, какъ Гансъ Мейеръ съ отцовскаго двора убрался: положилъ въ тачку мѣшокъ съ пшеницей, да и пошелъ, а за нимъ ребенокъ его съ краюшкой хлѣба... Неладно у тебя дѣло, вотъ что я тебѣ скажу: съ нечистымъ ты, видно, спознался.

Онъ повернулся къ двери, собираясь уйти, и увидѣлъ позади себя своего младшаго брата.

— Ты?—сказалъ онъ.—Ты лисица—и сильно ударилъ его по плечу. — Ты въ двадцать одинъ годъ умнѣе, чѣмъ этотъ вотъ въ шестьдесятъ и чѣмъ всѣ мы. Мы тутъ все въ шелкъ завертывали и виномъ поливали и сами не знали, что у насъ есть, чего нѣтъ. А ты видишь вещи такими, какія они есть. Не дѣлай такого смущеннаго лица. Помяни, меня, ландфогтъ, когда придешь въ царство свое. Кому же его и достигнуть, коль не тебѣ. Но эта земля твоею не будетъ: ее этотъ вотъ пропилъ.

Такъ ушелъ старшій сынъ изъ усадьбы отца своего. Это была усадьба, болѣе цѣнная, чѣмъ многія дворянскія имѣнія. Когда онъ сдѣлался пожилымъ человѣкомъ и со своей маленькой, бѣдной повозкой съѣзжалъ съ Рингельсгёрна, направляясь къ отдаленному Ватту, онъ садился всегда такъ, чтобы не видать двора Улей, который такъ широко, увѣренно раскинулся подъ величественными

тополями, верхушки которыхъ подъ непрестаннымъ западнымъ вѣтромъ склонялись къ востоку.

И другимъ тоже пришелъ матъ.

Горькая забота тяжелой рукой стучалась въ двери старыхъ, сильныхъ крестьянскихъ дворовъ и живущіе въ нихъ ходили взадъ и впередъ по длиннымъ, темнымъ сѣнямъ, и не хотѣли отпирать дверей, а въ комнатахъ сидѣли жены и плакали, и дѣти были полны тяжелаго, жуткаго предчувствія.

На одномъ дворѣ жена сама запрягла гнѣдыхъ въ повозку, надѣвъ на нихъ серебряную сбрую, отправилась въ городъ и пошла въ судъ и потребовала, чтобы надъ ея мужемъ сегодня же учредили опеку. Смѣлая женщина разложила бумаги, которыя она взяла съ собой, и показала, сколько ушло изъ ея приданаго. Она поставила своего маленькаго мальчика, котораго она взяла съ собой, на зеленый столъ, сняла съ него штаны и показала слѣды тяжелыхъ ударовъ пьянаго мужа на его тѣлѣ, и открыла свою полную, бѣлую шею и показала слѣды его пальцевъ, и требовала опеки и назначенія себя въ опекунши. Судья былъ молодъ и не разъ находился вблизи женщинъ, но объясняться съ ними ему еще ни разу не приходилось. Онъ схватился за звонокъ и сказалъ:

— По закону это совсѣмъ не такъ просто.—И онъ принялся объяснять ей, что для этого требуется. А требовалось не мало.

И тутъ она сказала смѣлое слово о законахъ въ ея отечествѣ: они, молъ, тяжеловѣсны, какъ старая корова, и враждебны къ женщинамъ, какъ старый, обозленный холостякъ. Слова ея раздавались даже въ корридорѣ. Въ концѣ концовъ, она сказала, что, слава Богу, существуетъ другое право, которое она отнынѣ и будетъ примѣнять. И она подняла руку, какъ бы замахиваясь ею. Она совсѣмъ обойдется безъ суда; да это и дешевле. Но если въ будущемъ мужъ ея придетъ сюда, чтобы пожаловаться на нее, то судъ долженъ отказать ему; иначе она такъ отдѣлаетъ своего мужа, что онъ двѣ недѣли не будетъ имѣть возможности ни стоять, ни ходить.

Такъ говорила женщина, обезумѣвшая отъ долголѣтняго горя, и уѣхала домой, не солоно хлѣбавши. И потомъ она часто проѣзжала по селу, всегда на двухъ быстрыхъ лошадяхъ. Серебряную сбрую она на другой день продала, лошади ходили и ходятъ еще и посейчасъ въ веревочной сбруѣ; по сторонамъ она не глядитъ. Она стала суровой. Работники и торговцы боятся ее; дѣти ея стали хорошими людьми, мальчики не много запуганы, а дочери стали госпожами своихъ мужей; мужъ въ одинъ прекрасный день ушелъ изъ жизни, послѣ того, какъ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ по дому, прижимаясь къ стѣнамъ. Онъ лежитъ въ заброшенной могилѣ, налѣво отъ главной дорожки, рядомъ съ могилой своего поденьщика, стараго Петра Бака, которая, какъ говорятъ, всегда очень опрятно убрана. Когда, разъ, жена одного изъ сыновей потихоньку убрала могилу, вдова, случайно проходившая мимо, посѣяла на могилѣ крапивное сѣмя. При этомъ старики разсказывали, что когда-то, въ день своей свадьбы она не могла удержаться и тотчасъ же послѣ вѣнца, при всемъ народѣ, плача и смѣясь, бросилась на шею своему молодому мужу. И такая то пылкая любовь превратилась въ столь пылкую ненависть.

Въ эту зиму и Вильгельмъ Изерманъ совершилъ свою послѣднюю поѣздку по деревнѣ; его родъ жилъ у перекрестка, противъ новаго кладбища, на высокомъ, гордомъ холмѣ. По церковнымъ книгамъ Изерманы жили тамъ уже лѣтъ четыреста. Однажды вечеромъ, передъ самымъ Рождествомъ, къ нему въ домъ пришелъ его братъ, прожившій въ Гамбургѣ въ качествѣ хорошаго и уважаемаго доктора. Его другъ, ландратъ, написалъ ему, что если онъ хочетъ обратить своего брата на прежній путь, пусть поспѣшитъ. Онъ съ трудомъ узналъ правду и увидѣлъ, что опоздалъ. Бывало, онъ ежегодно и съ такой радостью возвращался на родину изъ большого тѣснаго города, чтобы вспомнить о прекрасныхъ свободныхъ молодыхъ годахъ и еще разъ пройтись по всѣмъ комнатамъ и по полямъ. Теперь

онъ въ послѣдній разъ ходилъ взадъ и впередъ по двору, заглядывалъ во всякій ровъ, на всякій дубъ и, наконецъ, прижался головой къ косяку и заплакалъ.

И Старкъ Беренсъ, бывшій всегда умнѣе всѣхъ другихъ, принужденъ былъ сойти съ коня посередь дороги и идти дальше пѣшкомъ. Его дѣти уже выросли, волосы посидѣли. Онъ тридцать пять лѣтъ просидѣлъ въ этой прекрасной усадьбѣ и всегда разсуждалъ разумно и многимъ давалъ совѣты и бранилъ глупость, которая такъ широко распространена была въ этихъ краяхъ. «Что? Хозяйничать? Это всякій можетъ,—говорилъ онъ; — но идти впередъ въ своемъ хозяйственномъ дѣлѣ—вотъ въ чемъ искусство». Вся страна вѣрила его хвастовству. И трехъ человѣкъ нельзя было насчитать, которые бы этому не вѣрили. Общее убѣжденіе было, что это была хитрая лисица.

Но теперь выяснилось, что онъ въ продолженіе всѣхъ тридцати пяти лѣтъ, съ начала до конца, никогда вообще не зналъ, сколько у него было домовъ или какое у него было состояніе, и не имѣлъ никакого представленія, увеличивались ли тѣ и другіе или уменьшались. Не лисицей онъ былъ, а осломъ. Дѣла его были запутаны, какъ дѣвичьи волосы, въ которые безсовѣстные мальчишки залѣпили репейникъ. Ему пришлось покинуть усадьбу, и онъ пошелъ скитаться по дворамъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ разорилъ и сдѣлалъ посмѣщищемъ; онъ ходилъ изъ дому въ домъ, и всѣ они отказали ему. Наконецъ онъ обрѣлъ уголокъ, гдѣ онъ могъ спать и сидѣть, у своей старой сестры, мужъ которой занималъ въ городѣ маленькую должность.

И Янъ Викъ, бывшій въ продолженіи долгихъ лѣтъ фогтомъ и завѣдующимъ дамбами, ушелъ съ собственнаго двора въ Гамбургъ, за своими тремя сыновьями, ушедшими раньше его. Тамъ онъ цѣлые дни проводилъ въ грязной комнатѣ, выходившей на дворъ; дѣтямъ его приходилось дѣлиться съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, который они сдабривали грубыми словами и глумленіемъ; вечеромъ онъ уходилъ въ клубъ котельщиковъ и занимался игрою въ кегли, чтобы заработать нѣсколько грошей себѣ на выпивку. А въ понедѣльникъ онъ надѣвалъ желтый истрепанный дождевой плащъ, который онъ носилъ когда-то въ счастливые дни, шелъ на скотный рынокъ и бесѣдовалъ съ тѣми, кто пріѣзжалъ на ярмарку съ родной стороны, и бесѣдовалъ разумно и весело смѣялся и говорилъ, что онъ съ удовольствіемъ живетъ въ Гамбургѣ, разсказывалъ о пріятной жизни, которую онъ здѣсь ведетъ, и провожалъ своихъ земляковъ до вокзала, кивалъ имъ головой на прощанье и возвращался въ свою темную, грязноватую комнату, ударялъ себя по головѣ и плакалъ: «Если бы я хоть разъ еще могъ посидѣть подъ своими раскидистыми липами, на моемъ чудесномъ, чудесномъ дворѣ! Хоть одинъ только разъ! Какъ бы я сталъ заботиться обо всемъ, работать, копить! И никогда больше не взялъ бы я въ ротъ ни глотка, никогда»!

И Клаусъ Уль прошелъ черезъ село; этотъ, казалось, еще не зналъ нужды. Онъ даже никогда не былъ такъ высокомѣренъ, какъ въ послѣднее время, когда въ его имѣніи ни одинъ камень, ни единая доска не принадлежали больше ему. Попрежнему на его губахъ играла мягкая, плутовская усмѣшка, но когда онъ проѣзжалъ селомъ, гдѣ столько дѣтей и маленькихъ людей любовались его блестящей упряжкой, выраженіе его лица было глубоко серьезное: тогда его словно давила собственная важность, какъ придворнаго шута, который сквозь народную толпу ѣдетъ къ королю.

А Генрихъ и Гансъ Ули, а также и другіе молодые люди проѣхали селомъ уже подъ утро. Эти возвращались съ ярмарокъ и вечеринокъ. Безпокойныя и измученныя лошади кидали экипажи изъ стороны въ сторону; сидѣвшіе въ нихъ спали или ворчали.

Вечеромъ, дома, ремесленникамъ и работникамъ снова было чемъ потолковать. Молодежь легкомысленно говорила: «Земля вертится, потому люди скользятъ. Одни съѣзжаютъ внизъ по склону, а другіе въѣзжаютъ. Зачѣмъ

они жили, какъ дикари?» Старики говорили о гибнущихъ отцахъ и о дѣдахъ, о томъ, какіе это были работящіе, скромные, честные и солидные люди. Но они также розыскивали и проступки отцовъ, оставшіеся безнаказанными и которые теперь отзываются на дѣтяхъ. Разсказывали о жестокости и суровости, о наслѣдствахъ, полученныхъ съ помощью хитраго обмана и разныхъ дикихъ, дѣяніяхъ. Многіе, видѣвшіе слѣпоту, съ которой эти старыя, гордыя семьи уничтожали самихъ себя, чувствовали, что эти люди должны были погибнуть противъ собственнаго желанья, по безжалостному предопредѣленію судьбы. Многіе были охвачены нѣмымъ ужасомъ, какъ будто по улицамъ и дорогамъ шло страшное нечеловѣческое видѣніе и, касаясь людей, разрушало ихъ мозгъ.

Іёрнъ Уль еще до своей солдатчины былъ совершенно одинокъ и смотрѣлъ на весь этотъ безсмысленный образъ дѣйствій, какъ работникъ, который, стоя посреди поля, смотритъ на дико мчащіяся повозки, проѣзжающія по улицѣ, и потомъ снова наклоняется къ своей лопатѣ. Но тогда ему еще не хватало мудрости и дальнозоркости: по временамъ онъ проклиналъ этотъ дикій образъ дѣйствій и предвидѣлъ плохой конецъ, но иногда начиналъ сомнѣваться, правильны ли его сужденія. Теперь, съ годами, онъ сталъ болѣе зрѣлымъ въ сужденіяхъ. Онъ стоялъ одинъ и смотрѣлъ на нихъ: «Вотъ они ѣдутъ! Несутся! Вотъ падаютъ!» И въ немъ самомъ что-то разсвѣтало: «Твой путь, Іернъ Уль, до сихъ поръ, по волѣ судебъ, былъ иной и онъ долженъ остаться инымъ по твоей собственной волѣ».

Ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ наблюденія надъ судьбами себѣ подобныхъ.

Глава тринадцатая.

Вдвое болѣе одинокимъ почувствовалъ себя теперь Іёрнъ Уль, во-первыхъ, потому, что отецъ и братья, однокашники и однолѣтки шли совсѣмъ другими путями, чѣмъ онъ. Во-вторыхъ, потому что душа его походила на большой праздничнo убранный чертогъ или церковь, и ему хотѣлось наполнить чѣмъ нибудь этотъ пустой чертогъ, эту пустую церковь и устраивать въ ней торжества и празднества, но онъ не зналъ, какъ ему приняться за это. Не было при немъ ни одного умнаго и хорошаго человѣка, который бы указалъ ему путь-дорогу.

Однажды, послѣ обѣда, всѣ его домочадцы ушли изъ дому и отправились на ярмарку въ Мильдорфъ, и даже Витенъ сидѣла у себя въ комнатѣ и шила. И вотъ, когда наступилъ вечеръ и стало смеркаться, онъ принялся ходить взадъ и впередъ по сѣнямъ, въ томъ настроеніи, когда мысли не имѣютъ никакой остроты и опредѣленности, а широки и неуловимы, ровны и безконечны, какъ широкій и необъятный Маршъ. Когда онъ шагалъ такъ въ сѣняхъ, по направленію къ полуотворенной двери, полъ казался какъ бы устланнымъ ковромъ изъ золотого и серебрянаго луннаго свѣта. Онъ подошелъ къ двери и сталъ глядѣть на мѣсяцъ, которому шла третья четверть; онъ подымался надъ Рингельсгёрномъ во всей своей красотѣ и золотилъ землю и черный лугъ, и дубовый кустарникъ у Гольдзоота.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на него, и мысли его медленно прояснялись, расправлялись и обострялись. «Маге nubium», проговорилъ онъ тихо, и по лицу его скользнула лукавая усмѣшка, какъ будто онъ, послѣ долгой разлуки со старымъ другомъ, снова подмѣтилъ въ немъ смѣшныя стороны и странности его молодыхъ годовъ. Онъ еще нѣкоторое время смотрѣлъ на мѣсяцъ, потомъ отправился въ свою комнату и вытащилъ изъ ларя длинную, сильно помятую подзорную трубу. Онъ пріобрѣлъ ее въ Реденсбургѣ, еще въ первые годы солдатчины, за очень дешевую цѣну и еще ни разу не употреблялъ ее.

И вотъ онъ снова стоялъ у полуотворенной двери и глядѣлъ на мѣсяцъ; и всѣ добрые духи, видѣвшіе, какъ онъ стоялъ здѣсь, въ своей короткой, синей холщевой блузѣ, всѣ домовые, что разъѣзжаютъ по ночамъ верхомъ на балкахъ, лѣпятся на гребняхъ крышъ и качаются на вѣткахъ рополей, и тем-

ные облики на старой степи, и душой, и тѣломъ составляющія нѣчто среднее между человѣкомъ и животнымъ, эти дальнозоркія, неповоротливыя, спокойныя, мечтательныя существа и вообще все, что смѣется надъ астрономіей и всякой другой наукой, все, что въ родствѣ съ природой и съ хохотомъ, свистомъ, стонами и плачемъ кормится у груди ея, все это радовалось теперь, глядя на Іёрна Уля: «Въ добрый часъ! Онъ снова увлекается!»

Іёрнъ Уль глядѣлъ на мѣсяцъ и называлъ по именамъ отдѣльныя моря, узнавалъ горныя цѣпи и радовался, что онъ помнитъ еще ихъ имена. И вдругъ, пристально вглядываясь, онъ въ первый разъ ясно разсмотрѣлъ, съ помощью подзорной трубы, отдаленные кратеры и чуть слышно вскрикнулъ, когда своими глазами увидѣлъ то, объ чемъ говорилось въ старой книгѣ, которая была у него въ ларѣ: тамъ, наверху, на голубомъ небѣ онъ увидѣлъ, какъ горныя высоты у mare nektar ярко пылали на утреннемъ солнцѣ.

И онъ долго стоялъ такъ, желая, какъ слѣдуетъ, спокойно насладиться своей радостью, и мало-по-малу, мысли его отклонились въ сторону, и онъ сталъ раздумывать о томъ, что вѣдь онъ совершенно не похожъ на всѣхъ остальныхъ молодыхъ людей, которые теперь пили въ Мильдорфѣ на ярмаркѣ и бѣгали за дѣвушками. Онъ, цѣлый день пахалъ, а вечеромъ глядѣлъ на луну и занимался высокой наукой.

Въ то время, какъ мысли Іёрна Уля шли столь высокими, головокружительными путями, все жило вокругъ него, повсюду, въ воздухѣ, въ деревьяхъ, у обрыва, а онъ не зналъ и не видѣлъ этого.

Наверху, неподалеку отъ Гольдзоота, куда Іёрнъ Уль направилъ свою подзорную трубу, въ маленькой котловинѣ, поросшей верескомъ, на старой, многолѣтней дубовой листвѣ, защищенныя отъ западнаго вѣтра, лежали семь вѣчно юныхъ существъ, семь порожденій степи, съ смуглой кожей, длинными темными волосами и глубокими глазами, которые, по мнѣнію людей, имѣютъ немножко глупое выраженіе, нѣсколько стекляный блескъ и слишкомъ длинныя рѣсницы. Всякій, кому удавалось видѣть ихъ, знаетъ это. Они разсказывали другъ другу о дѣвушкахъ, отправившихся сегодня послѣ обѣда на ярмарку по степной дорогѣ: у нѣкоторыхъ изъ нихъ были задумчивые глаза, у другихъ—веселые,—и мало-по-малу рѣчь перешла на Эльсбе Уль. Они вообще охотно бесѣдуютъ объ Эльсбе Уль, потому что она похожа на нихъ и близка къ нимъ, такъ какъ воля у нея слабая, и она поддается настоящей минутѣ и любовь свою считаетъ своимъ правомъ.

Эти семеро видѣли, что Гарро Гейнзенъ нѣсколько ночей тому назадъ проскакалъ по степи на своемъ гнѣдомъ конѣ, видѣли, что онъ привязалъ гнѣдого къ бѣлой березѣ, стоявшей у Гезгофа, подъ окномъ Тисса, и что Тиссъ-Тиссенъ спалъ и ничего не слышалъ, рѣшительно ничего; и знали они, что маленькая Эльсбе сегодня должна была встрѣтиться съ Гарро Гейнзеномъ на ярмаркѣ; и они говорили: «Сегодня ночью придетъ она сюда и сегодня-же ночью отдастся ему». И вотъ за этимъ-то они и пришли сюда. И когда они обсуждали это—лица ихъ не измѣнились: они попрежнему были сонными, равнодушными и печально-лѣнивыми. Они лежали и ждали: имъ, какъ истиннымъ дѣтямъ природы, пріятно было видѣть въ человѣкѣ пробужденіе его природныхъ силъ.

Они проводили время въ томъ, что передавали другъ другу старые и новые разсказы: вспоминали того стараго, грязнаго и скупого мужика, который тридцать лѣтъ тому назадъ пришелъ съ лопатой и багромъ и съ помощью грубыхъ, лживыхъ словъ пробовалъ выманить у Гольдзоота его сокровища. Но они испугали его. Они вытянули свои темныя, дикія тѣла, и съ горящимикакъ уголья, глазами, появились передъ нимъ у самого края долины, такъ что у него волосы встали дыбомъ, и онъ съ дикимъ крикомъ бросился прочь и черезъ три дня умеръ въ страшномъ бреду. Разсказывали они еще о томъ красивомъ юношѣ, который шесть лѣтъ назадъ, въ одинъ холодный весенній вечеръ сошелъ

къ Зооту и потомъ покинулъ родную сторону. И они думали о томъ, чтобы сегодня ночью, по своему обыкновенію, очаровать человѣка, который пройдетъ здѣсь по дорогѣ, и очаровать такъ, чтобы онъ забылъ осторожность и разсудительность и все, что было въ немъ неестественнаго, и отдался бы своему внутреннему влеченію, какъ сдѣлалъ однажды Фите Крэй и какъ въ ту же ночь сдѣлала дѣвушка, которая умѣла любить, но не могла рѣшиться выйти замужъ.

И когда вечеръ минулъ, и наступила ночь и они все еще толковали о томъ, какъ, и что будетъ—вѣдь порода эта нерѣшительна, слабовольна, въ мечтаніяхъ ихъ сила, въ страданіяхъ—наслажденіе,—на дорогѣ показались двое молодыхъ людей и рука объ руку сошли по тропинкѣ къ Гольдзооту, который бѣлѣлъ и блестѣлъ при лунномъ свѣтѣ. На ихъ молодыхъ лицахъ видна была та глубокая, сосредоточенная радость, которая обыкновенно бываетъ на лицахъ людей, когда внутри души у нихъ поднялось и пришло въ движеніе все хорошее. И ихъ молодые, невинныя лица свѣтились тѣмъ священнымъ, прекраснымъ огнемъ, что былъ внутри нихъ, свѣтились довѣріемъ и любовью и добрыми намѣреніями, а въ глазахъ словно сверкало золотое оружіе, которымъ они хотѣли бороться со зломъ.

* * *

Лѣтъ двадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ сдачи родного войска, семья одного изъ венторфскихъ Крэевъ переселилась въ южную Африку, а затѣмъ вмѣстѣ съ обозомъ буровъ пробралась до крокодиловой рѣки; построила здѣсь низкій домъ, покрыла его длинной травой и понемногу дошла до обычнаго для буровъ скромнаго благосостоянія и нѣкоторой обезпеченности. Изъ Венторфа они привезли съ собой нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались только двое: сынъ и дочь. Дочь вышла замужъ за молодого голландца; сынъ былъ еще холостъ. Онъ былъ отъ природы нѣсколько тяжелъ на подъемъ, какъ и всѣ Крэи, и, казалось, не могъ рѣшиться взять въ жены голландку. Обыкновенно онъ говорилъ своимъ родителямъ, понуждавшимъ его къ женитьбѣ:—«Я былъ слишкомъ большой, когда покинулъ родину: мнѣ было уже десять лѣтъ. А теперь я не могу привыкнуть къ этимъ чужимъ дѣвушкамъ. Если бы я отыскалъ нѣмку, я бы рѣшился»!

Тогда они, основательно обсудивъ этотъ вопросъ потихоньку отъ него, предложили ему отправиться въ Голштинію и высмотрѣть себѣ тамъ дѣвушку изъ числа ихъ родственниковъ, а если ни одна изъ нихъ не понравится ему, то какую-нибудь другую землячку, взять ее себѣ въ жены и возвратиться съ ней назадъ. Онъ согласился, съ улыбкой погрозивъ матери пальцемъ, такъ какъ планъ этотъ былъ измышленъ ею. Такимъ образомъ онъ почти черезъ двадцать лѣтъ поѣхалъ на родину, какъ нѣкогда прародитель Яковъ, который также отправился на поиски за женой.

Онъ пріѣхалъ въ Санктъ-Маріендоннъ, ходилъ изъ дому въ домъ, передавалъ поклоны, отвѣчалъ на разспросы, охотно и чистосердечно разсказывалъ о неизвѣстной странѣ и матеріальномъ положеніи родителей и, въ концѣ концовъ, не скрылъ, съ какой цѣлью онъ предпринялъ свое путешествіе. Но вслѣдствіе этого онъ сталъ въ ложное положеніе, выполнить ему трудно было свое намѣреніе, такъ какъ теперь всѣ смотрѣли на него, какъ на жениха. Нѣкоторые изъ родителей, боявшіеся, что онъ можетъ прельстить ихъ дочерей своей красивой внѣшностью, отнеслись къ нему недружелюбно. Тѣ изъ родственниковъ, которые были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ, склонны были думать, что чужеземецъ зарится на ихъ дитя, чтобы поправить его состояніемъ расшатанныя и разстроенныя дѣла свои. Нѣкоторые похрабрѣе, или болѣе довѣрчивые, или же тѣ, у которыхъ на рукахъ было нѣсколько дочерей, дѣлали неудачныя попытки сблизить молодого человѣка со своими дочерьми, и эти попытки были мучительны для обѣихъ сторонъ. Въ концѣ концовъ, явилось двое старыхъ людей, которымъ хотѣлось заработать малую толику денегъ и которые предложили ему свои услуги въ отысканіи дѣвушки съ извѣстнымъ состояніемъ. Все, что

пришлось пережить молодому человѣку, такъ обезкуражило его, что онъ рѣшилъ отказаться отъ своего намѣренія и отплыть съ слѣдующимъ пароходомъ, который долженъ былъ отойти въ Капштадтъ черезъ нѣсколько дней.

Но тутъ одинъ человѣчекъ, отъ всей души желавшій ему исполненія его желанія, сказалъ ему про ярмарку, которая должна была открыться на слѣдующій день въ Мальдофрѣ и на которую должны были съѣхаться дѣвушки со всей округи.

Недовольный и почти озлобленный,— такъ какъ уже слишкомъ многіе знали о томъ, что было у него на умѣ, и онъ даже сталъ получать письма безъ подписи— онъ все-таки рѣшился сдѣлать эту послѣднюю попытку, которую считалъ совершенно безполезной,—потому что какъ могла рѣшиться дѣвушка, послѣ недѣльняго знакомства, пойти за нимъ, чужимъ человѣкомъ, въ страну, пугавшую своей отдаленностью и дикостью? Но ему слишкомъ сильно хотѣлось обрадовать своихъ родителей; кромѣ того, ему и жениться хотѣлось.

И вотъ на вечеринку пришла молодая дѣвушка, высокая и бѣлокурая, красивая, родомъ изъ Фрисландіи, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Она была дочь сосѣдняго деревенскаго учителя, у котораго было много дѣтей, и уже нѣсколько лѣтъ занимала мѣсто помощницы хозяйки у одного богатаго крестьянина съ Марша; работы у нея на этомъ мѣстѣ было много, а радостей мало. Это было существо по природѣ глубокое, чуткое и впечатлительное; у нея было много мыслей въ головѣ, которыя становились все болѣе робкими и своеобразными, такъ какъ ей вовсе не приходилось проявлять себя передъ людьми.

Сначала она не думала итти на ярмарку. Но хозяйка сказала ей нѣсколько свысока, чтобы она оставалась дома, такъ какъ едва ли кто-нибудь станетъ приглашать ее на танцы,—вѣдь она не крестьянская дочь, и поэтому на нее нашло упрямство; передъ ея глазами проносились пестрыя картины, несбыточныя мечты, вызванныя высокомѣріемъ ея хозяйки. Итакъ, она настояла на своемъ, отправилась на ярмарку, пришла туда, вошла въ танцовальный залъ,—и ей показалось, что все это она видитъ во снѣ.

Сначала никто не приглашалъ ее и она сидѣла со спокойнымъ лицомъ, похожая на ночное небо, затянутое легкой дымкой тумана, сквозь который то тамъ, то сямъ виднѣются свѣтлыя точки, слабо, и тускло свѣтятся и указываютъ на сильное, хотя и не видное пламя. Подымая глаза, она видѣла на другомъ концѣ зала, неподалеку отъ двери, молодого человѣка, который со своимъ смуглымъ цвѣтомъ лица и синей одеждой моряка, казался чужеземцемъ. У него было красивое, серьезное и нѣсколько мрачное лицо.

Вскорѣ она замѣтила, что и онъ глядитъ на нее. И какъ бы притягиваемая какой-то невѣдомой силой,— она думала, что это желанье быть приглашенной на танцы — глядѣла она на него тихими спокойными глазами, и онъ нравился ей. И вотъ онъ, черезъ весь залъ, прошелъ прямо къ ней, поклонился и всталъ въ ряды танцующихъ, медленно двигавшихся впередъ, и сказалъ ей съ нѣкоторымъ смущеніемъ, любуясь ея походкой и высокой фигурой:

— Пока вы сидѣли, я не думалъ, что вы такая высокая и стройная. Когда мужчина сидитъ на лошади, можно опредѣлить его ростъ, а когда женщина сидитъ— нельзя.

Она удивилась этимъ рѣчамъ, ничего не сказала, только поглядѣла на него и кивнула головой. Но вотъ, въ ту минуту, когда танцы должны были начаться, онъ сказалъ:

— Простите, фрейлейнъ, что я пригласилъ васъ, я не учился танцамъ и не упражнялся въ нихъ. Я думаю поэтому, что незачѣмъ намъ подвергать себя насмѣшкамъ, вѣдь мы бы прескверно танцовали. У меня есть къ вамъ другая просьба. Но прежде всего я долженъ спросить васъ, знаете-ль вы, кто я?

Она покачала головой, и свѣтлыя кудряшки на ея вискахъ запрыгали, и она сказала, привлеченная къ нему его простотой и серьезностью:

— Вамъ незачѣмъ говорить, кто вы.

Скажите мнѣ только, что вы отъ меня хотите. Если въ этомъ нѣтъ ничего дурного, я съ охотой исполню ваше желаніе.

Тогда онъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, замѣтили, что я смотрѣлъ на васъ нѣкоторое время. И вы тоже смотрѣли на меня. Много людей скажетъ: что же изъ этого? Но я думаю, для насъ обоихъ это кое-что да значитъ, т.-е., что мы другъ другу нравимся. Не такъ ли?

Она видѣла, что глаза всѣхъ обращены на него и на нее, а позади себя она услышала чей-то громкій голосъ: который говорилъ:

— Послушай, развѣ ты не знаешь? Вѣдь это африканецъ.

Вслѣдъ за этимъ маленькая, смуглая красавица съ пылкимъ сердцемъ и страстными глазами подскочила къ дѣвушкѣ, обхватила ее рукой и потихоньку быстро проговорила:

— Слушай, если ты любишь его, не заботься ни о чемъ другомъ на свѣтѣ! Иди съ нимъ туда, куда онъ хочетъ взять тебя. Ты не знаешь меня? Я — Эльсбе Уль.

Онъ ласково и дружески кивнулъ Эльсбе Уль, вышелъ со своей собесѣдницей изъ рядовъ танцующихъ и сталъ съ ней такъ, чтобы ихъ не слышали другіе. И тутъ онъ разсказалъ ей въ короткихъ словахъ, ничего не утаивая, о своемъ путешествіи, о цѣли его и неудачѣ и о своемъ уже рѣшенномъ отъѣздѣ и закончилъ такъ: если она, послѣ всего, что онъ открылъ ей, хочетъ продолжать этотъ разговоръ съ нимъ или быть можетъ даже согласится выйти съ нимъ изъ зала, то онъ приметъ это, какъ сильное и ясное доказательство ея довѣрія къ нему и будетъ и дальше отвѣчать ей на всѣ ея вопросы.

Сомнительно, чтобы въ наше время дѣвушка очутилась въ такомъ своеобразномъ положеніи. То, что они обсуждали, очевидно, было извѣстно всѣмъ, находившимся въ залѣ. Всего двѣ-три пары танцовали; всѣ остальные говорили или наблюдали за двумя молодыми существами, и во всемъ залѣ стояло жужжанье. И у каждаго на душѣ было свое. Многіе легкомысленные люди насмѣхались, люди солидные понимали, что здѣсь рѣшается судьба двухъ существъ; нѣкоторыя дѣвушки дѣлали серьезное лицо. Если она теперь выйдетъ съ чужеземцемъ, а потомъ откажетъ ему, или онъ обманетъ ее, тогда здѣсь, на родинѣ, всю жизнь на ней останется пятно, и ее будутъ преслѣдовать насмѣшки. Мысль объ ея честныхъ, благочестивыхъ родителяхъ заставила ее поколебаться; всѣ ея бѣлокурые, голубоглазые братья и сестры встали передъ ея глазами. Но все хорошее внутри ея побѣдило, и ложный стыдъ исчезъ. Она сказала:

— Я вѣрю вамъ. Я готова продолжать нашъ разговоръ.

Какъ по улицѣ, прошли они черезъ залъ, сквозь толпу, провожаемые взглядами. Людское возбужденіе, достигшее высшаго предѣла, сомкнулось за ними, какъ смыкаются волны. Выйдя изъ дверей, на улицѣ, предъ лицомъ тихой, одинокой ночи, дѣвушка тяжело и глубоко вздохнула, и когда онъ спросилъ, куда имъ идти, она ничего не отвѣтила, но пошла впередъ. Онъ молча шелъ за ней, и они вышли изъ города по дорогѣ къ Санктъ-Маріендонну, оба занятые своими тяжелыми мыслями, и такъ отдались значительности и своеобразности этой минуты, что шли, какъ будто ихъ кто-нибудь велъ.

Наконецъ, когда дома остались позади ихъ и они молча шли нѣкоторое время по ровной сѣрой дорогѣ и когда минута эта перестала давить ихъ своей тяжестью, и присутствіе чужихъ людей уже не стѣсняло ихъ, они начали разсказывать другъ другу о своемъ положеніи, робкими, несмѣлыми словами. При этомъ волненіе и напряженность чувствъ мѣшали имъ дать полную безпристрастную картину своей жизни; но они говорили о томъ, что было для нихъ дорого и мило. Они говорили о предметахъ до смѣшного мелкихъ по сравненію съ значеніемъ данной минуты; но именно поэтому все пришло къ наилучшему концу; дѣло въ томъ, что они имѣли возможность заглянуть другъ къ другу не въ кошелекъ и даже не въ мысли, а въ сердце;

и скоро сблизились, какъ дѣти, которыя знакомятся во время игры.

Когда дѣвушка прежде всего съ нѣкоторой сухостью сказала, что у нея нѣтъ никакого состоянія и что семьсотъ марокъ, заработанныхъ ею, она предназначила для брата, который хочетъ сдѣлаться учителемъ, а онъ отвѣчалъ, что онъ ничего не желаетъ обо всемъ этомъ знать, она стала разсказывать о своихъ родителяхъ, о томъ, что отецъ мягче матери, но что зато мать лучше умѣетъ распоряжаться деньгами и очень хорошо и умно хозяйничаетъ; потомъ она перешла къ своимъ братьямъ и сестрамъ, стала разсказывать о планахъ братьевъ и о вкусахъ сестеръ: о томъ, что предпослѣдняя такъ любитъ котенка, что въ одинъ прекрасный день взяла его съ собою въ школу, и что отецъ только потомъ совершенно случайно проходя мимо скамейки, замѣтилъ животное, которое очень умно сидѣло на столѣ, и что младшая сестра обыкновенно говоритъ, что хочетъ сдѣлаться королевой. И дѣвушка оживилась и разсказывала съ пылающими щеками, строила воздушные замки о томъ, что должно выйти изъ дѣтей. Она стала даже краснорѣчивой, такъ какъ въ первый разъ послѣ долгаго времени ей казалось, что она говоритъ съ товарищемъ, у котораго общія съ ней понятія. Сердце ея раскрылось, и языкъ развязался. Подъ конецъ она испугалась и сказала:

— Ну, теперь разсказывай ты. Какая женщина твоя мать?

И тогда принялся разсказывать онъ: мать его не очень здорова и слишкомъ слаба для одинокой и нѣсколько суровой жизни; она, по его мнѣнію, лучше подходила бы для жизни въ тихомъ привѣтливомъ голштинскомъ городкѣ, чѣмъ для тѣхъ условій, въ которыхъ ей приходилось жить на берегу Крокодиловой рѣки. Но несчастной ее все-таки назвать нельзя, такъ какъ, словно по тайному соглашенію, и онъ, и отецъ балуютъ мать, подшучиваютъ надъ ней и вообще обращаются съ ней отчасти, какъ съ ребенкомъ, и это очень смѣшно. Такъ, напримѣръ, они никогда не называютъ мать иначе, какъ «малюсенькая», и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не заставятъ ее раза три на день отъ души посмѣяться; а если имъ это не удается и даже старый кафръ, ихъ пастухъ, не можетъ достигнуть этого, тогда, въ субботу, онъ верхомъ отправляется къ сестрѣ и въ воскресенье пріѣзжаетъ она вмѣстѣ съ мужемъ и пятью сыновьями, всѣ семеро верхомъ, всѣ семеро съ всклокоченными волосами, и тутъ ужъ матери ничего не остается, какъ только хохотать.

Тогда дѣвушка радостно засмѣялась и сказала:

— Это хорошо, все это я очень люблю. Вѣдь я уже много лѣтъ живу въ крестьянской семьѣ, и тамъ нѣтъ недостатка ни въ здоровьи, ни въ хлѣбѣ. Но ласковости и веселья тамъ не признаютъ и считаютъ ихъ чуть не грѣхомъ. А я думаю: это лучшее что существуетъ на свѣтѣ, когда люди другъ къ другу ласковы и нѣжны.

Онъ кивнулъ головой и согласился съ ней:

— Ты очень хорошо подходишь къ моимъ; ты должна пойти за мной.

Она снова затихла.

Черезъ нѣкоторое время она опять заговорила сдержаннымъ голосомъ о дѣдѣ съ бабкой, которые были крестьянами, объ уваженіи, которымъ пользовался въ деревнѣ отецъ ея, и объ умѣ и серьезности братьевъ, въ невинномъ желаніи показать своему спутнику, что она дочь хорошихъ родителей,—чтобы ему не казалось, будто онъ подобралъ ее здѣсь на улицѣ.

Тогда онъ сказалъ ей, что видъ ея и все ея существо не позволило ему ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ одною изъ лучшихъ мѣстныхъ дѣвушекъ и — онъ отъ всей души радъ, что заслужилъ ея довѣріе и теперь идетъ бокъ-о-бокъ съ ней. Она не разочаровываетъ его, а, наоборотъ, все больше нравится ему; она уже и теперь кажется ему хорошимъ товарищемъ и онъ охотно пойдетъ съ ней дальше, если она согласится на это.

Она ничего не сказала. Но въ то время, какъ они продолжали такъ идти, и она, разъ, въ темнотѣ не замѣтила рытвины на дорогѣ, онъ взялъ ея руку‘

положилъ ее въ свою и крѣпко держалъ, а она не противилась этому. Такъ шли они нѣкоторое время молча, и онъ по временамъ только поглаживалъ ея руку, а сердца ихъ, безъ словъ, тихо, все съ усиливающейся довѣрчивостью, шли навстрѣчу другъ къ другу.

Такъ продолжали они свой путь по степной дорогѣ и, наконецъ, подошли къ Гольдзооту. Въ неясномъ лунномъ свѣтѣ они увидѣли котловину съ маленькимъ круглымъ зеркаломъ воды, и рука объ руку сошли внизъ. У воды они остановились и заглянули въ нее. И такъ какъ въ эту минуту изъ за облаковъ показался мѣсяцъ они увидѣли свои темные облики въ ясномъ голубомъ свѣтѣ. Они взглянули наверхъ и посмотрѣли другъ на друга.

— Мнѣ хочется пить — сказала дѣвушка, и тихо засмѣялась. Онъ нагнулся, зачерпнулъ воду въ сложенныя руки и поднесъ ей, и она стала пить изъ его рукъ, вытянувъ губы, и въ благодарность кивнула ему головой.

Тогда онъ воспользовался случаемъ и, взявъ ее обѣими мокрыми руками за лицо, осторожно поцѣловалъ. И видя, что она подставляла ему свои губы, а руки положила къ нему на плечи, онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Теперь я знаю, что ты пойдешь со мной.

И она дала твердый и ясный отвѣтъ:

— Да, я хочу идти съ тобой; я такъ люблю тебя и знаю тебя такъ хорошо, какъ будто люблю тебя уже десять лѣтъ. Отецъ и мать отпустятъ меня, хотя это и будетъ для нихъ тяжело; вѣдь они всегда думали, что у меня будетъ необыкновенная судьба; и я могу сказать тебѣ, что я съ особенной надеждой и предчувствіемъ пошла на ярмарку, какъ будто я должна была испытать или хоть увидѣть здѣсь что то совсѣмъ необыкновенное.

Вдругъ она тихонько вскрикнула.

— О,—сказала она,—тамъ въ кустахъ какъ будто кровь течетъ.

Онъ успокоилъ ее и сказалъ:—Это лунный свѣтъ играетъ.

— Или, можетъ быть, это были твои губы? — сказала она и засмѣялась.— Онѣ такія красныя.

Онъ сталъ цѣловать ее, чему она не противилась, и спросилъ, сыта ли она теперь.

— Нѣтъ, далеко нѣтъ!—сказала она, смѣясь.—Я была слишкомъ голодна.

И онъ снова сталъ цѣловать ее.

Потомъ онъ обнялъ ее и сошелъ вмѣстѣ съ ней къ Маршу, успокоилъ ее, и довелъ ее до самой двери того крестьянскаго дома, въ которомъ она служила.

На другой день она обручилась въ домѣ своихъ родителей; и родители, и свѣтловолосые братья и сестры были серьезны, но ласковы, и двое изъ мальчиковъ стали въ тотъ же день утверждать, что со временемъ они непремѣнно отправятся въ Южную Африку. Одинъ изъ нихъ такъ и сдѣлалъ. Другой рано сошелъ въ могилу.

На шестой день молодая чета сѣла на пароходъ.

Въ Капштадѣ они стали мужемъ и женой.

Совмѣстная ихъ жизнь была счастлива. Ни разу не пришлось ей пожалѣть, что она пошла за чужеземцемъ въ дальній край. Она не раскаилась и тогда, когда, спустя тридцать лѣтъ, ей сообщили, что третій сынъ ея убитъ во время наступленія войскъ при Колензо. И тогда не вспомнила она о той крови, которую дѣти ея родины показывали ей у Гольдзоота.

* * *

Въ тотъ самый вечеръ, когда африканецъ и его возлюбленная покинули котловину, наверху, у дороги, остановилась повозка, и Гарро Гейнзенъ сказалъ:

— Давай, сойдемъ къ Гольдзооту на минутку! Всѣ, кто носитъ фамилію Улей или въ родствѣ съ ними, нуждаются теперь въ золотѣ. Можетъ быть, мы и найдемъ его!

— Какъ хочешь,—сказала Эльсбе.

Она соскочила съ повозки въ его объятія, и онъ, крѣпко держа на рукахъ маленькую гибкую фигурку, снесъ ее по тропинкѣ внизъ. И тутъ, у Гольдзоота, въ сырой травѣ, она отдалась ему.

* * *

Ёрнъ Уль стоялъ въ своей синей холщевой блузкѣ и пристально глядѣлъ на мѣсяцъ, на этого стараго, заржавѣвшаго и безплоднаго спутника земли, и не обращалъ вниманія на все то, что жило и любило вокругъ него, въ деревьяхъ, на поляхъ и наверху въ степи. Онъ былъ занятъ великой наукой. Онъ все еще стоялъ и смотрѣлъ на свѣтящіяся горныя вершины, которыя высились на краю mare nectar, озаренныя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, какъ вдругъ луну затмили два человѣческихъ лица, тѣсно прижавшіяся другъ къ другу. Тогда онъ, смущенный, опустилъ трубу и сталъ вглядываться въ темноту и прислушиваться. Потомъ онъ затворилъ двери, отправился въ свою комнату и сталъ думать о работахъ, которыя предстояли ему на завтра.

* *
*

Такъ протекли зима и весна, и дѣло близилось къ лѣту, а Іернъ Уль заботился о дневной работѣ и ждалъ того удара судьбы, который долженъ былъ разрушить его семью. Но ничего такого не случилось. Казалось даже, будто дѣла Улей еще недурны. Ёрна Уля, дѣйствительно, постигъ ударъ, но онъ пришелъ совсѣмъ съ другой стороны.

Это было въ іюнѣ, во время косовицы, въ деревнѣ распространился слухъ о народномъ волненіи и войнѣ. И вся страна, и всѣ люди насторожились и съ жадностью прислушивались къ глухому рокоту и гулу. Душа народа впитывала въ себя этотъ гулъ. Оживала старая, давно заглохшая надежда, которая теперь могла осуществиться; старый споръ, цѣлый рядъ давнишнихъ злобныхъ жалобъ, процессовъ теперь могли быть разрѣшены. Каждый отдѣльный человѣкъ не думалъ объ этомъ; каждый отдѣльный человѣкъ былъ въ тоскѣ и печали и со страхомъ глядѣлъ на все то, что шумѣло и бурлило вдали. Но въ могучей народной душѣ, для которой нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни забвенія, ни смерти, эти мысли о давно минувшемъ прошломъ, эта надежда, которую она вынашивала во чревѣ своемъ не менѣе тысячи лѣтъ, роились и разростались.

Младшій изъ Улей не много слышалъ обо всемъ этомъ; да это и не затрогивало струнъ его сердца. Для него не наступило еще время глядѣть вдаль, и дальше пограничнаго рва усадьбы Улей онъ ничего не видѣлъ.

Наступилъ іюльскій день, когда не мало пришлось поработать надъ сѣномъ, Геиртъ Дозе, который нанялся старшимъ работникомъ къ Улямъ, глубоко всадилъ свои вилы въ копну и сказалъ:

— Эти французы, кажется, больно ужъ носъ задираютъ. Поэтому намъ придется показать имъ, что такое называется вилами. Посмотримъ, что они тогда запоютъ.

Младшій работникъ спросилъ, можетъ ли онъ по своимъ годамъ поступить вольноопредѣляющимся. Дѣло въ томъ, что ему было всего восемнадцать лѣтъ.

Іёрнъ Уль покачалъ головой.

— Успокойтесь,— сказалъ онъ, — до этого не дойдетъ.

На другой день онъ проснулся рано; комната его была вся залита луннымъ свѣтомъ. Онъ подумалъ:

«Еще слишкомъ рано будить другихъ; но я встану и погляжу на луну».

Впродолженіе всей зимы онъ съ жаромъ читалъ Литтрова, и чѣмъ больше пріобрѣталъ познаній, тѣмъ больше радовали его наблюденія надъ звѣздами. Онъ нарисовалъ себѣ луну и положеніе созвѣздій и ему пріятно было, что эти рисунки совпадаютъ съ рисунками Литтрова, и исписалъ нѣсколько листовъ бумаги исчисленіями и измѣреніями. Всѣ эти занятія утоляли его жажду знаній и наполняли безконечную пустоту въ его душѣ.

Итакъ, онъ взялъ подзорную трубу, которая теперь всегда лежала у него наготовѣ въ ларѣ, прошелъ черезъ сѣни, отперъ дверь и собирался уже выйти на дворъ, съ блестящей трубой въ рукѣ, какъ вдругъ пришелъ старшина въ синемъ сюртукѣ съ блестящими пуговицами, нѣсколько удивленно поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Я такъ и думалъ, Іёрнъ, что ты уже всталъ; у меня тутъ двѣ бумаги, одна для тебя, другая для Герта. Вы оба должны завтра къ десяти часамъ быть въ Рендсбургѣ: войска мобилизу-

ются. Мнѣ нужно дальше идти. Желаю тебѣ благополучнаго возвращенія, Іёрнъ!

Іёрнъ Уль опустилъ руки съ подзорной трубой и глубоко вздохнулъ.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ онъ, повернулся, прошелъ назадъ въ свою комнату, положилъ на мѣсто подзорную трубу и сѣлъ на ларь.

«Это можетъ долго протянуться, — думалъ онъ, — это сильный и храбрый народъ и дѣло будетъ не шуточное. Это старая, злая вражда... Гансъ останется дома. Гейнрихъ тоже пойдетъ. Кто возвратится—ни одному человѣку неизвѣстно... Здѣсь начнутся непорядки. Гансъ и отецъ... Эльсбе... Все это я еще долженъ сказать Тиссу. Я пройду мимо Гесгофа. Сегодня въ три часа мы должны уходить... Нужно будетъ взять въ работники Яспера Крэя. Много работать онъ не будетъ, но за то у него ничего не пропадетъ. Гдѣ-то теперь Фите Крэй?.. Это разстраиваетъ всѣ мои расчеты. Но чему быть, тому не миновать. Если они не хотятъ насъ оставить въ покоѣ, такъ приходится ихъ поколотить; а потомъ можно снова начать пахать. Это можетъ продлиться годъ, а то и больше. Ясперъ Крэй единственный человѣкъ, которому я хоть сколько-нибудь довѣряю. Я поговорю съ нимъ по душѣ и пообѣщаю ему, сверхъ всего, сто марокъ, если найду все въ порядкѣ. Грустно: у меня есть отецъ и братья, а мнѣ приходится бѣжать къ сосѣдямъ и просить: «Сохраните наше добро».

Потомъ онъ всталъ, оглядѣлъ комнату, пошелъ и разбудилъ всѣхъ и сказалъ:

— Вставайте. Намъ сегодня еще много дѣла. Меня и Герта призываютъ въ дѣйствующую армію.

* *
*

Около шести часовъ вечера онъ и Геертъ шли по лѣсной дорогѣ и взглянули на Гесгофъ. И тутъ они увидали Тисса Тиссена, шедшаго отъ усадьбы къ деревнѣ, съ большимъ мѣшкомъ за плечами и постоянно оборачивающагося. Оба они начали звать его, онъ остановился. Узнавъ Іёрна, онъ безутѣшно закачалъ головой, глаза его наполнились слезами, и еще издалека онъ сказалъ ему:

— Іёрнъ, Іёрнъ! я натворилъ тутъ ужасно плохихъ дѣлъ! Вотъ уже двѣ недѣли, что Эльсбе нѣтъ здѣсь больше: она уѣхала съ Гарро Гейнзеномъ въ Гамбургъ. Я не рѣшился написать тебѣ объ этомъ. Теперь вотъ она пишетъ, что онъ хочетъ уѣхать съ ней въ Америку, а она боится ѣхать въ Америку и прощается со всѣми нами, особенно съ тобой.

Іёрнъ большими глазами глядѣлъ на Тисса.

— Дай сюда письмо!—сказалъ онъ.

Тиссъ-Тиссенъ сбросилъ мѣшокъ, который онъ несъ за плечами и въ то время, какъ онъ искалъ письмо, обернулся назадъ и сталъ глядѣть на Гесгофъ.

— Зачѣмъ тебѣ всѣ эти бумаги! Куда ты идешь?

— Не спрашивай, Іёрнъ,—застоналъ онъ.—Я иду въ Гамбургъ, а если я ее и тамъ не разыщу, поѣду въ Америку.

Геертъ Дозе ощупалъ мѣшокъ.

— Тамъ два большихъ окорока,— сказалъ онъ,—два куска сала и свиная голова.

— На дорогу,—стоналъ Тиссъ.

— До Гамбурга? — спросилъ Геертъ Дозе вѣжливо.

— До Америки,—сказалъ Тисъ, рыдая.

— Это дѣло!—сказалъ Геертъ.

Іёрнъ прочелъ письмо и молча глядѣлъ на Тисса.

— И ты собрался въ поиски за ней? Судя по ея письму, она уже выѣхала изъ Гамбурга, а если она еще и тамъ, ты не можешь помѣшать ей ѣхать за нимъ въ Америку.

— Она должна разойтись съ нимъ и остаться со мной; ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ ей сказать ни слова.

Іёрнъ Уль задумался.

— Ты, вѣрно, еще не знаешь, что у насъ война съ Франціей и что насъ призываютъ въ Рендсбургъ?

— Ахъ, Господи! — сказалъ онъ. — Этого еще не доставало! Одно несчастье за другимъ.

— Намъ некогда долго думать,— сказалъ Іёрнъ. Онъ покачалъ головой. Новость, сообщенная ему Тиссомъ, еще не входила въ его голову: маленькая

Эльсбе вмѣстѣ съ этимъ большимъ, грубымъ человѣкомъ отправляется Богъ знаетъ куда? Вдругъ у него мелькнула одна мысль:

— Очень можетъ быть, что судно, по случаю войны, еще не имѣло возможности отойти? Если ты еще застанешь ее, сдѣлай, что можешь, и привези ее сюда въ Гесгофъ.

— Ты думаешь, что это удастся,— сказалъ Тиссъ?

Онъ оглянулся на свою усадьбу всхлипнулъ, и слезы потекли по его худымъ щекамъ.

— Ну,—сказалъ Іёрнъ, — утѣшься! Ты всегда такъ стремился путешествовать и увидѣть хотя бы Гамбургъ. Вотъ ты и выберешься, наконецъ, изъ своего болота.

— Да, да,—сказалъ онъ, и опять остановился и оглянулся на свою соломенную крышу.—Плохи, очень плохи дѣла.

Тогда Іёрнъ Уль догадался:—Тиссъ, —сказалъ онъ,—что съ тобой?

Они достигли вершины холма, съ котораго можно было въ послѣдній разъ видѣть Гесгофъ.

— Не знаю!—сказалъ онъ, плача,— у меня на душѣ такъ тяжело!

— Тиссъ! Твоя страсть къ путешествіямъ и всѣ твои карты, и всѣ твои Бразиліи и Японіи, все это было одно воображеніе и пустяки. Ты тоскуешь по дому.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я иду, иду!—и онъ покачнулся, какъ пьяный.

— Возвратись, Тиссъ, ты не можешь совладать съ собой.

— Я не могу спать! — жаловался маленькій человѣкъ,—я всю ночь видѣлъ ее въ горѣ и долженъ идти за ней. И отъ Гесгофа я не могу уйти.

— Если Тиссъ не можетъ больше спать,—сказалъ Геертъ Дозе,—значитъ съ нимъ не ладно, значитъ онъ скоро и апетитъ потеряетъ. Что тогда станетъ онъ дѣлать съ окороками?

— Я долженъ идти!—стоналъ Тиссъ, —ничего не подѣлаешь. Я поѣду съ Эккертомъ Виттомъ, знаешь, лодочникомъ! Оставьте меня въ покоѣ и не мучьте меня: тутъ ничего нельзя подѣлать!

— Ну хорошо, иди! Намъ тоже некогда.

На перекресткѣ они подали ему руку и, остановившись стали смотрѣть ему въ слѣдъ.

— Мѣшокъ для него слишкомъ тяжелъ!—сказалъ Геертъ.—Посмотри, онъ даже качается.

— Ему слишкомъ мучительно уходить,—сказалъ Іёрнъ.

— Послушай, скажи, что за страна эта Франція? То-есть, можно ли оттуда вывести что-нибудь? Откармливаютъ они тамъ свиней? или ты и самъ этого не знаешь?.. Видишь? Онъ положилъ мѣшокъ. Это мучительно для старика, Іёрнъ. Мѣшокъ для него слишкомъ тяжелъ.

— Онъ поднимается на валъ,—сказалъ Іёрнъ Уль,—онъ хочетъ увѣдить еще разокъ усадьбу. И подумать, что этотъ человѣкъ знаетъ въ Индіи всякую тропинку!

— Добѣгу-ка я до него, Іёрнъ. Я думаю, мѣшокъ тому причиной.

Геертъ побѣжалъ черезъ поле гречихи и скоро возвратился, неся подъ мышкой оба куска сала.

— Разговоры-то у насъ съ нимъ недолгіе были! — сказалъ онъ. — Онъ этого совсѣмъ и не замѣтилъ: стоитъ и вздыхаетъ, глядя на усадьбу... Кто знаетъ, каково еще намъ придется! Эти два куска сала единственное добро, которое у насъ есть, все остальное—одна чепуха.

Глава четырнадцатая.

Въ Шлезвигъ-Голштиніи всякій крестянинъ знаетъ, что синіе холщевые штаны и куртка есть настоящая традиціонная одежда конюха, которая, замѣтимъ мимоходомъ,—всѣмъ очень идетъ. Правда этотъ синій холстъ можно упрекнуть въ томъ, что съ теченіемъ времени онъ становится свѣтлоголубымъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно подвергаются тренію, въ то время какъ другія мѣста сохраняютъ прежнюю темную синеву. Эта пестрота разнообразится еще тѣмъ, что хозяйка дома вставляетъ новыя темносинія заплаты на колѣни и грудь, при чемъ человѣкъ становится такимъ пе-

стрымъ, что трудно повѣрить, чтобы это одѣяніе могли принадлежать честному голштинскому уроженцу.

Это было при Рендсбургѣ, на Лоерской степи. Четыре дня тому назадъ Франція объявила войну.

Четыре дня тому назадъ ефрейторъ Ломаннъ,—который умеръ отъ послѣдствій военныхъ невзгодъ, только въ нынѣшнемъ году летѣлъ въ лагерь и везъ старшему начальнику телеграмму. Черезъ минуту всѣ знали что идутъ противъ Франціи. Тогда люди, не дожидаясь команды, какъ будто кто-то затрубилъ тревогу, подскочили къ лошадямъ и поспѣшно принялись сѣдлать и запрягать ихъ. Они думали, что выступятъ тотчасъ же.

Гансъ Ломаннъ, братъ ефрейтора, справа у тяжелаго орудія, третій номеръ на цѣлыхъ четыре недѣли онѣмѣлъ и смолкъ. Только на третій день послѣ Гравелотта мысли его стали проясняться. Во-первыхъ, онъ не понималъ, почему война начиналась не тотчасъ же, во вторыхъ—почему французы не появились на Лоерской степи на другой же день и, и въ третьихъ, когда батареи, были, наконецъ въ пути, какъ это возможно, чтобы міръ былъ такой большой; онъ думалъ, что французы живутъ сейчасъ за Гоенвестедомъ и Гейнкенборстлемъ. Къ тому же онъ совершенно не понялъ того, что говорилъ имъ начальникъ о любви къ отечеству. Но потомъ ефрейторъ Линдеманнъ, который былъ для него то же, что зажженная лампа для темной комнаты, сказалъ ему, что французы оскорбили стараго короля.

— Вотъ что они сдѣлали, Ломаннъ!—и онъ угрожающе поднялъ руку.

— А сколько ему лѣтъ, королю?—спросилъ Ломаннъ.

— Да ужъ за семьдесятъ.

Съ той минуты какъ Ломаннъ услышалъ это, у него прояснилось сознаніе и на совѣсти стало легче.

— Если они старика по лицу бьютъ, то мы имѣемъ право проучить ихъ.

Такимъ образомъ, въ головѣ у Ломанна господствовала нѣкоторая темнота.

Но въ головѣ у капитана Глейзера былъ яркій свѣтъ.

Сколько этотъ человѣкъ работалъ въ послѣднюю недѣлю передъ выступленіемъ! Цѣлые три дня съ утра до вечера стоялъ онъ, какъ столбъ на пескѣ—и осматривалъ людей и лошадей. И ничѣмъ-то онъ не былъ доволенъ. За послѣдніе дни и у него умъ заходилъ за разумъ. Онъ, капитанъ Глейзеръ, превосходнѣйшій офицеръ его Величества, какъ онъ самъ называлъ себя, за эти дни неоднократно утверждалъ, что изъ всѣхъ батарей, отправлявшихся во Францію, у него была самая плохая.

Кузница восемь разъ проѣхала мимо него, запряженная шестью одинаковыми лошадьми, шагомъ, рысью, галопомъ. Такъ! Все въ порядкѣ. Но вдругъ все смѣшалось. Длинноногій конь, красивое животное, ни за что не хотѣлъ стоять спокойно. Онъ дергалъ постромки, скакалъ, попалъ въ кучу запасныхъ стоявшихъ здѣсь со своими узлами, и, казалось хотѣлъ танцовать польку.

— Мы его успокоимъ!—кричалъ капитанъ.

— Впередъ!..

Ѣздовой съ всего размаху подскочилъ, но тотчасъ же оказался лежащимъ на землѣ.

— А, чтобы тебѣ на мѣстѣ провалиться! Ефрейторъ Юргенсъ! Ты садись! Съ такими бабами да во Францію? Я одинъ пойду! Совсѣмъ одинъ!

Но и ефрейторъ Юргенсъ уже лежалъ въ углубленіи сдѣланномъ въ пескѣ свалившимся ѣздовымъ.

Капитанъ Глейзеръ оглянулся. Онъ оглянулся такъ, какъ это дѣлаетъ человѣкъ который, находясь въ центрѣ міра, признаетъ человѣкомъ одного себя. Онъ хотѣлъ самъ сѣсть на эту лошадь. Стоитъ показать этимъ тремъ стамъ ничтожнымъ тварямъ, на что способенъ капитанъ Глейзеръ. Вотъ съ какими мыслями онъ оглядывался.

Среди сотни съ небольшимъ запасныхъ, находившихся здѣсь еще въ своей домашнемъ платьѣ, былъ одинъ, стоявшій нѣсколько поодаль, въ старой синей холщевой одеждѣ, въ которую на колѣняхъ были вшиты свѣжія заплаты. При значительномъ ростѣ и худобѣ, внѣшность у него была породистая

плечи широкія, прямой станъ и гордое, тонкое лицо. Всякій князь пожелалъ бы, чтобы фигура и лицо этого мужицкаго сына были наслѣдственными особенностями въ его семьѣ. На свѣтлыхъ, почти бѣлыхъ волосахъ его былъ надѣтъ синій картузъ, а въ рукахъ онъ держалъ небольшой чемоданчикъ. На него то и обратилъ вниманіе Глейзеръ.

— Ефрейторъ Уль!—закричалъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Легче на подъемъ вы не стали!—закричалъ онъ. — Старикъ-то, должно быть, сапожнымъ мастерствомъ занимается?

— Крестьянинъ, г-нъ капитанъ.

— Ну, все равно! Можете вы усидѣть на этомъ лѣшемъ или вы такая же дубина... Ну!

Каждый бывшій въ этотъ день на Лоерской степи,—тѣ изъ нихъ, которые не были убиты во время войны, имѣютъ уже сѣдые волосы — помнитъ, какъ озабоченно и неохотно ефрейторъ Уль изъ Венторфа поставилъ свой сѣрый холщевый чемоданъ на песокъ и какъ онъ снова выпрямился, и какъ онъ, выпрямившись сталъ совершенно другимъ и положилъ руку на гнѣдого, какъ засверкали глаза у гнѣдого, какъ онъ вскочилъ, взвился на дыбы, лягался, кружился и дрожалъ и, наконецъ, полетѣлъ по песку, исчезая въ облакѣ пыли, дѣлая все отъ него зависящее, чтобы не идти во Францію вмѣстѣ съ другими; какъ онъ потомъ принужденъ былъ отказаться отъ борьбы, а ефрейторъ Уль, высоко поднявъ голову, возвратился верхомъ на немъ.

— Уль!—закричалъ Глейзеръ.—Вы будете ѣздить на этой лошади, и я назначаю васъ бомбардиромъ при этомъ орудіи.

Такимъ образомъ Іёрнъ Уль отправился на войну уже унтеръ-офицеромъ.

* * *

Недѣлю спустя они шли подъ проливнымъ дождемъ по длинной аллеѣ тополей, которую шесть дней назадъ пересѣкалъ 74-ый полкъ, когда бралъ приступомъ Шпихернскія высоты. Погода была отвратительная и всѣ были усталые и разбитые.

— Посмотри-ка, братъ,—три дохлыхъ лошади! Экъ ихъ раздуло!

— Слушай, что означаютъ эти длинныя гряды? Вотъ удивительно: здѣсь воткнуты сабли?

— Не видишь развѣ? Это свѣжія могилы.

— Людскія?

— Да, людскія. А то чьи же? Ну, перестань молоть глупости.

— Посмотри, вонъ изъ земли ружье торчитъ. Его кто-то употребилъ вмѣсто костыля. Костыль еще стоитъ, а человѣка нѣтъ больше.

Ужасная погода. Какъ вѣтеръ рветъ листья! Орудія громахаютъ и поскрипывая, медленно тянутся впередъ. Могилы. Однѣ могилы. И съ тополей оборвана кора, и сломанныя вѣтки показываютъ свои расщепленныя кости.

— Не добраться шлезвигъ-голштинцамъ до врага... Никогда... Мы для прусскихъ солдатъ слишкомъ неопытны и невымуштрованы. Мы только для парада идемъ...

— Тотъ кому знакомъ 66-й годъ, долженъ и это расхлебать.

Кто высказалъ это мнѣніе и правильно ли оно, никто не спрашиваетъ.

Ночью они расположились бивуакомъ на вѣтренныхъ и мокрыхъ высотахъ, на западъ отъ Шпихерна, и сожгли четырнадцать стоявшихъ тамъ французскихъ повозокъ. Всѣ были молчаливы и подавлены, хотя многіе громко смѣялись и много говорили. Фельдфебель всю ночь ворчалъ, что сожжены такія прекрасныя повозки, и къ утру приказалъ собрать съ костровъ въ одно мѣсто всѣ желѣзныя части и радовался, что выручилъ семь франковъ для батарейной кассы.

Батареи отправились дальше. Становилось тяжело. Это вѣчное «дальше, дальше»! Лучше сразу напасть на врага, побить его, а потомъ возвратиться домой.

Кому же пахать и сѣять? Осень приближается. Отецъ не можетъ одинъ справиться съ хозяйствомъ. А мать? А невѣста?

— Мы все дальше забираемся во Францію! Я думаю мы заблудились. Ахъ, какъ дѣло хорошо пошло.

Дальше, дальше!

Какимъ маленькимъ сталъ Венторфъ! Венторфъ — этотъ центръ земли! Вѣдь на землѣ существуетъ не менѣе десяти тысячъ деревень, а людей, что песку въ морѣ. Сначала когда они перебирались черезъ Эльбу на двухъ пароходахъ была одна только ихъ баттарея. Потомъ она превратилась въ полки, потомъ въ корпусъ, потомъ въ армію. Со вчерашняго дня они стали цѣлымъ народомъ. Четырнадцатаго числа баттарея остановилась на возвышенности у перекрестка; Рядомъ съ Іёрномъ Улемъ стоялъ капитанъ Глейзеръ. Тутъ они расположились и мимо нихъ проходили полкъ за полкомъ, пушки, всадники и безконечные обозы, человѣкъ на человѣкѣ, и такъ до самыхъ вершинъ, видѣвшихся въ туманной дали.

Глейзеръ обернулся:

— Что скажете Уль?

Іёрнъ Уль, вперивъ свой взоръ въ даль, молчалъ.

— Эхъ вы, мужикъ! Отечество, Германія вырывается изъ давишней нужды!

Онъ круто повернулъ лошадь.

Тогда Іёрнъ Уль взглянулъ еще разъ и увидѣлъ всѣхъ этихъ движущихся людей, стремившихся къ одной цѣли и почувствовалъ величіе этого момента.

Въ слѣдующую ночь они переправлялись при свѣтѣ факеловъ черезъ рѣку.

Шестнадцатаго они услышали пушечные выстрѣлы, издали справа, съ высотъ.

— Да тамъ сраженіе идетъ! Посмотрика! На двѣ тысячи шаговъ! перестрѣлка.

Дальше этого они ничего не думали.

Но ихъ охватило какъ бы нѣкоторое любопытство, и все войско пришло въ безпокойство, какъ на охотѣ.

Наступило восемнадцатое и они снова увидѣли, какъ видѣли двѣ недѣли назадъ, свѣжія могилы,—на этотъ разъ освѣщенныя яркимъ солнцемъ.

Одиннадцать часовъ.

— Хорошій день.

Если бы только не было этихъ могилъ.

Всетаки хорошо, что они остались въ резервѣ. Третьяго дня, какъ и всегда. Всегда позади.

— Мы вѣдь слишкомъ молодое, свѣжеиспеченное войско, притомъ еще изъ новой провинціи. Мы не дойдемъ до боевой линіи И это хорошо... И жалко... Нѣтъ... Все-таки хорошо... Мнѣ нужно назадъ къ отцу... Мнѣ нужно назадъ къ моей милой... Я такъ молодъ! Я хочу еще пожить! Я хочу пожить. Десять лѣтъ еще. Потомъ—пожалуй.

Одиннадцать часовъ.

Кругомъ тихо, какъ въ воскресенье въ Голштиніи. Только орудія громыхаютъ, да скрипитъ и потрескиваетъ кожа.

— Страно!.. тамъ впереди, направо!..

— Видишь?

— Въ самомъ дѣлѣ, тяжелая телѣга сворачиваетъ съ дороги на гору!

— Тамъ, направо! Не видишь?

— Что это она?

— Почемъ я знаю?

— Какой хорошій, тихій день.

— За весь этотъ походъ намъ и пороху понюхать не придется! Скоро прикажутъ возвращаться домой.

— Вѣдь это глупо, возвратиться домой ничего не испытавъ! Потомъ придутъ эти мордатые пруссаки и станутъ за стаканомъ пива разсказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ, такъ что балки трещать будутъ, а намъ придется молчать.

— Янъ Бушъ, откуда у тебя эта трубка?

— Мнѣ дала ее моя хозяйка—гдѣ бишь это было?—чтобы я вспоминалъ о ней.

— Смотри! Вонъ наверху первая — конная!

— Видишь?

— Что ей тамъ наверху?.. Что это значитъ?

— Славно заѣзжаютъ это молодыя лошади!

— Вонъ ужъ и остановились, всѣ шесть.

— Это слишкомъ усердный командиръ.

— Отецъ говорилъ: при Идштедтѣ...

— Не говори объ Идштедтѣ, братецъ...

— Что это такое?

— Они стрѣляютъ?

— Стрѣляютъ?

— Баттарея... рр-ы-рысью!..

Капитанъ Глейзеръ оглядываетъ свою баттарею.

Никто не забудетъ этого взгляда? Это не шутка.

Кто еще видитъ что нибудь? Кто слышитъ еще что-нибудь? Кто говоритъ?

— Баттарея! Гало-о-пъ!..

Вонъ Гансъ-Детлефъ Глейзеръ на своемъ высокомъ красивомъ рыжемъ; солнце играетъ на его шлемѣ и въ его глазахъ. Это такое удовольствіе, пропустить мимо себя всѣ шесть орудій, а потомъ только пришпорить рыжаго и первымъ быть на мѣстѣ.

Маіоръ летитъ къ нимъ на встрѣчу. Вѣроятно, онъ хочетъ указать имъ позицію... Маіоръ хорошо сидитъ на лошади, даже безъ головы... Какъ это ужасно... Вотъ убитый падаетъ. Лошадь летитъ дальше.

— Что это за лошадь несется какъ разъ передъ мчащимся орудіемъ Іёрна Уля? Ужъ не полковникъ ли Ягеманъ, ѣздитъ на этомъ гнѣдомъ? У него бокъ мокрый и красный отъ крови.

— Впередъ...

Лошади бросаются въ сторону.

Гранатами! По непріятельскому лагерю!

— Тысяча восемьсотъ шаговъ!

Теперь не думать. Спокойно!

Бѣлыя палатки... Вонъ бѣгутъ люди. Тысячи двигаются взадъ и впередъ, стоятъ тамъ въ дыму.

Жж... жж... ззуу! Гулъ и свистъ наростаетъ, потомъ понижается.

— Спокойно, ребята! Если вы слышете—значитъ пролетѣла.

Что то высоко съ пѣньемъ проносится мимо, жестко ударяется и отскакиваетъ отъ обруча колеса... залѣзаетъ съ коротким жужжаніемъ въ брюхо коренника. Онъ вздрагиваетъ и падаетъ на бокъ. Его ѣздовой сердито глядитъ на него: «Что съ этой лошадью?!..» Жж... Онъ ужъ не сердится больше. Съ продолжительнымъ крикомъ поднимаетъ онъ руки, какъ будто кто-то ударилъ его въ поясницу острой стрѣлой, изгибаетъ спину и падаетъ съ взвившейся на дыбы лошади навзничъ.

Іёрнъ Уль поворачиваетъ голову и глядитъ на лейтенанта Гакса, который что-то сказалъ, но что понять нельзя. Кругомъ ревъ, шумъ, стукъ и громъ.

Да это и не нужно. Онъ и такъ знаетъ.

— Накатывай! Накатывай! — разъ два! берись за колеса.

— Гранаты на руку... открыть затворъ.

Жж... ззуу...

Эти мухи хотятъ жалить; впереди: эта длинная бѣлая полоса. Но некогда... некогда. Мы должны остерегаться этихъ шмелей... тамъ, на горахъ.

— По баттареямъ!.. Тысяча пятьсотъ шаговъ.

Первый номеръ дергаетъ запальный шнуръ.

Выстрѣлъ.

Трескотня и грохотъ слились въ мелодію. Цѣлый сонмъ страшныхъ звуковъ летаетъ и бѣснуется надъ высотами съ обезумѣвшими глазами, искаженными лицами.

Слѣва непрестанно раздается какое-то кваканье и лязгъ, какіе-то отвратительные звуки, какъ будто кто-то желѣзомъ ударяетъ по кучѣ стекляныхъ осколковъ. Снопъ огня перелетаетъ черезъ запыхавшихся людей.

— Пли!

Выстрѣлъ.

Іёрнъ Уль слѣдитъ за нимъ глазами. На этотъ разъ попадетъ!

Опять снопъ картечи. Съ трескомъ пролетаетъ мимо. Рысью подбѣгаетъ лейтенантъ. Іёрнъ Уль мелькомъ взглядываетъ на него. Лейтенантъ подкошенъ и падаетъ на бокъ. Его спина вдругъ окрашивается въ красный цвѣтъ. Лейтенантъ Гаксъ ходитъ отъ одного орудія къ другому, совсѣмъ какъ на Лоерской степи. Кто-то выпрямившись, становится передъ нимъ, кровь льется у него вдоль ноги и образуетъ широкую лампасу, какъ будто онъ генералъ.

— Ступайте!

Человѣкъ этотъ дѣлаетъ шаговъ шесть, потомъ валится.

Кто-то называетъ его по имени. Никакъ это Геертъ Дозе?

Лейтенантъ Гаксъ вдругъ останавливается, какъ бы прислушиваясь къ командѣ.

— Уль!

— Г-нъ лейтенантъ!

Онъ поворачивается.

— Взгляните. Я раненъ въ спину.

— Не видать.

— Дыры нѣтъ?

— Нѣтъ!

— Ну... тогда ничего... по той баттареѣ, у деревьевъ!

— Пли!.. Недолетъ!

— Пли!

— Вѣрно!

Второй номеръ спотыкается. Ефрейторъ Янъ Бушъ. Онъ валится назадъ, закрываетъ лицо руками, какъ будто вдругъ увидѣлъ что-то страшное и, тяжело ударяясь, падаетъ навзничь. Съ поднятыми руками лежитъ онъ на землѣ съ тѣмъ же ужасомъ въ глазахъ. Іёрнъ Уль подскакиваетъ къ орудію.

Пятый номеръ раненъ въ ногу. Со стономъ, хромая, приближается онъ и кладетъ къ ногамъ Іёрна Уля новые гранаты.

Лейтенантъ Гаксъ кричитъ ѣздовымъ:

— Отъѣзжайте дальше

Осталось всего три лошади. Остальныя убиты.

Всего три человѣка у орудія. Остальные убиты.

Іёрнъ Уль стоитъ надъ лафетомъ, за нимъ ранецъ съ патронами, гранаты лежатъ рядомъ съ нимъ на землѣ. Онъ подымаетъ ихъ. Вѣрнымъ глазомъ наводитъ пушку.

Ломаннъ II дергаетъ запальный шнуръ и прочищаетъ стволъ.

— Ломаннъ!—кричитъ Гаксъ.—Скорѣй, братецъ! Пошевеливайся! Мы не на ученьѣ.

Ломаннъ не можетъ иначе. Разъ... и... два. Совсѣмъ какъ на Лоерской степи.

— Пли!

Слѣва что-то надвигается—ближе, ближе, все страшнѣе, трещитъ, ворчитъ...

Лейтенантъ Гаксъ хватается за спину и громко вздыхаетъ:

— Этотъ Ломаннъ, это ужъ такой... онъ иначе не можетъ.

Подѣзжаетъ капитанъ Глейзеръ.

— Хорошо, ребята! Хорошо.

Четыре или пять штабныхъ во второй разъ проѣзжаютъ мимо и останавливаются совсѣмъ близко за ними. Но вотъ они опять слышатъ: жужжитъ и реветъ... расщепливаетъ и падаетъ... роетъ землю. Лошадь одного изъ офицеровъ падаетъ на колѣни; всадникъ летитъ черезъ голову, вскакиваетъ, подбѣгаетъ къ другой лошади, которая пролетаетъ между орудіями; онъ схватываетъ ее; Іёрнъ Уль помогаетъ ему; онъ уже сидитъ на красномъ чепракѣ. Офицеры отъѣзжаютъ. Шапка генерала мелькаетъ, какъ флагъ. Край ея оборванъ; кусокъ ваты вылѣзаетъ и развѣвается по вѣтру.

Они работаютъ при орудіи; они работаютъ въ потѣ лица. Безъ конца, безъ устали. Они тяжело дышатъ, прицѣливаются, толкаютъ, двигаютъ, зовутъ и клянутъ. Дуетъ какой-то странный знойный вѣтеръ, съ короткими порывами, который рветъ то туда, то сюда. Земля рождаетъ огонь; сквозь клубящійся дымъ сверкаетъ что-то желтое. Изъ ослабѣвшихъ затворовъ при каждомъ выстрѣлѣ вылетаетъ длинный, красный, огненный языкъ.

Другой мысли нѣтъ у нихъ, какъ только: работать, работать, другой заботы нѣтъ у нихъ. Они только думаютъ: «Дѣло жаркое. Когда-то конецъ?» Они не думаютъ о томъ, что болѣе сильный непріятель, который напираетъ на нихъ широкой полудугой, каждую минуту можетъ рѣшиться на приступъ.

Но тутъ подбѣгаетъ пятый номеръ отъ передка.

— Гранатъ нѣтъ больше!

Вотъ оно бѣда, настоящая! Они стоятъ у орудія, какъ бы окаменѣвъ, Ломаннъ съ поднятымъ банникомъ, Іёрнъ Уль держа одну руку у затвора, другую зажавъ въ бѣшенствѣ и недвижно уставивъ глаза туда, гдѣ сверкаетъ; лейтенантъ Гаксъ подходитъ тяжело волоча ноги, и показываетъ Ломанну спину.

— Нѣтъ еще тамъ дыры?

— Да, г-нъ лейтенантъ, теперь есть дыра и кровь есть.

— Стоять я не могу больше, а уходить не хочу, не хочу! — Онъ презрительно плюетъ.

Тутъ подлетаетъ штабный.

— Почему вы не стрѣляете?

— Гранатъ нѣтъ.

— Чорта съ два! Такъ стрѣляйте холостыми.

— Слушаюсь!

Они стрѣляютъ, не глядя, лохмотьями холста... безпрерывно... безпрерывно... долго.

Іёрнъ Уль, склонившись надъ лафетомъ, задумавшись нагибается налѣво: здѣсь снова лежатъ гранаты. Дѣло идетъ лучше.

Молоденькій лейтенантъ стоитъ за ними и громко хвалитъ ихъ:

— Хорошо, унтеръ-офицеры! Очень хорошо!.. Товарищъ!

Онъ кланяется Гаксу, который сидитъ на землѣ, прислонившись спиной къ колесу передка. Но Гаксъ не видитъ его: полузакрытыми глазами, съ презрительно выдвинутой нижней губой, глядитъ онъ по направленію къ непріятелю.

Вдругъ слѣва отъ нихъ орудія смолкли.Что дѣлаютъ обѣ баттареи? Почему онѣ больше не стрѣляютъ?

Тяжелая пальба ружейная доносится сзади, слѣва, съ лѣсной опушки.

Вдругъ показывается нѣмецкая пѣхота, ближе, ближе.

— О, они помогутъ намъ!..

— Орудія!.. Почему вы больше не стрѣляете?

Тамъ и сямъ еще стоятъ отдѣльные люди... Еще одинъ выстрѣлъ. Унтеръ-офицеръ Хишъ фонъ-Ишъ съ однимъ единственнымъ солдатомъ стоитъ у орудія. Онъ стоитъ въ дыму и огнѣ. Это герой. Объ немъ на его родинѣ будутъ еще говорить лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

— Стрѣляйте, братцы!

Странный чуждый шумъ и ревъ приближается.

Молодой лейтенантъ подскакиваетъ и громко кричитъ.

— По батареѣ налѣво... Картечью! картечью!

— Господинъ лейтенантъ,—кричитъ Уль,—вѣдь это наша батарея.

— Развѣ вы не видете, что на нихъ красные штаны!

— Поворачивай!

Всѣ помогаютъ хватаются за колеса. Кругомъ слышно тяжелое паденье.

— Картечью!.. Четыреста шаговъ!..

Лейтенантъ Гаксъ снова поднимается, хочетъ командовать, хватается за бокъ и падаетъ во всю длину. Съ потеряной батареи подходятъ три или четыре бѣглеца. Одинъ изъ нихъ падаетъ на бѣгу, какъ падаетъ ребенокъ, хватается за колесо и начинаетъ молиться отрывочными словами «Отче нашъ...» Четвертое прошеніе онъ повторяетъ дважды. Это былъ сынъ бѣдныхъ родителей.

Нѣмецкая пѣхота, все гуще валитъ изъ лѣсу, стоитъ, лежитъ тамъ и сямъ, кучками и въ одиночку. Они стоятъ и лежатъ между орудіями и стрѣляютъ въ наступающаго, ревущаго и воющаго непріятеля.

Стрѣлокъ, ловкій, жилистый человѣкъ съ круглой, красноватой головой, подскакиваетъ къ Іёрну Улю, стрѣляетъ... и вкладываетъ новый патронъ.

— Іёрнъ Уль! Братецъ... adsum, Іёрнъ!

Іёрнъ Уль вкладываетъ въ стволъ картечь и закрываетъ замокъ... Жаль, что Фите Крэй не можетъ помочь ему.

— Полно стрѣлять-то! Дѣло къ концу идетъ.

Граната взрываетъ желтовато-коричневую землю.

Если бы Генрихъ такъ пахалъ!

...Открытое письмо, которое у меня въ шлемѣ...

...Написать Тиссу. Поклониться еще разъ Эльсбе.

...У Лисбеты Юнкеръ... теперь все это не имѣетъ смысла.

Онъ поворачиваетъ орудіе по направленію къ непріятелю. Фите Крэй помогаетъ двигать и направлять.

Сыплется цѣлый градъ картечь... еще... еще...

Тѣ, что противъ нихъ, остановились. Но подходятъ еще новые. Всюду кишатъ чужіе красные люди, которые подвигаются впередъ въ дыму и въ огнѣ.

Скоро конецъ.

Лошадей! лошадей!

Всѣ лошади убиты.

Но тутъ Ломаннъ бросается ловить лошадей, которыя потерявъ своихъ всадниковъ, стоятъ, бѣгаютъ и мечутся по полю; онъ приводитъ трехъ; и они начинаютъ торопливо запрягать.

— Пошелъ!..

Печальное отступленіе.

Фите Крэй сидитъ на передкѣ и пра-

вить. Ломаннъ, стоя рядомъ съ нимъ, лупитъ ногайкой по несчастнымъ раненымъ животнымъ. Іёрнъ Уль бѣжитъ рядомъ съ орудіемъ поддерживая лейтенанта, который, сгорбившись, качается, сидя на оси.

— Совсѣмъ какъ въ Венторфѣ, — думаетъ Фите Крэй,—когда я, залѣзъ въ фруктовый садъ и убѣгалъ, а Витенъ бранила меня въ слѣдъ. Помоги мнѣ, Господи! Чего они бранятся?

Два огненныхъ снопа разрѣзаютъ дымъ и наискось метутъ по полю.

— Третій—на нашу долю!

Нѣтъ, имъ не судьба была умереть, они добираются до лѣсной опушки живыми.

А тутъ уже стоятъ десять-двѣнадцать орудій. Другія подъѣзжаютъ, совсѣмъ такъ-же, какъ и они: лошади шатаются, изъ людей осталось трое-четверо. На потныхъ лицахъ ихъ выражаются горе и гнѣвъ, страхъ и возбужденіе.

Какъ они работаютъ!

Одни ведутъ лошадей съ громкой бранью и отрывистыми, дикими словами. Другіе тащатъ заряды и складываютъ ихъ въ ящики. Батарейный кузнецъ безъ шапки, со спутанными волосами и растегнутымъ мундиромъ, стоитъ на колѣняхъ передъ больнымъ орудіемъ; унтеръ-офицеръ запихиваетъ лошади тампоны въ глубокія раны, изъ которыхъ ключомъ бьетъ кровь. Какъ будто вбиваетъ кранъ въ пивную бочку.

Все это въ перемѣшку съ криками команды.

— Странно, что непріятель не идетъ!

Три орудія, вновь запряженныя и кое-какъ снабженныя людьми; среди нихъ отдѣльные пѣхотинцы. Снова выѣзжаютъ.

Молодой лейтенантъ работаетъ, кричитъ, мечется... Теперь и онъ можетъ снова отъѣхать съ двумя орудіями. Одинъ офицеръ стоитъ наверху и концомъ сабли указываетъ направленіе:

— Туда! Къ опушкѣ лѣса!

Іёрнъ Уль сидитъ на первомъ орудіи; Фите Крэй рядомъ съ нимъ.

Кругомъ, по близости и вдалекѣ, и перекатывается гудитъ страшная трескотня, ревъ и раздаются громкіе удары копытъ.

Когда они достигаютъ конца лѣса и выходятъ на опушку, громъ гремитъ уже глуше.

— Вы знаете, гдѣ они, унтеръ-офицеръ?

— Я думаю, тамъ!

— Теперь за мной чередъ,—говоритъ юноша и скрежещетъ зубами.—Мой двоюродный братъ изъ второй легкой убитъ; завтра мнѣ нужно написать его матери.

— Да, много убито, господинъ лейтенантъ.

— Ужасный день!

Когда они обернулись, другого орудія уже не было. Ревъ и шумъ ослабѣли.

Съ неба спустился вечеръ.

Но никто не воздѣлъ рукъ къ небу и не молилъ солнце и мѣсяцъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ изступленный израильтянинъ:—Солнце, остановись надъ Гибаономъ а мѣсяцъ надъ долиной Айалонъ!

Нѣтъ... нѣтъ...

Они ѣдутъ дальше и какъ разъ въ назначенномъ мѣстѣ выходятъ изъ лѣсу.

Орудія отодвигаютъ назадъ. Свѣжая пѣхота массами покрываетъ поле.

Непріятель замолкъ.

Наступаетъ вечеръ.

И когда становится тише, въ кустахъ и во рвахъ раздаются стоны:

— Помогите... О!.. Помогите!

А на высотахъ:

— Je prie... ma mère... pitié.

А изъ высохшаго русла ручья.

— Soo dösti... so dösti... Mien Moder

Становится тише.

Тѣ, что у опушки, слѣзаютъ съ лошадей и орудій.

— Мать моя сунула мнѣ на случай бѣды пакетикъ... — говоритъ лейтенантъ, — но я не могу поднять руки.

Тогда Іёрнъ Уль вынулъ пакетъ у него изъ кармана и подалъ ему, а тотъ предложилъ ему половину.

Коренникъ потерялъ тампонъ изъ раны бьетъ кровь. Іёрнъ Уль вскочилъ и оттащилъ его въ сторону. Лошадь упала. Лейтенантъ, ослабѣвъ отъ потери крови, сѣлъ на лафетъ; Фите Крэй бросился въ траву.

— Ломаннъ, пойди посмотри, гдѣ остальные.

Онъ положилъ свой банникъ, который снова взялъ было въ руку, на мѣсто, и исчезъ на лѣсной тропинкѣ.

— Ахъ!—сказалъ лейтенантъ.—Дайте мнѣ пить. Я отдалъ свою фляжку долговязому Іоганну; онъ ее однимъ духомъ выпилъ.

Раньше онъ всегда говорилъ: «господинъ лейтенантъ Гаксъ», но тутъ онъ сказалъ: «долговязый Іоганнъ».

— Видите, господинъ лейтенантъ?—сказалъ Фите Крэй.—Съ той стороны кто-то идетъ!

Солдатъ въ широкихъ красныхъ штанахъ и короткой синей курткѣ, медленно, хромая, подходилъ къ нимъ. Онъ привязалъ къ своей сломанной ногѣ тесакъ, обмотавъ ее портупеей. Но нога скользнула, и онъ громко закричалъ.

Фите Крэй всталъ, подхватилъ его и посадилъ на землю.

— Я французъ,—сказалъ онъ—О-о...

— Что?—спросилъ Фите Крэй, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Я изъ Страсбурга.

— Ну, такъ и успокойся! Сиди и брось свое кваканье.

Онъ досталъ изъ кармана веревку и опять выпрямилъ ногу солдату.

Веревка, которую Фите Крэй вынулъ изъ кармана, словно открыла глаза Іёрну Улю.

— Послушай,—сказалъ онъ,—какъ ты сюда попалъ?

— Какъ разъ въ тотъ день, когда была объявлена война, я пріѣхалъ въ Гамбургъ. О, моя ферма! моя чудная маслодѣльня! Недалеко отъ Чикаго, Іёрнъ! О, моя жена и мои двѣ красивыя кобылы!.. Да что про это!.. толковать! Будетъ тебѣ стонать, ты, страсбургскій! я больше ничѣмъ не могу тебѣ—помочь.

Ломаннъ возвратился и донесъ, что батареи—тамъ... тамъ вонъ... Онъ заикался и шатался.

Лейтенантъ мрачно глядѣлъ передъ собой и по временамъ съ болѣзненнымъ возгласомъ хватался за свою окровавленную руку.

— Вы ранены?—спросилъ онъ Ломанна.

— Нѣтъ, господинъ лейтенантъ.

Промолчи онъ—все было бы хорошо. Но онъ схватилъ банникъ и принялся хвастаться: «онъ, молъ, съ однимъ банникомъ пойдетъ противъ французовъ, совсѣмъ одинъ!»

Тутъ выяснилось, что онъ наткнулся на повозку французскаго маркитанта брошенную у вала.

— Надо отправляться!—сказалъ лейтенантъ.

Фите Крэй поднялъ эльзасца на передокъ, и они тронулись.

— Вы тоже голштинецъ?—сказалъ лейтенантъ.

— Изъ Дитмарша.

— Я живу неподалеку отъ Плёна, а мой двоюродный братъ въ сосѣдней деревнѣ. Теперь онъ убитъ. Видѣть я его не видѣлъ, но знаю: у его орудій всѣ убиты... Это будетъ такое горе. Мнѣ надо написать объ этомъ... а я не могу. Грете выплачетъ себѣ глаза. Онъ былъ такой хорошій, храбрый и умный малый.

— Грете это его сестра?

— Да, мы бывало, играли вмѣстѣ. Дядя говорилъ, что мы всѣ выросли у одного горшка.

Фите Крэй сталъ утѣшать:

— Горшки часто бьются, господинъ лейтенантъ.

— Дѣло въ томъ, что фрейлейнъ Грете моя невѣста!—говорилъ юноша.—Мы обручились при прощаніи. Давно ужъ это было...

— Да,—сказалъ Іёрнъ Уль,—давно это было.

— Я думаю, что прошло недѣли три!—сказалъ Фите Крэй.

Тогда всѣ они стали качать головой.

— Только три недѣли?.. Быть не можетъ!

— Неужели три недѣли тому назадъ я еще сѣчку для коровъ дѣлалъ?

— Безконечно много времени прошло... Кажется,—больше семи лѣтъ!

Такъ разрослось въ ихъ мозгу далекое путешествіе: трудный походъ и этотъ ужасный день, отодвинувъ въ голубую даль все то, что лежало позади.

Въ примыкавшей къ лѣсу ложбинѣ они дѣйствительно встрѣтились съ другими батареями. И снова покой былъ

нарушенъ. Вотъ-то работа была у опушки Bois de la Cusse всю эту ночь! А когда заалѣлась утренняя заря, сорокъ орудій стояло другъ подлѣ друга, совсѣмъ какъ на Лоерской степи; два изъ нихъ попало въ руки непріятеля. Лошади и люди, пополненные изъ резервовъ, снова стояли у орудій, готовые, когда появится солнце, выѣхать на то же желтоватое, усѣянное мелкими камешками поле, истоптанное лошадьми и всадниками, изрытое гранатами и усѣянное мертвыми тѣлами, темными пятнами крови, обрывками кожи, сломаннымъ оружіемъ и щепками.

Но непріятель не показывался. Непріятель не былъ ужъ больше готовящимся къ нападенію тигромъ. Это былъ связанный быкъ, который со стономъ и ревомъ роетъ рогами землю.

* *
*

Передъ полуднемъ Іёрнъ Уль былъ посланъ на розыски нѣкоторыхъ раненыхъ. Послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ лейтенанта Гакса, который лежалъ на своей шинели въ сильной лихорадкѣ.

— Моя мать только что была здѣсь,— сказалъ онъ.—Она сказала, чтобы я не бѣгалъ, а то разгорячусь. «Эхъ ты сорванецъ!» сказала она и ударила меня по щекѣ. Это она всегда дѣлаетъ, когда я набѣгаюсь. Тогда я смѣюсь и иду къ зеркалу и говорю: «Ну, смотри! Теперь щеки еще краснѣе». Но здѣсь вѣдь нѣтъ зеркала... Вообще, какой здѣсь безпорядокъ. Вы, ребята, смотрите у меня! чтобы все было въ порядкѣ... Ахъ, это вы Уль!.. Трудный денекъ у насъ былъ, думается, и на мою долю перепало.

— Господинъ лейтенантъ... ужъ не такъ-то плохи дѣла...

— Воздухъ такой жаркій, просто дышать нечѣмъ, въ особенности, когда приходится такъ бѣгать. Скажите, отчего вы не бѣгаете? Вы всегда такой положительный и спокойный. Ахъ, я знаю, это отъ того, что вы пашете... Сегодня я видѣлъ во снѣ рыжеволосаго малаго, котораго я разъ прогналъ съ нашего двора съ его повозкой.

— Это было не во снѣ, господинъ лейтенантъ. Онъ, дѣйствительно, былъ при батареѣ и помогалъ.

— Славный малый. Тогда на дворѣ онъ сейчасъ же сжалъ кулакъ и кинулся на меня. Это не по-христіански, но по-человѣчески.

— Это тоже и по-христіански, господинъ лейтенантъ, если идешь противъ зла.

— Правильно! Да, противъ зла! Я тоже хочу такъ поступать! Право, ей-Богу! Всегда съ кулакомъ на готовѣ и рубить, какъ сегодня... А когда нельзя рубить, надо плевать. По христіански и по-человѣчески... Это одно и то же. Я думаю, у матери на Гальбекскомъ болотѣ плохой овесъ. Когда я снова домой попаду, я до тѣхъ поръ буду пахать, пока не сдѣлаюсь такимъ же неповоротливымъ, какъ унтеръ-офицеръ при шестомъ орудіи... Какъ это его зовутъ?

— Уль.

— Тогда все будетъ хорошо и я построю новый домъ; только гимнастика на дворѣ пусть останется. Да, а теперь объ этомъ говорятъ? Къ орудіямъ!.. Дозе, чего ты стоишь и ухмыляешься? Ты удивляешься, что я такъ много говорю? Ты снова долженъ идти на службу къ долговязому Зотту, сволочь ты эдакая. Такъ! А теперь... Долой съ передка!.. Это все ни къ чему. Французы-молодцы и получатъ Желѣзный Крестъ, а мы—могильный!

— Какой приказъ будетъ по батареѣ, господинъ лейтенантъ?

— Скажите имъ, чтобы они не стрѣляли мнѣ прямо въ глаза! Развѣ такъ поступаютъ? «Чорта съ два», говоритъ онъ? Пусть они свеклой стрѣляютъ, это будетъ имѣть больше смысла, чѣмъ этими холостыми патронами. И пусть капитанъ Глейзеръ сниметъ свои лакированные сапоги.

Гаксъ не выносилъ капитана.

Іёрнъ Уль искалъ также и Геерта Дозе, но не могъ найти его. Онъ и на другой день отправился туда и все-таки не нашелъ его. Тысячи лежали здѣсь во всемъ ужасѣ своихъ страданій.

Но на третій день онъ нашелъ его въ той же узкой комнатѣ, гдѣ лежалъ капитанъ Штрандигеръ, у котораго была прострѣлена грудь. Ни къ одному изъ

нихъ не прикасались еще врачи. Это, вѣдь было безцѣльно.

Іёрнъ Уль, вытянувшись, стоялъ передъ капитаномъ. Тотъ глядѣлъ на него большими, лихорадочными глазами, совершенно безсознательно. Эхъ ты, глупый, неповоротливый Іёрнъ Уль!

Потомъ онъ склонился къ смертельно раненому, лежавшему на сырой, отъ крови соломѣ.

Геертъ Дозе былъ ясенъ и спокоенъ. Онъ привѣтствовалъ его глазами съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, съ какимъ онъ когда-то сказалъ ему въ казармѣ, въ Рендсбургѣ: «Іёрнъ, мы съ тобой единственно разумные во всей этой комнатѣ.

Но теперь это была горькая правда.

— Могу я что-нибудь для тебя сдѣлать, Геертъ?

— Нѣтъ, Іёрнъ, видно, тутъ мнѣ и помереть. Я не понимаю, какъ это я еще живъ.

— Неужто я ничего не могу для тебя сдѣлать? Очень тебѣ больно?

— Больно? Спина не болитъ; ея больше нѣтъ. Здѣсь спереди, грудь до самой шеи... Но это не бѣда. Я бы только хотѣлъ еще разъ побывать у отца съ матерью... Мать всегда по субботамъ свѣжую рубашку приготовляетъ, а здѣсь я долженъ такъ лежать... Вонъ какая Іёрнъ!

— И у меня-то рубашка не важная, Геертъ, но все-же лучше, чѣмъ твоя.

Онъ скинулъ мундиръ, снялъ рубашку и охватилъ плечи раненаго. Тогда тотъ испустилъ крикъ; голова его откинулась назадъ онъ былъ мертвъ... Іёрнъ Уль по колѣни стоялъ въ окровавленной соломѣ.

Онъ глядѣлъ на мертваго и въ сторону, на капитана, который, откинувъ голову съ широко раскрытыми глазами, задыхался: ему не хватало воздуха. И Іёрна охватилъ ужасъ передъ этими страданіями человѣчества.

Возвратившись къ батареѣ онъ узналъ, что Фите Крэй только что былъ тамъ и снова ушелъ. А Вильгельма Ломанна привязали на два часа къ колесу, за то, что онъ былъ пьянъ восемьнадцатаго. Но въ видѣ утѣшенія ему обѣщали Желѣзный Крестъ, такъ какъ въ тотъ же день онъ прочищалъ орудіе совсѣмъ такъ, какъ дѣлалъ это на Лоерской степи: разъ—два!

Вотъ какова была битва при Гравелоттѣ для дѣтей Венторфа.

* *
*

Наступило время стоянки подъ Метцомъ: сырая солома, страшная вонь, безчисленное множество насѣкомыхъ. Многіе заболѣвали и должны были возвращаться домой. Іёрнъ Уль былъ здоровъ, исполнялъ свой долгъ и думалъ о домѣ, гдѣ шла теперь жатва и пахота.

Наступила самая тяжелая часть войны: длинные переходы въ глубь Франціи и во время переходовъ одна битва за другой,—и такъ впродолженіе всей зимы. Сегодня нѣтъ воды, завтра хлѣба; сегодня нѣтъ огня, завтра нечѣмъ дышать, сегодня нѣтъ крова, завтра—рубашки.

А мѣстнымъ крестьянамъ каждый день приказывали:

— Тамъ, подъ орѣшникомъ! Рой могилу, paysan! C'est mon bon camarade, cochon!

Дѣло дошло до того, что они сказали своему капитану:

— Господинъ капитанъ! Видно, съ этой ужасной войны никто изъ насъ домой не возвратится!

Капитанъ отошелъ въ сторону и долго стоялъ и смотрѣлъ на востокъ въ даль. «Если мы скоро не возвратимся домой, такъ мы ни на что не будемъ годны. Людьми насъ нельзя будетъ назвать. Совсѣмъ свиньями стали! у него волоса совершенно посѣдѣли за эти мѣсяцы».

Іёрнъ Уль шелъ вмѣстѣ съ другими, содержалъ въ чистотѣ свое орудіе, держалъ своихъ людей въ сносномъ порядкѣ и думалъ:

«Когда наступитъ время пахоты, мнѣ надо быть дома»!

Въ началѣ февраля, въ дождливый вечеръ, въ маленькомъ городкѣ, при перекличкѣ, унтеръ-офицера Уля не оказалось. Патруль нашелъ его въ одной изъ ближайшихъ улицъ, лежащимъ въ сточной канавѣ. Когда они подняли его и повели въ лазаретъ, онъ принялся стонать и жаловаться на вся-

кіе пустяки, какъ горячечный: жаловался, что мундиръ его въ грязи, жаловался, что потерялъ фуражку. Они уложили его въ постель и ушли. Но такъ какъ въ лазаретѣ служители не сторожили его, онъ въ ту же ночь всталъ, одѣлся и снова выщелъ на улицу. Утромъ его нашли прислонившимся къ стѣнѣ, въ бреду. Его отправили въ лазаретъ, у него оказался тифъ. Его мучила мысли, что мельхіоровый прицѣлъ у пушки пропалъ и что его люди думали, будто это онъ, Іёрнъ Уль, припряталъ его, изъ трусости, чтобы не идти больше противъ непріятеля. Этотъ мучительный сонъ преслѣдовалъ больного впродолженіи сотни миль и прекратился только тогда, когда Іёрнъ нашелъ хорошій уходъ въ страсбургскомъ лазаретѣ.

Глава пятнадцатая.

По счастливой случайности, Фите Крэй былъ отпущенъ уже въ мартѣ и поэтому могъ разыскать Іёрна Уля въ лазаретѣ и взять его съ собой въ Гамбургъ.

Іёрнъ Уль, длинный, блѣдный и еще немного безучастный, Фите Крэй пониже, съ быстрой походкой и пронырливыми глазами: такими шли они по Гамбургу, въ поискахъ ночлега, въ своихъ истрепанныхъ мундирахъ, которые были оставлены имъ для возвращенія домой.

Въ то время какъ они шли, Іёрнъ Уль съ опущенными глазами, а Фите Крэй съ бѣгающими, навстрѣчу имъ попалась высокая, красивая, бѣлокурая дѣвушка, свѣтлобѣлокурая, бѣлая, румяная, цвѣтущая, съ книгой подъ мышкой, просто и очень опрятно одѣтая. И Фите Крэй посмотрѣлъ на нее и не могъ отвести глазъ, такъ какъ въ лицѣ ея было что-то особенное, что напоминало ему Воданскую степь и Гесгофъ. Это особенное состояло въ томъ, что въ ея манерѣ держаться, въ ея волосахъ, глазахъ было что-то ясное и мечтательное и что свѣтло-сѣрые глаза ея были поставлены нѣсколько накось, какъ крылья голубя, собирающагося взлетѣть.

Они обмѣниваются неувѣренными взглядами. И оба останавливаются. Тутъ и Іёрнъ Уль подымаетъ глаза.

— О, Іёрнъ, Іернъ!.. ты выглядишь такимъ больнымъ! О, Фите Крэй! Я слыхала отъ Тисса, что и ты былъ во Франціи и что ты женатъ... О, Іёрнъ! О, что скажетъ Тиссъ!.. Знаете ли вы, что Тиссъ опять здѣсь, въ Гамбургѣ?

Такъ говорила Лисбета Юнкеръ, стоя противъ нихъ, и не переставая пожимала имъ руки, и глаза ея были какъ два яркихъ веселыхъ огня, какъ майскіе огни на Рингельсгёрнѣ. Такими глазами она въ особенности глядѣла на Іёрна Уля. Въ особенности на Іёрна Уля.

— Тиссъ еще здѣсь?

— Да, подумай! Онъ все еще ищетъ Эльсбе. Дѣло въ томъ, что она тогда не уѣхала съ тѣмъ пароходомъ, съ которымъ собиралась. А теперь одинъ изъ нашихъ знакомыхъ утверждаетъ, что видѣлъ ее; а другой считаетъ возможнымъ, что Гарро Гейнзенъ черезъ Копенгагенъ удралъ отъ войны.

— Знаешь ли ты, что дѣлается въ Венторфѣ? Или ты больше никогда не бываешь тамъ?

— Вѣдь дѣдъ съ бабушкой умерли,— сказала она,—но жену новаго учителя я знаю. Не дальше, какъ на Рождествѣ я была тамъ.

— А что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я здѣсь у тетки; у нея маленькая бумажная и книжная лавка но, кромѣ того, я учусь бухгалтеріи.

— Не можешь-ли ты намъ сказать, гдѣ живетъ Тиссъ?

— Да я сама съ вами пойду.

Такъ они сдѣлали длинный путь къ церкви св. Павла и пришли въ Маріинштрассе съ ея высокими, голыми сдающимися въ наемъ домами и поднялись по лѣстницѣ, и Лисбета Юнкеръ въ концѣ одного изъ темныхъ коридоровъ отворила дверь. Тутъ, у маленькой желѣзной комнатной плиты, сидѣлъ Тиссъ Тиссенъ. Онъ держалъ между колѣнъ кофейную мельницу и усердно мололъ кофе и ничего не слыхалъ. Онъ сдѣлался еще меньше и суше.

— Ахъ! Іёрнъ!.. сказалъ онъ, и порывисто поднялся.

— И ты!.. Фите! Мой мальчикъ! О Фите!.. Дѣти мои, какая бѣда-то у насъ! Вотъ я сейчасъ кончу молоть и сварю вамъ кофе, сколько вашей душѣ будетъ угодно!

Онъ вскочилъ и сталъ искать свои туфли.

— Не говорите, дѣтки, не говорите! Пусть это будетъ Гесгофомъ, вотъ эти четыре стѣны. О моя бѣдная маленькая дѣвочка!.. Зуйка, не видала-ли ты ее? Въ это время бѣдныя женщины обыкновенно выходятъ на улицу за покупками. Ахъ, Боже мой! если только у нея есть на что покупать. Подумай, Іёрнъ... Іёрнъ, ну подумай только: маленькое, маленькое созданье въ этомъ страшномъ, большомъ городѣ!.. Фите, мнѣ кажется, онъ бьетъ ее! Онъ хочетъ отправиться съ ней въ Америку; но я я сторожу въ гавани, чтобы онъ не удралъ съ ней. Какъ можно ѣхать въ Америку? Такъ далеко отъ Гесгофа! Зуйка, завари-ка имъ кофе! Вотъ котелокъ! Вода бѣжитъ здѣсь прямо изъ стѣны; у насъ она за стѣнами. Совсѣмъ, совсѣмъ безумный городъ.

Фите Крэй усадилъ его на стулъ и сказалъ:

— Сиди! Не думай, что она позволитъ бить себя. Вотъ твоя туфля. Когда она увидитъ, что онъ больше не любитъ ее, она сейчасъ же убѣжитъ отъ него. Я думаю, что она уже ушла отъ него, но только не рѣшается возвратиться въ Гесгофъ и какъ-нибудь перебивается здѣсь. Она боится тебя и Іёрна; да и стыдъ ее удерживаетъ.

Лисбета тоже думала, что это возможно, и Іёрнъ кивалъ утвердительно головой.

— Ну, Тиссъ!.. Подумай,—сказалъ Фите,—всѣ мы только что сдѣлали большой переѣздъ: позаботься о кофе и хлѣбѣ, а потомъ поговоримъ.

Тогда стало почти уютно, благодаря Фите Крэю, который вовлекъ въ разговоръ хозяина Гесгофа, и благодаря Лисбетѣ, которая наливала кофе и рѣзала хлѣбъ.

— Садись, старый землякъ!—сказалъ Фите Крэй.—Увидишь, мы еще найдемъ Эльсбе.

— Да, Тиссъ, теперь пей!—сказала Лисбета.—Вотъ твоя чашка.

— Знаете ли вы, — сказалъ Фите Крэй и поудобнѣй прислонился къ спинкѣ,—здѣсь совсѣмъ какъ въ сказкѣ у Витенъ; обыкновенно я не думаю объ этомъ, но сегодня мнѣ невольно вспоминается все это. Ты, Тиссъ, старый, доброжелательный волшебникъ, который пріютилъ двухъ усталыхъ, истощенныхъ путниковъ. Чудная, стеклянная принцесса прислуживаетъ намъ, а потомъ мы отправимся дальше и отыщемъ нашу сестру.

— Развѣ я стеклянная? — сказала Лисбета нѣсколько обиженно.—Ты, повидимому, остался все тѣмъ же Крэемъ, какъ и прежде.

— А ты стала хорошенькой! — сказалъ онъ и засмѣялся ей въ лицо.—А немного стекляной ты всегда мнѣ казалась. Не правда ли, Іёрнъ? Она никогда не ходила съ нами, какъ Эльсбе, она всегда была немного въ сторонѣ... Кромѣ того, вотъ ужъ цѣлый годъ ни одна порядочная женщина не подавала мнѣ кофе. Спасибо, Зуйка!

— Ты всегда заботился о другихъ,— сказала она,—всегда глядѣлъ по сторонамъ.

Она откинула назадъ голову и перестала смотрѣть даже на Іёрна и, дѣйствительно, стала натянутой, и голосокъ ея звенѣлъ, какъ стекло.

— Разсказывай!—сказалъ Фите Крэй и строго поглядѣлъ на Тисса.—Навѣрно, ты причиной всему этому.

— Да,—сказалъ Тиссъ Тиссенъ и застоналъ.—Что мнѣ разсказывать? Онъ приходилъ къ ней въ Гесгофъ, а я спалъ и ничего не замѣчалъ. Я говорилъ: «Дѣточка, отчего ты такая блѣдная! Ты не спала ночь»? «Я хорошо спала,—говорила она,—и королева спитъ не лучше». Тогда я радовался. Разъ она сказала: «Слушай, Тиссъ, развѣ въ здѣшней странѣ нѣтъ такого обычая, что если молодые люди обѣщали другъ другу пожениться, то они и передъ Богомъ и передъ людьми уже мужъ и жена?» «Да,—сказалъ я, — дѣточка, я гдѣ-то, въ какой-то хроникѣ читалъ, что Вольфъ Изебрандъ, герой Хеммингштеда, всю

ночь передъ битвой просидѣлъ въ комнатѣ своей возлюбленной; я думаю, это старый саксонскій или фрисландскій обычай». Но мы отклонились отъ этого разговора и я принялся мечтать. Я говорилъ: «Отправляйся-ка въ городъ, Эльсбе». Или говорилъ: «Слетай-ка въ лѣсъ, маленькая Уль». Но она обходила вокругъ дома, и пѣла, и свистала и говорила: «Мнѣ не нужно ни города, ни лѣса. Мнѣ не скучно». А я все еще ничего не замѣчалъ. Ну, вотъ однажды пріѣхалъ Гарро Гейнзенъ на своемъ лоснящемся гнѣдомъ, перепрыгнулъ черезъ изгородь и сказалъ, что онъ хочетъ получить согласіе Эльсбе Уль и сталъ смѣяться. Ну и тогда... черезъ пять-шесть дней...—тутъ и пришла бѣда. Тутъ онъ возвратился и сталъ бранить своего отца и Клауса Уля: у нихъ у обоихъ ничего нѣтъ, рѣшительно ничего; не могутъ даже купить ему усадьбу. Тутъ дѣвчурка замолкла и стала скучной. Такою я никогда еще ее не видалъ. Всѣ ея мечты рухнули. Я сказалъ: «Останьтесь здѣсь въ Гесгофѣ; Гесгофъ дастъ больше дохода, если здѣсь будетъ человѣкъ, который хочетъ работать». Я слишкомъ люблю спать, Фите, ты это знаешь. Я въ этомъ откровенно признаюсь. Но Гейнзенъ смѣялся: мужикомъ онъ не сдѣлается, этого и думать нечего. Я видѣлъ, что она охотно осталась бы: онъ утащилъ ее изъ усадьбы на арканѣ, какъ тащатъ жеребенка, а онъ оглядывается долгимъ взглядомъ на усадьбу.

Онъ жалобно закачалъ головой и заерзалъ ногами, ища туфель и глаза его наполнились слезами.

— Все это я проспалъ,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—за это я теперь наказанъ: долженъ сидѣть здѣсь, въ этой дырѣ, а тамъ, далеко отсюда, находится Гесгофъ, и солнце освѣщаетъ его, и всѣ его прекрасныя торфяныя горы покрыты высокой травой, и цвѣты такъ величественно раскачиваются, какъ будто слышатъ тихое, торжественное пѣніе и качаются въ тактъ ему. И каждую ночь я вижу во снѣ, что ищу свою дѣвочку и не могу ее найти, и при этомъ падаю въ воду и просыпаюсь, и потомъ уже не могу больше заснуть. Изъ всего этого ты можешь судить, Фите, каково мнѣ: я не могу больше спать. Старуха, что живетъ рядомъ со мной, говоритъ, что это тоска по родинѣ и это правда: у меня ужасная тоска по родинѣ! Вы знаете мою спальню въ Гесгофѣ, дѣти! Если когда-нибудь я снова буду мирно жить въ Гесгофѣ, я прежде всего прикажу оштукатурить свою комнату: знаете!.. Старуха охотно помогаетъ мнѣ, она дала мнѣ изъ «Нѣмецкой аптеки» меркуріала и фосфору; она говоритъ, что это хорошее средство противъ тоски по родинѣ. Но тутъ дѣло не въ одной тоскѣ, тутъ примѣшивается также и дурная совѣсть. А она говоритъ, что противъ нея ничего нѣтъ въ «Нѣмецкой аптекѣ». Я все это проспалъ, и поэтому мнѣ приходится теперь сидѣть здѣсь со своимъ горемъ и цѣлый день бѣгать по гавани и искать по улицамъ, а ночью я мечусь по болоту, какъ угорѣлый.

Такъ жаловался Тиссъ Тиссенъ, и его высохшее лицо стало еще длиннѣе, а его маленькіе, искрящіеся дѣтскіе глаза молили о помощи, и его кожаныя туфли ерзали взадъ и впередъ, а когда онѣ выходили изъ-подъ его власти, онъ приподымался изъ кресла и снова доставалъ ихъ и поочередно глядѣлъ на всѣхъ своихъ слушателей.

Фите Крей перегнулся черезъ столъ, и смотрѣлъ на говорившаго. Уютность, которую такъ часто испытывалъ въ Гесгофѣ бѣдный, измученный мальчишка-щеточникъ, охватила его и теперь.

Лисбета печальными, серьезными глазами глядѣла на Тисса Тиссена и по временамъ бросала быстрый взглядъ на Іёрна Уля; но тотъ сидѣлъ молча, уставившись глазами въ столъ, утративъ даръ слова, вслѣдствіе только что перенесенной болѣзни и новой заботы. Онъ еще ни разу не взглянулъ на дѣвушку, которую, еще будучи ребенкомъ, чтилъ и юношей такъ любилъ и которая теперь, сіяя молодостью и свѣжестью, сидѣла напротивъ него. Теперь не время было думать о любви.

— По утрамъ, я отправляюсь въ

различныя породы морскихъ рыбъ, которыя спеклись съ иломъ въ каменноломняхъ и, какъ бы просоленныя, сохранились до нашего времени, чтобы свидѣтельствовать намъ о ноевомъ ковчегѣ».

Противъ этихъ естественныхъ взглядовъ появляется теорія Теоѳраста изъ Лесбоса (368—284 до Р. Х.), въ высшей степени оригинальная. Онъ объяснялъ существованіе окаменѣлыхъ рыбъ, которыхъ находили при Гераклеѣ и въ другихъ мѣстахъ въ Понтѣ и Пафлагоніи, тѣмъ, что онѣ произошли въ землѣ изъ оставшихся рыбьихъ яицъ или что они перешли въ землю изъ моря, или изъ сосѣднихъ рѣчныхъ областей и потомъ сдѣлались землеподобными. Теоѳрастъ зналъ также и ископаемую слоновую кость и окаменѣлыя кости и полагалъ, что эти вещи были произведены въ землѣ пластическою силою природы. Такое объясненіе настолько странно и фантастично, что нужно удивляться, какъ оно могло вообще пріобрѣсть довѣріе. Однако, оно въ теченіе столѣтій занимало умы и именно между арабскими философами и учеными позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ нашло убѣжденныхъ приверженцевъ. Ибнъ-Зинна (Ibn-Sinna), знаменитый врачъ и философъ, который на Западѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Авицены (980—1037), разработалъ это воззрѣніе далѣе и училъ, что окаменѣлости созданы въ самой землѣ особою творческою силою. Однако, съ другой стороны, онъ признавалъ, что часть ихъ могла произойти посредствомъ превращенія организованныхъ тѣлъ въ камень.

При огромномъ авторитетѣ, которымъ пользовался Авицена въ средневѣковомъ схоластическомъ мірѣ, не можетъ вызвать никакого удивленія то, что его воззрѣнія сдѣлались руководящими на Западѣ. Такъ, Альбертъ Великій въ своемъ произведеніи: «О минералахъ и металлическихъ веществахъ», близко примкнулъ къ Авиценѣ и соотвѣтственно этому говорилъ о томъ, какъ окаменѣлости (напр., панцыри черепахъ) были произведены въ камняхъ, вслѣдствіе «сырости, которая скопилась въ этомъ мѣстѣ отъ испаренія и приняла въ себя жизненное дыханіе». Съ другой стороны, онъ признаетъ также и превращеніе органическихъ существъ въ камень, съ ясной ссылкой на Авицену, когда онъ въ 9 главѣ первой книги вышеназваннаго сочиненія буквально говоритъ слѣдующее: «Всѣмъ кажется удивительнымъ, что иногда встрѣчаются камни, которыя имѣютъ какъ внутри, такъ и снаружи изображенія животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ извнѣ на нихъ запечатлѣны основныя линіи послѣднихъ, а когда. Эти камни разламываютъ, то находятъ въ нихъ изображенія внутренностей. Авицена также полагаетъ причину этого въ томъ, что животныя иногда превращаются въ камень, особенно же въ соленый камень. Онъ говоритъ, что, какъ земля и вода составляютъ вещество камня, такъ и животныя—вещество камня; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ дыханіе камень — образующей силы, тамъ они переходятъ въ свои элементы и получаютъ особенности и свойства, присущія этимъ мѣстамъ, а элементы, которые находятся въ тѣлахъ этихъ животныхъ, превращаются въ господствующій элементъ, являющійся смѣсью земного и воднаго, и затѣмъ минеральная сила превращаетъ ихъ въ самый камень. Однако, они сохраняютъ свой видъ, свои внутренніе и наружные члены, какъ и прежде. Соленые камни этого рода рѣдко тверды, потому что велика должна быть сила, которая превращаетъ такимъ образомъ тѣло животныхъ, она сжигаетъ нѣчто землистое и такимъ образомъ производитъ вкусъ соли. О томъ же свидѣтельствуетъ преданіе о Горгонѣ (Медузѣ), которая, какъ говорили, пре-

вращала въ камень тѣхъ, кто на нее оглядывался. Но Горгоной называли окаменяющую силу, взглядъ назадъ, обращенный къ ней— склонность тѣлесной сырости къ камнеобразующей силѣ».

Я полагалъ, что эту небольшую выдержку изъ сочиненія Альберта Великаго слѣдовало передать буквально, такъ какъ по этому можно судить, что порядокъ мыслей знаменитаго схоластика въ ихъ извилистомъ ходѣ весьма-таки отличается отъ современнаго понятія, которое мы постепенно составили объ окаменѣлостяхъ, какъ органическихъ существахъ, сохранившихъ свою форму, но превращенныхъ въ каменныя образованія, благодаря впитыванію чуждыхъ имъ минеральныхъ веществъ и полнаго или частичнаго замѣщенія прежней организованной субстанціи.

Такъ какъ къ концу среднихъ вѣковъ происхожденіе окаменѣлостей объяснялось двумя совершенно различными способами, то та же неувѣренность и неясность господствовала и въ первыя столѣтія новаго времени. Между тѣмъ какъ нѣкоторые ученые XVI-го столѣтія и

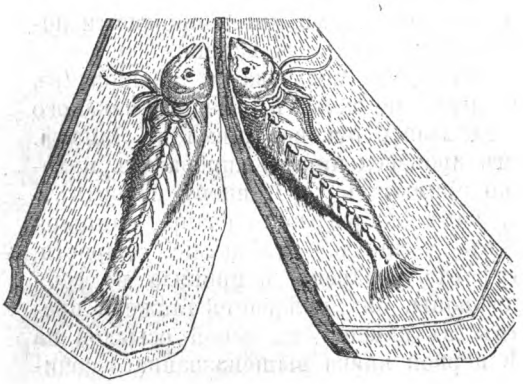


Рис. 50. Отпечатокъ рыбы въ камнѣ. По рис. Афанасія Кирхера (1665 г.).

Рис. 51. Рога Аммона. По рисунку Карла Николая Ланга изъ «Historia lapidum figuratorum» Венеція. 1708.

во главѣ ихъ геніальный художникъ Леонардо да-Винчи (1452—1519) своимъ острымъ взоромъ признали въ окаменѣлостяхъ остатки морскихъ животныхъ, великіе нѣмецкіе естествоиспытатели того времени не отважились еще, какъ Агрикола или швейцарскій врачъ Конрадъ Геснеръ (1516—1565), которому мы обязаны первыми рисунками окаменѣлостей, принять опредѣленной теоріи ихъ происхожденія.

Другіе изслѣдователи XVI, XVII и XVIII-го столѣтія полагали, что окаменѣлости произошли подъ вліяніемъ образующейся соли въ нѣдрахъ земли, нѣкоторые ихъ образованіе подчиняли вліянію звѣздъ, а нѣкоторые считали ихъ за «дивныя шалости природы», и Мартинъ Листеръ (1638—1711, съ 1709 г. лейбъ-медикъ англійской королевы Анны) полагалъ, что неизвѣстная причина производила подражаніе въ камняхъ формамъ живущихъ раковинъ. Луидъ (Ed. Lhwyd), напротивъ, опять примкнулъ къ теоріи Теофраста и утверждалъ, что пары моря вносили въ земные пласты сѣмена рыбъ и другихъ животныхъ и такимъ образомъ служили поводомъ къ происхожденію окаменѣло-

стей, между тѣмъ какъ люцернскій врачъ и членъ совѣта Карлъ-Николай Лангъ (1670—1741) защищалъ мнѣніе, что окаменѣлости произошли изъ сѣмени морскихъ животныхъ, осѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ земли; теплота пробудила въ нихъ дремлющую «vis plastica», и послѣдняя дала имъ впослѣдствіи форму.

Аѳанасій Кирхеръ думаетъ, что natura lithogenetica старается подражать одушевленной природѣ и придаетъ камнямъ образы живыхъ существъ, но иногда и геометрическія и астрономическія формы; такимъ образомъ появляются то изображенія солнца, луны и звѣздъ, то горъ, морей, рѣкъ и лѣсовъ. Случается встрѣчать на шиферномъ камнѣ линіи, напоминающія буквы, сдѣланныя изъ сырой, затѣмъ затвердѣвшей глины; время отъ времени наталкиваемся и на изображенія человѣческой фигуры. Аѳанасій Кирхеръ считаетъ подобныя изображенія на глиняныхъ плитахъ, найденныхъ въ землѣ, произведеніемъ самой природы; по его мнѣнію, всѣ таинственныя силы природы суть проявленія божественнаго могущества. Нѣкоторыя окаменѣлости произошли случайно, другія же являются нарочно сдѣланными моделями, окаменѣвшими впослѣдствіи; въ третьихъ случаяхъ природа постаралась изобразить растительныя формы (дендриты), когда сѣмена растеній оказывались случайно вблизи еще неокрѣпшихъ каменистыхъ массъ. Вліяніе божества вызвало также чудесныя изображенія, какъ, напримѣръ, найденное въ Южной Америкѣ въ дикихъ горахъ Арауканіи изображеніе Богоматери.

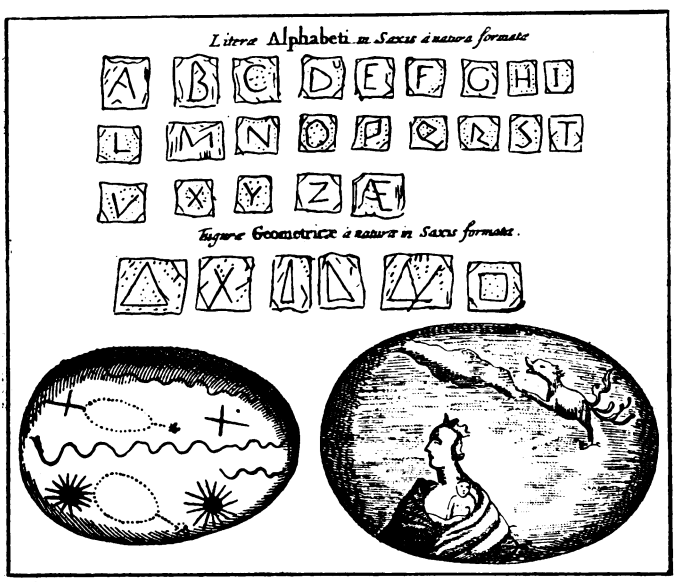


Рис. 52. Рисунки на камняхъ. По Аѳанасію Кирхеру. 1665 г.

Въ большинствѣ своихъ объясненій и толкованій Кирхеръ стоялъ на уровнѣ средневѣковыхъ понятій, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удалось дать вѣрное объясненіе происхожденія окаменѣлостей; онъ указываетъ на маленькихъ животныхъ, заключенныхъ въ каменныхъ породахъ, на растенія и части ихъ, сохранившія свою форму подъ рѣчнымъ или морскимъ иломъ, на рыбъ, зарывшихся во время половодія въ илъ и превратившихся затѣмъ въ камень подъ

вліяніемъ spiritus lapidificus. Въ доказательство этого онъ приводитъ тотъ фактъ, что съ помощью такого оттиска можно получить настоящую рыбу, слѣдовательно сохранившееся углубленіе заполнено было тѣломъ рыбы. Деревья тоже обращаются въ камни, и каменный уголь такимъ образомъ образовался изъ растительнаго митеріала. Кирхеръ идетъ даже такъ «далеко», что подвергаетъ сомнѣнію существованіе великановъ въ доисторическія времена; онъ указываетъ на то, что нѣкоторыя кости, найденныя въ Сициліи, принадлежатъ не человѣку, а слону и другимъ громаднымъ животнымъ прежнихъ временъ.

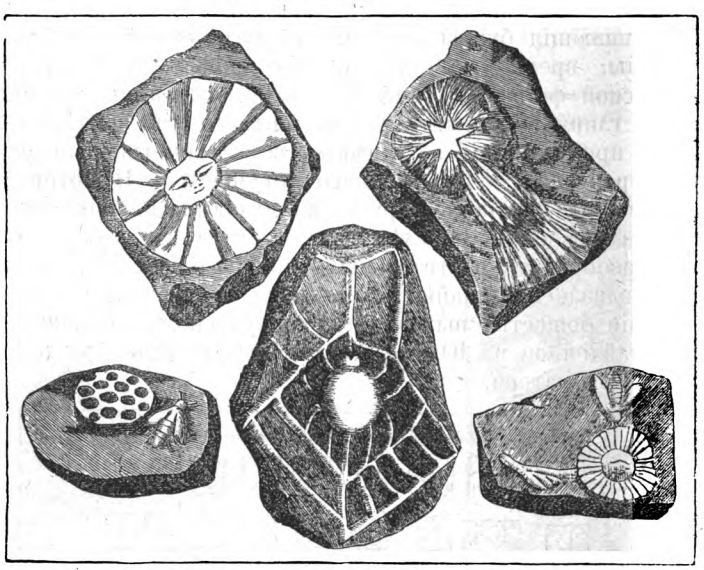


Рис. 53. „Лживые“ камни Берингера. Изъ „Lithographia Wirceburgensis“ 1767 г.

Въ то время какъ Аѳанасій Кирхеръ перемѣшивалъ вѣрныя воззрѣнія съ ложными, принимая иногда человѣческія произведенія искусства прошлыхъ эпохъ за произведенія природы, довѣрчивый и наивный профессоръ *Адамъ Беринге*ръ нашелъ вблизи Вюрцбурга наряду съ безусловно истинными окаменѣлостями множество интересныхъ изображеній въ видѣ грубыхъ рисунковъ растеній съ листьями и корнями, улитокъ, бабочекъ, летающихъ жуковъ и другихъ животныхъ со всѣми ихъ мягкими частями тѣла, а также рисунковъ солнца, луны, кометъ и звѣздъ и даже арабскихъ и еврейскихъ буквъ. Обрадованный и очарованный изслѣдователь призналъ эти замѣчательныя находки за произведенія самой природы, Беринге́ръ издалъ ихъ особой книгой («Lithographia Wirceburgensis». 1726) и привелъ всевозможныя объясненія, не найдя ни одного сколько-нибудь правдоподобнаго. Здѣсь не подходили уже теоріи, которыя видѣли въ окаменѣлостяхъ игру природы или развитіе попавшаго на камень сѣмени, послѣднее потому уже было невѣротно, что ни солнце, ни другія свѣтила небесныя не имѣютъ сѣмянъ. Потокъ тоже не могъ принести подобныхъ предметовъ, а съ другой стороны даже Беринге́ру показался черезчуръ фантастичнымъ «бредъ» одного его друга, который приписывалъ свѣтовымъ лучамъ способность воспроизводить рисунки: лучи солнца или другихъ небесныхъ свѣтилъ, проникая въ землю, отпечатываютъ на мягкомъ камнѣ

фигуры растеній, животныхъ и другихъ предметовъ. Нѣкоторые смотрѣли на эти интересныя находки, какъ на произведенія искусства, созданныя и почитавшіяся нѣкогда древними германцами, другіе же предполагали обманъ, но Берингѐръ разубѣдилъ ихъ, выкапывая эти предметы въ ихъ присутствіи въ опредѣленномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе сомнѣніе не проходило: еще во время изданія «Lithographia» до Берингѐра дошелъ слухъ, что подобныя плиты и камни изготовляются искусственно и потихоньку закапываются въ землю; но Берингѐръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія; и только послѣ того, какъ изданіе его увидѣло свѣтъ, узналъ онъ, что сдѣлался жертвою шутокъ студентовъ; въ концѣ концовъ, онъ нашелъ даже свое имя на одномъ изъ камней. Тогда онъ постарался перекупить распроданные экземпляры своего изданія, но это ему не вполнѣ удалось; въ 1767 г. вышло второе изданіе, которое вмѣстѣ съ сохранившимися въ Бамбергѐ, Мюнхенѣ и другихъ городахъ «фальшивыми камнями Берингѐра» увѣковѣчили его неудачу. Хотя случай съ Берингѐромъ заставилъ быть осмотрительнѣе при подобныхъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ не менѣе и позже не было недостатка въ голосахъ, утверждавшихъ, что окаменѣлости являются не остатками живыхъ существъ, а простыми рисунками или изображеніями ихъ; еще въ 1765 г. знаменитый французскій геологъ Геттаръ долженъ былъ доказывать въ своемъ обширномъ трудѣ, что окаменѣлости представляютъ собою какъ бы преобразившіеся остатки прежнихъ растеній и животныхъ. Конечно, эти воззрѣнія Геттара были уже не новы; со временъ Леонардо да-Винчи нѣкоторые единичные изслѣдователи указывали на органическое происхожденіе окаменѣлостей. Такъ—напр., въ 1580 г. парижанинъ Тёферъ Палисси, позднѣе въ Италіи Фабіа Колонна, Стено, Сцилла, въ Англіи—Гукъ; Рэй, Вудвордъ, въ Германіи — Лейбницъ, Миліусъ, въ Швейцаріи — Шейхцеръ и нѣкоторые другіе. Многіе изъ нихъ въ появленіи окаменѣлостей видѣли доказательство потопа. Большую сенсацію произвела находка Шейхцеромъ громаднаго скелета въ известнякахъ Онингена; швейцарскій ученый принялъ его за скелетъ человѣка («Homo diluvii testis»), между тѣмъ какъ немного позднѣе Кювье призналъ въ немъ гигантскую саламандру, которой и далъ названіе «Andrias Scheuchzeri».

Если отнесеніе окаменѣлостей ко времени потопа имѣло за собою то преимущество, что возбудило къ нимъ интересъ въ самыхъ обширныхъ кругахъ, то съ другой стороны существенный недостатокъ его заключался въ томъ, что всѣ разнообразныя и разновидныя явленія приходилось относить къ одному опредѣленному періоду времени.

Внимательные наблюдатели замѣтили, что хотя многія окаменѣлости и стоятъ близко къ современнымъ животнымъ и растительнымъ формамъ или даже совершенно схожи съ ними, другія, напротивъ, во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ нихъ. Чтобъ объяснить такое несходство, признали, что эти странныя формы произошли изъ глубинъ океана, жизнь которыхъ была очень мало извѣстна въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ. Нѣкоторые ученые нашли это различіе столь значительнымъ, что отнесли всѣ окаменѣлости къ остаткамъ одной только эпохи. Лейбницъ, напримѣръ, предполагалъ нѣсколько потоповъ, между тѣмъ какъ Робертъ Гукъ въ 1688 году указывалъ на многочисленные перевороты вслѣдствіе землетрясеній. Гукъ обратилъ вниманіе на то, что опредѣленныя формы находятся только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ; затѣмъ онъ же на основаніи большихъ размѣровъ, найденныхъ въ Англіи иско-

паемыхъ черепахъ вывелъ заключеніе, что климатъ тамъ раньше былъ гораздо теплѣе, чѣмъ теперь.

Изученіе окаменѣлостей распространялось все болѣе и болѣе; отдѣльные интересные окаменѣлости описывались и издавались небольшими брошюрами, цѣлыя группы или описанія большихъ коллекцій появлялись въ свѣтъ въ большихъ фолліантахъ, снабженныхъ гравюрами, и классифицировались болѣе или менѣе удачно. Чѣмъ ближе знакомились съ окаменѣлостями, тѣмъ болѣе убѣждались въ ихъ животномъ и растительномъ происхожденіи, тѣмъ глубже проникали въ особенности организаціи нѣкоторыхъ ископаемыхъ, имѣющихъ только отдаленное сходство и родство съ современными намъ организмами.

Въ то время еще не догадывались, что ископаемымъ окаменѣлостямъ суждено сыграть главную роль въ изученіи земныхъ пластовъ. Хотя въ концѣ XVII-го ст. Мартинъ Листеръ и Гукъ высказывали предположеніе, что окаменѣлости могутъ послужить для хронологическаго опредѣленія содержащихъ ихъ отложеній, но мысль эта такъ и заглохла, и въ XVIII-мъ вѣкѣ пытались разрѣшить вопросъ о происхожденіи земли другимъ путемъ: «стратиграфическими» изысканіями, т.-е. старались установить послѣдовательность образованія земныхъ пластовъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хорошо сохранилось расположеніе пластовъ, ясно видно, что верхніе слои болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ нижніе, и потому въ этихъ странахъ раньше была изучена исторія земной коры, напримѣръ, Фюкселемъ (1762) въ Тюрингенѣ и Вернеромъ въ Саксоніи.

Тѣмъ же путемъ шелъ и аббатъ Жиро-Сулави (1752—1813) въ своемъ изученіи известковыхъ горъ въ Виварэ (1779); но онъ не ограничился одними стратиграфическими наблюденіями, а указывалъ, что каждый рядъ наслоеній, даже каждый пластъ отличается опредѣленными группами ископаемыхъ. Такъ, онъ утверждалъ, что въ самыхъ нижнихъ слояхъ находятъ исключительно остатки только вымершихъ животныхъ, какъ аммониты, белемниты, теребратулы, грифиты и т. п., выше же, наряду съ давно исчезнувшими формами, и такія, которыя живутъ еще въ нашихъ моряхъ, напр., наутилусъ, гребневики и т. п.

Изъ этого Жиро-Сулави вывелъ заключеніе, что во время образованія этихъ пластовъ выжившія формы перваго періода вымирали одновременно съ новыми организмами къ концу второго періода. Въ третьемъ періодѣ, который характеризуется бѣлымъ, мягкимъ известнякомъ находятся только живущія еще нынѣ формы, какъ волюта, устрицы и т. п., а наряду съ ними и валуны базальта; это подало Жиро-Сулави мысль, что вулканическія изверженія имѣли мѣсто уже до отложенія данной формаціи. Подобнымъ образомъ ученый и наблюдательный аббатъ сумѣлъ всѣ замѣчательныя явленія пріурочить къ хронологической цѣли и тѣмъ указалъ путь, какъ легче всего разобраться въ исторіи земли. Труды его, изложенные очень тяжелымъ и туманнымъ языкомъ, были скоро позабыты и его геніальная попытка разобраться въ исторіи земли на основаніи изученія окаменѣлостей отдѣльныхъ пластовъ земли осталась почти безрезультатной.

Простота геологическаго строенія и богатство ископаемыми окрестностей Парижа скоро привлекли къ себѣ вниманіе естествоиспытателей. Во второй половинѣ XVIII вѣка химикъ Руэлль нашелъ, что распредѣленіе ископаемыхъ имѣетъ постоянный и закономѣрный характеръ, что одни слои вблизи Парижа наполнены турителлами и церитами, въ дру-

гихъ—встрѣчаемъ цѣлую свиту горныхъ породъ съ белемнитами, аммонитами и т. п.

Болѣе тщательное изученіе пластовъ земли и ископаемыхъ богатствъ въ окрестностяхъ Парижа предпринялъ только въ началѣ XIX вѣка знаменитый анатомъ Георгъ Кювье (1769—1832) и его сотрудникъ Александръ Броньяръ (1770—1847); они указали не только на послѣдовательное опредѣленное наслоеніе отдѣльныхъ пластовъ, но и изучили точно ихъ органическіе остатки, ихъ залеганіе и сохраненіе. Послѣ долгихъ наблюденій оба ученые пришли къ выводу, что геологическіе пласты окрестностей Парижа отлагались въ морской бухтѣ или въ озерѣ; отложенія идутъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ и по своему петрографическому и палеонтологическому характеру (т.-е. по составу горныхъ породъ и по ископаемымъ организмамъ) легко отличаются другъ отъ друга. Эти ученые установили, напр., что, между мѣловыми отложеніями и глиною древняго третичнаго періода существуетъ очень рѣзкая граница и изъ этого положенія сдѣлали выводъ, что отложенія этихъ двухъ періодовъ образовались при совершенно различныхъ условіяхъ и что между образованіемъ тѣхъ и другихъ прошелъ большой промежутокъ; случайно въ нижнихъ слояхъ третичной глины нашли какъ бы вмазанные въ нее обломки мѣлового известняка, изъ чего вывели заключеніе, что мѣловыя отложенія уже отвердѣли въ то время, какъ начала осаждаться глина. За глиною слѣдуетъ песокъ, а затѣмъ поперемѣнно известнякъ и мергель; французскимъ ученымъ удалось доказать, что эти послѣдніе пласты встрѣчаются повсюду въ одинаковомъ порядкѣ. Для того, чтобы имѣть возможность узнавать различные известковые пласты, изъ различныхъ мѣстъ Кювье и Броньяръ опредѣляли окаменѣлости, которыя встрѣчаются въ этихъ слояхъ, потому что они нашли, что характеръ отложеній, образовавшихся одновременно и при одинаковыхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же и что характеризующія ихъ окаменѣлости никогда не встрѣчаются въ болѣе высокихъ, т.-е. въ болѣе молодыхъ слояхъ, а замѣняются другими новыми формами.

Нахожденіе прѣсноводныхъ раковинъ въ болѣе высокихъ горизонтахъ заставило обоихъ наблюдателей придти къ выводу, что отложенія эти должны были образоваться въ прѣсныхъ озерахъ; другіе пласты не содержали окаменѣлостей, между тѣмъ какъ въ наиболѣе молодыхъ наносныхъ слояхъ долинъ (аллювій) оказались кости слоновъ и древесные стволы.

Такимъ образомъ Кювье и Броньяръ не только изучили и разобрали геологическія отложенія окрестностей Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ указали путь, по которому съ помощью ископаемыхъ окаменѣлостей можно установить возрастъ формаціи и отдѣльныхъ пластовъ повсюду на земной поверхности.

Между тѣмъ какъ во Франціи богатыя ископаемыми и правильно расположенныя третичныя образованія привлекли къ себѣ вниманіе и послужили къ установленію основныхъ принциповъ для опредѣленія палеонтологическаго возраста пластовъ земли, въ Англіи ту же роль сыграла древнѣйшая «вторичная формація». И здѣсь также раньше всего былъ опредѣленъ порядокъ пластовъ по характеру каменныхъ породъ и по наслоенію ихъ, но вскорѣ было обращено вниманіе и на окаменѣлости и ихъ значеніе. Вильямъ Смитъ (1769—1839) еще въ молодости, будучи въ Черчилѣ собиралъ юрскія окаменѣлости, позднѣе онъ увлекся и болѣе общими геологическими вопросами, встрѣчая,

при исполненіи своихъ обязанностей землемѣра, вѣчную смѣну характера почвы, каменныхъ породъ и ландшафта. Въ своей дѣятельности, какъ инженеръ при постройкѣ канала въ Сомерсетѣ (1794—179), онъ обратилъ вниманіе на горныя породы и на заключенные въ нихъ органическіе остатки и пришелъ къ убѣжденію, что «каждый пластъ содержитъ только присущія ему окаменѣлости и что въ сомнительныхъ случаяхъ они могутъ служить для опредѣленія даннаго пласта и для отличія отъ другихъ сходныхъ пластовъ». Смитъ не съумѣлъ въ это время опредѣлить отдѣльные пласты, но указалъ только на важностьпостройкѣ геологическихъ знаній въ практической жизни, въ земледѣліи, при точныхъ дорогъ и каналовъ въ вопросахъ орошенія и т. п. Позднѣйшія многочисленныя путешествія дали ему возможность ознакомиться съ геологическимъ строеніемъ почти всей Англіи. и значительно расширить свой запасъ наблюденій. Уже въ 1799 году онъ составилъ подробное описаніе формацій Англіи начиная съ каменноугольнаго періода и до мѣлового, опредѣлилъ толщину отдѣльныхъ слоевъ, характеръ горныхъ породъ и типичные для каждаго слоя ископаемые остатки; работа эта долга была извѣстна только въ рукописи. Только въ 1815 году Смитъ нашелъ возможность издать свою геологическую карту на 15 листахъ съ текстомъ на 50 страницахъ.

Послѣ того, какъ Кювье и Броньяръ, съ одной стороны, а Вильямсъ Смитъ—съ другой установили важное значеніе окаменѣлостей для опредѣленія возраста пластовъ земли, наступила интересная пора геологическихъ изысканій. Система Вернера распалась и возникла новая—хронологическая, для развитія которой съ жаромъ работали во всѣхъ культурныхъ странахъ. Поэтому появились разнообразныя терминологіи, которыя только съ теченіемъ времени вырабатывались въ интернаціональную и нѣкоторыя мѣстныя названія пріобрѣли общее значеніе. Однѣ формаціи *) получили названіе отъ своей особенно важной части, какъ, напр., каменноугольная, другія—отъ породы болѣе всего бросающейся въ глазъ—мѣлъ и т. п.

Первоначально Вернеръ между первичными каменными породами и аллювіемъ вставилъ въ видѣ временнаго геологическаго звена только флецовыя горы. Позднѣе же, между первичной формаціей и флецовой онъ вставилъ еще одно подраздѣленіе, которое назвалъ переходнымъ, въ виду того, что породы эти отложились во время перехода земли изъ хаотическаго состоянія въ годное для жизни. Онъ признавалъ, что въ этихъ переходныхъ слояхъ находятся самые древнѣйшіе остатки органической жизни. Самая существенная часть этихъ пластовъ состояла изъ твердаго песчаника, носившаго мѣстное названіе «граувака» (сѣрая вакка) и сохранившаго его и до сихъ поръ. Благодаря изысканіямъ Кювье, Броньяра и В. Смита флецовыя породы Вернера были отнесены къ третичной и вторичной формаціямъ съ ихъ подраздѣленіями, но переходныя породы очень долго не поддавались хронологическому опредѣленію; рѣшеніе этой задачи выпало на долю Родрига Мурчисона (1792—1871) и Адама Зедвика (1785 — 1873). Мурчисонъ, проведшій молодость на военной службѣ и на охотѣ за лисицами, принялся за изученіе геологіи только 32 лѣтъ, увлекся ею и въ 1831 г. предпринялъ свое первое путешествіе въ Валисъ для того, чтобы изучить и опредѣлить «неопредѣленную сѣрую вакку». Въ Savansham Ferry онъ на-

*) Въ настоящее время вмѣсто термина «формація» въ данномъ смыслѣ, употребляютъ слова «система».

шелъ подъ «древнимъ краснымъ песчаникомъ» слои, содержащіе окаменѣлости, и прослѣдилъ ихъ, какъ охотникъ дикаго звѣря, впродолженіи восьмимѣсячнаго путешествія на всемъ протяженіи онъ изучилъ характерныя для этихъ слоевъ окаменѣлости и положилъ такимъ образомъ начало для своей «силлурійской» системы. Названіе это Мурчисонъ произвелъ отъ имени народа (силлуровъ), жившаго въ той мѣстности во времена римскаго владычества (1835). Почти одновременно съ нимъ его другъ и сотрудникъ Седвикъ назвалъ кэмбрійской системой еще болѣе древнія каменныя породы, которыя онъ изучалъ въ Сѣверномъ Валисѣ, и отграничить которыя отъ силлурійскихъ было очень трудно. На этой почвѣ возникъ жаркій споръ между прежними друзьями. Изысканія Іохима Барранда надъ древнѣйшими формаціями Богеміи и ихъ ископаемыми, сильно помогли разграниченію обѣ ихъ системы: силлурійской и кэмбрійской.

Третья часть «граувакской формаціи» была установлена В. Лонсдэлемъ въ 1837 г. въ видѣ промежуточнаго слоя между суллурійской и каменноугольной формаціями и названа девонской, по имени графства Девонширъ, гдѣ формація эта была изучена впервые.

Такимъ образомъ «переходныя» горныя породы Вернера были разбиты на три формаціи, и въ древнѣйшіе, содержащіе богатые ископаемые остатки, земные слои былъ внесенъ порядокъ; затѣмъ геологи проникли еще глубже. Рамзай въ Валисѣ указалъ на докэмбрійскіе пласты, а В. Э. Логанъ (1798—1875) посвятилъ себя преимущественно изученію гнейса и слюдистаго и уртопскаго сланцевъ, которые имѣютъ такое широкое распространеніе въ сѣверо-американскомъ континентѣ.

Образованіе горныхъ породъ. Представляетъ интересъ не только возрастъ земныхъ пластовъ, но и способъ ихъ возникновенія, на что обратилъ вниманіе уже Вернеръ. Но въ то время не было средствъ опредѣлить точное строеніе горныхъ породъ и только въ XIX в. механикъ В. Николь изъ Эдинбурга предложилъ слѣдующій способъ изслѣдованія. Отполировываютъ одну изъ сторонъ изслѣдуемаго образца, приклеиваютъ канадскимъ бальзамомъ на стеклянную пластинку и срѣзаютъ съ другой стороны до тѣхъ поръ, пока не получится прозрачный слой. Примѣняя поляризированный свѣтъ къ изслѣдованію такой пластинки можно детально изучить минералогическій составъ данной породы; геологи почему то вначалѣ пренебрегали этимъ методомъ, пока Генри Сорби въ серединѣ XIX-го в. познакомился у преемника Николя Ал. Брисона съ новымъ методомъ (1858 г.) и доказалъ, какъ онъ важенъ и полезенъ при изученіи строенія, состава и возникновенія горныхъ породъ. Циркель (Лейпцигъ) примѣнилъ и усовершенствовалъ новый способъ изученія горныхъ породъ (1863 г.), Розенбушъ, Фуке и другіе изслѣдователи шли тѣмъ же путемъ, и въ настоящее время микроскопъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди методовъ, помогающихъ намъ разобраться въ исторіи земли. Я не буду здѣсь говорить о томъ, какъ микроскопъ помогаетъ намъ изучать исторію возникновенія горныхъ породъ, послѣдовательное образованіе ихъ составныхъ частей, ихъ дальнѣйшую судьбу, напомню только, что съ помощью микроскопа было установлено, что многіе, повидимому, однородныя, плотныя породы, которыя во времена Вернера считали химическими соединеніями, состоятъ въ главной своей части изъ органическихъ остатковъ, какъ, напримѣръ, известники—изъ обломковъ раковинъ различныхъ молюсковъ, морскихъ иглокожихъ и т. п. животныхъ, а мѣлъ (по изысканіямъ Эренберга въ 1839 г.) большею частью

изъ фораминиферъ, полировальный же сланецъ—изъ панцырей діатомей и радіоларій. Такимъ путемъ выработался совсѣмъ новый взглядъ на значеніе мелкихъ организмовъ для строенія отдѣльныхъ составныхъ частей земной коры, но нужно отмѣтить, что еще задолго до этого ученые знали о важной работѣ коралловъ, образующихъ рифы. Уже въ XVI-мъ столѣтіи были знакомы съ коралловыми постройками въ Красномъ морѣ, въ XVII в. были описаны атоллы Маладивскихъ острововъ, а въ XVIII-мъ в. уже было извѣстно, что образованія эти—работа микроскопическихъ животныхъ и что они встрѣчаются только въ теплыхъ моряхъ.

Гюйо и Гаймаръ во время экспедиціи Фрейсине (1818 — 1820 г.) твердо установили, что кораллы, образующіе рифы, могутъ жить только на небольшихъ глубинахъ (не глубже 10 метровъ) а Стефенсъ въ 1822 г., на основаніи кольцеобразной формы атолла, пришелъ къ выводу о существованіи подземныхъ кратеровъ, на склонѣ которыхъ и поселяются Кораллы. Въ 1834 г. Эренбергъ указалъ, что въ Красномъ морѣ коралловыя постройки образуютъ мощный слой около трехъ метровъ, а Дарвинъ въ 1842 г. на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ во время экспедиціи на кораблѣ Бигль въ 1832—1834 г. такимъ образомъ выразилъ свою знаменитую теорію объ образованіи атолловъ: коралловыя постройки первоначально опоясываютъ островъ какъ бы каймой, вслѣдствіе медленнаго опусканія почвы рифы начинаютъ энергично расти вверхъ; въ концѣ концовъ центральная часть острова опускается подъ воду и надъ моремъ остается только кольцеобразный рифъ—атоллъ.

І. Дана присоединился къ этому взгляду, а Рихтгофенъ примѣнилъ эту теорію (1860) къ образованію доломитовыхъ пластовъ въ горахъ Южнаго Тироля. Позднѣе, Агассисъ, Муррэй и др. высказались противъ этой теоріи и для разрѣшенія вопроса были предприняты буренія въ почвѣ коралловыхъ острововъ южныхъ морей; попытки эти остались пока безрезультатными. Хотя вопросъ о возникновеніи атолловъ еще не разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно, зато съ другой стороны объясненіе Эренберга о происхожденіи мѣла подтверждено недавно самымъ блестящимъ образомъ послѣ того, какъ экспедиція Челленджера 1871 г. выяснила, что на громадныхъ пространствахъ дно морское покрыто иломъ, состоящимъ по преимуществу изъ известковыхъ остатковъ фораминиферъ, кокколитовъ, и глобигеринъ. Наряду съ животными организмами, играющими такую существенную роль въ образованіи земной коры, стоятъ и растительные остатки; уже въ 1837 г. Филиппи утверждалъ, что причисляемые до тѣхъ поръ къ животному міру миллепоры суть известковыя водоросли, а въ 1858 г. Унгеръ поднялъ ихъ значеніе, какъ образователей каменныхъ породъ.

Дѣятельность растеній имѣетъ еще болѣе важное значеніе для практической жизни, именно ихъ способность превращаться въ уголь, т.-е. сохранять для будущаго большую часть растительнаго вещества. Этотъ процессъ обугливанія мы можетъ наблюдать и нынѣ въ торфяныхъ болотахъ умѣреннаго пояса: между тѣмъ какъ при свободномъ доступѣ воздуха растенія гніютъ и сохраняютъ только неорганическія вещества, при отсутствіи доступа воздуха они подвергаются медленному процессу разложенія, причемъ большая часть содержащагося въ нихъ углерода сохраняется; кислородъ, азотъ, углекислота и болотный газъ утрачиваются, а углеродъ все болѣе и болѣе накопляется и даже, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться въ чистомъ видѣ.

Чѣмъ древнѣе формація, въ которой находятъ ископаемый уголь, тѣмъ болѣе въ углѣ углерода. Въ современномъ торфѣ около 53% углерода, въ дилювіальномъ торфѣ 60%, въ третичномъ буромъ углѣ около 70% въ каменномъ углѣ 80—90%, въ антрацитѣ 94%, а въ графитѣ 100% углерода.

Между тѣмъ какъ торфъ еще и теперь образуется изъ мха и различныхъ болотныхъ растеній, третичный бурый уголь состоитъ по преимуществу изъ хвойныхъ растеній, пальмъ и лиственныхъ породъ, каменный уголь—изъ исполинскихъ сосудистыхъ тайнобрачныхъ, антрацитъ и графитъ—изъ морскихъ водорослей.

Давленіе и тепло очень благопріятствуютъ процессу обугливанія; потеря вещества при обращеніи дерева въ уголь очень значительна.

Г. Бишофъ высчиталъ, что для образованія слоя угля толщиною въ метръ надо 26 метровъ растительнаго вещества. До сихъ поръ еще является спорнымъ вопросъ, образуются ли каменноугольные пласты изъ росшаго на томъ же самомъ мѣстѣ лѣса или же изъ наноснаго матеріала; я лично думаю, что второе предположеніе ближе къ истинѣ.

До сихъ поръ не установлено также, является ли нефть продуктомъ распаденія животныхъ или растительныхъ остатковъ. Первое предположеніе вѣрнѣе, потому что Энглеру удался такой опытъ: онъ подвергъ рыбій жиръ давленію 20—25 атмосферъ и температурѣ 365—420° и получилъ продуктъ, очень схожій съ пенсильванской нефтью *).

Какъ бы ни было велико практическое примѣненіе нефти, значеніе ея въ изученіи исторіи земной коры далеко уступаетъ многимъ, повидимому, незначительнымъ и практически совсѣмъ негоднымъ остаткамъ организмовъ (окаменѣлостямъ), проливающимъ часто яркій свѣтъ на нѣкоторыя области исторіи земного шара: происхожденіе нефти еще не ясно, неопредѣленно, окаменѣлость же можетъ воскресить въ нашихъ глазахъ картину давно минувшей жизни, дать представленіе о жизненныхъ условіяхъ, климатѣ изчезнувшей эпохи; и для этого вполнѣ безразлично, сохранилось ли само вещество животнаго или растенія цѣликомъ или только часть его, или же оно совсѣмъ утратилось и остался только отпечатокъ его на камнѣ, или же организмъ окаменѣлъ вслѣдствіи замѣны его частицъ углекислой известью, кремнеземомъ, желѣзнымъ шпатомъ и т. п. Безразлично также, сохранился ли отпечатокъ всего организма, или только части его; самое главное въ томъ, чтобъ можно было отмѣтить характерныя особенности, чтобы было возможно опредѣлить видъ и семейство. Когда это удается, то какой-нибудь на первый взглядъ незначительный обломокъ ископаемаго или окаменѣлость можетъ разсказать намъ длинную исторію о давно прошедшихъ временахъ нашей земли и открыть передъ нашимъ умственнымъ взоромъ картины далекаго прошлаго. Окаменѣлости рисуютъ намъ измѣненія и географическихъ ландшафтовъ: остатки ископаемыхъ морскихъ животныхъ и растеній указываютъ, что на этомъ мѣстѣ когда-то было море; окатанные остатки раковинъ посреди окатанныхъ же галекъ и песку указываютъ на то, что берегъ здѣсь омывался вѣчнымъ прибоемъ; тонкіе, изящные, небольшіе обломки глины съ

*) Воззрѣнія Заппера на происхожденіе каменнаго угли и нефти слишкомъ категоричны, но мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробное выясненіе этого вопроса. *Ред.*

хорошо сохранившимися ракушками, морскими ежами, раковинами и т. п. указываютъ на глубокое морское дно; известковые пласты съ остатками криноидей—на открытое море; земноводныя животныя и растенія, а именно стволы съ корнями, съ приставшей къ нимъ глиной, говорятъ о существованіи здѣсь суши и т. д. Такимъ же образомъ ископаемыя даютъ намъ представленіе о прежнихъ климатическихъ условіяхъ.

Если мы, напр., въ Гренландіи найдемъ окаменѣлые остатки пальмы, то мы должны будемъ признать, что здѣсь вмѣсто нынѣшняго холоднаго климата господствовалъ когда-то тропическій, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ едва ли найдется другое растеніе, которое такъ нуждалось бы въ теплѣ, какъ пальма. Нѣкоторыя животныя тоже могутъ указывать на характеръ бывшаго въ данной мѣстности климата, но здѣсь надо соблюдать большую осторожность, такъ какъ животный міръ менѣе ограниченъ климатическими условіями. Громадное значеніе имѣютъ окаменѣлости для опредѣленія эпохъ исторіи земли и для характеристики различныхъ ея періодовъ. Для того, чтобы выразить опредѣленнымъ числомъ годовъ относительные промежутки времени, наши средства оказываются несостоятельными. Одно только мы знаемъ точно: нужны были громадные промежутки времени, чтобы выработать органическій строй жизни, который мы теперь видимъ вокругъ насъ. Пока мы вмѣстѣ съ Кювье вѣрили въ могущественные земные перевороты, мы не нуждались въ продолжительныхъ періодахъ для развитія органической жизни. Только въ 1859 году великій англійскій естествоиспытатель Ч. Дарвинъ (1809—1882) въ своемъ знаменитомъ трудѣ «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» въ высшей степени убѣдительно доказалъ, что всѣ разнообразныя формы растительнаго и животнаго міра древнихъ и настоящихъ временъ суть только переходныя ступени одной впередъ идущей эволюціи. Мы видимъ теперь, какое громадное количество времени необходимо для образованія новыхъ видовъ, станемъ ли мы на сторону Дарвина съ его половымъ подборомъ, или на сторону Морица Вагнера, который могучимъ стимуломъ для образованія новыхъ видовъ считаетъ переселеніе животныхъ на значительныя разстоянія. Приходится согласиться съ Дарвиномъ, который утверждаетъ, что промежутокъ времени между двумя слѣдующими одна за другой формаціями можетъ иногда быть значительно больше, чѣмъ образованіе самой формаціи. И когда Дарвинъ говоритъ дальше, что ранѣе самой древней, содержащей окаменѣлости, формаціи прошло гораздо большее время, чѣмъ прошло отъ древнѣйшихъ кэмбрійскихъ отложеній до нашего времени, то едва ли возможно оспаривать это положеніе.

Дарвинъ такимъ образомъ бросаетъ новый свѣтъ на вопросъ о продолжительности геологическихъ періодовъ, но, къ сожалѣнію, онъ не съумѣлъ найти абсолютной мѣры для ихъ опредѣленія. Старались найти эту мѣру другими путями. Напр., сдѣлано наблюденіе, что водопадъ Ніагара, водныя массы котораго подмываютъ шиферное ложе и отламываютъ выше лежащіе известковые пласты, отодвигается все болѣе и болѣе назадъ и такимъ образомъ въ эпоху намъ современную, т.-е. за время, когда органическая жизнь не успѣла существенно измѣниться, Ніагара отодвинулась на 12 километровъ. Вычисляли, что для этого нужно было отъ 10 до 50 тысячъ лѣтъ. Изъ этого мы видимъ съ одной стороны, какъ неточны наши вычисленія, съ другой—убѣждаемся, какъ медленно происходятъ измѣненія въ органической жизни.

Даже поверхностный взглядъ на палеонтологическія коллекціи показываетъ намъ, какія сильныя измѣненія претерпѣли жизненныя формы за время образованія земной коры. Болѣе молодые слои содержатъ органическіе остатки по преимуществу совершенно сходные съ живущими теперь видами или имѣющими съ ними большое сходство; но чѣмъ глубже проникаемъ мы въ древнѣйшіе слои, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ живущія теперь формы и тѣмъ обильнѣе — вымершія. Обыкновенно исчезаютъ не только отдѣльные виды, но и цѣлые роды, семейства и классы животныхъ и растеній; органическій міръ становится все болѣе и болѣе намъ чуждымъ; все рѣже попадаются формы, напоминающія современные намъ виды. Каждый пластъ содержитъ только

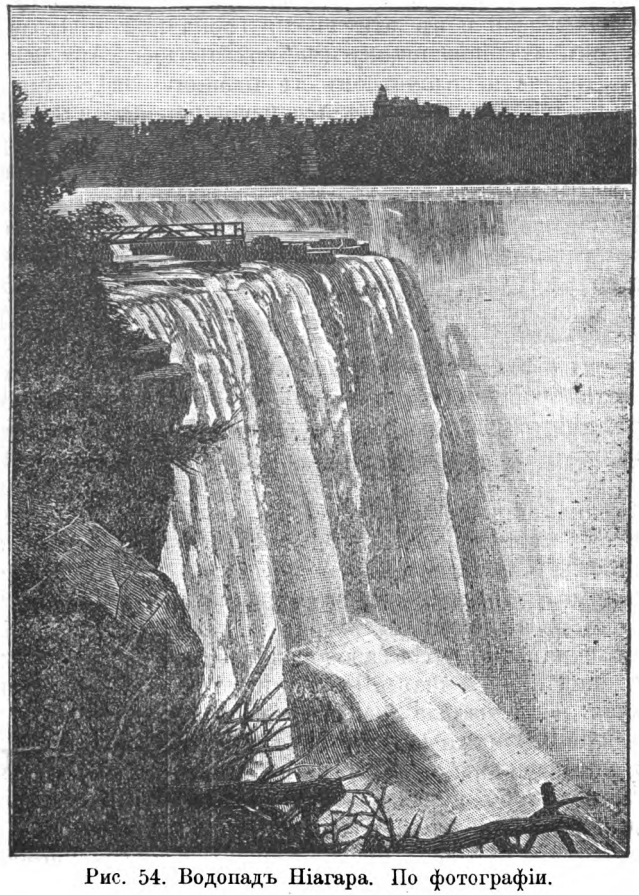


Рис. 54. Водопадъ Ніагара. По фотографіи.

опредѣленныя, свойственныя ему формы и среди нихъ мы наталкиваемся на отдѣльные характерные типы такъ называемыя «руководящія ископаемыя». Каждый рядъ слоевъ, каждая система или формація содержатъ только имъ присущія растенія и животныя, такъ что благодаря этому условію, по найденнымъ окаменѣлостямъ можно охарактеризовать и хронологически опредѣлить отдѣльные геологическіе періоды.

Объ измѣненіяхъ растительнаго и животнаго міровъ въ періодъ образованія земной коры мы поговоримъ подробно въ одной изъ слѣ-

дующихъ главъ; здѣсь же мы задались цѣлью дать въ короткихъ словахъ характеристику періодовъ исторіи земли, какъ она слагалась по мѣрѣ развитія геологическихъ знаній.

Исторія земли, подобно исторіи человѣчества, дѣлится на 4 періода: древнѣйшій, древній, средневѣковый и новый; отличительными признаками каждаго періода служатъ по преимуществу отличительныя черты существовавшей тогда жизни.

А. *Древнѣйшая эра* по геологическимъ воззрѣніямъ охватываетъ архейскія формаціи или первобытныя горы. Иногда ее называютъ *азойской*, что значитъ свободная отъ живыхъ существъ, такъ какъ до сихъ поръ здѣсь не найдено еще никакихъ слѣдовъ органической жизни. Но мы уже раньше упоминали, что Дарвинъ предполагаетъ существованіе разнообразной жизни и въ эти эпохи громадной продолжительности, хотя остатковъ ихъ, повидимому и не сохранилось. Архейскія формаціи достигаютъ тридцати километровъ въ толщину. Здѣсь главнымъ образомъ встрѣчаются кристаллическія горныя породы, а именно въ нижнихъ болѣе древнихъ слояхъ (первобытный гнейсъ или лаврентьевская система) по преимуществу гнейсы со включенными въ нихъ кварцитами, кристаллическими известняками; выше, въ болѣе молодыхъ слояхъ (первобытный сланецъ, гуронская система) встрѣчаемъ слюду, тальк, хлоритовый сланецъ, филлитъ. Слои иногда идутъ совершенно отвѣсно, мѣстами сильно изогнуты, иногда сморщены, слоистость неправильная и спутанная. Многочисленныя вулканическія породы, какъ гранитъ, габро, сіенитъ, діоритъ, діабазъ, амфиболитъ и др., проникаютъ въ области кристаллическаго сланца и образуютъ въ немъ жилы. Горныя породы этой архейской формаціи отличаются обиліемъ рудъ; магнитный желѣзнякъ и графитъ образуютъ здѣсь мощныя залежи и значительные пласты; золото и алмазы встрѣчаются отдѣльными оазисами и мѣстности эти привлекаютъ къ себѣ промышленниковъ и становятся значительными промысловыми центрами. Мы не въ состояніи представить ясную картину климата и характера земной поверхности въ этотъ древнѣйшій періодъ. Мы не знаемъ первой коры, затянувшей раскаленный шаръ и прорываемой зачастую подземнымъ огнемъ. Одно мы должны признать, что не только газы современной намъ атмосферы, но и горячіе водяные пары и другія газообразныя химическія соединенія окружали застывшій земной шаръ. По мѣрѣ того какъ земной шаръ охлаждался, теплая вода падала каплями внизъ и вмѣстѣ съ поваренной солью и хлористымъ магніемъ образовала горячее, сильно соленое море, отложенія котораго мы и видимъ въ гнейсѣ, хотя и не можемъ привести какихъ-либо доказательствъ справедливости этого взгляда. При дальнѣшемъ охлажденіи земли измѣнялись условія атмосферы, земли и моря и мало-по-малу приближались къ современному состоянію, но температура все-таки была значительно выше теперешней. Въ это время, вѣроятно, возникли на землѣ первые организмы, но какъ и въ какой формѣ проявилась эта жизнь, мы не знаемъ; но она возникла, развивалась и вырабатывалась въ новыя, все болѣе и болѣе совершенныя формы; остатковъ этой жизни до насъ не дошло, причина чего лежитъ въ высокой температурѣ, сильномъ давленіи и другихъ условіяхъ; вліяніе этихъ условій измѣнило существеннымъ образомъ образовавшіяся тогда осадочныя породы и превратило ихъ въ кристаллическія. Единственными слѣдами первобытнаго растительнаго міра можно считать графитъ, встрѣчающійся или небольшими гнѣздами или пропластками.

В. *Древняя* эра земли охватываетъ тотъ періодъ, когда хотя и встрѣчается повсюду высоко развитая органическая жизнь, но организмы отличаются странными, «древними» чертами, вслѣдствіе чего формаціи, образовавшіяся въ этотъ періодъ, получили названіе «палеозойскихъ» слоевъ. Въ общей сложности толщина этихъ формацій доходитъ до 15-ти километровъ. Каменныя породы этого періода состоятъ по преимуществу изъ отвердѣвшаго ила, песка и морскихъ галекъ, глинистаго сланца, песчаника и сѣрой вакки, а также и конгломератовъ, среди которыхъ выдѣляются болѣе твердыя прослойки известняка, состоящаго изъ криноидей, коралловъ, раковинъ и др. остатковъ морскихъ животныхъ.

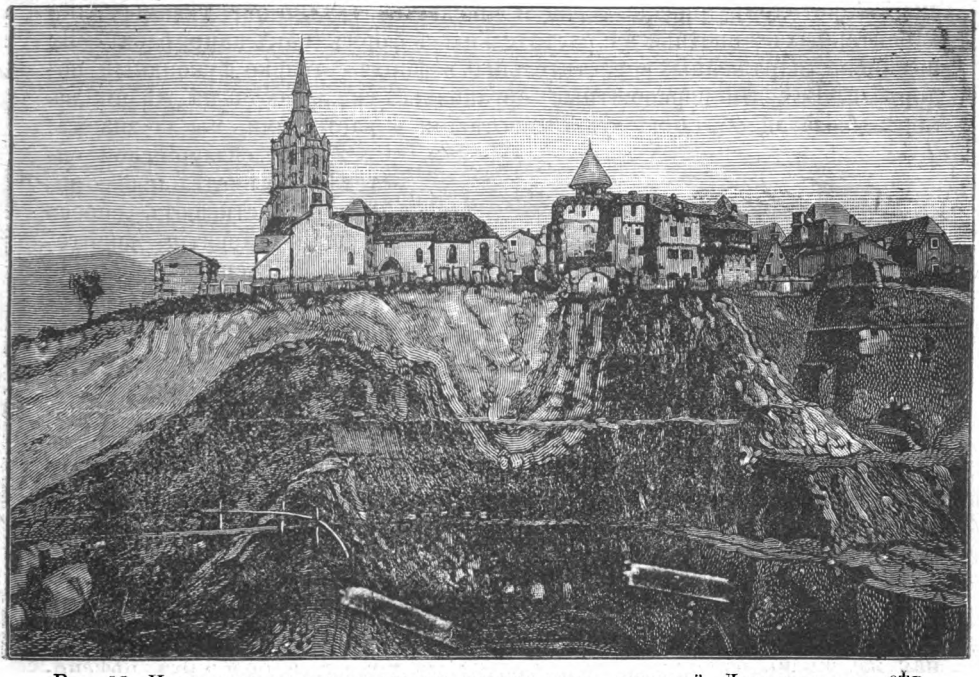


Рис. 55. Изогнутые каменноугольные пласты подъ деревней Декацевиль въ сѣв. Франціи. По фотографіи Файола.

Слѣдовательно, здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на морскія отложенія; наряду съ ними встрѣчаются часто и остатки жизни болотъ и суши вблизи моря. Характеръ морскихъ отложеній указываетъ, что они образовались главнымъ образомъ, на небольшой глубинѣ и недалеко отъ берега, а значительная толщина слоя на то, что въ этихъ областяхъ шло повсемѣстное опусканіе морского дна. Во время палеозойской эры происходили частыя колебанія земной поверхности, на что указываютъ трещины и изгибы земной коры; бывали и вулканическія изверженія съ потоками лавы, чѣмъ и объясняется разнообразіе каменныхъ породъ и формъ земной поверхности. Органическая жизнь въ тѣ времена была на земномъ шарѣ однообразнѣе, чѣмъ когда-либо позднѣе.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что климатъ тогда былъ ровнѣе и гораздо теплѣе, чѣмъ теперь, не было холода полярныхъ странъ, но повсюду господствовала тропическая температура. На всемъ протяженіи земного шара жизнь развивалась все богаче и разнообраз-

нѣе, проходя черезъ нѣсколько ступеней; по характеру органическихъ формъ эру эту можно раздѣлить на нѣсколько большихъ отдѣловъ—*періодовъ*, которымъ соотвѣтствуютъ *системы*, цредставляющія собою совокупность слоевъ, отложившихся втеченіе даннаго періода.

1) Въ кэмбрійской, самой древнѣйшей системѣ, содержащей окаменѣлости, которыя прежде всего удалось изучать въ Валлисѣ, системѣ, получившей названіе отъ стариннаго имени Кэмбріа, наблюдается уже сравнительно довольно развитая животная жизнь, но до насъ дошли только безпозвоночные организмы: странныя, похожія на ракообразныхъ животныя—*трилобиты*, замѣчательныя мшанки—*граптолиты*, многочисленные плеченогіе моллюски—брахіоподы, нѣкоторые виды морскихъ лилій (цистидеи), морскіе черви и множество трудно опредѣлимыхъ, но характерныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, какъ напр. ольдгамія; изъ ясно выраженныхъ растительныхъ формъ—только фукоидныя водоросли. Всѣ эти первобытные организмы указываютъ на жизнь въ морѣ; была ли обитаема суша животными и растеніями, мы не знаемъ.

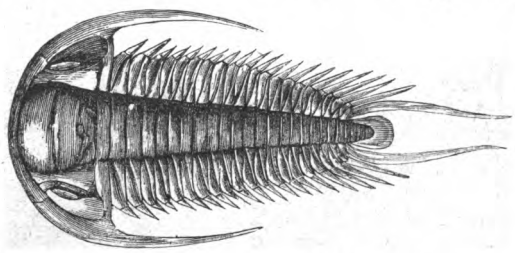


Рис. 56. Трилобитъ изъ кэмбрійской формаціи въ Богеміи по Барранду.

2) Въ силлурійской системѣ замѣчательные трилобиты достигаютъ своего высшаго развитія, граптолиты, плеченогіе, морскія лиліи, морскія звѣзды и кораллы встрѣчаются въ большомъ количествѣ, первыя позвоночныя, въ формѣ странныхъ рыбъ, появляются только въ высшихъ слояхъ силлурійской системы. Земноводныя животныя и растенія, вѣроятно, жили уже въ значительномъ количествѣ, но пока найдены только небольшіе остатки скорпіоновъ и одно насѣкомое.

3) Въ Девонской системѣ наблюдается суша уже съ болѣе богатымъ растительнымъ міромъ: папоротники, плауны (*лепидодендроны*) и каламиты наряду съ первыми хвойными покрывали землю; животная же жизнь развивалась все богаче въ моряхъ и большихъ прѣсноводныхъ озерахъ того времени. Многочисленныя панцырныя рыбы населяли тогдашнія воды, появляются впервые головоногія, показываются новые кораллы, между тѣмъ какъ граптолиты вымираютъ и только изрѣдка встрѣчается небольшое количество видовъ трилобитовъ. Большинство каменныхъ породъ девонской формаціи отложились въ морѣ, но наряду съ ними въ Великобританіи и Сѣв. Америкѣ мы находимъ современныя имъ прѣсноводныя отложенія съ остатками земноводныхъ и прѣсноводныхъ ископаемыхъ; отложенія эти извѣстны подъ названіемъ «red old sandstone» (древній красный песчаникъ); возникли они подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и отличаются поэтому разнообразнымъ строеніемъ.

4) Каменоугольная система; названіе это дано потому, что характернымъ признакомъ породъ этой системы служитъ появленіе здѣсь каменноугольныхъ пластовъ. Болѣе глубокіе, древніе слои этой системы состоятъ обыкновенно изъ «горнаго известняка», который образовался на днѣ моря изъ коралловъ, криноидей, плеченогихъ и многочисленныхъ остатковъ другихъ организмовъ, или же изъ морского кремнистаго сланца, глинистаго сланца, сѣрой вакки и конгломератовъ

со скудными окаменѣлостями (Кульмъ). Верхняя часть данной системы состоитъ по преимуществу изъ перемежающихся слоевъ известняка, сланцевой глины и каменнаго угля; послѣдній, очевидно, образовался изъ обширныхъ трясинъ и глубокихъ прѣсноводныхъ болотъ (производительная каменноугольная формація). Между тѣмъ какъ эти въ техническомъ отношеніи важные слои возникли на опускающихся низинахъ твердой суши, одновременно съ ними на днѣ морскомъ образовались известняки изъ раковинъ фораминиферъ.

Разнообразіе формъ животнаго міра здѣсь значительно увеличивается, трилобиты имѣютъ только незначительное количество видовъ и совершенно вымираютъ въ концѣ каменноугольнаго періода; зато появляются новыя формы фораминиферъ, коралловъ, морскихъ лилій и ежей, головоногихъ, плеченогихъ, акулообразныя, хрящевыя и мелкочешуйчатыя хрящевыя рыбы населяли воды. Довольно богатая животная жизнь появилась и на сушѣ: скорпіоны, тысяченожки, тараканы, термиты и саламандрообразныя амфибіи размножаются и заселяютъ однообразные, но роскошные лѣса земной поверхности. Гигантскіе папоротники, плауны, хвощи, замѣчательныя хвойныя деревья, которыя благодаря высокой температурѣ и влажному воздуху на сырой болотистой почвѣ достигали роскошнаго развитія, созидали совершенно особенный, меланхолическій ландшафтъ; странныя растительныя формы, преобладающій темно-зеленый тонъ, не оживляемый нигдѣ яркими цвѣтами и оттѣняемый только болѣе темнымъ цвѣтомъ стволовъ, блескъ воды, сверкающей тамъ и сямъ среди зеленаго сплошного ковра полное отсутствіе большихъ земноводныхъ животныхъ— все это вмѣстѣ представляетъ для насъ совершенно чуждую картину, подобіе которой мы тщетно стали бы искать на современной намъ земной поверхности.

5) Къ концу каменноугольнаго періода на большей части земной поверхности наступило время мощныхъ переворотовъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ слѣдующіе слои ложатся не параллельно на каменноугольныхъ породахъ. Только въ немногихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Южной Франціи и Богеміи, не замѣчается подобныхъ нарушеній напластованія, и здѣсь мы можемъ наблюдать постепенный переходъ отъ пластовъ и окаменѣлостей каменноугольнаго періода къ слѣдующей системѣ — *Пермской* (названной такъ по имени нашей Пермской губ., гдѣ развитіе ея наблюдается особенно хорошо). Въ Германіи формація эта долго носила названіе *діасовой*, такъ какъ здѣсь она распадается на два большихъ отдѣла: нижній состоитъ по преимуществу изъ окрашенныхъ въ красный цвѣтъ конгломератовъ, песчаниковъ и сланцеватыхъ суглинковъ, называемыхъ поэтому краснымъ (которымъ въ Англіи соотвѣтствуетъ новый красный песчаникъ (new red sandstone); верхній слой нѣмецкой діасовой системы называется *цехштейновымъ известнякомъ* и по южному склону Гарца состоитъ преимущественно изъ мѣдистаго сланца, глинистыхъ известняковъ, доломитовъ, гипса и ангидрита съ мощными пластами каменной соли и двойныхъ хлористыхъ солей. Животный и растительный міры пермскаго періода мало чѣмъ отличаются отъ органическаго міра каменноугольнаго существеннымъ шагомъ впередъ въ животномъ царствѣ служитъ появленіе настоящихъ пресмыкающихся.

Вмѣстѣ съ пермской системой исчезаетъ постепенно первобытный характеръ животнаго и растительнаго міровъ; начинаются иныя, новыя времена съ богатой и разнообразной органической жизнью.

С. *Мэзойская* эра — средніе вѣка земли; системы этого періода охватываютъ цѣлый рядъ пластовъ въ нѣсколько километровъ толщины. Въ образованіи этой системы принимало участіе значительное количество различныхъ осадочныхъ каменныхъ породъ, которыя въ различныхъ мѣстахъ принимали совершенно различный характеръ, такъ что иногда бывало очень трудно разобраться въ одновозрастныхъ отложеніяхъ различныхъ мѣстностей.

1. *Тріасовая*—самая старая изъ мезозойскихъ системъ, получила свое названіе отъ естественнаго дѣленія на три части, особенно замѣтныя въ Германіи. Самая древняя составная часть этой тріасовой формаціи—*пестрый песчаникъ*, который повсюду въ Германіи встрѣчается въ видѣ кварцеваго песчаника въ соединеніи съ глиной, желѣзомъ или кремнемъ и окрашенъ чаще всего въ краснобурый, желтый, зеленоватый, бѣлый или пестрый цвѣтъ. Окаменѣлости животныхъ и растеній встрѣчаются въ скудномъ количествѣ; сравнительно чаще находятся слѣды амфибій, напр., слѣды хиротеріумовъ. Средняя часть нѣмецкой тріасовой системы—*раковинный известнякъ*, мѣстами необычайно богатый окаменѣлостями. Въ постройкѣ германскаго раковиннаго известняка помимо самого известняка, принимаютъ участіе въ значительномъ количествѣ еще мергель, ангидритъ, гипсъ и каменная соль. Верхній слой нѣмецкой тріасовой системы *кейперъ*, который по преимуществу состоитъ изъ пестраго мергеля, затѣмъ глины, шифернаго суглинка, гипса, ангидрита, каменной соли и глинистаго угля. Въ общемъ, слой этотъ не богатъ окаменѣлостями, въ верхнемъ *кейперѣ* около Виртемберга найденъ первый слѣдъ млекопитающаго—зубъ двуутробки (*Microlestes antiquus*). Въ тріасовой системѣ встрѣчаются также впервые остатки крокодиловъ и ящерицъ и нѣкоторыхъ новыхъ видовъ пресмыкающихся; также впервые появляются настоящіе аммониты, принадлежащіе къ животнымъ, характеризующимъ мезозойскую эру. Морская лилія; головоногія, пресмыкающіяся и рыбы играютъ значительную роль въ тріасовой періодъ. Въ растительномъ мірѣ сосудистыя споровыя уступаютъ первенствующее мѣсто роскошно развивающимся хвойнымъ и саговымъ пальмамъ; появляются новые виды, и впервые настоящій хвощъ.

2. *Юрская,* средняя мезозойская система получила свое названіе отъ горной цѣпи Юры, гдѣ слои этой системы расположены самымъ удобнымъ для изученія образомъ. Флора этого періода характеризуется такими же чертами, какъ и флора третичной эры: папоротники, хвощи, саговыя пальмы и хвойныя. Особенно роскошнаго развитія достигаютъ цикадовыя (саговыя пальмы)—прородители вывезеннаго къ намъ изъ Америки декоративнаго растенія араукаріи и нашихъ хвойныхъ. Хотя растенія эти и встрѣчаются на Шпицбергенѣ также еще въ юрскихъ отложеніяхъ, но въ тѣ времена уже началась вырабатываться небольшія различія въ климатическихъ условіяхъ земного шара. Животная жизнь и въ водѣ, и на сушѣ развивалась богаче, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ: широко распространились кораллы, выродившись въ совершенно иные виды, чѣмъ существовавшіе раньше въ палеозойскую эру. Морскія лиліи играютъ громадную роль, морскіе ежи, плеченогія, пластинчато-жаберные улитки, ганоидныя и хрящевыя рыбы въ громадныхъ количествахъ заселяютъ моря; особенно высокаго развитія достигаютъ головоногіе: белемниты и аммониты появляются въ большомъ количествѣ видовъ и индивидуумовъ. Гигантскіе ящеры съ крокодилообразной головой, съ ластами (ихтіозавры и длинношейный плезіозавръ)

появляются наряду съ настоящими крокодилами; здѣсь же встрѣчаемъ и громадныхъ динозавровъ, изъ которыхъ единичные экземпляры достигали до 30 метр. длины, раковъ, черепахъ, двуутробокъ; бабочки и жуки оживляли воздухъ; появился и летающій ящеръ (птеродактиль и рамфоринхусъ) и первыя птицы, которыя отличались длиннымъ перистымъ хвостомъ и зубастымъ клювомъ, величиною съ голубя,—археоптериксъ.

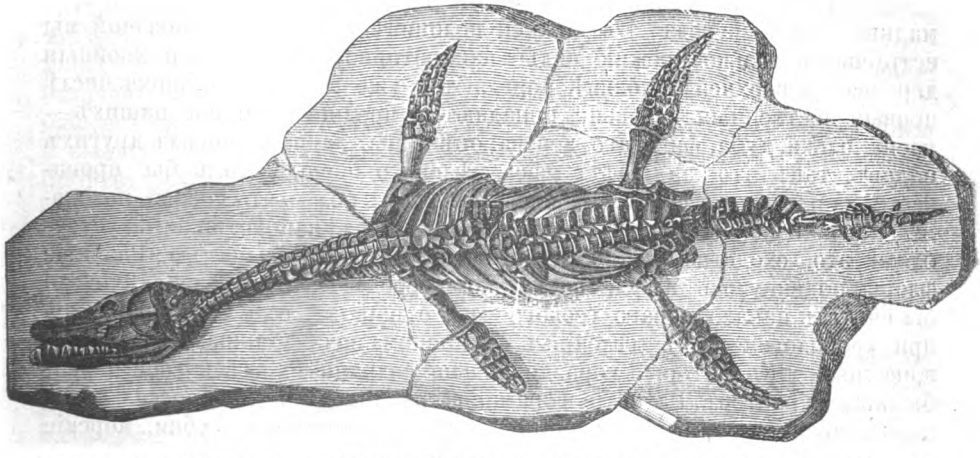


Рис. 57. Плезіозавръ, стр. 177. По Оуэну. «Ископаемыя пресмыкающіяся лейасской формаціи». Лондонъ 1861—1881.

Если мы пожелаемъ возстановить въ своемъ воображеніе ландшафтъ юрскаго періода, то въ растительномъ мірѣ встрѣтимъ гораздо менѣе чуждаго намъ, чѣмъ раньше, хотя все-таки бросаются еще въ глаза существенныя отличія отъ современной намъ флоры; животныя же поразятъ насъ своими странными и чудовищными формамъ.

Мощность пластовъ юрской системы достигаетъ 1 километра. Она распадается на три ярко выраженные отдѣла, изъ которыхъ древнѣйшій (*Лейасъ* или черная юра) состоитъ по преимуществу изъ темной сланцевой глины, мергеля, песчаника и известняка, средній (*Доггеръ* или бурая юра)—большею частью изъ бураго песчаника, темной глины и мергеля, а также различныхъ окрашенныхъ известняковъ. Верхній отдѣлъ (*Мальмъ* или бѣлая юра) состоитъ, напротивъ, главнымъ образомъ изъ бѣлаго известняка и доломитовъ.

3. *Мѣловая система* получила свое названіе въ Западной Европѣ, такъ какъ существенная часть этой системы въ Англіи и Сѣверной Франціи составляетъ обыкновенный писчій мѣлъ. Система эта очень распространена въ Европѣ, и такъ какъ большинство породъ ея морского происхожденія, то легко представить себѣ, какое громадное измѣненіе земной поверхности произошло со времени мѣловой формаціи: сѣверный континентъ поднимался тогда надъ Шотландіей и Скандинавіей, южнѣе его въ Англіи, Сѣверной Франціи, Бельгіи, Сѣверной Германіи, Богеміи, Шлезвигѣ простиралось неглубокое мѣловое море, подвергавшееся многочисленнымъ вѣковымъ колебаніямъ; изъ центральной Франціи черезъ Шварцвальдъ на востокъ шла полоса земли, а на югъ оттуда снова простиралось мѣловое море черезъ всю южную

*

Европу и до Сѣверной Африки, а на востокъ до средины Азіи. При такомъ распредѣленіи морей становится понятнымъ, почему въ этомъ періодѣ наблюдается такая существенная разница между ископаемыми южной и сѣверной областей: въ первой необозримое открытое море съ одинаковыми повсюду условіями жизни и накопленія осадковъ, во-второй—частое измѣненіе условій жизни для животнаго міра и отложенія пластовъ, въ которомъ находятъ многочисленные слѣды близости твердой земли.

Во время мѣлового періода растительный міръ дѣлаетъ опять громадные шаги впередъ. Въ нижней половинѣ мѣловыхъ отложеній мы встрѣчаемъ только прежніе виды: папоротники, цикадовыя и хвойныя деревья; въ верхней половинѣ появляются уже въ значительномъ числѣ первыя лиственныя деревья; попадаются предшественники нашихъ—клена, ольхи, дуба, фиговаго дерева, орѣшины, лавра и многихъ другихъ видовъ, такъ что ландшафтъ лѣса мѣлового періода могъ бы произвести на насъ впечатлѣніе современнаго, тѣмъ болѣе, что сосны, можжевельникъ, пальмы и новые виды травянистыхъ папоротниковъ усугубляли это сходство съ современной намъ растительностью. Развитіе флоры подвинулось здѣсь настолько впередъ, что отсюда слѣдовало бы считать начало новаго геологическаго періода, если бы въ разсчетъ при хронологическихъ дѣленіяхъ не принимались, главнымъ образомъ, животный міръ, который гораздо дольше сохраняетъ здѣсь свой первобытный характеръ. Развитіе фораминиферъ доходитъ до колоссальныхъ количествъ, они образуютъ мощные слои известняка; губки, морскіе ежи пластинчатожаберные молюски играютъ выдающуюся роль. Белемниты и аммониты показываются тоже въ значительномъ числѣ, но уже не имѣютъ такого сильнаго развитія, какъ въ юрскій періодъ и вымираютъ окончательно за время мѣлового періода. Пресмыкающія по богатству видовъ и индивидуумовъ стоятъ ниже, чѣмъ въ предыдущемъ юрскомъ періодѣ; все-таки встрѣчаются еще значительныя количества гигантскихъ и въ высшей степени характерныхъ ящеровъ (изъ разряда динозавровъ—гигантскій *игуанодонъ* и мощный *мозазавръ*), птицъ и первые представители костистыхъ рыбъ. Мѣловая система распадается обыкновенно на два главныхъ отдѣла *нижній* и *верхній мѣлъ*, изъ которыхъ каждый имѣетъ еще по нѣсколько подраздѣленій.

Вмѣстѣ съ мѣловымъ періодомъ заканчиваются средніе вѣка исторіи земной поверхности; животный и растительный міры за все это время сохраняли свой особенный характеръ, благодаря преобладанію аммонитовъ и белемнитовъ и разнообразныхъ гигантскихъ млекопитающихъ. Все это мѣняется съ наступленіемъ новыхъ геологическихъ вѣковъ—кайнозойской эры.

Д. *Кайнозойская* эра обхватываетъ *третичную* и *четвертичную* системы, т.-е. тѣ отложенія, въ которыхъ растительная и животная жизни пріобрѣтаютъ уже новыя, напоминающія современныя намъ формы.

Начало кайнозойской эры, — третичный періодъ ознаменовался громаднымъ переворотомъ, измѣненіемъ условія жизни на всей поверхности земного шара. Прежде всего, вслѣдствіе многочисленныхъ опусканій и поднятій земной поверхности образовались современныя намъ формы суши въ своихъ существенныхъ чертахъ; въ этотъ періодъ выдвинулись и самыя значительныя горы и горныя цѣпи всего земного шара; все болѣе и болѣе вырабатывались климатическія различія по поясамъ и въ зависимости отъ высоты данной мѣстности надъ уров-

немъ моря. На мѣсто вымершихъ или остановившихся въ своемъ развитіи мезозойскихъ животныхъ и растеній выступаютъ новые типы; пальмы, лиственныя деревья и млекопитающія получаютъ широкое развитіе, и при первомъ поверхностномъ взглядѣ на ландшафтъ третичнаго періода кажется, что попалъ въ современную намъ тропическую область. Сходство это особенно замѣтно въ растительномъ царствѣ; да и въ животномъ мірѣ наблюдаютъ виды, очень похожіе на современные намъ: такъ напр., предки нашей лошади и тапиры мало чѣмъ отличаются отъ теперешнихъ; но наряду съ ними мы видимъ страннаго динотерія, который вноситъ диссонансъ въ этотъ ландшафтъ. При ближайшемъ изученіи мы замѣчаемъ, конечно, что многіе виды и разряды животныхъ третичной системы еще сильно отличаются отъ нашихъ, но что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ приближенія къ намъ, эти чуждыя намъ черты все болѣе сглаживаются и выступаетъ наружу большее сходство съ теперешнимъ міромъ. По степени приближенія къ нашему времени различаютъ четыре главныхъ эпохи: 1) *эоценовую*, въ которой впервые появляются слабые намеки на современный намъ органическій міръ; 2) *олигоценовую*—сходство съ современнымъ міромъ еще очень незначительно; 3) *міоценовую*, во время которую появляется отъ 10—40% живущихъ теперь видовъ; 4) *пліоценовый* — живущихъ теперь видовъ было отъ 40—90%. Въ это время все болѣе и болѣе сглаживаются странныя, первобытныя формы, и общій характеръ органическаго міра все болѣе приближается къ современному намъ. Такъ какъ въ третичный періодъ климатическія отличія земного шара выражены уже довольно ясно, то наблюдается громадная разница во флорѣ и фаунѣ различныхъ мѣстностей; и потому здѣсь такъ затруднительно бываетъ иногда установить принадлежность къ одному періоду отложеній, лежащихъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ.

Самая молодая геологическая система *четвертичная* или *послѣтретичная* дѣлится обыкновенно на два подъотдѣла—дилювіальный и аллювіальный.

Во время дилювіальной эпохи температура на землѣ такъ сильно понизилась, что большая часть Европы и Сѣверной Америки лежала подъ громаднымъ ледянымъ покровомъ и даже въ тропическихъ странахъ снѣговая линія и глетчеры были значительно ниже, чѣмъ теперь, и горы южнаго материка покрылись также ледниками. Громадныя ледяныя массы двигались по всѣмъ направленіямъ изъ центральныхъ областей Скандинавіи, заполняли сѣверное и восточное моря, проходили черезъ Данію и Голландію до устьевъ Темзы и Рейна и достигали съ другой стороны, проходя надъ Германской низменностью, Гарца, Рудныхъ горъ и Судетскихъ; большая часть Европейской Россіи тоже была покрыта сплошнымъ льдомъ. Толщина этихъ ледяныхъ массъ доходила до 1—2 километровъ. Гигантскіе глетчеры спускались съ Альпійскихъ горъ въ равнины, гдѣ паслись мамонтъ и олень и гдѣ росли карликовая березка да полярныя травы; даже на горахъ Германіи лежали глетчеры до тѣхъ поръ, пока климатъ не смягчился, и снѣгъ не растаялъ, оставивъ послѣ себя груды камней, глины и песка. Тогда принялись за дѣло вѣтеръ и вода создали отложенія лёсса. Но холодная волна воздуха проносилась надъ земной поверхностью еще три, а по мнѣнію Пенка и четыре раза, вызывая каждый разъ явленія ледниковаго періода, затѣмъ, наконецъ, наступилъ умѣренный климатъ, а вмѣстѣ съ нимъ начался и новѣйшій геологическій періодъ, аллювіальный

продолжающійся и до сихъ поръ. И только слѣды, оставленные на камняхъ ледниками, обточенныя глыбы да характерныя формы земной поверхности въ областяхъ моренныхъ отложеній напоминаютъ еще о минувшемъ холодѣ.

Человѣкъ былъ уже свидѣтелемъ ледниковаго періода, вмѣстѣ съ нимъ жили вымершія теперь млекопитающія: пещерный медвѣдь, пещерный левъ, гигантскій олень, пещерная гіена, мамонтъ и длинношерстный носорогъ; слоны и зубры водились въ громадномъ количествѣ въ Средней Европѣ; въ Южной Америкѣ жили гигантскіе тихоходы и броненосцы, а въ Новой Зеландіи гигантскія птицы. Культура человѣка стояла на очень низкой ступени—это былъ періодъ каменнаго вѣка.

Всѣ каменныя породы и отложенія, образовавшіяся со времени ледниковаго періода относятся къ аллювіальныхъ—наноснымъ, новѣйшимъ образованіямъ; еще и теперь на нашихъ глазахъ они измѣняются подъ вліяніемъ воды и льда, вѣтра и органической жизни, силы давленія, тяжести и вулканической дѣятельности.

Въ сравненіи съ прошедшими геологическими періодами настоящій періодъ отличается поразительно малою продолжительностью, образованія его очень незначительны сравнительно съ тѣми, которыя намъ дали прежнія системы, но, между тѣмъ, если мы подумаемъ о томъ, какіе громадные успѣхи сдѣлала человѣческая культура за это время, то періодъ этотъ покажется намъ необычайно длиннымъ и важнымъ. Если же, съ другой стороны, мы вспомнимъ, что за эти тысячелѣтія культурной работы человѣка картина животнаго и растительнаго міровъ измѣнилась только незначительно и наряду съ этимъ представимъ себѣ громадныя измѣненія всего міра организмовъ на протяженіи прежнихъ геологическихъ періодовъ, то мы невольно подумаемъ о необъятно длинныхъ промежуткахъ времени, прошедшихъ съ перваго появленія жизни на землѣ и съ благодарностью будемъ взирать на великихъ людей, научившихъ насъ разбираться въ гіероглифахъ, начертанныхъ на обломкахъ окаменѣлостей, и возстановлять по нимъ исторію земного шара.

IV. Геологическая дѣятельность воды и вѣтра.

Между тѣмъ какъ дѣятельность вулканическаго и подземнаго огня направлена на то, чтобы создавать неровности на земномъ шарѣ, дѣятельность вѣтра и воды какъ бы противодѣйствуетъ первой: вода размываетъ горы, переноситъ размытыя части и отлагаетъ ихъ гдѣнибудь въ иномъ мѣстѣ; вѣтеръ тоже перемѣщаетъ мелкія разрыхленныя частицы горъ. Приглядываясь ближе мы замѣтили, что среди факторовъ, работающихъ надъ измѣненіемъ земной поверхности, особенно выдѣляются слѣдующія три: 1) солнечная теплота, какъ причина, вызывающая движеніе въ воздушныхъ и водяныхъ массахъ, 2) сила тяжести, которая при данныхъ условіяхъ мѣстности и характера горныхъ породъ опредѣляетъ, главнымъ образомъ, направленіе движенія, 3) движеніе земли вокругъ оси, оказывающее сильное вліяніе на направленіе массовыхъ движеній воды и воздуха въ горизонтальной плоскости.

Прошло много времени, пока убѣдились въ важномъ значеніи этихъ трехъ факторовъ геологической дѣятельности воды и вѣтра, и только очень недавно составлено ясное представленіе о движеніи воздуха и

воды. Интересно прослѣдить путь, по которому слѣдовали наблюдатели различныхъ временъ для разрѣшенія этого вопроса.

Древнія времена. Представленія грековъ и римлянъ о круговоротѣ воды были очень странны; древніе народы, а вмѣстѣ съ ними и древніе писатели—Гомеръ, Гезіодъ, Эсхилъ, предполагали, что вода на землѣ имѣетъ своимъ источникомъ океанъ, который громаднымъ потокомъ охватываетъ землю, а также проникаетъ и внутрь ея.

Іоническій географъ Анаксимандръ и его послѣдователи думали нѣсколько иначе: они считали море границею обитаемой земли и остаткомъ первобытнаго моря, покрывавшаго нѣкогда всю землю. Во всемъ остальномъ древнія воззрѣнія остаются въ силѣ: вся текучая вода беретъ начало въ морѣ, такъ что не только всѣ рѣки текутъ въ море, но и происходятъ изъ него; соль же утрачивается при прохожденіи черезъ внутренность земного шара.

Аристотель стоялъ на почвѣ непосредственнаго наблюденія, когда утверждалъ, что водохранилищами служатъ углубленія земной поверхности. Далѣе онъ говоритъ, что подъ вліяніемъ солнечнаго тепла море постоянно испаряется: подобно тому, какъ быстро исчезаетъ небольшое количество воды, налитое на поверхность земли, такъ же и громадныя количества воды подымаются въ воздухъ въ видѣ испареній въ парообразномъ состояніи; пары эти образуютъ облака и снова падаютъ на землю, гдѣ опять испаряются или же вбираются горами на подобіе губки, и внутри ихъ собираются въ источники или ключи. Такимъ образомъ, Аристотель признавалъ за всѣми источниками атмосферное происхожденіе, Платонъ же приписывалъ дождямъ происхожденіе только маленькихъ ключей, всѣ же остальныя текущія воды онъ относилъ къ существованію подземныхъ потоковъ. Ключевая вода ищетъ углубленій, низкихъ мѣстъ и образуетъ въ нихъ ручьи, рѣки, а въ соединеніи другъ съ другомъ большіе потоки, изливающіеся въ моря.

Уже древніе знали, что вода въ чистомъ видѣ не имѣетъ ни вкуса, ни запаха, ни цвѣта; и только благодаря соприкосновенію съ растеніями и земными породами или другимъ внѣшнимъ причинамъ вода пріобрѣтаетъ различныя свойства, а также и различный удѣльный вѣсъ, о которомъ имѣли тогда очень преувеличенныя понятія. Вода сама по себѣ должна быть холодной и тѣмъ холоднѣе, чѣмъ съ большей глубины земли она идетъ. Причиной горячихъ источниковъ считали обыкновенно соприкосновеніе съ подземнымъ огнемъ; но нѣкоторые авторы думали, что вода согрѣвается вслѣдствіе тренія, пробираясь внутрь земли по узкимъ трещинамъ и проходамъ; были и такіе, которые приписывали высокую температуру воды химическимъ процессамъ: соединенію воды съ известью, сѣрою, квасцами и селитрою. Древніе имѣли нѣкоторое понятіе о минеральномъ составѣ нѣкоторыхъ источниковъ; наблюдали также и способность ихъ покрывать корочкой предметы, подвергнутые дѣйствію воды такихъ источниковъ.

Среди многихъ фантастичныхъ взглядовъ древнихъ грековъ на круговоротъ воды существовали и вѣрныя воззрѣнія, внесенныя Аристотелемъ; онъ указалъ, напр., на то, что соленая вода тяжелѣе прѣсной и что вслѣдствіе этого и плотность ея гораздо выше. Замѣчено было, что вода Азовскаго моря за пятьдесятъ лѣтъ сдѣлалась менѣе соленой, благодаря чему уменьшилась и ея плотность. Производились и измѣренія глубины морей, дѣлалось это въ интересахъ судоходства; измѣренія эти дали слѣдующіе результаты: Азовское море оказалось самымъ мелкимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда морей, Черное,

за исключеніемъ нѣсколькихъ неизмѣримо глубокихъ мѣстъ, мельче Эгейскаго, западная часть Средиземнаго моря очень глубокой.

Волны, по мнѣнію Аристотеля, происходятъ отъ особеннаго движенія моря, Сенека же во второй книгѣ своихъ наблюденій относитъ волнообразное движеніе воды, совершенно правильно, къ дѣйствію вѣтра. Морскія теченія, по Аристотелю, являются слѣдствіемъ различнаго уровня отдѣльныхъ частей моря и движенія воды изъ высшихъ мѣстъ въ низшія. Водовороты происходятъ отъ того, что разверзается внезапно одна изъ подземныхъ пещеръ.

На ряду съ довольно обширнымъ и глубокимъ знаніемъ моря, древніе очень мало обращали вниманія на его геологическую дѣятельность. Правда, они знали, что массы ила покрываютъ морское дно, что большія рѣки выносятъ въ моря земные остатки и отлагаютъ ихъ тамъ; но они не подумали изъ этого обстоятельства сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что эти массы постоянно приносимаго съ суши ила должны образовать мощные слои, которые при поднятіи морского дна или исчезновеніи самого моря могутъ послужить первоначальнымъ матеріаломъ для горъ или вообще твердой земли. Хотя древніе и знали, что моря иногда заливали и топили подъ собою землю, но они приписывали это скорѣе внезапнымъ переворотамъ, сильнымъ наводненіемъ, чѣмъ медленной, но постоянной работѣ волнъ, отрывающихъ отъ берега постепенно одинъ камень за другимъ, одну скалу за другою.

Съ другой стороны они знали, что береговая полоса иногда увеличивается за счетъ моря, но и здѣсь истинная причина этого ускользала отъ нихъ: они думали, что море высыхаетъ и удаляется отъ берега; впрочемъ они знали и о томъ, что море можетъ медленно, постепенно увеличивать береговую полосу, принося вмѣстѣ съ волнами песокъ и илъ.

Древніе имѣли нѣкоторое представленіе объ образовательной дѣятельности рѣкъ; они знали по опыту, что рѣки несутъ съ собою илъ и гравій, которые осаждаются и загромождаютъ русла рѣкъ и даже до извѣстной степени измѣняютъ характеръ широкихъ рѣчныхъ долинъ; они знали также, что наносныя мели передвигаются все дальше въ море и мало-по-малу даютъ поводъ къ образованію дельтъ. Но здѣсь они придерживались не современной намъ точки зрѣнія, такъ какъ имѣли ложное представленіе о времени, какъ о геологическомъ факторѣ: въ этомъ отношеніи они были въ высшей степени недальнозорки; отложенія, на которыя понадобились громадныя количества времени, по мнѣнію древнихъ, образовались въ какія-нибудь тысячелѣтія, вообще они невѣрно оцѣнивали (гораздо выше) значеніе отдѣльныхъ геологическихъ явленій по ихъ вліянію на измѣненіе земной поверхности. Особенно ясно видно это изъ представленія Геродота объ образованіи наносной равнины дельты Нила. Первыя геологическія изысканія были произведены египтянами. Геродотъ во 2-й книгѣ своей исторіи говоритъ: «Первый царь Египта изъ человѣческаго рода былъ Минъ. Въ его время весь Египетъ до округа Θивъ былъ покрытъ водою, ни одинъ кусокъ сухой земли не выступалъ изъ воды тамъ, гдѣ теперь лежитъ озеро Мѣрисъ, куда надо добираться семь дней вверхъ по рѣкѣ. Я нашелъ вполнѣ справедливымъ то, что они говорятъ о своей землѣ. Каждый наблюдательный человѣкъ согласится съ тѣмъ, что тотъ Египетъ, куда ѣздятъ греки, является для египтянъ подаркомъ рѣки; тоже самое можно сказать и о землѣ, лежащей въ трехъ дняхъ пути отъ озера. О характерѣ и качествахъ египетской земли можно сказать

слѣдующее: если на разстояніи одного дня пути отъ берега бросить лотъ, то онъ вытащитъ илъ, хотя бы это было и на глубинѣ 11 саженей. Обстоятельство это указываетъ на то, что рѣка заноситъ илъ очень далеко. Вплоть до Геліополиса Египетъ представляетъ широкую плоскую равнину, богатую водой и иломъ. Дальше за Геліополисъ выше по Нилу Египетъ дѣлается узкимъ. Жрецы утверждаютъ, что большая часть этой земли нанесена водою. Вся мѣстность между вышеупомянутыми горными цѣпями за Мемфисомъ было когда-то морской бухтой,—въ этомъ я убѣдился. Если мы предположимъ, что Нилъ измѣнитъ теченіе и будетъ изливать свои воды въ Аравійскій заливъ, то что можетъ воспрепятствовать занести иломъ заливъ этотъ въ продолженіи 20000 лѣтъ. Даже я думаю, что это могло бы произойти въ 10000 лѣтъ. Я вполнѣ вѣрю тѣмъ, которые говорятъ это объ Египтѣ, и согласенъ съ ними на основаніи собственныхъ наблюденій послѣ того, какъ увидѣлъ, что Египетъ выступаетъ дальше, чѣмъ сосѣдняя земля, что на горахъ встрѣчаются раковины, а на землѣ образуется соленая корочка, разъѣдающая даже пирамиды, что только одна гора выше Мемфиса покрыта пескомъ, а кромѣ того мѣстность эта совершенно непохожа ни на граничащую съ нею Аравію ни на Либію, ни на Сирію, но обладаетъ черной и болотистой почвой, нанесенной Ниломъ изъ Эѳіопіи. Жрецы указывали еще на одно доказательство возникновенія земли: именно на то обстоятельство, что во времена царя Мёриса рѣка затопляла землю ниже Мемфиса, поднявшись всего на 8 локтей, а со времени смерти Мёриса прошло всего 900 лѣтъ. Теперь же рѣка должна подняться по крайней мѣрѣ на 15—16 локтей, чтобъ затопить берега».

Изъ этого простого и яснаго описанія мы узнаемъ, что египетскіе жрецы хотя и имѣли довольно точное представленіе о созидательной работѣ текущей воды и о природѣ наносной земли, но съ другой стороны они преувеличивали значеніе этой созидательной дѣятельности. Такъ, жрецы думали, что со временъ царя Мина (3200 до Р. Х.) и до середины пятаго столѣтія до Р. Х. Нилъ заливалъ всю наносную часть Египта, лежащую ниже Ѳивъ (по сказанію Геродота болѣе чѣмъ на 1000 километровъ), а что со времени царя Мёриса и до посѣщенія Египта Геродотомъ (около 450 г.), т.-е. въ періодъ едва 900 лѣтъ наносный слой увеличился въ толщину на 1 — 8 локтей. Это непониманіе продолжительности геологическихъ періодовъ времени перешло отъ египтянъ и къ грекамъ, напримѣръ, у Геродота мы встрѣчаемъ мнѣніе, что Красное море можетъ быть занесено Ниломъ въ 10.000 лѣтъ. Аристотель, повторяя взглядъ Геродота на образованія наносныхъ береговъ и дельты Нила, прибавляетъ еще, что Египетъ съ окружающими его землями составлялъ нѣкогда одно огромнѣйшее море и высыхалъ мало-по-малу. Либія и оазисъ Аммонъ лежали ниже береговъ; тамошнее море сдѣлалось обособленнымъ внутреннимъ озеромъ и затѣмъ уже высохло. Та же участь должна постигнуть въ недалекомъ будущемъ и Азовское море (Мэотисъ) благодаря наноснымъ мелямъ, образуемымъ Дономъ. По словамъ Аристотеля, море мѣняетъ свои очертанія; гдѣ прежде была вода, теперь можетъ быть земля, которая со временемъ опять можетъ покрыться водою, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ море будетъ вытѣснено наносной землей. Черное море дѣлается мельче, большія рѣки, впадающія въ него, приносятъ съ водой землю, песокъ, илъ, которые отлагаясь на днѣ моря, поднимаютъ воду и заставляютъ ее течь черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ въ Средиземное море.

Стратонъ Лампсакосъ (240 л. до Р. Х.) и Эратосѳенъ приняли уче-

ніе Аристотеля и развили его дальше: они указали на отступленіе отъ береговъ Чернаго моря, на наносныя мели въ Дунайскомъ устьѣ и пришли къ выводу, что Черное море раньше переполнялось водою, приносимою рѣками, дно морское поднималось наносною землею, происходило поднятіе уровня воды до тѣхъ поръ, пока вода не прорвалась черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ. Средиземное море подверглось той же участи: раньше оно не имѣло протока на западѣ и, покрывая Нижній Египетъ и Либію, составляло одно цѣлое съ Арабскимъ заливомъ; затѣмъ вода прорвала скалистый перешеекъ, соединявшій западныя оконечности Африки и Европы; Египетъ, Либія и Суэцкій перешеекъ обратились въ твердую землю. Греки вѣровали, что перешеекъ между Европой и Африкой былъ прорванъ Геркулесомъ. Римскій географъ Помпоній Мела, жившій въ Испаніи и издавшій въ 40-мъ или 44-мъ году послѣ Р. Х. свои очерки по географіи, былъ, напротивъ, того мнѣнія, что проливъ Гибралтарскій былъ прорытъ океаномъ, который затѣмъ и заполнилъ водой бассейнъ Средиземнаго моря. Аристотель больше всего обратилъ вниманіе на тихую и медленную созидательную работу рѣкъ, Страбонъ же, Эратосѳенъ, Помпоній Мела предполагали существованіе могучихъ катастрофъ, производившихъ сразу, однимъ ударомъ, значительныя перемѣны на земной поверхности; взглядъ этотъ времени отъ времени повторялся впродолженіи многихъ вѣковъ и занималъ первенствующее мѣсто въ геологическихъ изысканіяхъ.

Греки наблюдали и знали, что рѣки и ручьи приносятъ съ собою значительныя количества гравія, песку илу, и отлагая ихъ въ своихъ устьяхъ, образуютъ мели и дельты; знали также греки, откуда идетъ этотъ матеріалъ; они видѣли, что земля и мелкій гравій сносятся съ горъ дождевою водой и попадаютъ такимъ образомъ въ ручьи и рѣки.

Но изъ этого наблюденія, какъ, впрочемъ, изъ многихъ другихъ. греки не сумѣли сдѣлать вѣрнаго вывода—они не поняли, что это вымываніе горныхъ породъ и перенесеніе ихъ на другое мѣсто оказываетъ громадное вліяніе на измѣненіе земной поверхности и что этимъ можно объяснить много явленій, которыя и позднѣе, еще впродолженіи многихъ вѣковъ казались непонятными.

Овидій въ своихъ «Метаморфозахъ» (XV) только одинъ разъ указываетъ на вліяніе текущей воды: «То, что было раньше равниною, текущія воды обратили въ долину, а горы смываются водою, и на мѣстѣ ихъ получается равнина». Но Овидій не идетъ дальше этого утвержденія. Несмотря на это, надо признать, что греки и римляне имѣли вѣрное представленіе о дѣятельности текучихъ водъ, но очень смутное — о геологическомъ значеніи снѣга и льда. Впрочемъ, это вполнѣ естественно, такъ какъ въ тепломъ климатѣ земель, лежащихъ по Средиземному морю, вообще очень мало имѣли дѣло со снѣгомъ, и потому ни греки, ни римляне не обратили на него большого вниманія.

Посейдоній и Анаксименъ считали снѣгъ замерзшимъ дождемъ, Платонъ же думалъ, что снѣгъ и иней образуются вслѣдствіе выдѣленія изъ воздуха частицъ воды и огня; если же выдѣленіе это происходитъ быстро, то въ воздухѣ появляется градъ, а на землѣ ледъ. Аристотель считалъ иней за замерзшій туманъ, а снѣгъ за таковое же облако. Сенека въ концѣ своей 4 книги о созерцаніи природы (4 глава) говоритъ: «Зимою воздухъ становится плотнѣе, и потому не можетъ обращаться въ воду, но превращается въ снѣгъ».

Древніе народы знали, конечно, о существованіи горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Но Геродотъ горячо опровергалъ возможность такихъ горъ въ Африкѣ, такъ думали и позднѣе, пока Птоломей опять не заговорилъ о снѣжныхъ вершинахъ въ Эѳіопіи. О глетчерахъ не упоминается у древнихъ писателей. Впрочемъ, Страбонъ упоминаетъ попутно о лавинахъ въ 4-й книгѣ своего описанія земли. Не имѣя точнаго представленія о снѣгѣ, греки и римляне не могли, конечно, имѣть и понятія объ его вліяніи на измѣненіе земной поверхности. И о геологическомъ значеніи вѣтра у нихъ не было точнаго представленія; они знали, что вѣтеръ подымаетъ на воздухъ легкіе предметы, какъ, напр., пыль, песокъ, золу и часто переноситъ на значительныя разстоянія, но они упустили изъ виду, что, повидимому, незначительныя дѣйствій отдѣльныхъ воздушныхъ теченій въ общей сложности, впродолженіи значительнаго количества времени, производятъ замѣтныя отложенія.

Древніе знали также, что при вулканическихъ изверженіяхъ вѣтры оказываютъ сильное вліяніе на распространеніе вулканическаго пепла и небольшихъ кусочковъ шлаковъ, что подтвердилось при изверженіи Везувія въ 79 г. послѣ Р. Х., о чемъ разсказываетъ Плиній Младшій въ своемъ описаніи этого изверженія; у другихъ же дошедшихъ до насъ писателяхъ объ этомъ не упоминается.

Средніе вѣка. Христіанскіе писатели начала среднихъ вѣковъ всѣ свои взгляды о водѣ, ея вмѣстилищахъ, ея круговоротѣ на землѣ основывали на Библіи, но скудость библейскихъ свѣдѣній заставляла ихъ обращаться къ работамъ греческихъ или римскихъ писателей или же слѣдовать измышленіямъ собственной фантазіи. Такимъ путемъ появилось на свѣтѣ нѣсколько различныхъ теорій, которыя съ перемѣннымъ счастьемъ были въ ходу во все время среднихъ вѣковъ.

Такъ, между прочимъ, средневѣковые ученые думали, что не только всѣ главныя рѣки берутъ начало въ четырехъ райскихъ потокахъ, а черезъ нихъ, слѣдовательно, имѣютъ одинъ общій источникъ въ раю, но что всѣ текущія воды, вся влажность на землѣ, даже океанъ, имѣютъ одинъ общій первоисточникъ. Чаще всего такимъ общимъ источникомъ считали самъ океанъ, всѣ рѣки брали начало въ океанѣ, а внутри земли предполагалась сложная система каналовъ и водоемовъ, гдѣ собиралась ключевая вода. Взглядъ этотъ основывали на слѣдующей цитатѣ: «Всѣ воды текутъ въ море, но оно не дѣлается полнѣе; онѣ текутъ въ то же мѣсто, откуда и происходятъ». Въ этомъ мѣстѣ Библіи указывается на круговоротъ воды, но, къ сожалѣнію, не говорится, какимъ путемъ совершается этотъ круговоротъ, и потому толкователямъ св. Писанія пришлось самимъ придумывать объясненія. Григорій Нисскій опровергалъ мнѣніе древнихъ, что рѣки питаются озерами, такъ какъ послѣднія должны изсякнуть, если не будетъ къ нимъ притока новой воды. Объясненіе, которое намъ даетъ вышеупомянутый отецъ церкви, такъ же чуждо намъ, какъ и отвергнутая имъ гипотеза. Григорій Нисскій воображалъ, что земля и вода должны имѣть внутреннее взаимное притяженіе, что какъ въ водѣ содержится земля, такъ и въ землѣ есть вода; подобно Аристотелю, онъ признавалъ также, что влажность и холодъ свойственны водѣ, а сухость и тепло—землѣ; по его мнѣнію, земля тѣмъ холоднѣе, чѣмъ дальше отъ поверхности, и тѣмъ становится болѣе воспріимчивой къ переходу въ воду; подтвержденіе онъ находилъ въ томъ фактѣ, что при рытьѣ колодцевъ сперва наталкиваешься на иловатую землю и, наконецъ, только на

значительной глубинѣ встрѣчаешь совершенно чистую воду, просачивающуюся тонкими струйками черезъ плотныя каменныя породы. Онъ не описываетъ самаго процесса этого превращенія, указываетъ только на то, что главную роль здѣсь играетъ холодъ. Подъ вліяніемъ солнечнаго тепла изъ земли выдѣляется влага или въ формѣ видимаго тумана, или въ видѣ тонкихъ истеченій, которыя, только обратившись въ облака, становятся видимыми. Но болѣе всего было распространено представленіе, что солнечная теплота обращаетъ морскую воду въ пары, которые изъ облаковъ снова падаютъ на землю, въ видѣ дождя, а земля вбираетъ въ себя эту воду. Чтобы объяснить, какимъ образомъ соленая вода превращается въ прѣсный дождь, пришли къ выводу, что только болѣе легкія и чистыя частицы морской воды подымаются вверхъ, болѣе же твердыя, сухія, остаются. Мнѣніе это заимствовано у Аристотеля, какъ и вообще большинство взглядовъ отцовъ церкви слагалось подъ вліяніемъ древнихъ авторовъ.

Арабскіе ученые, напротивъ, сознательно усвоили себѣ естественно-историческіе взгляды Аристотеля. Масуди († 956) сдѣлалъ существенные успѣхи послѣ Аристотеля; онъ доказалъ на опытѣ испареніе моря: онъ обращалъ въ пары соленый растворъ, охлаждалъ ихъ и получалъ совершенно прѣсную воду. Онъ сравнилъ круговоротъ воды съ подъемнымъ колесомъ, которое поднимаетъ воду изъ рѣки, пропускаетъ ее по полямъ и затѣмъ снова возвращаетъ въ рѣку. Соленый вкусъ воды, по его мнѣнію, происходитъ отъ того, что впадающія въ моря рѣки по дорогѣ растворяютъ соль и др. вещества и приносятъ ихъ съ собою въ море. Кацвини (конецъ XIII-го в) указалъ, что водяные пары изъ воздуха сгущаются въ дождь на большихъ горахъ. Онъ зналъ также, что горные потоки размываютъ горы и сносятъ эти размытыя частички въ море, гдѣ и отлагаютъ ихъ. Въ ученіи о сухихъ и влажныхъ испареніяхъ Кацвини придерживается взглядовъ Аристотеля. «И тѣ и другіе пары образуютъ надъ земной поверхностью облака, вѣтеръ, дождь, снѣгъ и другія т. п. явленія, а внутри земли—землетрясенія, источники, рудники».

Аль Беруни, изучившій подробно наносныя земли Ефрата, Тигра и Ганга, замѣтилъ, что въ верхнемъ теченіи рѣки несутъ съ собою довольно крупные гальки, далѣе болѣе мелкій гравій, а вблизи моря только песокъ.

Въ болѣе поздніе христіанскіе средніе вѣка, во времена схоластики, о круговоротѣ воды существовали различные взгляды, также какъ и во времена отцовъ церкви; одно только стало яснымъ, что море служитъ источникомъ всей влаги на землѣ. Больше всего было распространено мнѣніе, что солнечное тепло заставляетъ воду испаряться, что дождевая вода проникаетъ въ землю и тамъ собирается, чтобы опять въ видѣ ключей появиться на землѣ. Альбертъ Великій, Вильгельмъ Конхесъ (XII в.) и другіе думали наоборотъ, что вода проникаетъ внутрь земли мелкими струйками и собирается тамъ въ громадныхъ водоемахъ, откуда уже раздѣляется на ручейки и выходитъ наружу. Между тѣмъ какъ большинство схоластиковъ не задумывались надъ вопросомъ, какою силою вода поднимается вверхъ, Вильгельмъ Конхесъ предполагалъ, что вода должна стремиться вверхъ, такъ какъ благодаря плотности земли она не можетъ проникать очень глубоко. Альбертъ Магнусъ думалъ напротивъ, что водяной паръ, образующійся на сводахъ подземныхъ пещеръ, своимъ теплом притягиваетъ себѣ воду и заставляетъ ее подниматься вверхъ и искать выхода наружу.

Другіе же думали, что водохранилища лежатъ не ниже самихъ источниковъ. Если каналъ, по которому течетъ вода, почему-либо засоряется или дѣлается непроходимымъ, то такіе источники изсякаютъ, а вода гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ прокладываетъ себѣ путь и выходитъ на свѣтъ Божій въ иномъ мѣстѣ.

Въ этотъ періодъ конца среднихъ вѣковъ много разъ поднимался вопросъ о происхожденіи подземныхъ ключей; но въ него не было внесено чего-либо существеннаго или новаго. Нѣкоторые объясняли высокую температуру воды вліяніемъ подземнаго огня, о чемъ говорили и многіе древніе писатели; другіе думали, что вода согрѣвается при своемъ прохожденіи по узкимъ каналамъ вслѣдствіе давленія и тренія; третьи причиной нагрѣванія считали испареніе воды, были и такіе, которые думали, что солнечное тепло скопляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри земли и нагрѣваетъ проникающую туда воду. Альбертъ Магнусъ отвергаетъ эту послѣднюю теорію, указывая на то, что въ такомъ случаѣ источники должны имѣть перемѣнную температуру: лѣтомъ они должны быть горячими, а зимою холодными, чего въ дѣйствительности не наблюдается. Альбертъ отвергаетъ также и теорію Демокрита, по которой нагрѣваніе воды происходитъ отъ соприкосновенія съ жженной известью, опровергаетъ на томъ основаніи, что такіе ключи должны были бы изсякнуть прекращаться черезъ нѣкоторое время. Но онъ забываетъ при этомъ, что точно такой же упрекъ можно сдѣлать и его теоріи, по которой вода нагрѣвается отъ горящихъ внутри земли залежей сѣры.

Новое время. Въ первыхъ столѣтіяхъ такъ называемой новой исторіи въ ходу были средневѣковыя воззрѣнія въ области геологіи; такъ что, собственно говоря новый періодъ въ изслѣдованіяхъ земной коры надо отнести къ XVII-му или XVIII-му вв. Систематическія, составленныя по ранѣе опредѣленному плану изслѣдованія начались только въ концѣ XVIII-го в. Изысканія эти затѣмъ развились до такой степени, что вскорѣ возникъ цѣлый рядъ спеціальностей по отдѣльнымъ отраслямъ геологіи. И здѣсь мы будемъ придерживаться этого дѣленія на спеціальности.

Круговоротъ воды. Ни въ одной области геологіи средневѣковыя воззрѣнія не держались такъ долго, какъ въ вопросѣ о движеніи воды. До XVII-го столѣтія никто не осмѣливался оспаривать взглядовъ, высказанныхъ Аѳанасіемъ Кирхеромъ въ такой ясной и убѣдительной формѣ.

Вода находится въ постоянномъ круговоротѣ не только въ морѣ, но и внутри земли. Морскія теченія, изображенныя Кирхеромъ на своей физической картѣ, въ тропическихъ странахъ имѣютъ по преимуществу восточно-западное направленіе, такъ какъ солнце движется съ востока на западъ и своими лучами поглощаетъ громадное количество воды въ жаркомъ поясѣ; чтобы возмѣстить эту убыль и возстановить равновѣсіе, и происходятъ теченія въ томъ направленіи, какъ двигается солнце. Но такъ какъ потеря воды значительна, то происходитъ теченіе и изъ болѣе высокихъ широтъ, устанавливаются теченія отъ полюсовъ къ экватору.

Помимо этого движенія воды въ океанѣ, Аѳанасій Кирхеръ предполагаетъ еще и второе движеніе черезъ середину, внутренность земного шара: морская вода на сѣверномъ полюсѣ уходитъ внутрь земли, проходитъ черезъ весь земной шаръ, по дорогѣ очищается посредствомъ подземнаго огня и снова появляется на поверхности земли на

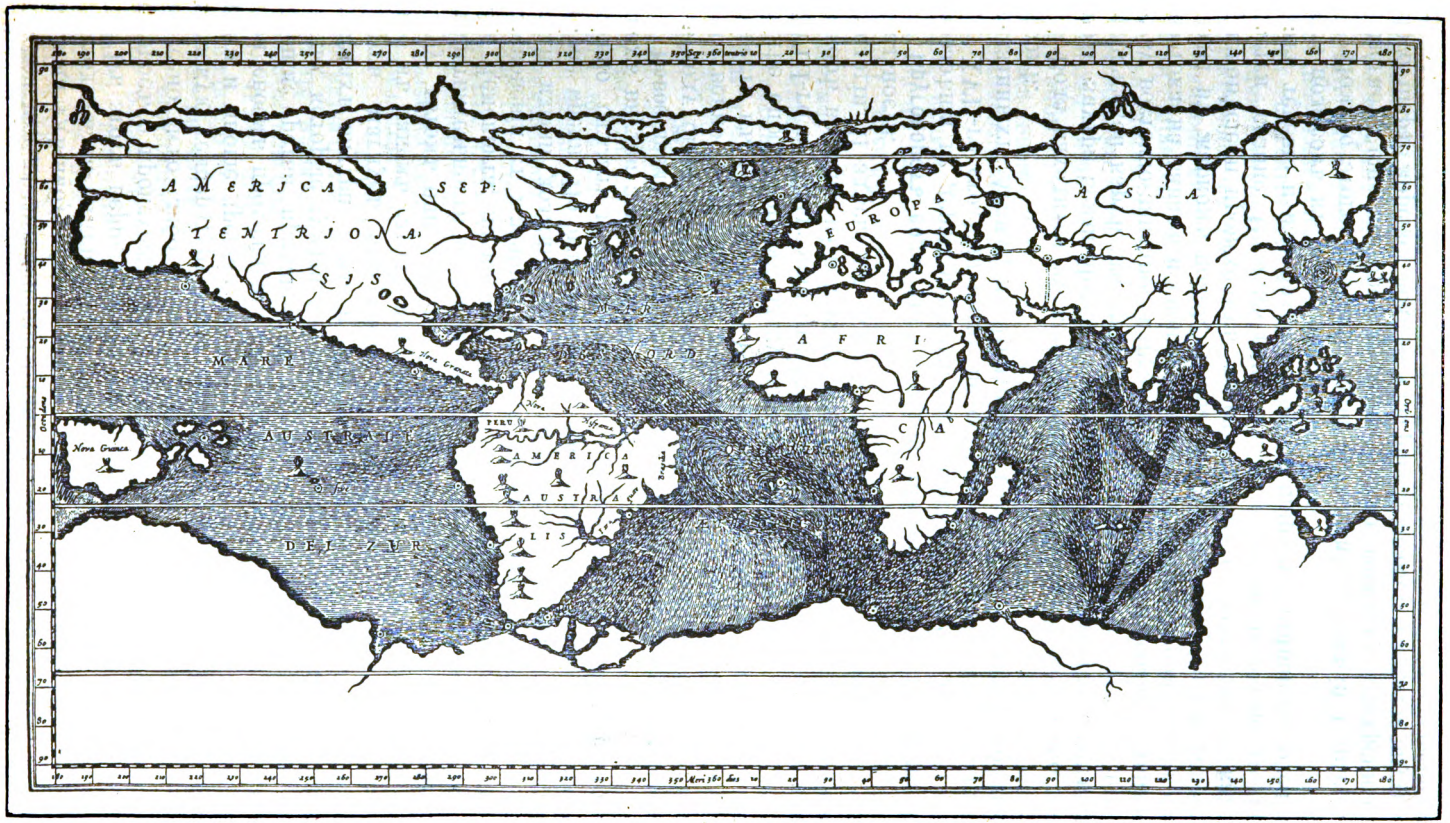


Рис. 58. Физическая карта земного шара съ указаніемъ морскихъ теченій и вулканическихъ областей по «Mundus subterraneus» 1665 г.

южномъ полюсѣ. Вслѣдствіе этого въ арктической области вода подвигается спиралью и образуетъ воронку, а въ антарктической вода начиная отъ полюса, расходится въ разныя стороны.

Кирхеръ предполагалъ даже, что моря и озера тоже находятся въ связи между собою; напр., онъ думалъ, что Черное море соединено съ Каспійскимъ посредствомъ подземныхъ протоковъ, а это послѣднее съ Персидскимъ заливомъ; съ другой стороны Красное море имѣетъ связи съ Мертвымъ и со Средиземнымъ морями. Подземные каналы проходятъ черезъ Сицилію, Скандинавію, Мексиканскій перешеекъ. Такъ какъ средневѣковые ученые предполагали земной шаръ изрѣзаннымъ внутри каналами, протоками и пещерами, то имъ не казалась странной такая связь между отдаленнѣйшими водными бассейнами; Аѳанасій Кирхеръ рисуетъ даже картину этихъ подземныхъ хранилищъ.

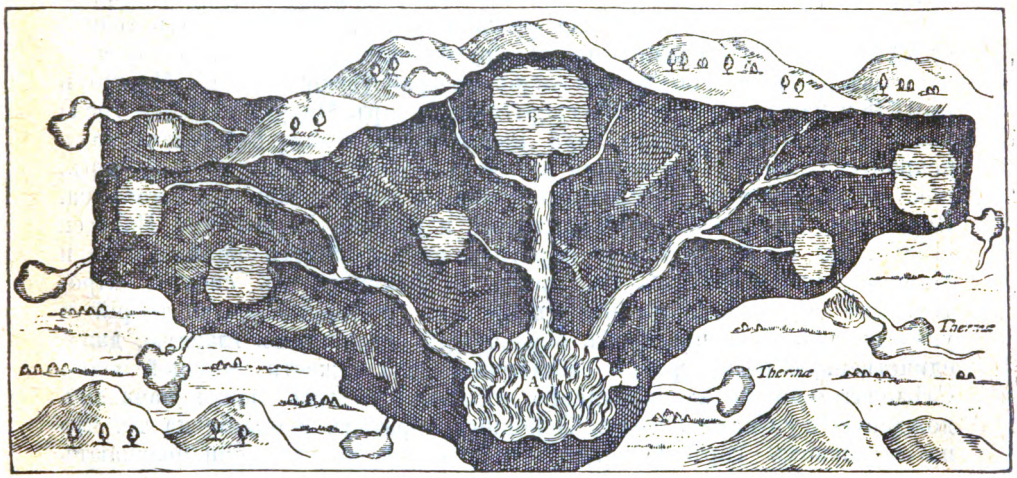


Рис. 59 Происхожденіе горячихъ ключей. По Кирхеру. 1665. А. Подземный очагъ. В. Подземныя водохранилища.

Рядомъ съ пещерами съ огнемъ (Pyrophylacia) представлены пещеры съ водою (Hydrophylacia), которыя соединены между собою и съ моремъ подземными каналами. Чтобы вода не портилась, а огонь не погасъ, подъ землею предполагались пещеры, наполненныя воздухомъ и находившіяся въ связи и съ водными и огненными пещерами (Aerophylacia).

О возникновеніи ключей Кирхеръ придерживается немного измѣненнаго аристотельскаго объясненія: дожди и таяніе снѣговъ могутъ содѣйствовать образованію источниковъ, но только періодическихъ, не постоянныхъ; ключи происходятъ также отъ подземной перегонки воды и обращенія ея затѣмъ опять въ воду; объясненіе основано на его теоріи огненныхъ очаговъ, подземныхъ водныхъ хранилищъ и каналовъ и не уклоняется существенно отъ ученія Аристотеля. Большинство источниковъ беретъ начало въ Hydrophylacia'хъ, лежащихъ въ нѣдрахъ горъ и получающихъ воду исключительно изъ моря посредствомъ подземныхъ каналовъ. Въ водохранилища, лежащія выше уровня моря, вода накачивается какъ бы насосами съ помощью вѣтра и силою прилива. Изъ большихъ подземныхъ водоемовъ вода распредѣляется по отдѣльнымъ рѣкамъ и ручьямъ. Кирхеръ далъ намъ

схему этого круговорота воды изъ океана подъ землю и оттуда снова въ океанъ по земной поверхности.

Вода изъ высоко лежащихъ хранилищъ можетъ пробираться въ ниже лежащія, наполнять ихъ и питать такимъ образомъ выходящія изъ нихъ рѣки. Минеральный составъ ключевой воды зависитъ отъ свойства земныхъ пластовъ, по которымъ приходится водѣ проникать; высокая температура нѣкоторыхъ источниковъ объясняется вліяніемъ подземнаго огня.

Многіе позднѣйшіе писатели подобнымъ же образомъ изображаютъ круговоротъ воды, напр., Іоганъ Гербиніусъ въ своемъ «Разсужденіи о чудесныхъ наземныхъ и подземныхъ водныхъ потокахъ» (1678). Въ этомъ трудѣ авторъ старается, между прочимъ опредѣлить точное мѣстонахожденіе рая и начертить его карту.

Несмотря на свою фантастичность, карта эта представляетъ большой интересъ для насъ: она наглядно показываетъ намъ средневѣковыя представленія о развѣтвленіяхъ рѣкъ, которыя стали исчезать только съ XVIII-мъ в., Хотя ученіе Кирхера о круговоротѣ воды находило сторонниковъ и въ XVIII-го в. но уже при жизни его французскій физикъ де Марріотъ въ 1678 г. нанесъ этому ученію смертельный ударъ. Марріотъ (1620—1684) указалъ, что атмосферная вода, проникая въ землю, собирается надъ непропускающими воду слоями и течетъ по ихъ уклону до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ на поверхность земли въ видѣ ключа или источника. Впрочемъ, мнѣніе это высказывалось и раньше Бернардомъ Палисси (1580), но на слова его не обратили ни малѣйшаго вниманія, да и Марріоту посчастливилось не сразу; и Лейбницъ въ своихъ «Протогеяхъ» выступилъ въ походъ противъ средневѣковыхъ теорій и указалъ, что въ вопросѣ объ образованіи источниковъ главную, даже единственную роль играетъ собственная сила тяжести текущей воды. Слѣдовательно, по его убѣжденію, источники имѣютъ своимъ началомъ дождевую и снѣговую воду. Лейбницъ обратилъ вниманіе на то, что на вершинахъ горъ не встрѣчается ключей, но что «они получаютъ влагу съ мѣстъ, лежащихъ выше ихъ, и отводятъ такимъ путемъ излишекъ воды»

Всѣ наши современныя свѣдѣнія о круговоротѣ воды основаны на замѣчательныхъ изысканій и трудахъ Карла-Густава Бишофа (1792—1870) и Г. А. Добрэ (1814—96) о подземной циркуляціи воды. Мы знаемъ, что вся ключевая вода получается, главнымъ образомъ, отъ дождя, снѣга и другихъ осадковъ, которые, въ свою очередь, образуются благодаря испаренію водяныхъ массъ, находящихся на «поверхности земли; испаренія эти поднимаются въ атмосферу и воздушными теченіями разносятся по всѣмъ направленіямъ. Падающій на землю дождь, а также и вода, получаемая отъ таянія замерзшихъ осадковъ (снѣгъ, градъ, крупа) текутъ частью непосредственно по поверхности земли, частью же впитываются ею, проникаютъ внутрь въ видѣ тонкихъ струекъ (горная вода). На ряду съ этой циркулирующей струйками водой мы встрѣчаемъ воду и въ углубленіяхъ или трещинахъ плотныхъ горныхъ породъ, вода же заполняетъ и свободныя пространства въ рыхлыхъ породахъ (почвенная вода).

Если же порода пориста, какъ, напримѣръ, щебень, гравій, песокъ песчаникъ и т. п. или же, будучи плотной, пересѣкается трещинами, какъ, напр.. известнякъ или доломиты, то вода черезъ трещины и поры просачивается дальше въ глубь, и дойдя до не пропускающихъ или плохо пропускающихъ воду слоевъ (глина, кристаллическій сланецъ,

AP 50
.M67
v.12
Apr
1903

Mir Bozhii

12/2/69

DEC - 5 1969

AP 50
.M67
v.12
Apr
1903

Mir Bozhii

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
54634147